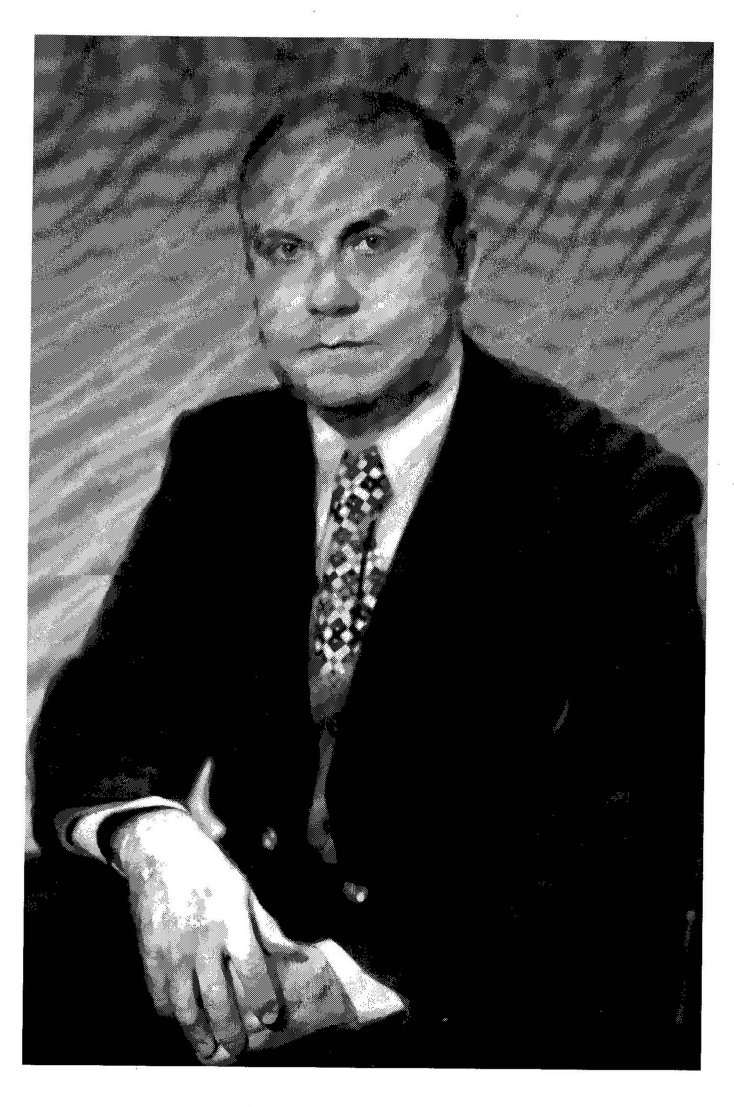

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НА
ЭТИМОЛОГИЯ
2003–2005
НАУКА



Олег Николаевич
ТРУБАЧЕВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В.ВИНОГРАДОВА

ЭТИМОЛОГИЯ

2003–2005

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ж.Ж. ВАРБОТ



МОСКВА
НАУКА
2007

УДК 80/81
ББК 81
Э90

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-04-16106д*

Редакционная коллегия:

Ж.Ж. Варбот (ответственный редактор)
А.Ф. Журавлев, Л.В. Куркина (ответственный секретарь)
И.П. Петлева, В.Н.Топоров

Рецензенты:

доктор филологических наук **Е.Л. Березович**
доктор филологических наук **С.И. Иорданиди**

Этимология / отв. ред. Ж.Ж. Варбот ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 1963 – .
2003–2005. – 2007. – 397 с. – ISBN 5-02-035662-X (в пер.).

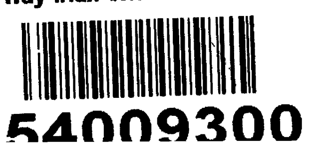
В состав очередного тома периодического научного сборника “Этимология”, посвященного памяти инициатора этой серии акад. О.Н. Трубачева, вошли исследования отечественных и зарубежных специалистов по славянской, индоевропейской, финно-угорской, кавказской этимологии, а также по словообразованию и семантике. Исследуется большой объем лексики различных языков, в том числе диалектной и исторической.

В состав критико-библиографического отдела вошли рецензии на новые этимологические словари, этимологические исследования и труды в области исторической фонологии.

Для этимологов, историков языка, семасиологов, историков культуры.

По сети “Академкнига”

ISBN 5-02-035662-X



К 75-ЛЕТИЮ О.Н. ТРУБАЧЕВА

9 марта 2002 года мы потеряли Олега Николаевича Трубачева. Он скончался, когда ему был всего 71 год.

Для дарований такой величины трудно выбрать масштабы. Трубачев не вписывался в обычные мерки, которыми принято определять место и значимость ученого. Филология потеряла крупнейшего мыслителя, идеи и созидательные усилия которого определяют лицо не только нынешней отечественной, но мировой науки, обращенной к истории Слова, Культуры, Этноса.

Широта его исследовательских интересов была поразительной. Этимолог божьей милостью, он посвятил себя прежде всего изучению происхождения и эволюции слов; с его именем связан подлинный ренессанс этимологии, пришедшийся на вторую половину истекшего века. Эта дисциплина, теоретический фундамент которой заново осмыслен О.Н. Трубачевым, справедливо заняла одно из ключевых мест в цикле наук о глубоком прошлом славян и других индоевропейских народов. Реконструкция лексики и лексических значений в его трудах теснейшим образом связана с историей идей и вещей, с реконструкцией черт культуры, в границах которой функционирует слово. Анализ слова в работах О.Н. Трубачева непременно соотносится с восстановлением материальной и духовной составляющих древнейшей культуры славян и иных индоевропейцев, особенностей архаических стадий их социального устройства. Вопросы лингвистической истории непосредственно связываются с этногенетической проблематикой – выявлением путей сложения различных индоевропейских этно-языковых групп (славянской, балтийской, индоарийской и других), их миграций и контактов. Значительнейшее место среди работ О.Н. Трубачева занимают разыскания в области ономастики – топонимики (в особенности гидронимики), этнонимики, антропонимики.

К какой бы области филологического и исторического знания ни прикасалась мысль О.Н. Трубачева, она везде оставила впечатляющий и оригинальный след. Его работам свойственны смелость взгляда и острая новизна постановки проблем, нередко радикально меняющие устоявшиеся позиции, в них всегда видны присущие автору независимость мышления, феноменально широкая осведомленность и исключительная интуиция.

Интерес к компаративной лингвистике пробудился у О.Н. Трубачева очень рано. Еще на студенческой скамье он задумался о воз-

можности и необходимости полной реконструкции праславянского словарного состава. Этому юношескому замыслу впоследствии суждено было развернуться в многотомный "Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд" (1974–; опубликовано 32 выпуска, от **a* до **orzbotati*, издание продолжается). Праславянский словарь – вершина творческого пути О.Н. Трубачева. Его создание стало осуществимо благодаря тому, что инициатор работы собрал работоспособный коллектив этимологов-славистов, сформировал научную школу, деятельность которой завоевала признание далеко за пределами нашей страны.

Широко известны книги О.Н. Трубачева "История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя" (1959), "Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования)" (1960), "Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья" (1962, в соавторстве с В.Н. Топоровым), "Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции)" (1966), "Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация" (1968), "Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования" (1991), "В поисках единства" (1992), "К истокам Руси (наблюдения лингвиста)" (1993), "Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь" (1999) и другие, сотни статей, заметок, рецензий (наиболее значительные из них вошли в посмертный двухтомник "Труды по этимологии. Слово. История. Культура", 2004), перевел на русский язык, значительно дополнив его, знаменитый "Этимологический словарь русского языка" Макса Фасмера.

В науке Трубачев был высоким мастером. Его работы отличаются концептуальной насыщенностью, глубокими и остроумными сопоставлениями, тонкими находками, неожиданными решениями, богатством и точностью языкового материала. Он обладал очевидным, ярким писательским даром. В лингвокультурологических трудах сказалась сильнейшая сторона трубачевского анализа – удивительное умение ощутить самое плоть культуры прошлого и передать это ощущение читателю: расхожее выражение "предстать перед взором", отнесенное к восстановленным через показания лексики и ее семантических мотивировок фрагментам славянской культуры, обретает едва ли не буквальный смысл. Почти физическая оплотненность результатов трубачевских реконструкций делает чтение его книг занятием невероятно увлекательным. Отличительной особенностью построений О.Н. Трубачева является очень конкретный характер основных параметров этих реконструкций – временнóго, пространственного, этнического. В его текстах нет места

неуловимым абстракциям, расплывчатым общим толкованиям и ускользающим сущностям, с чем нередко приходится сталкиваться при чтении работ, ставящих своей задачей описание древнейших состояний культуры через язык.

Глоттогенез, этногенез и культурогенез никогда не были для О.Н. Трубачева предметом чисто кабинетных занятий. Он как никто другой осознавал ответственность ученого за свое дело, общественную значимость языковедческих и исторических исследований.

О.Н. Трубачев был выдающимся устроителем науки. Образование в 1961 году сектора (впоследствии Отдела) этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР (РАН), нацеленного в первую очередь на создание "Этимологического словаря славянских языков", знаменовало собою формирование нового направления в области историко-лингвистического знания – праязыковой лексикографии. Степень новизны этого научного направления исключительно велика, а само оно оказалось чрезвычайно плодотворным не только для славистики, но стимулировало подобные (в том или ином отношении) научные предприятия, связанные с иными индоевропейскими и неиндоевропейскими группами языков. В тридцатилетнем возрасте О.Н. Трубачев стал членом Советского комитета славистов, а в 1996 году возглавил преемственную структуру – Национальный комитет славистов Российской Федерации. В течение 16 лет, с 1966 по 1982 год он был заместителем директора академического Института русского языка. На нем лежали обязанности члена Международного комитета ономастических наук, члена Научного совета по проблемам русской культуры РАН, председателя экспертной комиссии Отделения литературы и языка РАН по премиям имени А.А. Шахматова, председателя Общественного научного совета по подготовке Русской энциклопедии. Будучи в 1972 году избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1992 году – действительным членом РАН, последние пять лет своей жизни он исполнял многотрудную должность заместителя академика-секретаря Отделения литературы и языка РАН. Большие усилия по организации лингвистической науки в нашей стране прилагал О.Н. Трубачев, будучи с 1996 года до конца жизни главным редактором журнала "Вопросы языкознания". Если говорить специально о главной науке в его исследовательской деятельности, то здесь, кроме "Этимологического словаря славянских языков", среди устроительных заслуг О.Н. Трубачева должно упомянуть еще один важный продолжающийся проект – периодическое издание "Этимология" (с 1963 года). Оно по сути осуществляет координацию этимологических исследований, печатая новейшие остроактуальные работы отечественных и зарубежных ученых о происхождении слов и по смежной проблематике, как относящиеся к славянским и другим индоевропейским язы-

кам, так и имеющие дело с лексическим материалом ряда иных генетических группировок (уральской, алтайской, картвельской, абхазо-адыгской, нахско-дагестанской, енисейской и др. языковых семей). Этой функции издания, помимо прочего, прямо отвечает регулярно ведущийся критико-библиографический отдел, помещающий аналитические отклики на этимологические публикации (монографии, словари, сборники статей) первостепенного значения. Некоторые выпуски "Этимологии" (1967, 1984) целиком посвящены публикации материалов международных этимологических симпозиумов, проведенных в Москве по инициативе О.Н. Трубачева.

Память об Олеге Николаевиче никогда не потускнеет в сознании тех, кому дороги судьбы отечественной науки.

СТАТЬИ

А.Е. Аникин

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(*авдо́тка, кирсту́к, литва́, се́ленки, хит, шпи́ра, шу́рка*)[1]

Авдо́тка

Авдо́тка ‘женщина-богомолка’: “*Авдотками* называются бабы, которые к Вознесенью... стекаются в Смоленск на богомолье... Ну, *авдотки* пришли! говорят смоляне и с ироническим любопытством рассматривают загорелые, истомленные, по большей части некрасивые лица своих меньших братий... бредут *авдотки* по улицам в направлении к Вознесенскому монастырю” смол. (Добровольский 3; СРНГ 1, 197). В словаре М. Фасмера это слово пропущено – возможно, потому, что оно выглядит как дериват от собственного имени *Авдо́тья*, точнее, от его разговорного варианта *Авдо́т*(*ь*)*ка*. Именно так смол. *авдо́тка* трактуется в белорусском этимологическом словаре, где оно привлекается при рассмотрении названия рыбы *аудо́тка* (ЭСБМ 5, 205). Связь ихтионима с собственным именем признается вторичной (Там же), но представляется, что аналогичным образом обстоит дело и в случае со смол. *авдо́тка*. Речь идет о народно-этимологическом преобразовании польск. *dewotka*, неодобрительного названия чересчур набожной женщины, ханжи; это слово является формой ж.р. к *dewot* < лат. *dēvōtus* ‘всецело преданный, благочестивый, набожный’. Из польск. *dewotka* происходит лит. *davatkà* с тем же значением и пренебрежительным оттенком, что и у польского источника (Fraenkel 84). Показательна поговорка: *Ūkei trys nenaudingi daiktai: vaikis muzikantas, arklys drigantas, merga davatkà* ‘В хозяйстве не нужны три вещи: батрак – музыкант, конь – жеребец, девка – “даватка”’ (LKŽ 2: 338)[2]. Предполагаемое изменение заимствованного польск. *dewotka* в *авдо́тка* (как в польском и литовском, с пейоративным оттенком) можно сопоставить с тем фактом, что *Авдотья* было наиболее распространенным женским именем в России XVIII–XIX вв[3]. Заимствование из русского в польский должно было произойти именно в этот период, так как в польском слово *dewotka* получило распространение лишь в XVIII в.

Кирсту́к

Кирсту́к – “крючок, употребляемый прежде Ельнинскими ходячими фельдшерами-кровопусками для пускания крови – руды” смол. (Добровольский 321; СРНГ 13, 224) обладает формальными признаками, недвусмысленно выдающими его происхождение. Удивительно, что это слово до сих пор не было включено ни в один обзор балтизмов славянских языков (М.Р. Фасмер, Ю. Лаучюте, В.Н. Топоров, З. Зинкявичюс и др.). Речь идет о довольно позднем заимствовании из лит. *kirstùkas* ‘орудие для пускания крови’, ‘зубило’ и др. (*kirstukù seniau kraują leisdavo* ‘кирстуком раньше пускали кровь’, LKŽ V, 868), производного от *kirsti* ‘рубить, жать, кусать и др.’ с суф. *-t-ukas*[4]. Данный балтизм как будто не известен белорусской лексике.

Литва́

Литва́ – ’сильный дождь, ненастье’ влад., *литва́* собир. ‘о литейщиках на заводе’ иван.-вознес. (СРНГ 17, 71) предполагает праслав. **litva* (наряду с **litьba* > чеш. *litba* ‘ливень’, см. ЭССЯ 15, 159), к которому также восходит диалектный по происхождению костромской арготизм *литва́* ‘свеча’[5]. Праславянская лексема является дериватом с суф. *-tva* от *liti*, **lьjǫ* ‘лить’ (**li-tьba* можно расценить как вариант или даже субституцию **litva*[6]), не исключается также расширение супина **litъ* от того же глагола. Он, по-видимому, справедливо не отделяется от **lьjati*, **lějǫ* ‘лить, отливать (из растопленного воска, металла)’, ср. нем. *gießen* в тех же значениях (*Sławski* IV, 20; ср. ЭССЯ 15, 157–158; 17, 81); сходным образом следует трактовать и соответствующие балтийские факты (см. ниже). В качестве близкой внеславянской параллели праслав. **litva* приводится лит. *Lietuvà* ‘Литва’ (ЭССЯ 15, 159–160). Однако если лит. *Lietuvà* и связано с корнем ‘лить’ (что представляется вполне возможным), то лишь косвенным образом. Точнее говоря, название Литвы большинством исследователей толкуется как образованное от гидронима типа лит. *Léita*[7], связываемого с и.-е.**lei-/*lēi-* ‘лить’[8].

Праслав. *litva* (**litьba*) целесообразнее сравнивать не с *Lietuvá*, а с другим – также хорошо известным – балтийским материалом, а именно, с производными от лит. *líeti, líeja* ‘лить, выливать, проливать’ (ср. *lýti, lỹja* ‘падать, лить (о дожде); мокнуть (под дождем)’, *liẽti, liẽja* ‘лить, отливать (из металла, воска), формовать’ resp. лтш. *lìt, lìstu* (*liju*) ‘лить(ся), лить (о дожде)’, *liêt, leju* ‘лить’, ‘отливать’ (Fraenkel 368). Речь идет, в частности, о лит. *lietùs, lytùs* (*-aũs* род. ед.) ‘дождь’ с суф. *-tùs*[9], также *lýtva* ‘дождь’, *lýtvas, lýtvingas* ‘дождливый’

(LKŽ VII, 596), лтш. *liẽtus* 'дождь', далее (в связи с рус. *литвá* 'о литейщиках на заводе', 'свеча') лит. *lietùvas, liẽtuvas* 'форма для отливки', 'приспособление для литья', *lietùvai* мн. 'приспособление для изготовления сыра', 'форма для отливки'и др. (LKŽ VII: 448). Представленный в трех последних формах суф. *-tuvas* образует nomina instrumenti, обычно обозначающие предметы традиционной материальной культуры[10]. Славянские и балтийские факты скорее всего возникли независимо друг от друга. Вместе с тем, они обнаруживают значительное сходство – тождество корневой части и *t*-вую суффиксацию.

Отнюдь не отрицая в принципе связи праслав. **litva* с лит. *Lietuvà* (ср. др.-рус. *Литва,* прежде всего как этноним, – заимствование из балтийского[11]), ее целесообразнее рассматривать как опосредованную и кроме того, по-видимому, заслоненную народно-этимологическими представлениями. Этноним *Литва,* часто наделяемый в старых русских текстах признаками "безбожная", "поганая", "проклятая", "беззаконная" (впрочем, иногда также "хоробрая"), мыслится как разрушительная сила, стихия, "чуть ли не... грозная ипостась природы", в частности – нечто упавшее с неба (ср. в "Грозе" А.Н. Островского), что уподобляет ее дождю[12]. Влияние рефлексов праслав. **litva* допустимо расценить как одну из причин, обусловивших отсутствие в древнерусских текстах XI–XII вв. ожидаемого др.-рус. *Литъва* с ъ, что объясняется также ранним падением этого ъ или графической условностью[13]. Взаимодействие названий Литвы и дождя известно и литовской традиции и иногда используется в художественной литературе, как видно по стиху *Čia Lietuva. Čia lietūs lyja* 'Здесь Литва. Здесь льют дожди' (Э. Межелайтис)[14].

Сéленки

Сéленки, сéленцы мн. 'липовый лоток овальной формы для муки' вят., расцененное в словаре М. Фасмера как неясное (Фасмер III, 595), объяснимо как результат стяжения из **сéяленки*, **сéяленцы* = *сéяльница* и др. в сходном значении (СРНГ 37, 255), к **sě(ja)ti* 'просеивать', отличного от **sě(ja)ti* 'сеять'[15].

Хит

Хит 'просвет, зазор между оконной рамой и косяком' пск., твер., *хитовáть* 'замазывать оконные щели' (Даль[2] IV, 549) – практически оставлены в словаре М. Фасмера без объяснения, так как, по его справедливому указанию, выведение этих слов из нем. *kitten* или польск. (< нем.) *kitować* 'замазывать' не объясняет *х*- (Фасмер

IV, 240). Ср. рус. смол., прибалт. *кит* 'клей, замазка (для окон, щелей)', прибалт. *китова́ть* 'замазывать (окна, щели)' (СРНГ 13: 239, 242), действительно заимствованные из польск. *kit* (< нем. *Kitt*) 'замазка, мастика', откуда и лит. *kìtas* 'замазка', *kitúoti* 'замазывать'. Слова *хит, хитова́ть* естественно соотнести с рус. стар. *хитить* (*пространство хитят*, собственно, 'занимают, заполняют'), тобол. *хи́тить* 'убирать, приводить в порядок' (< **xytiti*, см. ЭССЯ 8, 161), ср. также тамб., пенз. *охе́тать* 'утеплить на зиму' (< **obxyt(j)ati*, ЭССЯ 27, 93), рус. *ухи́тить, ухича́ть, ухи́чивать* 'готовить к зиме; уконопатить мхом и др.' (Даль[2] IV, 525) < **u-xyt(j)-*. Включая в этот ряд и рус. *хит, хитова́ть,* нельзя исключить контаминации этих слов с заимствованными *кит, китова́ть* (ср. в Даль[2] IV, 549 s.v. *хитова́ть* упоминание рус. *ухича́ть* и нем. *Kitt*).

Шпи́ра

Шпи́ра 'сосновая колода длиною от 70 до 80 футов и от 14 и более вершков в окружности' минск. (видимо, редкое западнорусско-белорусское слово)[16] происходит из нем. *Spiere* 'кругляк, служащий в качестве мачт, рей' (см. о последнем Kluge[21] 726), скорее всего, через посредство синонимичного польск. *szpir (spir)* (Варшавский словарь VI, 295).

Шу́рка

Шу́рка 'овца' смол. (Добровольский 1009), калин. (КСРНГ) и блр. *шу́рка* то же (Носович 719) истолкованы как заимствование из др.-чув. *шурӑк* то же[17]. Однако более органичным представляется толкование славянских названий овцы как дериватов от подзывного слова для овец типа блр. *шур* (отсюда *шура́ць* 'помыкать, гонять как овцу'[18]) или калин. *шу́ри-шу́ри* (КСРНГ), новг. *шу́ры-шу́ры, шу́рки-шу́рки* (Новг. словарь 12, 110), как и во многих аналогичных случаях, ср. новг. *ба́ша* 'овца' и подзывные слова *ба́ша-ба́ша* (Новг. словарь 1, 40), соответственно блр. диал. *ба́шка* и *ба́ша-ба́ша* (ЭСБМ 1, 338), рус. смол. *шкырка* и *шкырь* (Добровольский 1003). Новг. *шуру́шка* 'ягненок' (Новг. словарь 12, 110) – производное от упомянутого новг. *шу́ры-шу́ры*. Можно напомнить, что Ю.В. Откупщиков не без оснований видит в рус. *бара́н* дериват от подзывного *bar-/ber-/bor-*, подтверждая эту трактовку многочисленными аналогиями[19]. Что касается вопроса о происхождении подзывных слов *шур, шу́ри*, то осторожнее ограничиться предположением об их дескриптивной природе.

Примечания

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-04-00297а.

[2] Выразительное описание литовских “дэвоток” (*davatkos*) см. в повести Р. Гранаускаса “Švento Lozoriaus diena” (*Granauskas R.* Raudonas ant balto. Vilnius, 2000, 63–65), где, однако, они подаются отнюдь не в ироническом, а в трагическом аспекте: действие повести происходит в Литве первых послевоенных лет.

[3] *Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego. T. 2. Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1965, 282.

[4] *Никонов В.А.* Опыт словаря русских фамилий // Этимология 1970. М., 1972, 138.

[5] *Бондалетов В.Д.* В.И. Даль и тайные языки в России. М., 2004, 281, 420.

[6] *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974, 383.

[7] *Otrębski J.* Op. cit., 62.

[8] Данная этимология в определенной степени гипотетична, но резко отрицательное мнение по ее поводу А.И. Попова (*Попов А.И.* Названия народов СССР. М., 1973, 91) представляется слишком категоричным.

[9] Сомнительно, что *-t-* в указанных словах введено для устранения зияния (ср. *Otrębski J.* Op. cit., 244–245).

[10] *Otrębski J.* Op. cit., 94–95.

[11] Название одного из трех близкородственных племен – (летописной) *Литвы* помимо аукштайтов и жемайтов (*Smoczyński W.* Język litewski w perspektywie porównawczej // Baltica Varsoviensia. T. 3. Kraków, 2001, 11). В эпоху колонизации славянами лесной зоны Восточной Европы это название, согласно авторитетным предположениям (В.В. Седов, В.Н. Топоров), могло обозначать местное балтийское население. Теоретически возможно, что балтизмом является и рассматриваемое рус. *литвá*. Более вероятно, однако, праславянское происхождение этого слова, указываемое в ЭССЯ 15, 159.

[12] *Топоров В.Н.* “Севернорусская литва” и ее мифологический образ // Балты в древности и средневековье: языки, история, культура. Тез. Междунар. научной конф. памяти Э. Банёниса. М., 2000, 68; *Топоров В.Н.* Образ “соседа” в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в Средние века. Тез. докл. конф. М., 1990, 9.

[13] *Зализняк А.А.* К изучению языка берестяных грамот // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993, 245.

[14] Пример почерпнут в книге: *Sabaliauskas A.* Mes baltai. Vilnius, 2002, 38.

[15] *Николаев С.Л.* Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989, 51, 52, 102.

[16] *Наумов И.Ф.* Дополнения и заметки к “Толковому словарю” В.И. Даля // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XI. № 6. СПб., 1874, 41.

[17] *Добродомов И.Г.* Из булгарского вклада в славянских языках // Этимология 1968. М., 1971, 194; см. также дополнение О.Н. Трубачева в Фасмер IV, 489.

[18] *Станкевич Я.* Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь. New York [б.г.], 1135.

[19] *Откупщиков Ю.В.* Балтийские и славянские названия овцы и барана // Lietuvių kalbotyros klausimai. XXX. 1993, 63–68 (= Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. Л., 2001, 211–212). Правда, с некоторыми толкованиями Ю.В. Откупщикова трудно согласиться.

Марта Белетич

ИЗ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ*

(блаза и блазна)

Словарь Сербской академии наук (=РСА) фиксирует (с перекрестными отсылками) два фонетически и семантически близких существительных: *бла̏за* 'змея, которая, по народным верованиям, охраняет сокровища' и *бла̏зна* 'змея, которая живет в доме'.

1. Несмотря на их формально-семантическое сходство, только *блаза* привлекла внимание этимологов. Предложенные объяснения сводятся к двум основным гипотезам. Согласно первой, речь идет о праслав. диалектизме **bolzъ* 'змея', реконструированном на основе с.-хорв. *бла̏за* и укр. *бо́лоз* 'большая змея' (SP 1, 314; ср. и Sadnik-Aitzetmüller 1, 338)[1]. Согласно второй, – о континуанте праслав. основы **blaz-* в **blaznъ(jь)* (ЭССЯ 2, 105–107)[2].

2. Прежде, чем мы приступим к комментированию предложенных решений, нужно рассмотреть широкий контекст, в рамках которого фигурируют *блаза* и *блазна.* Иначе говоря, перед нами весьма специфические "реалии", – это, собственно говоря, мифологические образы, которые в (славянских) народных представлениях и верованиях занимают вполне определенное место[3]. Поэтому для правильной этимологизации их названий необходимо учесть не только лингвистические, но и экстралингвистические (этнографические, фольклорные и мифологические) факты.

Прежде всего надо подчеркнуть, что, несмотря на формальное совпадение основ двух названий, речь идет о двух разных понятиях, т.е. о двух различных ипостасях мифологического образа змеи: одна – 'змея – хранитель сокровища', а другая – 'змея, живущая в доме'.

3. Так как, что уже было отмечено, в существующей литературе только сущ. *блаза* было подвергнуто научному рассмотрению, займемся сначала им.

---

* Работа выполнена по проекту 1591 "Этнологическое изучение сербского языка и создание этимологического словаря сербского языка", который финансируется Министерством науки и защиты окружающей среды республики Сербия.

При существительном *бла́за* ‘змея, которая, по народным верованиям, охраняет сокровище’, РСА приводит следующие примеры: Она им све по истини казала, а то не ваља никому приповиједати кад ти се јави *блаза* (овако зову и у Брсечинама, код Дубровника, змију, што је на б л а г у [здесь и далее разрядка моя. – *М.Б.*])[4] – Нама је вечерас (у очи Ивана дне)... поћи да иштемо *блазу*, те да видимо б л а г о[5].

По народным представлениям, охрана сокровища – одна из функций змеи[6]. Согласно сербским и хорватским поверьям, зарытое сокровище охраняет нечистая сила или дьявол в облике змеи, змея (большая, белая, живущая в доме, крылатая, с короной на голове), змей, принцесса, превратившаяся в змею[7].

3. 1. Рассмотренное в фольклорно-мифологическом плане, *блаза* включается в следующий лексико-семантический ряд: *благара, златарка, новчарица* (см. примеч. 6). Следовательно, *блаза* не нейтральное название определенного вида пресмыкающегося (Serpentes), а одна из номинаций мифологического образа змеи (которая охраняет сокровище). Отсюда его выведение из праслав. **bolzъ* ‘змея’ (< ‘что-л., что надувается, распухает’?), но с семантической стороны это не было бы оправдано.

3. 2. Все авторы, которые приводят с.-хорв. *блаза* в связи с **bolzъ*, указывают на взаимовлияние основ **bolz-* и **polz-* (SP, Sadnik-Aitzetmüller l.cc.). В ЕСУМ (1, 226) укр. диал. *бо́лоз* ‘гад, змея’ толкуется однозначно – как результат озвончения начального согласного у слова *по́лоз*, тогда как само *по́лоз* ‘полоз у санок; большая змея’[8], диал. *полозю́к* ‘большая змея’ выводится из **polzъ* (idem 4, 498). Этим здесь практически исключается родство с.-хорв. *бла́за* и укр. *бо́лоз* на праслав. уровне, из чего исходит SP.

Хотя вариантность *b- : p-* присутствует и в с.-хорв. языке, ср. *бла́зина = плазина* ‘железная подушка, всаженная в деревянный брус, на чем вращается ось мельничного колеса’ (РСА), маловероятно, что форма *блаза* появилась в результате озвончения *плаза*, т.к. в с.-хорв. языке не засвидетельствованы названия змеи, образованные от праслав. **polzъ*[9]. Форма *плаза* ‘змея’ появляется только в фольклорном тексте, точнее – в магических формулах для изгнания змей, напр.: Куца, куца, Лазарица, бјеж од куће, п л а з а р и ц а; бјежи, *п л а з о*, од куће, јер је Лазо код куће![10] В этих формулах в основном используются табуированные наименования (*гујавица, поганица, гадарија*)[11], и поэтому, видимо, следует принять логичное объяснение, которое дается в RJA при форме *пла́залица* “змея (потому что ползает)”. Иначе говоря, здесь речь идет о примере – гапаксе из фольклорного текста: Кад се чује кукавица први пут, онда ваља подвикнути: више тица певалица него з м и ј а п л а з а л и ц а! (Сербия), где второстепенное определение *плазалица* употреблено исключительно как симметричное к *певалица*.

3. 3. Народные названия змей могут быть мотивированы также и способом их передвижения, ср. напр. *повукуша* (потому что тащится (волочится) по земле), *поскок, поскочица* (отталкивается хвостом и скачет за человеком)[12], *бауљина* (от *бауљати*)[13]. В этом контексте за исходную точку формы *бла́за* мог бы быть взят и глагол *бла́зити* 'ползти'. Лома объясняет эту форму как результат депрификсации *облазити*[14], исходя именно из того факта, что *лазити*[15] – один из глаголов, которым описывается движение змеи, и иллюстрируя это синтагмой *змија лаза*[16]. С формальной стороны, такое истолкование глагола *блазити* (и произведенного от него существительного *блаза*) вполне убедительно. Однако семантическая сторона представляет проблему, т.к. дело идет об индивидуальном подтверждении глагола *бла́зити* в значении 'ползать, ползти'[17], которое могло появиться окказионально[18]. Что касается синтагмы *змија лаза*, то она, как и *змија плазалица*, – только фигура из фольклорного текста, ср. пример из народного предания, приведенного в статье *ла́за* (в значении прилагательного при слове *змија*) 'которая лазает, ползает': Очитај трипут оваку молитву од змије: З м и ј а л а з а ујела Милицу (РСА)[19]. В "обычном" языке сущ. *лаза* не засвидетельствовано в значении 'змея'[20].

3. 4. Как уже было сказано, форма *бла́за* приводится в связи и с праслав. **blaznъ* 'привидение, призрак, обман, заблуждение и т.д.' (ЭССЯ 2, 105). Во всяком случае, это поддерживается и тем фактом, что данное существительное зафиксировано также в значении 'привидение, призрак': "Ал си човик али блаза...? Одговори: "Дух нијесам..."[21]. В литературе с.-хорв. свидетельство приводится как единственная параллель к рус. диал. *блаз* 'привидение, призрак, нечистая сила'[22].

Праслав. **blaznъ* 'привидение, иллюзия', согласно одному из толкований (см. примеч. 1), возводится к и.-е. **bhlāĝ-* 'сиять, блестеть, блистать', **bhel-* idem (ESJS 2, 66; SP 1, 254)[23]. Как параллель к происшедшему семантическому развитию Аникин приводит нем. *scheinen* 'сиять, блестеть, светить', болг. *ся́юка* 'призрак, привидение'[24]. На основе этого мы могли бы предположить, что первоначальное значение нашего слова также 'привидение, призрак, нечистая сила', которое вторично конкретизировалось в 'змея – сторож сокровища'. Это предположение подтверждает и тот факт, что в упомянутом рассказе В. Вулетича слово *блаза,* кроме рассмотренного, употреблена и в значении 'привидение, призрак, нечистая сила'[25]. Возможность такого семантического сдвига поддерживают и этнографические данные, которые говорят о том, что зарытое сокровище охраняет н е ч и с т а я с и л а и л и д ь я в о л в о б л и к е з м е и (см. выше). В языковом же плане параллельный семантический сдвиг демонстрирует рус. диал. *благо́й* 'дьявол, нечистая

сила, злой дух'[26] и 'змея': Ни хадите басиком, а то благой укусит, змий, у нас ани часта фстричаюцца (Псков. словарь 2, 27).

3. 5. Тем самым в наше исследование включаются и континуанты праслав. **bolg-*[27]. Сразу нужно подчеркнуть, что праслав. основы **blaz-* и **bolg-*, согласно некоторым толкованиям, сводятся к одному и тому же и.-е. корню **bhel-* 'сиять, блестеть' (см. ESJS 2, 65)[28]. Однако осознание их возможного родства утратилось, так что они могли стать объектом семантического притяжения и этимологической магии[29] – явление, с которым необходимо считаться, когда исследуется фольклорно-мифологическая лексика. Это мы проиллюстрируем одним примером, связанным с праздником Благовещенья: скажем, в Боснии распространено поверье, что накануне Благовещенья скрытые клады горят, и тогда можно увидеть, где они зарыты в земле[30].

Итак, исходя из принципа семантического притяжения созвучных слов, который лежит в основе народной этимологии[31], мы могли бы предположить, что название *бла́за* появилось, опираясь на *бла̂го* (лок. **bolzě* > *блазѣ*[32]) 'большое количество золота, серебра и других драгоценностей, которое где-то спрятано, скрыто': Силно *благо* чува троглава аждаја с ђерданима дуката о грлу – [Змај] чува по неки пут закопано *благо* (РСА), ср. синонимичное название *благара,* непосредственно произведенное от *благо*. Однако, так как названием *благара* именуется и змея *кравосац* (см. примеч. 6), которая, по народным верованиям, сосет корову, оно могло бы быть образовано от сущ. *благо* в значении 'скот'. Это значило бы, что именно двузначность слова *благо* могла содействовать возникновению поверья о змее-хранительнице сокровища (первоначально – скота и лишь позже – спрятанных денег).

4. Теперь рассмотрим лингвистические и внелингвистические факты релевантные для объяснения названия **блазна**, которое в приведенном значении до сих пор не было предметом научных исследований.

При сущ. *бла́зна* 'змея, живущая в доме' РСА даёт довольно неинформативный пример: Ако ти се змија у кућу увуче не ваља је убити... Оваку змију зову *блазна*[33].

Представление о змее, живущей в доме, существует почти во всех славянских традициях. Образ змеи как покровительницы дома был связан с культом предков, прежде всего – с древним обычаем захоронения умерших членов семьи под порогом дома или под очагом. Вера в то, что в этих же местах обитает и змея, живущая в доме, внушает мысль, что она некогда отождествлялась с (первым) предком семьи. Запрет на убийство змеи, живущей в доме, объясняется тем, что это вызовет смерть хозяина дома или кого-то из членов семьи[34].

4.1. В этнографической литературе приводятся следующие названия змеи, живущей в доме: *блазна, чувар, чуварица, чуваркућа, домаћа змија, домаћа кача, хижна кача, крснара, крсташица*[35], *кућаница, кућаруша, кућевна змија, кућевник, кућна змија, кућница, кућњача, кутња змија, покућара, покућарица, покућарка, покућница, покућица, поткућница, сјеновита змија*[36].

В контексте всех упомянутых названий только *блазна* не имеет очевидной мотивации. Хирц объясняет, что *блазна* получила своё имя, потому что это единственный вид змеи, которую народ любит (*блазни*)[37]. Джорджевич названия *блаза* и *блазна* считает неясными, но относительно второго он повторяет объяснение Хирца, что оно может быть образовано от глагола *блазнити* 'миловать, ласкать, баловать, угождать'[38].

Так как *блазна,* в отличие от всех остальных, всё же ареально узко ограниченное название (подтвержденное только в окрестностях Мостара в Герцеговине), нужно рассматривать его прежде всего в контексте местных представлений и верований. Так "у Мостару кажу да кућну змију не треба убити, него је из куће отјерати кадовима или је ухватити у процјеп, те је далеко од куће однијети и пустити говорећи: *Блазно моја, блазно, ти ћеш мени и отолен кућу чувати*"[39].

4.2. Если бы было принято объяснение Хирца, название *блазна* прежде всего могло бы быть отнесено к эвфемизмам. Этнографические источники отмечают следующие эвфемизмы по отношению к змее: *баја, бајурина, непоменица, неспоменица, чемерница, дугачка, каменица, окаменица, поганица*[40]. Так в Герцеговине говорят, что "не треба у кући нити на другом мјесту змију никад поменути именом *змија*, него вазда рећи *баја* или *бајурина*, па из те куће нећe змија никога ујести". Там же "да не би змија уједала овце треба добро пазити да сењезино име не спомиње, него кад се о њој говори треба рећи: *она из траве*"[41]. Следовательно, название *блазна* в местном говоре не осознается как табуистическое наименование, чем, однако, не исключается его образование от глагола *блазнити* 'миловать, ласкать, баловать, угождать'. В пользу этого говорит и тот факт, что именно в Герцеговине отмечена префиксальная форма этого глагола с немного измененным значением – *добла́знити* 'сделать ручным, приручить' (РСА), что внушает мысль, что *блазна* – действительно 'прирученная, т.е. домашняя змея', ср. выше *домаћа змија* как одно из названий змеи, живущей в доме.

4. 3. Хотя название *блазна* употребляется в ритуальном тексте (*Блазно моја, блазно, ти ћеш и отолен кућу чувати*), который, в сущности, очень близок упомянутым магическим текстам для изгнания змей, мы не можем здесь оставить без внимания влияние этимологической магии. В качестве примера приведем еще одно верова-

нье, связанное с Благовещеньем: в Велесе в Македонии верят, что на Благовещенье змеи вылезают из земли и потому “за да бидат *блази* (*благе*) и да не апат, у секоја кућа им приват *благо* (слатко) и јадат”[42]. Вполне возможно, что и название змеи, живущей в доме, защитницы дома и семьи, формировалось под влиянием одного из позитивных значений праслав. **bolg-:* ‘тихий, кроткий’, ‘сладкий’ и т.д.

4. 4. Сущ. *бла́зна* засвидетельствовано в с.-хорв. языке ещё в трех значениях: ‘особа, которая льстит, подлизывается, заискивает’, ‘придурковатая особа’, ‘призрак, привидение’ (РСА)[43]. Для нас особенно важно последнее значение, зафиксированное в следующем контексте: Запођедоше разговор о вјештицама, здухама, вампирима, *блазнама* и ђаволима (Невесиньски, РСА)[44], которое, как и в случае с *блаза,* могло бы считаться первичным. Сущ. *бла́зна* ‘призрак, привидение’ имеет параллель в рус. диал. *блазна́* ‘привидение’ (СРНГ)[45].

5. Эта работа написана с целью рассмотреть существующие объяснения сущ. *бла́за* ‘змея, которая охраняет сокровище’ и включить в дискуссию сущ. *бла́зна* ‘змея, живущая в доме’, т.к. только параллельный анализ этих двух, почти идентичных, форм может помочь установлению их изначального происхождения.

Изложенный материал показал, что связь между *блаза* и *блазна* осуществляется в двух планах: ф о л ь к л о р н о - м и ф о л о г и ч е с к о м (формы относятся к разным ипостасям мифологического образа змеи, причем дело доходит до совпадения их функций)[46] и с е м а н т и ч е с к о м (наряду с близкими вторичными они имеют и общее первоначальное значение – ‘привидение, призрак, нечистая сила’).

Формально-семантическое сходство проанализированных форм имплицирует их связь и в э т и м о л о г и ч е с к о м плане, причем именно семантический критерий определил одну из предложенных этимологий. Значение ‘привидение, призрак’ поставило *блазу* и *блазну* в число континуантов корня **blaz-*, которые несомненно претерпели семантическое влияние континуантов корня **bolg-*. Не оставляя без внимания значение этимологической магии (явления, часто присутствующего у такого рода лексики), мы, однако, должны предположить, что семантической контаминации предшествовало сближение форм. Прежде всего вокализм **blaz-* и **bolg-* стал одинаковым в результате южнославянской “ликвидной” метатезы, а затем и оппозиция *-z : -g (-ž)* нейтрализовалась под влиянием *блаз* и дублета типа *бла́зити се : бла́жити се* ‘наслаждаться’, ср. и *бла̀зиња : бла̀гичка* (*блажичка*) ‘сорт сладких яблок’ (РСА).

В м о р ф о л о г и ч е с к о м плане эти формы различаются только одним согласным. И пока форма *блазна* (правда, не в нашем значении) в обоих праславянских словарях толкуется как субстантивированное прилагательное **blaznъ*, образованное с помощью суф. *-nъ* от корня **blaz-* (ЭССЯ 2, 106; SP 1, 255), форма *блаза* не имеет

единого с *блазна* объяснения. Краковский словарь, как уже было сказано, возводит её к праслав. **bolzъ* (SP 1, 314)[47], а московский – помещает в статью **blaznъ(jь)*, не объясняя при этом, почему дело дошло до утраты суффиксального *-n-*. В с.-хорв. языке это могло бы быть объяснено влиянием глагола *бла́зити* 'льстить', *бла́зити се* 'подлизываться', 'лебезить, ласкаться, льстить' (RJA)[48], но проблема остается на праслав. уровне, где глагол **blazniti* толкуется как деноминатив от **blaznъ* (ЭССЯ 2, 104; SP 1, 253). Краковский словарь, правда, упоминает, что некоторые з н а ч е н и я, напр. рус. диал. *бла́зить* 'чудиться, мерещиться, грезиться, привидеться' (собственно говоря, речь идет о ф о р м е) могли бы указывать на первоначальную глагольную основу, но эта проблема требует отдельного исследования.

У нас также было намерение указать на проблему трактовки такого рода лексики при этимологическом анализе[49]. А именно – становится очевидным, что для её успешного объяснения необходимо рассмотрение целостного, как лингвистического, так и экстралингвистического контекста, а что касается методики, то нужно не только применение критерия "научной" этимологии, но и серьезный учёт принципа "народной" этимологии.

Примечания

[1] Для праслав. **bolzъ* предполагается и.-е. корень **bhelǵh-* 'надуваться, раздуваться, распухать, разрастаться' (SP, Sadnik-Aitzetmüller l.cc.).

[2] Праслав. **blaznъ* не имеет одной принятой этимологии. До настоящего времени предложены три возможных решения: 1) < и.-е. **blāǵ-* 'сиять, блистать' < и.-е. **bhel-*; 2) < и.-е. **bhlāǵ-* 'бить, ударять'; 3) < и.-е. **bhla-* 'дуть' (ср. ESJS 2, 66 s.v.).

[3] О символике змеи в славянской народной традиции подробно см. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997, 277–358. Далее – *Гура*.

[4] Это отрывок (см. *Чајкановић* // СЕЗб 50, 1934, 190) из большого рассказа о встрече пастушки со змеёй: "Ту изиђе из гомиле змија и претвори се у дјевојку, која је засјала сва у злату". Змея послала пастушку домой, чтобы принести ей немного шелку, а та, рассказав домочадцам, что с ней приключилось, онемела.

[5] Пример из рассказа *Вулетича И.*, напечатанного в газете "Словинац" (Дубровник, 1880, 4). Автор описывает, как два юноши накануне Иванова дня идут на поиски змеи, неся ей в жертву черного кота, чтобы она открыла им за это, где зарыто сокровище: "Блаза се укаже као велика зелена троглава змија, те се поче пети уз Ника из неко тешко звиждање... Блаза узме мачку, те је одмах омота и угуши, па рече Нику: "Ослободио си ме, ево идем у мјесто одређено!". Кад то рече, звизне, и часком ишчезне испод стрибе... Оно подртине засја свјетлошћу, а у то дође Баро те се зачуди кад види два заклопљена лонца".

[6] "Змије чувају сакривено благо. И у нас су змије по старим рушевинама чуварке закопаног блага. Народ их назива *благарама, златаркама, новчарицама.*

У Врховинама у Лици новчарица змија увијек лежи на свом месту и чува новце. У ње је круна на глави, љута је и уједа свакога који јој се приближи. Око Бјеловара и Дарувара на месту где у земљи има блага, лежи змија кравосац. Зато је зову кравосац. Зато је зову *благара*" (*Ђорђевић Т.Р.* Природа у веровању и предању нашег народа II. // СЕЗб LXXII, 1958, 100–186). Далее – *Ђорђевић*.

[7] *Гура*, 324–326.

[8] Некоторые авторы предполагают семантический сдвиг 'лыжа (полоз) у санок' > 'пресмыкающееся' > 'змея' (исходя из основного значения 'согнут, свернут, искривлен'), тогда как Аникин считает, что значение **polzъ* 'вид змеи' непосредственно произведено от 'объект, который при движении пристает (прилипает) поверхностью тела к опоре', без посредства семантического звена 'лыжа (полоз) у санок' (*А.Е. Аникин.* О праслав. **pelz-/*polz-/*pъlz-* // Этимология 1980. М. 1982, 43, примеч. 13).

[9] Ни один из словарей не приводит такого свидетельства, хотя в материале РСА есть примеры со сходной семантикой: *плазавац* 'пресмыкающееся', *плазавци* 'пресмыкающиеся', и это не только как зоологический термин, но и как народное название (напр., из Славонии). Ср. ещё и чеш. *plaz*, польск. *płoz, płaz* 'пресмыкающееся', рус. *полоз*, блр. *полаз* 'змея' (Kopečný 280 s.v. *polzъ*).

[10] *Сикимић Б.* Свеци црева мотају // Лицеум 5. Крагујевац, 2201, 39–87. Далее – *Сикимић*.

В Боснии (откуда этот пример) магические тексты для изгнания змей связываются со святым Лазарем, а календарно – с Лазаревой субботой, ср. и следующее свидетельство: Бјежите гује п л а з а р и ц е, ето свете Лазарице (Кнежина); Бјежи змија п л а з а р а / ето светог Лазара / и он носи тавину / осјеће ти главину (Босанско Грахово); Бјежи змија п л а з а р и ц а, убиће те лазарица, ево вуче тавину, одбиће ти главину (Ливаньско поле) (ibid.).

[11] Ср. магические тексты: "беж? г у ј а в и ц е, ево иде лазаревица" (Банатская Черногория); Куцни, куцни, лазарице, / беж' од куће п о г а н и ц е, / ето иду стопанице, / убиће те обрамице (Тешань); Беж'те, беж'те г а д а р и ј а, / ево иде лазарија (Срем) (*Сикимић* 50).

[12] *Ђорђевић* 102.

[13] "Венац" књ. XIV, св. 7. Београд, 1929, 530.

[14] Ср. *обла̏зити* 'перейти, ползая, переползти через кого-л., что-л., оставляя след (о насекомых, обычно о гусеницах); прикрыть, ползая (о личинках)', *ȍблаза*[2] зоол. 'название личинок вредителей растений, гусеница' Княжевацкий край (РСА).

[15] Ср. *ла̏зити* (*ла́зити*) 'двигаться по некой основе, волочась, не поднимая тело, ползая (о пресмыкающихся, насекомых и др.)': Кад змија иде на дрво онда она *лази*, као што чини дрволаз (РСА).

[16] *Лома А.* Перинтеграција *об-* > *б-* као етимолошки проблем // ЈФ LVI / 1–2. Београд, 2000, 606. Однако автор делает оговорку, что, вероятно, речь может идти и о варианте с озвонченным анлаутом от **polziti*.

[17] Пример из стихотворения Симы Пандуровича: Над срцем мојим један облак *бла́зи* / Зиме и ветра, – наговештај души / Да срећна доба нестали су трази (РСА).

[18] Кроме приведенного значения, глагол *бла́зити* засвидетельствован и в значении 'льстить, подхалимничать' (RJA), где производится от *блазнити*, и в этой статье цитируется пословица: *Блази змију у скуту*. Показательно, что РСА не приводит это подтверждение (что могло бы означать, что оно ненадежно).

В других местах эта пословица даётся с глаголом *блазнити*: *Блазни змију у скуту*.

[19] Ср. и следующее описание: "У Власеници да гује не улазе у кућу узимље домаћица или домаћин, на Лазарев дан, рано, прије сунца, машу и пеку, па три пута обиђе око куће ударајући машама о пеку говорећи: Л а з и т е, гује, из куће у поље и горе! (*Ђорђевић* 144). Здесь употреблен глагол *лазити*, чтобы, но только как figura etymologica, установилась связь со святым Лазарем (*Сикимић* 49).

[20] Ср. однако ст.-чеш. *lazik* 'пресмыкающееся' (ЭССЯ 14, 63 s.v. **lazikъ*).

[21] *Matić T.* // Rad JAZU 315, 32. Хотя это свидетельство не упоминается ни в RJA, ни в РСА, оно приводится в ЭССЯ l.c. s.v. **blaznъ(jь)* в значении 'чудовище, monstrum'. Широкий контекст его употребления, впрочем, говорил бы скорее в пользу вышеприведенного значения.

[22] *Чумакова Ю.П.* // Этимология 1984, 222. Ср. и *блазь* 'привидение, нечистая сила' (Вологодский словарь).

[23] *Аникин А.Е.* Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Новосибирск, 1998, 43. Далее – *Аникин* 1998.

[24] В контексте рассмотренных фактов интересно сведение о том, что в сербско-болгарской пограничной зоне, Юго-Западной Болгарии и Южной Македонии сущ. *сенка* имеет и значение 'демон здания, постройки'. Этот "демон – покровитель места" появился в связи с верованием в существование тени (человека или животного), замурованной в основании (фундаменте) или стенах здания, близок по своим функциям мифологическому образу "демона – защитника дома" (т.е. "змее – хранительнице дома") (подробнее *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004, 232–239).

[25] "Гаспару Пало, а вјерујете ли ви у неманштине?" – "Не, госпо, ја не вјерујем у духове...". Тако је довршивао госпар Пало с госпођом Лукром одуљи говор о б л а з а м а, морама и осуђењацима ("Словинац". Дубровник, 1880, 3).

[26] Ср. из того же источника и *благóе мéсто* 'место пребывания злой (нечистой) силы': Благое место, черти живут.

[27] Здесь мы не будем подробно заниматься соотношением праслав. **bolgъ* 'добрый, хороший' (> 'счастливый, нежный, милостивый', диал. южн. 'мягкий, кроткий, милый, приятный') и **bolgъ* 'плохой, злой'. Об этом идет широкая, хотя и не завершенная, дискуссия, ср. Фасмер I, 171; SP 1, 307; *Толстой Н.И. Блаже – Макарий* // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995, 351; *Аникин* 1998, 55–56 и т.д. Негативная семантика (в основном восточнославянских свидетельств) объясняется влиянием южнославянских лексем типа болг. *благ* 'сладкий', 'жирный (о еде)', откуда значение 'скоромный, запрещенный' > 'нечистый, проклятый' и т.д. (см. *Аникин* 1998, 55–56). И действительно в контексте этическорелигиозных представлений *мрсно* осознается как 'нерегулярно', 'нечисто', 'телесно', ср. болг. *мрѪсен* 'испачканный, грязный, нечистый', затем хронbackнимы, которые означают "нечистое" время: *мр́снице* 'время между рождеством и началом великого поста, когда, согласно церковным правилам, разрешено есть скоромную пищу; мясоед', болг. *мрѪсните дни, мрѪсни́ци* (БЕР), как и названия демонов активных в этот период: с.-хорв. *мрсни̏чина* 'сверхъестественное злое существо, которое, по народным верованьям, ночью нападает на людей' (*Якушкина Е.И.* Диалектные названия скоромной и постной пищи и их вторичные значения // Русская диалектная этимология / Материалы IV Международной научной конференции, 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002, 133–134). Обязательно ср. и *змија мр́сница* 'та, которая ужалила человека

или животное': На дан Светоч Лазара змије се "разлазују" (разилазе), а повлаче се на Крстов дан. Остају само змије "мрснице" тј змије које су човека или ма коју другу животињу ујеле (Тимокский край, РСА).

[28] Также *Аникин* 1998, 43, 55.

[29] *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание (X международный съезд славистов). М., 1988, 250–264. Далее – *Толстой, Толстая.*

[30] *Толстой, Толстая,* 256.

[31] Там же.

[32] Старый локатив сохранился в восклицаниях *блâзе, блâзи* (Skok I, 167; ЭССЯ 2, 183 s.v. **bolzě*).

[33] Полную информацию даёт нам следующая цитата: "Змија покућарка, то јест она, која се често виђа у кући, у народу се зове *блазна*. Оваку змију не треба убити, него је из куће отјерати кадовима, или је ухватити у процијеп, те је далеко од куће однијети и пустити. Ако се овака змија убије, вјерују да ће онај, који је убије или домаћин куће умријети" (*Грђић-Бјелокосић Л.* Животиње и биљке у народном предању // *Караџић*. Лист за српски народни живот, обичаје и предање II. Алексинац, 1900, 214.

[34] См. *Гура* 307–319.

[35] Названия *крснара* и *крсташица* мотивированы поверьем, что змея, живущая в доме, имеет крест на лбу (Дони Матеевац вблизи Ниша, Кула в Лике) (*Hirtz M.* Zmije kućarice // Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena XXVII/2. Zagreb, 1930, 244 (далее – *Hirtz*), это принял затем *Ђорђевић* 123.

[36] *Hirtz* 243, далее за ним *Ђорђевић* 121. В некоторых местах змею, живущую в доме, не убивают, потому что верят, что она "*сеновита*" ('тенистая'), т.е. имеет в себе такую силу, что тот, кто убьет её, вскоре умрет или останется навек несчастным, т.к. её тень ему отомстит (*Hirtz* 246, далее за ним *Ђорђевић* 127).

[37] *Hirtz* 245. Хирц l.c. еще добавляет, что пословица у Даничича *блазни змију у свом скуту* несомненно относится к змее, живущей в доме. Нам же кажется, что здесь скорее речь идет о пословице, синонимичной данной: *храни (држи, греје) гују у недрима, носи (храни, гаји, гоји, чува, греје, негује) змију у недрима (скуту).* Но зато другая пословица у Даничича, которую упоминает Хирц, *домаћа се змија не убија* безусловно относится к змее, живущей в доме.

[38] *Ђорђевић* 105.

[39] Указ. соч. 125.

[40] Указ. соч. 104. В альтернации с *плазарица* в фольклорном тексте см. выше.

[41] Указ. соч. 140.

[42] *Толстой, Толстая* 256.

[43] Интересно, что SP приводит все три значения s.v. **blaznъ*, опуская лишь значение 'змея, живущая в доме'.

[44] Слово употреблено в контексте, сходном с тем, в котором употреблено *блаза* (см. примеч. 25). Ср. и другой пример того же автора: "А, прије него муња састави, наједном оне чудне *блазне* нестане – него бућне и пороне у таласе језерске у дубине дубоке".

[45] Ср. и *блáзна* 'привидение': Блазна така кажется, мужики каки-то белы, лешаки, *блáзно* idem.: *Блазно* в темноте, покажется, страшно; *блáзня* 'состояние, когда что-то кажется, мерещится, видится', *блáзнюшко* 'мифическое существо, которое пугает людей': Детей *блазнюшком* пугали: гли-ко, *блазнюшко* идёт, а кто такой – не знали, никто его не видел – Этта у болоте чёрт, а у доме усе *блазнюшком* пугали – *Блазнюшко* побежит, побежит, белой весь,

борода белая (Сл. русского Севера); *бла́зна* (*блазна́*), *блазня́* 'привидение, призрак, нечистая сила' (Арханг. словарь).

[46] Иначе говоря, иногда белая змея, живущая в доме, выполняет функцию охраны зарытого сокровища: "У Црнињеву у Србији вјерују да су бијеле кућарице чувари новца. Леже на ономе мјесту гдје је новац закопан или сакривен. И кому буду паре придијељене змија бјелица изиђе и каже гдје су" (*Ђорђевић* 130). В Брувне, в Крбаве "тврде да бијелу змију има свака кућа и гдје је она тамо је добро б л а г о" (Указ. соч. 123).

[47] В этом случае морфологическая форма вполне ясна.

[48] Авторы RJA производят этот глагол от *блазнити* (в результате утраты *-н-*).

[49] Ср. наш очерк о ю.-слав. *(х)ала* 'чудовище, страшилище; привидение, злой дух; змей; буря, гроза, ураган, непогода, ненастье' (*Бјелетић М.* Духовна култура Словена у светлу етимологије: јсл. *(х)ала* // Dzieje Słowian w świetle leksyki. Kraków, 2002, 75–82.

Перевела с сербохорватского *И.П. Петлева*

Ж.Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. XVI

(*rysnǫti, *kręžiti/*kręžati, *obrěxъ, *skočiti/*ščekati)*

**rysnǫti*

Чеш. диал. *rozrejsnit (jídlo)* 'неохотно попробовать пищу и отставить'[1] Махек объединил генетически с зафиксированным там же (вост.-чеш.) синонимом *rozkorejniti*[2] и с *korehnit se* переносн. 'подковыривать кого-л. высказываниями'[3] и, вслед за Юнгманном, отнес все эти глаголы к числу экспрессивных производных (на *-hniti, -sniti*) от *rýti* (Machek[2] 277: *korej(h)niti (se)*. Версия родства с **ryti* может быть подкреплена как будто русским диал. костр. *распоры́снуть* 'разрезать, разорвать' : ... рубаху-ту *распорыснул*; брюшенько-то *распорыснули* (СРНГ 34, 184). Чешско-русское формальное и семантическое соответствие (при учете вторичного экспрессивного вставного *-по-* в русском слове) дает основания для предположения о праславянской древности префиксальной основы **orzrysnǫti*, производной от **rysnǫti*, прямым продолжением которого являются, очевид-

* Предшествующие статьи этой серии см. в томах данного сборника: Этимология. 1971 – Этимология. 1978. М., 1973–1980; Этимология. 1980 – Этимология. 1983. М., 1982–1985; Этимология. 1985. М., 1988; Этимология. 1986–1987. М., 1989; Этимология. 2000–2002. М., 2003.

но, чеш. сев.-вост. *rejsňit se* 'ковыряться (как правило, в еде)'[4], зафиксированное в том же говоре, что и *rozrejsnit (jídlo),* и чеш. диал. *rejsnit* 'ссориться, ругаться'[5]. Развитие последнего значения вполне вероятно при исходной семантике основы 'рыть/рвать'.

Именно от рассматриваемого глагола **rysnǫti* > чеш. **rysnouti* могло быть образовано приписываемое Преслу название насекомоядного животного землеройки – *rejsek,* которое Махек счел уменьшительным от *rys* 'рысь' (Machek[2] 512), а Рейзек связывает с *ryt, rýpat* (Rejzek 533).

Специфика значений чешских и русских диалектных лексем ('копаться в еде', 'распороть живот'), при всей их близости к **ryti,* позволяет, кажется, предложить еще одну версию их генезиса: не принадлежит ли **rysnǫti* генетически к гнезду праслав. **rъx-/*rux-/*ryx-*, будучи реликтом, сохранившим первичный *s*? Зафиксированные значения продолжений рассматриваемого глагола вполне согласуемы с семантикой этого гнезда 'делать(ся) рыхлым, разрушать(ся)'. Следует учитывать, что на индоевропейском уровне допускается родство праслав. **rъx-/*rux-/*ryx-* и **ryti.*

Что касается чеш. диал. *korehniti se* и *rozkorejniti*, то их непосредственная производность от **ryti* весьма сомнительна. Более вероятно преобразование **korysnǫti* (как проивзводного от **rysnǫti* с префиксом **ko-*) по направлению сближения в процессе реэтимологизации с *rýha* 'бороздка, желобок'.

**krężiti/*krężati*

На праславянском уровне для гнезда **(s)kręg-* 'сжимать, сгибать', продолжающего и.-е. **(s)krengh-*, достаточно надежно восстанавливаются две глагольные основы: **kręgnǫti* 'сгибать(ся), сжимать(ся)' (болг. диал. *крéзне* 'быть отягощенным плодами (о фруктовом дереве)', чеш. *křehnouti* 'коченеть', ст.-слвц. *krehnúť* то же, слвц. диал. (Turč. ž.) *nakriahnuť* 'согнуть, наклонить' (Kálal 360), словен. *okregniti* 'окоченеть') может быть продолжением первичной глагольной основы, а **krǫžiti* – производное от *krǫgъ*[6]. В украинском языке есть *-i*-основа с первичной огласовкой: ст.-укр. *кряжити* 'защищать, беспокоиться', укр. *кряжити* 'усердно работать, не разгибая спины; заботиться, радеть' и укр. диал. *крéжити* 'беречь, скупиться'[7]. Значение 'беспокоиться, заботиться, беречь' выводится из 'гнуться', но по структуре (**e*-вокализм при *-i*-основе) это вторичный глагол и мог бы быть поздним. В пользу возможной праславянской древности -i-основы свидетельствует, кажется, слвц. диал. (Banská Bystrica) *nakrážať (kruh)* 'начертить, нарисовать' (Kálal 360): *-a*-основа этого глагола может быть производной от *-i*-основы,

представленной украинским глаголом, в семантическом же плане этот словацкий глагол замечателен употреблением в figura etymologica *nakrážat' kruh*, которая и свидетельствует о древности глагола, обнаруживая генетическую связь **krǫgъ* с глаголами гнезда **kręg-*.

**obrěxъ*

Происхождение славянского названия ореха продолжает оставаться неясным. Предложенные толкования охватывают широкий диапазон версий от гипотезы о заимствовании из неиндоевропейского источника до реконструкций собственно праславянских отглагольных образований, см. обзор (ЭССЯ 29, 72–73). Среди последних одной из самых ранних и периодически возобновляемых является реконструкция праслав. **obrěxъ* как производного от гл. **rěsiti*, с семантическим обоснованием, по версии О.Н. Трубачева, особенностями лесного ореха, лещины: “плоды этого последнего произрастают характерными связками, кучками...”[8]. Ярким свидетельством связи слав. **orěx-* с глаголом **rěšiti* является не замеченное, кажется, до сих пор этимологами польск. диал. *orzecha* ‘кучка’, зафиксированное в контексте: Duże *orzechy* marchvi (Karłowicz III, 464). В данном случае невозможно предполагать перенос названия с ореха на корнеплод, здесь мотивация ‘связанное, связка’ дала параллельное со значением ‘орех’ обозначение кучки, груды корнеплодов.

Подтверждение мотивации по связанности и, соответственно, родства с **rěšiti* не означает, однако, обязательного признания первичности этой мотивации и исконного родства. Достаточно вероятным представляется вторичное, народноэтимологическое преобразование в данном направлении какой-то более древней структуры.

**skočiti/*ščekati*

Определение внутриславянского родства глагола **skočiti* было начато Р. Якобсоном, связавшим **skočiti* с обозначениями щекотки рус. *щекотать*, ц.-слав. скъкътати на базе семантики легкого движения[9], однако родственных лексем с корнем **šček-* и значениями иного движения (кроме щекотания) автором приведено не было, а это оставляло лакуну в установлении последовательности семантического развития славянских глаголов с корнем **šček-* из предполагавшегося исходного индоевропейского корня **skek-* ‘прыгать, быстро двигаться’ (Pokorny I, 922–923).

Далее А. Вайаном была реконструирована глагольная основа настоящего времени **šteče-* (Vaillant. Gramm. III, 414). С этой осно-

вой затем удалось генетически идентифицировать многочисленные славянские глаголы с основой инфинитива *(*š)čekati* и семантикой 'тыкать, колоть, клевать', были также реконструированы родственные -*nǫ*- и -*i*-основы **ščьknǫti*, *(*š)čikati* и для всей группы обобщена реконструкция семантики 'слегка касаться, ударяя или укалывая, щипать': ср. болг. диал. *че́кам* 'тыкать, колоть', польск. *szczknąc* 'ущипнуть, сорвать', др.-рус. *ущькнути* 'ущипнуть', рус. *чкнуть* 'ударить', чеш. *ščikati* 'рвать листья с деревьев на корм скоту', польск. *szczykać* 'щипать, срывать'[10]. В структурном плане единство гнезда с вариантами корня **skok*- и **šček* обосновывалось наличием болг. *скокот* 'щекотка', в семантическом плане – реальностью взаимосвязи значений 'двигаться' и 'касаться' (ср. рус. *трогать* 'касаться' и 'двигаться')[11].

Сейчас можно привести доказательства еще более тесной семантической связи славянских глагольных основ с корнями **skok*- и **šček*- в сфере обозначения движения: это рус. диал. арханг. *щекоти́ться* 'суетиться, хлопотать'[12] и блр. диал. *шчыката́ць* 'бежать, мелко перебирая ногами'[13]. Если, таким образом, семантика перемещения в пространстве была присуща праславянским глагольным основам с корнем **šček*- (от которых и образовано **ščekotati*), то праслав. **skočiti* может быть непосредственным собственно славянским производным от одной из этих основ, вероятнее всего – от ***ščekti* (преобразованной позднее в **ščekati*), с регулярной структурой итеративной -*i*-основы при корневом вокализме в ступени **o*.

Примечания

1 *Hodura Q.* Nařečí litomyšlské. Litomyšl, 1904, 52.
2 Ibidem.
3 *Petera J.* Slovník lidové mluvy v našem kraji // Politický okres Dvůr Králové n. L. Dvůr Kralové n. L., 1937.
4 *Bachmann L.* Nářečí na Vysokomýtsku. Praha, 2001, 149.
5 *Hodura Q.* Nářečí litomyšlské 51.
6 *Варбот Ж.Ж.* Заметки по славянской этимологии // Этимология. 1970. М., 1972, 70–74; см. также ЭССЯ 12, 142–143 и ЭССЯ 13, 38–39.
7 *Варбот Ж.Ж.* Заметки по славянской этимологии, 73.
8 *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1968. М., 1971, 65.
9 *Якобсон Р. Ущекотал скача* // Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky. Helsinki, 1965, 84–85.
10 *Варбот Ж.Ж.* О славянском родстве праславянского глагола **skočiti* // Славяноведение, 2000, № 4, 22–24.
11 Там же, 24.
12 *Нефедова Е.А.* Экспрессивный словарь диалектной лексики. М.: Изд. МГУ, 2001, 131.
13 *Юрчанка Г.Ф.* Народнае мудраслоўе. Слоўнік. Мінск, 202, 316.

Я. Влаич-Попович

С.-ХОРВ. ДИАЛ. *БОР, БОРИНА* 'ДОЛИНА': РЕЛИКТ ИЛИ ИННОВАЦИЯ?*

0. В новых сербских диалектных словарях представлено большое количество интересных слов, ценных для сравнительного исследования славянской лексики: некоторые – тем, что позволяют разрешить существующие диалеммы или сомнения, образуют новые изоглоссы или расширяют уже установленные, а некоторые – тем, что поднимают отдельные, в славянской этимологии уже давно решенные проблемы, так как введение новых данных ставит под сомнение существовавшие до сих пор толкования.

1. 0. Диалектный словарь Загарача (сев.-вост. часть так называемой Старой Черногории) отмечает сущ. *бор* м.р. 'впадина в скалистой местности с небольшой, обычно лесистой, равниной на дне, долина (в р т а ч а)' [разрядка моя. – *Я.В.-П.*] с примерами: "Садите ли што у *бор* у Гођене?", "Покоси оно мало ливаде *у бор*", "Скоро свака брањевина у Гарчић има *по бор*". Несмотря на то что это слово неизвестно новейшим, вообще-то весьма полным, исчерпывающим, словарям из Черногории (напр., из Ускока, Васоевича, Прошченья, Рожая, ср. Станић. Ускочки речник; Стијовић. Из лексики Васојевића; Вујичић. Рјечник Прошћења, Hadžić. Rožajski rječnik), оно уже было отмечено на этой территории (Старая Черногория)[1], по крайней мере, в двух источниках, которые включены в РСА: "*Бор* је, кажу, урвина којој се види дно"[2] и "Упала ми коза у један *бор* – ни вран јој кост неће отоле изнијет" (Трешнево). Интересно, что эти авторы фиксируют и другой, с тем же самым значением, облик этого слова, – расширенный суф. *-ина:* "*Бор* (или *борина*) разликује се од јаме тиме што је шири или плићи. Њему се, по правилу, може видети дно; [напр.] Има једна зовина удно једне *борине*" (Трешнево); "Има једна *борина* у којој су по предању о првом боју на Трњинама похватали 70 турских бегова"[3]. Сюда, вероятно, не относится гапакс из Прошченья *бȍрнути* 'посадить'[4].

1. 1. Семантика приведенных примеров обнаруживает различие между теми, которые отмечены вне Загарача и значат только 'обрыв, неглубокая яма', и известными в самом Загараче, которые обозначают не обрывы и ямы, а долины, используемые в хозяйст-

---

* Работа выполнена по проекту 1591 "Этнологическое изучение сербского языка и создание этимологического словаря сербского языка", который финансируется Министерством науки и защиты окружающей среды республики Сербия.

венных целях в качестве сада или поля, на котором что-л. сажается, лу́га, который скашивается, лесного заповедника. Примеры говорят о том, что суф. *-ина* семантически нейтрален, а о его функции речь пойдет позже (ср. § 2.1.3).

1. 2. Мысль об этимологической связи этих слов с омонимичной им парой *бо̂р* м.р. 'хвойное дерево Pinus из семейства Abietaceae' и (исключая увеличительное *бо́рина*) *бо̏рина* ж.р. 'сосновая лучина, которая служит для освещения' должна быть отброшена как совершенно невероятная, так как в пользу такого развития нет ни семантических, ни типологических параллелей ни в сербском языке, ни где-л. ещё в славянском мире.

1. 3. 0. Эту минимальную лексическую семью Скок не регистрирует[5], а другие этимологические словари, которые занимаются сербохорватским языком[6], содержат только "основное" существительное *бо̂р*, согласно свидетельствам из РСА (они не могли быть из Загарача).

1. 3. 1. В более новой нашей этимологической литературе до настоящего времени упоминалось только *бо́рина* 'большая впадина в карсте' как вероятный результат переразложения географического апеллатива *ѐборина* 'отислина' (т.е. 'род (тип) грунта, образовавшийся в результате обрушения холма, берега и т.п.)', засвидетельствованного в Бании[7], несомненного отглагольного образования от *обо̀рити* 'сбросить, низвергнуть, praecipitare'[8]. В данном случае такое объяснение подошло бы с формальной точки зрения[9], но обосновать его помогла бы и семантическая мотивация с учетом (кот. и формально ближе всего) терминов *у̏рвина* (ср. Skok III, 178) или *у̏вала*[10], в основе которых значение 'обрушиться'. Однако, если примем во внимание и синонимичную, более краткую форму *бо̂р* (которая, таким образом, была бы "чистым" отглагольным образованием, с таким же морфологическим изменением) и все её значения – не только константу округлости упомянутого пространства, но и аспект его хозяйственного предназначения (ср. § 1.1), сравнение черногорских диалектизмов *бо̂р* и *бо́рина* с (географически достаточно удаленным и, на самом деле, не абсолютно синонимичным) *ѐборина* становится менее бесспорным. Словом, **(о)бо́р(ина)* 'долина' не объясняется однозначно ни как nomen resultativum глагола *обо̀рити* 'то, что свалено, сброшено', ни как nomen loci 'место, где что-н. свалено, обрушено' – и поэтому следовало бы, наконец, рассмотреть обе формы и все их значения.

1. 3. 2. Праславянские словари с.-хорв. *бо̂р* 'впадина (углубление) в карсте' упоминают в статьях **borъ* I 'Pinus silvestris' и **borъ* II, чьи континуанты в современных славянских языках значат 'совокупность; сбор урожая, охота, рыбная ловля, улов, добыча; собрание, скопление народа, рынок, торговля; дань, налог, подать и т.д.', а на

юге и востоке – также и ‘складка, сборка (на коже, ткани, материи), морщина’ (ЭССЯ 2, 218; SP 1, 336)[11]. Притом краковский словарь квалифицирует с.-хорв. *бȏр* как черногорский диалектизм и помещает его под **borъ* I (ср., между прочим, § 1.2), а затем приводит под **borъ* II с.-хорв. *бȏр* ‘морщина, складка’ (засвидетельствовано только один раз у Шеноа), тогда как далее без семантического комментария, указано с ссылкой на Вука *бо́ра* ‘углубление, впадина в карсте’[12]. О.Н. Трубачев в московском словаре не упоминает этот пример Вука, а данные из РСА: *бȏр* ‘морщина (на лице)’ и ‘углубление, впадина в карсте’ помещает под **borъ* II, не обращая специального внимания на этот, единственный, пример такого развития значения (хотя некоторые другие семантические сдвиги он прокомментировал, см. примеч. 15).

1. 3. 3. Уже на первый взгляд, с чисто формальной точки зрения, толкованию с.-хорв. *бȏр* ‘пропасть, мелкая или широкая впадина (яма) в карсте’ – как то предлагается в обоих праславянских словарях, – недостаёт убедительности: если одно сербское существительное мужского рода сближается с другим существительным женского рода с фактически не соответствующей семантикой[13], и там это существительное женского рода не имеет праславянской реконструкции[14], а помещается под наиболее сходное с ним существительное мужского рода, несмотря на то что их значения не совпадают (хотя все они несомненно происходят от одного и того же глагола, т.е. относятся к производным от него), такое толкование должно вызвать подозрение[15]. Поэтому стоит исследовать всю проблему заново, имея в виду как старый материал из РСА, который вошел в праславянские словари, так и новый из Загарача.

1. 3. 4. Географический апеллатив *бȏр* ‘долина’ (во всех значениях и даже без значений из Загарача ср. § 1.1), не может производиться от местного слова *бȏра* ‘складка, сборка, морщина’ поскольку единственное (по крайней мере – сейчас, согласно РСА) упоминание достоверного примера этого существительного как географического термина известно не из народного говора, а из специальной литературы[16], и при этом оно относится не к карстовой местности (а к Неготинской Краине и Ключу). Не следует упускать из вида и то, что Вук Караджич в первом издании (1818 г.) Сербского словаря (в котором представляет свой родной говор восточногерцеговинского типа и местную лексику) вообще не даёт статью *бо́ра*, тогда как во второе издание он внес это слово в двух значениях – ‘складка, сборка, plica’ и ‘морщина, ruga’ – следовательно, в любом случае, не в значении ‘углубление, впадина в карсте’ (как то приводит SP 1, 336)[17].

2. 0. Поэтому генетические связи этих слов следует поискать в другом месте, в непосредственном балканском окружении, на своей территории или на более широком славянском фоне. Притом мы

отмечаем одинаковые или сходные формы слов, которые одновременно должны иметь одно и то же или (соответствующим образом) сходное значение. Слово, засвидетельствованное на таком ограниченном пространстве, теоретически могло бы быть и иноязычного происхождения, но только как узколокальное заимствование. Это не тот случай, так как ничего похожего нет ни там, где прежде всего ожидалось – в албанском языке[18], ни в гораздо менее вероятном источнике – в итальянском[19]. Не стоит вопрос и о реликте из субстрата, потому что такое слово должно бы быть распространено шире[20]. Учитывая вариант (варьирование) основной формы только с суф. *-ина*, закономерно было бы предположить, что под вопросом ю.-слав. реликт какого-то унаследованного слова, которое имеет параллели в другом месте на славянской территории, однако такового мы не нашли. Остается ещё возможность того, что этот термин – местная инновация, соответственно – то, что за этими формами стоит какое-то другое, имеющее иное распространение местное слово, которое из-за какой-то фонетической трансформации стало, на первый взгляд, неузнаваемым. Пример такого развития, с минимальным фонетическим отклонением, которое не переходит границу узнаваемости, но при этом служит для значительного семантического различия, мы находим в паре слов из Запланья: *гувно* 'место во дворе, где сеть склон, где оставляется солома, сено': *гумно* 'дом с поместьем'[21]. Совпадение семантических областей, к которым относятся обе пары терминов, из Загарача и Запланья, дополнительно подкрепляет упомянутую параллель. Кроме того, в этом словаре мы находим ещё подобные пары, где один член имеет стандартное значение, а с другой – представляет собой местное наименование чего-л., что имеет и другое название, напр., *капа̑к* 'верхняя часть котла для выгонки водки': *капьк* 'деревянный ставень с внешней стороны (снаружи) окна', затем *ко́вчег* 'вид мебели, где хранится приданое девушки': *ко́вчаг* 'большой деревянный ящик (короб) для муки'[22].

2.1.0. Имея в виду все вышеизложенное, наиболее вероятно, что *бо̑р*, на самом деле, – результат местного развития слова *ȍбор* 'огороженное пространство, загон для скота, хлев; двор', т.е. 'saepimentum pro suibus, aula'[23], в Загараче это – *обо̏р*. Не перенесенное на последний слог ударение могло способствовать: (путем переразложения?) утрате начального гласного[24]. Далее особенно важно то, что в поддержку такого толкования можно привести много семантических, словообразовательных и типологических параллелей.

2.1.1. Ближайшую семантическую аналогию такого развития мы видим в отношении *врт* 'hortus, сад, огород; загон для скота в поле или на ниве': *вртача* 'нива или огород, сад округлой формы; огороженная часть леса, заповедник'[25].

2.1.2. Если исходить из того, что *бор* и *борина* – отглагольные образования[26], полные формально-семантические параллели к ним составили бы такие пары, как *прибој: прибојина* (от *прибити, -бијем*) ‘огороженное место, защищенное от ветра место, стойло, летнее горное пастбище с загоном для скота; п о л я н а в л е с у’ [разрядка моя. – *Я.В.-П.*][27] или диал. *замéт* : *зáметина* (от *замести, – метем*) ‘загон (хлев) для овец на поле или в горах’ Пирот[28] : ‘небольшое огороженное пространство, временный загон в поле или на ниве’ Вранье (РСА)[29].

2.1.3. Поскольку мы оставляем в стороне изначально глагольное происхождение и рассматриваем только именную пару *бор* : *борина*, в качестве формально-семантического соответствия подходят *град* : *градина* ‘сад, огород’[30], затем *тор* : *торина* ‘загон’: ‘земля, на которой находился скотный двор (загон), унавоженная земля’[31], а также *врт* : *вртина* ‘огород, сад’[32]. В принципе здесь ставится вопрос интерпретации функции суф. *-ина*, соответственно – дилемма, указывает ли он на отглагольное или на отыменное образование, что в этом случае трудно решить в семантическом плане[33]. Если на синхронном уровне первичной мы считаем форму *бôр* (от *ȍбор*), то, вероятнее всего, что *борина* – его немотивированно расширенное соответствие[34], между тем и сам *ȍбор* в конечном счете – отглагольное образование, как, может быть, и *(о)борина* из Загарача, если происходит от глагола *ȍборити* ‘делать загон’ (отыменное же происхождение этого образования несущественно). Поэтому решения упомянутой дилеммы мы пока ожидать не можем.

2.1.4. Далее нужно помнить, что некоторые ближайшие синонимы существительного *ȍбор* в своем семантическом диапазоне имеют и значения, которые относятся к определенным (природным) формациям рельефа, так, напр., *градина* и *двориште*, наряду с остальными, имеют и значение ‘закрытая со всех сторон пещера (полость в земле)’, соответственно – ‘врытые примитивные желоба (“корыта”)для промывания руды’ (см. РСА), затем проблематичная пара *врт* : *вртоп* ‘огород, сад’ : ‘пещера’[35].

2.1.5. Поэтому есть основания считать, что именно в пользу предложенного здесь толкования, а не против него, говорит тот факт, что в том же самом говоре – в Загараче (но и в другом месте в Старой Черногории[36]) одновременно с *бôр* засвидетельствовано и существительное обȍр ‘двор (закрытый или открытый), огороженный участок земли перед хлевом’, так как значения близки к стандартным, только с обратной (противоположной) иерархией. Бросается в глаза, что, по крайней мере, в Загараче, – единственно, где мы располагаем четкими и подробными сведениями, примеры употребления существительных *бôр* и обȍр[37] на самом деле комплементар-

ны: тогда как *обо̑р* – обозначает лишь то, что перед домом, то *бо̑р* – дальше, в поле, но также имеет хозяйственное предназначение. Формальную оппозицию форм с начальным *о-* и без него, таким образом, нужно было бы рассматривать не как фонетическое явление, а как отражение функционально-семантического различия двух терминов сходной, но, однако, неодинаковой коннотации. Если иметь в виду все примеры употребления существительного *бор(ина)* (и – особо – упомянутую раздвоенность значения (см. § 1.1)), то становится ясно, что предложенного здесь толкования не было бы, если бы не было новейших свидетельств из Загарача. Благодаря им можно установить связь между сельскохозяйственным термином и географическим апеллативом, которая иначе была бы необоснованной. Итак, мы имеем здесь случай, когда в специфических условиях карстового рельефа и скудной лесной растительности термин примитивного строительства переносится на природные формы, которые видом и функцией одинаковы с ним, а затем (с удалением от поселения или в ещё более суровых климатических условиях) осознание функций тех впадин (углублений) теряется, тогда как термин остается, хотя его коннотация сведена только к форме рельефа. Другими словами, не следует удивляться тому, что слово *бо̑р* исключительно старочерногорское, учитывая специфическую конфигурацию местности, которая вызывает необходимость различения загона, построенного рукой человека, от природной долины (котловины), которая служит как загон, нива, заповедник.

2.2.1. Несмотря на то что предложенное толкование мы признаем достаточно привлекательным, однако не считаем, что оно единственно возможное. Поэтому указываем ещё (по меньшей мере) две возможные альтернативные интерпретации. Строго с формальной точки зрения не нужно полностью исключать и возможность того, что наше *бо́рина*, т.е. *бо̑р* (относительно утраты начального *о-* остается в силе всё, что об этом уже было сказано по поводу объяснения соотношения *обо̑р* : *бо̑р*, см. § 2.1.0) образует формальную, но не и семантическую изоглоссу с рус. *обо́рина* 'случайно не запаханный клочок поля' (Яросл. словарь 7, 17–18) < **oborati* (ЭССЯ 28, 129), значит 'то, что опахано' – это одновременно и 'защищено[38], отделено, огорожено'.

2.2.2. С другой стороны, нет достаточных оснований, чтобы с.-хорв. *бо̑р* поставить в этимологическую связь с почти синонимичным рус. диал. *бора́к* 'овраг' (Саратов) и 'яма для падали' (Томск)[39] (пока без этимологии, соответственно – не внесено в этимологические словари), которое формально и даже семантически (остается только проблема русского акцента) легче связалось бы с рус. диал. *обо́рок* 'сенокосная лощина среди пахоты' < **oborъkъ* < **oborati* (ср. ЭССЯ 28, 133).

2.2.3. Далее для нас может быть важен тот факт, что континуантами этого последнего существительного являются различные восточнославянские апеллативы, у которых доминирует семантический элемент 'долина, впадина (обычно наполненная водой)', тогда как первоначальная мотивация окружения, опахивания, (вспашки) вокруг чего-л. (сохраненная, напр. в ст.-укр. *оборокъ* 'поле, опаханное вокруг') утрачивается путем развития значения через блр. диал. *або́рак* и др. 'сенокосная лощинка, мокрая или сухая, опахиваемая кругом', затем 'мокрая низинка на поле, которую не вспахивают', через 'низинка среди пашни; островок, заросший деревьями и кустарником' до 'небольшой водоём' (ср. ЭССЯ l.c.). Вообще не невозможно, что значение 'впадина, заросшая лесом' будет перенесено с низменных и влажных мест на холмистые и даже скалистые (в конкретном случае – карстовые), даже если название равнинного углубления (впадины) переносится на провал (обрыв, пропасть) в карсте[40].

2.3. И, наконец, мы не можем не указать на еще одну возможность толкования, которое очень интересно, хотя в данных условиях славянской диалектной лексикографии, формально его трудно отстаивать. Это толкование, возвращающее нас к первоначальной этимологии, представленной в праславянских словарях, которая подразумевает изначальное происхождение от праслав. **bьrati*, **beremъ*, но не через местное отглагольное *бо̏ра* 'сборка, складка' (см. § 1.3.2–1.3.4.), а путем признания прародства с лит. *bãras* 'часть поля, которая скашивается за один раз' = 'ein Ackerplatz von der Größe, das man bei der Saat ihn auf einmal bestreuen kann' + 'Schwaden, Streifen abgemahten Grases oder Getreides, Gelandeabschnitt, Sektor', 'Schar' (Fraenkel I, 34–35) ['часть поля, скашиваемая за один раз'(перевод Трубачева в ЭССЯ) = 'часть поля, которая скашивается за раз' (перевод Трубачева в: Фасмер s.v.)], которое является полным формальным соответствием, а что касается семантики см. дискуссию в § 2.2.3. Конечно, эта изоглосса не может быть установлена без хотя бы ещё одного надежного подтверждения в другом месте славянского мира.

3.0. Этимологическое толкование минимальных лексических семей (притом и весьма ограниченно засвидетельствованных) как местных инноваций в принципе не может претендовать на то, чтобы быть окончательным и неопровержимым, однако в данном конкретном случае первое предложенное решение представляется нам наиболее вероятным, по меньшей мере, более всеобъемлющим, чем предшествующие, которые занимались лишь одним членом этой лексической семьи. Предложенная локальная формально-семантическая бифуркация обо̏р : *бо̑р* не относится к ряду стандартных явлений, однако для неё всё же нашлись надежные параллели в других

сербских говорах. О первоначальной мотивации этих процессов мы пока судить не можем. Наряду с тем, что эта интерпретация решает одну локальную этимологическую проблему, она на более широком славянском фоне увеличивает семантический диапазон континуантов праслав. **ob-vorъ* 'то, что закрыто, огорожено' (< **ob-verti* 'claudere'). В отдельных славянских языках, эта основная семантика дала различные конкретизации значения существительного, которые могут объединяться в большое число групп в соответствии с отраслью (сельского) хозяйства, к которой относятся (скотоводство, хлебопашество (земледелие), огородничество, рыболовство и т.д.): 'скотный двор, загон, навес, хлев, стойло, сарай; двор, огород, сад; огороженное пастбище, поляна в лесу'[41]; 'рыболовная сеть, часть рыболовной сети'[42], ставя таким образом и это название в ряд его синонимов, которые среди своих семантических реализаций имеют и географические термины (см. § 2.1.4).

Примечания

[1] Речь идет об ограниченной территории, известной как Старая Черногория, на северо-востоке которой находится и сам Загарач.

[2] *Ердељановић Ј.* Стара Црна Гора // Српски етнографски зборник 39. Београд, 1926, 500.

[3] Там же, 669. Неизвестно, нужно ли присоединять сюда же и загадку *Лајка лаје у долини, чак се чује у борини* (горное Подринье) с отгадкой '(бельевой) валек'. Здесь *долина* может значить не только 'самая низменная часть местности', но и 'долина, дол', т.е. 'большая долина, используемая как сад (огород), поле', и неясно, идет ли речь об оппозиции по высоте (об отношении 'внизу' : 'наверху'), и в данном случае *борина* не имела бы связи с нашей темой, а скорее значила бы 'сосновый бор', или, возможно, противопоставляется, величина этих долин, а, может быть, и предназначение, т.е. что *долина* находится возле дома, а *борина* далеко от него (ср. описание при *долац* 'огород, сад поле' в РСА). У Сикимича (см. *Sikimić B.* Etimologija i male folklorne forme // Biblioteka Južnoslovenskog filologa. Knj. 11. Beograd, 1996, 190) нет данного примера, а есть только сокращенный вариант этой загадки *Лајка лаје, далеко се чује* (§ 5.2.4. 11, отгаданной также – как '(бельевой) валек'), который говорит в пользу нашего второго предположения. Хотя единичные примеры из загадки в принципе не используются как полноценная этимологическая аргументация, однако в данном случае и такие свидетельства нужно иметь в виду с учетом того, что рассмотренные здесь термины вообще слабо подтверждены.

[4] Ср. пример: "Купи мало расада да *борнемо* на овој киши, боље ће се примити" (*Вујичић*. Рјечник Прошчења 23).

[5] Что и понятно, так как соответствующий второй том РСА был опубликован лишь в 1962 г. (хотя один из источников, которые в него включены, датирован 1926 г.).

[6] Кроме праславянских словарей, мы имеем в виду, напр., *Vinje V.* Jadranske etimologije (Zagreb, 1995–) и словари соседних языков, славянских и неславянских.

[7] В материалах РСА находим и пример из Герцеговины (впрочем, в РСА он не включен) *ѝборина* ж.р. 'фундамент от какой-н. разрушенной (обвалившейся) постройки, ограды' (записал Грђић-Бјелокосић Л.), где трудно решить: основа значения 'ограда' или 'разрушенность постройки' (соответственно – происходит ли это слово од *обдрати* 'circumarare' или от *обдрити* 'praecipitare'), хотя примеры из RJA – не только *ѝборина*, но и *ѝбор*, указывают на то, что это образования от последнего глагола.

[8] *Лома А*. Перинтеграција об >*б* као етимолошки проблем // ЈФ LVI/1–2. Београд, 2000, 608. Этот банийский диалектизм, во всяком случае, – достоверное слово, мотивированное так же, как и более новое образование (калька с нем. *Niedrschlag*, см. RJA) из другой терминологической системы – *ѝборине* мн. 'дождь, атмосферные осадки'.

[9] Ср., впрочем, и § 2.1.0.

[10] Более подробно об этом, как и о других с.-хорв. названиях для 'Karsttal', 'Vertiefung im Karst', см. Schütz 40–43.

[11] Подробнее о с.-хорв. вариантах этого производного от глагола **bьrati*, **beremъ* см. Skok I, 202.

[12] О сомнительности этого примера (которого на самом деле у Вука нет) и о других неясностях в связи с этой этимологией см. § 1.3.3, особенно примечания 16 и 13.

[13] Заметим, что в этимологических словарях других славянских языков мы не нашли какого-л. примера перехода **bor(a)* 'ruga' в географический апеллатив со значением 'обрыв; пропасть'.

[14] Учитывая современный ареал их континуантов, вероятно, является странным, что праславянские словари не реконструируют отдельно существительное **bora*.

[15] Так, Трубачев в конце статьи **borъ* II отдельно прокомментировал значения словац. 'торф' и рус. диал. 'глина' как местную конкретизацию общего, исходного значения 'выемка, извлечение' [интересно, что он не думает о возможности того, что словац. *bor* 'торф' < **borъ* '(сосновый лес на болотистой почве' < 'Pinus'], причем характер конкретизации обусловлен местными хозяйственными и материальными условиями. Здесь только нужно заметить, что подобный комментарий сербского диалектизма отсутствует.

[16] "Оне су још и веома набране планине, а *боре* имају исти правац као и сами венци" (*Јовановић К*. Неготинска крајина и Кључ // Српски етнографски зборник 55. Београд, 1940, 314 [NB.: сведения о номере страницы в РСА не точны!]. См. и примеч. 13.

[17] С другой стороны, в случае объединения с *бора* 'plica; ruga' с.-хорв. *бор* / *борина* наряду с ней получили бы формальные соответствия, напр., в рус. диал. *бор* м.р. собир. 'складки на одежде', *бори́на* ж.р. 'сборка, складка', *обо́рина* ж.р. то же (СРНГ 3, 97; 22, 174), но далее – без семантических параллелей.

[18] Возможное предположение о происхождении слов из Загарача от алб. *borë* 'снег', чему даже нашлась бы типологическая параллель *леденица* 'долина, низина' от *лед*, должно быть отклонено, так как ни в албанском нет соответствующих географических апеллативов, ни в Загараче не засвидетельствован метеорологический термин, который бы происходил от алб. *borë*.

[19] Вероятность романского источника вообще мала, так как такое заимствование должно бы было иметь более широкий ареал. Кроме того, лексика, относящаяся к этой сфере деятельности, в основном не заимствуется из итальянского.

[20] Ср., напр., раздел о субстрате, карты 158–166 // Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск / Ред. Соболев А.Н. München, 2003. Далее – МДАБЯ.

[21] *Јовановић Г.* Лексика куће и покућства села Семче [Заплање]. Ниш, 2002, 56. Далее – *Јовановић* 2002.

[22] *Јовановић*, 59–60. Важнее, что в этом говоре известны и другие пары с сходными незначительными (фонетическими или фонологическими) вариациями, у которых дело не дошло до разделения (обособления) значений, напр. *јеcта́к = јеcтьк* 'подушка', *кола́ц = кольц* 'столб, на котором держатся двери в ограде', *кота́л = котьл* 'котел' и т.д. (Указ. соч., 58, 60, 61).

[23] О распространенности этого славянского термина на Балканах, что косвенно свидетельствует о несомненном престиже славянского элемента в данной отрасли хозяйства и о малой вероятности заимствования лексики в этой сфере, см. МДАБЯ 328–329, карта 156.

[24] Хотя это явление в само́м Загараче (и нигде ещё в Старой Черногории, ср. *Ђупић Др., Ђупић Ж.* Речник Загарача, увод, IX–XX и *Пешикан М.* // СДЗб XV, 1965) не так выражено, чтобы быть специально отмеченным, оно хорошо засвидетельствовано как чисто фонетический феномен, напр. в соседних Мрковичах, ср. *огледа̏ло : гледа̏ло, оскору̏ша : скору̏ша, осуши̏ло се : суши̏ло се* (*Вујовић Л.* // СДЗб XVIII, 1969, 135–136).

[25] При несомненной интерференции стандартного значения этого географического апеллатива 'углубление, имеющее форму тарелки, воронки или колодца в известковой земле; яма, дыра' мы предполагаем, что первые значения происходят от гл. *вр(иј)ети*, **врем* 'claudere' < *verti, **vьrq*, а вторые – от *врт(иј)ети* 'terebro', которые претерпели контаминацию, ср. и *Влајић-Поповић Ј.* Да ли је јсл. *vьrtъ* 'hortus' (ипак) домаћа реч? // Dzieje Słowian w świetle leksyki. Kraków, 2002, 496. Далее – *Влајић-Поповић* 2002.

[26] Мы думаем здесь не о гл. *обдрити* (ср. § 1.3.1.), а о возможном **obverti* 'закрыть, затворить' (от которого и *ȍбор*), сохранившемся и в с.-хорв. *обрети се*, ср. Skok III, 624.

[27] Аналогично – *за́бој* 'перегородка, земляной вал, насыпь; огороженное место, где сложено сено (в копнах)' (ист. Сербия, Полица, Черногория – РСА) и *пр(иј)е́бој* 'перегородка (в доме, свинарнике; воде – для ловли рыбы); насыпь; глубокая долина' (РСА, RJA, подробно см. у *Влајић-Поповић Ј.* Историјска семантика глагола ударања у српском језику (преко етимологије до модела семасиолошког речника) // Библиотека Јужнословенског филолога. Књ. 21. Београд, 2002, 51–52). В отношении перехода в географическую терминологию ср. и англ. *palisade* 'ограда из кольев': 'ряд отвесных скал' < франц. *palissade* 'ограда из кольев; живая изгородь'.

[28] *Панајотовић Ј.* Адети. Пирот, 1986, 154, а также *Живковић.* Речник пиротског говора 46.

[29] О славянских параллелях к этой паре (причем сербские свидетельства до сих пор в этимологической литературе не зарегистрированы) см. ЭСБМ 3, 294; ЕСУМ 2, 230, также *Влајић-Поповић Ј.* Од изолованог хапакса до новог елемента у постојећем систему // Ad fontes verborum. В честь семидесятилетия Ж.Ж. Варбот. М., 2006, 69–76.

[30] Это не отглагольное образование, а изначальное существительное (ср. ЭССЯ 7, 37–40, а также 27, 6–12; SP 8, 103–105), тогда как вторая форма, вероятно, с немотивированным суффиксом.

[31] Первый член пары производится от *трти*, т.е. **terti*, **tьrq* 'terere' (с которым позднее утрачивает связь и образует особую лексикологическую семью, ср. Skok III, 512–513), а второй – отглагольное образование от отыменного глагола *торити* или лишь расширение первого немотивированным суффиксом.

[32] Если первая форма – субстантивированное причастие прошедшего времени от *ври(j)ети*, **врем*, то вторая – лишь его расширение немотивированным суффиксом (о деталях см. *Влајић-Поповић* 2002, 496).

[33] Как это предлагает *Лома А*. Српскохрватска географска имена на *-ина*, мн. *-ине*: преглед типова и проблеми класификације // Ономатолошки прилози XIII. Београд, 1997, 4–5; см. там и исчерпывающую дискуссию о всех функциях этого суффикса.

[34] В качестве примера "чисто" структуральной функции суф. *-ina* ср. и *krajь: krajina* (Sławski. Zarys 1, 1974, 122).

[35] Об этой последней паре см. Лома в этом же сборнике (см. сн. 33), а также *Влајић-Поповић* 2002.

[36] См. *Пешикан М.* // СДЗб XV, 1965, 262.

[37] Ср.: "Више ви ваља та обор и с п р е т к у ћ е но рало земље"; "Спратила сам о в ц е у о б о р, да их не заборавимо довечен уђерат у појату" (*Ђупић Др., Ђупић Ж.* Речник Загарача 276) [Разрядка моя. – *Я.В.-П.*].

[38] О вере в магическую защищенность, напр. села, которое опахали братья-близнецы, шесть девушек, впряженных в плуг и др. см., в примере из Миличевича и Вука в РСА и RJA.

[39] Ср. и пример: "В тайгу ходили, тамо-ка бораки в ы к а п ы в а ю т, туда всяку падаль, дохлу корову, все кладут, даже не закапывают" (СРНГ 3, 97) [разрядка моя. – *Я.В.-П.*].

[40] Ср. сходный случай – с.-хорв. термины *кòса* 'agglomeratio erosionis': *кòса* 'clivus, montis genus' (*Влајић-Поповић Ј*. С.-х. *кòса* 'dorsum montis; clivus' – етимолошко-семантички поглед // ЈФ LVIII. Београд, 2002, 29–40).

[41] О большом количестве примеров как в диалектных словарях славянских языков, так и в этимологических, см., напр.: Skok II, 538; Bezlaj 2, 235; ЕСУМ 4, 140–141; БЕР 4, 750–751 (там и сведения о формах этого славянского заимствования во всех балканских языках, включая турецкий).

[42] Судя по всему, эта семантическая сфера ограничена русским языком, ср. рус. диал. *обóра, обóрка* (СРНГ 22, 172; 175–176), хотя имеет соответствие в с.-хорв. диал. *градина* 'вид заграждения в реке для ловли рыбы' (Дрина, РСА).

Перевела с сербохорватского *И.П. Петлева*

Т.В. Горячева

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(рус. *бим*; блр. *галялéць*; рус. *закрумный*; блр. *вóґяры*; праслав. **хута/*хутъ*; рус. *посúститься*)

Рус. *бим*

В Словаре русских народных говоров со ссылкой на В.И. Даля приводится слово *бим*, мн. *бимы́, -мóв* (с пометой "обычно мн.") в значении 'отдельно плавающие льдины около сплошных льдов (в Северном Ледовитом океане)' (арханг.), а также уменьшительное *бимóк, -мка* 'то же, что бим' (арханг.) и *бимьё, -я́*, ср. собир. 'сплошные льды (в Северном Ледовитом океане)' (СРНГ 2, 292). У Даля *бимьё* – 'равнина полярного льда, сплошные льды'; *бимóк* м., более употреб. мн. *бимкú, бимы́*, – 'носимые течением и ветром льдины перед бимьём; стаму́хи и барóки' (Даль[3] I, 214). Э.М. Мурзаев приводит в своем Словаре слово *бимьё* – 'замерзшее полярное море, сплошной лед', *бим, бимок* – 'плавучие льдины, оторванные от сплошного ледяного поля (северные моря)' (Даль 1912) с пометой "Темное слово"[1]. Слово *бим* может быть заимствованием из английского языка – ср. *бúмец, бимс* 'балка, на которую стелется палуба' (сев.-рус., поволжск.) (Даль), которое является заимствованием из англ. *beams* – мн. от *beam* 'бревно'; "см. Маценауэр 111. С добавлением *-ец*" (Фасмер I, 166). Здесь можно предположить утрату *с* вследствие деэтимологизации слова и семантический переход на русской почве 'балка' → 'льдина'. Ср. сев.-рус. *бру́сья* 'льдины'[2].

Ср. слово *брус*, употребляющееся также в метеорологической терминологии в значении 'полоса над морем на горизонте' "В мóре, говорúт, бру́с висúт – моря́нка притянеца" (арханг. – Арханг. словарь 2, 139). Интересно, что англ. *beam* имеет значения не только 'балка; перекладина; ткацкий навой; ось; дышло; коромысло (весов)', но и 'луч, пучок лучей'[3]. Слово *beam* в значении 'луч, пучок лучей', а также *incoming solar beam* 'падающий солнечный луч' входит в состав английской метеорологической терминологии[4].

В народном поэтическом сознании – мороз-плотник, кузнец, ср. о сильных морозах "Никола угодник гвоздики забивает", а также кашуб.-словин. *Mróz kłaʒe bałkí p'od lodim* 'вода замерзает' (Sychta III, 129). Ср. также *оплóтина, -ы*, ж. 'большая льдина' и 'р а м а для плота' (Иркут. словарь II, 92).

Русское *пак* 'многолетний дрейфующий морской лед, который образует большие ледяные поля', а также блр., болг. *пак*, польск. *pak* то же тоже заимствовано из англ. *pack (-ice)* то же, образованно-

го от слова *pack* ‘масса, большое количество, тюк, упаковка’ (ЕСУМ 4, 257). Ср. швед. *pack*: *e – en, -ar* ‘узел; тюк, вьюк; пачка’, *páck*: *is – en* ‘ледяной затор’, ‘паковый лед’, ‘искусственный лед’[5].

Интересно, что в качестве синонима слову *бим (бимы)* Даль приводит слова *барóки, стамýхи*. Слово *бáрок* (арханг.) в значении ‘полярная льдина, ледяная гора, стамуха’ он помещает в словарную статью на *бáрок* (новорос., ворон., курск.) ‘упряжной валек для постромок, дронтик’ (нижнемакарьев); (симб.) ‘воткнутая в землю толстая палка, на которую надета крепкая втулка от колеса, приспособленная к повороту рычагом; употребл. при гнутии полозьев’ (Даль[2] I, 50).

Слово *бáрка* в значении ‘плавающая льдина’ записано в новг. (черепов.) говорах (СРНГ 2, 117), в деулинских говорах *бáрка* – ‘льдина’. “Кадá л’от ламáицца, л’от късʼакáмʼи атлáмъваиццъ – вот éта *бáрка*” (Деулинский словарь 48); в ярославских говорах слово *бáрка* (собир.) записано в значении ‘мелкие кусочки льда, плывущие по реке во время ледохода’ (Ярослав. словарь 1 (Аа – Бобúнки) 37); в Словаре русских народных говоров приводится слово *баркú, -óв*, мн. – ‘носимые ветром и течением льдины’ [арханг., Маштаков 1931 (со ссылкой на Веселого) – СРНГ 2, 117]. Маштаков приводит в своем Словаре слово *бароки* – ‘то же, что бимки’ (см.). (Арх. – Весел.)[6].

Слово *бáрка* записано П. Ткаченко в кубанских говорах в значении ‘принадлежность телеги, деревянный валик, б р у с, к которому крепятся постромки упряжи’ (Ткаченко 57), слово *барка* (*бáркъ, -къ*) в значении ‘деревянная упряжная палка (валёк), к которой прикрепляются постромки’ записано также в говорах яицких казаков (Малеча 1 (А–Ж) 103). Слово распространено также в говорах белорусского и украинского языка: укр. *бáрок* ‘орчик’ и блр. *бáрак* то же, что является заимствованием из польск. *barki* то же, которое отождествляется с польск. *barki* ‘верхняя часть спины’ и т.д. (ЭСБМ 1, 308; ЕСУМ 1, 145).

Ср. м.б. еще блр. *баркáнь* м. ‘плот из толстых б р е в е н’[7], а также русск. диал. *баркú, -óв*, мн. ‘в р а щ а ю щ а я с я площадка с сиденьями в форме лошадок, лодок и пр., служащая для катанья на ярмарках, народных гуляньях и т.п.; карусель’ (Мордов. словарь А–Г, 30), *бáрка* ‘верхний сноп на укладке снопов’ (Словарь Карелии 1, 41).

Интересно, что здесь также присутствует семантика ‘брус, перекладина’ трансформировавшаяся в значение ‘льдина’. Ср. англ. *beam* ‘балка, перекладина; ткацкий навой; о с ь; д ы ш л о; коромысло (весов)’.

Ср. также псков. *плáха* ‘небольшая льдина’ (СРНГ 27, 102) и *плáха* ‘срубленное дерево, не очищенное от сучьев’ (Бурнашев), ‘срубленное и очищенное дерево; бревно’ (костр., горьк.), ‘бревно,

служащее для скрепления одной стойки с другой и поддержки крыши барки' (волог.), 'боковая часть бревна; горбыль' (арханг.), 'половица', 'жердь, которой скрепляют снопы на возу' (горьк.), 'палка' (ряз.), 'доска' (СРНГ 27, 101), а также псков. *киют, а*, м. 'глыбы льда во время ледохода' "Ездить нельзя́, када́ лёт та́е, налама́е быва́ таки́ *киюты*" (Псков. словарь 14, 161) при *кия́, и*, ж. 'клюка, посох' (Псков. словарь 14, 162), *кий* 'палка', (южн., зап.), 'палка с утолщением наверху' (смол., калуж., орл., ворон., Лит. ССР, Латв. ССР. Слов. Акад. 1956), 'палка с утолщением (корнем) на конце; дубина' (твер., пск., южн., зап.), 'посох, трость' (смол., осташ., твер., южн., зап., курск., Слов. Акад. 1956 [с пометами "устар." и "обл."]) (СРНГ 13, 204). С точки зрения словообразования ср. псков. *козу́тка* 'коза' (Псков. словарь 14, 329), образованное от *коза* с суф. *-ут* и *-ка*, а также *лоскут*.

Ср. также нем. *Block* 'колод(к)а, льдина; чушка, плаха'.

Здесь, однако, нельзя не упомянуть возможность заимствования из шведского *bark -en, -ar(-er)* 'кора'[8]. Переход значений 'кора' → → 'лед', 'льдина' вполне закономерен. Ср. *кору́н* 'гладкий лед' (Словарь Карелии 2, 435), *кару́н* 'весенний лед, очистившийся из-под снега' (Куликовский 34)[9]. Швед. *bark*, др.-исл. *bǫrkr* 'кора' восходит к герм. *barkuz*; англ. *bark* (сканд.) 'кора дерева', норв. *bork*, ст.-голл. *barc*, ср.-н.-нем. *borke* 'кора'[10]. Ср. также *ба́рак, -а*, м. Собир. 'заросли корявого кустарника, черемухи, на сырой неровной местности' (сев.-двин.), приводимое в Словаре русских народных говоров с пометой «От швед. *baraktig* 'користый, корявый"» (СРНГ 2, 102).

Блр. *галялець*

В Этимологическом словаре белорусского языка приводится слово *галяле́ць* в значении 'блестеть (про воду на лугах и полях)' с пометой "Неясное слово" (ЭСБМ 3, 37). Оно может быть интерпретировано как образование от *ляле́ць* 'блестеть' (< праслав. **lelějati* 'качать, лелеять, блестеть' (ЭССЯ 14, 101) (ср. блр. диал. *ляле́ці* 'играть рябью на солнце (когда говорится о теплой летней воде); *леле́ять*' (Гарэцкі 90), *леле́ць, лілі́ти, ляле́ць* 'переливаться, сверкать, блестеть; отражать, блестеть (о водной поверхности); качаться, колыхаться (про хлеба, траву)' и др. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 715), *леле́ць, елець* 'блестеть, переливаться' (Тураўскі слоўнік 3, 20), а также *лилі́ты* 'блестеть, отражать (о водной поверхности)': "Дошч выли́кыј јшов, то на Го́мсы вода́ *лилі́је*"[11]) с помощью протетического *го-*, которое наряду с протетическим *г* возможно в ряде образований белорусского и украинского языков. Ср. блр. диал. *гопала́ты* 'веять (зерно)', *гопалкы́* мн. 'ночвы для провеивания'[12],

укр. диал. *гупала́те, -аю, -аешь*, несов., перех. 'очищать семена овощных и других культур подкидыванием их в ночвах'[13], если это не образования с префиксом **ob-*.

В связи с этим находит свое объяснение и укр. *гоголіти* 'блестеть, светиться (исключительно про воду)', приводимое в Этимологическом словаре украинского языка с пометой "неясно" (ЕСУМ 1, 543).

Ср. укр. *леліты, лію* 'сверкать; струиться блестя, блестеть; переливаться', 'лелеять' (Гринченко II, 354). Здесь также выделяется протетическое *го-*, которое ассимилировало слог *ле* в *леліти.*

Подобная ассимиляция начальным *г* последующего *л* наблюдаем в блр. диал. *гóгоць* 'гололедица, гололёд' – "*Гогоць* – наморожня така, падае на траву, ламіць лес" (Тураўскі слоўнік, 208). В русском языке отмечается также замена *г* → *л*, например Евленья < Евгения (волог.)[14]. Ср. сев.-рус. *гоголедица* 'гололедица' (Ср. Русского Севера III, 61). Блр. диал. *гогоць* < *гол(о)ць* – 'гололедица с снегом и градом' (Байкоў – Некраш. 82) < праслав. **golotь*/**golъtъ?* 'гололедица, иней' и т.д. (ЭССЯ 6, 214).

В туровских говорах белорусского языка записано выражение *гоголь да вода* (s.v. *гóголь* 'утка' – Тураўскі слоўнік 1, 208) в значении 'про большое половодье, разлив': "Як зелья нема нідзе да відно ўсе далеко на водзе, то кажом – *гоголь* да вода". Здесь вызывает сомнения отнесение выражения к *гóголь* 'утка', ср. выражение *одно голь да вода* s.v. *голь* ж. 'нищета, нужда' (Там же 215). Возможно, *гóголь* с наращением протетического *го-* восходит к *голь* и обозначает 'ровное (голое), гладкое пространство'? Ср. русск. диал. *гóльний* 'гладкий, голый' (Сл. Низ. Печоры 1, 144).

Рус. *закру́мный*

В вологодских говорах зафиксировано прилагательное *закру́мный* в значении 'любознательный': "Вот какúе вы *закру́мные*, всё вам интересно" (Вологод. словарь Д – З, 124–125). Слово еще не этимологизировалось. Представляется вероятным образование его от глагола **крумити* в значении 'резать', ср. смол. *подкрумить* 'подрезать' (СРНГ 28, 49), урал. *окрумля́ть* 'отпиливать, отделять (комель и т.д.)': "Из хлыста четыре, три бревна. *Окрумляет* корень. Комлевую часть не *окрумляешь*" (Там же 23, 167), сюда же блр. *укру́міць* 'отрезать неровность, выровнять' (Бялькевіч 458). Семантический переход в данном случае следующий: 'резать' → 'постигать, понимать'; **крумный* – 'любознательный, умный' – *закру́мный* 'любознательный (заумный?)'. Ср. *замы́слистый* 'умный' (Словарь Карелии 2, 162). Сюда же, вероятно и блр. диал. *круміць*

'жадно и много есть', *круміла, -а, -ы* 'обжора'(Бялькевіч 233). Этот блр. глагол, по мнению О.Н. Трубачева, восходит к праслав. **krumiti* со знаком вопроса ("Возможно, древнее диал. образование – расширение с помощью элемента – *m-* того же корня (и.-е. **krou-*, **kru-*), что в **kruxъ* (см.), т.е. с первоначальным значением 'крошить, крушить', откуда экспрессивное 'жадно есть'. Ср. др.-исл. *hrumr* 'хрупкий' (Bernеker I 629; s.v. *kruch*, без блр. слова). Впрочем, нельзя до конца исключить и продолжение формы **kromiti* (**kroma*, см.), если *о>и* без ударения – ЭССЯ 13, 13"). В Этимологическом словаре белорусского языка *крумíць* 'жадно и много есть' объясняется как звукоподражательное и сравнивается с рус. *хрумкать* то же (ЭСБМ 5, 123).

Возможно, что **крумити* в русских примерах и **круміць* в блр. диал. *укрýміць* являются продолжениями праслав. **kromiti*, давшего русск. диал. *кромúть* 'обтесывать края досок, устраняя неровности и шероховатости' (урал., том., новосиб.), блр. диал. *кроміць* 'спиливать или срубать верхушку у сосны, готовя её для борти' (Тураўскі слоўнік 2, 235) (ЭССЯ 13, 5). Т.е. рус. **крумити* и блр. **круміць* могли иметь первоначальное значение 'резать, выравнивая по краю, кромке', ср. орл. *закрумúть* 'заровнять' (СРНГ 9, 167). Тогда *закрýмный* может быть объяснено, как 'старающийся познать что-либо за гранью, кромкой, краем' > 'любознательный'. Ср. тюмен. *большáя кромá* 'о человеке, стремящемся получить для себя как можно больше', *большекрóмой* 'ненасытный (человек)' (Лютикова 9). Ср. рус. *запредельный*.

Блр. *вóґяры*

Авторы Этимологического словаря белорусского языка приводят слово *вóгер₂* в значении 'светлый перелив волн на реке' с пометой "неясно" (ЭСБМ 2, 178). Это слово зафиксировано в белорусских говорах Гродненщины: *вóґер* м. 'светлый перелив волн на реке' в контексте: "Па вадз'é б'éгайуц' *вóґары*" (Сцяшкович 86), а также в говорах северо-западной Белоруссии: *вóґяры*, только мн. 'блики, отблески (на воде)': "Па вадзе бегаюць *воґяры*" (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 1, 322). Здесь же есть этимологическая помета: "сравн. лит. *vagà* 'линия, дорожка на поверхности тихого озера вечером" (Там же). В Словаре И. Яшкина приводится также слово *вóгеры* в значениях 'отблески от солнца, месяца на воде, линия, полоса, дорожка на поверхности озера вечером', 'легкое колыхание волн' (Яшкін. Слоўн. 151). Не исключая возможности заимствования из литовского блр. диал. *вóґер*, мы попытаемся отождествить его с довольно поздно заимствованным блр. *вóґер*, *вóгір* 'жеребец',

которое наряду с рус. *огéр*, укр. *óгер*, польск. *ogier* то же заимствовано из турецкого *ajkir*, *őjgűr* (ЭСБМ 2, 178). Т.е. это метафора, перенос названия животного на обозначение светлого перелива волн, их отблеска. Здесь также можно привести интересный фонетический вариант укр. диал. *óґар, -а, оґаръ, -я* ‘жеребец’[15]. Н.У. Быкова отмечает, что лексема *вóгер* ‘некастрированный конь’ фиксируется на периферии северо-западной диалектной зоны, на западе и юговостоке, но отмечены также варианты *вóґер, вóґір, вóґар, óґер, óґэр, гóґэр*. Она считает, что, скорее всего, слово заимствовано при посредничестве польского языка, а также высказывает мнение о значительно позднем проникновении этого заимствования в диалектную речь[16].

Метафорическое употребление названий животных (домашних и диких) в качестве наименований метеорологических явлений известно славянским языкам довольно хорошо. Ср. блр. диал. s.v. *пярэсты: на пярэстых конях*: ‘про неустойчивую погоду’: “*Вясна і вóсень на пярэстых кóнях*”[17], кашуб.-словин. обычно pl. *końe* ‘большие волны на озере’ (Sychta II, 198), s.v. *kốńsk'i* (adj. od *kốń*) *Kốńskė gřëvë* ‘большие волны на озере’ (Там же, 199). Интересно, что в тех же кашубско-словинских говорах существует словосочетание *ốvsni kốń* – в древних народных поверьях ‘демон хлебный, живущий в овсе в облике коня, глинистой масти с гривой и хвостом цвета колосьев зрелого овса’ (Там же, 198). В белорусских говорах записано выражение (s.v. *кóнік* ‘стрекоза’, ‘полочка-косячок в углу’, ‘украшение на одежде в виде ломаной линии’) *зробíць кóніка* ‘оставить след, стукнув по тонкому льду’ (Тураўскі слоўнік 2, 213), которое косвенно относится к сфере метеорологической лексики. Ср. также *барáшки* ‘белая пена на гребнях волн’, ‘мелкие кучевые облака’ (Псков. словарь 1, 117), *барáшек* – ‘белая курчавая волна, пена при завихрении воды, ее гребень’ (“метафора”)[18], укр. диал. *обáранки* ‘место на реке, где бурлит вода, находя на каменный выступ, рябит’ – “Очевидно, связано с *баранці* ‘легкие облачка; пенные волны’” (ЕСУМ 4, 126), а также (! – *Т.Г.*) *барáшек* ‘солнечный зайчик’ – “Ожидай когда барашек, то есть солнечный луч в диру сквозь лист сияющий, взойдет на проведенной на земли круг” (Кот. Геодез. 316 – СлРЯ XVIII в. I, 141). Очевидно, что при создании метафоры *барашек* ‘солнечный зайчик’ основой служило восприятие барана как животного прежде всего белой масти, также как и *вóґер* – сначала ‘белый конь’, а затем ‘солнечный отблеск на воде’.

В народном восприятии пенные волны на реке – прежде всего белые барашки. Ср., например, запись, сделанную Востриковым на Урале: “Молода-то была, баранов боялась, вечером начну речку переходить, так мне всё белый баран блазнится”[19]. Ср. также русск. диал. *зáяц* ‘солнечный зайчик’ (свердл.), ‘пенистые гребни волн’

(сарат.) (*зайцы* – “Поглянь, на Онеге *зáяцы* (или зайчики) забегали” – олон.), ‘первый снег осенью’ (влад.), ‘хлопья снега’ (костр.), ‘скопление снега, инея в местах, откуда теплый воздух проникает наружу или холодный воздух проникает в теплое помещение’ (волог., твер., перм., свердл., арханг., влад.) (СРНГ 11, 203–204). Интересно также болг. выражение: “Нива – та г о н и з а й ц ы ‘колышется волнами от ветра’ (Геров 2, 144), а также рус. диал. *зáяц* – ‘о пятне от сырости на стене’ (Словарь Карелии 2, 244). Англ. *cat's paw* ‘легкая рябь на воде’ значит буквально “кошачья лапа”. В донских говорах записано словосочетание *кóзы (кóзлы) бегýт*, несов. ‘О движении воздуха в жаркий день’: “В глазах рибить, дюжы жарка. Гаворють, козы над гарой бягуть” (Сл. донск. казачества 222). Пензенское *козá* употребляется при назывании холодной морозной зимы (СРНГ 14, 57). Можно упомянуть также укр. диал. *коз'л'ак* м.р., *барáн* м.р. ‘замерзшая груда грязи на дороге’[20].

Переносное значение блр. *вóґер* ‘жеребец’ → ‘жох, ухарь, хват’. Эта версия подтверждается в Этимологическом словаре белорусского языка, где, однако, предлагаются и иные версии: о связи с рус. *огурь, огурный, огуряться*, приводимыми Фасмером, считающим их неясными, с рус. *ухарь*; предлагается семантическая связь *вогер, вагера* ‘жох, ухарь, хват’ с *агура* ‘неслух’, *агурань* ‘грубиян, неслух’ (ЭСБМ 2, 14). Всё-таки первая упомянутая версия кажется более надежной. Ср. блр. диал. *вóґір* м. ‘жеребец’ и переносное ‘здоровый, сильный (про мужчину)[21], *вóґір, -аў* м. устар. ‘жеребец’, перен. ‘неуважительно (про человека)’[22]. В Лексическом атласе белорусских народных говоров отмечаются формы *вóґер, вóґір* (в выражении “*ходзіць як воґір*”), *оґэр, óґер* (“только в выражении “*ходзе воґером*” в значении ‘сердитый’ ”), *вóгар* (ЛАБНГ I, с. 42, к. N 41). Ср. укр. диал. *ґоґіром* ‘бундючливо’ в выражении *хóдить ґóґиром*[23]. Ср. также кубанское *кóнэкы* в значении, в частности, ‘неординарный поступок’. “Вэкэдать *конэкы*” – ‘совершать из ряда вон выходящие поступки’ (Ткаченко 118), блр. *кóнікі* мн. ‘шутки’. *Кóнікі вытвараць* ‘капризничать’ (Янкова 162). С блр. *вагер*[1] ‘жох, ухарь, хват’ этимологи связывают блр. диал. *вагера*[2] ‘танец на корточках’, считая, впрочем, его неясным (ЭСБМ 2, 14). Видимо, это слово можно соотнести прямо с *вóґер* ‘жеребец’, ср. *зáинька* м. ‘игра’, ‘танец’ (Словарь Карелии 2, 123). Интересно, что в кашубско-словинском говорах слово *og'er* ‘некастрированный конь, жеребец’ имеет еще и переносное значение ‘передвижная железная печь’ (Sychta III, 298), в польском языке *ogier* также ‘сноп жита, связанный ближе к колосьям’ (Варшавский словарь 3, 45). В псковских говорах *жеребец*, в частности, – ‘дефект полотна из-за пропуска одной из нитей основы’ (Псков. словарь 10, 209), ср. блр. *воўк* м. ‘ошибка, допущенная при вхождении основы кросен в бердо’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 1, 330).

Праслав. **xyma*/**xymъ*

О.Н. Трубачев, анализируя в ЭССЯ русск. диал. *хúма* ‘шея’ (Картотека Словаря брянских говоров), *хим* м.р. ‘шея, верхняя спинная часть’ (курск., Опыт 247; Севск.у. Орл.губ. – РФВ LXXI, 1914, 351; Картотека Словаря русск. нар. говоров: донск., курск., орл.), *хúмы* ‘лохмы волос’ (Картотека Псковского областного словаря; Картотека словаря русск. говоров Карелии), относит сюда еще и русск. *хúма* ‘простоватый, глупенький’ (ворон., тамб., Доп. к Опыту 290) и делает вывод: «Ввиду явного родства с **xybъ* (праслав. **xyma*/**xymъ* – *Т.Г.*) (см. s.v. **xybati*), гл. обр. вост.-слав., в знач. ‘хребет’, обнаруживает стар. вариантность суф. *-b-* и *-m-* и производность от общего к **skeu̯-*, ср. сюда же, далее, **skula* (см.). Фасмер IV, 237: “неясно”» (ЭССЯ 8, 157).

Сюда же можно отнести записанные в Новгородском словаре *хúмы*, мн. ‘волосы’, ‘длинные и растрепанные волосы’, *химýшки*, мн. ласк. к *хúмы, хúманы* ‘то же, что *хúмы*’, *химáтый, -ая, -ое* ‘с непричесанными волосами; растрепанный’, *химоволóсый, -ая, -ое* то же (Новг. словарь 12, 13), *расхимáтить* ‘привести в беспорядок, сделать торчащими в разные стороны; растрепать – о волосах’, *расхимáтиться*, сов. возвр. к *расхиматить, расхимáченный, -ая, -ое* ‘приведённый в беспорядок, взлохмаченный, растрепанный’ (Новг. словарь 9, 114). Ср. с точки зрения словообразования *космы* → *раскосмáтить*.

Ср. также блр. диал. *хiмкi* ‘клок травы на скошенном лугу’ (ЛАБНГ 2, 103), *хiм* ‘низкорослый лес, кустарник, преимущественно ольховый, из ивняка; чаща’, *хiмiнá* то же (Яшкiн 199). Ср. блр. диал. *хiб* ‘пучок травы, оставленный при косьбе’ (Шаталава 186), который восходит к праслав. **xybъ* < **xybati* и является родственным праслав. **xymъ* (?). В Туровском словаре приводится s.v. *кýры* (без значения) выражение *хíмiные кýры* ‘хитрости’: “Што ты мне *хiмiные куры* торочыш?” (Тураўскi слоўнiк 2, 253). *Хíмiные куры* в данном случае можно истолковать как ‘хитрые куры’, ср. русское *строить куры* ‘обманывать, делать козни’. П. Ткаченко в кубанских говорах записано выражение *хы́мкыны куры, дядьковы дóсвиткы* в значении ‘каждому свое’ (Ткаченко 211).

Это, возможно, подтверждается присутствием среди продолжений праслав. **xyma*/**xymъ* – рус. *хúма* ‘простоватый, глупенький’ (см. выше). Ср. в гнезде родственного **xybati*: н.-луж. *chyba* ‘недостаток, ошибка’ и словин. *xəba* ‘хитрость’ (ЭССЯ 8, 153). Сюда же можно отнести и *химости* ‘колдовство’: “Она и устраивала всяки *химости*”[24]. Развитие значений следующее: ‘хитрость’ → ‘колдовство’. От *химость,* возможно, образовано и *хúмостить, хúмистить* ‘ворожить’ (Даль[2] IV, 548), оно в свою очередь, вероятно восходит к незасвидетельствованному прилаг. **химый* в значении ‘хитрый’.

Ср. также *хи́трый* 'колдун'[25], *хитря́ть* 'испортить свадьбу колдовскими приемами'[26].

Русск. (псков.) *хи́мостить, хи́мистить* 'ворожить' объясняют как заимствование из финского *hiimat* мн. 'чары' (см. Калима, MSFOu 52, 90 и сл.) (Фасмер IV, 237). Фасмер считает также "менее вероятным произведение из нем. *geheime Kunst* 'магия, тайное искусство' (Потебня, РФВ 1, 266)" и сравнивает с укр. *хи́морода* 'причуда, колдовство', *химоро́дити* 'колдовать, капризничать, чудить', отвергает происхождение из нем. *Geheimrat* 'тайный советник', вопреки Потебне (там же). Укр. *хи́мородь* ж.р., также *хи́морода* ж.р. 'причуда, каприз', 'колдовство' (Гринченко IV, 397–398), *хи́мороди* мн. 'каприз, причуды' (Лысенко. Словарь диал. лексики сев. Житомирщини. – Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, 56. Лисенко. Словник поліських говорів 224) сравнивается О.Н. Трубачевым со словац. *chymradný* 'слабый, болезненный' (Kálal 208) и объясняется как вариант к **xamordь*, "т.е. сложение экспрессивной приставки **xa-*, **xy-* и *-mordь*, возм. именного производного от гл. **mъrdati* (см.)" (ЭССЯ 8, 157). Сюда можно еще добавить блр. диал. *хі́морoд, хі́морода, хімо́ра* ж., *хі́мороды* мн. 'шутки, фокусы, проделки, выдумки'. *Хі́мороды строіць* 'капризничать, делать по своему, не слушаться' (Тураўскі слоўнік 5, 238), хімерады мн. – в выражении *устанаўлюваць хі́мерады* – 'делать все на свой лад, командовать по своему'[27], а также, возможно *хымэ́рыны* мн. 'капризы'[28]. В енисейских и забайкальских говорах записан гл. *похи́маститься* 'почудиться, показаться' (СРНГ 30, 347). Развитие значений могло быть следующим: 'ворожить' → 'вызывать видения, галлюцинации посредством колдовства' → 'чудиться, казаться'.

У русск. диал. *хи́ми(о)стить* кроме 'ворожить' Далем приводятся значения 'похищать, красть, воровать', (псков.) 'сорить добром, мотать?', (твер.) 'врать, городить чепуху' (Даль² IV, 548). Фасмер считает, что развитие значений было следующим: 'колдовать' → → 'обманывать' → 'воровать' (Фасмер IV, 237). Даль приводит также приставочные образования *хими(о)стить – схи́ми(о́)стить* что, новг., твер., перм., волог. 'сплутовать, смошенничать; стянуть, стащить, слямзить, украсть' (Даль² IV, 369), *ухи́мистить* что, твер. 'схимистить, стащить, украсть' (Там же 524).

Рус. *поси́ститься*

В словаре говоров Среднего Урала зафиксирован гл. *поси́ститься* в значении 'показаться, померещиться' "Чё ет тебе там *поси́стилось*? *Посистилось*, будто миня *мидве́дь* душит. Да ето вам *посистилось*" (Сл. Сред. Урала IV, 103). Это слово ещё никем не этимологизировалось.

Представляется возможным объяснить его как инфинитив с вторичным оформлением окончания к *посести* с переходом под ударением этимологического *ě* > *и*, от *сести*, которое имеет, в частности, значения: безл. 'стать, наступить (о каком-л. состоянии)': "Я этим печенем помазалась, и будто бы с того мне легче *село*" (новг.), 'случаться, произойти' (твер.) (СРНГ 38, 239). Здесь же приводится выражение *ни село, ни пало* – 'Еще ничего не произошло, не сделано, не начато' (Там же). Ср. также *при́мань села* 'случилось что-л. необыкновенное' (СРНГ 31, 286). Продолжения праслав. **posědti* демонстрируют такие, в частности, значения: укр. диал. *посі́сти, ся́демо, сядете*, сов. 'установиться (про погоду)' "*Пос'і́ла* жарка́ пого́да" (Лисенко 169), укр. диал. *напосі́стися* 'накинуться, пресуетиться, напасть'[29]. Русск. диал. *посе́сться*, значит 'усесться, рассесться' (тамб.), 'сесть на яйца (о наседке)' (Груз. ССР), а также 'ослабеть, обессилеть, заболеть от жары (о домашней птице)': "*Посесться* на ноги" (Груз. ССР) (СРНГ 30, 153). Ср. также *посе́сть* 'утратить способность трудиться' (Перм. словарь II, 180).

Данные болгарского языка, демонстрирующие значения *сѣдѫ*, в частности безл. *сѣди́ ми* – 'становиться, казаться, чудиться' – "Сѣди ми грозно, сѣди ми щуро" (Геров V, 308)[30], служат подтверждением предлагаемой этимологии. Т.е. 'становиться, наступать (о каком-либо состоянии)' → 'казаться, мерещиться'? Или же 'случаться, происходить' → 'казаться, мерещиться'.

Анализ семантических моделей глаголов со значениями 'казаться, чудиться' как будто подтверждают такие изменения значений. Ср. *сде́коваться*, сов. 'произойти, случиться' (свердл.) и *сде́кнуться*, сов. безл. 'привидеться, показаться (при миражах на воде)' (СРНГ 37, 58), *поде́яться*, сов. 'сделаться, приключиться' (курск., тул., калуж., тамб., ворон., донск., новг.), 'померещиться' (брян., орл.) (СРНГ 28, 5), а также *деа́ние, дейа́ние* ср. 'мифологическое существо: нечистый дух; чудовище'; ср. *попритчиться* 'приключиться, случиться (о чем-либо неприятном)', безл. 'померещиться, показаться' (Сл. Сред. Урала. Доп. 443). Интересно в этом плане выражение *приключа́ться в глаза́* 'чудиться, мерещиться; представляться' (Орловск. словарь 11, 35). Ср. также родственное **sědti* русск. *приходи́ть* 'входить, заходить в дом', безл. 'видеться, казаться': "Они [девки] смотрят в кольцо, им приходит как фотокарточка, кто замуж возьмет"; *прихо́дна*, ж. – 'болезнь, вызываемая колдовством' (Словарь Карелии 5, 223). Ср. *засе́д, -а*, м. 'в суеверных представлениях скопление болезней (вызванных злыми духами)' (казан.) (СРНГ 11, 24). В этой связи блр. диал. *ро́сісць* 'нечто дурное' ("Есьце, щоб вас поела *росісць* (проклятие) – Тураўскі слоўнік 4, 311) можно проэтимологизировать как **orz-sěstь*, от праслав. **sědti*. Ср. там же *росо̂ха* (< **orzsoxa*), *росо́л* 'рассол'

(< **orzsolъ*) (Там же, 316). Интересно также родственное лат. *insĭdiae, ārum* f. pl. [*insiideo*] 'засада', 'интриги, козни', 'ловушка'[31]. Ср. с.-хорв. *насáдити* 'посадить', ~ некого 'обмануть, надуть, подвести кого-л.' (Толстой[2] 289).

В рассмотренном выше рус. *посéсться* также обращает на себя внимание значение 'обессилеть, заболеть от жары (о домашней птице)', ср. наречие *вдóсесть* 'до изнеможения, до устали' (арханг.) (СРНГ 4, 88), арханг. *испересéстись* и *испересéсться* 'сильно утомиться обессилеть' (СРНГ 12, 227), *в сад сéсть* 'заболеть от внезапного потрясения' (ворон.) (СРНГ 36, 20), *осесть* сов. 'ослепнуть' "Глаза *осели*, ничего не вижу" (Там же 23, 357).

Возможно также, был переход значений 'утомлять, заболеть' – 'казаться, мерещиться', ср. арханг. *прикóхло*, безл. 'прихватило о болезни' и олон. 'привидеться, показаться' (СРНГ 31, 260), или же трансформация значения 'ослабляться о зрении, свете' в значение 'казаться, мерещиться'. Ср. нижегор. *просéсть* сов. 'потускнеть (о чем-л. блестящем)'. "Полировка *просела*" (СРНГ 32, 227), кашуб.-словин. *usadac* impf., *usadnǫc* pf. фиг. (о керосиновой лампе или свече) 'гаснуть' (Sychta V, 8).

С точки зрения словообразования **посеститься* – инфинитив с вторичным оформлением окончания. В русских говорах записана форма *сéстить*, сов., неперех. 'сесть': "Я вспомнила, надоть туда пойтить *сестить*" (том.) (СРНГ 37, 233). Ср. еще целый ряд подобных образований: *подвестúсь* 'осунуться, похудеть', *подвестúться*, сов. то же (Орловский словарь 10, 35), *полестúся*, сов. 'поласкаться', *полестúться* сов. то же (олон., ряз.) (СРНГ 29, 61), есть, *éсти* и *éстить, éститься* несов. 'принимать пищу' (Псков. словарь 10, 136), найти сов., перех. 'найти, отыскать' и найтить то же (СРНГ 19, 301), *принестú* сов., перех. 'родить', *принестúть* сов., перех. то же (Сл. Сибири 3, 173) и др.

Примечания

1 *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984, 85.
2 Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части России. III / Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. М., 1996, 245.
3 Англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер и С.К. Боянус. М., 1928, 98.
4 Англо-русский метеорологический словарь / Сост.: М.И. Айнбиндер, Н.М. Аллёнова, Н.А. Галл, Л.В. Савина. Под ред. Б.Д. Астапенко. М., 1959, 20.
5 Шведско-русский словарь / Сост. Д.Э. Миланова. Изд. 4-е, исправ. и доп. М., 1973, 419–420.
6 *Маштаков П.Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.
7 *Яшчыкоўская М.У.* Лексіка гаворкі вёскі Зімовая Буда Мазырскага раёна // З народнага слоўніка. Мінск, 1975, 162.

[8] Шведско-русский словарь. 49.
[9] Диалектологический атлас русского языка. 245.
[10] *Левицкий В.В.* Этимологический словарь германских языков. Дополнения и исправления. Черновцы, 2001. Т. 4, 49.
[11] *Климчук Ф.Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. М., 1968, 45.
[12] *Сацута І.У.* З лексікі вёскі Крытышын Іванаўскага раёна / Жывое народнае слова. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 1992, 96.
[13] *Корзонюк М.М.* Матеріали до словника захидно-волинських говірок // Українська діалектна лексика. Збірник наукових праць. Київ, 1987, 104.
[14] *Кузнецова О.Д.* Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений). Л., 1985, 43.
[15] Матеріали до словніка буковинських говірок / Ред. кол.: К.Ф. Герман, К.М. Лук'янюк (відповідальний редактор). В.А. Прокопенко. Чернівці, 1979. Вип. шостий, 89.
[16] *Быкава Н.У.* Лексемы іншамоўнага паходжання ў назвах жывёльнага свету // Жывое народнае слова. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 1992, 189–190.
[17] *Трухан Т.М.* З гаворкі вёскі Замошша Люганскаґа раёна // Жывое наша слова. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 2001, 158.
[18] *Мурзаев.* Указ. соч. 140.
[19] *Востриков.* Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 5. Магия и знахарство. Народная мифология. Ек., 2000, 37.
[20] *Никончук М.В., Никончук О.М.* Транспортна лексика правобережного Полісся в системі східнослов'янських мов. Київ, 1990, 196.
[21] *Усціновіч А.К.* Так гаворацъ у Купіску // Народная словатворчасць. Мінск, 1979, 42.
[22] *Сцяцко П.* Дыялектны слоўнік (З гаворак Зэльвеншчыны). Мінск, 1970, 32.
[23] *Паламарчук Л.С.* Словник специфічної лексики говірки с. Мусіівки (Вчорайшенського району, Житомирської обл.) // Лексикографічний бюллетень. Київ, 1958. Вип. IV, 25.
[24] *Востриков.* Указ. соч. 37.
[25] Там же, 40.
[26] Там же, 65.
[27] *Корань Н.Д.* Да палесскага дыялектнага слоўніка // З народнага слоўніка. Рэд. А.А. Крывіцкі, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1975, 160.
[28] *Клімчук Ф.Д.* З лексікі вёскі Камянюкі Камянецкага раёна // Жывое народнае слова. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 1992, 51.
[29] *Сизько Т.А.* Словник діалектної лексики говірок сіл південно-східної Полтавщини. Дніпропетровськ, 1980, 59.
[30] *Хитов Х.* Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // БД IX, София, 1979, 139.
[31] *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1986, 407.

Л. Димитрова-Тодорова

БОЛГАРСКОЕ *СТВОЛ* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЯ БОЛИГОЛОВ (CONIUM MACULATUM)

В основе ряда болгарских диалектных названий растения болиголов (Conium maculatum) лежит слово *ствол* 'наземная часть растения, из которой выходят ветви или листья; стебель ствол', соответствия в других славянских языках см. Фасмер III, 749. Такие названия, как *солàк, сòлика, цвол, цвòлика, цволѝка, цволига, цòлак, цòлка*, претерпев существенные фонетические изменения, в значительной мере утратили свой первоначальный звуковой облик, и их связь со словом *ствол* может быть доказана только посредством фонетико-этимологического анализа. Мотивирующим признаком наименования растения Conium maculatum словом *ствол* или его производным является хорошо выраженный высокий полый ствол растения. В семантическом отношении ср. русск. названия растения болиголов (Conium): стволы́ (форма мн. ч. от *ствол*, сродни болг. *ствол*), *ствольняга* и *ствольняк*, производные от русск. *ствол* (Даль[2] IV, 319).

Название *солàк* засвидетельствовано в с. Копривец, Беленско[1], а *сòлика* – в г. Дебыр[2]. Вариант *сòлика* зарегистрирован и у Герова (Геров V, 217), но без указания на местный говор. Оба названия являются результатами фонетического упрощения *ство-* > *сво-* > *со-* более ранних форм **стволàк*, **ствòлика*, образованных от *ствол* посредством суфф. *-ак* и *-ика* (часто встречающихся во многих наименованиях растений, таких как *бъзàк, гулàк, медàк; блèника, бòрика, зеленѝка, иглѝка, смрàдлика*). Фонетическое упрощение *ство-* > *сво-* > *со-* встречается и в болг. диал. прилаг. *солуват* (из *стволовàт* 'ветвистый; раскидистый; имеющий большой, хороший ствол; имеющий много стволов; ствольный', производного от *ствол*, Геров V, 255) в его формах ср. р. и мн. ч.: *солувату* с вероятным значением 'ветвистое, стеблистое' (в тексте народной песни из с. Сливо поле, Русенско: *Пумамил е сиву стаду, / по ливади солувату, / солувату, кършувату*[3]), *солувати* в знач. 'с низкими ветвями (о деревьях)' (в тексте народной песни из обл. Шумена: *Пасъл ми й Стувян Стувенчу / хилядъ дребни шилефтъ, / петстотин вакли ми й овци... / Чи ги Стувенчу подплънни / пуд солувати орефи, / пуд клонувати чиреши...*[4]). Следует отметить, что *стволовàт* имеет еще один фонетический вариант в народной речи – *столовàт* 'раскидистый, разветвленный', который получился из *стволовàт* в результате фонетического упрощения *ство-* > *сто-* (как и гл.

стòря из более раннего **ствòря*, варианта диал. *створя́* 'сделать, наделать'[5]) или является производным от диал. *стол* 'ствол' (Геров V, 262), в котором обнаруживается то же самое фонетическое упрощение.

Название *цвол* (употребляемое и как наименование растений Chaerophyllum и Chaerophyllum bulbosum[6]), тождественное диалектному слову *цвол* 'ствол' (Геров 5, 521; объяснение см. Младенов 608), происходит из *ствол* в результате фонетического изменения *ст-* > *ц-*, как в диал. *цъклò* от *стъклò*. Ему точно соответствует русск. диал. *цвол* 'ствол пушки' (из *ствол* с изменением *ст-* > *ц-*, ср. Фасмер IV, 293, где выводится из *ствол*).

Фитонимы *цвòлика, цволѝка, цволига, цòлак* и *цòлка* в издании Ахтарова[7] могли бы быть новообразованиями, производными от *цвол* с суф. *-ика* (как в *сòлика*), *-ига* (как в *вратѝга, комунѝга, метлѝга, овсѝга* и в др. названиях растений), *-ак* (как в *солàк*), *-ка* (как в *бѝсерка, гвòздейка, колѐнка*), или рефлексами старых образований *ствòлика, *стволѝка, *стволига, *ствòлак, *ствòлка.* Названия *цòлак* и *цòлка* – результат фонетического упрощения *цво-* > *цо-* первичных слов **цвòлак* и **цвòлка*. Вариант *цòлка* может восходить к **цвòлика* в результате элизии *-и-* в безударной позиции.

Названиям *цвòлика, цволѝка* (из **ствòлика*, **стволѝка*) точно соответствуют сербохорватское *цвòлика* 'растение болиголов, Conium maculatum', и 'полый травянистый стебель' (производное с суф. *-ика* от не засвидетельствованного с.-хорв. соответствия болг., *цвол,* см. Skok I, 283) и словен. *stvolíka* 'растение Cicuta virosa' (производное от *stvol*, см. Bezlaj III, 339, где приведено и словен. *cvolína* 'растение болиголов, Conium maculatum').

Примечания

[1] Диалектный архив при Институте болгарского языка.

[2] Материали за български ботаничен речник, събрани от Б. Давидов и А. Явашев, допълнени и редактирани от Б. Ахтаров, София, 1939, 141, 515. (Далее – *Ахтаров*).

[3] Народни песни от Североизточна България. Т. 1, София, 1962, 88.

[4] Сборник за народни умотворения и народопис. Т. 35, София, 1923, 371.

[5] Ср. Т.Ат. Тодоров в статье о *подстòря* и о других формах, в печати в "Rocznik Slawistyczny".

[6] *Ахтаров*, 131, 537.

[7] *Ахтаров*, 141, 537; *Геров* V, 521.

И.Г. Добродомов

И ЕЩЕ РАЗ К ЭТИМОЛОГИИ РУС. *РÁМЕНЬ(Е)**

Слову *рáмень* (и его суффиксальному варианту *рáменье*) были посвящены отдельные этюды, принадлежащие Г.А. Ильинскому, Ю.В. Откупщикову, Ю.И. Чайкиной, Н.И. Толстому, Л.В. Куркиной[1], но до сих пор остаются в силе итоговые мысли (не считая беглых замечаний по поводу) первого автора: "О происхождении этого слова этимологической науке до сих пор не удалось сказать ничего положительного" (с. 179).

Основным недостатком существующих работ по истории и этимологии слова *рáмень(е)* следует считать отсутствие источниковедческого анализа использованного материала и наивное потребительское отношение к последнему, исключением из чего являются работы Г.А. Ильинского и Н.И. Толстого, которые отметили наличие ложной этимологической рефлексии в некоторых толкованиях.

Важно учесть, на основе каких материалов строились этимологические разыскания. Слово *рáмень* обратило на себя внимание в письменных памятниках и первоначально сопровождалось пометой как слово *старин*(ное). В научный обиход слово *рамень* вошло (не без недоразумений) в самом конце XVIII в. стараниями Российской академии. В четвертой части предварительного списка подлежащих толкованию русских слов (Аналогические таблицы, ч. I–V, СПб., 1784–1787) значилось: "*Рамéнь*, мня м. *черной лѣсъ, какъ то дубъ, вязъ и другiя деревья*" (с. 47). Но в самом "Словаре Академии Российской" слово получило помету *старин*(ное) и летописную иллюстративную цитату, которую сотрудники Академии нашли в публикации: "Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением Имп. Академии наук" тщанием С.С. Башилова и А.Я. Поленова под наблюдением А.-Л. Шлёцера (ч. 1–8, СПб., 1767–1792): "**РАМÉНЬ**, мня́. с. м. старин. Строильный, годный на строенïе лѣсъ. *А лѣсы старые, и боры, и раменье и дубы изъ корене исторже.* Ник: лѣт. V. СПб, 1789, 286"[2]. Академические лексикографы не заметили, что это единичное реестровое слово *рамень* они снабдили иллюстрацией, где фигурирует совсем другая его форма *раменье*, а в более позднем издании летописи здесь под 1460 годом читается *раменiа* и как вариант *рамень* (Полное собрание русских летописей,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) – грант № 06-04-00482а.

т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1901, 113).

В последующем издании этого же Словаря в статью добавлено указание на второе склонение, но опущен не вполне подходящий иллюстративный пример: "РАМЕ́НЬ, мня́, с. м. 2 скл. старин. Строильный, годный для строенія лѣсъ" – зато добавлено второе значение под прилагательное: "РАМЕ́ННЫЙ, ная, ное, прил. 1) Плечный. 2) Строевый. *Раменный лѣсъ*"[3]. Это повторено и в словаре П.И. Соколова почти дословно: "Раме́нный, ая, ое. 1) Плечный. 2) *стар.* Строевый. *Раменный лѣсъ*. Раме́нь, мня, м. 2. *стар.* Строильный, годный на строеніе лѣсъ"[4].

На этом основании швейцарский лексикограф Ф.И. Рейф поместил в словарное гнездо под славенским существительным *ра́мо* (мн. число *рамена́*) 'épaule' с прилагательным *раме́нный* 'd'épaule' сочетание *раменный лѣсъ* 'bois de construction' и существительное *раме́нь* (род. п. *рамня́*) с тем же значением 'bois de construction'[5].

Терминологические словари середины XIX в. дали мало интересного материала, переместив, однако, слово в терминологию видов леса из наименований строительного материала, добываемого в этих лесах: "Л ѣ с а р а м е н н ы е. Такъ называются въ Низовыхъ губерніяхъ лѣса, смѣшанно растущіе. См. ниже это слово": "Л ѣ с а м и с м ѣ ш а н н о р а с т у щ и м и называются такіе, въ которыхъ, на всемъ протяженіи лѣсной дачи, попадаются деревья различныхъ породъ и разныхъ возрастовъ, въ безпорядочномъ смѣшеніи..."[6].

"Р а м е н к и. Сортъ яблонь. Р а м е н ь. Обыкновенное строевое дерево, толщиною от 5 до 8 вершковъ въ отрубѣ и длиною отъ 5 до 7 саженъ. Терминъ лѣсопромышленниковъ. Р а м е н ь е черное. См. *Черное раменье*. Ч е р н о е р а м е н ь е. Мокрое мѣсто, на которомъ растетъ болѣе сосна"[7].

В "Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном Вторым отделением Имп. Академии наук", указан также и вариант *ра́менье*, причем сделана не вполне последовательная попытка уточнить ударение в форме *ра́мень*, не распространившаяся на косвенные падежи, и указано совсем другое значение, но иллюстративный пример взят из письменного памятника, а не из живого языка: "**РА́МЕНЬ**, **мня̀**, *с. м.* и **РА́МЕНЬЕ**, я, *с. ср.* Лѣсная поросль на запущенной пашнѣ. *Да по край Өедоровы пашни на ручей, да на уголъ Гридина мху, да на раменье на пихтовое.* Акты Юр. 170". При этом интересно прилагательное: "**РАМЕ́ННЫЙ**, ая, ое, *пр.* 1) *Церк.* Плечный. 2) *Стар.* Относящійся к раменью", из чего ясно, что основным из вариантов *ра́мень* и *ра́менье* считается последний[8].

Приведенный иллюстративный пример представляет собой цитату из старинного документа "Разъезжая на земли Кириллова монастыря и крестьян Масленской волости 1555 г."[9].

Впервые приведенная в Академическом словаре 1847 г., эта цитата из разъезжей грамоты получила далее необычную популярность у лексикографов и лексикологов: ею иллюстрировались разные и лишь частично сближающиеся значения слова *раменье*, начиная со словаря В.И. Даля: "лѣсъ, сосѣднiй съ полями, съ пашней" (Даль[2] IV, 56); "лѣсъ на краю пашни" (Срезневский III, 65); "угодье; лес по краю пашни"[10]; "участок хвойного леса"[11]; "Заброшенная пашня (обычно в лесу); лесная поросль на заброшенной пашне; смешанный, а иногда и настоящий хвойный лес" (СлРЯ XI–XVII, 21, 268). В последнем случае указание на пашню[12] явилось под влиянием ошибочной идеи Ю.В. Откупщикова о принадлежности слова *раменье* к терминологии подсечно-огневого земледелия, о чем речь пойдет дальше при обзоре этимологических трактовок этого ландшафтного термина.

Из "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И. Даля эта цитата из разъезжей 1555 г. почему-то попала даже в "Словарь русских народных говоров" (в. 34. СПб., 2000, с. 96) как иллюстрация к 4 значению слова *ра́ме́ньé*: "4. То же, что рамень (в 5-м значении) *Да по край Федоровы пашни на ручей, да на угол Гридина – мху, да на раменье на пихтовое*. Даль. Кологрив. **Костром.**, 1896. **Прикамье, Зауралье**". А 5-е значение слова *ра́мень* представляет собой неточную формулировку из словаря В.И. Даля: "Лес, примыкающий к полям, к пашням" (СРНГ 34, 96, 95). Белозерская привязка цитаты почему-то подменилась Кологривской, а также Прикамской и Зауральской (?).

Вероятно, колебания в определении семантики загадочного слова *рамень(е)* привели Ф.П. Филина к неутешительному выводу: "Этимология этого слова остается неустановленной, поэтому его первичное значение гадательно. Старорусские (т.е. среднерусские. – *И.Д.*) тексты, в которых встречается *раменье* и его производные, не позволяют с достаточной точностью определить семантику данного термина, однако несомненно, что он был полисемантичен"[13].

Только к середине XIX в. выяснилось, что слово *ра́мень(е)* неплохо сохранилось в некоторых русских народных говорах, где более легко выяснить как его семантику, так и форму.

Обращение к народному русскому языку позволило установить истинное место ударения на первом слоге *ра́мень*, принадлежность слова к женскому роду и отсутствие беглости гласного *е* при склонении, относительно чего в предыдущих фиксациях часто делались ошибки, поскольку составители словарей опирались до этого исключительно на материалы письменности, где такие данные обычно не обнаруживались: "**РА́МЕННЫЙ**, АЯ, ОЕ, *пр.* Относящiйся къ раменью, боровой. *Раменные дрова.* Дрова изъ бору. Р я з. *Касим.* **РА́МЕНЬ**, и, *с.ж.* 1) Мѣсто, гдѣ растетъ дремучiй большой

лѣсъ, годный на строеніе. *Мы ѣхали такой раменью, что инды страшно.* В л а д и м. *Муром.* 2) Большой казенный лѣсъ. К о с т р о м. *Кинеш.* **РА́МЕНЬЁ**, я, *с.ср.* 1) То же, что ра́мень в 1 значеніи. В л а д и м. *Покров.* 2) Крупный дремучій лѣсъ. В я т. П е р м. *Шадр.* **РАМЕ́НЬЕ**, я, *с.ср.* Деревня, построенная на полугорѣ, на скатѣ горы. В о л о г. *Верховаж.*" (Опыт 188).

Что касается ударения *раме́нье* 'деревня на скате горы', то есть основания считать его ошибочным и не соответствующим первоисточнику, как это видно из первичных архивных материалов, использованных Н.И. Толстым для показа своеобразия слова раменье в говорах Русского Севера: «В Череповецкой, Вологодской и Северно-Двинской зонах *раменье* 'свободное от леса, но окруженное лесом пространство': сев. двинск. *ра́менье* 'пустошь' (с. Усьянско-Дмитриевское, Романов 1928), череповецк. – *рамени* 'луговые сенокосные пространства среди леса' (Герасимов 1893, Герасимов 1910), вологодск. *ра́менье* 'чищенье в лесу' (Кадниковск. у. Дилакторский 1898). Отсюда, вероятно, и значение, отмеченное для Верховажья б. Вологодской губернии А. Шайтановым в 1849 г.: "*ра́менье* – так во многих местах зовутся деревни, стоящие в полу-угоре (далее следует ложная этимология. – *Н.Т.*), как будто на раменях гор, или как будто горы служат рамами"[14] (отсюда и Опыт 1852 и позже Даль СЖВЯ и Дилакторский 1902)»[15]. Точно отражавший материал своих источников, Н.И. Толстой не считал лишним передавать и учитывать даже не имеющие прямого отношения к семантике слов этимологические рефлексии лексикографов, что особенно ярко сказалось у В.И. Даля.

Фиксация этого слова в Гороховецком уезде Владимирской губернии в 1854 г. дала возможность установить, что *рамень* как обозначение лиственного леса противопоставляется *бору* как обозначению леса соснового: «Корреляция лесного термина *раменье* с другими терминами может быть построена и на основе признака породы деревьев (ср. владимирск. *ра́мень* 'большой березовый лес' в отличие от *бора* 'большого соснового бора'), но чаще всего она возникает на основе признака "величины" и "дремучести"»[16]. Вероятно, это отражено и в цитате из Никоновской летописи в первом издании "Словаря Академии Российской".

К самому началу 60-х гг. XIX в. относится и первая не очень внятная попытка этимологизации слова *раменье* и использование этимологии применительно к характеристике трудовой деятельности русского земледельца: "Главная его дѣятельность на полѣ; лѣсъ – граница его взорамъ на отдалённом небосклонѣ, а также и граница его воздѣланному полю; поэтому отъ слова *раменье* – лѣсъ – происходитъ областное названіе границы: *зараменье,* а также и просто *рама*"[17].

Одна из ранних фиксаций слова в фольклорных текстах сопровождается толкованием в глоссарии: "**Раменье**, с.ср. *Мѣсто, гдѣ растетъ большой строевой* лѣсъ. Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по раменью. I, 1, 2, 66"[18]. Но в других фольклорных изданиях, как отмечает Н.И. Толстой, толкование позже оказывается иным: "Так, например, для одного и того же отрывка текста "...скакал по темным лесам и по раменью..." в сборнике Кирши Данилова дается пояснение *раменье* 'густой лес, лес соседний с полями' (толкование А.П. Евгеньевой)[19], а в сборнике П.Н. Рыбникова *раменье* ср.: 'место, где растет большой строевой лес' ("Песни, собранные П.Н. Рыбниковым", ч. I. Петрозаводск, 1864)"[20]. Еще одна редакция толкования дана в сводно-академическом диалектном словаре, причем со ссылкой на того же П.Н. Рыбникова и на весьма подозрительную фиксацию в иркутских говорах: "Возвышенное место в лесу, где растет большой строевой лес. *Бегал, скакал по темным лесам и по раменью*. **Олон**. Рыбников. **Иркут**." (СРНГ 34, 96).

Ф. Миклошич рус. *рамень* перевел латинским *dumetum* 'колючий кустарник' (Miklosich LP 783, Преображенский II, 181).

Наиболее полные сведения о слове *ра́мень(е)* в XIX в. дал В.И. Даль в своем "Толковом словаре живого великорусского языка", суммировав весьма значительный материал, но он был освещен в духе наивной этимологии, поскольку слово *рамень(е)* вызвало этимологические соображения В.И. Даля в направлении, подсказанном Ф.И. Буслаевым в 1861 г. Наш великий лексикограф закончил ими свою словарную статью о словах *обра́мливать, обра́мить, обра́мливание, обра́мленье, обра́мка*, где слово *ра́менье* даже и не должно было фигурировать: "***Обра́менье*** ср. *нвг.* околица раменья, чернолѣсья; опушка лѣсная: ***обра́мокъ*** м. края пожень, къ лѣсу, къ пригорью съ родниками, мочажинамъ. Эти слова наводятъ на мысль, не отъ рускаго ли корня *рамо*, плечо, вышло: *рама, рамка*, перейдя со славянскихъ наречій въ германскія? Не отсюда ли и наше *раменье*, оплечье пашень, чернолѣсье в концѣ пашень и пожень, кои всѣ почти образовались изъ расчистокъ и *обрамлены* лѣсомъ? (у Шимк⟨е⟩в⟨ича⟩ корня *рамо* нѣтъ). *Раменье, вост.* краснолѣсье, и *рамяно́*, красно, румяно, можетъ быть значенье производное" (Даль² II, 634).

Совместное употребление названия леса и глагола *обрамить* (с его производными) в разного рода контекстах типа следующего: "На пути то и дело к дороге прижимаются озера в красивом обрамлении зеленой шевелюры хвойного леса"[21] – привело к тому, что малознакомое название леса *рамень* стало ассоциироваться с этим глаголом и существительным *рама*.

Это объединение слов *ра́мо* (мн. *рамена*) 'плечо, пле́ко, уступ от шеи, округлый спуск и часть руки́ до локтя: плечевая кость и т.д.' с производными, *ра́ма* 'пяла, четырехугольная (а затѣмъ уже всяко-

го вида) обвязка, как бы отплечье' с производными, *рамяный* (стар.) 'обильный, сильный, бченный' и *рáмень, рáменье* начинается применительно к двум последним этимологическими соображениями на базе слов *рама, обрáменье, зарáменье* (даны светлым курсивом) и постепенно переходит в описание реального лексического материала, поданного жирным курсивом: "*Рáма*, стар. межа, граница, обводъ, обходъ участка земли, по владенью; *рама*, нынѣ *обрáменье*, край, предѣлъ, конецъ пашни, которая упирается в лѣсъ, либо расчищена среди лѣса, какъ встарь большею частью, и нынѣ тоже нерѣдко на сѣвѣре и востокѣ Руси, отсюда *зарáменье* или ***рáмень*** ж. и ***рáменье*** ср. лѣсъ, сосѣднiй съ полями, съ пашней. *Да по край Ѳедоровы пашни* (идетъ межа, *рáма*) *на ручей, да на уголъ Гридина-мху, да на раменье на пихтовое*, Акты юрдчск. Нынѣ *рамень* и *рáменье, кстр. ряз.* мѣшаное чернолѣсье, ель пихта, липа, береза, осина, болѣе по суглинку съ моховиной; *кстр. прм. вят. влд.* густой, дремучiй, темный лѣсъ, большiе казенные лесá, гдѣ есть распашка; глушь, лѣснáя непроѣзжая, безъ дорогъ, гдѣ только по опушкѣ есть починки и росчисти; || *раменье, влгд.* деревня, селенье подъ лѣсомъ; есть также названiе деревни *Рáменье (нвг.)*. || *Рамень*, у промышлнкв. бревно въ 5–7 саж. *Въ лѣсу да въ раменѣ кипитъ, да взвариваетъ* (муравейникъ)? ***Рáменка*** *каз.* островъ, клинъ, полоса однороднаго лѣса. *Лѣсъ не мѣшанный, а все раменками.* ***Рáменный***, стар. ***рáменскiй***, лѣсной, боровой, вообще къ рамени, лѣсу относящс. *Рáменный сабельникъ*, растн. Comarum palustre. || *Рáменскiй*, шутч. прозвище медвѣдя". Затем после слов: "***Раменка*** ж. ***раменокъ*** м. оплечье, оплечекъ, часть рубахи и иной одежды, кроющая плечо" – составитель снова возвращается к этимологическим рассуждениям: "*Рáма, рамка* отъ *рáмо, раменá; обрáменье*, окраина пашни, рбсчисти в лѣсу; *зарáменье* или просто *раменье*, лѣсъ, окружающiй поле, пашню, чищобу: такъ въ *кал.* губ. лѣсъ нерѣдко зовется краемъ, т.е. закраиною поля, раменьем – а *край* и *рама* одно и то же. Слово Rahmen въ немцы зашло отъ славянъ" (Даль[2] IV, 56–57).

Подобное же народноэтимологическое сближение названия леса *рамень* с появившимся в XVII веке германизмом *рама* (нем. *Rahmen*) отражается и в современной энциклопедической лексикографии: "**РÁМЕНЬ** – еловый лес на свежей (слабовлажной) суглинистой почве, отличающийся большой продуктивностью и высоким качеством древесины. Распространен гл. обр. в зоне тайги. Название "Р." связано с освоением лесных площадей под с.-х. угодья: площади пашни оказывались как бы в раме елового леса. Иногда Р. называют и другие виды темнохвойного леса"[22].

Производный от германизма *рáма* 'cadre' глагол *обрáмливать, обрáмить*, возникший в первой половине XIX в. не без влияния франц. глагола *encadrer* и первоначально им пояснявшийся (например, в письме П.А. Вяземского из Парижа от 14/2 марта 1839 г.:

"Довольно большая площадь обстроенная или *обрамленная, encadrée* четвероугольным зданием красного и белого цвета с галлереею внизу")[23] – был включен уже в словарь Ф.И. Рейфа: *обра́мливать, обра́мить* 'encadrer, mettre dans un cadre', прич. *обра́мленный*[24].

Хотя употребление слов *обрамить, обрамленный* вызывало протесты пуристов как портящее язык необычным словопроизводством ("когда вопреки свойству языка изменяется слово, при его производстве")[25], глагол *обра́мить* с производными в конкретном значении был включен также в словарь 1847 г.: "**ОБРА́МИТЬ**, *сов. гл.* обра́мливать. **ОБРА́МЛЕНІЕ**, я, *с.ср.* Дѣйствіе обрамившего. **ОБРА́МЛИВАНІЕ**, я, *с.ср.* Дѣйствіе обрамливающего. **ОБРА́МЛИВАТЬ**, ваю, ваешь, обра́мить, *гл.д.* Вставлять въ раму, оправлять рамою. *Обрамить окно*"[26].

К концу XIX в. широкое переносное употребление глагола *обрамить*, особенно в форме причастия *обрамленный*, превратилось в образец шаблонности приемов и манерности стиля и осуждалось, например, А.П. Чеховым в письме А. Жиркевичу от 2 апреля 1895 г.: «Теперь уж только одни дамы пишут "афиша гласила", "лицо, обрамленное волосами"»[27].

И.А. Бодуэн де Куртенэ, разбивая первоначальное обширное этимологически связанное гнездо *рамо*, куда не вполне правильно было включено и слово *ра́мень(е)*, не смог преодолеть трудности на пути к адекватному представлению материала вне гнезд и начальное слово (у Даля было напечатано *рама* светлым курсивом как элемент толкования на этимологической основе) пассажа со словом *ра́мень(е)* напечатал прямым жирным шрифтом и снабдил его грамматической пометой, благодаря чему оно приобрело облик реального толкуемого слова: "**Ра́ма** [ж.] стар. межа, граница, обводъ, обходъ участка земли по владенью; *рама*, нынѣ *обра́менье*" и т.д. (Даль[3] III, 1586).

И.А. Бодуэн де Куртенэ не справился с разбивкой этимологического гнезда *рамо*, куда ошибочно было включено *ра́мень(е)*, что впоследствии сказалось на этимологических суждениях о последнем.

Уже в 70-е годы XIX в. начались поиски этимологических соответствий в других языках, носившие характер нерешительных сопоставлений, впоследствии отвергнутых по разным причинам: "Рамень ramjeň m. *rus.* materia dřevo stavěcí, budovné; etymologicky temné; pochybno, zdali jest ve spojitosti s nřec. ῥᾶμνος, ῥάμνα větev s listím i plodem; nřec. ῥουμάνιον háj, les Gehölz, Wald jest sice významem bližší, tim vice se ale odchyluje formou"[28]. Эти соображения А. Маценауэра, хотя и высказаны были весьма осторожно, но подверглись строгому критическому разбору. Сопоставление *рамень* с древнегреческим ῥάμνος 'ветвь с листьями и плодами'[29], предложенное А. Маценауэром, несостоятельно, поскольку греческое ῥάμνος

уверенно соотносится со старославянским *вьрба*[30], на что обратил внимание М. Фасмер (III, 440), но вместо приведенного А. Маценауэром значения 'ветвь с листьями и плодами' для греческого слова дал значение 'терновник'[31]. М. Фасмер решительно отметает и другое столь же робкое соображение: "Относимое сюда Маценауэром нов.-греч. ῥουμάνι, οὐρμάνι 'лес' заимств. из тур. *orman* 'лес' и не имеет с русск. словами ничего общего" (Фасмер III, 440).

Весьма неуверенное сопоставление *рамень* и ср.-верх. нем. *râm, râme* 'цель' у И.В. Ягича сопровождается выразительными словами, что происхождение этого слова для него "nicht klar ist"[32], а М. Фасмер считает это сближение сомнительным (Фасмер III, 440).

Г.А. Ильинский, сравнивая *раменье* с англосакс. *wrōt* 'хобот, нос, рыло', др.-исл. *rōt* 'корень', др.-греч. ῥάδαμνος 'побег' (и далее лат. *rādia* 'корень', *rāmus* 'ветвь'), приписывал слову *рамень* первичное значение 'поросль', но и эти соображения не получили в дальнейшем признания[33].

Но в дальнейшем оказалось, что этимологические разыскания шли по линиям этимологизации, намеченным В.И. Далем и обнаруженным этимологами в его материале. В некоторых случаях просто повторялись этимологические соображения В.И. Даля, но приписывались они другим авторам, например, А.А. Потебне, который, цитируя и близко к тексту пересказывая материал В.И. Даля, ссылался, однако, на источник своих соображений: "Ср. ст.⟨аринное⟩ в⟨елико⟩р.⟨усское⟩ "*ра́ма*, межа, граница, обвод, обход участка земли; рама, ныне *обраменье,* край предѣл, конец пашни, которая упирается в лѣс, либо расчищена среди лѣсу, как встарь большею частью, а нынѣ тоже нерѣдко на сев. и вост. Руси; отсюда *зара́менье, ра́мень* ж., *ра́менье,* лѣс сосѣднiй с пашней", нынѣ в свр. вообще дрѣмучiй лѣс, гдѣ только по опушкѣ есть починки и росчисти; волог. *раменье,* селенiе, деревня под лѣсом; собств. имя деревни (Даль; Бусл⟨аев⟩. Оч. I, 99)"[34].

Резюмируя соображения Ф.И. Буслаева – В.И. Даля – А.А. Потебни о слове *рамень(е)* ("Потебня относитъ къ друс. р а м а *граница, край, предѣлъ пашни, которая упирается въ лѣсъ*"), А.Г. Преображенский задумывается над источниковедческой проблематикой: "Откуда это *рама*, неизвѣстно" – и примыкает к их идеям: "По значенiю можетъ быть соединено съ соврем. *рама* ('пяльца, обвязка из дерева, желѣза' и проч.); ср. особ. *обрамленный*"[35].

В своеобразной форме Далевская этимология была усвоена В.В. Виноградовым, не принявшим, однако, идею лексикографа о славянском происхождении немецкого слова *Rahmen* (которое и на самом деле является исконным немецким соответствием славянскому *кромá, крóмка*: ср. др.-в.-нем. *(h)rama* 'рама, станина' – Фасмер II, 380), при этом В.В. Виноградов не заметил, что «старинное русское

рама в значении ‘межа, граница, обвод, обход участка земли’» является результатом переосмысления германизма *рама* в этимологических соображениях В.И. Даля: “Этимологически современное слово *рама* связывается с немецким *Rahmen* (др.-в.-нем. *rama*). Предполагают, что в русский язык оно могло перейти через польское посредство. Это предположение ведет к допущению, что слово *рама* укрепилось в русском литературном языке не ранее XVII в. Украинскому и польскому языку также свойственно это слово в той же форме: укр. *рама,* польск. *rama, ramka*; ср. чешск. *rám, rámek, rámec* (Преображенский II, 180; Brückner 453). От этого слова обособляется как омоним старинное русское *рама* в значении: ‘межа, граница, обвод, обход участка земли’; ср. *раменье, обраменье* и т.п.”[36]

М. Фасмер, связавший *рамень(е)* с прилагательным *рамяный* ‘обильный, сильный, оченный’, следовал фактически не названному им при этимологии В.И. Далю (Фасмер III, 440), но специального обоснования этой этимологии у М. Фасмера нет, да оно особенно и не нужно, поскольку в *рамень(е)* четко выделяется компонент грандиозности, силы, величины.

Вслед за А.Г. Преображенским, Г.А. Ильинский обратил внимание, что слово *рама* ‘край пашни у леса’ не зафиксировано в древнерусских письменных источниках, впервые упоминается лишь у В.И. Даля и “поэтому можно сомнѣваться, существовало ли оно въ нашемъ языкѣ дѣйствительно, и не есть ли оно скорѣе плодъ недоразуменія геніальнаго русскаго лексиколога”[37]. Это замечание назвал справедливым Ю.В. Откупщиков, но сделал странный вывод: “Связь между словом *рамень* и *рама* (в последнем значении) очевидна. Во всяком случае, она не вызвала ни у кого ни малейших сомнений. Но у нас нет никаких оснований выводить первое из последнего”[38] (как и последнее из первого!).

Этимологические суждения Ю.В. Откупщикова о связи *рамень* с глаголом *орать* ‘пахать’ с опорой на мнимую литовскую параллель *armuõ* (род.падеж *armeñs* m.) ‘пашня’ от *árti* ‘пахать’ получили частичное признание[39].

Л.В. Куркина указала, что сама эта идея о словообразовательном параллелизме русского названия леса *рамень* и литовск. *armuõ* (род. падеж *armeñs*) ‘пахотный слой земли’, *ármens* plur. tant. ‘пахотьба’, *armenà* ‘пахотьба’ *armenà* ‘подпочва’, производных от *árti* ‘пахать’, принадлежит К. Буге[40], соображения которого фактически развивал Ю.В. Откупщиков, опиравшийся при этом на употребление слова *пашня* в очень этимологизированных словарных толкованиях В.И. Даля.

В этимологических соображениях Ю.В. Откупщикова главным было то, что в дефинициях В.И. Даля для слова *рáмень(е)* встречалось слово *пашня*: “Прежде всего, *рамень,* как правило, обозначает

не просто ‘лес’, а ‘лес, находящийся по соседству с пашней’. 〈...〉 Несомненно родственное со словами *рамень* и *раменье* слово *рама* обозначает ‘пашня рядом с лесом’. Следовательно, с одной стороны, *рамень* ‘лес рядом с пашней’, с другой – *рама* ‘пашня рядом с лесом’. И оба слова, как это признано всеми 〈?!〉 одного происхождения”[41].

Этимологические соображения К. Буги–Ю.В. Откупщикова настолько уязвимы семантически, что Ю.И. Чайкина, приемля шаткое и малоосновательное суждение последнего о принадлежности слова *раменье* к терминологии подсечно-огневого земледелия с предполагаемым развитием значения от неизвестного ‘пашня в лесу’, а потом уже ‘пашня, заросшая лесом’ > ‘лес на заброшенной пашне’ и, наконец, просто ‘лес’, рассмотрела слово *раменье* в разделе “История географической терминологии в говорах Белозерья”, а не в разделе “История лексики подсечно-огневого земледелия в Белозерье”[42].

Заброшенная лесная пашня зарастала одинаково как при подсечно-огневом земледелии (подсеке), так и при лесопольной пашенной системе, если пашня выпадала из хозяйственного оборота.

Обращает на себя внимание изменение отношения к этимологическим соображениям К. Буги–Ю.В. Откупщикова пермской исследовательницы Е.Н. Поляковой, которая в своем популярном словарике русской народной географической терминологии Пермской области «От “араины” до “яра”» (Пермь, 1988, 141) при рассмотрении пермского вариантного слова *ра́мене, ра́мено, ра́мень, ра́менье, ра́меньё, ра́мка* ‘хвойный лес’, ‘густой, труднопроходимый лес’ ссылается на мнение Ю.В. Откупщикова, но в популярных же рассказах о лексике пермских памятников письменности и говоров “Память языка” (Пермь, 1991, 12: “Ельник называют в Пермской области еще *раменьем, чапуригой, темным лесом*”; с. 48: “В пермских памятниках 〈..〉 называют 〈..〉 лес – *лесом* и *раменьем*”; с. 86: “В коми-пермяцких северных говорах 〈..〉 существует 〈русское〉 заимствованное слово *рамень*, но называют им сырое место, т.е. в нем развилось новое значение. Правда, в других говорах коми〈-пермяцкого〉 языка есть и слово *раменнё* 〈в составе сочетания *раменнё вöр*〉 (из *раменье, раменьё*), обозначающее высокий строевой лес, более близкое по значению исконному русскому слову”) уже ничего не говорится о подсечно-огневом земледелии, хотя это было бы интересно как факт памяти языка.

Принявший (с оговорками) этимологию К. Буги–Ю.В. Откупщикова С.Б. Бернштейн не обратил внимания на то, что такая этимология не учитывает разницу ударения в литовском *armuõ/armeñs* и русским *ра́мень*, а также устойчивую принадлежность последнего к женскому роду, хотя и включил *рамень* в число слов с суф. *-men-*,

однако подчеркивая, что последний образовывал существительное лишь мужского и среднего рода[43].

Не обращая внимания на эти трудности семантического, акцентологического и морфологического характера, мешающие безоговорочному признанию этимологических размышлений К. Буги–Ю.В. Откупщикова, дальнейшее варьирование этой этимологии предложила Л.В. Куркина, также опирающаяся на сомнительный конструкт древнерусского слова **рама* 'межа, граница, обвод, обход участка земли по владенью' и привлекающая в связи с этим сюда этимологически неясное слово *ремень*. Но опора на несуществующее древнерусское слово **рама*, составленное В.И. Далем для этимологических целей, делает и этимологические соображения Л.В. Куркиной беспочвенными.

Л.В. Куркина считает историю развития значений у Ю.В. Откупщикова не отвечающей действительности и предлагает для этого другую схему, отталкиваясь от первичности сомнительного слова **рама* 'граница': 'пограничная полоса' > 'пашня на границе с лесом' > 'лес на краю пашни' > 'лес' и 'пашня'. Здесь, как видно из материала, и начальное значение 'граница' и конечное 'пашня' на самом деле не представлены в реальности.

Не спасает положения смелая попытка вывести несуществующее старинное слово **рама* из реального слова *раменье* с нереальным значением 'пашня', которые Ю.В. Откупщиков приписал и иллюзорному древнерусскому **рама*.

В связи с тем, что слова *обра́менье, обра́мок* были составлены (в соответствии с законами русского языка!) В.И. Далем для этимологизации загадочного *ра́мень(е)* и их существование независимыми источниками не подтверждается, их дальнейшая жизнь в словарях неразрывно связана только с именем великого лексикографа, на которого сделаны при них ссылки *Д.* или *Даль*:

"**Обра́менье**, я, *ср. Обл.* Опушка примыкающего к пашне леса, раменья (Вереха, Слов. лесов.). Н о в г о р. (Д.). Конец пашни, примыкающий к лесу (Д., при сл. *ра́менье*). **Обра́мок**, мка, *м.* Окраина пожни, примыкающая к лесу, к пригорью (Д.)"[44].

"**Обра́менье**, я, *ср.* Опушка примыкающего к пашне леса (раменья). **Новг.** Даль // Конец пашни, примыкающий к лесу. **Север.**, **Вост.**, Даль. **Обра́мок,** мка, *м.* Окраина пожни, примыкающая к лесу или возвышенности, с родниками и болотцами. Даль [без указ. места]" (СРГН 22, 195).

Не меняет сути дела более поздний словарь П.Н. Верехи, где ссылки на В.И. Даля нет: "**Обраменье.** Опушка лѣса"[45].

"Новгородский областной словарь", где даны новые интересные сведения о слове *рамень(е)* в связи со словами *рама, обрамить, обрамлять,* не знает слова *обраменье* (Новг. словарь).

Под большим подозрением находится и довольно странное слово *зара́менье*, которое с иным ударением было отмечено как новгородское и рязанское в “Опыте областного великорусского словаря” в 1852 г.: “**ЗАРАМЕ́НЬЕ**, я, *с.ср*. Все, что внѣ соседства, не по сосѣдству. Н о в г о р. Р я з.” (Опыт 66).

В.И. Даль изменил ударение при сохранении территориальной привязки: “**ЗАРА́МЕНЬЕ**, ср. *нвг. ряз.* полоса, мѣсто за раменьемъ, за лѣсомъ // Все, что по сосѣдству съ межей, съ границею извѣстныхъ владенiй, но внѣ ихъ” (Даль[2], 626).

Неоконченный академический словарь увидел внутреннее единство материалов “Опыта областного великорусского словаря” и В.И. Даля: “**Зара́менье** и **Зараме́нье**, ья, *ср*. 1. Все, что внѣ сосѣдства, не по сосѣдству. Н о в г о р. (Эрдм.), Р я з. (Диттель). 2. Полоса, мѣсто за раменьемъ, за лѣсомъ (Д.)”[46].

В сводном диалектном словаре механически продублированы материалы В.И. Даля и “Опыта” с не очень понятным редактированием: “**Зара́менье** и **Зараме́нье**, ья, *ср*. 1. З а р а́ м е н ь е. Место за раменьем – лесом. **Новг., Ряз.,** Даль. Вят. **Вят.** 2. З а р а́ м е н ь е. Все, находящееся рядом с межой, границей чьих-либо владений. **Новг., Ряз.,** Даль. 3. З а р а м е́ н ь е. Все, что находится не по соседству. **Новг., Ряз.** 1852” (СРНГ 10, 378).

Сводный “Словарь русских народных говоров” довольно часто весьма произвольно редактирует исходные материалы и столь же произвольно их объединяет, как, например, это произошло со странным материалом из “Словаря русских говоров Новосибирской обл.”: “**Ра́мень,** и, *ж*. Молодая поросль деревьев. – *Рамень – это подрост*. Сузун., Н. Сузун (Новосиб. словарь, 460)”. Эта единственная для Сибири фиксация слова *ра́мень* оказывается не вполне ясной, поскольку содержащееся в иллюстративном примере слово *подрост* двусмысленно, как явствует из плохо документированного и не поддающегося проверке иллюстративного примера к слову *подрост* ‘поросль молодых деревьев’ в четырехтомном “Словаре русского языка” (2-е изд., М., 1983, т. III, 214): *Подрост нельзя смешивать с подлеском. Подрост в будущем может стать лесом, подлесок никогда лесом не станет* (Зыков. Три аксиомы), что противоречит определению В.И. Даля: “*Подлѣсокъ* м. мелкiй лѣсъ по краю крупнаго” (Даль[2] III, 189).

В картотеку сводного “Словаря русских народных говоров” было влито последовательно 150 карточек по русским говорам Новосибирской области, доставленных А.И. Федоровым как “Сибирские диалектные слова (Новосибирская область). 1960” и около 3000 карточек как “Диалектные материалы, присланные Институтом экономики, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР. 1964–1966. [Материалы собраны в Сузунском и Ордынском районах

Новосибирской области...]" (СРНГ 1, 110; 3, 12). Вероятно, на основании этого фонда Н.И. Толстой сделал весьма важный вывод: "Из сибирских материалов известна лишь запись из Новосибирск. обл. *ра́мень, -еня* м. 'подрост в лесу' (с. Новый Сузун 1962, Карт. СРНГ)"[47]. Л.В. Куркина из сибирского региона фиксирует только по Новосибирскому словарю *ра́мень* 'молодая поросль деревьев' (Новосиб. словарь 460), но не учитывает сомнительную помету **Иркут.** при отредактированной дефиниции слова *ра́менье* из "Песен, собранных П.Н. Рыбниковым" (СРНГ 34, 96)[48].

В сводном академическом словаре из этого же новосибирского материала сделано два значения слова *ра́мень,* подогнанные под зачем-то отредактированные дефиниции академического словаря 1847 г. (и толкового словаря В.И. Даля): "4. Лесная поросль на запущенной пашне. Слов. Акад. 1847. Сузун. **Новосиб.,** 1965. 5. Лес, примыкающий к полям, пашням. Даль. Сузун. **Новосиб.,** 1965" (СРНГ 34, 96).

В связи со сказанным следует весьма осторожно и весьма критически относиться к диалектному материалу и особенно к его небрежной обработке в сводном "Словаре русских народных говоров". Приведу еще один пример в связи со словом *ра́минка,* зафиксированным в "Дополнении к Опыту областного великорусского словаря" 1858 г.: **"РА́МИНКА,** и, *с. ж.* Полоса. *Противу насъ за Волгою лѣсъ всякій ростетъ – и краснолѣсье и чернолѣсье, только деревья не мѣшаются между собою, а идутъ раминками: если ужъ ростетъ сосна, такъ сосна, а если выпадетъ осина, такъ и пошла все осина, да осина.* К а з а н. *Тетюш.*" (Доп. к Опыту, 228). В словаре В.И. Даля были исправлены как орфография, так и толкование: "***Ра́менка*** *каз.* островъ, клинъ, полоса однороднаго лѣса. *Лѣсъ не мѣшанный, а все раменками*" (Даль[2] IV, 58) при сохранении приуроченности к казанским говорам. В сводно-академическом словаре эти две орфографические разновидности одного слова даны как автономные лексемы: "**Ра́менка** ж. Остров, полоса или клин однородного леса. *Лес не мешанный, а все раменками.* **Казан.**, Даль" (СРГН 34, 94). "**Ра́минка,** *ж.* Полоса однородного леса. *Противу нас за Волгою лес всякий растет – и краснолесье и чернолесье, только деревья не мешаются между собой, а идут раминками: если уж растет сосна, так сосна, а если выпадет осина, так и пошла осина, да осина.* Тетюш. **Казан.,** 1858" (СРГН 34, 97).

Сбивчивые записи диалектной русской речи, где в дефинициях слов зачастую фигурируют несущественные компоненты значения, а иногда просто случайные, должны быть заменены более четкими дефинициями терминологических словарей, где фигурирует существенное, хотя терминология представлена в таких словарях и не во всей полноте: "**Раменниковое** *корье* (Пензенск.), считается однимъ

изъ лучшихъ для дубленія кожъ. Къ *раменнымъ* ивамъ относятся: *Salix caprea, S. aurita* и *S. cinerea*, вообще лѣсныя ивы, ростущія преимуществ. по леснымъ опушкамъ, раменямъ, и имеющія морщинистые, матовые листья. **Ра́менный** *лѣсъ* (Костром.), сóснов. бревна дл. 3 саж. и 6–10 вер. в верхн. отрубѣ, лучшихъ качествъ, малосучныя, на оконныя и дверныя рамы. **Рамень,** строевой лѣсъ, бревна, 5–7 саж дл., 5–8 вер. толщ."[49] В определении *раменного леса* явно присутствует этимологизационный компонент в виде *рам,* которые якобы из него делаются.

"**Раменка.** Полоса однороднаго лѣса (Каз.). **Рамень.** 1) Строевое дерево длин. 5–7 саж., толщ. 5–8 вершк. (Костр.). 2) Раменье. **Раменье.** Лиственный лѣсъ, смѣсь ольхи, березы, осины и другихъ мягкихъ породъ. **Р. черное.** Низкое мѣсто, на которомъ растетъ болѣе сосна (?) (Бурнашевъ. Опытъ терминолог. словаря. СПб., 1844). Въ Пермск. губ. такъ называютъ участки еловыхъ и пихтовыхъ лѣсовъ, на всегда очень мокрой почвѣ. По стариннымъ періодическимъ ⟨sic!⟩актамъ, *Р.* – лѣсъ сосѣдній съ полями"[50].

Надо сказать, что и терминологические словари и специальная литература обнаруживают колебания в определении понятия *рамень* и особенно в классификации *раменных лесов* и в отношениях их к другим видам лесов, а также в системных отношениях терминов: "**РАМЕНЬ,** народное название еловых лесов на С. лесной зоны; они развиваются на глинистых и суглинистых почвах и противополагаются борам, занимающим песчаные и супесчаные почвы. Некоторые лесоводы используют термин "Р." в целях классификации типов леса и различают: свежую Р., влажную, илистую, подболотную, сырую Р. и др. Подобная классификация типов леса искусственна, т.к. указание на растительность отсутствует"[51]. "Такіе мѣста наблюдаются по всѣмъ рѣкамъ Европейской Россіи, гдѣ только къ берегамъ подходятъ дюны. Въ Тамбовской и Саратовской губ. и въ З.Д.К. ихъ называютъ просто "ольхами" или "ольшанниками"; по средней Волгѣ онѣ носятъ характерное названіе "чернораменя" (Мельниковъ, Красновъ), а въ губ. Архангельской и въ Зауральѣ ихъ называютъ "сограми" (см. г. Кузнецовъ въ Труд. СПб., О. Ест. XIX и В. Аленицынъ. Очеркъ Троицко-Челябинскихъ озеръ. р. 24)"[52].

Правда, слово *раменье* по недоразумению попало и в историко-культурные словари архаической русской лексики, где оно выглядит чужеродным элементом, но необщеизвестность слова очевидна. В этих определениях уже содержится терминологическое обобщение: "**РА́МЕНЬЕ,** глухие смешанные леса, мшистые, сырые, в основном на суглинках; чернолесье с елью, пихтой, осиной, березой"[53]. "**РА́МЕНЬЕ** – глухие смешанные леса, так называемый *черный лес* с елью, осиной, березой"[54].

Традиция помещения слова *раменье* в словари не к месту идет, по-видимому, от церковнославянского словаря Г.М. Дьяченки, который включил в свой словник просто малознакомое слово[55], каких довольно много в этом словаре и которые не являются словами церковнославянскими.

В связи с неудовлетворительностью всех существующих этимологий, все они должны быть пересмотрены на предмет их совершенствования и устранения имеющихся препятствий для их приятия. В этой связи представляется перспективной одна из двух осторожно высказанных А. Маценауэром этимологических возможностей. Фактически сопоставление А. Маценауэра рус. *рамень* и новогреч. ῥουμάνι 'лесная чаща, лес' затрагивает лишь два элемента весьма обширного ряда географических *терминов* в связи с тюркским названием леса типа *орман,* которое проникло и в русский язык в фонетической форме *урма́н* из поволжских (татар., башкир.) и западно-сибирских тюркских языков.

Впервые это слово с одним производным было зафиксировано лексикографами в Сибири: "**УРМА́ННЫЙ**, а г о, в знач. *с.м.* Медвѣдь. Т о б о л. *Тар.* **УРМА́НЪ**, а, *с.м.* Дремучiй лѣсъ на болотистомъ грунтѣ. Т о м." (Опыт 240).

Слово это четко привязано к Сибири как местный географический термин: "*Урман* – хвойный лес из пихты, кедра и лиственницы (Зап., Ср. Сиб., Тобольский север)"[56]. "**УРМА́Н** – густой незаболоченный хвойный лес в Зап. Сибири, большей частью с преобладанием пихты, с значительным количеством ели и кедра, иногда с примесью лиственницы. У. обычны в долинах рек"[57].

Единичная фиксация этого слова на Европейском Русском Севере вызывает сомнения: "**Урманъ** – дремучiй хвойный лѣсъ по болоту; лѣсная чаща, лѣсная глушь въ дремучемъ лѣсу (Архангельской губ.)"[58]. Статья эта в "Энциклопедическом словаре" обнаруживает явную зависимость от словаря В.И. Даля: "**УРМА́НЪ** м. въ *тоб.* произнс. *урма́нь*, татр. лѣсъ, особенно хвойный; дремучiе, обширные лѣса по болоту; въ *зпд.-сиб. урманъ,* что въ *встч.* тайга, дикiе необитаемые лѣса́, на огромном просторѣ; ель, сосна, пихта, кедръ и пр. ***Урма́нный,*** къ лѣсу относящс. ‖ *Тоб.* медвѣдь. ***Урма*** ж. *кстр.* звѣрокъ бѣлка, векша" (Даль² IV, 508). Над этой статьей находится вплотную к ней примыкающая однострочная статья: "**УРЛА́НЪ** м. *арх.* крикунъ, горланъ, горлопай". Не исключена возможность, что территориальная помета *арх.* к слову *урла́нъ,* весьма внешне похожему на сибирское *урма́нъ,* была ошибочно отнесена к последнему.

Вопреки категоричному суждению М. Фасмера, связь между тюркским названием *orman* 'лес' и русским *рамень* вполне возможна, поскольку тюркское слово проникло во многие языки Евразии:

макед., болг., серб. *орман,* алб. *ruman*, макед.-рум. *urmane*, перс. *ōрмāн*, курд. *urman*, рус. *урман* и т.д. – и являет собой образец так называемого бродячего слова[59].

В тюркологии название леса: *orma:n* (туркм.), *orman* (тур., караим., карач.-балкар., кумык., тофалар., казах.), узб. (*ўрмон*); татар., башкир. *urman*, чуваш. *вăрман* иногда рассматривается как "одно из древнейших индоевропейских заимствований в тюркских языках"[60], хотя конкретный источник не называется.

В целом тюркские общие названия лесов варьируются по регионам и связаны с разновидностями леса применительно к географическим условиям, но термин *орман* занимает здесь центральное место[61].

Если тюркское происхождение русского диалектного слова *урман* ни у кого не вызывает сомнения, то тюркское же происхождение другого диалектизма *рамень* исключается по следующим соображениям:

1) для слова *ра́мень* устойчиво ударение на первом слоге, что нехарактерно для тюркизмов; хотя редкие случаи переноса ударения на начальный слог в тюркизмах русского языка известны[62].

2) в отличие от *орман,* в русском *рамень* не соблюдается сингармонизм гласных по ряду, хотя в одном из тюркских языков (саларском) наблюдается нарушение гармонии гласных (*ормән*/*ormän*)[63].

Заимствование из русского языка в тюркские также выглядит маловероятным из-за большого распространения слова у тюрков (преимущественно западного ареала). В таком случае представляется весьма вероятным предположение заимствования русского *рамень* и тюркского *орман* из какого-то неизвестного третьего источника или отношение исконного родства в рамках ностратической семьи языков, для которых до сих пор не удавалось восстановить общее название леса.

Если в тюркском *орман* выделять суф. *-ман* с увеличительно-уподобительным значением[64], то корневую часть можно идентифицировать с финно-угорским названием леса, горы **wara-*, которое представлено в следующих языках: доперм. **wara-*, коми-зыр. *вöр* 'лес', удм. *вьір* 'возвышенность', 'холм' (< прапермск. **var-*), фин. vaara 'горка', 'сопка' и далее швед.-саам. *vā̦rre* 'лес', манс. *βōr* 'лес', *u̯ə̑r* 'покрытый лесом горный хребет'[65].

Мордовское название леса вир (*v́ir̍*) с реконструкцией прамордовской формы **vur-* В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев вслед за А.И. Поповым смело использовали для объяснения речных названий *Воргол, Варгол(ь)*; *Ворожба, Воробжа; Воронеж, Ворскла, Въръскла, Воръсколъ, Ворсклъ, Ворскло* бассейнов Дона и Днепра[66].

В таком случае придется отказаться от предпринятой в "Основах финно-угорского языкознания" финно-угорской реконструкции:

«лес: **womta* > с⟨аам⟩. *vuowˡde*, х⟨ант⟩. *wont*, *wont*, в⟨енг⟩. *vad* 'дикий', 'дичь', *vadon* 'глухой лес'» – обусловленной мадьяроцентризмом авторов соответствующего раздела[67].

Отношения между русским диалектизмом *рамень*, тюркским *орман* и финно-угорским типа коми-зыр. *вöр* можно до какой-то степени уточнить при опоре на топонимический материал, который также содержит в себе много неясного.

В качестве слова, употребляющегося в некоторых тульских говорах и не зарегистрированного ни в одном областном словаре, Ф.П. Филин приводит загадочное слово "*армань* – 'опушка леса на высоком берегу реки' (из тюркск. ⟨?⟩ *öрмäн* – 'лес'). Лес может быть вырублен, распахан и даже застроен, а урочище продолжает сохранять свое прежнее название. Каким образом оказалось усвоенным тюркское (татарское) нарицательное слово в местности, в которой нет следов татарских поселений? Это требует своего исторического обоснования"[68]. Однако любопытно, что в составленном Ф.П. Филиным первом выпуске сводного академического "Словаря русских народных говоров" (М.; Л., 1965, 276) это же слово дано с несколько иным толкованием: "**Армáнь**, и, *ж.* Березовый лес у реки (употребляется как собственное имя). Селино Дубен. ***Тул.*** Филин 1933 – Тюрк. [?]" (СРНГ 1, 276). Впрочем, в топоним могло превратиться и какое-нибудь другое нарицательное существительное типа чуваш. *арман* 'мельница', но для этого нужны какие-то конкретные сведения для поддержки гипотезы.

Впрочем, при вхождении тюркского слова *orman* 'лес' в русский язык в составе топонимов наблюдаются и некоторые отклонения от нормальных рефлексов, особенно в составе топонимов. Географическим термином *орман* 'лес' объясняют иногда первую часть самой высокой горы Крыма *Роман-Кош* < тюрк. *орман* 'лес' + *кош* 'временное жилище пастухов'[69]. Здесь также нужны дополнительные сведения, поскольку существует и альтернативная версия: "первая часть названия *Роман-Кош* представляет собою реликтовое **raman-* 'стоянка, привал'" из индоарийского источника, а вторая – "тюркская по происхождению: *koš* 'стоянка, лагерь'"[70]. По географическим причинам не может быть принято привлечение этнонима, восходящего к личному имени *Рахман* в далеком киргизском языке, где нет звука *х*: "Топоним *Роман-Кош* (высшая точка крымских гор в том же районе), возможно, связан с родовым подразделением *раман-кул* у киргизов"[71]. Такая связь невозможна, поскольку в Крыму звук *х* присутствует во всех его языках.

В качестве второй части термин *орман* входит в состав названия *Теллермановский* (*Тилеормановский*) *лес* в Грибановском районе Воронежской области около устья реки Вороны у современного Борисоглебска и названия поселка *Теллермановский*[72]. С географиче-

ским термином *ра́мень(е)* связывают топонимы *Рамо́нь* (ж.р.) и *Ра́монье* в той же Воронежской области[73], что можно признать только частично справедливым лишь применительно к последнему географическому названию в акцентологическом плане.

Есть и другие неясные топонимы, созвучные с *ра́мень,* на которые обращали внимание исследователи: "Неясным для нас мы признаем *Ромен* (несколько случаев в бассейне Сулы[74]), название, имеющее древний вид и поэтому сопоставимое с лит. *Armenà* и др. если и не непосредственно, как это делает Стрижак[75], то, возможно, как одно из периферийных отражений древнеевропейской гидронимической формы, ср. еще *Armeno*, река в области Триент, далее формы *Armenta, *Armantia* и другие, собранные Краэ)"[76].

В заключение несколько слов о пользе лингвистических словарей для этимологических разысканий, поскольку она оказывается относительно скромной. Мало пользы приносят и академические нормативные словари литературного языка, которые трактуют интересующие нас слова почти одинаково: *ра́мень(е)* 'темнохвойный, большей частью еловый лес' – *урман* 'хвойный лес', снабжая их одинаковой смутной пометой *обл*(астное слово)[77].

Впрочем, некоторые уточнения проникают в последующие издании таких словарей, где вместо безответственной пометы *обл.* все-таки начинает появляться конкретная информация об этих загадочных *обл*(астях): "**РА́МЕНЬ,** -и, *ж.* и **РА́МЕНЬЕ,** -я, *ср. Обл.* Темнохвойный, большей частью еловый лес". "**УРМА́Н,** -а, *м.* Темнохвойный лес на приречных участках таежной зоны Западной и Средней Сибири (с преобладанием пихты, кедра, ели) 〈...〉 [тат. *урман*]"[78].

Гораздо большая информативность и точность достигнута краткими энциклопедическими словарями: "**РАМЕНЬ** (раменье), темнохвойный, б.ч. еловый лес в Европ. части СССР; иногда с примесью мелколиств. пород". "**УРМАН** (тюрк.) темнохвойный лес (пихта, сосна кедровая, ель) на приречных участках таежной зоны Зап. и Ср. Сибири"[79]. Здесь, кроме четкой территориальной привязки слов, также заметно уточнение, которое заключается в том, что из дефиниции термина *рамень* устранено слово *подраменье,* которое не представлено ни в одном русском общем словаре: "**РА́МЕНЬ** (раменье), темнохвойный, б.ч. еловый лес в Европ. части СССР, иногда с примесью мелколиственных пород (подраменье)"[80].

Данное этимологическое разыскание направлено не столько на обоснование новой этимологии слова в заголовке, которая еще нуждается в доработке, сколько на показ мелких препятствий в привлекаемом материале для существующих этимологических решений и на доказательство необходимости разработки источниковедческой базы для этимологических исследований.

Дальнейшее совершенствование словарей, освобождение их от хронических недоговоренностей, неточностей и прямых ошибок создаст прочную базу для более успешных этимологических исследований, а сейчас приходится прибегать к взаимной перепроверке многих словарей.

Примечания

[1] *Ильинский Г.А.* Славянские этимологии: I–XXXV// Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1918, т. XXIII, кн. 1. 1919, 125–182 (XXXIV. Влр. *ра́менье* "лес, граничащий с полем" 179–181); *Откупщиков Ю.В.* О происхождении слов *ра́мень* и *ра́менье* // Вопросы общего языкознания. Л., 1965, 88–96; *Чайкина Ю.И.* Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике северновеликорусских говоров. Вологда, 1975, 3–187 (*Ра́менье* 37–43. Обильный материал из старинных местных письменных документов на употребление слов *рамень, раменье,* представленный у Ю.И. Чайкиной, сейчас может быть дополнен тамбовскими памятниками, на которые мое внимание обратила Е.Н. Борисова: Документы, относящиеся к истории Мамонтовой пустыни, собранные членом Тамбовской архивной комиссии П.И. Пискаревым. Приложение к "Известиям Тамбовской архивной комиссии". Тамбов 1887, № 14, 23, 37, 64); *Толстой Н.И.* Этюды по семантике славянских географических терминов (*дрезга, рудина, раменье*) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, 112–133 (*Раменье* 126–131); *Куркина Л.В.* Еще раз к этимологии рус. *раменье* // Этимология 1997–1999. М., 2000, 77–87. Обильный диалектный материал Н.И. Толстого и Л.В. Куркиной может быть дополнен некоторыми новыми и старыми публикациями, которые не попали в поле зрения этих обстоятельных авторов.

[2] Словарь Академии Российской, часть V: отъ *Р* до *Т*. СПб., 1794, стб. 70. Ср. аналогичное известие под 1460 г. в Летописном своде 1497 г. (Летописец от 72-х язык): "Силная же буря она...храмы многия размета, а лѣсы старые боры и рамения и дубы великие ис корения исторже" (Полное собрание русских летописей. Т. 28. М.; Л., 1963, 115). В академическом "Словаре русского языка XI–XVII вв." (вып. 21. М., 1995, 268) этой цитатой иллюстрируется следующее значение: "Заброшенная пашня (обычно в лесу); лесная поросль на заброшенной пашне; смешанный, а иногда и настоящий хвойный лес".

[3] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, часть *V*: отъ *П* до *С*. СПб., 1822, 241–242.

[4] *Соколов П.И.* Общий церковно-славяно-российский словарь. Ч. II. СПб., 1834, 1089.

[5] *Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка ⟨...⟩. Т. II. СПб., 1836, 764.

[6] *Никольский А., Врангель В., Нольде Е., Клинке А.* Лесной словарь. Составлен в департаменте корабельных лесов. Ч. II. СПб., 1844, 539, 540

[7] *Бурнашев В.П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. II: О–Ѳ. СПб., 1844, 165, 338.

[8] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. IV. СПб., 1847, 40.

[9] Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изд. Археографическою Комиссиею. СПб., 1838, 170 (№ 151). Документ неоднократно переиздавался (Акты исторические, I, 313, № 163; Архив Строева, I // Русская историческая библиотека, 32, стб. 413, № 196), в последний раз – в сборнике "Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в." (т. II. М., 1958, 296, № 316) как относящийся к 1556 г.

[10] *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937, 296.

[11] *Чайкина Ю.И.* Вопросы истории лексики Белозерья, 38.

[12] Слово *рамень* в СлРЯ XI–XVII, 21, 267 толкуется с немотивированным отличием: "Заброшенная пашня (обычно в лесу); лес, выросший на заброшенной пашне, с характерным составом пород соответственно возрасту участка". Интересно, что под этим же словом *рамень* дается и оттенок значения: "Вообще о густом, с подлеском, лесе, независимо от величины занимаемой им территории" (СлРЯ XI–XVII 21, 268). Еще одно толкование дано в словарной статье: "**РАМЕНСКИЙ,** *прил. Относящийся к раменью, т.е., видимо, дремучему, непроходимому лесу.* Есть трава Адамова глава, растетъ возлѣ сильных Раменских болотъ. Лечебник без заглавия, 1672 г. Рукоп. Пушкинского Дома, собр. В.Н. Перетца 4, № 217, сер. XVIII в." (СлРЯ XI–XVII 21, 267). Такие колебания вполне объяснимы трудностями толкования контекстов, которые мало что говорят о значении.

[13] *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, 539.

[14] *Шайтанов А.* Реестр a) словам и b) пословицам, схваченным около Верховажья Вологодской губернии, с объяснениями их значения. 1849, 28 л. в. $^1/_4$ [Словарь. лл. 1–21]. Архив АН СССР. Фонд 216. Опись 4, № 29.

[15] *Толстой Н.И.* Этюды по семантике славянских географических терминов, 128. Сокращения раскрываются в библиографии источников в (СРНГ 1, 21–160).

[16] *Толстой Н.И.* Этюды по семантике славянских географических терминов, 130; со ссылкой: *Борисоглебский Я.* Несколько особенных слов, употребляемых крестьянами Гороховского уезда// Владимирские губернские ведомости, 1854, № 11, часть неофиц., 79: "*Рамень.* Этимъ словомъ называютъ большой березовый лѣсъ. Сосновый лѣсъ извѣстенъ подъ названiемъ *боръ*".

[17] *Буслаев Ф.И.* Историческiе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. Русская народная поэзiя. Санкт-Петербургъ, 1861, 99.

[18] Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины. Петрозаводск, 1864, XLVI (третьей пагинации: Объясненiе непонятныхъ и областныхъ словъ, встрѣчающихся в сборникѣ).

[19] Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М.; Л., 1958, 65.

[20] *Толстой Н.И.* Этюды по семантике славянских географических терминов, 130.

[21] *Сажин П.А.* Курс на завтра. Л.; М., 1931, 81.

[22] Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 36: Раковник-"Ромэн". [М., 1955], 13.

[23] Лит. наследство, 1937. Вып. 31–32. Сб. Русская культура и Франция, 2, 146.

[24] *Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь. Т. II. СПб., 1836. Стб. 765.

[25] *Чистяков М.Б.* Курс теории словесности. Ч. II. СПб., 1847, 77. М.Б. Чистяков в разделе "Неологизмы", обращая внимание на эту категорию слов, дает им следующую характеристику: "Иногда, желая или выразить новую сторону идеи, или уловить новый оттѣнокъ картины, писатель составляетъ свои слова, т.е. производитъ отъ прежнихъ словъ новыя, чрезъ измѣненіе окончаній, или чрезъ сочетаніе одного слова съ другимъ. ⟨..⟩ Но неологизмы портятъ языкъ, – когда ⟨..⟩ вопреки свойству языка измѣняется слово, при его производствѣ: наприм. звончатый, муравчатый, вихрить, холмиться, оцвѣтлять, оцвѣтляться, залюбоваться зажемчужиться, т.е. катиться, подобно жемчугу; и обличать вм. открывать, показывать, обнаруживать, возможность вмѣсто свойство; таковы же: обрамить, обрамленный".

[26] Словарь церковнославянского и русского языка, III, 29.

[27] *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 16. М., 1949, 235.

[28] *Matzenauer A.* Cizí slova ve slovánských řečech. Brno, 1870, 289.

[29] Вероятно, спутано с лат. *ramus* 'ветвь'.

[30] *Hofmann J.B.* Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1949, 294.

[31] Греческое слово известно в памятниках русской письменности в формах *рамнъ, рамьнъ, рамонъ, рамна, рамьна, рамнусъ* 'терновник' (СлРЯ XI–XVII вв. 21, 268).

[32] *Jagić V.* Kleine Mitteilungen// Archiv für slavische Philologie. Bd. VII. Hf. 3, 1884, 484: "Nicht klar ist mir das russ. páма, páмень Grenzmark, Rain, der benachbarte Wald (S. 30–31) – soll es mit mhd râm, râme (Ziel) zusammenhängen?" (обзор "Этимологических и других заметок IV" А.А. Потебни).

[33] *Ильинский Г.А.* Славянские этимологии, 179–181.

[34] *Потебня А.А.* К истории звуков русского языка. IV: Этимологические и другие заметки (Отд. оттиск из "Русского филологического вестника"). Варшава, 1883, 30–31.

[35] Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Вып. 12. М., 1916, 181.

[36] *Виноградов В.В.* История слов. М., 1994, 390, со ссылками: *Потебня А.А.* К истории звуков русского языка, 1881, 30; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.-М., 1912, 1586.

[37] *Ильинский Г.А.* Славянские этимологии, 179.

[38] *Откупшиков Ю.В.* О происхождении слов *рáмень* и *рáменье,* 89–90.

[39] *Откупшиков Ю.В.* О происхождении слов *рáмень* и *рáменье,* 93–94; *Откупщиков Ю.В.* Из истории словообразования в славянских языках // Очерки по словообразованию и словоупотреблению. Л., 1965, 114; *Откупщиков Ю.В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, по указателю под *рамень(е)*; *Откупщиков Ю.В.* Словообразовательные модели и этимология // Этимология 1967. М., 1969, 85.

[40] *Būga K.* Rinktiniai raštai, sej II. Vilnius, 1959, 530.

[41] *Откупшиков Ю.В.* О происхождении слов *рáмень* и *рáменье,* 93.

[42] *Чайкина Ю.И.* Вопросы истории лексики Белозерья, 37–44.

[43] *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, 164, 179. Не объясняет родовую принадлежность слова *рамень* и: *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1: Единственное число. Л., 1927, 41–43.

[44] Словарь русского языка. Т. XIV. Вып. 5: Ободраться-Обратность. 7-е изд. М.; Л., 1936, стб. 811, 814.

[45] *Вереха П.Н.* Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898, 322.

46 Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. II. Вып. 6. СПб., 1902. Стб. 1843 со ссылками на: *Эрдман Ф.И.* Дополнение к "Опыту областного великорусского словаря" по Новгородской губернии // Ученые записки Казанского университета, 1857. Кн. 2, 106–167; *Диттель.* Сборник рязанских областных слов // Живая старина, 1898. Вып. II, 212 (Зараменье... Все, что внѣ сосѣдства, не по сосѣдству). По указанию В.Д. Бондалетова, последний "Сборник" (собрано в 1860 году) с добавлением О.П. Семеновой "был в свое время использован В.И. Далем" (*Бондалетов В.Д.* В.И. Даль и тайные языки в России. М., 2004, 217, прим. 57).

47 *Толстой Н.И.* Этюды по семантике славянских географических терминов 129.

48 *Куркина Л.В.* Еще раз к этимологии рус. *раменье* 78.

49 *Кайгородов Д.⟨Н.⟩* Русский толковый лесотоварный словарь. СПб., 1883, 121–122.

50 *Вереха П.Н.* Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898, 434–435.

51 Большая советская энциклопедия. Т. 48: Рава-Робиа. М., 1941, стб. 215.

52 *Литвинов Д.И.* Гео-ботанические заметки о флоре Европейской Россіи. М., 1891, 56, примеч. (Издание Импер. Моск. Общ. Испытателей Природы "Bulletin" № 3, 1890).

53 *Беловинский Л.В.* Российский историко-бытовой словарь. М., 1999, 383.

54 *Байбурин А.. Беловинский Л., Конт Ф.* Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. СПб., 2004, 412.

55 *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь. М., 1900, 1098: "**Раменье** = мѣсто, поросшее большимъ, строевымъ лѣсомъ".

56 *Виноградов Г.* Географическая народная номенклатура// Сибирская советская энциклопедия. Т. I: А-Ж. [Новосибирск, 1929], стб. 635. Подробнее см.: *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М. – Новосибирск, 2000. С. 97, 590. Из Восточной Сибири в русский литературный язык проникло слово *тайга.*

57 Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 44: Ужи-Фидель. [М., 1956], 321.

58 Энциклопедический словарь, изд.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXXIVª (полутом 68). СПб., 1902, 913.

59 *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden, 1965, 142 (№ 588).

60 Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997, 110.

61 Не вполне совпадающие обзоры И.Г. Добродомова и Э.Р. Тенишева можно сопоставить в коллективном труде "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика" М., 1997, 94–95 и 110–111 (соответственно).

62 *Добродомов И.Г.* Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках // Советская тюркология. 1979. № 5.

63 *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, 472; со ссылкой на: *Kakuk S.* Sur la phonétique salar// Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1962. T. XII, fasc. 1–3, 185.

64 *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, 197–199.

65 Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, 139; *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, 67.

[66] *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 223–224.
[67] Основы финно-угорского языкознания, 414 (авторы К. Редеи и И. Эрдейи).
[68] *Филин Ф.П.* Об областном словаре русского языка// Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957, 8.
[69] *Поспелов Е.М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998, 355.
[70] *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье // Этимология 1979. М., 1981, 123–124.
[71] *Лезина И.Н. Суперанская А.В.* Об этнотопонимах Крыма // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984, 83.
[72] *Загоровский В.П.* Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973, 119.
[73] *Прохоров В.А.* Надпись на Карте. Воронеж, 1977, 147; *Загоровский В.П.* Историческая топонимика Воронежского края, 109. Ср. также: *Барандеев А.В.* Раменское// Русский язык в школе. 2005. № 3.
[74] *Маштаков П.Л.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913, 49.
[75] *Стрижак О.С.* Назви річок Полтавщини. Київ, 1963, 59–60.
[76] *Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, 209 со ссылкой на: *Krahe H.* Die Struktur der alteuropäischen Hyrdonymie. Wiesbaden, 1963, 32–33.
[77] Словарь русского языка в четырех томах. Т. III. М., 1959, 851; т. IV. М., 1961, 698.
[78] Словарь русского языка в четырех томах. 2-е изд. Т. III. М., 1984, 638; Т. IV. М., 1984, 511.
[79] Большой энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1991, 241, 530.
[80] Советский энциклопедический словарь. М., 1983, 1097. Ср., однако: *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984, 445: “ПОДРАМЕНЬЕ еловый лес вдоль речной долины на перегнойных и илисто-торфяных почвах”.

Л.П. Дронова

ПРЕКРАСНЫЙ *КРАСНЫЙ*[*]

В настоящее время все шире распространяется представление о том, что языковые процессы не могут быть адекватно объяснены при их разделении на синхронные и диахронные[1]. Традиционно важность отношений между двумя этими подходами в иссследовании языка определялась объяснительным характером диахронического анализа по отношению к синхронному. Становление антропоцентрической лингвистики, активно осмысляющей свои задачи и возможности, серьезные наработки современной лексической семанти-

[*] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 05-04-04141а.

ки (прежде всего труды Ю.Д. Апресяна и его школы) позволяют в практическом аспекте ставить вопрос (ранее обозначенный В.И. Абаевым, О.Н. Трубачевым, В.Н. Топоровым и др.[2]) о верификационном качестве семантических исследований, ориентированных на актуальные системные связи в языке, по отношению к диахронным построениям (иначе говоря, возможность смещения акцента на верификационную значимость данных синхронии для диахронного исследования).

С другой стороны, актуальность обращения к этой теме мотивирована уже имеющимися результатами проработки семантической стороны реконструкции в компаративистике (это прежде всего в связи с созданием ЭССЯ, этимологических словарей в других центрах славистики, исследовательским интересом в славистике к исследованию системных связей праславянского языка, межсистемных отношений славянских языков – омонимии, синонимии (изосемии), к реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях[3]).

Исходя из вышесказанного, предлагаем рассмотреть слово со сложным этимологическим решением (*красный*), используя эвристические возможности семантической деривации лексического гнезда на пространстве всех родственных (славянских) языков, в частности праславянских гнезд **kras-* и **květ-*, семантическая структура которых "обнаруживает очень большую степень семантической "связности", то есть выводимость одних значений из других" (С.М. Толстая)[4]. Семантика единиц того и другого гнезда создает большой общий спектр, который структурируется значениями из области вегетации растений, значениями из области физиологии человека, свадебной семантикой, семантикой света и некоторыми другими направлениями семантической производности[5].

Номинацию цветения (иногда всходов) растений, самого цветка, пыльцы в большинстве славянских языков выполняют производные корня **květ-* (рус. *цветок, цвести*, польск. *kwiat, kwitnąć*, с.-хорв. *цвет, цвасти* и т.д.). Но в ряде языков и диалектов (прежде всего восточнославянских) в этой позиции находятся продолжения корня **kras-* (блр. диал. *краса* 'цветение злаковых растений, садов, опыление', блр. тур. *краса, краска* 'пыльца злаков', рус. диал. *краса* 'цветение злаковых', *краска* 'цветок', *красоваться* 'цвести (о ржи)' и т.д.). И если в группе значений из области физиологии человека значение 'кровь' представлено главным образом лексемами с корнем *крас-* (ср. рус. диал. *краска* 'кровь' и др.; хотя имплицитно это значение может присутствовать и в производном от корня *цвет-*, например, рус. донск. *цветный* 'цветущий (о человеке)' как 'полнокровный, здоровый'), то для обозначения женских месячных (реже послеродовых) очищений и для представления вегетативной

метафорой “пика” жизни, полноты жизненных сил, производительных сил человека (прежде всего женщины) широко используются образования от обоих корней. Причем, по мнению С.М. Толстой, это не “поверхностные” метафоры, а номинации, выражающие глубинные смыслы, относящиеся к сфере производительных сил человека (отчасти и животных). Слова с корнями *крас-* и *цвет-* также могут выступать в функции ключевых вербальных символов свадебного обряда (прежде всего в восточнославянской традиции, частично в западнославянской и в меньшей мере в южнославянской). Обозначение небесного, солнечного света представлено прежде всего производными корня *крас-*, но этимологически исходная семантика ‘яркий цвет и свет’ у праслав. **květ-* (< и.-е. ‘белый, светлый’), реализацию ее можно видеть, например, в рус. диал. *цвести, цветать* ‘рассветать’ или серб. *цвет* ‘пламя свечи’, *цветати* ‘гореть, пламенеть (о свече)’. Основные, наиболее ярко проявленные линии семантической филиации обоих гнезд вместе с еще несколькими характерными для производных этих корней значениями (значения, связанные с цветом, окраской, окрашенностью предмета, пестротой, оценочные значения типа ‘красивый, прекрасный’ и – как специальные – обозначения жира, скоромного) проявляют мотивированность семантической деривации для обоих гнезд в такой степени, что автор сопоставительного анализа заключает: «Это почти “текст”»[6].

Что же показывает диахронический анализ словообразовательно-этимологических гнезд **kras-* и **květ-*? Как диахронически простраиваемая семантика соотносится и объясняет сложившийся современный спектр значений, какова относительная хронология и какой “культурной памятью” порождено семантическое сближение, “синонимизация” этих гнезд?

Для производных корня **kras-* это может предполагать семантическое развитие (если вслед за С.М. Толстой принять позицию О.Н. Трубачева[7]) от ‘цвет жизни’ к ‘красный’ (цвет, румянец лица), далее ‘цветение’, ‘цвет’ (растение) и затем – более общее – ‘красота’ (так же ЭССЯ 12, 97). Направление семантического изменения производных корня **květ-* – от ‘блестящий, светлый, белый’ к ‘цвет, окраска, цветение’ и ‘красный’ (цвет). В этом случае следует, кажется, видеть явленные в языке две линии формирования понятия “цвет”: 1) **‘красный’ (как цвет жизни) → ‘цвет, цветение’**, 2) **‘светлый, белый’ → ‘цвет’ → ‘красный’**. Из сравнения предполагаемых семантических моделей развития этимологических гнезд получается, что основа сближения данных семантических пространств – общее значение ‘цвет’. Можно ли объяснить синонимизацию по значению ‘красный’ только системностью лексики, результатом “выравнивания” семантических структур синонимичных гнезд? Или за этим

стоит все же специфика когнитивной “упаковки” разноцветного реального мира?

Праславянское **květ-* считается продолжением индоевропейской основы **k'woit-* (:**k'weit-*) в значении ‘белый, светлый’, реализовавшуюся как в славянских языках (слав. **květъ*, **kvisti* в ст.-слав. *цвисти,* др.-рус. *цвьсти* и др.; словен. *cvêt,* чеш. *květ*, укр. *цвiт* ‘цвет, цветок; цветение’, в.-луж. *kwět* ‘цвет; цветок’, др.-рус. *цвѣтъ* ‘цветок’, ‘цвет, краска’, рус. *цвет* ‘окраска’и т.п.), так и в балтийских (литов. *šviesà* ‘свет’, *šviesùs* ‘светлый’, *šviesti* ‘светить’, *švaitýti* ‘светить, освещать (лучами)’), в индо-иранских (др.-инд. *śvētá-* ‘белый, светлый, блестящий’, *śvitrá* ‘белый, седой’, авест. *spaēta* ‘белый’), в германских (гот. *hweits*, англ. *white* ‘белый’) языках (Фасмер III, 575; Черных II, 145; Pokorny I, 541); сюда и слав. **světъ* (относительно этимологии и объяснения кентумно/сатэмной реализации производных данного и.-е. гнезда см. (Фасмер IV, 292–293; ЭССЯ 13, 162–163, 167; Machek 312). Для нас важно отметить тот факт, что значения ‘цвет’ ‘цветок’, ‘цветение’ производны от исходного ‘яркий цвет/свет’ ~ ‘белый’ и что это собственно славянская семантическая инновация (в близкородственных балтийских языках это понятие выражено иначе: литов. *žíedas* ‘цветок’, *žydéti* ‘цвести’).

С определением генетических связей слав. **kras-* дело обстоит еще сложнее: не вызывает сомнений исследователей только “ближняя” реконструкция (Фасмер I, 368, Черных I, 440 и др.), а дальше вопрос решается, в общем-то, традиционно, на уровне корневой реконструкции. Соответственно, имеется ряд вариантов решения проблемы происхождения слова *красный.* Так например, О.Н. Трубачев считает красный производным от *краса,* которое, в свою очередь, сближается с *кресать* как *‘создавать, творить’, однокорневые образования при этом – лат. *creō* ‘создавать, производить’, *crescō* ‘расти’ (это сближение предлагали еще Ф. Фортунатов, Э. Бернекер, но с иной аргументацией; ЭССЯ 12, 95–97); В.И. Абаев предполагает генетическую близость *красный* и *черный,* ссылаясь на типологически возможное осмысление ‘черного’ как ‘красивого’ (Абаев IV, 273–274); Э. Бернекер видел в *красном* производное от *краса,* которое он сопоставлял с литов. *krósnis* ‘печь, очаг’, лтш. *krâsns* ‘печь’ (**krasa* – ‘жар, (огненный) блеск’ → ‘красота, красивый’ → ‘красный’), против этого сближения выступил Э. Френкель; Ф. Миклошич допускал возможность этимологических связей слав. **krasa* и гот. *hrōþ-* ‘слава’, исл. *hrōsa* ‘хвалить’ и т.п. (см. обзор этимологий ЭССЯ 12, 95–97).

Сравнивая предлагавшиеся этимологические решения с результатами описания С.М. Толстой словообразовательно-этимологического гнезда слав. **kras-*, куда входит *красный,* видим, что ни одно из предполагавшихся исходных значений не получает поддержки в се-

мантическом "тексте" однокорневых производных в славянских языках, не выясняет оснований возникшего функционального сближения производных **kras-* и **květ-*, то есть "горизонтальное" простраивание этимологического гнезда в славянских языках не получает поддержки предлагавшихся "вертикальных" построений.

Обращение к фактам славянской письменности показывает, что производное от корня **kras-* как конкретное цветообозначение ('красный') – весьма позднее и локальное явление, известное в основном в восточнославянском ареале (в продолжениях древнерусского, в польском языке), в остальных славянских языках его нет (ср. др.-русск. *чьрмьнъ*, др.-рус. *чьрвенъ* и их соответствия в других славянских языках; Фасмер IV, 334). Реализация слав. **krasьnъ(jь)* является общеславянской только в значении 'прекрасный, красивый' (Фасмер I, 368; Черных I, 440 и др.). Эта ареальная ситуация не есть явление позднее или вторичное, то есть нет оснований предполагать утрату *красный* как цветообозначения на остальной территории Славии. Об этом свидетельствует письменная история слова *красный* и близкородственных ему слов. Так, производящее для *красный* др.-русск. *краса* встречается в текстах сначала в значении 'радость' (как соответствие греч. την τερπνότητα от τέρπω 'услаждать, радовать'; XI в.), затем – 'украшение, красота' (XIV–XV в.в.), ср. с.-хорв. поэт. *крâс*, укр. диал. *крась* 'красота'. *Красота* в древнерусском – это 'великолепие, тонкость, остроумие' (X в.), 'красота, прелесть' (XI в.); *красоватися* 'радоваться, наслаждаться', со сходными значениями употребляется и прилагательное *красный* – 'красивый, прекрасный' (XI в.: *Бяше же красьнъ лицьмь*), 'очень хороший, превосходный, дарующий радость, благодатный' (*Красный свѣтъ* 'благодатная земля, мир'), 'главный, парадный' (двор, крыльцо; 1157 г.), в сост. сказ. 'уместен, удобен' (1076 г.: *Красьна есть милостини въ врѣмя ск(ъ)рби...*) (Словарь XI–XVII вв. 8: 15, 19–20).

Лишь приблизительно с XIV–XVI вв., как отмечают исследователи[8], появляется *красный* как обозначение цвета – 'красный', а также 'бурый, рыжий, карий, коричневый с красноватым оттенком'. Пример из "Хождения Стефана Новгородца" (1347), который М.А. Суровцова[9] считает наиболее ранним цветообозначением для *красный*, далеко не бесспорен, скорее здесь можно видеть реализацию значения 'пестрый' (*Единъ столпъ, иже бѣ Иисусовъ, отъ зелена камени, с прочернью, а другой Петровъ тонокъ, аки бревенце, вельми красенъ, есть прочернь и пробѣль, видом аки дятлень*). Более однозначны примеры XV–XVI вв. (1516 г.; *красная лисица, красный воск* 'воск с примесью красной краски', *красные блины* 'блины из гречневой муки') и 'крашеный, цветной' (1589 г.: *тритцать яицъ сырыхъ да десять красныхъ*; 1649 г.: *сто ложекъ красныхъ вятскихъ*) (СлРЯ XI–XVII вв. 8, 20).

В приложении к материалу сопоставительного описания гнезд **kras-* и **květ-* (статья С.М. Толстой) ареально-историческая оценка рисует парадоксальную картину: цветообозначение от **kras-* возникает относительно поздно и на ограниченной и компактной территории (фактически это пространство Древней Руси, включая западнорусские земли с прилегающими польскими, где, как известно, существовала подвижность государственных границ и “руска мова” была основным языком Великого княжества Литовского), но в языках **всей** Славии производные от **kras-* используются для обозначения реалий, явлений, соотносящихся с красным цветом!

Выявленная изосемичность этимологических гнезд **kras-* и **květ-* позволяет предложить решение вопроса об исходном значении для *красный* ‘красивый’ и *краса* ‘красота’: ‘красивый’ < ‘цветной/красочный’, ‘красота’ < *’выделенность цветом, “цветистость”, красочность’. К подобному выводу о внутренней форме прилагательного *красный* пришла и исследовательница древнерусских религиозных текстов В.А. Матвеенко, основываясь на наблюдениях, что “лексемы свет и красота сочетаются как равноправные, соединяются союзом и”, что “свет придает всему красивый и сладкий вид”: “К зрительному восприятию прекрасного относятся производные света – цвет, многоцветье, пестрота” (ср. в изображении рая: “*Цветы красны и вельми пестры*”)[10]. Здесь можно сослаться и на данные современного психолингвистического эксперимента, когда респонденты понятие “цвет” передавали через “пестрый”[11]. Исследование Р.В. Алимпиевой ЛСГ цветообозначений красного тона в русском языке дает сходный результат: “Семантическая значимость признака “яркий” как семантической темы, конструктивно важной для ЛСГ цветовых прилагательных со значением красного тона, проявляется и в том, что компоненты данной ЛСГ могут вполне мотивированно употребляться при цветовой характеристике тех реалий, которые не обладают рассматриваемой цветовой тональностью (или обладают ею в такой незначительной степени, при которой красный цвет выступает уже не как цвет, а лишь как едва заметный отсвет красного цвета), однако вызывают ощущение цвето-световой яркости”[12]. Это наблюдение-вывод Р.В. Алимпиевой дает ответ на вопрос, почему при относительно позднем и локальном возникновении цветообозначения от **kras-* в языках всей Славии его производные используются для обозначения реалий, явлений, соотносящихся с красным цветом, и почему производные от **květ-* могут быть им функционально близкими.

Что же диахрония, этимология и типология? Подтверждают ли они как исходное значение ‘цветной, яркий/выделенный цветом’ для слав. **kras-* ‘красивый’ и др.-рус. ‘красный’, какой конкретный признак обобщен значением ‘цветной’?

В этой ситуации, очевидно, следует обратиться к истории самого явления цветообозначения у индоевропейцев. Существует мнение, что первыми в цветовой гамме древних носителей индоевропейских языков были выделены черный, белый и красный цвета[13]. В.У. Тернер, исследуя особенности цветовой классификации в примитивных культурах, отметил, что, например, в языке ндембу наименования белого, черного и красного – единственные ЦО, относящиеся к разряду основных: все прочие цвета передаются производными терминами или описательными и метафорическими выражениями. Особенности функционирования ЦО в примитивных культурах позволили сделать вывод, что эти три цвета не только воплощают в себе основной телесный опыт человека (связанный с удовлетворением полового влечения, голода, чувства агрессивности и т.п.), они также обеспечивают своего рода первичную классификацию действительности[14] Архаичность базовой части цветообозначений в индоевропейских языках подтверждается наличием определенного количества праязыковых основ со значением ‘темный/черный’, ‘светлый/белый’, ‘красный’[15]. Это, в свою очередь, дает основание и возможность посмотреть предполагаемое на материале славянских языков семантическое развитие производных слав. **kras-* и **květ-* на более глубоком хронологическом уровне как семантическую эволюцию в синонимичных гнездах, специализирующихся в индоевропейских языках на цветообозначении.

Славянская основа **květ-* ‘цвет’ ‘цветок’, ‘цветение’, как выше отмечено, обнаруживает глубокие исторические корни со значением ‘яркий цвет/свет’ ~ ‘белый’. Что же является производящим, мотивирующим предполагаемого для **kras-* значения *‘цветной’, ‘цвет’ (> ‘красивый’, ‘красота’)? Ответ на этот вопрос могут подсказать факты, отмеченные в северо-восточной группе иранских языков (близких языковой среде, явившейся субстратом для восточнославянской группы языков). В.И. Абаев, рассматривая генетические связи осет. *xyz|xuz* ‘цвет’, ‘вид’, ‘образ’, ‘портрет’ (‘вид’ часто употребляется синонимично значениям ‘хороший вид’, ‘красота’), сближает его с согд. *kršn* ‘вид’, ‘внешность’, ‘облик’, *kršn’w* ‘красивый’, *qršn’wty* ‘красота’, объясняя развитие *kr̥š- → xuš, š → z*, отпадение конечного *-n-* как достаточно известное, прецедентное (ср. осет. *xysnæg* ‘вор’ из **kr̥šnaka-*, перс. *pušt* ‘спина’ из *pr̥šta-*; осет. *lawyz* ‘лепешка’ из *lawaš*; *rūxš* ‘свет’ из **rauxšna-*). Эти иранские лексемы вряд ли следует отделять, как полагает В.И. Абаев, от др.-инд. *kr̥ṣṇa-* ‘черный’ (сюда же имя бога Кришны) и лит. *kéršas* ‘черный с белыми пятнами’. Для подтверждения семантической совместимости семантики ‘черного’ и ‘красивого’ (→ ‘красный’) В.И. Абаев ссылается на выражения типа “черные очи” в русском, *saw læppū* “бравый молодец”, досл. “черный парень” в осетинском и на прямую, по его мне-

нию, семантическую параллель с чеш., польск. *chory* 'черный' и русск. (диал.) *хорость, хорости* 'красота, краса, пригожесть' (Абаев IV, 273–274). Определение генетических связей осет. *xyz/xuz* завершается предположением о возможных соответствиях в славянских языках. Соглашаясь с общепринятым включением в круг родственных слов слав. **čьrnъ(jь)* 'черный' (и.-е. корень **ker(s)-*, основа **k̥rs-no-*, на слав. почве **k̥rn-* < **k̥rsn-*, ср. прус. *kirsnan;* см. Pokorny I, 583; Mayrhofer I, 264; Fraenkel 245; Фасмер IV, 346 etc.), В.И. Абаев полагает, что с др.-инд. *k̥rṣṇa-* 'черный' следует сблизить и слав. **krasьnъ*, **krasa* (Абаев IV, 273–274).

Предлагаемое включение слав. **krasьnъ* в этимологическое гнездо и.-е. **kers-* как продолжения и.-е. **k̥rs-no-*, при наличии семантической корреспонденции сближаемых лексем северо-восточной группы иранских и славянских языков ('цветной' и 'красивый') объясняющее семантическую предысторию прилагательного *красный,* в то же время возвращает к вопросу о формальной стороне реконструкции (эту сторону вопроса В.И. Абаев не рассматривает). Дело в том, что не имеющая соответствующих формальных вариантов в славянских языках, единообразная корень/основа **kras-(-ьn-)* не может быть признана закономерным продолжением и.-е. **k̥rs-(-no-)* (как, впрочем, и других аблаутных вариантов этого корня: предположение об отглагольном характете имени **krasa* с долгим/продленным корневым гласным *a* (**ō*), образованного на базе глагола с корневым *e*, повисает из-за отсутствия/невыявленности такого глагола). Такая ситуация предполагает проверку решения вопроса в иной плоскости: возможным выводом здесь может быть определение слав. **kras-(-ьn-)* как результата ранних тесных межкультурных отношений славянского мира с иной этнокультурой. Во-первых, семантическая корреляция у слав. **kras-(-ьn-)* только с рядом лексем северо-восточной части иранских языков (имевших отношение к формированию славянских языков на разных этапах славянской истории). Во-вторых, из языков, исторически тесно связанных со славянскими языками, такой аблаутный тип возможен в иранских языках (CRC-: CarC-: CraC-, где R – слогообразующий сонант)[16]; ср. иран. **barg-*: **b̥rg-*, **brag-* 'восхвалять, прославлять, почитать' из арийск. **bharg-*, **bhrag-* : **bhrāj-*, сопоставляемого с др.-инд. *bhárga-* 'блеск, сияние', *bhrājate* 'блестеть, сиять', *bh̥rgu-* имя мифического существа, культовый титул[17]). Учитывая эти формально-семантические моменты, можно предположить, что перед нами скорее всего результат славяно-иранских культурно-языковых отношений.

Остается не совсем ясным соотношение значений 'черный' и 'цветной'/'красивый', условия этого семантического перехода: ведь основа **k̥rsn-* "специализирована" в индоиранских (индийских, дард-

ских, нуристанских, иранских), в балтийских и славянских языках на обозначении черного цвета[18], и в этом случае осетинские и согдийские корреспонденции, восходящие к этой основе (для согдийских весьма вероятно заимствование из санскрита, буддистских текстов) являются ареальной семантической инновацией. Что же спровоцировало это семантическое изменение? Вариативность исходного (генетически заданного) семантического потенциала или внешнее, историко-культурное воздействие? Представляется, что здесь имело место и то, и другое.

Относительно причин, обусловивших рассматриваемую семантическую инновацию в северо-восточной группе иранских языков, можно предположить, что это могло быть следствием взаимодействия скифо-сарматских племен с кельтами (ср. следы влияния скифов и других восточных народов на латенское искусство[19]). В данном случае мы имеем в виду определенный аналог ирландскому *cruth* (род.п. *crotha*) 'внешность', 'вид', 'красота'; 'манера, способ действия' (в P-кельтских языках ср. вал. *pryd* 'внешний вид', 'форма', 'цвет лица', 'цвет', 'красота' и 'время, момент', 'еда (в установленное время)' и т.п.[20]). Вероятно существование и в континентальном кельтском ареале лексемы, формально и семантически подобной ирл. *cruth* (с последствиями устного способа бытования), хотя и соотносящейся с другим источником происхождения (< и.-с. **kwritu-* < **kwr̥-tu-* с переходом *-i-* в *-u-* под влиянием лабиовелярного *k*; продолжение и.-е. **kwer-* 'делать, совершать'[21]).

Здесь важно особенно то, что в семантическом пространстве кельтских однокорневых слов тесно связаны значения 'внешний вид', 'цвет', 'красота' и 'цвет' как 'цветной, разрисованный, пестрый'. Свидетельством этого является наличие однокорневого образования *Cruithin, Cruithni* (< **kwritenjī* < **kwritenī*) и латинское *Britanni* – заимствование для обозначения Британии ее жителей (B- из P- как результат лениции в бриттском; ⟨**Pritanī*, **Priteni* ⟨**kwritenī*[22]). Полагают, что апеллятив этого имени означал 'крашеные, разрисованные; татуированные', что подтверждает и латинский аналог этого этнонима – *Pictī* 'пикты, народность в Каледонии', кроме того, похожее имя имеют жители Аквитанской Галлии пиктавы – *Pictāvi* (Цезарь, отправившийся завоевывать Британию и видевший лишь жителей Южной Британии, первым из античных авторов упомянул о существовавшем варварском обычае наносить на тело узоры голубой краской).

При всей гипотетичности предполагаемого результата кельто-иранского взаимодействия, это видится не совсем невероятным объяснением узко локальной иранской семантической инновации, вероятно, в ареале скифо-сарматских языков (учитывая факты осетинского и согдийского).

Что касается вариативности исходного семантического потенциала, то дело в том, что основа **kr̥sn-* как производная от **kr̥s-* соотносится большинством этимологов с образованиями от другой ступени огласовки корня/основы и.-е. **kers-* (:**kors-*, **kērs-*), обозначающими в балтийских и германских языках пестрых животных (коров, быков) и виды рыб пестрой окраски: лит. *kéršas* 'черный с белыми пятнами', 'пятнистый, рябой', *kéršis* 'вол пестрой масти', *kérše* 'пестрая корова', *karšìs* 'лещ' и также *kiršlỹs* 'хариус', норв., швед. *harr* (<герм. **harzu-*) 'хариус' (Pokorny I, 583; Mayrhofer I, 264; Fraenkel 245; Фасмер IV, 346 etc.). Здесь важно и то, что производные слав. **kras-* также способны иметь подобную семантику, ср. польск. *krasy* 'красивый, пестрый, разноцветный', укр. *красий* 'пестрый, разноцветный', диал. *красий* 'красно-белой масти, рябой (о животном)', рус. диал. *красъ* 'красный цвет, красота', польск. *krasa* 'цвет (особенно красный)', *krásula* 'кличка коровы бело-рыжей масти' и нек. др.; рус. диал. *красе́ть* обозначает не только 'краснеть', но и 'созревать (о ржи)', 'желтеть'[23], укр. *красíти* 'красоваться', диал. *красе́ти* 'рябить, мерцать, мелькать' (СРНГ 15, 174; ЭССЯ 12: 98, 105–106).

В то же время такой разброс значений ('черный', 'черно-белый', 'красно-белый', далее 'пестрый', 'яркий/цветной' как 'выделенный цветом' ~ 'цвет', 'вид', 'внешность') можно, видимо, считать генетически заданным. Продолжения и.-е. **ker-* (*k-* велярное и палатальное; суф. *-s-*, *-ko-*, *-no-*, *-men-*, *-bh-*), как сообщает словарь Ю. Покорного (I, 573), обозначают преимущественно темные тона ("Farbwurzel für dunkle, schmutzige und graue Farbentöne"), но исходя из приведенного в словарях (Ю. Покорного и др.) материала, следует уточнить, что, наряду со значениями 'грязь', 'топь', 'зола', 'сажа', 'копоть', 'грязный', 'темный' (ср. др.-инд. *kárīsa-* 'отбросы, навоз', *kardama-* 'грязь, тина', *kalka-* 'грязь, нечистоты', др.-ирл. *corcach* 'болото' и продолжения основы **kr̥sn-* в новоиндийских языках со значением 'сажа', 'копоть', 'грязь'[24]), производные рассматриваемого корня часто обозначают контрастные цвета – черный и белый – и их сочетание, в которое примешивается красный ('пестрый', 'пятнистый', 'пегий'): др.-инд. *karaṭa-* 'темно-красный', *kirmira-* 'пестрый', *kurungá-* 'антилопа', др.-инд. *karka-* 'белый', лит. *šerkšnas* 'светло-серый' и 'иней', слав. **sernъ* в др.-рус., цслав. *срѣный* 'бело-серый, пестрый,' др.-инд. *śárvara-* 'пестрый, пятнистый, пегий', лат. *carbo, ōnis* 'уголь', *carbunculus* 'уголек'; 'карбункул, драгоценный камень (гранат; красноватый туф)'; гот. *hauri* 'уголь' и т.п. (Pokorny I, 570).

Семантика производных этимологического гнезда **ker-* (**k'er-*) и **kers-* демонстрирует пересечение значений 'черный' – 'темный/грязный', 'белый' – 'светлый' и 'черно-белый', 'пятнистый',

'пестрый', то есть это преимущественно обозначение основных ахроматических цветов, воспринимаемых либо цельно, либо дискретно один на фоне другого, видимых на контрасте. Семантическую же эволюцию в этом гнезде следует интерпретировать как укрупнение частного признака '(яркий) **черный**', '(яркий, контрастный) **пестрый**' (=черные/темные пятна на белом, белые/светлые – на черном, красном) до общего '(яркий) **вид, цвет, внешность**' и далее 'красивый' (ареально → 'красный').

Типологически подобное видим в появлении обозначений красного цвета среди производных и.-е. **peik-*: **peik'-* и **peig-*: **peig'-* 'изображать что-л. путем вырезывания или с помощью красок; делать пестрым' (скр. *piç-* 'обтесывать, вырезать, украшать', *piç-* 'украшение, орнамент', *piçá* 'пятнистый олень', *piçáñga* 'красно-бурый', *pēça-* 'форма, вид, цвет' при русск. *писать, пестрый,* лат. *pingo* 'рисовать, украшать' и др. (Фасмер III, 256, 261; Черных II, 26, 35). И еще в целом ряде случаев 'пестрый' (как 'черно-белый' и 'красно-белый') обобщается до 'цвет', 'краска' и участвует в обозначении пестрых по окраске видов рыб: ирл. *earc* 'красный', 'пятнистый', вал. *erch* 'пятнистый', греч. περκνός 'темно-синий, черноватый', скр. *prśni-* 'пятнистый, темный' при ирл. *earc* 'форель, лосось', *orc* 'лосось', др.-в.-нем. *forhana* 'форель', греч. πέρκη 'окунь'[25]; в германских языках нем. *Farbe* 'цвет, краска, масть животного' (ср.-в.-нем. *varwe,* др.-в.-нем. *farawa* – субстантив от *faro* (*farawez*) 'цветной, пестрый') родственно по корню нем. *Forelle,* др.-в.-нем. *forhana* 'форель, лосось'[26].

Факты языка позволяют, как кажется, предполагать, что красный, наряду с черным, представлял основу темной окраски в окружающем мире (dunkle Farbentöne). Так, продолжения и.-е. **dherg-* (:**dhorg-*) имеют значение 'красный' в гойдельской группе кельтских языков и 'темный' в германских языках, производные и.-е **méəl-* (: **móəl-*: **mlə-*) представляют темные цвета различных оттенков от почти черных до темно-красных, темно-синих. В санскрите и латинском выявляются исходно "двойные" цветообозначения, которые описывают как прототипически красные, так и черные предметы – это санскр. *tāmrá-*, употребляющееся определением как к кошенили, глазам голубя, рубину, так и по отношению к вороне, которая обычно описывается с помощью ЦО 'черный', ср. *tāmrá-cakṣus* 'красноглазый (о голубе)', *tāmrákṣa* 'темная ворона', лат. *purpureus* (кровь, губы, мак и буря, дождь, засохшая кровь)[27]. Но с фактами такого "притяжения" 'черного'/'темного' и 'красного' соседствуют случаи, когда в одном этимологическом гнезде оказываются ЦО красного и белого (ср. и.-е. **k'u-k-r-* в индоиранских языках продолжают скр. *śukrá-* 'ясный, светлый, блестящий', 'белый', кум. *sukilo* 'белый, блестящий', авест. *suxra* 'красный (об огне)', перс. *sorx*

'красный' и т.п.; Pokorny 597) или, например, предполагаемое исходное значение 'цветной, пестрый' реализуется в производных основ *reg-t- и *reg-s-, продолжающих и.-е. корень *(s)reg-, как ЦО сочетания белого и черного, белого и красного (подобно этимологическому гнезду рассматриваемой основы *ker-s-: *kr̥s-n-): скр. *raktá-* 'окрашенный', 'красный', 'красивый' (прич. от *raj-* 'быть окрашенным'), х.-с. *rrasa-* 'dunkelfarbig', хор. *rōtk* 'красный', согд. *rγš* 'пестрый', перс. *rahš* 'красно-белое', курд. *res* 'черный'[28].

И еще о глубине исторических корней и распространенности соотносительных представлений 'яркий' и 'пестрый'. Исследуя в ирландской саге мотив "кровь на снегу", Т.А. Михайлова отмечает, что три цвета – красный, белый и черный – кодируются в тексте саги такими устойчивыми образами, как кровь, снег и оперение ворона, и что практически во всех рассмотренных примерах "мы сталкиваемся не столько с называнием определенного набора цветообозначений, сколько с созданием яркого зрительного образа"[29]. Как следует из работ специалистов в области психологии цветового восприятия, наиболее сильнодействующими на психику и физиологию человека оказываются сочетания красного и белого цвета (особенно ярко-красного и ярко-белого), красного и черного, черного и белого, трех этих цветов вместе[30].

Как видим, причины значимости сочетания трех цветов (белого, черного, красного) принадлежат к глубинно-психологическим закономерностям: *красный* – **один из** маркированных природно ярких (контрастно-фоновых) **цветов** (белый, черный, красный и черно-белый, красно-белый), **формирующих общее (родовое) представление о цвете/окраске,** о чем свидетельствует "связность" семантики этимологических гнезд **kras-* и **květ-*. История конкретного цветообозначения (*красный*) как результат вторичной номинации демонстрирует свою "ахроматическую предысторию" и оказывается связанной с оценочностью ('(контрастно)яркий'/'пестрый, цветной' → 'красивый' → 'хороший' и 'красный') и с истоками формирования общего понятия "цвет/тон".

Таким образом, следует сделать вывод, что за изосемией рассмотренных на материале славянских языков этимологических гнезд стоит специфика (вариант) когнитивной "упаковки" разноцветного реального мира и это проявилось в языке как возникновение общего (инвариантного) значения на определенном этапе развития структуры двух словообразовательно-этимологических гнезд. Это общее значение, выявляющееся при анализе межсистемных семантических отношений на уровне двух этимологических гнезд, оказывается актуальным для определения непрерывности их семантического пространства и для верификации диахронной реконструкции одного из них.

Примечания

[1] *Агеева Р.А.* Предисловие // Язык: история и реконструкция. Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1985, 4–7.

[2] *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, 147–179; *Топоров В.Н.* О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // ВЯ, 1960, № 3, с. 44–59.

[3] *Трубачев О.Н.* Реконструкция слов и их значений // ВЯ. 1980. № 3, 3–14. *Аникин А.Е.* Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. *Варбот Ж.Ж.* О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология. 1984. М., 1986, 33–40. *Пятаева Н.В.* Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд **em-* и **ber-* 'брать, взять' в истории русского языка // Этимология. 1994–1996. М., 1997, 140–147 и др.

[4] *Толстая С.М.* Семантическая реконструкция и проблемы синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. М., 2003, 553–561, 560.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Трубачев О.Н.* Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингистической реконтрукции. М., 1988, 197–222, 209–211.

[8] *Иссерлин Е.М.* История слова красный // РЯШ. 1951. № 3. С. 85–89; *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М., 1975, 162–173.

[9] *Суровцова М.А.* Развитие цветового значения слова "красный" // РЯШ. 1970. № 3. С. 100.

[10] *Матвеенко В.А.* Красота мира в древнерусских религиозных контекстах // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004, 72.

[11] *Василевич А.П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. На материале цветообозначения в языках разных систем. М.,1987, 15.

[12] *Алимпиева Р.В.* Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. На материале прилагательных-цветообозначений русского языка. Л.: ЛГУ, 1986, 52.

[13] *Thurnwald R.* Psychologie des primitiven Menschen. München, 1922; *Berlin B., Key P.* Basic color terms. – Berkley, 1969.

[14] *Тернер В.У.* Проблемы цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу) // Семиотика и искусствометрия. М.: Мир, 1972, 51, 78.

[15] *Норманская Ю.В.* Историко-типологический анализ цветообозначений в древних индоевропейских языках. Канд. дис. М., 2002.

[16] *Эдельман Д.И.* Иранские и славянские языки. Исторические отношения. – М.: Вост. лит., 2002, 64.

[17] *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М.: Вост. лит., 2003. Т. 2, 111.

[18] *Норманская.* 2002, 143–144.

[19] *Пауэлл Т.* Кельты. Воины и маги / Пер. с англ. М., 2004, 113.

[20] Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes. Lettre C. Par les soins de E. Bachellery et P.-Y. Lambert. Dublin; Paris, 1987, 256.

[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Здесь 'созревший, годный' как 'окрашенный (в соответствующий цвет)', ср. подобное в русск. диал. *бронеть* 'светлеть, отливать желтоватым, серым, красным цветом', 'созревать', укр. *бронiти* 'зреть' и рус.-цслав. *бронъ* 'белый', польск. *brony* 'гнедой', др.-чеш. *brony* 'белый', рус. *броный* 'белый, светлый', возможно, и др.-инд. *bradhnas* 'рыжеватый, буланый' (Фасмер I, 217, 220).
[24] О продолжениях основы **kr̥sn-* в новоиндийских языках со значением 'сажа', 'копоть', 'грязь' см. *Норманнская Ю.В.* Указ. соч., 144.
[25] *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Пер. с англ. / Ред., предисл. и примеч. В.Н. Ярцевой. М., 1954, 72.
[26] Etymologisches Wörterbuch der Deutschen // W. Pfeifer etc. Bd. 1–2. Berlin, 1993. Bd. 1, 323–324. Рассмотренное отражение в языке пересечения понятий "пестрый" и "цвет" может дополнить типологию "пестрого", предложенную в работах Л.Г. Невской (ср. Невская Л.Г. К типологии пестрого в балто-славянском // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии, категория посессивности. М., 1986, 84–90).
[27] *Норманская Ю.В.* Указ. соч. 56–57, 64; наличие "двойного" цветообозначения дает основание автору предположить, что в санскрите и латинском область красного и черного цветов членилась не так, как в других древних индоевропейских языках (Там же, 40).
[28] *Норманская Ю.В.* Указ. соч., 162–163.
[29] *Михайлова Т.А.* Кровь на снегу // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1996. № 2, 49, 51–52.
[30] Подробнее об этом и ссылки в выше названной работе Т.А. Михайловой.

А.Ф. Журавлев

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СЛАВЯНО-ИРАНСКИМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ (SLAVO-OSSETICA)

Статья 2

Предлагаемая статья, охватывающая осетинский лексический материал в алфавитном диапазоне от *l* до *s*, является продолжением работы "Из наблюдений... Статья 1"[1] (от *a* до *k'*) и может рассматриваться как семантический комментарий слависта к "Историко-этимологическому словарю осетинского языка" В.И. Абаева. Характер и приемы разбора данных сохраняются в прежнем виде. Параллели, отмеченные самим В.И. Абаевым, не затрагиваются.

lasyn | lasun... (дигор.) 'скисать', 'свертываться' (например, о крови) (Абаев II, 14–15). См. в первой статье серии[2] (о глаголе [2]*axsyn* | *axst*).

læbyryn | læburun... 'расползаться' (о ткани, также о ссадине на коже) (Абаев II, 17). Соединение преверба *ræ-* (из иран. **fra-* < и.-е. **pro-*; Pokorny I, 813) с *byryn | burun* 'ползти'. Реализованы те же ономасиологические посылки, что и в рус. *ползти, расползаться* (о ткани), диал. (волхов., ильмен.) *расползти́сь* 'сдвинуться с места (о ячее рыболовной сети)' (СРНГ 34: 178).

lædærun (дигор.) 'понимать, сознавать' (Абаев II, 18). Из **fra-dar-* (ср. др. -инд. *pra-dhārayami* 'сознаю, соображаю') к и.-е. **dher-* 'держать'. Значение 'понимать' очень часто развивается у глаголов с исходной семантикой 'брать (хватать, ловить)' (см.: Buck 1207–1208), ср. рус. *понимать* < **po(-n)-imati, *po-ęti, *po-jьmǫ,* многочисленные внеславянские параллели. В данном осетинском случае исходным для 'понимать' является значение 'держать', результативное по отношению к 'брать'. С ним можно сопоставить рус. *держать (за),* семантически частично пересекающееся с *понимать:* имеется в виду просторечное значение 'считать, расценивать, принимать за, трактовать в качестве': *держать за дурака, за порядочного человека* и под. (у этого значения почему-то не слишком завидная лексико-графическая судьба: словарями оно почти не замечается); укр. *трима́ти* 'держать' – 'считать, почитать за что' (Гринченко IV, 283). Семантическая модель очень широкого распространения, ср. лат. *tenēre* 'держать' – 'постигать, понимать, узнавать', франц. *tenir* 'держать' – 'считать, полагать', аналогично нем. *halten*, англ, *hold,* лит. *laikýti*, лтш. *turēt* (*Par ko jūs mani turat*? 'За кого вы меня принимаете?'), фин. *pitää*, венг. *tartani.*

læg 1. 'муж', 2. 'мужчина', 3. 'человек' (Абаев II, 19). Весьма обычное соотношение значений, обнаруживающееся и в синхронии и в диахронии (в частности, при межъязыковых сравнениях) и хорошо известное, разумеется, славянским языкам. В иллюстрациях ввиду "классического" характера семантических "переходов" нет необходимости.

læggad | læggadæ 'услужение', 'прислуживание', 'услуга';... *læggadgænæg* 'прислуживающий', 'слуга' (Абаев II, 22–23). Производное от *læg* 'человек'. Параллелей множество, как специально в славянских языках – рус. *человек* 'слуга (мужского пола)', 'дворовый' ("– Я дворовый *человек* господ Дубровских, – отвечал рыжий мальчик"), 'официант' (чаще в обращении), ст.-польск. *człowiek* 'слуга, невольник', чеш. *člověk* (устар.) 'крепостной' и проч., – так и широко за их пределами – англ, *man* 'слуга, человек', 'вассал' (истор.), нем. *Mann* 'вассал' (устар.), итал. *uomo* 'слуга', венг. *ember* 'служащий', якут, *киҳи* 'служитель, малый' (ЭСТЯ 1997, 78–79) и т.д.

lægyxaj | lægixaj 'любовник', 'муженек' (Абаев II, 24). Абаев переводит как 'доля (*xaj*) мужа (*lægy*)'. В таком переводе, из-за неоднозначности слова *доля*, остается несколько неясным мотивационный

смысл целого, но экспликация семантического спектра слова *xaj* (‘часть’, ‘доля’, ‘отрезок’, ‘кусок’, специально ‘кусок съестного, преподносимый одним участником трапезы другому’ и др., – Абаев IV, 132) позволяет уточнить, что эксплуатируется смысл ‘часть, кусок’ (не ‘участь, судьба’). Абаев указывает на своеобразие сочетаний *xaj* с формами родительного падежа названий людей и персонифицируемых явлений: *mady xaj* буквально “доля [кусок] матери”, *x₀ycawy xaj, zædy xaj, ʒwary xaj* “доля божества”, *xūry xaj* “доля солнца”, *wazægy xaj* “доля гостя”, *xæjræǵy xaj* “доля черта” означают “просто ‘мать’, ‘божество’, ‘солнце’, ‘гость’, ‘черт’, но с оттенком особой близости” (по-видимому, расцениваемой все же не всегда положительно, поскольку в список таких “близких” сущностей входит и ‘черт’, а сочетание *xæjræǵy xaj* включается в состав ругательства). Подобные элиминации собственной семантики у слов со значением ‘кусок’ в их соединениях с пейоративными обозначениями людей отмечаются и в славянских языках: рус. *дурака кусок* ‘дурак, бестолочь’, *дуры кусок, идиота кусок, скотины кусок*[3], *лентяя кусок, дурня кусок* (“прост., пренебр., презр. Довесок к отрицательной характеристике...”, с примером из беллетристики: *дезертира кусок*)[4], укр. *дурака шмат* (мои записи), польск. *kawał drama, kawał łobuza, kawał łotra* и др. ‘отъявленный негодяй, мерзавец, прохвост и т.д.’[5], кашуб, *kavał djåbła* о подлом человеке (буквально ‘кусок дьявола’) (Sychta II, 150). Здесь эффектом такого соединения оказывается усиление пейоративности. Однако, в отличие от восточнославянских языков, но подобно картине в осетинском, в польском возможны одобрительные коннотации: *kawał chłopa* (буквально ‘кусок мужика’) – ‘здоровый (здоровенный, сильный) мужик; мужик (мужчина) что надо (хоть куда)’[6]. Опираясь только на русские выражения, можно было предположить, что описанная функция существительного *кусок* развилась в бранных словосочетаниях вроде *говна (дерьма) кусок*, в которых его присутствие прозрачно оправдывается семантически[7]; подобную фразеологию словари регистрируют неохотно, но она находит отражение в современной беллетристике, см., например, “Скажи изюм” (М., 2005, 57), “Кесарево свечение” (М., 2001, 66) Василия Аксенова. Однако осетинская и польская параллели показывают, что это предположение не очень надежно. Не исключено, что фразеологическая модель “‘часть, кусок’ + оценочное название человека” известна и другим языкам. К такому подозрению толкает, например, затемненное употребление слова *piece* ‘кусок’ в первой сцене “Гамлета”: “What, is Horatio there? – *A piece of him*”. Выражение ‘кусок его’ в данном случае означает ‘он сам’, то есть у слова ‘кусок’ наблюдается то же “зачеркивание” собственной лексической семантики, а значение целого совпадает со значением управляемого члена словосочетания.

læwwyn | læwwun 1. 'стоять'..., 3. ... 'сохраняться', 'не изнашиваться' (об одежде, обуви', 'не портиться' (о продуктах); *læwwæn* 'прочный', 'ноский' (об одежде и пр.)... (Абаев II, 37). Оформление идеи 'прочности, хорошей сохраняемости' с опорой на глаголы со значением 'стоять' более чем обычно: рус. *стойкий, устойчивый, постоянный,* др.-инд. *sthitá* и проч., лат. *stabilis,* нем. *standfest, standhaft,* лит. *pastovùs*; венг. *állandó, állhatatos* (*állni* 'стоять'), тур. *durmak* 'стоять' → 'быть твердым, постоянным' и мн. др.

læxuryn | læxorun 'крупно молоть', 'schroten'; переносно также 'болтать вздор' (Абаев II, 40). Ср. рус. *молоть* (*Мели, Емеля...*), укр. *молоти* 'болтать, нести вздор', блр. *малоцъ языком* (*Мялі, Ананас...*), болг. *меля* 'пустословить', макед. *меле* 'молоть вздор', с.-хорв. *млети* 'болтать лишнее', чеш. *mleti* 'болтать', словац. *mliet'* 'болтать', польск. *(ze)mleć w ustach* (*zębach, przez zęby*) *przekleństwa* (*słowa...*) '(про)цедить сквозь зубы проклятия (слова...), тихо (вы)ругаться', кашуб, *młoc pëską, jązëką* 'плести, болтать' (Sychta III, 88). Метафора 'молоть зерно' → 'говорить (лишнее, пустое; надоедливо; назидая, бранясь и проч.)' высокоупотребительна: лит. *liežuviu malti* 'молоть языком', англ, *grind* 'вдалбливать', 'зубрить', венг. *mas malomban őröl* 'один про Фому, другой про Ерему' (буквально 'молоть другой мельницей')...

ᵆlxænyn | ælxænun 'покупать'; *zærdæ lxænyn* 'снискать благосклонность', 'расположить к себе' ("купить сердце") (Абаев II, 49). Аналогично в русском языке: *подкупить* 'расположить в свою пользу, вызвать симпатии', далее *купить(ся)* 'обмануть(ся), (дать себя) провести' (тема "купли", "денег" развивается во фразеологизме *принять за чистую монету*). В русском – по-видимому, семантическая калька (вопрос – с выражения в каком именно языке?), ср., например, нем. *bestechen* 'подкупить, дать взятку' – 'очаровать', *sich durch* (+ Acc.) *bestechen lassen* 'соблазниться чем-либо'.

mast 1. 'горький', 'горечь'... 3. 'горе', 'неприятность', 'огорчение', 'гнев', 'злоба' (Абаев II, 76–77). Слав. **gorьkъ(jь)* и **gor'e* (ср. их соединение в этимологической фигуре – песенном эпитете: *горе-горькая* солдатка, сиротка... *горе-горькая,* – СРНГ 7, 81) соотносительны с глаголом **gorěti,* при этом глагольная семантика 'жечь, гореть' первична ("Родство значений 'горе, 'печаль' и 'жечь, гореть печь' элементарно" – ЭССЯ 7, 40, 42, 52). Замечательно, что в осетинском *mast,* имеющем, по суждению Абаева, "двоякие связи", не восходящие, однако, к семантике 'горения' ("Одни идут по линии значения 'острый, неприятный вкус'...", "Психологические значения... могли развиться на базе ар⟨ийского⟩ *mad-* 'быть в состоянии возбуждения'..."), совмещены значения 'горе' и 'горький' подобно тому, как они совмещены, но на иных ономасиологических основаниях, в славянском этимологическом гнезде.

migænæn (ирон.) 'орудие', инструмент', 'сосуд'; *migænæntæ* 'орудия', 'утварь', 'посуда' (Абаев II, 116–117). См. в первой статье о серии (о слове *garz*)[8].

mystrağ | mistrağ 'имеющий мышиного цвета спину (о лошади светло-гнедой масти)' (Абаев II, 143). Отсылка к *myst* 'мышь' и *rağ* 'спина'. Немного смущает, что "мышиной" названа светло-гнедая масть. Апелляция к цвету мышьей шерсти в обозначениях лошадиной (и, реже, коровьей) масти обычна для славянских языков: **myšь(jь), *myšinъ(jь), *mysatъ(jь), *mysastъ(jь)* (неполный свод межславянских соответствий см. в: ЭССЯ 21, 55–56, 63, 69), **myšistъ(jь)* (рус. диал. *мышистый* (СРНГ 19, 70). Как, впрочем, и для многих иных: лит. *pelė́kas*, лтш. *pelēks*, англ, *mousy*, нем. *mausfarben.*, венг. *egérszürke*. Для межъязыковых (в нашем случае специальных славяно-иранских) семантических сравнений связь малоинтересна. Любопытно лишь обстоятельство семантикотипологического характера: цвет шерсти мышей понимается как некая натуральная константа, к которой можно взывать при ономатологических потребностях, тогда как лошадиные (и скотьи вообще) масти вещь зыбкая, и их обозначения ономасиологически всегда вторичны, нуждаются в опоре на категории за пределами узкой собственно гиппологической семантики (насколько бы автономной ни выглядела конечная – современная – система терминологических обозначений скотьих мастей в том или ином языке). Вероятно, это действие некоей культурной универсалии: близкое человеку ("окультуренное") трактуется как лабильное на фоне природного, отдаленного от человека и гораздо более устойчивого.

nad (дигор.) 'дорога', 'тропинка' (Абаев II, 147–148). Лексикализованное причастие от глагола *nætun* 'бить, трамбовать', буквально 'утоптанный, утрамбованный'. Абаев в качестве семантических (мотивационных) аналогий приводит рус. *тропа* и *тор* (к *тропать* и *торить*). Славянские параллели семантическим связям 'бить' → ('оставлять след') → 'утаптывать, протаптывать' → 'прокладывать дорогу' → 'колея, тропа' могут быть расширены за счет глаголов **biti*, **telkti* и их производных. Ограничусь некоторыми русскими примерами: *битая* (дорога) 'торная, накатанная' (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 190; Даль[2] I, 89; Псков, словарь 2, 15), 'утрамбованная, утоптанная' (Селигер 1, 44), диал. *бить* 'насыпать дорогу, прокладывая или ремонтируя ее' (Сл. рус. Севера 1, 116), *пробивáть* 'прокладывать (улицу), протаптывать (дорогу, тропинку)', *след пробить, бой* 'пробитая колея на дороге', 'место, где всегда большое движение транспорта или пешеходов; проезд', *бóйный* 'торный, проезжий (о дороге)', *бойнúца* 'в ы б о и н а, глубокая колея на дороге, образующаяся осенью от колес', (СРНГ 3, 66, 67; 32, 81), *избóина* 'выбоина, ухаб' (Даль II, 11), *бóйная дорóга* 'дорога, засыпанная гра-

вием [в противоположность асфальтированной]' (Селигер 1, 53), *бо́йкий* 'наезженный, укатанный' (Псков, словарь 2, 79) [любопытна своего рода "макароническая figura etymologica" ст.-рус. (XVI–XVII вв.) *бити сакму* / *сокму* 'прокладывать дорогу' (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 188): *бить* + тюркизм *сакма́* 'колея, лесная тропа, след ноги' – из **sok-* 'бить' (Фасмер III, 547)]; *утоло́к* 'утоптанное, вытоптанное место', *у́толочная* (дорога) 'битая, торная' (Даль[2] IV, 521), ср. далее *убитый, утолоченный пол* и т.п. Та же мотивация просматривается в заимствовании: укр., блр. *шлях* 'путь, дорога' – через польск. *szlach* 'след, колея' из немецкого – ср.-в.-нем. *slag, slac* 'колея, дорога' < **slak-* 'бить' (нов.-в.-нем. *Schlag* 'удар') (см.: Фасмер IV, 457; Kluge[20] 652)[9].

nælæstæg 'мужское существо', 'мужчина' (Абаев II, 167). Сложение *næl* 'самец', реже 'мужчина' и *æstæg* 'кость', буквально 'мужская кость' (ср. *sylæstæg* / *silæstæg* 'женщина' = 'женская кость', Абаев III, 195). Семантическое развитие 'кость' → 'род, племя, порода' → 'социальная группа или корпорация; "сорт" людей' [с дальнейшим синекдохиальным сдвигом: 'некто, принадлежащий (такой-то) группе'] хорошо известно: рус. *дворянская, барская, крестьянская кость, белая кость* 'человек знатного происхождения', *черная, подлая кость* 'человек незнатный, принадлежащий непривилегированному сословию', диал. *мастеровая косточка* 'о мастеровом человеке' (СРНГ 15, 79); "Родъ татарескъ *кость* не наша" (Жит. Петр. Берк. Мин. Чет. июн. 415 – СлРЯ XI–XVII вв. 7, 373). Многочисленны контексты типа 'кость моя' = 'мой род, мой потомок' в Библии (Быт 2: 23; Быт 29: 14; Суд 9: 2; 2 Цар 5: 1; 2 Цар 19: 12). Ср. польск. *kość* 'человек' (в библейских текстах), *psia kość!* 'собачья кость' → 'черт возьми!' (параллельно *psia krew*), нем. *elender Knochen* 'негодяй, мерзавец' (буквально 'подлая кость'), кирг., алт. *сөөк*[10] и т.д.

nixagæ, nixæg (дигор.) 'локон на виске' (Абаев II, 185–186). Суффиксальное производное от *nix* 'лоб'. Случай интересен тем, что представляет собою семантическое движение 'лоб' → 'волосы, локон', направленное в обратную сторону по сравнению с тем, что наблюдается в вост.-слав. **висъкъ* (рус. *висок,* укр. диал. *висо́к,* блр. диал. *вісо́к*) 'собственно висок, боковая часть черепа от уха до лба' ← 'волосы на виске'. Языковые факты – распространенность диалектных значений *виски* 'волосы на голове' (то есть не только '...на висках'), 'волосы на теле и голове', 'женские волосы' (СРНГ 4, 295), укр. диал. *виски́* 'волосы вообще', фразеологизмы вроде блр. *віскі рваць* 'бедствовать' (Янкова 67), но более прочего производность от *висеть* – настаивают именно на этом семасиологическом варианте (см.: Miklosich 392; Преображенский 1, 85; Фасмер I, 320; ЭСРЯ 3, 106; Черных I, 154; ЕСУМ 1, 381; ЭСБМ 2, 162). Аналогично восточ-

нославянскому анатомическому термину мотивируется название ‘виска, височной кости’ в некоторых тюркских языках: слова, родственные казах., каракалп. и др. *самай*, несут семантику ‘волосы на висках’ и, далее, ‘свисать, ниспадать’ (ЭСТЯ 2003, 185–186).

nymætk’$_0$y | nimætk’u ‘гордовина’ (разновидность калины), ‘Viburnum Lantana’ (Абаев II, 203–204). Из разных возможностей этимологической интерпретации слова Абаев выбирает отнесение к основе *nam-* ‘влажный’ (перс, *nam-* и проч.): “калина любит хорошо увлажненную почву”. Если объяснение найдено верно, то осетинское название калины оказывается ономасиологической параллелью славянскому **kalina* ‘растение Viburnum opulus’, выводимому из **kalъ* ‘грязь’ (в отдельных славянских языках отражается со значениями ‘лужа, топь’, ‘жидкая грязь, слякоть’, ‘осадок’, ‘дрожжи’, ‘нечистоты’ и т.д.) – “первонач. обозначение сырого места [ср. с.-хорв. *kȁlina* ‘грязь, размякшая земля’ (РСА IV, 772), словен. *kalína* ‘лужа’ (Pleteršnik I, 381). – *А.Ж.*], а уже по нему – влаголюбивого растения” (ЭССЯ 9, 121)[11].

nyvond | nivond ‘жертва’ (Абаев II, 214–215). «Восходит к иран. **ni-banda-*, от *band-* вязать’...: посвятить животное божеству значило “связать” его как в буквальном..., так и в переносном смысле; отсюда выражение *nyvond nybbæddyn* ‘обещать животное в жертву’, буквально “связать”». Понятия ‘обета’ и ‘жертвы’ соотносятся с понятием ‘обязательства, с в я з а н н о с т ь ю обетом / обещанием’ (в этимологическом гнезде и.-е. **bhendh- / *bhn̥dh-*, к которому относятся затронутые иранские слова, находятся, например, нем. *binden*, англ. *bind* ‘вязать, связывать’ – нем. *sich binden* ‘обязываться’, *Bindung* ‘обязательство’, англ. *bind* ‘обязывать’). Из этимологически тождественных иранских лексических фактов ср. также шугнан. *vīnd-* ‘заключать (договор)’; соединение с превербом **ni-*– хорезм. *nβncў-* ‘клясться’ (← ‘связывать себя’) < **ni-bandai̯a-*; сложение с **banda-* во второй его части – хотаносакск. *kāṁbaṁda-*‘специальный дар святыне’, несмотря на находимую мотивировку этого слова в наглядных материально-культурных моментах (‘повязка на талию’) (Расторгуева – Эдельман 2, 69–70, 71, 73). Семантические отношения между осетинскими словами для ‘вязать, связывать’ и ‘жертва’ могут рассматриваться поэтому как аналогичные отношениям между слав. **vęzati* и **ob-vęzati* (> обязать).

qapp | qappæ ‘сущность’, ‘суть’, ‘ядро’, ‘косточка’, ‘testiculum’ (Абаев II, 264). Предполагается арабизм (*qalb* ‘сердце, сердцевина, нутро, ядро, центр’), при допущении контаминации с арабизмом же *app* | *appæ* ‘ядро, косточка’, сердцевина, содержание’ (см. Абаев I, 54). Параллель соотношению значений у осетинского слова можно видеть в связанности смыслов ‘сосредоточенная суть, сущность, основанье; твердое, крепкое, или самое главное, важное, сущное’ и

'ятра, шулята в мошонке' у рус. *ядрó* (Даль IV, 673). Кроме того, Р.Ф. Брандт пытался видеть этимологическое единство слав. **jьstъ* 'подлинный, истинный, действительный, верный' и **jьsto* 'почка; testiculus', родит, пад. **jьstese* (ст.-слав, исто, двойств, ч. истєсѣ, с.-хорв. диал. *jȉsto*, полаб. *jaista*, др.-рус., рус.-цслав. *исто*, далее аффиксальные продолжения кайк, *obistje*, словен. *obȋst* 'почка'). Эта идея была высказана повторно, но без упоминания соображений Брандта, В.В. Мартыновым. Однако если первый довольно правдоподобно предполагал базовым значение 'внутренний, сокровенный; подлинный' ("Мне думается, что прикладок истъ сродни с предметницей исто почка, мудо, и что основное значение его было внутренний (отсюда – задушевный, доподлинный)"[12]), то второй пытался построить тяжеловесную схему, где недоказанная отправная семантика 'род'(!) могла конкретизироваться в анатомическом термине 'мужские яички' в одном случае и, через смысловую цепочку 'того же рода, принадлежащий той же семье' → 'такой же, соответствующий' породить значение 'истинный, настоящий' в другом[13]. Перспектив у гипотезы Брандта – Мартынова как у этимологического решения, по-видимому, нет, но допустимо думать о смысловой аттракции омонимичных основ **jьst-*$_{1,2}$, которая резонирует с семантико-типологическими аналогиями вроде осет. *qapp* и рус. *ядро*[14].

[2]**qaryn | ğarun** 'просачиваться', 'проникать' (о жидкости'; переносно: 'влиять', 'оказывать действие' (Абаев II, 268–269). Семантическое развитие в русле хорошо известной модели 'лить, вливать' → 'влиять, воздействовать'. Рус. книжн. *влиять, влияние, оказывать влияние*, польск. *wpływ* считаются кальками с франц. *influence, avoir de l'influence* (Фасмер I, 327; ЭСРЯ 3, 118–119). Примеры Абаева ('не проймешь', 'разобрало' и под.) не носят книжного характера, поэтому нет специальных причин предполагать позднее русское влияние.

qen 'стоймя', 'торчком', 'вверх ногами' (Абаев II, 303). Абаев предлагает связать со словом *qan* 'хан', усмотрев развитие 'важный' → 'чванный' → 'стоящий торчком'. С сочувствием отнесясь к этимологическим сомнениям ("может быть") самого автора, можно все же увидеть смысловые параллели осетинскому слову в целом ряде славянских случаев. Например, в русском фразеологизме *ставить на попа*, который связан с многочисленными диалектными обозначениями прямо стоящих, торчащих предметов: твер., арханг., костр., сиб., терск. *поп* 'прямо стоящий предмет', моск., яросл., вят. и др. 'верхний сноп укладки', 'сноп, поставленный в средине суслона', 'копна' и др., зап.-рус., сев.-рус. *поп* 'рюха для игры в городки' (псков. и др. 'рюха, которая, будучи сбитой с места, перекатясь, приняла стоячее положение', том., урал. *упасть, встать попом* 'принять вертикальное положение, занять положение стоя'), смол.

'кегля', 'кегля в вертикальном положении' и проч. (СРНГ 29, 291–292; Словарь Карелии 5, 74). У Абаева все текстуальные примеры, иллюстрирующие употребление наречия *qen,* рисуют стоящий вертикальный к а м е н ь или горные выступы; ср. в русском: отдельным значением слова *поп* в СРНГ дается мурман., арханг. 'к а м е н ь у берега моря, возвышающийся над водой', отразившееся в микротопонимии: *Русский поп* и *Норвежский поп* (СРНГ 29, 291). По-видимому, семантическое развитие 'социально выделенная фигура' → 'физически выдающийся, торчащий предмет' можно констатировать в случаях рус. диал. *князь, князёк* 'верх, гребень двускатной крыши' (СРНГ 13, 352, 354), сев.-рус., зап. -рус. *бáрин* 'гнойный нарыв, чирей' (СРНГ 2, 116; Сл. рус. Севера I, 64).

qomyl | ğompal 'взрослый' (Абаев II, 309). Трактуется как местный внешний падеж от *qom* | *ğom* < **gam-* 'идти'; непосредственное значение – 'дошедший'. Ср. ту же идею в рус. *входить в лета, войти в годы, в возраст,* диал. *войти, прийти в пору* 'достигнуть совершеннолетия', *выйти в парни* 'повзрослеть (о юноше)', *выйти из годов* (*с год*) 'стать нетрудоспособным по старости лет, состариться', 'переступить возраст, в котором женятся или выходят замуж' (СРНГ 6, 266; 25, 233; 30, 33), укр. *дійти літ* 'вырасти', *з літ вийти* 'быть уже не в тех годах, когда...' (Гринченко II, 371, 372), полесск. *ўже ўхоdіт ў дiўку* 'переступает порог половой зрелости (о девочке)'[15] и мн. др. Уподобление течения времени (и, в частности, возрастных перемен) ходьбе – дохождению (до), вхождению (в), выходу (из) и т.д. – относится к самым банальным языковым метафорам. Ср., например, у Абаева ниже объяснение *ragacaw* 'заранее, заблаговременно' из *rag* 'рано' и *caw* из *cæwyn* 'идти' (Абаев II, 341), *razvælğaw* 'заранее, заблаговременно' из *raz* 'впереди' и *fælğaw* (← **pari-gaw*), где *ğaw* – к **gu-*, **gaw-* 'идти' (Абаев II, 357). '

qurasast (дигор.) 'хриплый' (Абаев II, 315). Сложение *qur* 'горло' (→ 'голос') и *sast* – пассивного причастия прошедшего времени от *sæddyn* | *sæddun* 'ломать'. Ср. рус. *ломаться* (о юношеском голосе), нем. *brechen*, англ. *break* 'ломать' → 'ломаться, мутировать (о голосе)', лтш. *ir balss lūzums* 'ломается голос' и т.д.

$q_o$ydy | ğudi 'мысль', 'дума' (Абаев II, 322). "Любопытно, – пишет Абаев, – что в осетинском 'мысль' (*ğudi*) и 'дело' (*ğuddag*) оказываются одного корня". Близкого свойства соприкосновение корней **mysl-* и **dě(l)-* нетрудно найти и в славянских языках. Например, в СлРЯ XI–XVII вв. некоторые значения слова *про-мысел-ъ* толкуются как '*дело,* занятие, *де*ятельность', 'тот или иной способ осуществления *де*йствия' (20, 171 172). Связи / противопоставления в триаде 'мысль' – 'слово' – 'дело', с примерами в славянских, хеттском, подробно рассматривались В.Н. Топоровым[16].

q₀yna | ğuna 1. 'мох'; 2. 'плесень' (Абаев II, 327–328). "Идентично с *q₀yn* | *ğun* 'шерсть'". Ср. рус. *мохнатый* 'покрытый (густой) шерстью' при болг. *мъхнáт* 'поросший мхом', словен. *mahnàt* 'мшистый' (Pleteršnik I, 542), словац. *machnatý* 'мшистый' (к праслав. **mъхъ* 'мох'). Вообще же лексическое отождествление '(зеленой) растительности' и 'волосяного покрова у животных и человека' – одна из тривиальных и самых мощных семантических универсалий, причем вектор 'шерсть, волосы' → 'зелень' нагружен намного сильнее, чем противоположный[17].

rağ 1. 'спина'; 2. 'гребень горы', 'горный хребет' (Абаев II, 343–344). Семантическая модель исключительно широкого распространения[18]. Видимо, именно поэтому аналогии вроде рус. *хребет,* англ. *back*, лат. *dorsum* или тюрк, *сырт* Абаевым и не упоминаются.

ræğaw | ærğaw 'табун', 'стадо' (Абаев II, 368–370). Из **fra-gāva-*, ср. парфян, *fraγāw* 'богатство, сокровище', согд. **fraγāw* (*βrγw*) 'богатство'. Славянские параллели к семантической связи 'скот' ↔ 'богатство' см. в первой статье серии[19] (о слове *fos* | *fons*).

ræmpæg, rympæg | rumpæg 'моль', 'Tinea' (Абаев II, 372–373). Как полагает Абаев, дигорская форма указывает на возможность восстановления не сохранившегося в осетинском глагола **rump-*, родственного глаголам в других индоевропейских языках: лат. *rumpo* 'рву', слав. **lupiti* 'обдирать', др.-инд. *lumpati* 'портит' (см. также далее: Абаев II, 434–435 – *rūvyn* | *rovun* 'полоть', к и.-е. **reup-* / **leup-* 'рвать', 'лупить'). Сопоставление славянского глагола с латинским и древнеиндийским проводилось и А. Мейе, но у Р. Траутмана подобные сближения вызывали понятные сомнения (см.: ЭССЯ 16, 185). Но если какая-либо из этих этимологических линий применима к реконструируемому осетинскому глаголу, то мотивированность осетинского названия моли может быть сравнима с отправной семантикой славянского названия моли, которое по одной из имеющихся этимологий связано с **melti, *meľǫ* 'молоть'. "Согласно... толкованию, в качестве исходного нужно считать семантический признак 'дробящее, повреждающее (насекомое)'», что обосновывается еще аналогией с с.-хорв. *гризица, гризница, гризлица* 'моль' ('грызущая') (ЭССЯ 19, 205).

ræstæg 1. 'время', 'досуг'; 2. 'погода'; ...в дигорском может означать также 'место': *ci ræstægi adtæj*? 'где он был?' (Абаев II, 377–378). Славянские параллели соотношению значений в осетинском слове находятся двоякого рода. Во-первых, приведя франц. *temps* 'время' → 'погода' (семантика унаследована: лат. *tempus*, кроме значения 'время', употреблялось, правда, редко, и в значении 'погода'), Абаев не привлек славянских (и балтийских) фактов того же свойства, которые, однако, очень многочисленны. Прежде всего это этимологическая связанность слов *год* ('время, срок') и *погода*; ср.

рус. диал. *годи́на* ‘погода’, ‘хорошая погода, вёдро’, ‘плохая погода’ (СРНГ 6, 268; Сл. брян. 4, 31: “В пахмурную *гадину* смала у сасны лучшы”), блр. диал. *годзíна* ‘плохая погода’ (Тураўскі слоўнік 1, 209), *гудэ́на* ‘время, пора’ и ‘погода’ (“Ну й *гудэна:* субакэ на двыр ны вэ́жыныш”, – Народная лекска, 74), укр. *годи́на* ‘час’, ‘время, пора’, ‘хорошая погода’ и ‘дождь’ (*Годи́на idé* ‘идет дождь’) (Гринченко I, 297), с.-хорв. *го̏дина* ‘год’ – хорв. ‘погода; непогода, дождь’, словен. *gôdina* ‘год’ и ‘дождь’ (= ‘ненастная погода’) (Pleteršnik I, 225) и т.п. Далее – отражение праслав. **ver(t)mę* < **vertmen* в метеорологических значениях: рус. диал. *вре́мя, вре́мечко* ‘погода, состояние атмосферы’ (Даль[2] I, 260; “*Вре́мя* бы́ла спóртифшы”, – Псков. словарь 5, 44; “На́дь бы се́но смета́ть, э́ко *вре́мя* стоя́ло”, “Отпишы́, какó у ва́с *вре́мя*”, “*Вре́мецъко* э́ко хорóшо постоя́ло, на́доть постоя́ть и дóжычьку”, – Арханг. словарь 6–7, 23, 27), ‘хорошая погода’ (*Время установится* ‘наступит хорошая погода’, – Новг. словарь 1, 142), укр. *верéм'я* ‘хорошая погода’ (Гринченко I, 135), диал. *вéремня* (*-мйа, -мйи, -мн'i*) ‘дождь; непогода’, ‘хорошая погода’ (Онишкевич. Сл. бойк. 1, 90), болг. *врéме* ‘время’ и ‘погода’, с.-хорв. *врéме* ‘время’ и ‘погода’, словен. *vrême* ‘погода’ и др. Аналогичные семантические движения наблюдаются у слова **časъ*: наряду с повсеместным значением ‘время, пора’ в западнославянских языках (в чешском, словацком, верхнелужицком, нижнелужицком, кашубском) регистрируются значения ‘погода’, ‘хорошая погода’ (ср.: ЭССЯ 4, 27–28; Sychta I, 162). Ср. также лтш. *laiks* ‘время, пора’ и ‘погода’. Во-вторых, подобно осетинскому *ræstæg*, слав. +*ver(t)mę* может передавать также пространственные значения: рус. диал. *вре́мя* ‘промежуток, расстояние’ (“Сверху таки плавочки сделаны вот через тако *время,* чтоб не уходили”, “Там таки верёвочки вот через тако *время*”, – Сл. рус. Севера II, 198).

ræsuğd ‘красивый’, ‘прекрасный’ (Абаев II, 380). “Восходит к **fra-suxta-*, от основы **suk-* ‘свет-огонь’: понятие ‘красоты’ было неотделимо от понятия ‘света-огня’”. Слав. **krasa*, **krasota*, **krasiti*, **krasivъ(jь)*, **krasьnъ(jь)* связано с **kresati* (*ognь*) ‘создавать, добывать огонь’ (см. Slavo-ossetica 1: *ænʒaryn* | *ænʒarun* ‘поджигать’, ‘разжигать огонь’). По соображениям О.Н. Трубачева, “семантически **krasa* убедительно реконструируется как ‘цвет жизни’, откуда затем – ‘красный цвет, румянец (лица)’, ‘цветение, цвет (растений)’ и, наконец, более общее – ‘красота’” (ЭССЯ 12, 97; ср.: Slawski III, 65). Если обе этимологии справедливы, мы имеем дело с выразительной славяно-осетинской семантической параллелью.

rīxī | rexæ, rexe 1. (ирон.) ‘ус’; 2. (дигор.) ‘борода’ (Абаев II, 416). Распределение значений по диалектам прямо противоположно ситуации с ирон. **boc'o** ‘борода’ | дигор. **bec'o** ‘ус’ (Абаев I, 263). Последние, как Абаев предполагал ранее[20], заимствованы из кабардинско-

го языка, где *pač'e* – и 'усы' и 'борода'. Подобная же картина в абхазском: *a-ӕakIьa* и *a-naцIa, a-naцIa* показывают такую же неопределенность семантики (см. еще: Шагиров II, 9). Во всех тюркских языках **sakkal* имеет значение 'борода', но в хакасском, тувинском, сарыг-югурском и чувашском – также 'усы'; якут, *bytyk* значит 'усы' и 'борода' – на фоне значения 'усы' у рефлексов **byyk* в прочих тюркских языках[21]. Со сходными смысловыми соотношениями мы сталкиваемся и в славянских языках. Как бы ни решалась проблема этимологии слав. **ǫsъ*, **ǫsy*[22], можно предположить, что лексически различные обозначения бороды и усов – явление сравнительно позднее. Смешение значений 'борода' и 'усы' в ст.-рус. *усъ*, чеш. *vousy* (точнее, синкретичное 'волосы на лице – усы, борода, бакенбарды'), аналогично в ст.-словен. (XVIII в.) *vǫ̂si, vǫ̂se* (Snoj[2] 831), закрепление значения 'борода' в полабском за *vǫs* (в противовес слав. **borda*, которое значения 'усы' не принимает) несколько напоминают семантическую ситуацию в осетинском и северокавказских языках, которая отражает старое состояние, предшествующее последовательному разведению описываемых значений по разным лексемам.

Rujmon (дигор.) название мифического чудовища (Абаев II, 430–431). По догадке Абаева, суффиксальное (*-on*, как *ir-on* 'осетин', *digor-on* 'дигорец' и под.) производное от *Rum* 'Рим' (эпентетическое *j* перед сонантом закономерно). Стало быть, исходное значение – 'римлянин'. Превращение названий чужих, обычно далеких или враждебных племен в обозначения 'великанов', 'чудовищ' характерно для многих "мифопоэтических" традиций. Сам Абаев приводит авест. *dahāka-* 'демон', связываемое с этническим именем *дахов* (авест. *dāha-*, др.-инд. *dāsa-*) (ср.: Mayrhofer II, 38–39), и франц. *ogre* 'людоед', объясняемое из этнонима *hongre* 'венгр'. Заслуживают упоминания на этот счет хотя бы некоторые славянские примеры: рус. *исполин(ы)*, ст.-слав. **сполоѵъ** 'великанов, исполинов', **исполинъ** 'герой, богатырь', др.-польск. *stolim, stołym, stolin, stwolin* 'исполин', кашуб, *stolem* 'исполин' – в связи с этническим именем *спалов* на территории Скифии; ц.-слав, **чоудъ** 'великан' – в сравнении с названием прибалтийскофинских племен *чудь*; рус. *вéлет, вóлот* 'великан', укр. *вéлет, вéлетень* 'великан' – в сопоставлении, помимо прочего, с средневековолат. *Veletabi* – названием западнославянского племени *вильцы* в Мекленбурге, с этнонимом Οὐλέται у Птолемея, кельтскими этнонимами с корнем **u̯el-*; укр. диал. *вары́г, вары́га* 'здоровяк' – из *варяг* 'норманн', ср. также рус. курск. *дулéп* 'в ы с о к о р о с л ы й и глуповатый человек; остолоп' – от названия *дулебов*, восточнославянского племени на Волыни; рус. фолькл. *поляк* 'удалец, богатырь (обычно иноземный)' в олонецкой былине; лужск. (петерб.) *поля́к* 'пугало [страшило]'[23]; польск. *olbrzym* 'великан, гигант', в.-луж. *hober* 'великан', чеш. *obr*, словац. *obor, obrín* 'исполин,

великан', словен. *óber* 'великан' – как отражения этнонима *авары*, др.-рус. *обре* и др. (*погибоша аки обре*)', вост.-болг. *(д)жи́дове* 'великаны', серб. диал. *џдове* то же, рум. *jidov* 'еврей', 'мифологический великан' (ср. употребление имени *июдеи* в русской книжности как рефлекс представлений об инородцах-великанах, живших в доисторические времена). Подобные же смысловые смещения испытывали названия римлян (что уж вовсе близко затронутому осетинскому случаю): юж.-болг. *лати́ни* 'великаны' (*лати́ни-исполи́ни*); греков: вост.-болг. *е́лини*, родоп. *елêне* 'исполины, великаны', юго-зап.-болг., макед. *е́лими* 'великаны' и др. Реализации модели превращения этнонимов в названия великанов, в частности, мифологических предков или чудовищ хтонического толка, распространены весьма широко[24].

sajtangark (дигор.) 'удод, Upupa epops' (Абаев III, 23). Сложение *sajtan* и *kark*, буквально 'черт(ова) курица'. Ср. рус. *чертова курица* 'птица камышница, Gallinula chloropus [семейства пастушковых из журавлеобразных]' (Даль[2] II, 223; IV, 598; кстати, одно из диалектных наименований удода – *пастушка*, – СРНГ 25, 267). Но, кажется, при всей семантической отдаленности от осетинского слова с ним с достаточным основанием могут быть сопоставлены и названия вроде рус. диал. (каргоп. олон.) *попова курица* 'ворона' (СРНГ 16, 128; 29, 324). Точки соприкосновения: название 'курицы' перенесено на птиц, принадлежащих иным видам (таксонам), не представляющих промыслового интереса (с жестким, невкусным мясом или отталкивающим запахом), адъективные определения – 'чертова', *попова...* – даются из сфер, не связанных с обыденностью, с житейскими стандартами, но в данном случае имеющих отношение к культу (церковный служитель) и, так сказать, "антикульту" (нечистая сила), то есть из сферы "маргинального" или даже подчеркнуто "не-своего". К этой модели, рассматриваемой в более общем плане, должны быть отнесены многочисленнейшие иронически-метафорические названия животных и растений типа *чертов табак* 'гриб дождевик' (Новг. словарь 12, 54), *попова собака* 'род гусеницы-плодожорки' (СРНГ 29, 324). Модель известна чрезвычайно широко, особенно если сюда включить и межтаксонные переносы с определениями, отсылающими к наименованиям инородцев и иноверцев, вроде полесск. [*зозуля жидовская*] 'удод'[25], рус. диал. *жидовская коза* 'водяной паук' (СРНГ 9, 170), укр. *жидівські груші* 'физалис обыкновенный, из пасленовых', *циганська риба* 'головастик' (Гринченко I, 483; IV, 429)[26]. Связь представлений об инородцах и нечистой силе хорошо известна[27].

sajyn | sajun 1. 'обманывать'...; 2. 'помутить рассудок' (о действии нечистой силы)'; 3. 'влечь', 'увлекать', 'завлекать'... (Абаев III, 23–24). Видя в этом глаголе продолжение иран. **sāy-*, Абаев особо подчеркивает в продолжениях и.-е. **sk'ai-* (Pokorny I, 917–918)

семантику 'тень' и, далее, 'иллюзия (ви́дение в ложном свете)': перс. *sāyā* 'тень', 'привидение, призрак', белудж, *sāig*, *siāig* 'тень', 'тенистый', авест. *a-saya-* 'кто не отбрасывает тени', др.-инд. *chāyā* 'тень', греч. σκιά 'тень', 'призрак усопшего', нем. *Schein* 'иллюзия', *Scheinbild* 'фантом' и проч. Для поддержки "идеосемантики" 'тень' → 'обман' он привлекает нем. (*jemanderi*) *hinters Licht führen* 'заводить (кого-либо) в тень' = 'обманывать' и рус. *морока* 'мрак' : *морочить* 'обманывать хитростью, лукавством, лживыми уверениями, обаяньем'. Подобные семантические связи могли быть расширены за счет рус. *наводить тень* (*на плетень*), вульг. *темнить* 'говорить путано, стараясь скрыть истинный смысл, обмануть', ср. еще современное *теневая экономика* и под. Абаев находит не лишенным интереса сравнение глагола *sajyn* 'обманывать' ← 'бросать тень' с другим осетинским глаголом, который развивает значение 'обманывать' из 'замазывать', – **fælīvyn** (см.: Абаев I, 438). Последнему также могут быть приведены славянские семантические параллели: рус. *замазать* (4) 'замаскировать, прикрыть неприятную истину неискренними фразами, показными действиями, притворным поведением' (*замазать недостатки*) (Ушаков I, 974) или фразеологизм *замазывать глаза* 'вводить в заблуждение, обманывать кого-либо' (сейчас, по-видимому, малоупотребительный, о чем косвенно свидетельствуют словарные[28] иллюстрации только из И. Потапенки и большевистских листовок 1906 г.), укр. *замазувати очі* 'отвлекать внимание, обманывать' (у М. Кропивницкого: "...як ільки балачка наша доходе до краю, до діла, ви зразу починаете *замазувати* мені *очі* чорт батька зна чим")[29], блр. *замазаць недахопы* 'замазать недостатки', *замазаць вочы* 'замазать глаза'[30].

sawlæg 'человек низшего сословия' (Абаев III, 46). Из *saw* 'черный' и *læg* 'человек'. Ср. *черный народ* 'простолюдины' (Даль[2] IV, 594), *чернь*, др.-рус. *чърнии люди*, *чърнъ* = *чернь* 'простой народ' (Срезневский III, стб. 1563, 1564)[31], укр. *чернь* 'чернь, простой народ', *че́рнява* 'чернь, толпа народа' (Гринченко IV, 458), ст.-укр. *чорныє люди* 'крестьяне, которые имели собственные земельные наделы и платили феодалу налоги и оброк' (Словн. ст.-укр. мови 2, 547), блр. *чэрнъ* 'чернь', польск. (устар.) *czerń* 'чернь, плебс, толпа'. Эта семантика любопытным образом преломилась в арготич. *негр* 'человек, выполняющий чужую и, как правило, неквалифицированную работу; наемный работник, "раб"'. Не специфично: ср. лит. *tamsuõliai* 'чернь, простонародье' (*tamsùs* 'темный'), киргиз, *қара* 'раб, невольник' ← 'черный' (ЭСТЯ 1997, 286).

sawmær 'чернозем' (Абаев III, 47). Сложение *saw* 'черный' и *mær*. 'земля, почва'. Еще *saw syǵyt* 'черная земля', иногда в значении 'чернозем' (Абаев III, 187). Ср. рус. *чернозём*. Осет. *sawmær* – не калька ли?

sæddyn | sæddun 1. 'ломать', 'ломаться', 'разбивать', 'разбиваться', 'рубить (дрова)', нарушать'... 3. 'признавать(ся)', 'сознаваться'... (Абаев III, 53–54). Удивительно, что в осетинском языке представлена та же модель семантического развития 'разбиваться' → 'сознаваться', что и русском уголовном арго: *колоться* (*колоть, расколоть* 'заставлять, заставить сознаться'). Пример из Коста Хетагурова и другие текстуальные иллюстрации, отсылающие к явлениям традиционной культуры, снимают подозрение в скалькированноости.

sæğ | sæğsæ'коза' (Абаев III, 58). Среди производных упоминается дигор. *sæğ-lisk'æf* клубника' с этимологически неясной (см.: Абаев IV, 126–127) правой частью сложения (вряд ли связано с дигор. *k'æw* 'vulva'). Определение с буквальной семантикой 'козий' или 'козлиный' (в виде прилагательного или определительной составляющей в словосложении) в составе фитонимов встречается весьма часто, как в славянских языках, так и в осетинском. Применительно же к ягодному растению, как в данном осетинском случае, ср. новг. *козе́лье* 'ягода ежевика' (Новг. словарь 4, 69), *козе́лья ягода*, у русских на территории Эстонии *козе́лья малина* 'ежевика' (СРНГ 14, 60).

sæjyn | sæjun 1. 'хворать', 'болеть'; 2. 'лежать' (обычно с пейоративным оттенком) (Абаев III, 60). Восходит к иран. **say-*, и.-е. **k'ei-* 'лежать, покоиться' (Pokorny I, 539). Ср. отрицательно окрашенное рус. *валяться, проваляться* (часто с опущением распространения в *болезни, больным* и под.), *свалиться* 'заболеть' (ср., однако, слечь).

særd | særdæ 'лето', 'летом' (Абаев III, 80). У иран. **sard-*, **sarad-* с преимущественным значением 'год' выявление внешних индоевропейских связей затруднительно. Предполагая, что первоначальным значением слова могло быть 'жаркая пора', 'лето', Абаев выдвигает сравнение с лат. *calidus* 'жаркий'. С семантической точки зрения такое сближение могло быть поддержано, кроме недалеких кавказских примеров (скажем, абхаз, *а-пхъын / а-пхъны* 'лето' ← ← 'время тепла' из *а-пхъа / пхъа* 'теплый'), слав. **lěto,* у которого исходным значением было, согласно Гуннару Якобссону, 'теплый, горячий'[32] либо, по Вайану, с иными этимологическими связями, 'мягкий, слабый': 'время, когда ослабевает холод' (ЭССЯ 15, 10–12)[33]. Славянское развитие значений от 'лето' к 'год' Абаев упоминает как возможную смысловую параллель иранской (ср. еще адыгейск. и кабард. *гъэ* 'лето' → 'год', Шагиров I, 124). Но углубление в этимологию славянского **lěto* делает эту семантическую аналогию полнее, захватывая и довольно похожие предшествующие эволюционные звенья.

særgæxc | særgæxcæ, særigæxcæ 'череп' (Абаев III, 83). Сложение *sær* 'голова' и *kæxc / kæxcæ* 'чаша' (= 'чаша головы'?). Значе-

ния ‘череп; голова’ и ‘глиняный сосуд, горшок, чаша’ (→ ‘черепок’) часто перекрещиваются: лат. *testa*; лит. *kiáušas* ‘чаша; череп’, лтш. *kaûss* ‘чаша; череп’; др.-инд. *kapāla* ‘блюдо, чаша; скорлупа; череп’ (см.: Buck 213–214). Ср. слав. **čerpъ* ‘глиняный осколок / сосуд’ → ‘череп’ (в болгарском, македонском, словенском, словацком, нижнелужицком, восточнославянских) (ЭССЯ 4, 72–72), польск. *czaszka* ‘череп’ ← czasza ‘чаша’ [← ‘скорлупа, осколок’; см.: ЭССЯ 16, 227; в статье ЭССЯ **čašьka* (4, 31) польское слово, к сожалению, не учтено], рус. диал. *чаша* ‘черепная коробка’ (Соликам. словарь 674; возможно, индивидуально-речевое: “По всей голове *чаша*, под *чашей* мозга”, но характер ассоциаций все же показателен). Точная аналогия осетинскому слову имеется в марийском языке: *вуйгорка* (луговой и восточный диалекты), *вуйгарка* (горный диалект) ‘череп’ ← *вуй* ‘голова’ + *корка* ‘чаша, ковш’ (Гордеев 2, 158).

sīntoj | suntoj ‘хромой (с повреждением или вывихом бедра)’ (Абаев III, 112). От *sīntæ* | *suntæ* – множ. ч. от *sīn̥* | *sujnæ* ‘бедро’ (о суф. *-oj* в составе слов, обозначающих анатомические аномалии, см.: Абаев III, 107[34]). В некотором отношении аналог семантическим эффектам у глагола *iwæxsun* ‘вывихнуть’ (предположительно от *wæxsk* ‘плечо’), для которого в первой статье настоящей серии предложсна русская параллель *исплечиться*. Там – ‘плечо’ → ‘вывихнуть’, здесь – ‘бедро’ → ‘хромой’. Аналог поздним деадъективам вроде *желудочный* ‘(пациент) с больным желудком’, *лёгочник, сердечник*? особая лексическая функция?

sion ‘рогатый’ – ‘олень’, ‘тур’, ‘серна’, ‘косуля’ (Абаев III, 112). От *sy* | *siwæ* ‘рог’. Ср. слав, “кентумное” **korva* ‘корова’, “сатемное” **sьrna* ‘серна’ в связи с греч. *κέρας*; ‘рог’, авест. *çrva-*(*çruva-*) ‘рога’ и проч. – к и.-е. **k’er-* ‘рог’ (Miklosich 132; ЭССЯ 11, 107; Pokorny I, 576–577); *сохатый* ‘лось’ – в связи с **soxa* ‘развилина’ (→ *‘ветвистый рог’) (Фасмер III, 729).

sk’æryn | (æ)sk’ærun 1. ‘гнать (животных)’, ‘погонять’... 2. ‘лить’ (обильно) (Абаев III, 122–123). Из значения ‘принуждать выделяться (о жидком или жидковатом веществе), заставлять течь’, которое передается глаголом *гнать* (например, *гнать масло, деготь, смолу, спирт*, укр. *гнати горілку*) и отражается в производных (*выгонять, выгонка, перегонка, самогон*), довольно естественно ждать появления значения ‘(заставлять) литься в чрезмерном количестве’, ср. блр. диал. *гнаць* ‘вызывать (слезы, слюну, сопли...)’ (безличн.): “*Слёзы гоня* і галава балщь”, “Як узяло *гнаць слёзы*”, “Нудзіць і *сліну гоніць*”, “З носа *гоня смаркачы*” (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 1, 455). В конце концов сюда же, возможно, имеет отношение слав. **gъnati*, **goniti* ‘пребывать в течке (о животном)’; ср. *гон=течка*. [Альтернативное и, кажется, преобладающее понимание слова

**gonъ* 'половое возбуждение у животных', 'период течки' строит семантическую цепочку 'гнать, заставлять двигаться' → 'преследовать' → 'охотиться, искать' → 'искать партнера для удовлетворения полового инстинкта' (→ 'спариваться, случаться'). Оно, по меньшей мере, может быть оспорено, и приведенные белорусские контексты с безличным глаголом – неплохое для этого основание. Стоит обратить внимание на грамматику выражений вроде *у нерпы происходит гонка* (СРНГ 7, 7). О том, что речь прежде всего о самке (и лишь потом – о стае, популяции, но не о самцах!), свидетельствуют выражения вроде *гонная сука* (там же) = 'течная', укр. *гони́ця* 'корова во время течки' → 'сладострастная женщина' (Гринченко I, 308), не находящее корреляции с *гонець, гінець* в значениях *'бык' → *'похотливый мужчина'.] За пределами славянских языков можно отметить лат. *spumas (in) ore agere* 'испускать (= г н а т ь) ртом пену', *lacrimas concitare* 'вызывать (= г н а т ь) слезы'.

styg | æstug 'клок', 'кудря', 'локон', 'челка'; *mīgy styg* | *meği stug* 'клок тучи', 'облачко'... (Абаев III, 156). "...вообще облака уподоблялись волосам и шкурам животных"[35]. Кроме банальных выражений вроде *космы облаков* и многочисленных сравнений облаков с волосами в поэзии (в русской – особенно у Есенина), ср. арханг. *волоса́н* 'туча, облако удлиненной формы' (Арханг. словарь 5, 52); сызран. самар. *коси́цы* 'облака вытянутой формы', рыбин, яросл. *коси́чка* 'тонкие вытянутые облака': "На небе *косицы* ходят, облачка длинные – к дождю" (СРНГ 15, 53, 54).

st'ælfæn | (æ)st'ælfæn 'искра' (Абаев III, 162–163). Производное от глагола *st'ælfyn* 'отскакивать', буквально 'отскок'. Это осетинское слово уже рассматривалось как семантическая параллель при доказательстве принадлежности слав. **jьskra* гнезду и.-е. **(s)ker-* 'резать, отделять'[36]; прежние этимологии опирались на представление о светимости, яркости летящей частицы и прощупывали связи – очевиднейше неприемлемые! – с *ясный*, укр. *яскравий*. Развитие значений 'обломок' → 'осколок, отскочившая, отлетевшая частица' → 'раскаленная частица' → 'искра' (а слав. **jьskr-* дает множество значений, сводимых к семантическому "инварианту" 'осколок, обломок' – б е з смыслового компонента 'яркий, блестящий': 'соринка', 'хлебная крошка', 'кусочек древесной коры', 'обломок зуба' и под.) иллюстрируется, кроме того, такими славянскими примерами, как рус. диал. *треска́* 'искра, блестка, окалина от ковки' (ср. *треска́* 'щепка', укр. *тріска*, болг. *треска́* то же, чеш. *tříska* 'заноза', множ. 'щепки', в.-луж. *třěska* 'щепка; осколок', польск. *trzaska* 'щепка'...), влад., новг. *и́верье* 'искры' (ср. олон. *и́верье* 'щепки'; другие значения продолжений праслав. **jьver-* – 'осколок, кусок, обрубок', 'стружка, лучина', 'черепок', 'лоскут',

'комок земли, вылетающий из под копыт скачущей лошади', 'щербина, трещина'). Внеславянские параллели, из которых особенно убедительными кажутся картвельские, см. в указанной статье. Осетинский пример был бы уместен как семантический аргумент в версии В. Махека, развивавшего идею о слав. **jьskra* как д е в е р б а т и в е со значением 'вылетевшая, отлетевшая' (см.: Machek[2] 227, 433). Нельзя ли постулированную связь слав. **jьskra* с и.-е. **(s)ker-* 'резать' поддержать, кроме того, сближением татар. *қыпқын* 'искра' с глаголом *кып-* 'резать, стричь' (о котором см.: ЭСТЯ 2000, 224)?

sūcca (ирон.) 'вспыльчивый', 'запальчивый' (Абаев III, 164). "Названия аффектов и эмоций оказываются нередко дериватами ⟨обозначений⟩ огня; *sūcca* происходит от *sūʒyn* 'гореть', 'жечь', так же как, скажем, рус. *пылкий* от *пылать*". Эта образность распространена чрезвычайно широко. Из славянских примеров ср. еще, например, укр. диал. *вогнювáтий* 'пылкий, страстный', *палкúй* 'вспыльчивый, горячий', 'пылкий' (Гринченко 1, 246; 3, 89), словен. *ognjevít* 'вспыльчивый'; рус. диал. (ворон.) *один с огнем, другой с пóлымем* о вспыльчивых супругах (СРНГ 29, 176), с.-хорв. *он је ватра жива* 'он горячий человек' (Толстой 47) (*ва̏тра* – 'огонь, пламя').

sūʒyn | **soʒun** 1. 'жечь'...; 2. (ирон.) 'гореть' (Абаев III, 165). К иран. **sauk-* то же. Сюда же *sūʒag* 'жгучий', 'г о р ь к и й' – подобно слав. **gorьkъ(jь)* ← **gorěti*, рус. *жгучий* (вкус) ← *жечь*. См. также выше – о *mast*. Переход тривиален.

sūg | **sog** 'дрова', 'полено' (Абаев III, 167–168). Восходит к иран. **sauka-* 'пламя, огонь' (→ 'горючее, топливо'). Даже удивительно, что приведя в качестве семантической аналогии отношения между этимологически родственными греч. αἶθος; 'пламя, жар' и др.-инд. *ēddhas* 'дрова', Абаев не обратил внимание на слав. **polěno* – производное от **polěti* 'гореть, пылать' (далее *пылать, пламя*...).

sūsæn (sūsæny mæj) | **sosæn (sosæni mæjæ)** название летнего месяца, соответствующего примерно июлю христианского календаря (Абаев III, 174–175). Буквально 'сухой, засушливый (месяц)': к иран. **saušana-*, ср. др.-инд. *śoṣana-* 'сухость', 'сушь, засуха' и т.д., до слав. **sux-*. Среди славянских диалектных названий месяцев тоже есть имена с такой мотивацией: укр. *сухий*, блр. *сухий*, болг. *сухи*, серб. *сухи, сушац*, хорв. *sušak, sušec*, словен. *sušec* (южнославянско-восточнославянская семантическая изоглосса), но, в отличие от осетинского календаря, это исключительно названия марта[37].

syf | **sifæ** 'лист' (Абаев III, 183). В числе устойчивых сочетаний упоминается *dūğy syf* 'подорожник, Plantago', где определение – производное от *dūğ* 'скачки, бег' (Абаев I, 373–373; сближение здесь последнего с тюрк. *йоғ* 'погребальный обряд', поддержанное в ЭСТЯ 1989, 207, объясняется тем, что конные ристалища у мно-

гих восточных народов составляли существенную часть похоронных церемоний). В качестве семантической параллели можно привлечь рус. *конотóп* перм. 'растение Plantago media et major L.; подорожник средний и большой', ср.-урал., уфим. 'растение Plantago maxima Ait., семейства подорожниковых; подорожник наибольший', арханг., урал., том. 'растение Polygonum aviculare L., семейства гречишных; горец птичий, спорыш, гусятница, буркун', перм., свердл. *конотóпка* 'подорожник' (СРНГ 14, 268), ср.-урал. *конотóпок, конопóт* 'подорожник', *конетóп* 'трава, растущая вдоль дорог', *конутóп* 'травянистое растение с мелкими листьями', *конотóпь* 'свекольная ботва' (семантическая девиация) (Сл. Сред. Урала. Доп., 243, 245); блр. диал. *канатóржнік* 'чернобыльник' (Слоўн. паўн.-заход. Бела-русі 2, 395: "Канаторжнік на міжах расцець...") – сложение **konь* и **tъrgati*, рус. *тóргать* 'теребить' (Даль[2] IV, 418), связанного далее с **tьrzati, терзать*. Менее ясна возможность сравнения с многочисленными названиями травянистых растений с корнем **kopyt-* (в том числе для упомянутого Polygonum aviculare): они основываются, по-видимому, не на произрастании этих трав при дорогах, которые топчутся лошадьми, а на внешнем сходстве листа с конским копытом.

syğdæg | suğdæg 'чистый', 'один (одни) только', 'настоящий', 'святой' (Абаев III, 188–189). Все эти значения известны у продолжений слав. **čistъ(jь)* (см. хотя бы сводку значений у рефлексов этого прилагательного в отдельных славянских языках – SP II, 212–214), в частности в русском языке (к 'святой' ср. *Чистейший во плоти* = Христос; далее в противопоставлении *чистая* : *нечистая сила* и проч.). При восхождении семантики заголовочного слова к первоначальному значению 'жечь, гореть' (иран. **sauk-*) любопытны некоторые семантические ответвления в осетинском и других иранских языках: "Пам⟨ир⟩. ишк⟨ашим⟩. *sūγdūk* 'жидкий' (о пище)... следует, быть может, понимать "процеженный" и сблизить с ос⟨ет⟩. *syğdæg*, а по значению в особенности с ос⟨ет⟩. *færsūgyn* 'процеживать', *færsyğd* 'процеженный'" (Абаев III, 189). Они представляют интерес как переклички с семантической историей и этимологическими связями славянского прилагательного **čistъ(jь)*: последнему родственно лит. *skýstas* 'жидкий', а внутри славянского словаря – **cěditi* 'цедить' (см.: Фасмер IV, 366; ЭССЯ 4, 122; 3, 175; SP II, 215). Достаточно близкую аналогию славянскому смысловому развитию 'чистый' ← 'процеженный' представляет семантическая история нем. *rein*: 'чистый' ← 'просеянный через сито' (Kluge[20] 593).

syk'aʒæf (ирон.) 'слегка подвыпивший', 'слегка захмелевший' (Абаев III, 192). Сложение *syk'a* 'рог, ритон' с *-ʒæf* от *cævyn* 'бить, ударять', буквально 'задетый рогом (для питья)'. Эта же глагольная семантика просвечивает в рус. *стукнуть* "разг. фам." 'выпить'

(Ушаков IV, 571; сейчас, кажется, уже не слышно), *вдарить, тяпнуть, хлобыстнуть*, несколько далее в эвфемизме *приложиться* 'выпить хмельного' (смысловой признак 'немного' не носит обязательного характера: ср. *Хорошо вчера приложились*).

Указатель семантических моделей, рассмотренных в серии "Из наблюдений... (slavo-ossetica)" (статьи 1, 2)

Римские и арабские цифры указывают соответственно том и страницы "Историко-этимологического словаря осетинского языка" Абаева.

'Бедро' → 'хромой' III: 112. 'Без лица, лба, глаз' → 'бесстыдный' I: 107. 'Бить' → 'дорога, тропа' II: 147. 'Божество' → 'оспа' I: 401. 'Борода / усы' → → 'борода' : 'усы' I: 263, II: 416. 'Вместе' + 'возраст' → 'сверстник' I: 134. 'Вода, водяной' → 'волдырь, мозоль' I: 368. 'Волосы' ↔ 'лоб' II: 185. 'Волосы' → 'облако' III: 156. 'Волосы, шерсть ↔ 'зеленая растительность; мох' II: 327. 'Время' → 'место', 'расстояние' II: 377. 'Время' → '(плохая / хорошая) погода' II: 377. 'Втекать' / 'вливать' → 'испытывать воздействие' / 'оказывать воздействие' II: 268. 'Вытаптываться лошадьми' → 'подорожник' III: 183. Гнать' → → 'лить' III: 122. 'Гореть' → 'горький' III: 165. 'Гореть' → 'полено, дрова' III: 167. 'Горький' → названия отрицательных эмоций II: 79. 'Горячий' → 'проворный, быстрый' I: 324. 'Грязь' → 'экскременты' I: 282. 'Грязь' → 'калина' II: 203. Губа' → 'берег'; 'залив, устье' I: 277. 'Держать в руках' → 'управлять, осуществлять власть' I: 126. 'Держать' → 'трактовать, полагать, считать' II: 18. 'Добывать огонь' → 'красивый' II: 380. 'Добыча' ↔ 'имущество, богатство' ↔ 'стадо, скот' I: 478, II: 368. 'Домашнее животное' → 'матица; гребень крыши' I: 94. 'Дым' / 'бездымный' → 'жилье' / 'нежилой' I: 194. 'Желтый' → 'соловей' I: 269. 'Живой' / 'оживлять' → 'горящий' / 'разжигать' I: 158. 'Живой' → 'быстрый' I: 302. 'Животное (домашнее)' → 'матичная балка, гребень крыши' I: 94. 'Жидкая грязь' → 'калина' II: 203. 'Зерно' → 'фурункул', 'воспаление века' I: 587. 'Зло' + 'делающий' → → 'злодей' I: 492. 'Змея' ↔ 'червь' I: 569. 'Идти' → 'взрослый' II: 309. 'Измельчать, рвать, грызть' → 'моль' II: 372. 'Инородец' → 'мифическое чудовище, великан' II: 430. 'Испытавший воздействие огня' → 'обладающий навыком, опытный, ловкий' I: 214. 'Квохчущая' → 'высиживающая яйца или водящая птенцов, наседка' I: 653. 'Козий' – видовое определение при названии ягоды III: 58. 'Конечность' → 'ветвь, сук' I: 313. 'Кость' → 'племя, порода' → 'корпорация' II: 167. 'Кусок' + оценочное название человека → оценочное название человека ['кусок' = 'θ'] II: 24. 'Лежать' → 'болеть' III: 60. 'Лить(ся)' → 'испытывать половое возбуждение (о животном)' III: 122. 'Ловить' → 'створаживаться, застывать' I: 93, II: 14, II:406. 'Локоть' → 'мера длины' I: 129. 'Ломать' → 'хриплый' II: 315. ('Небесный' +) 'лук [оружие]' → 'радуга' I: 71. 'Мазать' → 'обманывать' III: 23. 'Молоть' → 'говорить (пустое)' II: 40. 'Муж' ↔ 'мужчина' ↔ 'человек' II: 19. 'Мусор' → 'экскременты' I: 282. 'Мысль' → 'дело' II: 322. 'Мышиный' → название масти лошадей II: 143. 'Не посмотрев' → 'необдуманно' I: 105. 'Низ', 'нижний, внизу' → аффикс со значением малой интесивности I: 278. 'Огонь' → 'вспыльчивый' III: 164. 'Огонь' → 'кожная болезнь', 'демон кожной болезни' I: 182. 'Огонь', 'обожженный' → 'обладающий навыком, опытный, ловкий' I: 214. 'Орудие' → 'оружие' → 'сосуд [вместилище]' I: 508. 'Оско-

лок' → 'искра' III: 162. 'Осколок сосуда' → 'череп' III: 83. 'Падать' → 'заходить за горизонт (о светиле)' I: 115. 'Печь' → 'домашний дух-покровитель' I: 270. 'Плечо' → 'вывих' I: 559. 'Покупать' → 'обманывать' II: 49. 'Пол' ↔ 'потолок' I: 289. 'Ползти' → 'расходиться (о ткани)', 'ссадина' II: 14. 'Полотенце для рук' → 'платок, тканевое украшение' I: 644. 'Пояс' → 'радуга' I: 72. 'Разбиваться' → 'сознаваться, признаваться' III: 53. 'Размалывать' → 'говорить (пустое)' II: 40. 'Рвать, грызть' → 'моль' II: 372. 'Рогатый' → название животного III: 112. 'Ручное полотенце' → 'платок, тканевое украшение' I: 644. 'Рот' → 'берег'; 'залив, устье' I: 277. 'Рот, горло, пасть' → 'жерло ружья', 'отверстие сосуда' I:408. 'Связывать' → 'обещать' II: 214. 'Сильное животное (бык, лошадь)' → эпитет властителя I: 112. 'След'' → 'потомство' I: 192. 'Слепой' + 'мышь' → 'крот' I: 611. 'Смотреть в рот' → 'слушать(ся), быть подобострастным' I: 598. 'Совместно' + 'возраст' → 'сверстник, одногодка' I: 134. 'Со скрученной, сжатой передней частью морды (носом, губой)' → 'укрощенный' [животное] → 'управляемый, подчиненный' [человек] I: 261. 'Сосуд', 'осколок' → 'череп', 'голова' III: 83. Название социально выделенной персоны → 'стоймя, торчком' II: 303. 'Спина' → 'горный хребет' II: 343. 'Стоять' → '(быть) прочным' II: 37. 'Стучать' → 'доносить, наушничать' I: 298. 'Сухой' → название месяца III: 174. 'Сыпать(ся)' ↔ 'лить(ся)' I: 536, 561, 578. 'Тень, мрак' → 'обман(ывать)' III: 23. 'Теплый' → 'лето' → 'год' III: 80. 'Testiculi' ↔ 'сущность, истина' II: 264. 'Трава' → название весеннего месяца I: 582. 'Трогать' → 'пускать(ся) в путь' I: 34. 'Тянуть, растягивать' → 'мера длины, пядь' I: 553. 'Ударить' → 'выпить хмельного' III: 192. 'Фундамент' → 'домашний дух-покровитель' I: 270. 'Хватать' → 'створаживаться, застывать' I: 93, II: 14, II: 406. 'Цвести' / 'цветение' → 'покрываться сыпью' / 'сыпь' I: 416. 'Часть, кусок' + оценочное название человека → оценочное название человека ['кусок' = 'Ø'] II: 24. 'Человек' → 'слуга' II: 22. 'Челюсть' → 'сани', 'полозья' I: 397. 'Черный /-ые' + 'человек / люди' → 'плебей / простонародье' III: 46. 'Черный' + 'земля' → 'чернозем' III:47. 'Чертов' + + 'курица' → название иной птицы (не 'курицы') III: 23. 'Чистый' → 'один только'; ... → 'настоящий'; ... → 'святой' III: 188. 'Чистый' ← 'процеженный', 'просеянный' III: 188. 'Шея' → 'перевал' I: 108. 'Этот' + 'день' → 'сегодня' I: 24. 'Ячмень' → 'воспаление века' I: 587. Прилагательное/наречие с негативной коннотацией → 'очень' (Magn) I: 489. Слияние имен "парных" святых в обозначение единого персонажа I: 440.

Примечания

[1] *Журавлев А.Ф.* Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica). 1 // В печати.

[2] Там же.

[3] *Журавлев А.Ф.* Материалы к Жиздринскому словарю // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII). М., 2004.

[4] *Квеселевич Д.И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003, 378.

[5] *Гюлумянц К.* Польско-русский фразеологический словарь. I. Минск, 2004, 516.

[6] Там же.

[7] По соображениям Ж.Ж. Варбот (устно), на это может указывать и приведенное польск. *drań*, у соответствий которому (рус. *дрянь*) регистрируются значения 'кал, навоз', 'нечистота, гной', ср. также родственное *дер(ь)мо*. И все же связь с семантикой 'испражнения' у польск. *drań* не на поверхности.

[8] *Журавлев А.Ф.* Из наблюдений ... (1).

[9] О моделях наименования дорог в славянских языках см.: *Куркина Л.В.* Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках // Этимология. 1968. М., 1971; *Коломиец В.Т.* Названия дорог в индоевропейских языках // Этимология. 1984. М., 1986; *Щитова О.Г. Шлях*: семантический аспект этимологии // Этимологические исследования. 6. Екатеринбург, 1996.

[10] Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997, 261.

[11] Ср.: *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, 222; Machek² 236; Sławski II, 30; БЕР II, 169; ЕСУМ 2, 350.

[12] *Брандт Р.Ф.* Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича // Русский филологический вестник. XXII. Варшава, 1889, 134.

[13] *Мартынов В.В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. (К проблеме прародины славян). Минск, 1963: 124–125.

[14] Подробнее см. в моей статье “По поводу *истины*” // Studia etymologica Brunensia (в печати).

[15] *Кабакова Г.И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001, 143.

[16] *Топоров В.Н.* К этимологии слав. *myslь* // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963.

[17] *Журавлев А.Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу”. М., 2005, 101–106.

[18] См.: *Мурзаев Э.М.* Анатомическая лексика в народной географической терминологии // *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. М., 1974.

[19] *Журавлев А.Ф.* Из наблюдений... (1).

[20] *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949, 315; ср.: *Б.Х. Балкаров.* Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965, 36.

[21] Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика... 222, 223.

[22] См.: *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1970. М., 1972, 13–14; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2003, 219; ср. прежнюю этимологию в: Фасмер IV, 169–170; Черных II, 293–294; БЕР I, 214–215; Machek² 697; Lehr-Spławiński – Polański (6), 1042; Pokorny I, 1148; Mažiulis 4, 220; Frisk I, 730.

[23] Сомнения в уместности привлечения сюда слова *поляк* ‘пугало’ может посеять укр. *поля́ка* ‘всеобщий испуг, паника’ (Гринченко III, 292), производное от *лякати* ‘пугать’. Однако, имея в виду распространение глагола *ляка́ть* в этом значении в русских говорах только Брянщины и Смоленщины (СРНГ 17, 272), близость лужского и украинского слов следует счесть словообразовательным курьезом.

[24] Ср.: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. II. М., 1994, 456. Подробно, с литературой, см.: *Журавлев А.Ф.* Язык и миф..., 545–548.

[25] *Никончук Н.В.* Полесские названия птиц // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968, 450.

[26] Многочисленные примеры из чешской диалектной фитонимии см. в: *Hladká Zd.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. K sémantickému tvoření lexikálních jednotek v nářečích. Brno, 2000.

[27] См.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. 2. М., 1999, 416–417.
[28] Фразеологический словарь русского языка. Изд. 4. М., 1986, 167.
[29] Фразеологічний словник української мови. 1. Київ, 1993, 311.
[30] Беларуска-рускі слоўнік. 1. Мінск, 1988, 453.
[31] Ср.: *Ключевский В.О.* Сочинения. 6. М., 1959, 159.
[32] *Jacobsson G.* Le nom de temps *lěto* dans les langues slaves. Uppsala, 1947; *Jacobsson G.* Polysemie und semantische Struktur. Betrachtungen anlässlich des slavischen Wortes *lěto* // Scando-Slavica VI, 1960, 185–195.
[33] Ср.: *А⟨никин⟩* А.⟨Е⟩. *Лéто* // Новое в русской этимологии I. М., 2003, 133–135; там же основная литература.
[34] См. также: *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959, § 184.
[35] *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения... I, 645.
[36] См.: *Журавлев А.Ф.* Слав. **jьskra*. Рус. *искрометный* // Этимология. 1986–1987. М., 1989, 79–81.
[37] Славянские древности... 3. М., 2004, 238–240.

Л.В. Куркина

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Слав. **-šelpati*

Внимания этимологов не привлекала засвидетельствованная на территории восточных славян группа однокоренных префиксальных глаголов с общим значением ‘понять, выяснить’ – русск. диал. *расшелопáть* ‘понять, разобрать’ (ворон., СРНГ 34, 323), укр. *розшолóпати* ‘сообразить, понять, смекнуть’ (Гринченко IV, 63), диал. *рошолóпат'* ‘понять, раскумекать’[1], блр. *расшалóпаць* ‘раскумекать’ (Блр.-русск.), ‘раскусить, выяснить’ (Байкоў-Некраш. 276), диал. *рысшалóпіцца* ‘разобраться’ (Бялькевіч 396). Экспрессивно окрашенный глагол в простой форме без префикса *шалóпаць* ‘понимать, разбираться в каких-л. делах’, отмеченный в северо-западных говорах Белоруссии (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 5, 454), является отражением глагола, слабо засвидетельствованного в несвязанном виде, с исходной формой **šelpati*.

Причина невнимания этимологов к этой группе лексики, возможно, кроется в формальной близости с гл. **šlepati*, который, вне всякого сомнения, относится к звукоподражательным образованиям. В словаре В.И. Даля слова с корнем *шелеп-* включены в гнездо звукоподражательного *шлеп-*, а это означает, что *шелеп-* определяется как вариант с развитием ложного полногласия. Такому понима-

нию способствует частичное совпадение семантики, наличие у диалектизмов с корнем *шелеп-* значений, сложившихся на основе звукоописания. Результатом сближения с звукоподражательными *шлёп, шлёпать* стали рус. диал. *шелеп, ше́лепе́нь* и *шлепок* 'удар, нашлепка', смол. 'плеть, кнут', север. 'палка, хворостина', олон. *шелепу́га* 'кнут; долгий витень' (т.е. кнут, который хлопает, шлепает), пск., твер. 'пустомеля' (Даль[3] IV, 1417), укр. *шеле́па* 'увалень, тупой человек' (Фасмер IV, 423). В качестве семантической параллели можно привести *хлыстать ~ хлыст*, нижегор. *хлысту́н* 'праздный тунеядец, шатун' (Даль[2] IV, 639, 550) и т.п.

Однако объяснение интересующих нас вост.-слав. глаголов на основе звукоподражания трудно признать единственно возможным. Открытой остается и другая возможность – возможность вторичного сближения созвучных глаголов. В связи с затемнением внутренней формы вост.-слав. образований притяжение шло со стороны активно функционирующего звукоподражательного гл. **šlepati*. Трудности с разграничением глаголов, выявлением этимологических истоков гл. **šelpati* связаны с переосмыслением, развитием экспрессивно окрашенного значения 'понять, раскусить', что не могло не привести к разрушению генетических связей.

По причине взаимного притяжения гл. **šelpati* и **šlepati* и частичного их совпадения разрешающие возможности рассматриваемого материала крайне ограничены. Представляется, что в данном случае семантике принадлежит важная роль в восстановлении исходных мотивационных отношений. Чтобы выяснить исходную семантику, полезно обратиться к типологии порождения значения 'понять'. Как показывает изучение славянского материала, семантическое поле 'понять, разобраться' объединяет глаголы, сложившиеся на базе основ с широким кругом исходных значений – 'взять' (ср. **po-n-ęti*), 'долбить' (ср. рус. диал. *раздолба́ть* 'объяснить кому-л. что-л.', 'понять, усвоить что-л.' – СРНГ 33, 329; укр. *розтовкти́ собі* 'сделать понятным для себя, уяснить' < **orztelkt'i, -tьlkǫ*), 'метать' (ср. рус. *кумекать, смекнуть* < **-metnǫti* – ЭССЯ 22, 181), 'делить, разделить' (рус. *разобрать*) и т.д. По той же семантическим моделям формируется лексика со значением 'понять' во всех индоевропейских языках (Buck 1207–1208).

Дальнейшее продвижение вглубь, связанное с выбором семантической модели и исходной основы для вост.-слав. диалектизмов, возможно с помощью этимологического анализа. По всей видимости, вост.-слав. диалектизм, сохранившийся не в прямом, а переносном значении, представляет собой один из фрагментов распавшегося этимологического гнезда. Подробное изучение материала направлено на поиски возможных родственных образований. В связи с этим хотелось бы обратиться к рассмотрению группы вост.-слав. диалек-

тизмов с тем же корнем *шелеп-*, но со значениями, весьма удаленными от понятийной сферы. Все они обнаруживают признаки, указывающие на производность от глаголов со значением 'выдолбить, выбить, вырезать'. Такую мотивацию обнаруживает рус. вят. *шелеп* в значении 'ощепок, оскепанное на лучину березовое полено', неоправданно связываемое в словаре В.И. Даля с звукоподражательным *шлёпать*, а также сиб. *шалопáйка* 'деревянный уполовник, большая ложка' (т.е 'то, что выдолблено из дерева') (Даль[3] IV, 619, 628), а также арханг. *шалóп* 'глубокая яма с отвесными краями'[2]. Далее в новгородских говорах в разном оформлении находим лексемы, обозначающие мелкий лес: рус. новг. *шелéпа* (*Шелепа – мелочь леса, нестроевой лес, годный на дрова*), *шелепня́г, шелéпник, шелепóк, шелепýга* 'заросли мелкого леса или кустарника', 'заросли растений с высоким стеблем' (Новг. словарь 12, 86–88). Общим для семантики этих диалектизмов является признак 'мелкий, дробный'. Этот же признак составляет основу семантики рус. новг. *шелепня́г* 'снег крупными хлопьями', *шелопня́г* 'проезжие люди' (Новг. словарь 12, 86–88), урал. *шелопóнь* экспр. 'мелюзга, маленькие дети' (Сл. Сред. Урала VII, 48), а также арханг. *шалепýга* 'крупная снежинка', *шалепýги, шалепýхи* 'хлопья снега'[3], *шáлепа* (*шáлипа*) 'снег с дождем' (Новг. словарь 12: 76, 78).

Общее, что объединяет названные диалектизмы в плане содержания, – это нарушение целостной структуры какого-л. объекта. И если признать, что приведенные диалектизмы указывают на существование гл. **šelpati* в прямом значении 'долбить, выбивать, вырезать и т.п.', то сам процесс семантических преобразований предстает следующим образом: 'долбить' > 'нечто выдолбленное, вырытое' > 'яма', 'долбить' > 'мелкий, дробный' (ср. 'щепка', 'маленькие дети', 'хлопья снега', 'проезжие люди' и т.д.). Как будто бы отсутствуют препятствия для подключения к этому ряду вост.-слав. продолжений **šelpati* с развитием переносного значения 'долбить, толочь' > 'понимать' и последующим переводом основы **šelp-* в группу лексики, передающей понятия из интеллектуальной сферы.

Представляется возможным поставить вопрос о принадлежности к этому гнезду еще одной группы русских образований, не имеющих сколько-нибудь удовлетворительного объяснения: рус. *шалопай* 'бездельник, повеса', диал. *шалапай, шелопай*, волог. *шалопáнь* 'рослый, нескладный человек', 'шатун' (Даль[3] IV, 1393). В.И. Даль поместил *шалапáй, шелопай* 'шатун, бродяга, бездельник, негодяй' в одном гнезде с *шалый*, указав при этом в скобках со знаком вопроса франц. *chenapan* (Даль[2] IV, 620). Как правило, в этих словах видят результат преобразования заимствования из европейских или тюркских языков. М. Фасмер, обозревая существующие объяснения, при-

знает сомнительной идею заимствования из франц. *chenapan* 'негодяй, хулиган' (< нем. *Schnapphahn*), из нем. *Schlüffel* (Горяев 420) или из тюрк. (ср. татар. *šalbak* 'дурак', узб. *šalpan* 'человек с обвислыми ушами', *šalpak* 'ленивый'), отклоняет предложенное Г. Ильинским сближение с *холопáй* 'слуга, служанка' (Фасмер IV, 400).

В формальном и семантическом плане экспрессивно окрашенные русские образования как будто бы могут быть соотнесены с вост.-слав. **šelpati*. И в пользу такого сближения суффиксальное оформление по модели отглагольных производных на *-ан, -ай*: ср. рус. диал. *голодáй* 'голодающий человек; бедный человек', *голодáн* 'голодающий человек' ~ *голодать* (СРНГ 6, 314, 315), *расстебáй* 'неряшливый, небрежный, плохо одетый человек' (пенз.) ~ *расстебáть* 'расстегивать' (СРНГ 34: 227), *расстегáй* 'сарафан' (влад., волог., тул., нижегор.) ~ *расстегáть* 'расстегивать' (СРНГ 34: 228), *растрепáй* 'непричесанный, неопрятно одетый человек; неряха' (тул., ворон., твер., калуж., влад.), 'разиня, простофиля' (курск.) ~ *растрепáть* (СРНГ 34: 273) и т.д. В словообразовательном и семантическом плане производность рус. *шалопай* от гл. **šelpati* 'долбить' поддерживается отношением рус. *раздолбáй* 'дурак, бестолочь' (пенз.), 'расхлябанный, небрежный человек' (курган.) ~ *раздолбáть* 'раздолбить' (СРНГ 33, 329).

С большими трудностями сопряжены поиски индоевропейских истоков вост.-слав. **šelpati*. При реконструкции исходной и.-е. основы в формальном плане некоторые трудности вызывает начальное *š-*. В индоевропейских языках сочетание *ks*, особенно в начале слова, подверглось разным изменениям, в результате которых приобрел трудно идентифицируемую форму. Для начального *š-* признается наиболее вероятным развитие из *ks-* (ср. слав. **šestь* < **ksu̯ek-s-*, рус. *шибáть* 'бросать, бить' < **ksei-b-*)[4]. Принятое в литературе предположение о метатезе *sk* > *ks* дает основание поставить вопрос об общих генетических истоках слав. **šelp-* < **kselp-* и продолжений и.-е. **skelp-* 'царапать, скрести' с отражениями в греч. σκάλοψ 'крот' (т.е. 'Graber'), σκόλοψ 'кол', лат. *scalpō, -ere* 'царапать', ср.-в.-нем., нов.-в.-нем. *schelfe* 'кожура', англос. *scielf* 'острие скалы' и т.д. (Pokorny I, 926), а также рус. диал. *расщелепáть, расщелепúть* 'расщепить, разломить' (Перм. словарь 2, 282), *прищелóпок* 'крутой холм, бугор' (кем., арханг.) (СРНГ 32: 72).

Такое понимание генетических отношений подводит к реконструкции распавшегося этимологического гнезда, сохранившегося в виде отдельных, на первый взгляд далеко отстоящих друг от друга, не связанных между собой фрагментов в вост.слав. ареале.

Слав. *šalъjь*

Остается до конца невыясненной этимология широко представленного на славянской территории прилаг. **šalъ(jь)*. Основу семантики слав. **šalъ(jь)*, **šalьnъ(jь)* составляют значения 'быстрый, активный', 'дикий, непредсказуемый; капризный', 'глупый'. Весь спектр значений находит отражение в славянских языках: ср. болг. *ша́ла* 'резвость, шалость', с.-хорв. *ша́ла* 'шутка', чеш. *šáliti* 'обманывать', польск. *szał* 'бешенство, безумие', рус. диал. *шаль* 'шальной, непредсказуемый человек, шалопай, хулиган', 'глупый, несообразительный, необразованный человек', 'шалун, баловник' (арханг., волог.), 'шальной, дикий (об урагане)' (арханг.), *шале́ть* 'баловаться, капризничать', 'дуть (о ветре)' (арханг.), *шально́й* 'выполняющий непосильную работу', 'быстрый на действия и решения', 'ненастоящий, кажущийся', 'удалой, активный, умеющий работать и веселиться' (волог.), *ша́льный* 'преступный, несмирный, буйный' (волог.), *шалы́га* 'непутевый человек' (волог.), 'плохая голова' (волог.), 'о недобром человеке' (волог.), 'тот, кто делает все неправильно, наоборот' (волог.) и т.д. В структуру семантики слов входит признак, который в самом общем виде может быть определен как неумеренная активность (= отступление от принятой нормы, прежде всего о поведении человека). Видимо, этот основной признак, проявляющийся в разной форме и в разной степени, стал определяющим для диал. *шалы́ган*, производного на *-ыг-ан*, названия мифологического существа, нечистой силы, появляющейся в метель во время святок, и урагана, порывистого ветра[5].

Слав. **šalъ(jь)* посвящена большая литература. Поиски этимологии велись в разных направлениях. Едва ли заслуживает серьезного внимания соотнесение слав. **šalъ(jь)* с греч. κηλέω 'очаровывать, прельщать', 'укрощать зверей' < **kēlei-ti* (3 л.ед.ч.) с экспрессивным развитием *k* > *ch*, т.е. **chēliti* > *šaliti* (Machek[2] 601). Без объяснения оставлены О.Н. Трубачевым вопросы фонетической идентификации слов в попутно высказанном замечании о родстве рус. *шали́ть*, *ша́лый*, простор. *шала́ва-шлюха*, польск. *szał* 'бешенство' с рус. *шля́ться* < **sьlěti*[6]. Последняя по времени этимологическая разработка принадлежит М. Белетич. В предлагаемом ею решении слав. **šalъjь* сближается с ю.-слав. *(х)ала* в значении 'вредоносный змееподобный мифологический персонаж', исходной базой для этих образований признается первонач. прич. на *-l* от гл. **šajati*, **xajati*[7]. По мысли автора, доводом в пользу такого решения служит не только структурное сходство, но и наличие в семантике **šalъjь* признака, характерного для мифологического персонажа, – проявление стихии; неистовство, бешенство: ср. рус. диал. *шалеть* 'сойти с ума' и серб. *ала* 'буря с градом, ненастная погода', болг. *ала́* 'буря'. Автор

признает, что образ южнославянского мифологического существа сложился уже после переселения славян на Балканы в эпоху средневековья на основе взаимодействия, взаимовлияния двух мифологических систем – славянской и балканской, что создавало благоприятные условия для миграции слов. Трудно согласиться с одним из основных выводов автора о необходимости этимологического разграничения названных образований и слав. **xala* / **xalъ* 'нечистота', **xalati* / **xal'ati*, **xoliti* (ЭССЯ 8, 12–13). Такое решение представляется оправданным только в отношении ю.-слав. *(х)ала*, узколокального образования с неясными истоками (Skok I, 651), характерного для центральной и восточной частей южнославянского культурно-языкового пространства[8].

Наиболее убедительным и обоснованным остается традиционное объяснение слав. **šalъ(jь)*, нашедшее отражение в словаре Фасмера. В этом словаре, вслед за Г. Ильинским, предполагается развитие из **xēl-*, связанного чередованием гласных с **xol-* (рус. *холить*), **xōl-* (рус. *нахал*) (Фасмер IV, 399, 218; также Brückner 539–540). Поскольку в некоторых случаях слав. *x-* фонетически восходит к *ks-*[9], славянские образования с корнями **xol-* и **xal* объясняются как продолжения **ksol-* от и.-е.**ks-* 'скрести', ср. др.-инд. *kṣāláyati* 'мыть, чистить', лит. *skaláuti* 'мыть, полоскать' (ЭССЯ 8, 61). На индоевропейском уровне наблюдается параллелизм корней **ksol-* 'скрести, чистить, обрезать' и **skel-*[10]. Основной круг значений, характеризующих продолжения и.-е. **ksol-* на славянской почве, находит отражение в русских диалектах: ср. рус. *хóлить* 'ухаживать за кем-н., заботиться о ком-, чем-н., держать в чистоте, тепле, сытости', твер. 'стегать, драть', пск., твер. 'стричь очень коротко', волог., ряз. 'чистить', пск., твер. *хáльный* 'взятый наглостью' (ЭССЯ 8, 17, 61), рус. *нахáльный* 'наглый, дерзкий' и т.д. (ЭССЯ 22, 79). Восстанавливаемое для этой лексической группы исходное значение 'скрести, драть' стало исходной точкой для перехода к значению 'чистить' и 'холить, нежить' и далее к значению 'шальной, необузданный'. В качестве семантической параллели можно привести соотносительные с гл. *скрести* рус. алт. *скрёбкий* 'ловкий, искусный', орл. *скребéц*, прозвище драчливого слабосильного человека, пускающего во время драки в ход ноги (СРНГ 38: 128), пск., твер. *поскрéба* 'неприятный, с дурным нравом человек' (СРНГ 30: 170), яросл. *скрóбкий* 'несговорчивый (человек)', урал. 'злой, неуживчивый (о человеке)', волог. "человек, делающий что-л. быстро, но неудачно, скорый да не спорый, быстро принимается за дело, но скоро устает, поспешный, крутой, горячий, вспыльчивый" (Баженов) (СРНГ 38: 145), ср. также *резать* ~ иркут. *резýн* 'резвый, шустрый, бойкий' (СРНГ 35, 39) и соотносительное с гл. *драть*. влад. *дерябка* 'задорная женщина, озорница' (СРНГ 9: 31).

Иное понимание исходной семантики слав. **šalъ(jь)* предложено В.А. Меркуловой. На основе сближения слав. **šalъjь* (< **xēl-*) с **xolpъ*, **xolstъ*, которые являются названиями молодых существ, не дающих потомства по возрасту или социальному положению, В.А. Меркулова восстанавливает исходное значение 'пустой'. Как она полагает, этот признак доминирует в семантике рус. диал. *халаумный, шалоумный* 'полоумный', образующими единый семантический ряд с такими словами, как *полоумный* (< *полый* 'пустой'), *пустой, пустоголовый* и т.п.[11].Однако в данном случае слова, выполняющие сходные функции, имеют неодинаковую внутреннюю форму. С угасанием мотивации и с развитием вторичных значений (ср. 'глупый, неразумный, сумасбродный') происходит сближение слов с разными этимологическими истоками. Таким образом, В.А. Меркулова в своей версии опирается на вторичные семантические процессы.

С восстановлением этимологических истоков слав. **šalъ(jь)* на основе семантического перехода 'скрести, чистить' > 'нечто содранное, ободранное', 'то, что плохо обработано' появляются основания для расширения состава этого гнезда, включения в его состав некоторых русских диалектизмов. Именно в контексте таких семантических преобразований могут получить объяснение рус. влад. *шаль* и *шальё* 'мелкая падаль домашняя и шкурки с нее, скупаемые живодерами' (Даль[2] IV, 619, 620), волог. *шала́ва* 'плохое зерно' (Не ходите на работу – не ходите, кушаете *шалаву* – ну и кушайте *шалаву*)[12]. Отражение другой линии семантического развития 'скрести' > 'мелкие остатки' (ср. рус. смол. *скро́бка* 'остаток, обрезок чего-л. съестного', твер., пск. *оскрёбки* мн. 'остатки чего-л.' – СРНГ 38, 145; СРНГ 24, 17) > уничиж. 'нечто мелкое, мелюзга' можно видеть в рус. новг. *ша́лога* собир. 'озорные подростки, дети' (Новг. словарь 12, 77).

В процессе развития угасают связи с исходной семантикой. Появляются значения, мотивация которых сильно затемнена. Примером может служить рус. диал. *шалы́га* 'водоворот, глубокое место в реке'[13], в основе семантики которого лежит образ неупорядоченного движения, сопровождаемого особым шумом.

В севернорусских диалектах находим этимологически неясные образования в разном суффиксальном оформлении с корнем *шал-* в значении 'открытое место, поляна': ср. *шалу́г* 'чистое место', *шалу́га* 'сенокосная поляна в лесу', 'маленький участок чего-л.', 'небольшая поляна в лесу', 'лужайка', 'чистое место в лесу, покос', *шалыга* 'поляна в лесу', 'небольшой покос'[14], *ша́лога* 'низкое болотистое место', 'заросли кустарника, леса на низком болотистом месте', 'молодой небольшой лесок, выросший после срубленного леса' (Новг. словарь 12, 77), *шалы́* 'открытое чистое место в лесу'[15]. Для этих лексем допускается возможность заимствования из какого-то вымершего финно-угорского языка. В качестве возможного ис-

точника называются формы, близкие фин. *šelkä* 'кряж, хребет', 'открытое море', диал. *seläke* 'хребет', 'озерное водное пространство' карел. *šelkä, šelgä, selgä*, ливв. *šelkońi, šelgoni* 'выжженное место, глухой лес' и т.п., отсюда рус. диал. *ша́лга* 'большой безлюдный лес' и 'ягодное место, делянка в лесу, участок', *сельга* 'продолговатая возвышенность, покрытая лесом' и 'место, расчищенное ради посева хлеба'[16]. Предполагается, что на русской почве произошло переоформление исхода заимствования по типу образований на *-уга, -ыга* (ср. *калуга, лачуга, булыга*). И такой подход имеет основания, особенно если учесть географию слова. Однако с некоторой осторожностью, с пониманием сложности языковых процессов можно рассмотреть и альтернативное решение, а именно возможность исконного происхождения севернорусских диалектизмов. Лексема живет и функционирует в контексте определенной культуры. Надо иметь в виду, что именно на Севере долго практиковалась архаичная форма земледелия, характеризовавшаяся применением огня и подсеки. На этом этапе развития земледелия были весьма распространены названия расчищенных от леса участков по действиям, обозначаемыми гл. *драть, скрести, резать, ломать* и т.п., и такие семантические отношения отличаются регулярностью и распространяются на основную часть земледельческой терминологии: ср. рус. том. *по́скобель* – чистое место, простое, под посевы вырубались на горе (СРНГ 30: 165), болг. *оскубвамъ* 'теребить, выдергивать, корчевать' (Геров) ~ словен. *skûbež* 'корчевье' (Pleteršnik II, 501); слав. **dьrati* ~ **dorъ*, **dьraka* и т.д.[17] Можно поставить вопрос, не входят ли северные диалектизмы в этот синонимический ряд. В сфере земледелия происходит дифференциация терминов в пространстве и внутри синонимического ряда. Не исключено, что в семантике северных диалектизмов в значении 'открытое место, поляна', 'чистое место' реализуется древнее значение 'скрести, чистить', реконструируемое для исходной основы. Этимологические истоки слав. **šal-* и функционирование севернорусского диалектизма в качестве термина земледелия можно отнести к числу аргументов в пользу исконного происхождения лексем с основой *шал-*.

Рус. диал. *почева́ть*

По данным СРНГ, в архангельских говорах и в русских говорах Буковины отмечены гл. *почева́ть, поче́ть* 'чистить, драить' (ср. *Самовар почу́ют песком*), 'очищать зерно от половы' (ср. *Почевай-ко рожь-ту*), 'критиковать кого-л., пропесочивать'. Производное *поче́вка* 'лопаточка для размешивания опары, теста' зафиксировано в

донских говорах (СРНГ 30, 377). Большая вероятность того, что эти образования в сильно измененном виде продолжают основу **tъk-*. Последовательность изменений находит отражение в формах слова, фиксируемых разными словарями: ср. зафиксированное в словаре В.И. Даля (Даль[3] III, 940) с пометой стар., церк. гл. *потча́ти* 'воткнуть, вонзить что-л.', *потча́тися* 'спотыкаться' (На поли *потчеся* конь (кн. Глеба) во рву, а наломи ему ногу мало) и отглагольное имя *потче́нiе* 'водружение, втыкание' (Праздник *потченiя* кущей у евреев), а также ст.-рус., ц.-слав. *потчение* (*потъчение, поточение, потщение*) 'установка, водружение' (Козма Инд.[74]. XVI в. ~ XII–XIII вв. и др.), 'преткновение, препятствие' (Оп. I, 311. XVI в. и др.), 'соблазн' (Кор. 1. VIII. 9. Апост. Толст. XIV в.) (СлРЯ XI-XVII вв. 18, 29–30). К ним примыкают зафиксированный Рыбниковым в олонецком говоре гл. *прищу́вить* 'слегка приколоть иголкой', *прищу́виться* 'плотно пристать, прикрепиться к чему-л.' (СРНГ 32, 73), вероятно, из первонач. **pri-tъč-ivati*, а также север. (новг., пск.) *о́тчеваться* 'церемониться, стесняться, ломаться (за едой); долго есть', (олон.) *о́тчиваться* 'отказываться от угощения, церемониться' (СРНГ 24, 362, 364).

Приведенные образования с затемненной морфологической структурой и собственной линией мотивационных отношений расширяют представления о составе и семантической структуре гнезда с корнем **tъk-*.

Примечания

1 *Никончук Н.В.* Из лексики полесского села Листвин // Лексика Полесья. М., 1968, 89.

2 *Картотека "Словаря говоров Русского Севера"*. Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Кафедра русского и общего языкознания. Екатеринбург (далее К-ка СГРС).

3 Там же.

4 *Мельничук А.С.* Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология 1966. М., 1968, 203 и след.

5 К-ка СГРС.

6 *Трубачев О.Н.* Славянские этимологии 1–7 // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957, 29. Примеч. 5.

7 *Бјелетић М.* Духовна култура словена у светлу етимологије: јсл. *(х)ала* // Dzieje Slowian w świetle leksyki // Pod red. J. Ruska, W. Borysia, L. Bednarczuka. Kraków, 1992.

8 Подробнее см.: *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004, 226 и след.

9 *Reizek J.* K chronologii vzniku iniciálního praslovanského *ch-* // Česká slavistika 2003. České přednášky pro XIII. Mezinárodní kongres slavistů, Ljubljana, 15 – 21. 8. 2002, 118.

10 *Мельничук А.С.* Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков, 216.

[11] *Меркулова В.А.* Народные названия болезней (на материале русского языка). IV // Этимология 1986–1987. М., 1989, 152.
[12] К-ка СГРС.
[13] Картотека костромского словаря. Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Кафедра русского и общего языкознания. Екатеринбург.
[14] К-ка СГРС.
[15] *Востриков О.В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981, 43.
[16] Там же.
[17] *Куркина Л.В.* От *terra inculta* к *terra culta* (на материале лексики подсечно-огневого земледелия) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. М., 2003, 50–78.

А. Лома

ОДНА СЛАВЯНО-ИРАНСКАЯ ИЗОГЛОССА В ОБЛАСТИ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ СТ.-СЛАВ. ВРЪТЪПЪ: Н.-ПЕРС. GIRDĀB*

Рассматриваемое здесь слово, с точки зрения этимологов, пришло из старославянского языка, в котором оно представлено в форме врътъпь и обычно передает греч. σπήλαιον ‘пещера’. Только на одном месте евангелия от Иоанна (XIX, 41) данное слово является переводом греч. κῆπος ‘сад’, дублируя в этом значении врътъ, а в Супрасльской рукописи встречается и сложное слово врът(ъ)поградъ как вариант к врътоградъ ‘παράδεισος’. Из старославянского происходит др.-рус. вьртьпъ, рус., укр. *вертéп* ‘пещера, притон; сценическое изображение рождества Христова’; в последнем значении русско-церковнославянское слово заимствовано сербским языком.

Миклошич охарактеризовал врътъпъ как “темное слово”[1], тогда как Фасмер (I, 300), исходя из значения ‘сад’, возводил его вместе с врътъ к и.-е. корню *wer-* ‘запирать’, несмотря на то, что ему было известно болг. диал. *врътóп* ‘водоворот’[2], которое уже Младеновым (Младенов 92 s.v. *врна*) было причислено к производным от глагола **vьrtěti*. В другом месте болгарский ученый объяснял *-оп* как суффикс, выделяемый и в болг. *вързоп* ‘связка’, от **verzti*, **vrzǫ*[3]. Этимологию Младенова приняли независимо друг от друга Петар Скок, который объясняет врътъпъ ‘сад’ как плод вторичной конта-

* Работа выполнена по проекту 1591 “Этнологическое изучение сербского языка и создание этимологического словаря сербского языка”, который финансируется Министерством науки и защиты окружающей среды республики Сербия.

минации с врътъ (Skok III, 578 s.v. *vertep*) и Иозеф Шюц (Schütz 43)[4]. Последний, говоря о с.-хорв. диал. *вртоп* 'маленькое бассейнообразное или воронкообразное углубление в карсте', ссылается на ряд созвучных синонимов в сербохорватском языке: *вртача, вртања, вртлина* и особенно *завртек*, отглагольное происхождение которого очевидно.

Позднее рассматриваемым здесь словом занимался Вл. Георгиев[5]. Он тоже отделяет врътъпъ от врътъ и исходит из значения 'водоворот', представленного в болгарском языке, которое и сам относит к праслав. **vert-* 'вертеть(ся)', но опровергает существование суффикса *-оп*, объясняя конец слова в *ързо́п* влиянием близкого по значению слова *сноп*, в то время как конечный слог в врътъпъ, *вртоп* интерпретирует как второй член сложного слова, восходящий к и.-е. **upo-s* 'вода, река'. Следовательно, структура слова в целом была бы та же, что и в рус. *водоворот* только с обратной последовательностью членов.

Такая интерпретация, принятая в БЕР (I, 212) и указанная О.Н. Трубачевым в его дополнении к статье *вертеп* в словаре Фасмера (Фасмер I, 300–301), в словообразовательном отношении лучше вышеупомянутой "суффиксальной". Что касается семантического развития, то можно допустить, что оно шло от 'водоворот' через 'воронкообразное углубление (изначально в каменистом дне реки под водоворотом, а потом и на суше)' к 'пещера', а, с другой стороны, – к 'сад' (поскольку долины такой формы использовали в карстовых ландшафтах для садов). Кажется, что и другие значения слова, засвидетельствованные в болгарских диалектах такие, как 'излучина реки', 'яма, овраг, ущелье', 'вихрь' и т.д., можно возвести к той же исходной семантике вращательного движения воды.

Этимологию Георгиева в некоторых пунктах надо всё-таки уточнить. Ввиду наличия серб. *вртоп* и болг. диал. *врто́п* в тех западных диалектах, где ъ не переходит в *о*, он предположил здесь вариант исследуемого слова, содержащий в качестве второго члена другое и.-е. обозначение воды – **ар-*[6]. Однако распространение слова *вртоп* в сербохорватском ограничивается юго-восточными сербскими говорами, в которых надо учесть возможность восточно-южно-славянского влияния. Более того, название деревни *Вртоп*, к югу от Призрена, засвидетельствовано грамотой 1348 г. в форме прилагательного *врьтьпскы* (*дѣль*)[7], откуда явствует, что *о* в современной форме отражает ъ в духе македонской фонетики. Таким образом, реконструкция праслав. **vьrtopъ* наряду с **vьrtъpъ*, сама по себе маловероятная, оказывается вряд ли обоснованной; к тому же трудно говорить и о наличии слова на славянском юге вне болгарско-македонского ареала и граничащего с ним юго-востока сербской языковой территории[8]. На её западе свидетельства ограничиваются двумя сомнитель-

ными формами: *вртеп* ж.р. в примере: (*grob Isusov*) *unutra stijenom izsječenom ko prigradom prodijeljen u dvije vrtepi ili klijeti* (Rosa) 1764 г. (RJA s.v.), церковнославянское происхождение которой очевидно, и *вртпа* ж.р. 'пещера' в словаре его земляка Стулича, опубликованном в 1806 г. в Дубровнике, которой также нет подтверждения в живом говоре[9]. Словен. *vrtèp, -ẹ́pa* 'die Grotte' также является лексикографическим гапаксом. Мы находим его только в словенско-немецком словаре Плетершника, где отмечено, что данное слово записано Цафом в области Похорья. Показательно, что, рассматривая топоним *Vrtojba*, Безлай передает устное сообщение Оштира, указавшего в качестве возможной параллели церковнославянскую форму *врътъпъ*, а не предполагаемый словенский диалектизм[10].

С другой стороны, слово хорошо засвидетельствовано в форме *hîrtóp*, устар. *vîrtop*, ср. *vîrtoapă* ж.р. в румынском литературном и народном языке, где оно, кроме значений 'пещера' и 'притон', представленных в церковнославянском языке, проявляет и такие значения, как 'углубление в почве, котловина, ущелье, углубление на дороге, яма, дыра'[11]. Румынское слово обычно выводится из южнославянского, но при этом упускаются из виду восточнославянские факты, пока недостаточно привлекавшиеся для обсуждения, Дело в том, что, кроме вышеупомянутых значений 'пещера' и 'притон', слово отмечено в русских народных говорах в разных формах и с разветвленной семантикой. Фасмер (I, 300–301) приводит лишь др.-рус. (галицко-волын.) *вертебъ* и рус. диал. (твер.) *вертебище*, тогда как В.В. Владимирская в статье, предметом которой является столкновение в русском литературном языке двух омонимов единого (церковнославянского) происхождения *вертеп* 'пещера' и *вертеп* 'притон'[12], лишь мимоходом (на стр. 38) упоминает областное (смол.) значение 'овраг, яма; большой ров, заросший кустами'. В СРНГ (4, 151; 152; 150) находим следующие данные: *верте́п* 'большой овраг с непроходимым кустарником, лесом' (Даль без указ. места; калуж., смол., перм.), 'возвышенность, холм с логами' (перм.), 'карстовая поглощающая воронка, куда население отводит болотные воды для осушки земли' (моск., тул.), *верте́па* 'крутая гора, покрытая густым, непроходимым лесом' (перм.), *вертепи́жина* 'впадина, образовавшаяся от размыва водой, рытвина; ухаб на дороге' (моск.), *вертепи́нище* увелич. к *вертеп* 'овраг' (тул.), *вертебя* ж.р. 'слепая карстовая балка с понорой' (Центрально-Черноземная область), *вертеби́нище* 'овраг' (тул.). Согласно данным московского исторического словаря, народный географический термин с семнадцатого столетия проникает в русский литературный язык[13].

Все эти восточнославянские формы и значения, которым пока не уделено достаточного внимания, едва ли возводимы к церковнославянскому слову. Их, наряду с южнославянскими, следует при-

знать независимыми свидетельствами существования праславянского диалектного слова[14]. Ввиду наличия вариантности словоформ, вероятно, надо допустить, кроме **vьrtъpъ* и **vьrtьpъ*, также **vьrtьbъ*. В отношении семантики следует отметить, что значение ‘ухаб на дороге’ присуще румынскому и русскому языкам, но чуждо болгарскому.

Таким образом, установленный праславянский характер слова исключает допущенную Георгиевым[15] возможность его происхождения из древнебалканского, а именно – дако-мизийского субстрата. Повод для такого допущения ему дали созвучные образования в античной топонимике северовосточных Балкан вроде *Burdapa*, βουρδοπα, βούρδωπες и т.д., связь которых с нашим словом возможна, но, в отсутствии сведений об их семантике, недоказуема[16].

Однако в другом индоевропейском языке всё же существует сложное слово, совпадающее по форме и значению со славянским. Это перс. *girdāb* ‘водоворот, опасное место в реке или в море, в котором течения образуют вращательное движение воды; пропасть, бездна’. Новоперсидская форма возводима к др.-иран. **vr̥tāp-*, поскольку др.-иран. (и ср.-перс.) *v-* в начале слова отражено и в новоперсидском как *g-*, а слоговой сонант *r̥* как *ir* в позиции перед переднеязычным[17], который, в свою очередь, уже в среднеперсидском озвончился так, как и конечный губной. Кстати, структура персидского слова прозрачна и точно соответствует той, которая принята Георгиевым для слав. **vьrtъpъ*. Вторым его членом является н.-перс. *āb* ‘вода’, а первым – корень н.-перс. глагола *gard-/gaštan* < ср.-перс. *ward-/waštan* ‘вращаться’ из др.-перс. **vart-/vr̥t-*, ср. авест. *varət-*, др.-инд. *vártate*, *vr̥ttá-*, лат. *vertere*, др.-в.-нем. *werdan*, лит. *virsti*, ст.-слав. врѣтѣти и т.д. < и.-е. **u̯ert-/u̯ort-/u̯r̥t-* ‘вертеться’[18]. Правда, Георгиев в качестве второго члена в **vьrtъpъ* принимает не и.-е. *ap(o)-*, а *up(o)-*, но он едва ли прав, когда отделяет лит. *ùpe*, лтш. *upe* ‘вода’ от др.-прус. *ape* ‘ручей, речушка’, *apus* ‘источник’ и далее от тох. АБ *āp-*, др.-перс., авест. *ap-*, др.-инд. *ā̆p-*, хет. *ḫap-* < и.-е. *H_2ep-* ‘вода, река’. В отношении начального вокализма восточнобалтийское и древнепрусское слова соотносятся между собой точно так же, как лит. *ugnìs*, лтш. *uguns* ‘огонь’ и др.-инд. *agní-*, праслав. **ognь*. Поскольку этимологическая связь между этими последними словами несомненна, кажется более целесообразным рассматривать балт. *up-* как ступень редукции от *ap-* < *H_2ep-*, чем принять расхождение внутри балтийской языковой общности в столь фундаментальной лексической категории, как обозначение воды, реки (ср. Trautmann 11; Pokorny I, 52; Fraenkel II, 1169; Stang 35; Топоров. Прус. яз. I, 97 (сдержанно); Mayrhofer l.c.), тем более, что достоверных свидетельств существования и.-е. **up-* ‘вода’ нет. Здесь предполагалась слабая ступень сампрасарана-корня, долгая ступень которого была

бы отражена в др.-инд. *vāpī* и ст.-слав. вапа 'озеро, лужа' (Pokorny I, 1149)[19], но это сопоставление кажется сегодня бесперспективным, поскольку для поздно засвидетельствованного др.-инд. слова предпочитается внутриязыковая этимология, относящая его к глагольному корню VAP[1] 'рассыпать' и принимающая изначальное значение 'насыпь' (Mayrhofer III, 466). Если славянское слово отделить от древнеиндийского и рассматривать особняком, то самой вероятной кажется его связь именно с и.-е. *H_2ăp- 'вода' при допущении протетического *в-*[20]. Восточнославянский вариант **vьrtьpъ*[21] как будто подкрепляет наше предположение, что во втором слоге речь идет не об этимологическом **i*, а об отражении и.-е. редуцированного гласного. В данном случае корневой гласный слова *ăp- 'вода' мог претерпеть редукцию в процессе словосложения. Ср. нулевую ступень того же слова *H_2p- в качестве второго члена сложных слов др.-инд. вед. *dvīpá-*, авест. *dvaēpa* 'остров', др.-инд. *pratīpá-*, *nīpá-*, *anūpá-*, где ларингальным обусловлено удлинение предшествующего гласного[22]. Если исходить из *u̯r̥t-H_2p-ó-*, в славянском ожидалась бы утрата ларингального как в **dъkt'i* < *dhugH_2ter-*, но возникшая таким способом группа *tp* трудна для произношения, что способствовало развитию в ней сверхкраткого "сварабхактического" гласного неопределенного тембра **u̯r̥t°po-*, отражавшегося в позднепраславянском то как ъ, то как ь. Итак, можно говорить не только о семантическом, но и об этимологическом совпадении обеих частей сложных слов н.-перс. *gird-āb* и слав. **vьrt-ь/ъpъ*, различающихся лишь аблаутной ступенью второго члена.

Этимологическое совпадение необязательно подразумевает и этимологическое тождество: надо учитывать в родственных языках возможность параллельных, независимых друг от друга образований, оперирующих родственным языковым материалом и пользующихся одними и теми же словообразовательными моделями. Между тем, имея в виду реликтовый характер славянского слова, содержащего самостоятельно не сохранившееся и.-е. обозначение воды, и учитывая ареальное соприкосновение праславянского и древнеиранского языков, следует говорить о пока не замеченной славянско-иранской изолексе[23]. Заимствование в славянский из иранского, в котором обе части сложного слова живы до сих пор, допустимо, но общее наследие в двух языках кажется более правдоподобным. Что касается персидского слова, то его древность довольно вероятна. Из персидского оно вошло в турецкий язык (тур. *girdab*), где засвидетельствовано с семнадцатого столетия[24], а из него – в балканские языки, см.: болг. *гердàп* 'водоворот' (Младенов 99), серб. *ђердап* то же, *Ђердап*, название Железных ворот на Дунае (Skok I, 479; Škaljić 249), рум. *gherdap* то же (Lokotsch 724). Может быть, окажется, что оно имеет соответствия в других новоиранских языках.

Для нас особенно интересна, но, к сожалению, непроверяема, возможность того, что слово данной структуры существовало в вымерших скифо-сарматских говорах, соседствовавших в течение столетий на юго-востоке с праславянским языком.

Отождествление н.-перс. *gird-āb* = праслав. **vьrt-ьlъpъ* < и.-е. **u̯r̥t-*H_2*(ā)p-ó-* позволяет сделать выводы, касающиеся и.-е. обозначения воды и его судьбы в балто-славянском: и.-е. H_2*ăp-* отразилось в нем, по-видимому, во всех трех ступенях аблаута: кроме полной ступени в др.-прус. аре, находим его долгую ступень в ст.-слав. вапа и редуцированную в лит. *ùpe*, лтш. *upe*, праслав. **vьrt-ъpъ/*vьrt-ьpъ*, тогда как гипотеза о существовании в праиндоевропейском синонимичного **up-/u̯ōp-* ‘вода’ практически лишается основания.

Примечания

[1] Miklosich 385–386 s.v.: “Das Wort ist dunkel”.

[2] БЕР даёт и ряд других значений: ‘воронкообразное углубление’, ‘ущелье’, ‘излучина реки’, ‘дорога’, ‘вихрь’, устар. ‘притон’ (Вазов), ‘ровная удобная местность’ (Банско).

[3] *Младенов Ст.* Граматика на българския език. София, 1939, 158.

[4] Скок умер в 1956 г. и, следовательно, не мог быть знаком со статьями Шюца и Георгиева (см. ниже) так же, как и они – с его словарем, вышедшим посмертно, в семидесятых годах.

[5] *Георгиев Вл.* “Наставката” *-оп* и произходът на думите *securitynop, въртоп, въпа* // БЕ 1961 X, кн. 4, 302–307. Далее – Георгиев 1961.

[6] Там же, 304.

[7] *Пешикан М.* Стара имена из Доњег Подримља // Ономатолошки прилози II. Београд, 1987, 1–119.

[8] Ср. в топонимии *Мали* и *Велики Вртоп*, две деревни недалеко от Ниша (ю.-вост. Сербия), *Вртоп*, местность в деревне Велика Ясикова у Неготина (сев.-вост. Сербия) (RJA s.v.; неясно, откуда в загребском словаре значение ‘горное пастбище, большое государственное имение’; здесь дана единственная ссылка на *Милићевић М.Ђ.* С Дунава на Пчињу. Београд, 1882, где указано, что в пиротском округе *вртоп* обозначает то, что в других краях Сербии называют *вртача*, т.е. впадину в карсте.

[9] *Бојанић М. / Тривунац Р.* Рјечник дубровачког говора // СДЗб XLIX. Београд, 2002. Для *вртпа* также возможно церковнославянское происхождение, ср. форму врьтпахъ в Македонском и Слепчанском апостолах (SJS).

[10] *Bezlaj Fr.* Zbrani jezikoslovni spisi I. / ur. M. Furlan. Ljubljana, 2003, 56.

[11] *Tiktin H.* Rumänisch-deutsches Wörterbuch/Überarb. u. erg. von P. Miron. Wiesbaden, 1987, II s.

[12] *Владимирская В.В.* К истории слова *вертеп* в русском языке в связи с проблемой столкновения омонимов // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1968, вып. VI, 28–40.

[13] Ср. употребления типа *степь была песчаная, бугроватая, вертепы глубокие безводные* 1678 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 2, 267–268), вряд ли возводимые к ст.-слав. значению ‘пещера’. СлРЯ XVIII в. 3, 50 выделяет как областные значения ‘ущелье, расщелина’, ‘труднопроходимый овраг, впадина’.

[14] Это правильно заметила *Влајић-Поповић J.* в одном примечании (№ 21) к своей статье Да ли je jcл. **vьrtъ* 'hortus' ипак домаћа реч? // Dzieje Slowian w świetle leksyki. Pamieci Profesora Franciszka Sławskiego. Kraków, 2002, 495, где, кстати, отказалась от рассмотрения данного слова, сосредоточась на **vьrtъ* 'сад'.

[15] *Георгиев* 1961, 304–305, примеч. 2.

[16] Шестнадцать лет спустя Георгиев в своей книге о фракийском языке (*Георгиев В.* Траките и техният език. София, 1977, 64, 70) останавливается на объяснении последней части данных местных имен в связи с и.-е. **ap-* 'вода', тогда как их первую часть теперь возводит к и.-е. **bhr̥dho-*, которое нашло отражение в лит. *birdà* 'болото', слав. **brodъ*.

[17] Ср., напр., н.-перс. *-gird* 'город' (в топонимических названиях) < др.-перс. *kr̥ta-* 'созданный' и, с другой стороны, н.-перс. *buzurg* < др.-перс. *vazr̥ka-* 'большой'.

[18] Ср. *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893, 1 s.v. *ab*, 198 s.v. *gāšten*, 201 s.vv. [2]gird, gerd, gerden; Абаев III, 92 s.v. *woerdyn*; Mayrhofer I, 81 s.v. *áp-*, II, 518–519 s.v. VART. Локоч видит в первом члене сложного слова н.-перс. прилагательное и наречие *gird* 'круглый; вокруг' (*Lokotsch*, 57 § 724), которое отождествляется Горном с др.-инд. страдательным причастием *vr̥tta-* (*Horn*. Op cit., 201), но более оправданным кажется принять здесь *gird-* за чистый корень глагола **vr̥t-*.

[19] Также *Георгиев* 1961, l.c.

[20] Ср., однако, назализированный (?) вариант ср.-болг. *вѫпа*, к которому (а не к **vъpa*, вопреки Георгиеву) восходит болг. диал. *въпа, вопа*.

[21] Если допустить, что с.-хорв. *вртпа* и словен. *vrtep* – достоверные диалектные формы (см. выше), то всё равно нельзя определить, какой вариант лежит в их основе – еровый или еревый.

[22] О данных словах см. недавний доклад: *Велизара Садовского* Zum Sprachwandel im Indoiranischen anhand von Material der Nominalkomposition: die Wortform *abhīpatás* und die *°īpá*-Komposita (в печати).

[23] Ср. новейший обзор: *Cvetko-Orešnik V.* K metodologiji preučevanja baltoslovansko-indoiranskih jezikovnih odnosov. Ljubljana, 1998.

[24] Ср. *Stachowski St.* Osmanlı Türkçesinde Yeni Farsça Alıntılar Sözlügü / Wörterbuch der neupersischer Lehnwörter im Osmanisch-Türkischen. Istanbul, 1998, 104.

А. Маньков

ГЕРМАНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ: ДР.-ИСЛ. *BQÐ* 'БИТВА' И *BEÐR* 'ПОСТЕЛЬ'*

Др.-исл. *bǫð*. К индоевропейским соответствиям др.-исл. *bǫð*, *-var* f. 'битва'[1] можно добавить рус. диал. *бодвá, бодовьё* 'основа сруба' (Даль[2] 106). Это существительное, как мы предполагаем, связа-

* Это исследование финансировано Шведским институтом (Svenska institutet, Stockholm) в 2005 г. Выражаю глубокую благодарность проф. Сванте Страндбергу (Уппсальский университет), взявшему на себя труд прочитать рукопись и сделать ряд замечаний и уточнений. Я также глубоко благодарен Т.А. Тоштендаль-Салычевой, без чьей помощи выполнение исследования было бы невозможно.

но с рус. *бости́, бодёт* (в современном русском эта форма заменена на *бода́ть*), ст.-слав. **бости, бодѫ** σφάττειν νύσσειν 'колоть' (SJS I, 138; Ст.-слав. словарь 99); лат. *fodiō, fōdī, fossum* 3 'копать, раскапывать, выкапывать; колоть, протыкать, ранить, наносить удар острым орудием; подстрекать, уязвлять, раздражать'[2]; *fossa* 'канава, ров, водосток; водный путь, русло; борозда (как обозначение границы), граница; могила'[3]. Корень восходит к и.-е. **bhedh/bhodh* 'работать, используя острое орудие: колоть, копать' (Walde-Pokorny II, 188; Pokorny I, 113: **bhedh* 'stechen, bes. in die Erde stechen, graben'; LIV 51–52: *b^hed^h 'stechen, graben'). Реконструированное значение корня объясняет различие значений в исторических языках. Значение рус. *бодва́* восходит к значению 'копать', тогда как *бости́* отражает значение 'колоть'. Таким же образом, расхождение значений др.-исл. *bǫð* и рус. *бодва́* является следствием разнонаправленной семантической эволюции корня **bhodh*. Исландский отражает значение 'колоть' (> 'битва'), русский – 'копать' (> 'основа сруба'). На основании приведённых форм реконструируется индоевропейское существительное **bhodhwā* (nomen actionis к **bhedh*).

Др.-исл. *beðr*. Исходя из того, что др.-исл. *bǫð* восходит к **bhodh* 'колоть, копать', мы можем связать его с германским обозначением постели, восходящим к тому же корню[4].

Что касается связи между герм. 'постель' и лат. *fodiō*, ст.-слав. **бости** и др., то впервые, насколько нам известно, её предложил Й. Франк в 1-м издании "Этимологического словаря нидерландского языка"[5]. Та же этимология приводится в большинстве словарей и исследований[6]. Археологические данные приведены в работах Р. Мерингера, Х. Пош, В. Фёрсте, Дж. Мэллори и Д. Адамса[7].

Рассмотрим основные германские соответствия.

Гот. *badi* n. *ja*-основа κράββατος, κλινίδιον 'постель' (засвидетельствовано в acc. sg., dat. sg., dat. pl.)[8].

Др.-исл. *beðr* m. *ja*/*i*-основа 'место для лежания, постель, подстилка; тюфяк; жёсткая ткань, используемая для изготовления тюфяков'[9] (gen. sg. *beðjar*; dat. sg. *beð*, редко *beði*; nom. pl. *beðir*; acc. pl. *beði*, один раз *beðja*[10]). Значение 'тюфяк' (с развитием 'постель целиком', т.е. от частного к общему) не может быть первичным. Как указывает Х. Пош[11], постели в древних скандинавских жилищах представляли собой мешки, набитые соломой, которые клались на скамьи. Таким образом, значение развивается в обратном направлении, от общего к частному: 'постель' > 'тюфяк'. Именно в этом, вторичном, значении слово было заимствовано уральскими языками: ср. фин. *patja*, диал. *paðja* 'матрац; подкладка; постель; простыня; прослойка, слой'; эст. *padi* 'подушка. подкладка'; лив. *pad'à* 'подушка'[12].

Новоисл. *beður*, *-s* или *-jar,- ir* m. 'постель; подушка; грядка'. Сюда же относятся следующие слова: *beð*, *-s*, ~n. 'градка; стог на сено-

вале'; *beðja, -u, -ur* f. 'супруга', 'куча; большой бесформенный стог' (**baðjōn*); *beddi, -a, -ar* m. 'раскладушка; неудобная постель'[13]. *Beðja* в значении 'супруга' восходит к прагерм. **gabaðjōn*: ср. др.-англ. *gebedde* 'супруг, супруга'[14]; ср.-англ. *bedde* 'тот/та, с кем делят постель, супруг, супруга'[15]; др.-фриз. *bedda* m. 'супруг'[16]; ср.-в.-нем. *(ge)bette* f. 'жена'[17]. Относительно новоисл. *beð* в значении 'стог на сеновале', ср. новоангл. диал. (Herefordshire) *bed* 'стог'[18]. Согласно А. Йоханнессону и А. Магнуссону[19], новоисл. *beð* является заимствованием из немецкого. Однако значения 'стог', 'куча', отсутствующие у нем. *Bett*, могут быть доводом в пользу исконности этого существительного. В этом случе данная форма является полным соответствием гот. *badi*.

Фар. *beður, -ar, -ir* m. 'постель' (в балладах; также в современной поэзии); *beð, -s, ~*n. 'перина; одеяло' (в балладе), 'клумба' (книжн.)[20]. Сюда же относится *beddur* m. 'небольшая впадина на дне реки' (ср. новоангл. *river bed*, нем. *Flussbett*). Обозначениями постели, которые используются в повседневном общении, являются *song, lega, ból*[21].

Норв. диал. *bed* m. 'основа, фундамент, слой; логово небольших животных; одеяло, перина'; *bede* m. 'одеяло; подстилка для скота' (также *bedde*); *bedja* f. (*beie*) 'логово небольших животных'[22].

Всроятно, сюда же относится шв. диал. *bale* m. 'гнездо'; *bäla* 'делать гнездо'[23].

Др.-в.-нем. *betti* n. *ja*-основа 'постель; тюфяк; грядка' (Etym. Wb. Ahd. I, 572).

Ср.-в.-нем. *bette* n., *bett, bet* n. 'постель; грядка'; *gebette* n. 'брачное ложе'[24].

Ранний н.-в.-нем. *bette* или *bet* (gen. sg. *bettes* и *bets*; nom. pl. *bette* или *betten*) 'постель, тюфяк; подстилка для скота; русло реки'[25].

Н.-в.-нем. *Bett, -(e)s, -en* n. 'кровать, постель'; *Beet, -(e)s, -e* n. 'грядка'[26]; ср. *Federbett, Oberbett* 'пуховое одеяло', *Unterbett* 'простыня'; *Flussbett* 'русло'. Нем. *Bett* восходит к основе косвенных падежей с западно-германской геминацией; *Beet* восходит к основе nom. sg. без геминации[27].

Др.-сакс. *bed/beddi* n. *ja*-основа 'постель'[28].

Ср.-н.-нем. *bedde* n. 'место для лежания; брачное ложе; кровать с бельём или только постельное бельё; подстилка для животных; нижняя часть чего-л.; грядка'; *hünenbedde* 'курган'[29].

Ср.-нидерл. *bedde* n. 'постель; брачное ложе; диван; подстилка для скота; слой; дамба; берег', *bette lants* 'участок земли'[30].

Нидерл. *bed* 'постель, кровать'[31].

Др.-фриз. *bedd* n. 'постель'[32].

Фриз. *bêd, it, bêden*; диминутивы *bedsje, bedke* 'постель, кровать; грядка; русло; неряшливая, ленивая, толстая женщина (ср. *it âld*

bêd – о любопытной, болтливой пожилой женщине); количество строительного раствора, которое делается за один раз'[33].

Др.-англ. *bedd/bed* n. *ja*-основа 'постель, лежанка, тюфяк; грядка; поверхность, на которой покоится что-л.'[34].

Ср.-англ. *bed* 'постель; брачное ложе; рождение, происхождение; орудие пытки; основа, основание; грядка'[35].

Англ. *bed* 'постель, кровать; грядка'[36].

Возможно, колебание в роде между гот. *badi* и др.-исл. *beðr* свидетельствует о существовании вариантов в прагерманском: **baðjan* n. и **baðjaz* m. Эти варианты могут быть связаны с первоначальной дифференциацией значений 'постель' и 'грядка'. Современные исландские формы сохраняют эту дифференциацию (при условии, что *beð* не является заимствованием): *beður* имеет значение 'постель' (значение 'грядка' вызвано, возможно, влиянием соответствующих датских, немецких или английских существительных), тогда как *beð* означает 'грядка; стог на сеновале'.

Прагерм. **baðjan//baðjaz* является отглагольным существительным к и.-е. **bhedh/bhodh*. Первичный глагол не засвидетельствован в исторических германских языках. Исходное значение существительного может быть реконструировано как "что-л. выкопанное". Из этого общего значения развиваются основные конкретные значения: 1. 'место для лежания и отдыха в виде выкопанного углубления (как у людей, так и у животных)' > 'постель'[37]; 2. 'грядка'; 3. 'русло реки; канава, ров'. Углубление в земле, выстланное листьями и травой – наиболее архаичный тип постели[38]. В соответствии с убедительными доводами Х. Пош, нет оснований рассматривать второе и третье значения как производные из первого. Она указывает, что третье значение могло развиться из значения 'мельничный жёлоб'. В этом значении германское слово было заимствовано романскими языками (ср. франц. *biez, bief*)[39]. Семантическое развитие: '(искусственный) ров' > 'естественное углубление того же вида' > 'русло реки'.

Рассмотрим теперь альтернативные этимологии.

1. Предполагалось, что *bǫð* может быть связано с лат. *fatuus* 'глупый; безвкусный; неудобный; неповоротливый'; лат.-галл. *battuō, uī, ere* 'ударять, бить, стучать', *andabata* 'гладиатор, носящий шлем без отверстий для глаз и сражающийся вслепую'; рус. диал. *бат* 'железный конус, которым стучат по воде чтобы оглушить рыбу', 'прут'[40]. Из дальнейших параллелей можно привести рус. диал. *ба́тик* 'палочка, используемая при обработке льна'[41], *бата́ть* 'стучать по воде чтобы оглушить рыбу и загнать её в сети; стучать, топотать', *бата́ться* 'драться'[42], *батова́ть* в значении 'молотить зерно второй раз' (Даль² I 54); *бот* 'шест, которым глушат рыбу и гонят

её в сеть', 'звук удара', *ботать* 'стучать, идти по грязи; гнать рыбу в сети' (Даль[2] I 119–20; Фасмер I 200). Германские соответствия: новоисл. *baða, -aði* 'бить крыльями'[43]; швед. *badd, -et* 'припарка', *badda, -ade, -at* 'делать припарку; палить, опалять'[44].

Я полагаю, что вся эта группа восходит к ономатопоэтическому корню **bhāt-/bhət-* (*bhăt-*) 'стучать, хлопать' (Pokorny I, 111) и не связана с группой исл. *bǫð* и лат. *fodiō*. Связь между этими группами была бы возможна, если бы можно было доказать, что др.-исл. *ð* в *bǫð* и др.-англ. *d* в *beadu* отражают и.-е. **t* (с действием закона Вернера, к и.-е. **bhatwā́*, как полагают Вальде и Покорный (II 127)). Однако рус. *бодва* доказывает, что в *bǫð* мы имеем рефлекс и.-е. **dh*, а не **t*.

2. Согласно С. Бугге[45], прагерм. **baðja* выводится из раннего прагерм. **podh(i)i̯óm* или **pədh(i)i̯ós* и связано с лит. *pādas* 'подошва', рус. *под* 'дно, низ'. Бугге предполагает, что эти формы восходят к праиндоевропейскому композиту, состоящему из **po* 'под' и **dē* 'класть'. Начальное **p* изменяется в *b*, что, как считает Бугге, является разновидностью закона Вернера. Санскр. *upadhā́nam* 'подстилка, тюфяк' приводится как возможное подтверждение данной гипотезы.

Прежде всего, очевидно, что действие закона Вернера сомнительно в данном случае. Кроме того, лит. *pādas* и рус. *под* обычно связываются с др.-греч. πούς, лат. *pēs*, гот. *fōtus* 'ступня' (Фасмер III 296), что является более надёжным и экономным решением.

3. Согласно В. Фёрсте[46], немецкие композиты *Federbett, Oberbett, Unterbett* отражают исконное значение, которое реконструируется как 'zusammendruckbares, elastisches Polster'[47]. Предполагается, что слово восходит к и.-е. **bhedh* 'гнуть, сгибать, сжимать' (Pokorny I, 114), ср. санскр. *bā́dhate* 'гнуть' и нем. *bitten* 'просить', *beten* 'молиться'. Эта гипотеза восходит к Я. Гримму, который связывал нем. *Bett* с гот. *bidjan* 'требовать, просить', поскольку значение 'просить' якобы ассоциируется со значением 'лежать' и, следовательно, 'постель'[48].

Аналогичная этимология предложена Н. Керном[49], который реконструирует исходное значение "dat wat gedrukt wordt" ("что-л. сжатое, образованное в результате давления"). Эта этимология поддержана К. Уленбеком[50], который подвергает сомнению этимологию Франка (см. выше).

Предположение Фёрсте не может быть признано убедительным, т. к. значение 'подстилка, тюфяк' у прагерм. **baðjan//-az* не является исконным. Это значение вызвано переходом от "постелей", выкопанных в земле, к постелям в виде подстилок, которые клались на скамьи (см. выше о др.-исл. *beðr*). Однако именно во вторичном значении 'подстилка' данное существительное было заимствовано в

финский (поскольку в период заимствования финны могли не иметь таких постелей).

Что касается предположения Керна, то Х. Пош отвергает его как семантически недостоверное. Она считает, что значение "что-л. образованное вследствие давления" слишком абстрактно и в лучшем случае может относится к углублению или впадине, образованным лежащим телом; сомнительно, что это углубление получило особое обозначение до обозначения самой подстилки.

4. Согласно Я. де Фрису[51], др.-исл. *beðr* связано с др.-исл. *bað* 'купание', имея первоначальное значение "die warme Stelle, wo man vor der Kälte geschutzt ist". Это предположение ошибочно, т.к. др.-исл. *ð* в *bað* отражает и.-е. **t*, тогда как *ð* в *beðr* отражает и.-е. **dh*. Об этом свидетельствует древнеанглийский, где различаются рефлексы интервокальных **t* и **dh*: ср. др.-англ. *bæð* 'купание' (с **t*) и *bedd* 'постель' (с **dh*). Удвоенное *dd* в *bedd* восходит именно к **dh*, т.к. *þ* (и.-е. **t*) перед **j* дало бы *ðð* в древнеанглийском[52]. Таким образом, различное происхождение др.-исл. *ð* в *bað* и *beðr* не позволяет соотносить эти слова. Кроме того, *ð* в *bað* является суффиксом[53], в то время как *ð* в *beðr* относится к корню.

5. Дж. П. Маэр предполагает, что прагерм. **baðja* первоначально имело значение "место отдыха", и обозначало могилы вождей в период позднего неолита в Северной Европе. Значение 'постель' рассматривается как производное от значения 'могила'[54]. Предполагается, что кельтские соответствия сохраняют это исконное значение.

Такое развитие значения маловероятно, поскольку, как указывает Х. Пош[55], постель служила прототипом могилы, а не наоборот. Кроме того, приведённая аргументация теряет смысл, если исходить из значения 'углубление в земле как место отдыха'. Естественно, что слово с таким значением могло равным образом относиться и к 'постели', и к 'могиле'. Однако важнее всего то, что значение 'могила' у рассматриваемого существительного не засвидетельствовано ни в одном из германских языков.

6. Совершенно иную этимологию предложил Э. Зебольд (Kluge-Seebold 104). Он реконструирует и.-е. **bhotjó*, связывая прагерм. **baðja-* с др.-ирл. *lepaid* и др.-греч. κράββατος; в качестве параллелей приводятся также новогреч. *pátos* 'Boden, Sohle, Bett usw.' (к **pat*), англ. *pad* (к **bodh* или **bod*). В качестве первоначального значения реконструируется 'земля'. Предполагается, что корень либо имеет ономатопоэтический характер (с развитием 'топать, стучать' > 'утоптанная земля'), либо является заимствованием из субстратного языка. Эти гипотезы представляются ничуть не более удовлетворительными, чем имеющиеся индоевропейские этимологии слова.

Подведём итоги. Др.-исл. *bǫð* является полным соответствием рус. диал. *бодва*. Оба существительных восходят к и.-е. **bhedh/bhodh* 'работать, используя острое орудие: колоть, копать' и связаны с германскими обозначениями постели: гот. *badi* и т. д. Первоначальное значение прагерм. **baðjan//baðjaz* реконструируется, таким образом, как "выкопанное углубление".

Примечания

[1] *Pokorny* I, 113–114; *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2., verbesserte Aufl. Leiden: E. J. Brill, 1977, 69; Etym. Wb. Ahd. I, 572.

[2] A Latin Dictionary founded on Andrew's edition of Freund's Latin Dictionary. Revised, enlarged and in great part rewritten by Ch. T. Lewis. Oxford: Clarendon Press, 1879 (reprinted in 1998), 764.

[3] Там же, 774.

[4] Интересно, что уже Якоб Гримм связывал гот. *badi* с др.-исл. *bǫð*, приводя, однако, другую семантическую мотивацию (Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm. 1. Band (*a – Biermolke*). Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1854, 1722).

[5] *Franck J.* Etymologisch woordenboek der nederlandsche taal. 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1892, 61.

[6] Franck's etymologisch woordenboek der nederlandsche taal. Tweede druk door N. van Wijk. 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1912, 37; *Tamm Fr.* Etymologisk svensk ordbok. Uppsala: Akademiska boktryckeriet, 1890–1905, 79; *Fick*[4] 258; *Falk-Torp I*, 66; *Torp A.* Nynorsk etymologisk ordbok. Kristiania: Aschenhoug & Co. (W. Nygaard), 1919, 19; *Hellquist* 120; *Feist* 73; *Posch H.* Die Ruhestätten des Menschen, *Bett* und *Grab*, bei den Indogermanen // Wörter und Sachen 16 (1934), 147; *Pokorny* I, 114; *Jóhannesson Alexander.* Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag, 1956, 632; Etym. Wb. Ahd. I, 573; *Pfeifer.* Etym. Wb. Deutsch. 127, 110; *Bjorvand H., Lindeman F.O.* Våre arveord. Etymologisk ordbok. (Instituttet for sammenlignende kulturforskning). Oslo: Novus forlag, 2000, 61; с оговорками *Onions* 84; *Lehmann.* Goth. Etym. 55; *Ásgeir Blöndal Magnússon.* Íslensk orðsifjabók. [Reykjavík:] Orðabók háskólans, 1989, 46.

[7] *Meringer R.* Wörter und Sachen // Indogermanische Forschungen 19 (1906), 401–457; *Posch H.* Die Ruhestätten des Menschen..., 4–16; *Foerste W.* Niederdeutsche Bezeichnungen des Schrankbetts (mit Wortkarte) // Niederdeutsches Wort. Kleine Beiträge zur niederdeutschen Mundart und Namenkunde. Hsgb. von W. Foerste. Band 2 (1961). Munster: Verlag Aschendorff; *Mallory-Adams*, 57.

[8] *Snædal Magnús.* A Concordance to Biblical Gothic. I: Introduction. Texts. II: Concordance. Reykjavík: University of Iceland Press, 1998. II, 121.

[9] *Fritzner J.* Ordbog over det gamle norske sprog. I–III. 2. utg. Oslo: Tryggve Juul Møller forlag, 1954. T. 1, 119.

[10] *Noreen A.* Altnordische Grammatik I. Altisländische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtung des Urnordischen. 5. Aufl. Tübingen: *Niemeyer*, 1970, §§ 368, 389 anm. 2.

[11] *Posch H.* Die Ruhestätten des Menschen..., 7.

[12] *Thomsen W.* Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. Aus dem dänischen übersetzt von E. Sievers. Halle: Verlag der Buchhandlung des Weisenhauses, 1870, 162; *Setälä E.N.* Bibliographisches Verzeichnis der in der

Literatur behandelten älteren germanischen Bestandteile in der ostseefinnischen Sprachen. Helsingfors, Leipzig, 1912–1913 (Также опубликовано в Finnisch-ugrische Forschungen 13 (1913): 345–475), 81; *Karsten T.E.* Germanisch-finnische Lehnwortstudien. Ein Beitrag zu der ältesten Sprach- und Kulturgeschichte der Germanen. (Acta societatis scientiarum fennicae XLV, 2). Helsingfors, 1915, 147.

[13] *Böðvarsson Árni.* Íslensk orðabók. Önnur útgáfa, aukin og bætt. Reykjavík: Mal og menning, 1993, 64.

[14] An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collection of the late J. Bosworth. Edited and enlarged by T.N. Toller. Oxford: At the Clarendon Press, 1882–1898, 371.

[15] Middle English Dictionary. H. Kurath, S.M. Kuhn, R.E. Lewis (eds.). Ann Arbor: Michigan University Press, 1954–1999. A–B, 681.

[16] *Holthausen F.* Altfriesisches Wörterbuch. 2., verbesserte Aufl. von D. Hofmann. Heidelberg: Carl Winter, 1985, 6.

[17] *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, I–III. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1872–1878. I, 243; 753.

[18] *Wright J.* The English Dialect Dictionary, I-VI. London: Henry Frowde, 1898–1905. I, 215.

[19] *Jóhannesson A.* Isländisches etymologisches Wörterbuch, 949; *Ásgeir Blöndal Magnússon.* Íslensk orðsifjabók, 46.

[20] *Young G.V.C., Clewer C.R.* Føroysk-ensk orðabók. Peel, Isle of Man: Mansk-Svenska Publishing Co., 1985, 34.

[21] *Annfinnur í Skála, Mikkelsen J., Wang Z.* Ensk-føroysk orðabók. Stiðin, 1992, 46.

[22] *Torp A.* Nynorsk etymologisk ordbok. Kristiania: Aschenhoug & Co. (W. Nygaard), 1919, 19.

[23] *Rietz J.E.* Svensk dialekt-lexikon. (Ordbok öfver svenska allmoge-språket). Lund: Lundbergs boktryckeri, 1867. [Register och rättelser av E. Abrahamson. Uppsala: Lundequistska bokhandeln, 1955], 21.

[24] *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. T. I, 233; 242–243; 753; *Müller W.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch, I-III. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1854–1861. I, 109–111.

[25] Frühneuhochdeutsches Wörterbuch, I– . Hsgb. von R.R. Anderson, U. Goebel, O. Reichmann. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1989–. III, 2151–2159.

[26] Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm. I, 1722.

[27] *Posch H.* Die Ruhestätten des Menschen..., 8.

[28] *Sehrt E.H.* Vollständiges Wörterbuch zum *Heliand* and zur altsächsisches *Genesis*. Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 1925, 41; *Holthausen F.* Altsächsisches Elementarbuch. 2. verbesserte Aufl. Heidelberg: Winter, 1921, § 277 anm. 1.

[29] *Lasch A., Borchling C.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Fortgeführt von G. Cordes. 1. Band: *a – f/v*. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1956. I, 156; *Schiller K., Lübben A.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. I–VI. Bremen: Verlag von J. Kühtmann's Buchhandlung, 1875–1881. I, 165.

[30] *Verwijs E., Verdam J.* Middelnederlandsch woordenboek. 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1885. I, 612–614; *J. Verdam.* Middelnederlandsch handwoordenboek. 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1956, 57.

[31] *Vries M. de et al.* Woordenboek der nederlandsche taal, I–XXIX. 's-Gravenhage en Leiden: M. Nijhoff, A.W. Sijthoff, Henri J. Stemberg, 1882–1998. II, 1106–1116.

[32] *Holthausen F.* Altfriesisches Wörterbuch, 6; *Köbler G.* Altfriesisch-neuhochdeutsches und neuhochdeutsch-altfriesisch Wörterbuch. Gießen: Arbeiten zur Rechts und Sprachwissenschaft Verlag, 1983, 12.

[33] *Wurdboek fan de.* Fryske taal, I– . Leeuwarden: Fryske Akademy, Ljouwert, 1984–. T. I, 265; *Zantema J.W.* Frysk Wurdboek. Frysk-nederlânsk. Ljouwert: A.J. Osinga Uitgeverij, 1984, 57.
[34] An Anglo-Saxon Dictionary..., 75; An Anglo-Saxon Dictionary... Supplement by T.N. Toller. Oxford: At the Clarendon Press, 1921, 68; An Anglo-Saxon Dictionary... Enlarged Addenda and Corrigenda by A. Campbell to the Supplement by T.N. Toller. Oxford: At the Clarendon Press, 1972, 8; *Grein C.W.M.* Sprachschatz der angelsächsischen Dichter. Unter Mitwirkung von F. Holthausen neu herausgegeben von J.J. Köhler. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1912, 41; *Hall J.R.C.* A Concise Anglo-Saxon Dictionary. 4th ed. with a supplement by H.D. Meritt. Cambridge: University Press, 1960, 36.
[35] Middle English Dictionary. A–B, 678–681.
[36] См. The Oxford English Dictionary, I-XX. 2nd ed. Prepared by J.A. Simpson & E.S.C. Weiner. Oxford: Clarendon Press, 1989. T. II, 44–47; *Wright J.* The English Dialect Dictionary. I, 214–215.
[37] *Franck J.* Etymologisch woordenboek der nederlandsche taal, 61; *Walde-Hofmann* I, 522.
[38] См. об этом: *Meringer R.* Wörter und Sachen, 449; *Posch H.* Die Ruhestätten des Menschen..., 46; см. также *Knobloch J.* Ergologische Etymologien zum Wortschatz des indogermanischen Hausbaus // Sprachwissenschaft. Band 5. Herausgegeben von R. Schützeichel. Heidelberg: Carl Winter, 1980, 180–188 (рассматриваются индоевропейские слова, обозначающие жилища, выкопанные в земле).
[39] *Posch H.* Die Ruhestätten des Menschen..., 12.
[40] *Fick*[4] 256; *Walde-Hofmann* I, 99; *Walde-Pokorny* II, 126; *A. Jóhannesson.* Isländisches etymologisches Wörterbuch, 596.
[41] Псковский областной словарь с историческими данными, I– . Л.: Изд. ЛГУ, 1967–. T. I, 129.
[42] Словарь русских народных говоров, I–. М.; Л.: Наука, 1964–. T. II, 142.
[43] *Böðvarsson Árni.* Íslensk orðabók, 51.
[44] Svenska Akademiens ordlista över svenska språket. 11 uppl. Stockholm: Norstedts förlag, 1986, 52.
[45] *Bugge S.* Etymologische Studien über germanische Lautverschiebung // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache and Literatur. Hsgb. von H. Paul und W. Braune. Halle a. S.: Max Niemeyer. Band 13 (1888): 167–187, 177.
[46] *Foerste W.* Niederdeutsche Bezeichnungen des Schrankbetts, 23.
[47] Там же, 24.
[48] Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm. I, 1722.
[49] *Kern N. Bidden* // Tijdschrift voor nederlandsche taal en letterkunde. Leiden: E.J. Brill. Jaargang 1 (1881): 32–37, 36–37.
[50] *Uhlenbeck C.C.* Kurzgefasstes etymologisches wörterbuch der gotischen Sprache. Amsterdam: Verlag von Joh. Müller, 1896, 20.
[51] *Vries J. de.* Nederlands etymologisch woordenboek. Leiden: *Brill E.J.* 1963, 34; *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch, 29.
[52] *Brunner K.* Altenglische Grammatik..., § 227.
[53] См.: *Kluge Fr.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 3. Aufl., bearb. von L. Sütterlin und E. Ochs. Halle: Niemeyer, 1926, § 117.
[54] *Maher J.P. Bed* and *grave* in German and Celtic // Journal of Indo-European Studies, vol. 9 (1981): 341–347, 344.
[55] *Posch H.* Die Ruhestätten des Menschen..., 4 и след.

В.В. Мартынов

О КЕЛЬТО-СЛАВЯНСКИХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ

Эти строки написаны нами вскоре после ухода из жизни Олега Николаевича. Ему были присущи в высшей степени, как об этом писал В.Н. Топоров, "глубокая проницательность и выдающаяся интуиция", качества, необходимые большим ученым, что также оказалось важным для возрождения гипотезы о дунайской прародине славян.

В посмертно опубликованном "Проблемном авторезюме" Олег Николаевич писал: "... славяно-кельтские контакты, разработка их следов и их локализация, кажется, могли бы помочь выработать компромиссный вариант между такими принципиально разными концепциями, как польская автохтоническая теория славянской прародины на Висле и Одере и новый современный вариант дунайской прародины славян, выдвигаемый автором настоящей книги"[1].

В свое время, еще без достаточных для этого оснований, мы поддержали концепцию Трубачева, имея в виду возможность параллельного существования славян на Висло-Одерском пространстве и "южных границах". Олег Николаевич по этому поводу писал: "В.В. Мартынов в своих устных выступлениях отметил актуальность нынешних поисков южных границ праславянского ареала, допуская их паннонскую (придунайскую) локализацию, в частности славяно-кельтские контакты именно на этой территории[2].

Таким образом, речь шла о разновременном продвижении кельтов: с юга на север (дунайская ориентация) и с востока на запад (висло-одерская ориентация). Временно́й разрыв между ними мы пока не уточняли. Более глубокое изучение славяно-кельтских контактов, как предположил О.Н. Трубачев, поможет получить объективный ответ.

Здесь мы ограничимся тем, что нам удалось сделать за последнее время. Как было подтверждено нами на XIII Международном съезде славистов в Любляне, "славяно-германское лексическое взаимопроникновение древнейшей поры (в соответствии с формулировкой Мартынова в монографии 1963 г. – *В.М.*) отражает соседские контакты населения культуры подклошевых погребений с племенами ясторфской (германской. – *В.М.*) культуры)".

Академик В.В. Седов в своем докладе на последнем съезде славистов дал такое определение: "Следующий этап в истории славян характеризуется их тесными контактами с кельтами"[3]. Продолжая развивать эту мысль, автор пишет: "Одним из надежных свиде-

тельств о проживании славян римского периода в Висло-Одерском регионе являются лексические славизмы, фиксируемые в древнеанглийском языке, основу которого, как известно, составили диалекты англов, саксов и ютов (Мартынов В.В., 1998 г.)"[4]. "Очевидно, что в III–IV вв. саксы и англы междуречья Одера и Эльбы контактировали со славянами... "[5].

К сожалению, мы не имели доказательств наличия или отсутствия контактов между кельтами и славянами в условиях до раннего латена (в V–III вв. до н.э.). Ответ на этот вопрос целиком зависел от определения географического положения кельтов в то время. По словам Яна Филипа, "начиная с V в. до н. э. название "кельты" быстро распространялось в тогдашней Европе, но то, что было до V в., долго оставалось загадкой"[6].

Во многом загадкой по-прежнему остается вклад кельтской культуры в восточноевропейские территории, "с конца VI века в них появляются греческие привозные изделия – в середине тысячелетия в инвентаре все больше заметно влияние средиземноморских зрелых культур"[7].

Однако прежде чем в достаточной мере изучить греческую составляющую, необходимо вернуться к почти одновременной с ней кельтской. Здесь нас ждут неожиданности.

Для того, чтобы привести имеющиеся данные к возможно полному виду, необходимо сопоставить традиционные кельтизмы у славян с известными, главным образом, по работам Ю. Покорного[8] и учесть данные Е. Налепы из его богатой фактами книги[9]. Сопоставляя их с работой, проведенной нами, мы обнаруживаем значительные несовпадения[10].

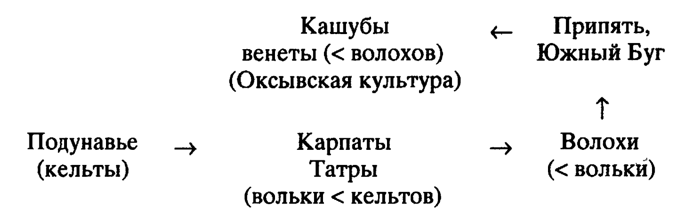
Перейдем к повторному, важному для наших целей, рассмотрению восточнославянского *колтун* 'длинные жесткие волосы на голове у мужчины'. При этом обратим внимание на кашубско-древнеирландскую параллель – соответственно *kaltun* и *calath*. То, что последнее полностью совпадает с предшествующей, подтверждается цитатой из книги Яна Филипа о кельтской манере смазывать волосы каким-то известковым раствором.

Архаическую кашубскую форму *kalt* вряд ли следует рассматривать как безаффиксную. Скорее всего, она отражает свое первичное значение 'кельт'. Ср. кельтские названия племен *Caleti*, *Caletes*, которые К. Мошинский[11] связывал с древнегреческим καλίζια. Что касается кашуб. *kaltun*, то это форма предполагает соответствующее глагольное образование типа польск. *kiełtać*[12].

Переходим теперь к рассмотрению "верной мысли" Шафарика о том, что *волохи* это *кельты*[13] (что в дальнейшем подкрепляется у О.Н. Трубачева решением проблемы *невров*, и в целом достигается гармоничное представление о кельтском этнониме *Volcae* во-

лохи < волки)[14]. Последствия этого заключения оказываются весьма значимыми. Они отражают первичную ситуацию в регионе Карпат и Татр после проникновения кельтов из Подунавья. В первую очередь это касается последующих многократных кочевых переселений волохов.

Обращаем внимание на карты, представленные Г.П. Клепиковой в ее монографии "Славянская пастушеская терминология"[15]. Схематически эти события представляются следующим образом:



Пути передвижения "валашских" пастухов могут рассматриваться как результат похода кельтов от карпатского ареала в обход его с выходом на Припять и Южный Буг. Именно такая направленность кельтов помогает нам понять проблему их проникновения на Балтику под именем венетов[16].

Римские авторы не оставляют никаких сомнений в появлении венетов на балтийском побережье. Кельтское происхождение последних подтверждается галльским племенем венетов, зафиксированным в известном труде Юлия Цезаря. В дальнейшем это имя было перенесено на славян, которые заняли часть территории Оксывской культуры (современные кашубы и их окружение).

В заключение обратимся к двум заметным фигурам кельтской мифологии и их балто-славянским соответствиям. Мы имеем в виду др.-ирл. *at baill* 'умирает', кимр. *ballu* то же, ст.-слав. жаль 'гробница', др.-прусск. *gallan* 'смерть' (ср. *Жля* в "Слове о Полку Игореве" и *Giltinė* – воплощение смерти)[17].

Др.-ирл. *Macha* 'влажная, тучная, плодородная' – *Mokošь* 'влажная, сырая земля'. Кроме этих значений, *Macha* входит в военную группу женских божеств, а *Mokošь* – в ряд запретов, связанных с женским трудом[18]. К числу других (параллельных) характеристик *Mokoši* можно отнести персонажи словенской колдуньи *Mokoški* или русской *Бабы-Яги*. Здесь мы обращаем внимание на славянскую анаграмму *Jag-Gaj* (ср. др.-иранск. *Yazata-* 'божество', *yaz-* 'приносить в жертву'. Обращаем внимание и на другую известную аналогию: *Мать-сыра земля* – *Ardui Sura Anahita* (сырая – сильная).

И, наконец, последнее, не менее важное. В.Н. Калыгин пишет, что балтийско-славянские теонимы *Белобог* – *Чернобог* семантически полностью соответствует кельтским *Albio* – *Dubno*. При этом он

замечает: "... Универсальность элементарной оппозиции заставляет быть предельно внимательным при реконструкции, чтобы не принять типологическое сходство за генетическое"[19]. Сейчас, когда мы знаем о кельтском происхождении этих корреляций в кашубской зоне и ближайшем окружении, нет необходимости видеть в этом другие возможные причины. Тем более что представленная нами схема демонстрирует движение кельтов от Подунавья к прибалтийским кельтам – венетам.

Примечания

[1] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, дополненное. М., 2003, 7.
[2] Там же, 63–64.
[3] *Седов В.В.* Славяне в римское время // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов, Любляна, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003.
[4] Там же, 4.
[5] Там же, 15.
[6] *Ян Филип.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, 11.
[7] Там же, 20.
[8] *Pokorny* I–II; *Pokorny J.* Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier // ZfceltPh, 20, 21, Halle-Saale, 1938.
[9] См. *Nalepa J.* Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Lund, 1967.
[10] См. *Мартынов В.В.* Кельто-славянские этноязыковые контакты // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд славістаў, Любляна, 2003. Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003, 87–104. Ср. *Мартынов В.В.* Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983. (Славяно-кельтские языковые контакты, с. 35–46, с учетом известных работ А.А. Шахматова, Т. Лер-Сплавинского, Б. Махека, М. Рудницкого и критики первого из них со стороны М. Фасмера и К. Буги).
[11] См. *Moszýnski K.* Pierwotny zasiag języka prasłowiańskiego. Warszawa, 1957, 82–86.
[12] Ср. *Popowska-Taborska H.* Szkice z Kaszubszczyzny. Gdańsk, 1998, 46–48.
[13] См. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян... 45.
[14] Там же, 49.
[15] *Клепикова Г.П.* Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974, 18–20.
[16] См. *Milewski T.* Teoria, Typologia i Historia języka. Nazwy z obszaru Polski podejrzane o pochodzenie wenetyjskie lub iliryjskie. Kraków, 1993, 323–357.
[17] *Топоров.* Прус. яз. E–H, 142–143.
[18] См. соответственно *Kalyguine V.* Deux correspondances de vocabulair mythologique entre les langues celtiques et balto-slaves // ZfceltPh. Bd. 49, 50, 1997, 367–372. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования, 1982. М., 1983, 182, 187, 189, 192, 194, 195.
[19] *Калыгин В.Н.* Истоки древнеирландской мифопоэтической традиции. Научный доклад. М., 1997, 16.

А.К. Матвеев

МЕРЯНСКИЕ ОЙКОНИМЫ С ТОПОФОРМАНТОМ *-(V)дом* И ПРОБЛЕМА КАРИТИВНЫХ ТОПОНИМОВ

Названия этого типа встречаются очень редко. Почти все они прилагаются к населенным пунктам. А.И. Попов в статье о топонимии мерянских и муромских областей приводит только *Ка(р)чкодом, Тюхтедомово, Шелшедам (Шельшедом), Шушкодом*[1].

Топоним *Ка(р)чкодом* локализовать не удалось. Точно установлено местонахождение ярославских населенных пунктов *Тюхтедомово* (на современной карте *Тюхтедамово*) и *Шельшедом*, а также костромского *Шушкодом*. Не без сомнения сюда можно отнести еще ойконим *Талдом* на севере Московской области. Кроме того, неоднократно зафиксированное в памятниках XIV–XVI вв. название Костромской волости *Иледам*[2] дошло до нас в виде ойконима *Ильдомское* на крайнем северо-востоке Ярославской области близ границы с Костромской. Фонетических препятствий для переработки *Иледам* > *Ильдом* нет, а в памятниках *Иледам* обычно упоминается рядом с гидронимом *Обнора*. Современный ойконим *Ильдомское* находится всего в десяти километрах от этой ярославской реки.

Есть предположение, что топоним *Ильдомское* надо связывать с мар. *илыдыме* 'необитаемый', 'нежилой' и соответственно с мерянским **il'Dома* 'необитаемый (безжизненный)', образованным с помощью каритивного суффикса, обозначающего отсутствие признака[3]. Возможно, что некоторые субстратные топонимы на *-дом(а), -том(а)* в исторических мерянских землях (ИМЗ) и на Русском Севере (РС) действительно содержат суффикс отсутствия признака. Однако топоним *Ильдом(ское)* вряд ли относится к их числу, во-первых, из-за исторически засвидетельствованной исходной формы названия волости *Иледам*, а во-вторых, по причине вхождения этого топонима в "рифмованную" полосу названий на *-(V)дом* на севере Ярославской области, которую не могли образовать каритивы из-за своей редкости (см. об этом ниже).

Наконец, есть основания считать, что упоминаемое в памятниках наименование слободки *Шелшедам*[4] следует отличать от современного ойконима *Шельшедом* близ Ярославля. Дело в том, что *Шелшедам* упоминается рядом со слободкой *Кештома* в Шохонском уезде, к которому не относились окрестности Ярославля. В то же время гидронимы *Кештома* и *Шельша* в бассейне Шексны находятся рядом. Таким образом, исторический *Шелшедам* и современный *Шельшедом* надо относить к разным объектам. Старожилы города Пошехо-

нье утверждают, что прежнее название местности по реке *Шельша* – *Шельшедомская волость* (картотека Топонимической экспедиции Уральского университета). Вместе с тем в памятниках указывается и село *Шелшодом* Ярославского уезда[5]. Здесь же на территории Заволжского стана Ярославского уезда неоднократно упоминается название урочища *Широдома* (*Ширдома, Широдьма, Жирдома*)[6], которое также, по-видимому, следует относить к названиям на *-(V)дом*.

На территории Костромского края (КК) засвидетельствованы названия населенных пунктов *Лиходомово* (если не из рус. **Лихой Дом*), *Лоходомово, Шильдома* (реки с таким названием нет), *Шушкодом* и урочища *Шишедам* (*Шишадам*). Кроме того, в самой вершине реки *Лежа* в Грязовецком районе Вологодской области находится куст деревень *Леждом*. Поскольку эта территория непосредственно примыкает к границе Ярославской области, а других названий такого типа на Вологодчине нет, наименование *Леждом* также следует включать в число ярославских и костромских названий на *-(V)дом*. Таким образом, из двенадцати закартографированных названий этого типа пять засвидетельствованы в КК, пять – на Ярославщине, одно на крайнем юге Вологодской области и одно близ Москвы. Однако принадлежность наименований *Талдом, Лиходомово* и *Шильдома* к названиям на *-(V)дом* небесспорна.

Этот топоформант относится к ярко дифференцирующим, так как не имеет надежных соответствий в других финских языках. А.И. Попов указывает, что названия такого рода, прилагаемые к волостям и населенным пунктам, означают какой-то вид угодья или поселения и, возможно, связаны с севернорусским географическим термином *едома*, выступающим в различных значениях[7], но служащим, как правило, для обозначения урочищ (СРНГ 8, 323). Недостаток фактов препятствует раскрытию семантики топоформанта, тем более что в самостоятельном топонимическом употреблении на территории ИМЗ термин не засвидетельствован (есть река *Эдома* – приток Волги выше Ярославля, но трудно сказать, имеет ли этот гидроним отношение к обсуждаемым названиям). В то же время такие факты, как *Шельшедомская волость* и куст деревень *Леждом*, действительно как будто бы указывают на значение ‘волость’, ‘группа поселений’, особенно если учесть, что ‘селение’, ‘поселение’ обозначалось в мерянской топонимии другим детерминантом – **-bol* < *-бол* или **-bal* < *-бал*.

В этимологическом плане, на наш взгляд, наиболее перспективно сопоставление с названиями населенных пунктов и урочищ *Едьма* и *Идьма* на РС (бассейн Ваги). Вместе с тем, следует считаться и с предложениями А.И. Попова[8].

Из возможных этимологий топооснов привлекательно сопоставление *Иледам* с мар. *ильме* ‘жилой’ и *Тюхтедамово* с мар. *тукто*

'утка-нырок', если этот топоним представляет собой отантропонимическое, а, может быть, даже тотемное название. То же относится и к ойкониму *Лоходомово* с учетом мар. *лого* 'дрозд', 'свиристель' и произношения марийского звука *г* между гласными как щелевого[9]. Возможно, названия с основой *шелш-* связаны с мар. *шелше* 'расщелина', 'ущелье'. Наконец, нелокализованное *Ка(р)чкодом* сопоставляется с мар. *карчык* 'старуха'; правда, это слово является тюркским по происхождению[10], что снижает надежность мерянской этимологии.

Надо, однако, иметь в виду, что *Тюхтедамово* находится на р. *Тюхта*. Поэтому ойконим может быть образован от гидронима. Безусловно вторично название *Леждом* (<*Лежа*). Вполне вероятно, что к гидрониму восходят и наименования *Шелшедам, Шельшедомская волость* (<*Шельша*). Очевидно, что названия такого рода не могут быть каритивными. Ареальная смежность позволяет перенести этот вывод и на другие названия с формантом *-(V)дом*.

Зона распространения форманта специфична. Он не засвидетельствован во Владимирской, Ивановской, а также в южной половине Ярославской области и связан с северными окраинами мерянского ареала. Возможно, что это диалектная черта мерянской топонимии, обусловленная внешнелингвистическими моментами, отраженными в семантике соответствующего географического термина, который может означать какие-то региональные особенности местности или расположения селений. Во всяком случае большинство названий на *-(V)дом* (10 из 12) образуют на карте узкую полосу на левобережье Волги между нижним течением Шексны и нижним течением Унжи.

Данные памятников (*Иледам, Шелшедам*) указывают на исходную форму детерминанта *-едам*. Несмотря на ограниченность материала, связь названий на *-бол, -бал* и *-(V)дом* подтверждается такой параллелью, как *Шишебольцево – Шишедам*.

А. Альквист видит в названиях с окончаниями *-том(а), дом(а)* каритивные образования с финно-угорским суффиксом отсутствия признака[11]. К ним она относит ярославские топонимы *Исколдома, Шелашедом* (так!) и, может быть, *Тюхтеданово* (так!), которые сравниваются с *Талдом, Шушкодом* на смежных территориях. Уверенно рассматривается в качестве каритивного речное название *Колдома* 'безрыбная' (приток Волги), имеющее такие параллели в Вологодской области, как *Колдома* и *Кольдема* (при смежной реке *Рыбница*). Кроме того, по мнению Альквист, "на основе сравнительного материала" к каритивным, видимо, можно отнести гидронимы *Урдома, Кештома, Пертома* и *Шолтома*[12].

Возможность существования детерминанта *-(V)дом* Альквист не рассматривает. Между тем, хотя бытование каритивных форм в суб-

стратной топонимии ИМЗ и РС вполне вероятно, доказать факт каритивности той или иной формы в каждом конкретном случае крайне трудно, так как фиксации фонетического компонента *-том(а), -дом(а)* в исходе слова для этого явно недостаточно. Дело в том, что в топонимии обычно констатируется наличие признака, а не его отсутствие. Поэтому названия каритивного характера встречаются нечасто и не образуют сколько-нибудь заметных сгущений. В. Ниссиля пишет, что каритивные прилагательные на *-ton*, *-tön* обильно представлены в финской диалектной топонимии, но приведенные им примеры, которые относятся в основном к озерам, содержат преимущественно два каритива: *kalaton* 'безрыбный' и *nimetön*[13] 'безымянный'[14]. Русские аналоги с префиксом *без-*, по данным Топонимической экспедиции Уральского университета, также относятся прежде всего к водным объектам, особенно озерам, с абсолютным преобладанием каритивных топонимов, образованных от прилагательных *безрыбный (безрыбий), бездонный* и *безымянный*, ср. оз. *Безрыбное*, оз. *Безрыбье*, ур. *Бездонная Ляга*, оз. *Бездонное,* омут *Бездонный,* просека, р. *Безымянная,* бол., оз. *Безымянное,* о-в, руч. *Безымянный* и т.п. Кроме того, в русском языке по отношению к самым разным объектам широко используются топонимические образования от семантического каритива *пустой*, ср. грива, пожня, р. *Пустая*, оз., поле *Пустое*, луг, о-в, руч. *Пустой*, озера, пожни, ручьи Пустые и т.п. Прочие каритивы (пожня *Безберезье*, руч. *Безвершинный* и некоторые другие) – большая редкость.

В отличие от функционирующих языков словообразовательные каритивы в субстратной топонимии выявить трудно еще и потому, что финно-угорский по происхождению суффикс начинается с согласных *т* или *д*, которые могут выпасть, если основа имеет исход на согласный. В то же время компонент *-ом(а)* совпадает с суффиксом прилагательных и причастий *-Vм(а)*, а также детерминантом *-ма* 'земля', что также создает трудности при выявлении каритивных форм.

А. Альквист справедливо утверждает, что "важнейшую роль в определении каритивного суффикса играет семантика топоосновы, а именно то, допустимо ли существование признака, выражаемого предполагаемой топоосновой, в связи с данным географическим объектом"[15], но она не учитывает, что опора на этимологию субстратного топонима часто бывает шаткой.

Рассмотрим наиболее убедительный пример – *Колдома* 'безрыбная (река)' (фин.-угор. **kol* рыба + каритивный суффикс)[16]. С формальной стороны, этимология кажется безупречной, но возможно иное членение топонима – *Колд-ома* или *Колдо-ма* с выделением формантов *-Vма* или *-ма.* Следовательно, нужны дополнительные аргументы. Альквист пытается их найти, приводя вологодский

ойконим *Колдома*, но название населенного пункта 'безрыбный (-ая, -ое)' только озадачивает. Больше способствует решению вопроса лимноним *Кольдема* по соседству с гидронимом *Рыбница*. Однако река *Рыбница* (значительный приток Лозско-Азатского озера) непосредственно не связана с небольшим озером *Кольдема*. Это лесное озерко находится в стороне от Рыбницы, причем между Рыбницей и Кольдемой есть другие озера – *Чертово* и *Потозеро*. Кроме того, надо иметь в виду, что по наличию ихтиологической фауны озера обычно сравниваются с озерами, а не с реками (среди озер в отличие от рек много безрыбных – "пустых" или однородных по ихтиофауне – "щучьих", "окуневых" и т.п.). Речные же названия типа *Рыбная, Рыбница* и т.п. указывают на обилие рыбы по сравнению с другими реками.

Все это здесь говорится не для того, чтобы категорически отвергнуть предложенную этимологию волжского гидронима. Вполне может быть, что *Колдома* на самом деле каритив со значением 'безрыбная (река)' и что вологодский ойконим *Колдома* – какая-то метонимия с тем же значением, а лимноним *Кольдема* действительно 'безрыбное (озеро)'. Наша цель – показать, что аргументировать каритивность очень сложно, если даже основываться на этимологии субстратных топонимов и физико-географических реалиях.

Однако основная трудность, как уже было сказано, связана все-таки с выделением форманта, а соответственно и основы. Топооснова *колд-* в топонимии широко распространена и сочетается с разными топоформантами, ср.: *Колда*, р. (Пин), *Колдай*, руч. (Бел), *Колдов*, пок. (Бел), *Колдозеро*, *Колдручей* (Плес), *Колдокурья*, ур. (Пин), *Колдом*, оз., *Колдомка*, р. (Бел), *Колдома*, д. (Кир), *Колдомский*, руч., *Колдомское*, бол. (Нянд), *Колдюга*, р. (Влгд). Эти факты свидетельствуют, что даже такой, казалось бы, убедительный пример, как *Колдома* 'безрыбная' может иметь другие этимологические решения. То же следует сказать и о названиях *Пертома* и *Урдома*, ср. соответственно топонимы *Перта, Пертема, Пертнаволок, Пертова, Пертозеро, Пертоя, Пертручей, Пертуга, Пертюг* и мн. др.; *Урдомка, Урдюга* (три названия!), *Урдюжское, Урдярьозеро* и др.

На территориях ИМЗ и РС множество топонимов с финалями *-том(а)*, *-дом(а)*, а некоторые из них зафиксированы по нескольку раз (*Андома, Колдома, Охтома, Пертома* и др.). Наличие общей основы для ряда названий с разными формантами (см. выше о топонимах с основами *колд-*, *перт-*, *урд-*) или характерная фонетическая примета, например, специфическая группа согласных *хт* в корне (*Лохтома, Охтома, Рухтома, Ухтома* и т.п.) почти всегда позволяют не только взять под сомнение, а и вообще отвергнуть предположение, что эти финали являются каритивными суффиксами[17].

Названия на *-(V)дом*, характерные для ИМЗ, при всей их малочисленности – не фантом, основанный на звуковом сходстве. Они обладают ареальной спецификой, связаны прежде всего с населенными пунктами, не имеют, что немаловажно, соответствия с глухим согласным (**-tom** > *-том*) и параллелей в других финских языках (кроме субстратной топонимии РС). Поскольку эти наименовния являются субстратными и засвидетельствованы на территории ИМЗ, их можно предположительно идентифицировать как мерянские по происхождению ойконимы. Что касается каритивных географических названий, то они в топонимии редки, их трудно выявить и определить как каритивы. На территории ИМЗ и РС много гидронимов со звуковыми комплексами *-том(а), -дом(а)*, ср. *Исколдом, Ирдом, Истомка, Колдома, Курдома, Урдома* и т.п. Можно, конечно, допустить, что среди них есть каритивные, но доказать это в каждом конкретном случае затруднительно. С другой стороны, и не все названия населенных пунктов на *-дом(ово), -дам(ово)* следует относить к ойконимам на *-(V)дом* как по ареальным показателям, так и по характеру внутренней формы, ср. наименования деревень в памятниках *Амстрадамово* (*Астрадамово*)[18] на Тверской дороге и *Кошкодамово*[19] в Карачевском уезде[20].

Примечания

[1] *Попов А.И.* Топонимия древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия (сборник статей). Л., 1974, 19.

[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л., 1950, 34, 56, 61, 195, 276.

[3] *Ткаченко О.Б.* Мерянский язык. Киев, 1985, 102.

[4] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв., 356.

[5] Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Вотчинные земли. СПб., 1999, 25.

[6] Там же, 198, 199, 200, 201, 202, 204.

[7] *Попов А.И.* Топонимия древних мерянских и муромских областей, 19.

[8] Подробности см.: *Попов А.И.* Топонимия древних мерянских и муромских областей, 19; *Матвеев А.К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ 1998, № 5, 98–99, 102–103; *Он же.* Субстратные топонимы с детерминантом *-конда* в Поволжье // Этимология 2000–2002. М., 2003, 130–133.

[9] *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964, 193–196.

[10] *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1994, 68.

[11] *Альквист А.* Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001, 441–442.

[12] Там же, 442.

[13] Ничего похожего на эту форму в субстратной топонимии ИМЗ и РС пока не обнаружено. И это естественно: "безымянные" объекты обычно не появляются на картах.
[14] *Nissila V.* Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962, 69.
[15] *Альквист А.* Субстратная топонимия Ярославского Поволжья, 442.
[16] Там же.
[17] Как опасна "игра в суффиксы", показывает чисто формальное вычленение компонента *-тома, -дома,* при котором остающиеся "основы" принимают вид V-(*У-дома*), VC-(*Ор-дома*), CV-(*Мя-дома*), CVC-(*Лохтома*), хотя фактически имеют структуры VC-, VCC-, CVC-, CVCC-. И уже курьезен результат извлечения "аффикса" *-дом* из ойконима *Индом* (Кир), который является аббревиатурой русского словосочетания *Инвалидный дом.*
[18] *Кусов В.С.* Чертежи земли Русской: Каталог-справочник. М., 1993, 261, 291.
[19] Ср. антропонимы *Кошкодамов* (? < **Кошкодавов*) и *Кошкодав* (*Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974, 162).
[20] В современной Брянской области.

Сокращения

РАЙОНЫ

Бел	– Белозерский район Вологодской области
Влгд	– Вологодский район Вологодской области
Кир	– Кирилловский район Вологодской области
Нянд	– Няндомский район Архангельской области
Пин	– Пинежский район Архангельской области
Плес	– Плесецкий район Архангельской области

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ

бол.	– болото	р.	– река
о-в	– остров	руч.	– ручей
оз.	– озеро	ур.	– урочище
пок.	– покос		

О.В. Мищенко

К ЭТИМОЛОГИИ СЕВ.-РУС. ПИЛИК[1]

Сев.-рус. *пили́к* и его варианты *пила́к, пили́тка, пили́ток, пили́туха, пилиту́ха, пилиту́шка, пили́тушка, пи́лица, пили́ца, пи́личек, пили́чка, пиличо́к, пи́лка, пило́вка, пило́тка, пило́чек, пи́лочка, пилу́тка, пилу́туха, пилу́тушка, пилу́ша, пи́лушка, пилу́шка, пильчо́к, пилючо́к, пилячо́к, плечо́к* очень широко распространены на территории Архангельской и Вологодской областей, встречают-

ся также в русских говорах Карелии. Приведенные слова чаще всего обозначают наскоро сделанную посудинку из свернутого кулечком – обычно в виде конуса – куска бересты; получившаяся берестяная емкость может закрепляться расщепленной палочкой. Такая посудинка используется в полевых условиях в качестве черпачка или чашки. Помимо описанной реалии лексемы также могут обозначать ‘бумажный пакет, кулек’, ‘черпак, совок, ковшик для вычерпывания воды из лодки’, ‘паз, желоб, выбиваемый в бревне или доске при укладке углов дома’ (Картотека Словаря Рус. Сев.; СРНГ 27, 28–30; Словарь Карелии 4, 510).

На территории Русского Севера выделяются два региона – 1) северо-запад Вологодской области и частично юг Архангельской и 2) крайний юго-восток Вологодчины – со специфической семантикой рассматриваемых слов, а именно: ‘любая складка, загиб на одежде, обуви: часто одиночная боковая складка, загиб, который делается, чтобы уменьшить не по размеру широкую одежду; любой загиб на материи; морщинка на ткани; выточка; сборка, стянутость ткани в результате грубо выполненного шва’, ‘шрам, рубец’, ‘человек со следами оспы на лице’ (Картотека Словаря Рус. Сев.; Словарь Карелии 4, 510). На этой же территории зафиксировано выражение *на пеликáх* ‘о морошке в завязях’ (Картотека Словаря Рус. Сев.).

Для полноты картины следует указать на существование у русских слов вепсского соответствия *pil'ik* ‘берестяной черпак’[2], которое осталось за пределами финских этимологических источников, по-видимому, в силу отсутствия прямых соответствий в других финских языках. Сама по себе вепсская лексема не может решить проблемы происхождения севернорусских диалектизмов по причине своего изолированного характера: последнее заставляет учитывать для нее возможность русского источника.

На первый взгляд, в севернорусских диалектизмах можно предполагать дериваты рус. *пить*: эта версия поддерживается как наиболее распространенным значением лексемы (’сосуд для питья’), так и возможностью вычленения в словообразовательной структуре основного варианта (*пилик*) древнего суффикса **-l-*[3]. И все же существует целый ряд причин, заставляющих сомневаться в правильности такого этимологического решения.

1. Ареал лексемы ограничивается территорией Русского Севера и Карелии, при этом на территории Русского Севера лексема распространена практически повсеместно. Последнее уменьшает вероятность того, что слово может иметь статус славянского архаизма.

2. Вычленение в качестве элемента словообразовательной структуры слова суффикса **-l-* осложняется, на наш взгляд, следующими обстоятельствами: а) при всем многообразии вариантов лексемы не обнаружено ни одной формы без предполагаемого наращения

аффиксов, то есть формы типа **пила*, **пило* и т.п.; б) затрудненной оказывается интерпретация словообразовательной структуры форм с согласным *т* (*пилитка, пилотка* и пр.) с учетом отсутствия данных о каких-либо иных членах вероятной словообразовательной цепи, кроме приведенных выше существительных[4].

3. Если исходить из первичности семантики питья, очень сложно объяснить появление таких значений как 'складка на одежде', 'стянутость ткани, грубый шов', 'шрам, рубец'.

4. В исконном происхождении лексемы заставляют усомниться и результаты идеографического анализа обозначений бытовых емкостей по данным говоров Архангельской и Вологодской областей. Анализ проводился по материалам Картотеки Словаря Рус. Сев. с учетом данных диалектных словарей по названной территории. Общий объем материала составил более 1800 лексико-семантических вариантов. В ходе анализа была выявлена понятийная сетка, которая отражает представления носителей языка о классе бытовых емкостей, а также были проанализированы наборы репрезентантов каждого из понятий. Проведенный анализ показал, что в идеографической сетке говоров существуют понятийные области, "закрытые" для проникновения заимствований, и области с явным преобладанием неисконных репрезентантов[5]. В качестве одного из примеров последних можно привести такое понятие как 'берестяной цилиндр с деревянным дном и крышкой, употребляемый для хранения или переноски сыпучих и жидких продуктов; туес'. Репрезентантами названного понятия в говорах Русского Севера выступают следующие лексемы: *бура́к, бури́к, буря́к* < тюрк.[6] или фин.-угор.[7]; *бурня́, бурнёха* < фин.-угор.[8]; *бу́ртас* < фин.-угор.[9]; *ту́ес* < фин.-угор.[10] Специальные исконные лексемы для обозначения именно берестяной емкости типа туеса отсутствуют, хотя реалия на Русском Севере распространена повсеместно. Встречаются лишь локальные факты явно вторичного характера (*пу́дница, рогу́шечка, ру́ченька* и т.п.).

В ряд понятий, для которых характерны в основном заимствованные репрезентанты, "вписывается", по-видимому, и рассматриваемая семема 'наскоро сделанная в полевых условиях посудинка – свернутый кулечком цельный кусок бересты'. Так, в качестве наиболее распространенных обозначений названной реалии, помимо рассматриваемого *пилик*, известного практически повсеместно, в говорах Русского Севера выступают следующие лексемы: *бура́к, буря́к* (< тюрк. или фин.-угор.); *кужо́нка* (очень вероятно, < фин.-угор.[11]); *ле́йка, водоле́йка; липе́нька* (< фин.-угор.); *тури́к, тюри́к* (< фин.-угор.); *туруру́шка, туру́шка* (< фин.-угор.); *черпа́ха, черпачо́к, черпу́га; чи́блик, чи́блюк, чу́блик, чу́глик* (< фин.-угор.[12]); *чума́к, чума́н, чумичо́к* (< тюрк., Фасмер, IV, 382); *чупа́к, чу́почка* (< фин.-угор.).

В отношении исконных лексем приведенного ряда можно сказать следующее. Ни для лексем гнезда *лить*, ни для лексем гнезда *черпать* за пределами территорий русско-финно-угорских контактов интересующие нас значения не отмечены[13]. В качестве мотивирующих для лексем обоих гнезд выступают признаки, о которых нельзя сказать, что они выделяют из "парадигматического" посудного ряда именно рассматриваемую в статье реалию (свернутый конусом кусок бересты, используемый в качестве чашки или черпака в лесу или на покосе), при этом как на территории Русского Севера, так и на более южных территориях дериваты обоих гнезд активно функционируют в других значениях: *ле́йка* 'большая воронка из дерева или сплетенная из корней', 'ковш, черпак для выливания воды из лодки', 'банная шайка', 'водоворот в реке, воронка', *черпа́лка, черпа́ло, черпа́н* 'ковш' (СРНГ 16, 340–341; Даль[2] 4, 596; Опыт, 257, Картотека Словаря Рус. Сев.). Все сказанное позволяет предполагать, что дериваты гнезд *лить* и *черпать*, обозначающие обсуждаемую реалию, являются севернорусскими новообразованиями, возникшими в результате семантической деривации, а именно сужения, спецификации значения (если только мы не имеем дело с одним из денотатов более широкого значения, ошибочно зафиксированным в качестве самостоятельной семемы).

Безусловно, есть еще целый ряд исконных лсксем, зафиксированных в качестве обозначений рассматриваемой реалии в говорах Русского Севера, однако в этом значении они узколокальны и малочастотны. Это следующие образования: *берестя́нка, бычо́к, ду́дка, заще́почек, коробі́ца, ло́дочка, лото́к, подберу́шка, полоту́ха, сово́к, рогу́шечка, це́пчик, шкату́нка*. По-видимому, перед нами также новообразования, в большинстве случаев появившиеся на базе семантической деривации.

Итак, анализ репрезентантов рассматриваемого понятия – наскоро сделанного берестяного кулечка для питья – указывает на то, что оно базируется на заимствованиях. Таким образом, возвращаясь к этимологии севернорус. *пилик*, стоит учитывать большую вероятность его заимствованного происхождения.

Можно предполагать прибалтийско-финский источник лексемы. Ср. следующее гнездо: фин. *pilli* 'трубочка, трубка', 'гудок, свисток', 'дудка, свирель'[14], 'примитивный духовой инструмент', 'тростник, камыш или другое водное растение с полым стеблем', 'тонкая трубочка', *pilliheinä* 'пикульник, камыш', *pillike, pillikkä, pillikäs* 'гелеопсис', *pillis* 'то же; озерный тростник', *pilles* 'камыш', карел.-ливв. *pilli* 'трубка, флейта', эст. *pill* 'музыкальный инструмент; выдувная труба, трубка, трубочка, флейта, волынка', ливск. *pil'* 'музыкальный инструмент, флейта' (SKES, 564; SSA 2, 364–365). В плане семантики показательны следующие карельские диалектные дан-

ные: карел. *pilline* (диминутивная форма от *pilli*) 'трубочка', 'маленькая, в половину чашки, посудина', с контекстом о том, что на покосе (sic! – *О.М.*) дети пьют воду из такой посудинки[15].

Однако в силу изолированности последней из приведенных семем остается вопрос, не является ли она случайной в настоящем гнезде и стоит ли за ней именно та реалия, которая нас интересует. Высказанное сомнение базируется, прежде всего, на несоответствии формы трубки (ср. прибалтийско-финские данные) и формы конуса, воронки (ср. семантику севернорусских лексем).

Кажущееся несоответствие разъясняется при обращении к другим прибалтийско-финским гнездам с аналогичной семантикой. Материал показывает, что для финских языков характерна связь представлений о трубке и конусе, в основе которой лежит идея скручивания, сворачивания, ср.:

– фин. *käärö* 'сверток, узел, узелок; трубочка; свиток, рулон', *kääräistä* 'завернуть, обернуть; закутать, окутать', 'свернуть', 'развернуть', *kääräistä rullalle* 'свернуть в трубку'[16];

– фин. *turu* 'труба, трубка', 'рожок пастуха', карел.-ливв. *turu* 'пастушья труба из осины; трубочка, свиток, рулон, узел, сверток; катушка, бобина; папироса, сигарета' (SKES 1430), а также карел. твер. *turu* 'кулек; о чем-либо свернутом трубочкой', *turulleh* 'кульком, кулем'[17], карел.-ливв. *turuine* 'валок расчесанной шерсти в виде трубочки'[18];

– карел. *tutu* 'рожок, свернутый из куска бересты рог; игла для вязания сети', *tutuńe* 'детский рожок, трубка в сосуде', ливв. *dudu* 'детская соска', вепс. *tut* 'игла для вязания сети' (SKES, 1436), а также карел. твер. *tutu* 'рожок, детская соска', 'тряпка, намотанная на большой палец', 'овсяный блин, свернутый в трубочку'[19];

– фин. tötterö 'бумажный кулечек в виде воронки для разных мелочей; берестяная воронка, воронкообразный предмет, сверток, трубочка, свиток, узел, комок, пучок, связка; коробка', карел.-ливв. *tötterö* '(берестяная) воронка; детский рожок для молока; плохая, прохудившаяся вещь (например, о трубке, ружье)' (SKES, 1508); с этим гнездом соотносят и фин. *töttö* 'берестяной рожок, деревянная трубочка; соска; берестяной или бумажный кулек, фунтик, берестяная высокая посуда для ягод', *tötöttää* 'дуть или говорить в трубку или воронку', карел.-ливв. *töttö* 'соска, детский рожок для молока', 'клок, пучок; сверток, узел, узелок; трубочка; свиток, рулон ' (SKES, 1508; SSA 3, 364);

– фин. *torvi* 'труба, трубка'[20], *torwella* 'трубочкой (о рте, губах); клубком, свертком; свернутый или свернувшийся в трубку, в рулон (о ткани, холсте, бересте); валком (о траве)', *torvelo* 'длинный, узкий сверток; кулек, фунтик', 'продолговатая копна сена', *torvikko* 'деревянная посудина', *torvo* 'кулек, фунтик; трубкообразный сверток (из

ткани, бересты)', карел.-ливв. *torvi* '(берестяная) трубка; свиток ткани; трубочка', вепс. *tor̕v*, *torv* 'трубка', эст. *tõri, tõrv* 'деревянный рожок пастуха, берестяная трубка' (SKES, 1358; SSA 3, 313), ср. также карел.-ливв. *torvi* 'пастуший рожок', 'рулон полотна', *tuohiine torvi* 'берестяной рожок'[21] и карел. твер. *torvi* 'постав, рулон полотна', 'пастушья труба, рожок'[22].

Приведенные гнезда демонстрируют два основных аспекта в восприятии такой реалии, как трубка, получивших отражение в финских языках. Один из них, традиционный для русского сознания, связан с внешними характеристиками реалии – полый предмет, вытянутый в длину. На это указывают значения 'валок расчесанной шерсти', 'продолговатая копна сена', 'трубка в сосуде', 'о прохудившемся ружье' (ср. вытянутую форму ствола. – *О.М.*), 'деревянная посудина' (видимо, также вытянутой формы. – *О.М.*). Вместе с тем, очень ярко представлен еще один аспект восприятия, связанный со способом "изготовления": помимо обладания соответствующей формой, реалия осмысляется как полученная путем скручивания, сворачивания. На это указывают значения с актуализацией соответствующей семы: 'свиток, рулон, сверток', 'о чем-либо, свернутом трубочкой', 'свернутый из куска бересты рог', 'тряпка, намотанная на большой палец', 'блин, свернутый в трубочку' и др. Надо полагать, что появление таких частотных для рассматриваемых гнезд значений, как '(берестяной) пастуший рожок', 'рожок для кормления детей' произошло не без актуализации идеи сворачивания, закручивания, поскольку обе реалии изготовлялись путем скручивания бересты. То же можно сказать о различного рода воронках, фунтиках и кулечках. Таким образом, сопряжение семантики, связанной с разного рода трубками, и семантики, имеющей отношение к конусообразным предметам – воронкам, рожкам, фунтикам, обусловлено сходством представлений о трубках и воронках как о предметах, полученных в результате сворачивания того или иного материала.

Для последующей интерпретации семантики русских диалектизмов нелишне заметить, что идея свернутости, скрученности в финских гнездах может уходить в своем развитии достаточно далеко, вообще теряя связь с представлениями о трубке, ср. такие значения финских лексем, как 'узел', 'комок' и пр.

Возвращаясь к гнезду *pilli*, отметим, что, в отличие от остальных приведенных гнезд, в нем преобладает "внешний" аспект восприятия. Однако принимая во внимание сосуществование в других гнездах лексем, возникших на базе "внешнего" восприятия реалии, и лексем, в семантике которых актуализируется или даже преобладает идея закрученности, можно не только объяснить появление карел. *pilline* 'маленькая посудинка', но и предположить, что стоящая за

словом реалия может представлять собой именно скрученный воронкой берестяной кулечек.

В заключение рассуждений приведем еще одно уже общефинское гнездо, семантическая организация которого, пожалуй, наиболее близка к организации гнезда *pilli*. Ср.: фин. *putki* 'зонтичное растение, стебель зонтичных растений', *putkelo* 'глубокая узкая или цилиндрическая посудина; тюбик', *putku, putkula* 'тонкий трубкообразный предмет, например, длинный мешок, валок шерсти и пр.', карел. *putki*, карел.-ливв. *butki* 'ствол ружья; футляр, ножны', люд. *butki* 'зонтичное растение', вепс. *but'k* 'зонтичное растение', эст. *putk* 'труба, трубка; зонтичное растение', *putk* 'вытянутая в вертикальном направлении посуда для масла, молока или сливок', ливск. *putk̦* 'футляр, ножны; стебель', но ср. марийские параллели: мар. *put'ś*, *putš* 'зонтичное растение, стебель зонтичного растения; труба, рожок пастуха; ствол ружья' (SKES 662; SSA 2, 442–443). Прибалтийско-финские данные демонстрируют "внешний" способ восприятия реалии, в то время как марийское значение 'рожок пастуха' может базироваться и на ином типе видения объекта. В любом случае значение 'рожок пастуха' можно рассматривать как семантическую параллель карел. *pilline* 'маленькая посудинка', в том смысле, что оба этих значения "создают" те части гнезд, которые связаны с представлсниями о воронках.

Исходя из выявленных способов организации рассматриваемой семантики в прибалтийско-финских языках, становится понятной и логика семантической парадигмы севернорус. *пилик*. Семантика загибов, морщинок, помятостей на ткани, стянутости швов, шрамов на теле и пр., не сочетающаяся, на первый взгляд, с семантикой 'берестяной черпачок', вполне объясняется с опорой на идею скрученности, свернутости, как и семантика складок на одежде. Последняя, по всей вероятности, отражает также и "внешний", связанный с трубкообразной формой, аспект в восприятии реалии. Возможно, рефлексом широко представленного в этимологическом гнезде фин. *pilli* внешнего аспекта восприятия является и такой частный случай значения, как 'застроченная по всей длине внутренняя складка, делающаяся для ушивания одежды большого размера', представляющая собой не что иное, как зашитую трубочку.

Обозначение с помощью рассматриваемых лексем завязей морошки также отталкивается от идеи скрученности, завернутости: в состоянии завязей ягоды выглядят как завернутые, закрученные в листья. В плане семантической типологии ср.: фин. *suppu* 'трубочка; фунтик; незрелая морошка'[23], ср. также севернорус. *трубочки* 'о завязях морошки' (Картотека Словаря Рус. Сев.). Исходя из всего сказанного, в последнем примере можно видеть семантическую кальку какого-то финно-угорского источника.

Итак, можно предполагать, что этимонами севернорус. *пилик, пилка, пилотка* и пр. послужили дериваты прибалт.-фин. *pilli* в различных значениях. При этом обращает на себя внимание словообразовательный параллелизм карел. *pilline,* диминутивной, как уже говорилось, формы, образованной с помощью суф. *-ine*[24], и предполагаемых этимонов рус. *пилик, пилитка, пилутка.* В основе последних, по-видимому, также образования с диминутивными суффиксами, широко распространенными в прибалтийско-финских языках, ср. фин., карел. *-kko/-kkö*, вепс. *-k*; фин., карел., вепс. *-ut/-üt*[25]. Все сказанное позволяет предполагать также и исконный характер приведенного в начале статьи вепс. *pil'ik.*

Остальные русские формы могут интерпретироваться как результат словообразовательной или морфологической (варьирование по роду) адаптации.

При обращении к ареальной дистрибуции лексемы, как уже говорилось, выявляется ареал, охватывающий северо-запад Вологодской и юго-запад Архангельской области (с юга на север от оз. Кубенское до низовий Онеги и с запада на восток от оз. Белое до р. Кубена в среднем течении), в котором сосредоточен весь набор значений лексемы, а сама она зафиксирована здесь только в варианте *пилик.* Остальные варианты слова записаны за пределами названной территории и только с "посудной" семантикой. Возвращаясь еще раз к семантике русского диалектизма, нельзя не признать тот факт, что весь спектр значений слова находится в русле выявленных финских семантических закономерностей, в то время как интерпретация развития семантики на русской почве выглядит, по меньшей мере, не вполне убедительно. Предположение о заимствованном характере всего спектра значений слова поддерживается и отсутствием подобных семантических корреляций как у других северно-русских обозначений берестяных черпачков, так и у рассматриваемой лексемы за пределами названной территории. Такой характер семантической парадигмы с учетом сосуществования и локализации всех значений в очерченном ареале при одном плане выражения может указывать на субстратное происхождение слова на данной территории.

В заключение отметим, что следствием версии о заимствованном характере сев.-рус. *пилик* – самого распространенного репрезентанта понятия 'наскоро сделанный берестяной черпачок кулечком' – с учетом заимствованного происхождения остальных базовых репрезентантов является тот факт, что само понятие в идеографической сетке севернорусов оказывается заимствованным, то есть русские познакомились с рассматриваемой реалией при встрече с финно-уграми и тюрками и заимствовали у них не только слова, но и саму реалию, которую эти слова называют. Такая точка

зрения согласуется с отмеченным выше аналогичным характером понятия ‘сосуд из бересты цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой; туес’. Нельзя не заметить, что оба понятия объединяет представление о бересте как о материале, из которого можно создать герметичный сосуд при достаточно простой технологии его изготовления. Вполне возможно, что за заимствованием таких понятий, как ‘туес’ и ‘берестяной кулечек’, стоит “новый”, возникший под влиянием культуры аборигенов, взгляд русских пришельцев на бересту.

Примечания

[1] Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (грант МК-1603.2004.6).

[2] *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972, 417.

[3] О суффиксе *-l- и его вариантах в древнерусском языке см.: *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969, 76–77.

[4] Существует возможность образования отглагольных существительных, а также имен прилагательных с помощью суффикса *-*t*- или суффиксов структуры *гласный + *t*- (см.: *Варбот Ж.Ж.* Указ. соч., 78, 85, 86, 154, 158), однако в нашем случае ни глаголов, ни прилагательных в рассматриваемом гнезде не обнаружено.

[5] При этом степень разработанности того или иного понятия на базе а) исконной и б) заимствованной лексики определялась не количественными критериями, а с учетом распределения лексем по исследуемой территории. Так, в частности, показательным считалось наличие у лексем широкого ареала, в отличие от узколокального характера некоторых слов; рассматривалось также ареальное соотношение значений лексемы. Для исконной лексики учитывались и другие показатели: характер мотивационного признака, первичность/вторичность значения. В ходе такого анализа выявлялись предполагаемые 1) базовые и 2) небазовые репрезентанты, в частности, новообразования. Не вдаваясь сейчас в подробности методики лексического анализа, отметим лишь следующее: совершенно ясно, что критерии такого рода не могут быть применены при анализе отдельных лексем; однако, на наш взгляд, при системном подходе они становятся гораздо более показательными. Так, если среди репрезентантов какой-либо идеограммы десять являются заимствованиями с широкой территорией функционирования, а исконная лексика представлена десятью узколокальными словами, древность которых очень сомнительна (или хотя бы не бесспорна), и подобная картина повторяется для нескольких сходных понятий, то очень вероятно, что причиной такого распределения является их слабая разработанность на славянской/русской почве. Действительно, трудно предположить, что при хорошей разработанности понятия исконными средствами на столь обширной территории, каковой является Русский Север, все до единой исконные лексемы могут быть вытеснены заимствованиями. Вместе с тем, появление локальных исконных новообразований при широком распространении заимствований вполне естественно и, более того, обязательно в силу постоянной динамики лексической системы говоров. Для подтверждения предположения о

том, что лексема является новообразованием, учитывался ряд критериев, связанных с семантикой и внутренней формой лексемы, в частности, проверялось наличие у лексемы интересующего нас значения за пределами территорий контактов с финно-уграми.

[6] Предположение о тюркском источнике рус. *бурак* см. *Фасмер* I, 243; *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997, 145.

[7] Версию о волжско-финском происхождении рус. *бурак* см.: *Мищенко О.В.* К этимологии русского диалектного *бурак* // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции "Рябининские чтения – 2003"). Петрозаводск, 2003, 319–321.

[8] См.: *Матвеев А.К.* Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера. II // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002, 48.

[9] Лексема имеет саамский источник, см.: *Матвеев А.К.* Указ. соч., 48–49.

[10] Традиционную точку зрения о коми происхождении лексемы см. *Фасмер* IV, 115. См. также: *Лыткин–Гуляев* 285, 280.

[11] Авторы SKES приводят волжско-финские и пермские соответствия для рус. *кужа*, предполагая для русского диалектизма возможность финно-угорского источника, но сомневаясь все же в направлении заимствования (SKES, 138). Отметим, что география русской лексемы вполне согласуется с версией о ее волжских истоках. К предположению о финно-угорском источнике лексемы склоняется и С.А. Мызников, см.: *Мызников С.А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003, 176.

[12] Анализ существующих точек зрения на финно-угорские источники лексемы и новую версию ее происхождения см.: *Муллонен И.И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002, 294–304.

[13] Имееются в виду недочерние говоры.

[14] Финско-русский словарь. Сост. И. Вахрос, А. Щербаков. М., 1975, 465.

[15] Karjalan kielen sanakirja. I–V. LSFU. XVI. Helsinki, 1968–1997, IV, 290.

[16] Финско-русский словарь, 302.

[17] Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994, 309.

[18] Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990, 393.

[19] Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994, 310.

[20] Финско-русский словарь, 651.

[21] Словарь карельского языка (ливвиковский диалект), 385.

[22] Словарь карельского языка (тверские говоры), 301.

[23] Финско-русский словарь, 598. Фин. *suppu* – исконная лексема с первичной семантикой угла (SKES, 1124).

[24] О суффиксе см.: Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975, 63.

[25] О суффиксах см.: Там же, 64, 66–67.

Принятые сокращения

Картотека Словаря Рус. Сев. – Картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, Уральский государственный университет)

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

В. Орел

ИЗ ДРЕВНЕБАЛКАНСКИХ И ЦИРКУМПОНТИЙСКИХ ЭТИМОЛОГИЙ

Дак. διέσεμα

Это слово относится к числе наиболее известных дакийских глосс. В ряде исследований оно послужило основанием для далеко идущих выводов этногенетического и лингвоисторического характера, а потому, на мой взгляд, нуждается в детальной критической ревизии. Название растения διέσεμα 'Verbascum' (Diosc.) приводится как дакийский перевод греч. φλόμος (собственно, φλόγμος 'пламя'), ср. нем. Himmelbrand или Fackelkraut. Параллельный фрагмент псевдо-Апулея дает нам варианты *diessathel, diessachel u diesapter* (Pseudoap.).

Особый интерес этому слову придавало многократно повторявшееся предположение[1], что оно сохранилось как субстратный элемент в южно- и западнославянском названии травы (возможно, Verbascum), ср. болг. *дивизна,* диал. *дивизма* 'вид полевой травы', с.-хорв. *dìvizma* 'Verbascum thapsus L.', ст.-чеш. *divizna* 'название растения', чеш. *divizna* то же, слвц. (стар.) *divizna* то же (БЕР 5, 385 с литературой[2]). Однако никакой связи здесь, конечно же, установить нельзя. Славянский фитоним явным образом отражает праславянский диалектизм **divizna*, образованный от **divo* с суф. **-izna*, а формы на *-m-* естественно признать вторичными (ЭССЯ 5, 33). Этот частный случай полностью вписывается в более общий тезис: южнославянские (а тем более, западнославянские) языки, отражая крайне малочисленные раннеалбанские и восточнороманские заимствования, субстратной лексики древнебалканского происхождения не содержат вообще[3], что, разумеется, весьма существенно для понимания этнических условий, в которых происходила миграция славян на Балканы.

Греческие синонимы дак. διέσεμα, среди прочего – греч. λυχνῖτις, производное от λύχνος 'факел', и θρυαλλίς, собств. 'фитиль',

позволили Йоклю выдвинуть ставшую классической и общепринятой этимологию διέσεμα как продолжения и.-е. **dįues-eusm̥n*, где первая часть восходит к и.-е. **dįues-* 'небо' (основа ср. рода, как в др.-инд. *divasá* 'день'), а вторая – имя на *-men-* от и.-е. **eus-*, ср. др.-инд. *óṣati* 'гореть' (Pokorny I, 347–348)[4]. Попытки пересмотреть это толкование полностью или частично к удаче не привели[5]. Дополнительную весомость придали этимологии Йокля работы В. Георгиева, не устававшего во всех своих работах подчеркивать методическую важность мнимого и истинного перевода при интерпретации топонимов и глосс[6]. Вместе с тем, именно данная глосса и данная этимология оказались существенными для В. Георгиева в его (заметим здесь, весьма неудачной) попытке доказать близость историко-фонетических механизмов в дакийском и праалбанском – переход **eu* > *e*, действительно отмечающийся в албанском, находил более или менее точную параллель в данной этимологии дак. διέσεμα[7].

Между тем, этимология Йокля все-таки вызывает возражения, и довольно серьезные. Прежде всего, *s*-основа ср. рода **dįues-* не засвидетельствована широко и неизвестна в качестве первого элемента сложений. Нет достаточных оснований, чтобы предполагать для дакийского переход *-*sm-* в -*s-*. Наконец, весьма сомнителен постулируемый переход **eu* > *e*, для которого διέσεμα оказывается *единственным* заслуживающим упоминания примером. Главное же возражение заключается в том, что эта этимология объясняет только форму διέσεμα, оставляя в стороне все прочие известные варианты: *diessathel, diessachel* и *diesapter*. Правда, последняя форма может быть истолкована в духе связи *-apter* с греч. ἅπτρα 'фитиль', ἅπτω 'светить, гореть', однако это скорее объясняется как вторичная грецизация более старых и непрозрачных *diessathel* и *diessachel*, соотношение которых с διέσεμα и нуждается в этимологической интерпретации[8].

Возвращаясь по-новому к приему мнимого/истинного перевода, о котором шла речь выше, вопрос можно поставить так: какие этимологические выводы можно сделать из несомненного тождества διέσεμα и *diessathel* ~ *diessachel*? Сохраняя в общих чертах объяснение первого компонента обеих глосс, можно несколько модифицировать его, предположив в διε(σ)-, *dies-* не *s*-основу среднего рода, а скорее, форму генитива **dįues-* от и.-е. **d(į)iēus* 'небо, божество неба', ср. такой генитив как первую часть композита в греч. фесс. Διες-κουριαδεω (Schwyzer I, 547). Вторые компоненты διέσεμα и *diessathel* ~ *diessachel*, как я думаю, взаимопереводимы и продолжают две разных формы индоевропейского названия семени: в то время как в (διέ)σεμα можно видеть континуант **sē-mn̥*, ср. лат. *sēmen*, герм. **sēmōn* > д.-в.-н. *sāmo*, др.-прус. *semen*, лит. *semenỹs* 'льняное семя', слав. *sěmę, в *(dies)sathel* ~ *(dies)sachel* мы обна-

руживаем старое **sē-tlo-*, совпадающее с лит. sėklà 'семя'. Таким образом, значение διέσεμα и *diessathel* ~ *diessachel* – 'божье (или небесное) семя'.

Можно задаться вопросом, принадлежат ли обе формы к одному и тому же этноязыковому источнику. Это не исключено (как можно видеть на примере литовского, **sē-men-* и **sē-tlo-* вполне могут сосуществовать в одной языковой среде), но и совершенно не обязательно. Ведь классификация обеих глосс как дакийских в античных источниках вовсе не претендует на аккуратность и, в лучшем случае, лишь приблизительно указывает исходный ареал (а в худшем – дает совершенно искаженную картину, ср., например, фрак. σκάλμη 'меч', скорее всего отражающее герм. **skalmō* > др.-исл. *skálm* 'короткий меч', или дак. ῥαθιβίδα, вероятный кельтизм[9]). Эта особенность этнических привязок глоссового материала заслуживает того, чтобы постоянно о ней помнить – как применительно к дакийскому, так и во всех остальных случаях.

Дак. διέλλεινα

Это дакийское название белены зафиксировано как διέλλεινα (Diosc.), *dielina* (Pseudoap.). По аналогии со славянским названием белены (с достаточно проблематичной праславянской реконструкцией – **belnъ*, но и **belena*), которое традиционно считалось образованным от цветообозначения 'белое (растение)', что ныне, впрочем, убедительно оспаривается (ЭССЯ 1, 187), Дечев предложил уравнять διέλλεινα с арм. *deɫin* 'бледный'[10] < **dheleno-*. Эта эффектная этимология была полностью воспринята Георгиевым[11], для которого толкование Дечева оказалось особенно важным, ибо подкрепляло еще одну предположительную дако-албанскую фонетическую изоглоссу – переход краткого **e* в дифтонгическое *-ia-*, *-ie-*. Те сведения, которыми мы располагаем относительно хронологии и условий этого процесса в албанском (где такой переход бесспорно имел место)[12], настраивают на крайний скептицизм по отношению к каким бы то ни было сопоставлениям с дакийским. Сам дакийский материал, предположительно поддерживающий дифтонгизацию **e*, весьма ненадежен этимологически; хороший пример такой ненадежности – дак. κοτίατα, название пырея, якобы идентичное рус. *котята!*[13]

Сказанное, похоже, подталкивает к тому, чтобы отказаться от этимологии Дечева и поискать в ином направлении. Такую возможность, думаю, предоставляет бросающееся в глаза сравнение совпадающих первых частей в διέλλεινα и διέσεμα и *diessathel* ~ *diessachel*, из которого вытекает и кажущееся вероятным объяснение: διέλλει-

να продолжает *d̯iues-līnā, где второй компонент (который надо, видимо, толковать как сингуляризированный плюраль ср. рода) неотделим от индоевропейских названий льна, ср. греч. λίνον, лат. *līnum*, скорее всего, представляющих собой древнюю ближневосточную (египетскую) кальку[14].

Дак. πριάδιλα, τεύδιλα

Дак. πριάδιλα, πριάδηλα 'бриония' соответствует греч. βρυωνία μέλαινα, лат. *taminia* или *vitis alba* (Diosc.) и традиционно толкуется как сложение, первая часть которого πρια- восходит к и.-е. **pri̯io-* > др.-инд. *priyá-* 'любимый', авест. *frya-* то же, лат. *pro-prius* 'собственный', валл. *rhydd* 'свободный' (Bartholomae 1026; Walde-Hofmann II, 373–374; Mayrhofer II, 378–379; Pokorny I, 844), а вторая продолжает дакийское название травы – **dila* ~ **zila* < и.-е. **dhal-* 'расти, цвести'[15] или **ghel-* 'трава' = слав. **zelьje*[16].

Эта этимология имеет несомненные достоинства в том, что касается ее первой части, хорошо сооветствующей семантически характеру называемого растения. Несомненно в поддержку этого решения говорит и действительно встречающийся и хорошо вычленяемый второй компонент, несомненно присутствующий в других дакийских формах, ср., например. дак. δουώδηλα 'тысячелистник' (Diosc.) *diodela* id. (Pseudoap.), τεύδιλα 'дикая мята' и под. Впрочем, системное вычленение элемента **dila* ~ **zila* может оказаться и весьма обманчивым, как показывает, к примеру, случай дак. προπόδιλα, в котором есть все основания видеть основу **pro-pod-* и суффикс **-il-*[17]. Поэтому представляется позволительным пренебречь мнимой системностью в этимологии πριάδιλα, πριάδηλα в поисках возможного цельнолексемного соответствия. Таковым оказывается герм. **frijōđelō(n)* > др.-исл. *friðla* 'любимая, возлюбленная', д.-в.-н. *friudila* id., соотносительное с м.р. *frijōđelaz > др.-исл. *friðill* 'любовник, возлюбленный', др.-сакс. *friuthil* 'любимый', ср.-н.-н. *vridel* то же, д.-в.-н. *friudil* то же. Германская форма м.р., разумеется, точно соответствует слав. **prijatelь* 'друг, приятель, любимый', что несомненно определяет и происхождение герм. **-đ-* из **-t-*, и в то же время вполне удовлетворяет требованиям к семантике дакийской глоссы.

Если наша догадка верна и дак. πριάδιλα, πριάδηλα действительно тождественно герм. **frijōđelō(n)*, остается задаться вопросом: действительно ли перед нами дакийская форма? Не более ли правдоподобно видеть в πριάδιλα, πριάδηλα вполне аккуратную передачу прагерманской формы? И не является ли πριάδιλα, πριάδηλα одной из старейших фиксаций древнегерманского слова?

Аналогичный вопрос может быть поставлен и применительно к дак. τεύδιλα ‘дикая мята’ (Diosc.). Приятный запах мяты, мотивирующий, например, ее греческое название – καλαμίνθη – уже давно навел исследователей на мысль о связи τεύδιλα с гот. *þiuþ* ‘добро’[18], однако связь эта использовалась для объяснения первой части предполагаемого композита с тем же дак. **dila* ~ **zila* как вторым компонентом. Между тем, в τεύδιλα можно видеть либо цельнолексемное соответствие, либо, скорее, прямое отражение герм. **þeuđilō*, суффиксального производного от **þeuđjaz* > др.-исл. *þýðr* ‘добрый, приветливый, любезный’, др.-англ. *ȝe-þýðe* ‘хороший’, ср.-н.-н. *gediede* ‘благосклонный’[19].

Миз. μενδρουτά

Принятая ныне этимология миз. μενδρουτά·λειμώνιον ‘чемерица’ (Diosc.), основанная на текстуре листьев этого растения с прожилками и видящая в нем производное от и.-е. названия мяса **mēms-r-utā*[20], нуждается, на мой взгляд, лишь в некоторых – но довольно существенных – уточнениях. В то время как суть ее – связь с и.-е. **mēms-* – целесообразно сохранить, суффиксальное оформление в данном случае кажется выбранным *ad hoc*, просто для того, чтобы объяснить все слово в целом.

Между тем, удерживая в интерпретации μενδρουτά элемент **mēms-*, отразившийся, как я думаю, только в сегменте μεν-, целесообразно считать все слово в целом композитом, а вторую его часть – δρουτά возводить к и.-е. **dru̯itā* или, скорее, к **dro̯u̯itā*, целиком соответствующему греч. δροίτη ‘деревянная ванна’ и дакийскому топониму Δρουβητίς, собственно, *‘деревянное (поселение)’[21]. Эти формы продолжают одну из аблаутных разновидностей и.-е. **deru-* ‘дерево’.

Таким образом, μενδρουτά объясняется как композит **mēms-dro̯u̯itā* ‘растение с мясистыми прожилками’ vel sim.

Дак. ὄλμα

Эта дакийская глосса – название бузины – засвидетельствована в идентичных формах ὄλμα (Diosc.) и *olma* (Pseudoap.). Общепринятое объяснение предложено Томашеком[22], который выводил ὄλμα из и.-е. **u̯olmā*, к **u̯el-* ‘крутить’, ср. греч. ἔλυμος·αὐλός, ὅλμος ‘круглый камень’. Как и любая корневая этимология, эта в той же мере потенциально верна, в коей – и недоказуема. Возможен и иной подход, а именно – увязка дак. ὄλμα с индоевропейскими названиями вяза, в том числе, с лат. *ulmus* < **l̥mos*, герм. **elmaz* ~ **almaz* > др.-исл.

almr, др.-англ. *elm*, д.-в.-н. *elm* и со слав. **jьlьmъ* < **(u)l̥mos* (Walde-Hofmann II, 811–812; Pokorny I, 303; ЭССЯ 8, 222–223)[23]. Заимствование из латыни, видимо, следует сразу исключить ввиду различий в морфологическом оформлении. Начало дакийского слова может указывать как на старый слоговой **l̥*, так и на **ul-* (что может предполагаться для славянского слова или некоторых его вариантов). В семантическом плане соотношение значений 'бузина' и 'вяз' разительно напоминает пропорцию между слав. **bъzъ* 'бузина' и его предполагаемым индоевропейским источником – названием бука или дуба, ср. греч. φηγός 'дуб', лат. *fāgus* 'бук', герм. **bōkz* 'бук' > др.-исл. *bók*, др.-англ. *bóc*, д.-в.-н. *buoh* (Pokorny I, 107; Фасмер I, 184–185). Хотя эта этимология славянского названия бузины в последнее время оспаривается (Sławski I, 30–31; ЭССЯ 3, 144–145), параллелизм между нею и моим объяснением дакийского слова может свидетельствовать о правомерности обоих сопоставлений.

Греч. μίνθη, ἄχερδος

Греческое название мяты – μίνθη – наряду с другими этимологически туманными греческими формами (в том числе, многими названиями растений) остается необъясненным. Последняя серьезная попытка сплошной этимологизации подобных слов принадлежит В. Георгиеву[24], который, преодолевая сложившуюся с конца XIX в. традицию, видевшую в этом слое доиндоевропейские элементы[25], предложил новое их толкование как следов особого, отличного от греческого, индоевропейского языка – "пеласгского", предположительно близкого к фракийскому. Сегодня кажется несомненным, что в ряде случаев Георгиев был прав и выделенные им лексические элементы действительно имеют индоевропейские этимологии и характеризуются негреческими фонетическими чертами, ср., например, βαλιός 'белый' (древний македонизм?), ἴδη 'дерево', σῦς 'свинья' (македонизм?). Это, однако, не позволяет идентифицировать их как "пеласгские" и справедливо далеко не для всех таких слов (и тем более сомнительно поспешное отождествление пеласгского с фракийским) – некоторые из них оказались семитизмами или заимствованиями из анатолийского[26], другие так и остались без удовлетворительного толкования.

Эта последняя – весьма значительная по размеру – лексическая группа (преимущественно относящаяся к культурной лексике) по-прежнему ожидает надлежащего объяснения. Можно предполагать, что некоторая ее часть усвоена из языков восточного побережья Черного моря, в том числе, из северокавказского или его ранних продолжений. Убедительным примером является греч. πύργος 'башня', неясные отношения которого с герм. **burgz* > гот. *baurgs*

'замок, укрепление', др.-исл. *borg* 'холм, стена, замок, город', др.-англ. *burg* 'укрепление, замок, город', др.-фриз. *bur(i)ch* то же, др.-сакс. *burg* то же, д.-в.-н. *burg* то же (с надежными соответствиями в авест. *bərəz-* 'высокий', арм. barjr то же) привели Георгиева к этимологическому отождествлению греческого ("пеласгского") и германского слов (Frisk II, 630 с более ранними толкованиями)[27]. Между тем, греч. πύργος, скорее всего, отражает с.-кавк. **b̆orGw̄ʌ* 'сарай; башня' (последнее значение сохранилось в западнокавказском), прослеживаемое далее в урарт. *burg-ana-* 'башня, крепость'[28].

Подобный северокавказский источник можно предположить и для некоторых греческих названий культурных растений. Это прежде всего относится к названию груши ἄχερδος (Frisk I, 199), сравнение которого с алб. *dardhë* 'груша' следует отклонить[29]. Значительно более вероятной представляется интерпретация ἄχερδος как заимствования из вост.-кавк. **qH̄ürdi* 'груша' > лак. *qulrt*, арч. *χlert*, которое представляет собой суффиксальное образование от с.-кавк. **qH̄üre* то же[30].

Наконец, такого же происхождения, вероятно, и загадочное греч. μίνθη 'мята' (Frisk II, 241–242), которое я объясняю как отражение северокавказского названия крапивы **mȟänc̱ɪ* (в лезгинском также – 'съедобные травы')[31]. Сходство подчеркивается в данном случае сходством кулинарно-медицинских функций мяты у греков и кулинарной роли крапивы на Северном Кавказе.

'Кормилица Черного моря'

В блистательном этюде О.Н. Трубачева[32], открывшем серию его – в разной мере убедительных – исследований по индоарийским следам в Северном Причерноморье, была предложена интерпретация относящейся к Азовскому морю глоссы Плиния *temarundam matrem maris*. По предположению Трубачева (с опорой на некоторые предшествующие работы), туземное *temarunda-* членится на *tem-* 'черный, темный' (как в др.-инд. *tám-as-* 'тьма'), *arun-* (к хетт. *aruna-* 'море', др.-инд. *árṇa-* 'волна, вал, прилив') и *da-* (именная форма, восходящая к и.-е. **dhē(i)-* 'кормить, вскармливать'). Согласно этому объяснению, суммарное значение *temarunda-* – 'кормилица Черного моря', что прекрасно соответствует переводу Плиния. Нерешенной проблемой, конечно, остается этнолингвистическая привязка этого интересного слова: автор этимологии предпочитал видеть в *temarunda-* индоарийский элемент; мне же представляется более перспективной связь его с другими поздними малоазийскими элементами северно-причерноморской топонимики, в том числе, с названием местности *Артек*[33].

Этимология *temarunda-* может теперь получить, как я думаю, важное дополнительное подтверждение, для чего нам придется обратиться к областям, находящимся на противоположном берегу Черного моря, буквально *напротив* Меотиды, а именно к ареалу распространения фригийского языка и языков его анатолийских соседей. Здесь наше внимание привлекает название Тембрия (Τέμβριον, Τέμβρις, *Thymbris* по Стефану Византийскому и Плинию), фригийского города и, одновременно, самого крупного притока одной из самых значительных рек региона – Сангария. Верховья и среднее течение Сангария и Тембрия – зона многочисленных памятников старо- и новофригийского письма; о языках и населении нижнего Сангария мало что известно. Ясно, однако, что именование основного водного потока Сангарием, а не Тембрием – весьма обычный случай произвола географов. Вся река – от истоков Тембрия и до впадения в море – может рассматриваться как Тембрий.

На берегу верхнего Тембрия, во фригийском городе Дорилае (Dorylaion), находится плита с неоднократно публиковавшейся новофригийской надписью № 48[34]. Ее текст (после разбиения на слова) выглядит следующим образом:

$_1$ειτω νιουμενοσ $_2$ νι οισ ιοσ ναδροτοσ $_3$ ειτου μιτροφατα $_4$ κε μασ τεμρογε ιοσ κε πουντασ $_5$ βασ κε ενσ ταρνα $_6$ δουμω κε οι ουω $_7$ βαν αδδακετ ορου

Не стремясь осуществить здесь анализ всего текста и отсылая читателя к синтаксическим и грамматическим деталям интерпретации (в частности, понимания βασ = 'то бишь, дескать') в другом месте[35], остановимся только на содержании строк 3–6, благо как синтаксис, так и значительная часть лексики в этом отрывке известны: ειτου μιτροφατα κε μασ τεμρογε ιοσ κε πουντασ βασ κε ενσ ταρνα δουμω κε. Это предложение может быть переведено следующим образом: "Да будут как в ..., так и в совете (δουμα) Митропата (божество иранского происхождения, ср. *mitra-pata*) и Μας Τεμρογε, который же (есть) Πουντας".

Μας Τεμρογε, видимо, божество, выступающее в паре с теонимом Μιτροφατα. Μας – синтаксический центр этого словосочетания с подчиненным ему генитивом Τεμρογε, поясняемым тут же как Πουντας. Что касается Μας, то этот теоним неотделим от малоаз. Μᾶ, Μᾶς 'богиня-мать', ср. также греч. вок. μᾶ γᾶ = μῆτερ γῆ 'мать-земля' и μαῖα 'мать'. Что касается Πουντας, то это, по-видимому, передача греч. ὁ Πόντος 'Черное море' с характерным для позднефригийских памятников переходом краткого *о* в *и*. Некоторую трудность может вызвать появление *ā*-основы во фригийском слове, что, однако, может объясняться как необходимостью согласования с Μας, так и общей морфологической тенденцией фригийских па-

мятников переводить некоторые *o*-основы в *ā*-основы, ср., например, ст.-фриг. *lava*- 'народ, войско' как соответствие греч. λαός.

Мы можем теперь перейти к Τεμρογε – синониму Πουντας. Его связь с названием реки Тембрий несомненна и позволяет видеть в Τεμρογε старый композит, первая часть которого, τεμρ-, продолжает и.-е. **temsro*- 'темный' > др.-инд. *tamsra*- или **temro*- то же > > др.-инд. *tamrá*-. Второй компонент -ογ- может быть отождествлен с соответствующей частью "карийского" эпитета Зевса 'Οσ-ογῶ, глоссированного в древности как Ζηνο-ποσειδῶν (Eust.). Согласно Кречмеру[36], 'Οσ-ογῶ означает божество 'неба и моря', так что элемент -ογ- (малоазийского или собственно фригийского происхождения) может быть с достаточной долей вероятности интерпретирован как слово со значением 'море'. Дальнейшая его этимология[37] (к др.-исл. *vágr* 'море', *wāg* 'волна, вал'?) не столь существенна для анализа цепочки фригийских имен собственных. В любом случае, словосочетание Μας Τεμρογε, то есть Πουντας нельзя понять иначе как 'мать (кормилица) Черного моря, то есть Понта' – фраза, разительно напоминающая Плиниевское *temarundam matrem maris*, но относящаяся к источнику черноморских вод на противоположном (южном) берегу того же морского бассейна. Оба толкования, взаимно укрепляя друг друга, одновременно заставляют нас задаться вопросом, какие культурные и этнические связи могли вызвать к жизни и распространить эту необычную метаформу. Но это уже тема для другой работы.

Примечания

[1] Так уже у Томашека – *Tomaschek W.* Die alten Thraker // Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. CXXX. 1893, 32.

[2] Однако -*m*- здесь почти наверняка вторично.

[3] См. уже: *Орел В.Э.* Состав и характеристика субстратного фонда балканославянских языков. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 1980.

[4] *Jokl N.* // Eberts Reallexikon. XIII, 287.

[5] Так, предложение Дечева (*Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, 547) выводить вторую часть сложения -εμα из и.-е. **i̯em*- 'держать' только ослабляет семантические подпоры этимологии Йокля, слегка подправляя вытекающие из нее формальные сложности, о которых см. ниже.

[6] См.: *Georgiev V.* Introduction to the History of Indo-European Languages. Sofia, 1981, 108–111.

[7] *Georgiev V.* Op. cit., 110–111.

[8] *Detschew D.* Ibid. предложил отождествить второй компонент *diessathel* ~ *diessachel* с лит. *sótis* 'сытость, насыщение' и др.-ирл. *sāith* 'сытость', что едва ли может быть принято по семантическим соображениям.

[9] См.: *Орел В.Э.* Об интерпретации древнекельтских глосс // Язык и культура кельтов. М., 1988, 37–39.

[10] Detschew D. Op. cit., 546.

[11] Georgiev V. Op. cit., 121–122.

[12] См.: *Orel V.* A Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Leiden, 2000, 3–6.

[13] *Georgiev V.* Op. cit., 122. Столь же неудачно ключевое для постулированной дифтонгизации старого **e* в дакийском объяснении дак. σκιάρη 'чертополох' из и.-е. **sker-* 'резать' (*Georgiev V.* Op. cit., 123). Вероятнее всего, перед нами грецизм, субстантивированная форма ж.р. от греч. σκιαρός, σκιερός 'тенистый'.

[14] Об этом см.: *Orel V.* Indo-European Notes // IF, 100, 1995, 116–128.

[15] *Detschew D.* Op. cit., 556.

[16] *Georgiev V.* Op. cit., 121.

[17] *Detschew D.* Op. cit., 557.

[18] См.: *Hirt H.* Die Indogermanen. II. Strassburg, 1907, 593; *Detschew D.* Op. cit., 561.

[19] См.: *Heidermanns F.* Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive. Berlin; New York, 1993, 621–623.

[20] *Georgiev V.* Op. cit., 125.

[21] Разумеется, прямое сравнение Δρουβητίς с алб. мн.ч. *drutë* 'деревья', предложенное Георгиевым, неприемлемо, так как алб. *-të* – формант мн.ч., а не суффикс (*Georgiev V.* Op. cit., 123).

[22] *Tomaschek W.* Op. cit., 34.

[23] Структура корня в славянском остается неразъясненной.

[24] См.: *Georgiev V.* Vorgriechische Sprachwissenschaft. Sofia, 1941, passim и многие более поздние работы того же автора.

[25] См.: *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896; *Idem.* Die protindogermanische Schicht // Glotta. XIV, 1925, 300–319.

[26] См.: *Georgiev V.* Introduction to the History of Indo-European Languages. Sofia, 1981, 100.

[27] Ср., например. греч. ἀσάμινθος 'ванна', продолжающее не **âkmen-* 'камень', а аккад. *nemsētu*, диал. (угарит.) *namsītu* 'умывальный таз' (см. *Szemerényi O.* Scripta Minora. III. Innsbruck, 1987, 1575).

[28] См.: *Nikolayev S.L., Starostin S.A.* A North Caucasian Etymological Dictionary. M., 1994, 311. Об урартском слове см. также: *Diakonoff I.M., Starostin S.A.* Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language. München, 1986, 18.

[29] См.: *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998, 56 (с литературой).

[30] *Nikolayev S.L., Starostin S.A.* Op. cit., 893.

[31] *Nikolayev S.L., Starostin S.A.* Op. cit., 808.

[32] *Трубачев О.Н.* Temarundam matrem maris. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Античная балканистика. 2. Предварительные материалы. М., 1975, 38–39.

[33] Вопреки предложенному объяснению из индоарийского (*Трубачев О.Н.* Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология 1979. М., 1981, 112–114), этот топоним все-таки лучше всего может быть понят в свете хетт. *ḫatagga-* 'медведь'.

[34] См.: *Haas O.* Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966, 171.

[35] Более подробно см.: *Orel V.* The Language of Phrygians. Ann Arbor, 1997.

[36] *Kretschmer P.* Varuna und die Urgeschichte der Inder // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, XXXIII, 1933, 14.

[37] Сюда же, видимо, относится и любопытное название мифической реки Океан – Ὠγήν (Hes.), что может потребовать и этимологического анализа греч. Ὠκεανός.

Б. Островский

ПРАСЛАВ. **SVĘТЪ*

(семантический анализ некоторых славянских лексем)[1]

Целью настоящего исследования является выяснение судеб некоторых важнейших лексем, содержащих праслав. корень **svęt-*, на территории Славии, а также определение словообразовательных и семантических параллелей в отдельных языках.

Лексический материал, извлечённый из доступных мне исторических словарей, словарей литературного языка, а также диалектных, оказался необыкновенно внушительным, так что полное обсуждение вопроса – в силу определённых редакционных требований – является невозможным. Тем не менее я постараюсь остановиться на наиболее интересных моментах, с которыми мне пришлось столкнуться в ходе разработки отдельных словарных позиций.

Сначала я намеревался подойти к анализу материала "традиционным" (скажем условно) для "Праславянского словаря" способом, то есть используя сравнительно-исторический метод. Однако я пришёл к выводу, что строгое соблюдение этих правил значительно обеднило бы картину целого и не исчерпало бы вопроса ввиду наличия богатого, сложившегося в течение веков этнокультурного фона. Таким образом, передо мной встала, с одной стороны, задача извлечения из множества форм и значений самого древнего лексического слоя, с другой стороны, задача определения наиболее вероятной последовательности семантического развития соответствующих слов на протяжении веков. Уже здесь я должен подчеркнуть, что эти задачи были не из лёгких, тем более, что речь шла о духовно-религиозной лексике. Ведь общеизвестно, что одновременно с введением христианства на языческих славянских территориях значительная часть лексики, связанной ранее с господствовавшим здесь политеизмом, была перенята и подчинена новой религии. Свидетельства этого содержатся в древнейших памятниках славянской письменности, а в более поздние века – в развивающейся литературе, как религиозной, так и светской. Старые формы приобретали новое содержание, при этом исходные коннотации отдельных слов сначала приглушались, а со временем – утрачивались.

Насколько диалектный материал, часто являющийся сокровищницей и пристанищем наиболее старых форм и семантики, имеет существенное значение для реконструкции древней лексики, настолько, когда речь идёт о сфере *sacrum*, помощь диалектов нередко оказывается просто бесценной. Хотя сначала христианство с трудом проникало в низшие социальные слои, всё-таки на протяжении

веков укоренившаяся в памятниках религиозная терминология “нового качества” должна была в конце концов утвердиться в сознании христианизированного народа. Этот тезис, похоже, подтверждается собранным мною диалектным лексическим материалом с корнем *svęt-. И хотя в небольшом количестве, но известны также примеры слов, не отмеченных печатью христианства[2], которые бросают лучик света на исходную семантику. Об этом будет речь в дальнейшем.

При реконструкции исходной формы или значения лексемы существенную информацию предоставляют в распоряжение исследователя данные родственных индоевропейских языков. Так вот, утратой континуантов и.-е. *deiu̯o-s ‘бог (божество)’ (которое продолжают лат. *deus*, др.-инд. *dēvá*, лит. *diẽvas*, др.-прус. *deiwas*) в праславянском объясняется факт использования в литературной религиозной традиции континуантов праслав. лексемы *bogъ для передачи смысла лат. *deus* применительно к христианскому Богу. Лишь отсюда слово распространилось и закрепилось именно с этой, уже монотеистической коннотацией в отдельных диалектах. Следует подчеркнуть, что праславяне лексемой *bogъ называли, по всей вероятности, каждого своего бога (т.е. божество, божка), что-л., чему (а может быть, скорее кому) молились, чему (кому) приносили жертвы. Как было показано, это значение развилось из агентивного ‘наделяющий’, отсылающего к названию результата действия от и.-е. *bhag- ‘наделять’. Лишь в следующем порядке значение развилось в направлении ‘наделяющий богатством, счастьем’ → ‘даритель’ → ‘господин’ → ‘Бог’, что – помимо славянских – подтверждают данные других языков: др.-инд. *bhág-* ‘наделяющий, даритель, господин; эпитет некоторых божеств’, а также иранские: авест. *baγa-*, ст.-перс. *baga-* ‘господин, Бог’ (SP I, 296).

После этого введения я приступаю теперь к основной задаче, каковой является представление славянских лексем, содержащих континуанты праслав. корня *svęt-, соответствиями которого являются: лит. *šveñtas*, др.-прус. *swenta-*, авест. *spənta-* ‘святой’ (с переходом *sv- → sp-). Все эти формы продолжают и.-е. корень *k̑u̯en-tó-: *k̑u̯e-tó- ‘славить, прославлять; праздновать’ (ср. также: лтш. *svinēt* ‘славить’, др.-инд. *śuná* ‘счастье, успех’; Pokorny I, 630; Trautmann 311; Vasmer II, 597–598). А. Глухак в поисках этимологических продолжений доказывает, что континуантами и.-е. корня *k̑wen- являются др.-инд. *śvantáh* ‘процветший’, авест. *spanah* ‘святость’, ст.-осет. (compositum) *fsand-ārt* ‘святой огонь’, след которого содержится в названии священного места в Скифии – *Pseudartáké* (на что как будто указывает запись Стефания Византийского **Psendartákē*), осет. *Avzändäg*, имя божества (< иран. *spantaka-), сак. (скиф.) *śśandaā* ‘святая’ (< иран. *śuantā*), гот. *hunsl* ср.р. ‘жертва’[3], др.-англ. *húsl*

'жрец, совершающий жертвоприношение' (*ḱwn-slo-), тох. А *kāsu* 'благой, добрый' (< *ḱwōn-s-), тох. Б *kwänts-, *kwa(m̥)ts-* 'твёрдый, крепкий, сильный; дорогой, милый' (< *ḱun-s- или *ḱwen-s-)[4].

Основное в нашем материале прилагательное *svętъ располагает континуантами во всех славянских языках. В порядке представления, принятом в "Праславянском словаре", они таковы: польск. *święty* (с конца XIV в.; ср. самые старые формы: *święt* : *świąt*, Sł. stpol. VIII, 72–77), полаб. *sjǫtě* (Polanski V, 713–714), н.-луж. *swěty* (Muka II, 583), в.-луж. *swjaty* (конец XVI в.[5], Pfuhl 694), чеш. *svatý*[6] (PSJČ V, 918–919), словац. *svätý* (с XV в., Histor. sloven. V, 571; SSJ IV, 356–357), словен. *svét, -a, -o* : *svȩ̑t* : *svét* (SSKJ IV, 1023–1024), с.-хорв. *svêt* (с XII в., RJA XVII, 194–201), ст.-слав. **свѧтъ** : **свѧтыи** (SJS 36, 42–44), болг. *свет* : *свети* (РБЕ III, 158), макед. *свет* (Конески III, 156), др.-рус. **свѧтои** : **свѧтыи** (с XI в., СлРЯ XI–XVII вв. 23, 210–213), рус. *святой* (ССРЛЯ 13, 468–471), укр. *святий* (поэт. также *свят*) (Словн. укр. мови IX, 101–103; Словн. ст.-укр. мови XIV-XV ст. 2, 327–329: **свѧтыи** : **святыи** : **свѧты**, с XIV в.), блр. *святы*[7].

Собственно, все приведённые здесь прилагательные характеризуются новой, сложившейся уже под влиянием христианства семантикой. Однако, по мнению некоторых этимологов, в эпоху славянского язычества (но также, вероятно, и раннего христианства) это прилагательное могло обладать более широким семантическим диапазоном и, по всей вероятности, употреблялось применительно ко всякого рода сверхъестественным силам и явлениям, а также к людям, отличающимся незаурядной силой и нечеловеческими способностями. Следы этого значения, находящего свою семантическую параллель в приводимых Глухаком тох. Б *kwänts-, kwa(m̥)ts-* 'твёрдый, крепкий, сильный'[8], исследователи усматривают в древних сложных именах. Праславянским происхождением характеризуются такие собственные имена, как **Svętomirъ* (польск. *Świętomierz*, чеш. *Svatomir*), **Svętopl̥kъ* (польск. *Świętopełk*, чеш. *Svatopluk*, др.-рус. *Святополк*), **Svętoslavъ* (др.-рус. *Святослав*, польск. *Świętosław*, чеш. *Svatoslav*) или **Svętovidъ*, которые упоминают различные исторические источники. Так, например, легендарный моравский правитель *Svatopluk*, по мнению В. Махека (Machek² 594), – не кто иной, как человек "**svatopluký**", то есть такой, в распоряжении которого были с и л ь н ы е , к р е п к и е полки. Такая интерпретация не лишена оснований, ведь вооружённые силы были основным определителем могущества и положения правителя. В свою очередь, М. Фасмер (Vasmer II, 598) интерпретирует др.-рус. имя *Святополк*[9] (упоминаемое хотя бы Нестором-летописцем) как 'e. frommes Heer habend', что О.Н. Трубачёв в переводе словаря на русский язык передаёт как 'имеющий **благочестивое** войско' (Фасмер III, 585), то есть 'имеющий военные отряды' здесь скорее 'правоверные', чем 'богобояз-

ненные' или 'набожные'. По моему мнению, в праслав. имени *Svętoslavъ содержится пожелание, чтобы лицо, которое его получит, прославилось своей силой, мощью. Вероятно, такими соображениями руководствовалась княгиня Ольга, жена Игоря, давая своему сыну имя *Святослав*. Если верить летописцам, он был создан для занятий, связанных с военным делом, славился командирским искусством, что подчёркивали также его противники – греки[10]. О том, что здесь не следует усматривать значения 'прославься святостью' (с христианской коннотацией), свидетельствует тот факт, что, хотя княгиня была крещена за много лет до официальной даты крещения Руси, это произошло уже после рождения сына. Впрочем, сам Святослав был закоренелым язычником, и на этой почве возникали столкновения между ним и матерью, которая – как христианка – пыталась склонить его к принятию новой веры. Парадоксом является то обстоятельство, что именно Ольга и её внук, то есть сын Святослава, князь Владимир, были вознесены на алтари, получив почётное звание равноапостольных святых, а сам Святослав (в имени которого содержится магический корень *svet-) остался до конца жизни непоколебимым в своих языческих убеждениях.

По мнению П. Скока, внимания заслуживает также имя славянского языческого божества *Svętovidъ, которое на Балканах в период христианизации сменилось культом *святого Вида*, на что указывает топоним *Vidova gora* на острове Брач (Skok III, 370–371). Следы исходного значения 'с и л ь н ы й ; м о г у щ е с т в е н н ы й , в л а с т н ы й ' усматривает этот хорватский этимолог также в румынском славизме *sfînt*, который, помимо 'святой', значит также 'с и л ь н ы й, отличающийся с и л о й, такой, который может помочь, приносящий п о м о щ ь' (ibidem)[11].

Ещё одним лингвистическим аргументом в пользу предположения о том, что праслав. прилагательное *svętъ и дериваты, базирующиеся на этом корне, ранее обладали несколько более широким семантическим диапазоном, являются сохранившиеся – особенно в русских и украинских диалектах – слова. Эпитетом *svętъ, *svęta, *svęto, означавшим 'с и л ь н ы й , к р е п к и й , м о г у ч и й , н е п о к о л е б и м ы й', определяли каждое сверхъестественное существо (часто мифическое, стоящее на границе двух миров – мира действительности и мира фантастики, магии), существо, к которому обращались с просьбами, которому даже совершали жертвоприношения, обычно, впрочем, из опасения перед потенциальной возможностью употребления им своей чрезвычайной силы. В южнорусских говорах окрестностей Орла ещё в XIX в. словом *святоша* называли н е ч и с т у ю с и л у , б е с а ('нечистый, бес, который является о Святках тому, кто рядится, накладывая на себя рожу' (Даль[3] IV, 95)[12]. В свою очередь, на севере, в архангельских говорах ещё во

второй половине XX в. было отмечено слово *святок* для обозначения чёрта и водяного (ср.: *Святки* не тащат в воду). Так же и на Урале, где "На *святые* вечера дурили мы: детишек пугали: «Смотри, *святка* схватит за пятку...»" (СРНГ 36, 343). Сверхъестественную, хотя обычно пагубную для человека силу народная демонология приписывает также русалкам. Одно из старых, несомненно восходящих к языческим временам их названий – *святьóха, -хи* ж.р.[13] – сохранилось в северноукраинских говорах (Гринченко IV, 111; окрестности Чернигова). Также польское слово *święcica*, прежде чем получить новый смысл 'святая угодница', а со временем даже приобрести пейоративное значение 'ханжа, святоша', было определением 'русалки, водяной нимфы', ср.: Wy gajowe *święcice*, wasze dary opiewam, dryjady dziewice (Варшавский словарь VI, 784). Может быть, свидетельством такого значения являются относящиеся к XV в. старопольские composita, означающие 'предсказателя, прорицателя', такие, как *świętogusiedlnik, świętoguślec, świętoguślnik* (Sł. stpol. VIII, 70), и, возможно, также название языческого гулянья накануне дня Ивана Купалы, сохранившееся в Познанском воеводстве в форме *święte ognie* (Karłowicz V, 369).

Интересные сведения обычно предоставляет в наше распоряжение ономастический материал. Это относится и к рассматриваемому здесь вопросу, хотя в некоторых случаях ситуация не вполне ясна. Насколько польские гидронимы, такие, как *Jezioro święte* (ср. *Jezioro święte* pod Gnieznem toż ma być, w którym bałwany pogańskie topiono; Linde V, 528) и *Święta rzeka* в Вилькомирском повяте (ibidem) не только кажутся старыми, но также являются несомненными континуантами праслав. **svętъ*, настолько же многочисленные белорусские топонимы (ср. *Святоя балота*, обширная трясина, болото в окрестностях Скиделя на Гродненщине, *Святоя возера*, название озера на Гомельщине, *Святоя азярко*, название озера на Витебщине, *Святоя балота,* никогда не замерзающее озеро[14] (в настоящее время – место добычи торфа) в с. Стрельцы на Гродненщине или же *Свяцец*, торфяник на Минщине[15]) уже такой стопроцентной достоверности при реконструкции праформы не дают, ибо в этом языке рефлекс *я* может быть континуантом праслав. **ę*, но также и (по крайней мере в некоторых позициях) праслав. **ě*. Аргументом в пользу возведения этих названий к праслав. **svęt-* может быть наличие точных соответствий в польском языке (ср. вышеприведённый пример), равно как и в русском (*Святое озеро* в районе Северной Двины; ср. также владимирское *святик* 'родник, колодец', СРНГ 36, 343)[16].

Как я уже упомянул ранее, лишь христианская традиция выдвинула на первый план исключительно позитивный аспект сверхъестественных сил, ограничивая или прямо предназначая термин **svętъ* для подчёркивания одного из атрибутов Бога в новом,

уже монотеистическом измерении. Это подтверждают данные всех славянских языков, в которых единоличный некоторым образом, но по существу – единый в Троице Бог обладает атрибутом ‘святости’ (иначе говоря ‘всемогущества’), ср. ст.-слав. (Euch.) **прѣобраѥжениѥ ст҃ѣи ѥдиносѫщьнѣи троици**, польск. *święty* Boże, *święty* m o c n y, *święty* a nieśmiertelny, рус. *святой* Боже, святой к р е п к и й, *святой* и бессмертный, блр. *святы* Божа, *святы* м о ц н ы, *святы* і бессмяротны. Третья ипостась Бога, то есть Дух, во всех языках выступает неразрывно в устойчивом словосочетании – кальке лат. *Spiritus Sanctus*, ср. польск. *Duch Święty*, в.-луж. *Swjaty Duch*, болг. *Свети дух* или рус. *пре-святый дух*. Атрибутом святости славяне-христиане наделили также Марию, но в этом случае, в силу того что она является матерью самого Иисуса Христа – второй ипостаси Бога, эта ‘святость’ была дополнительно выдвинута на первый план с помощью соответствующих словообразовательных или стилистических средств. В польском языке по отношению к Богородице помимо основной формы прилагательного *święta* (ср. *Panna/Panienka Święta*, *Święta Dziewica*) употребляется суперлатив, обычно – усиленный префиксом *prze-*, отсюда – уже накрепко сросшееся выражение *Matka Przenajświętsza* (форма *najświętsza* была употреблена в формуле всеобщей исповеди: “Przeto błagam *najświętszą* Maryję, zawsze dziewicę...”), в русском же языке основная форма прилагательного усилена префиксом *пре-*: *пресвятая* дева Мария, Богородица. Таким образом, как следует из вышесказанного, прилагательное ‘святой’ по отношению к Богу (или какой-либо из его ипостасей) было использовано для передачи смысла лат. *sanctus, sacer, divinus, Domini* (gen.), *benedictus*, m a g n u s, греч. ʿάγιος, πανάγιος, θεῖος,τοῦ κυρίου (, μ έ γ α ς). Этим же прилагательным калькировали лат. *sanctus, sanctissimus, beatus, sacer* или же греч. ʿάγιος, ʿαγιώτατος, μακάριος, ʿόσιος, σεβαστός, относящиеся к лицам, признанным в христианстве святыми и вознесённым на алтари. Из древнейших памятников славянской письменности мы узнаём, что в кругу святых находятся родители Богородицы, ср. ст.-слав. **ст҃ыѥ акимъ и анна** (As.), а также: **ст҃ыи сумеонъ** (Ostr.), **свѧтыи антонии** (Supr.), **свѧтыи исаки(и)**, **свѧтыи паулъ** (Supr.). Этот пантеон святых в церквях обеих конфессий с течением времени постоянно расширялся. Более того, каждый славянский народ помимо общехристианских святых, будь то католических или православных, особенно почитал своих местных божьих угодников. Российский знаток вопросов славянской мифологии и обычаев С.М. Толстая подчёркивает, что “культ *святых* лежит в основе народного календаря. Имена святых (часто в трансформированном виде) служат названиями праздников, а сами святые воспринимаются как персонифицированные праздники”[17]. Так же обстоит дело и в случае с названиями храмов. В польском языке вместо полных на-

званий, т.е. *kościół (bazylika) pod wezwaniem Św. Anny, Św. Św. Piotra i Pawła* и т.п. в разговорной речи употребляются эллиптические выражения *Św. Anna, Św. Św. Piotr i Paweł*, ср.: Jutro jest msza u *Św. Anny*. Сложные прилагательные наподобие польск. *świętojański*, относившиеся сначала ко дню покровителя, со временем стали компонентами многочисленных названий. В чешском языке их используют именно в названиях сакральных построек, ср.: *svatojirský, svatohaštalský (kostel), svatohavelský klášter* (PSJČ V, 912). Они являются составными частями некоторых народных ботанических и зоонимических названий. Польск. *dziurawiec* 'Hypericum' иначе называется *ziele świętojańskie*, вокруг которого, как сообщает С.Б. Линде, "pospólstwo ma zabobonów wiele, osobliwie ażeby go zbierać w południe na Św. Jana" (Linde V, 526); ср. также *świętojańskie jabłka* 'райские яблоки' (ibidem). *Świętojanki* это или 'смородина' (Sychta V, 195), или 'сорт груш' (Karłowicz V, 369), или же 'ранний красный картофель' (ibidem, Куявия); ср. также чеш. *svatojanský chléb* (*žito*) 'сорт зерновых' (Jungmann IV, 387). Среди зоонимов должны быть упомянуты польск. *robaczek świętojański*, иначе говоря *świętojanek*, или же 'обыкновенный жучок светлячок' (Karłowicz l.c.) и чеш. *svatojánka* м.р. = *svatojanská muška* то же (Jungmann l.c.). Сложные прилагательные этого типа в некоторых языках (особенно западнославянских) стали самостоятельными названиями месяцев, ср. польск. (с территории Кашубии) *świętojański* 'июнь' (иногда также 'последняя неделя июня' или 'июль до самого дня св. Якуба', Karłowicz l.c.), *świętomichalski* 'сентябрь', *świętomarciński* 'ноябрь' (Sychta l.c.), словац. *svätojurský mesiac* (*swatogursky mesyc*, XVIII в.) 'апрель' (Histor. sloven. V, 569), *svätomichalský mesiac* 'сентябрь' (Histor. sloven. V, 570), *svätoondrejský mesiac* (ibidem), ср. также *svätého Jana mesiac* 'апрель' (Histor. sloven. V, 571).

Эти прилагательные употреблялись также в названиях податей и налогов. *Świętojańskie* в Куявии это 'задаток, выдаваемый (осенью) вновь нанятому слуге' (Karłowicz l.c.). В свою очередь, *świętomichalskie* и *świętomarcińskie* это 'подать, взыскиваемая с мужчин в день св. Михаила, а с женщин – в день св. Мартина' (Sychta l.c.). Такую практику подтверждают исторические данные чешские, ср.: *swatomartinský plat* (Jungmann IV, 388), *swatogiřský aurok* 'который выплачивается в это время' (Jungmann IV, 387), и словацкие, ср.: *svätomartinský* (*dluhu sw. martinskeho* dadia 'выплачиваемого в день св. Мартина', XVII в., Тренчин, Histor. sloven. V, 570) = *svätomartinské* subst. 'плата, выдаваемая членам магистрата в день св. Мартина' (*swatomartinskuo* hotowich penezi fl 1, d 20, ibidem), *svätomichalský* (*dluhu swethomychalskeho* fl 7, XVI в.; *swatomichalska dan* fl 4, XIX в., ibidem), *svätoondrejský* (*swatoondregske prawo* skeltowalo se na strowu y na wino, XVII в., ibidem).

Вернёмся теперь к проблеме синкретизма язычества и христианства у славян. Хотя Путилов делает свои наблюдения в отношении русского народа, кажется, что они обладают более широким диапазоном. Он отмечает, что "в народном сознании произошла не перемена веры, а присоединение новой веры к старой. Язычество частью отмирало, частью сохранялось, изменяясь со временем... В итоге сложилось такое религиозное, духовное образование, которое теперь обычно называют *двоеверием*"[18]. В свою очередь, С.М. Толстая добавляет: "Многие христианские святые заменили в народном сознании языческих богов, восприняв их функции и заняв их место: пророк Илья заместил громовержца Перуна, св. Николай и др. – "скотьего бога" Велеса (Волоса), св. Параскева Пятница – богиню Мокошь"[19]. Святые действовали в двух смежных сферах. Первая из них – официальная (христианская) – видела в них исполнителей божьей воли, заступников в человеческих делах, часто – мучеников за веру. В свою очередь, народ видел в святых кающихся грешников и аскетов, но прежде всего обращал внимание на их чудотворную, сверхчеловеческую силу, благодаря которой они были в состоянии совершать невозможные дела, способствовали решению проблем, с которыми простой смертный самостоятельно справиться не смог бы. Святые были и по-прежнему остаются покровителями различных профессий.

Подтверждением этих слов являются сохранившиеся в диалектах многочисленные обороты и выражения, пословицы и поговорки, в которых жива вера в почти магическую силу и покровительство святых. Так, в фольклоре многих славянских народов св. Георгий считается покровителем домашнего скота. Во многих областях Польши выпас рогатого скота начинается именно в день св. Георгия, то есть 23 апреля. Подобным образом и на севере России в день св. Юрия / Егория / Георгия празднуют так называемые "егорьевские обходы скотины". Знаменательны своим красноречием отмеченные на этой территории высказывания: "Святый Ягорья, попаси моих коровок", "Святый Ягорья! Нам помогай, коровок спасай от лютого зверя, от злого человека, кто от моей коровы молоко отнимает". В свою очередь, св. Савва у сербов считается покровителем волков. В день своего праздника, то есть 14 января, согласно народным поверьям, он выходит на грушевое дерево, зовёт волков к себе, а затем решает, скот какого хозяина в данном году должен стать их добычей. Как сообщает С.М. Толстая, "формы обращения со святыми в повседневной жизни мало чем отличались от способов обращения с домовым, лешим, водяным или русалкой. В заговорах их имена соседствуют с именами мифических персонажей, в "заветных тетрадях" обращённые к ним молитвы могут перемежаться рецептами чёрной магии и т.п. В Рождественский сочель-

ник Бога, Богородицу, Святых, ангелов приглашали на ужин вместе с морозом, ветром, волками, птицами, демонами туч, нечистой силой”[20].

Столь же интересны и другие лексемы этого гнезда, хотя бы такие, как verbum **svętiti*. Собранный материал неопровержимо доказывает наличие семантической дихотомии. Не указывая уже конкретных источников, поскольку подробный разбор этой проблемы требует отдельного обсуждения, я желаю обратить внимание на то, что, с одной стороны, континуанты этого глагола указывают на исходное значение ‘делать сильным’: ‘устраивать так, чтобы кто-л. / что-л. наполнялось силой’ > ‘давать силу’, следовательно, отсылают непосредственно к реконструируемому значению прилагательного **svętъ* ‘сильный, крепкий, мощный’ > ‘наполненный силой’ > ‘преисполненный (божьей) силы’, с другой стороны, указывают на исходное значение ‘делать славным; славить, прославлять; чтить’.

С первым семантическим слоем связаны всевозможные действия, относящиеся к **освящению**, то есть акту (иногда интерпретируемому как символ) превращения кого-л. / чего-л. обыкновенного (человеческого) в кого-л. / что-л., кто / что становится необыкновенным (следовательно, сверхчеловеческим), полным силы, то есть святым. Внешним, ритуальным (некоторым образом магическим) проявлением такого акта является освящение воды и масла, которые в результате произнесения соответствующей словесной формулы приобретают созидательную силу[21] и сами могут использоваться для освящения. Интересно то, что сама вода в указанной перспективе выступает в двух словосочетаниях: в соединении или с прилагательным (“святая вода”, ср. макед. *света вода*, рус. диал. *святая вода*), или с причастием (“освящённая вода”, ср. словац. *sväcena voda*, болг. *светена вода*, РБЕ III, 158). Лишь с виду эти выражения синонимичны, по существу же здесь можно заметить принципиальную разницу. Первое из этих сочетаний указывает на постоянство, неизменность атрибута, второе – на его приобретённость в результате применения соответствующих действий. Такой сверхъестественной силой, охраняющей от зла, обладают также *освящённые* медальоны, образа и иконы, а также другие предметы культа. Причастное значение ‘освящённый’, а следовательно ‘укреплённый’ содержится также в старославянском названии священника **свѧщенникъ** (это слово проникло из церковнославянского во многие славянские языки). Его не заслоняют даже христианские коннотации, и нетрудно заметить, что **свѧщенникъ** это тот, кто удостоился милости укрепления в выполнении воли Бога и, следовательно, некоторым образом приобрёл новую силу, крепость в исполнении своего долга.

Перейдём теперь ко второму семантическому слою праслав. verbum *svętiti (sę), то есть к значениям ‘делать славным; славить, прославлять; чтить’. Именно такой смысл заключается в предложении, содержащемся в молитве Господней: да свѧтитъ сѧ имѧ твоѥ (польск. *święć się* imię Twoje), что следует интерпретировать как ‘пусть имя Твоё будет славимо, прославляемо, почитаемо, окружаемо подобающими почестями, уважением’. Такое же содержание заключается в заповеди *dzień święty święcić*, то есть ‘торжественно отмечать праздник, воздавать почести; прославлять, радоваться; праздновать, исполняя соответствующий ритуал (игру, пение, еду)’, что в христианском контексте приобрело содержание ‘воздавать Богу почести посредством участия в приношении святой мессы и воздержания от работы’. Наслоение этих последних семантических звеньев стало основой для развития значения ‘веселиться, пировать; не работать, бездельничать, лентяйничать’.

В данной статье я направил своё внимание прежде всего на древнейший семантический слой славянской лексики, основанной на праслав. корне *svęt-, каковой слой в бурной истории славянства оказался почти полностью подавлен новыми, христианскими коннотациями.

Примечания

[1] Данная статья представляет собой перепечатку (на русском языке) текста прочитанного на конференции доклада (Niektóre słowiańskie kontynuanty leksykalne z psł. pierwiastkiem *svęt- // Chrześcijańskie dziedzictwo duchowe narodów slowiańskich. Redakcja naukowa: Zofia Abramowicz. Białystok, 2003, 401–412), который был издан с необычно значительным (искажающим смысл содержащихся в нём научных данных) количеством опечаток.

[2] Я не учитываю здесь вторично приобретшей светский характер лексики времён капитализма девятнадцатого века, а также периода функционирования так называемой коммунистической пропаганды, ср. *świętówka* ‘при капиталистическом строе: день, в принудительном порядке объявленный выходным, за который не выплачивается дневной заработок’ (*Doroszewski* VIII, 1358), *święto* ludzi pracy, *święto* patrona szkoły, хотя и здесь содержатся определённые следы празднования.

[3] Против этого сближения высказывается М. Фасмер, см. *Vasmer* II, 597–598.

[4] *Gluhak A.* Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993, 597–598.

[5] Ср. *swjate*, прилаг. ‘heilig, святой’: Twoi *swate* Jandzel, *swateho* kschischa..., *swateho* Ducha ..., *swatu* kscheschciansku Cirkei (*Stachowski S.* Słownik do górnołużyckiego katechizmu Warychiusza (1597). Wrocław, 1966, 79).

[6] Это слово отмечено в старочешском словаре, содержащем исторический материал от возникновения старочешской письменности до конца XV в.: *svatý (svat)*: řiše *svatá* ‘христианство’, *svaté* čtenije ‘Евангелие’ (*Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha, 1978, 490).

[7] Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. V. Мінск, 1984, 102.

[8] *Gluhak A.* L.c.

[9] Среди многочисленных в истории Руси лиц, носивших это имя, пожалуй, самым известным персонажем является Святополк – приёмный сын князя Владимира Святославовича (сын его брата, родной племянник, отец которого был убит самим Владимиром в то время, когда мать Святополка была беременна; впоследствии она стала одной из жён будущего крестителя Руси; по этой причине Святополка также называют "сыном двух братьев"). Владимир не любил Святополка и поэтому намеревался возвести на киевский престол Бориса (своего сына от болгарской княгини). В результате интриги Борис и его брат Глеб приняли мученическую смерть от рук Святополка (они являются первыми святыми мучениками русской православной церкви). Лишь другой сын Владимира, Ярослав (которому история присвоила почётное прозвище Мудрый), стремясь отомстить за братоубийство Бориса и Глеба, пытался лишить жизни Святополка – зятя короля Польши, Болеслава, и тем самым хотел исключить из борьбы за престол опасного соперника. "Святополк Окаянный в который раз бежал и так боялся, что его настигнут, что пробежал всю Польскую землю. А кончил он свою жизнь бесчестно где-то в пустынных местах между Польшей и Чехией. Стоит могила его на этом пустынном месте и до сегодня, и исходит от неё смрад жестокий". Вот так, по рассказу летописца, смерть Святополка стала символическим посланием ко всем правителям: "Такая судьба ожидает каждого, кто совершит братоубийство". См.: *Путилов Б.Н.* Древняя Русь в лицах. Боги, герои, люди. СПб., 2000, 249–252.

[10] "Если верить летописцу, воинские деяния Святослава начались едва ли не в младенческом возрасте: ему было лет пять, когда мать взяла его с собою в поход на Древлянскую землю. Когда два войска сошлись, малолетний князь совершил принятый в те времена ритуальный акт, которым открывались сражения: он метнул копьё в сторону древлян... Святослав, каким он запечатлён в летописях, был будто рождён для войны и суровой походной жизни. "Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус (гепард), и много воевал...". Святослав был неотделим от своей дружины, о которой много заботился и с мнением которой очень считался" (Там же 232–233).

[11] Если идёт речь о влиянии этого слова на другие языки, следует упомянуть также венгерский славизм *szent*.

[12] Фасмер (*Vasmer* II, 598: в частности, вслед за Д. Зелениным) видит здесь влияние табу.

[13] Главным аргументом в пользу сближения этого названия с корнем **svęt-* являются фонетические соображения (укр. рефлекс *я* < праслав. **ę*). Я не вижу формальных оснований для сближения с праслав. **svět-* (праслав. **ě* > укр. *і*, диал. сев. *іе*: *с'іено, с'віет, віера* и т.д., ср.: *Kuraszkiewicz W.* Zarys dialektologii wschodniosłowiańskiej. Wyd. 2. Warszawa, 1963, 68–70), хотя облик русалки, представляемой как бледный, почти прозрачный призрак, активный ночью (при свете луны), заставляет невольно принять такую интерпретацию. Впрочем этот аргумент не может быть решающим, поскольку русалки только лишь у восточных славян сильно различаются: чаще всего их представляли себе в облике молодых, длинноволосых (иногда эти волосы имели вид зелёных водорослей), синелицых девиц, в других местах видели их как старых, лохматых женщин, похожих на ведьм, иногда они принимали облик сирен (существ с рыбьим хвостом) и даже животных: лягушек, крыс и белок. Следует обратить внимание на другие народные названия русалок: *купалки, водяницы*

(то есть жёны водяных), с другой стороны, *лешихи*: *лешачихи* (то есть жёны леших), наконец, *лоскотухи* (о деталях см.: *Путилов Б.Н.* Указ. соч. 37–39).

[14] По моему мнению, эти названия могут, с одной стороны, указывать на места культа, с другой стороны, свидетельствуют о какой-то магической силе этих мест.

[15] Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы / Рэд.: М.Б. Бірыла, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1974, 218–219.

[16] Факт появления свечения на глади рек и озёр даёт аргумент сторонникам сближения этих названий с корнем **svět-*. Хотя следует подчеркнуть, что также белорусские континуанты с этим корнем характеризуются наличием дополнительной морфемы *-l-*, ср.: *Светиловичи* (*Свяцілавічы*) – запись 1481 г., *Светлица* (*Святліца*), *Светляный* (*Святляны*), *Светлосельский* (*Светласельскі*) (*Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974, 336). Проблема заслуживает основательного исследования.

[17] Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002, 429.

[18] *Путилов Б.Н.* Указ.соч., 47.

[19] Славянская мифология ..., 428.

[20] Там же, 429.

[21] Ср. в связи с этим фразеологизм bać się czego / kogo, jak diabeł *święconej wody*, располагающий соответствиями в других языках, например в словацком bat' sa niekoho ako čert *svätenej vody* (SSJ).

Перевёл с польского А.А. Калашников

И.П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XXIII

1. В уральских говорах засвидетельствовано прилаг. *черемнóй*, которое представлено лишь в составе сочетания *черемнáя кость*, означающего ‘позвоночник’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 563). Слово как будто еще не являлось объектом этимологического исследования, хотя может быть достаточно старым образованием (о чем см. ниже) и в таком случае допускает реконструкцию **čerm-ьnъjь*. Позвоночник – это спинной хребет, образуемый цепью костей (или хрящей), идущий вдоль всей спины и являющийся о с н о в о й, с т е р ж н е м костяка. Ср., в частности, болг. *гръбнáк* м.р. ‘позвоночник, спинной хребет’ и ‘основа, остов, стержень чего-л.’ (Чукалов[3] 120). Показательно, что позвоночник называют также *позвоночным столбом*, и что можно указать примеры сосуществования значений ‘позвоночник’ и ‘жердь’: см. болг. (Геров) *хрѣбетъ* ‘позвоночный столб у животных’, макед. *’рбет* ‘спинной хребет, позвоночник’ (И-С), рус. *хребéт* ‘позвоночный столб; костяной хребет ...’ (Даль[2]

IV, 564–565), блр. *хрыбціна* 'позвоночный столб, хребетная кость' (Байкоў-Некрашэвіч 336) и рус. диал. *хребтина* 'жердь' и 'веревка' (Донск. словарь III, 182) (см. ЭССЯ 8, 107, 108).

Приведенные данные, по-видимому, позволяют предполагать родство рус. диал. *черемной* и словин. *čårmēslē*, мн.ч. 'деревянные коромысла, которые кладут на плечи для переноски вёсел и корзин' (Sychta I, 149). О.Н. Трубачев со ссылкой на П. Поповскую-Таборскую и Ф. Хинце отметил это словинское слово и реконструировал его как **čьrm-ysly*, мн.ч. (**čьrm-yslъ*, ед.), рассматривая в качестве апофонического варианта к **kъrm-yslъ* и обнаруживающего словообразовательно-морфологическое тождество с последним[1]. Далее О.Н. Трубачев писал о рус. *коромысло, коромысел*, слав. **kъrmyslъ*, что "основу слова верно проэтимологизировал уже Брюкнер, связав её с рус. *кормá*, праслав. **kъrma*"[2].

Причем сущ. **kъrma*, в большинстве славянских языков обозначающее корму, в качестве исходного имело, очевидно, иное значение – '(отрезанная) палка, жердь, часть ствола' (→ 'весло (рулевое)' → 'руль' → 'место, где устанавливается рулевое весло; корма')[3]: см. болг. диал. *кърма* 'рулевое весло', с.-хорв. *кр̏ма* 'кормовое весло' и др. (ЭССЯ 13, 220), ср. также семантику греческих лексем, которые, согласно разделяемой нами версии (так см., в частности, Фасмер вслед за Перссоном и Голубом), родственны с слав. *kъrma*, – это κορμός 'колода, чурбан, полено', κορμός ναυτικός 'весло' (Фасмер II, 329). Аналогичным образом и коромысло, по сути дела, – это также палка, жердь, брус, часть ствола, имеющие специальное предназначение: см. рус. олон. *коромы́сло* 'п а л к а, которой толкут в ступе бельё', укр. полесск. *корóмы́сло, корóмисло* и др. 'прочная ж е р д ь, укрепленная в передке телеги' и др.[3]; см. также примеры сочетания значений 'жердь, бревно, брус и т.п.' и 'коромысло' в составе одного слова: рус. диал. хлуд 'жердь, дубина', 'жердь для увязки сена, соломы' и 'рычаг, на коем двое носят ушат на плечах, водонос', *хлудéц* 'хворостина' и 'коромысло для носки вёдер', нем. *Balken* 'балка, бревно, брус' и 'коромысло'[4]. Итак, очевидно, можно констатировать чередование основ **čьrm-*/**čerm-*/**kъrm-*, продолжающих и.-е. **ker-*/*(*s*)*ker-* 'резать' с расширителем *-m-*.

Что касается диал. глагола *зачерёметь* 'затвердеть', формально близкого лексеме *черемной* и зафиксированного в том же, что и она, словаре (Сл. Сред. Урала. Доп. 196), но отсутствующего в Этимологическом словаре Фасмера, то выдвинутая в последнее время Л.В. Куркиной версия о его связи с рус. диал. прилаг. *черёмый* 'смуглый' и словен. *črm* 'воспаление, нарыв, карбункул'[5], т.е. с омонимичной основой **čьrm-*, для которой характерна семантика, связанная с цветообозначением (чеш. *čermný*, *črmný* 'красный', рус. диал. *черёмный* 'рыжий' и т.п. – см. ЭССЯ 4, 149; 150), не кажется убедитель-

ной, в частности, с семантической точки зрения. Если предполагать, что *зачерёметь* – исконное, славянское образование, то наиболее близкими ему по значению были бы лексемы с основой **krem-*, в конечном счете также восходящие к и.-е. **(s)ker-* (с расширителем *-m-*): это блр. диал. *закрамянéць* 'затвердеть' (Сцяшковіч. Слоўн. 152), рус. *крéмель* 'т в е р д ы й, трудный для обработки участок ствола дерева (обычно у корня)', 'крупнослойная т в е р д а я древесина' и др. (ЭССЯ 12, 118). Однако глагол *зачерёметь* может быть не исконным, а заимствованным (с переоформлением): см. *чарым* м.р. перм. сиб. 'легкий наст или обледенелая кора по снегу ...' (Даль[2] IV, 583), *чарым* (*чарим, чéрим, черым*) 'т в е р д а я корка на снегу, наст; сугроб' (Сл. Сред. Урала VII, 17; 25; 28) и особенно *зачарыметь* 'покрыться настом, з а т в е р д е т ь' (Там же I, 190). Существенно, что глагол *зачерёметь* также употребляется по отношению именно к затвердевшей земле или сугробам: см. *Втупор земля сильно зачерёмела. Сугробы зачерёмели от мороза* (Там же, Доп., 196). Фасмер считает *чарым* вероятным заимствованием из коми *t'śarem̮* (Фасмер IV, 317–318).

Итак, отметим, что к основам **čьrm-/*čerm-* (и.-е. **ker-m-*, далее – к **(s)ker-m-* 'резать'), к которым обычно относили **čьrmysly* (словин. *čårmëslë*) и (неуверенно) **čermъ* (рус.-ц.-слав. *чрѣмъ* 'шатер'), по-видимому, можно присоединить и приведенное выше рус. диал. прилаг. *черемнóй*[6].

2. В Загребском словаре зафиксирован глагол *obȕsatiti* 'обрасти волосами (о животе) (про человека)': Kad oprsati i *obusati*, ko će je zauzdati! Zore paļetk. 110, без указания места (RJA VIII, 487 с комментарием: "Postańe tamno" (= "Происхождение неясно"). Представляется очевидным, что данный глагол связан с сущ. *ус* (праслав. **ǫsъ*). Но так как с.-хорв. *ус* и его возможные производные в этимологических (Skok, Фасмер и др.), диалектных и других словарях отсутствуют, то данный глагол (в случае его исконного, не заимствованного) характера может служить уникальным, если не единственным, свидетельством былого существования в сербохорватском лексемы ус (праслав. **ǫsъ*), тогда как в настоящее время значение 'ус' здесь реализуется через слово *bȓk*. С формальной точки зрения, глагол *obusatiti*, безусловно, является образованным префиксально-суффиксальным способом (*ob-, -iti*) от прилаг. **usat* (**ǫsatъ*) или префиксальным способом (*ob-*) от предполагаемого глагола **usatiti* (**ǫsatiti*).

Не должен вызывать удивления тот факт, что с.-хорв. *obusatiti* свидетельствует о том, что слово *us(y)* в данном случае значило не 'ус(ы)', а 'волос(ы)', т.к. продолжения праслав. лексемы **ǫsъ* в разных славянских языках демонстрируют достаточно широкий семантический спектр: кроме 'ус(ы)', также 'борода' (др.-рус., полаб.),

'растительность на лице: усы, борода, бакенбарды и т.п.; ость' (чеш.), 'у животных щетинистый, одиночный волос на верхней губе; усы растений', сиб. 'ость, шерсть', псков. 'коса или мыс' (рус., согласно Далю) и др. Подобная же семантическая ситуация наблюдается и у родственных лексеме **ǫsъ* слов в других и.-е. языках: см. др.-прус. *wanso* 'первая растительность на лице', др.-ирл. *fés* 'борода', *find* 'волос', греч. 'ἴονϑος 'юношеская борода', др.-в.-нем. *wintbrâwa* 'ресница' (Фасмер IV, 170). Поэтому, вероятно, наиболее общее значение лексемы **ǫs*ъ 'волос', нашедшее отражение в с.-хорв. глаголе *obusatiti*, старше более узкого и специального 'ус(ы)'.

3. В Иркутском словаре представлено любопытное прилагательное *полоýсый* в составе сочетания *полоусый сарай* 'сарай без дверей': *У нас бы́ли сарáи палаýсы, шшя́с двéри здéлали* (Иркут. словарь II, 160). Оно отсутствует в этимологических словарях и, кажется, вообще еще не привлекало к себе внимания этимологов. *Полоусый,* несомненно, – сложное слово. Его первая часть ясна – она восходит к прилаг. *пол-ый*, известному в русском языке со значениями 'не(за)покрытый, растворенный настежь, распахнутый, разверстый' и 'пустой...' (Даль² III, 266–267). Что касается второй – *-усый*, то она требует специального рассмотрения. С формальной точки зрения, естественно сопоставить её с *ус* (→ *-усый*: ср. распространенные сложения с *-усый*: *длинноусый, черноусый* и т.п.). Однако в нашем случае *-усый*, производно от *ус*, которое безусловно имеет какое-то иное значение, нежели 'ус' и указанные выше (в разделе 2) 'шерсть', 'борода', 'ость', 'усы растений', 'у животных щетинистый одиночный волос на верхней губе'; см. также 'тонкие нити, волокна' (см. *ýсья* – Перм. словарь 8, 483), 'морская трава', 'жало' (см. *усы́* – Словарь Карелии 6, 647).

Очевидно, к объекту нашего исследования семантически ближе примеры с переносными значениями, базирующимися на признаках 'продолговатый, длинный' и 'узкий, тонкий', см.: *усы́* 'боковые стороны гряды' (Ярослав. словарь (У – Ящорка) 21), *ус* 'черта, метка на земле', 'надрез на дереве' (Новг. словарь 11, 97), *ус* 'продольный широкий желоб в коре дерева или для стока смолы', 'лесная дорога' (: " ... там машины мало ходят") (Приамур. словарь 311), срезать доску *нá-ус* 'накось, вполпряма угла' (Даль² IV, 306). Среди такого рода случаев удается обнаружить единичную фиксацию словосочетания с лексемой *ус*, отсутствующего в словаре Даля и в других диалектных словарях, которое позволяет выяснить значение *-усый* в прилаг. *полоýсый* (о сарае без дверей), – это *запилить (поставить) в ус* 'сделать дверь с наличниками с двух сторон' (Новг. словарь 11, 97), т.е. *-усый* связано здесь с *ус* в значении 'наличник'. Так как *наличник* определяется как 'накладная планка в виде рамы вокруг двери или окна' (Ушаков II, 378), то полоусый сарай – это собственно

сарай с пустыми дверными наличниками – рамами, т.е. с пустыми дверными проемами.

Привлекает к себе внимание формально и семантически чрезвычайно близкое к *полоу́сый* слово *полоу́с*, представленное в выражении *полоу́сом стоять* 'стоять незакрытым, без покрышки': *Полоусом крынка-то стояла* (Сл. Сред. Урала IV, 84). Они отличаются принадлежностью к разным частям речи (*полоу́сый* – прилаг., *полоу́сом* – сущ. (*полоу́с*) в тв.п. или наречие, образованное от него) и оттенками значений ('с п у с т о й дверной рамой' – 'с н е з а к р ы т ы м горлом (о крынке)'). Однако следует учесть ряд фактов, свидетельствующих, по-видимому, против их родства. Это существование таких семантически близких к *полоус(ом)*, но восходящих к *устье* 'жерло' примеров, как *полоу́стый* 'о глиняной посуде, имеющей широкое о т к р ы т о е горло, у с т ь е' и *полоу́стик* 'глиняная корчага с широким горлом' (Новосиб. словарь 414), причем и *полоу́стый*, и *полоу́с* (*полоусом стоять*) употребляются по отношению к крынке, глиняной посуде. Кроме того, сближение и смешение слов с корнями *ус* и *устье* могло произойти в связи с известным явлением – возможным отпадением *т* в конце слова (**полоуст* → → *полоус*), а также в определенных звуковых сочетаниях внутри слов: см. *у́стье* (*устьё*) 'верхняя часть мешка' (Новг. словарь 11, 100) и *у́сье* 'конец мешка, остающийся при завязывании' (Сл. Сред. Урала. Доп. 544). Всё это свидетельствует в пользу первоначальной связи лексемы *полоу́с(ом)* (в выражении *полоу́сом стоять*, о крынке) с *полоу́стый, полоу́стик* (и далее – с *устье*), а не с *полоу́сый* (и далее – с *ус*).

Примечания

[1] *Трубачев О.Н.* Наблюдения по этимологии лексических локализмов (славянские этимологии 48–52). // Этимология 1972. М., 1974, 35–44.

[2] Там же, 40; *Brückner* 257.

[3] *Трубачев О.Н.* Указ. соч., 35–36.

[4] *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. IV. (и.-е. **(s)kerm-* в славянских языках: **(s)kormъ/a*, **kroma*, **kъrmъ/a*, **kъrma*, **xromъ*, русск. диал. *кромы, коромышка*) // Этимология 1974. М., 1976, 29.

[5] *Куркина Л.В.* Лексические архаизмы русских говоров Среднего Урала на славянском фоне // Известия УрГУ. К 75-летию А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2001 г., 101.

[6] *Петлева И.П.* Указ. соч., 21.

Х. Поповска-Таборска

ЗАГАДОЧНЫЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЙ ДИАЛЕКТИЗМ *ZGŁO, ŻGŁO, ŻDŻGŁO, ŹDŹGŁO, GZŁO, GIEZŁO* ‘РУБАШКА’

“Умершего кашубы одевают в саван, называемый *żgło*, или закутывают в белое полотнище [...]. В подобное *żgło* одевают умершего и в Куявии, в Калишском, Ленчицком и Серадзском воеводствах, в Малой Польше и в Мазовии”[1].

“Для мужчин шили специальную одежду, называвшуюся *czechel, zgło, żgło, gzło* [...]. Это была разновидность длинной, доходящей до концов пальцев рубашки с широкими рукавами. Это *żgło* шили из домотканого грубого холста, как белёного, так и сурового, позднее – уже из покупного полотна [...]. Для женщины шили такое же *żgło* [...]”[2].

“Сверху надевают [умершему] белый, доходящий до самых щиколоток саван, так называемое *żgło* [...]”[3].

А вот более полный материал, который поможет нам выяснить происхождение этого загадочного северо-западнославянского диалектизма:

нижнелужицкие: *zgło* ‘рубашка’, уменьш. *zgełko*[4], более ранние записи: *sglo* ‘indusium, Hemd’, *sgelko* ‘subucula, Hemdchen’ (Schuster-Šewc 23, 1749);

кашубские: *zgło*, старое ‘белая рубашка, доходящая до щиколоток, в которую одевали умершего’ (Sychta VI, 226), *źdźgło* “das Hemde (Kaschub.). Bei den Kaschuben ist noch in der Bedeutung von Hemde übl., bei den Preuß. Polen bedeutet *żgło* ein Sterbehemde”[5]; словинское *żgło* ‘рубашка’ (Lorentz. Sl. Wb. II, 1415);

старопольские: *gzło, zgło* ‘рубашка’ (в “Гнезненских проповедях” – также написание *xlo* ‘часть литургического одеяния’), *gzło* ‘рубашка’, реже ‘стихарь’, *giezłeczko* ‘полотняное платьице’ (Sł. stpol. VII, 532–533)[6];

польские диалектные: *żgło, zgło, źgło, gzło, giezło, zgiełko* ‘длинная рубашка для погребения; рубашка’[7].

В польском языке название савана со временем стало обозначать обычную рубашку, часть литургического одеяния, детское и девичье платье, но по причине многочисленности вновь возникших параллельных форм реконструкция его исходной формы становилась всё более трудной. Хуже того, Ф. Миклошич, рассматривая эти формы впервые, связал их не слишком удачно с **čechlŭ* ‘velamen’ (Miklosich 31), и этому внушению поддавалось большинство позднейших исследователей, признавая в конце концов интересующее

нас слово этимологически неясным (ср. Sławski I, 388, здесь же – более ранняя литература). Только Х. Шустер-Шевц, оставляя в стороне рассуждения о праслав. **čechъlъ*, **čechъlo*, увидел в нижнелужицких, кашубских и польских формах специфический польско-нижнелужицкий праславянский диалектизм, заслуживающий отдельной этимологической интерпретации (Schuster-Šewc 23, 1749). Однако и он также попал под влияние другой мысли Миклошича, видевшего в польск. *gzło* исходную форму и пытавшегося вывести её из праслав.**kъzlo* и связать её с и.-е.**(s)keu-*'накрывать, окутывать'.

Между тем этимология всех приведённых здесь нижнелужицко-кашубско-польских форм станет действительно прозрачной, если за исходную мы примем частично сохранившуюся в кашубских и польских диалектах форму *żgło*, которую свяжем с праслав. verbum **žegti*, **žьgǫ* 'жечь' и реконструируем как **žьg-lo* ср.р. 'то, что вместе с умершим подвергается сожжению' (ср. словин. *žgli* м. р. 'сожжённый', Lorentz. Sl. Wb. II, 1447). Формы с начальным *z-* при таком подходе нам придётся признать вторичными, возникшими после утраты исходного значения слова и мнимого приобретения начальным *z-* функции префикса. Отмеченные формы *źdźgło, żdżgło* следует присоединить к частым в польских местных названиях формам *Zdziary, Żdżary* < *Zżary* ('выжженные места'), а польск. *gzło* вместе с (последней в этом ряду преобразований) формой *giezło* – признать формами с метатезой.

В этом контексте ещё следует обратить внимание на кашубский дериват *zglëšče* со значением 'белая рубашка, доходящая до щиколоток, в которую одевали умершего' (Sychta VI, 226), образованный с помощью суф. *-išče* от кашуб. *zgło*. Другим значением кашуб. *zglëšče* является 'сожжённое место', ср. общепольское *zgliszcze* 'пожарище'. И здесь также, разумеется, исходные кашубские и польские формы следует реконструировать с начальным *ż-*, впрочем, засвидетельствованным в более ранних написаниях, ср. *żglisko*, *żgliszczko*, *żgliszcze* 'площадка, где сжигали умерших, место с погребальным костром, погребальный костёр' (Linde[2] VI, 1038).

При предложенном здесь истолковании кашубское и польское диалектное *żgło* 'саван' должно было бы представлять собой языковое свидетельство дохристианского обычая сжигания умерших. Впрочем, это не единственное языковое свидетельство этого рода на землях северных славян. Также кашуб. *žålëc* 'тлеть' (ср. также *žålńica* 'котелок для хранения тлеющих углей' и словин. *žåli* 'горячий, пылающий'), выводимое из праслав. **žaliti* 'тлеть' (располагающего формальными и семантическими соответствиями в восточнославянских языках), связывается с польск. диал. *żale*, *żalniki* 'языческие захоронения' (ср. также местное название *Żale* на соседнем с Кашубией Коцевье). Связь кашуб. *žålëc* 'обугливать, раскалять' с

погребальными обычаями древних славян показал уже в своё время Л. Бискупский[8], а Л.Т. Выгонная в связи с кашуб. *žålëc* указала на блр. *жальня, жальнік* 'могилки' как на факты, прямо проливающие свет на дохристианские погребальные обычаи[9].

Примечания

[1] *Fischer A.* Kaszubi na tle etnografii Polski. Studium porównawcze // Kaszubi, kultura ludowa i język. Toruń, 1934, 180.
[2] *Bursztа J.* Zwyczaje i obrzędy pogrzebowe // Kultura ludowa Wielkopolski. T. III. Poznań, 1967, 183.
[3] *Sychta B.* Kultura materialna Borów Tucholskich. Gdańsk; Pelplin, 1998, 122.
[4] Sorbischer Sprachatlas / Bearb. von H. Faßke, H. Jentsch und S. Michalk. Bd. VI. Bautzen, 1978, Karte 62.
[5] Słownik niemiecko-polski. Deutsch-polnisches Handwörterbuch/Bearb. von Christoph Cölestin Mrongovius. Danzig, 1823, 281.
[6] См. также: *Reczek S.* Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968, 108, 123.
[7] Mały atlas gwar polskich / Oprac. przez Pracownię Atlasu i Słownika gwar polskich Zakładu językoznawstwa PAN w Krakowie. T.VIII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965, mapa 366, 60–61.
[8] *Biskupski L.* (псевдоним: *A. Berka*) Słownik kaszubski porównawczy // PF III, 1891, 686.
[9] *Выгонная Л.Т.* // Беларуска-польскія ізалексы. Мінск, 1975, 22–27.

Перевёл с польского А.А. Калашников

М. Рачева

К ПРОДОЛЖЕНИЯМ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ОСНОВЫ **TON- < *TOPN-* И **TON- / *TEN- / *TIN-* В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Появившийся более века тому назад на рубеже двух столетий словарь Герова "Речник на българския език" все еще остается источником болгарских слов, неизученных или недостаточно изученных в этимологическом отношении. Такова группа слов, идентичных в словообразовательном отношении, но с варьированием гласного в основе гл. на *-ясвам*, корневой вокализм которых по разным причинам точно соответствует всем гласным фонемам современного болгарского языка: *таня́свам, теня́свам, тиня́свам, тоня́свам, туня́свам, тъня́свам*. Все эти глаголы вместе с *то́на* (*то́нѫ*) истолкованы Геровым как синонимы с основным значением 'влажнеть, становиться влажным'.

Собранный во второй половине XIX в. “из уст народа”, как сказано в Предисловии, словарь Герова содержит, как известно, слова, представленные на всей болгарской территории. Однако при этом не указано местонахождение слов, а также не названы источники текстов, приведенных в качестве иллюстрации. Установление того и другого не всегда представляется возможным в наше время. Таким является гл. *тоня́свам*, для которого не обнаружены подтверждения ни в одном из лексикографических источников. Более результативными оказались поиски местонахождения и источников остальных приведенных выше синонимичных глаголов, что создает благоприятные предпосылки для дальнейшего изучения в плане этимологии.

Так, представленный у Герова гл. *то́на* (*то́нѫ*), проиллюстрированный выражением *Стомната тоне* и истолкованный через отсылку к указанному выше гл. на *-ясвам* с варьирующим гласным в основе и общим значением ‘стать влажным’, соответствует форме 3 л. ‘стать влажным’ в выражении *Зидот то́не. Стомната то́не*, засвидетельствованном в говоре Велес в СбНУ (7, 1, 478), который в данном случае является наиболее вероятным источником для словаря Герова. Форма 3 л. глагола со сходным значением находит подтверждение и в современных лексикографических источниках: ср. *то́не* ‘пропускать воду (о сосуде), протекать’ в говоре Кукуш (БД III, 337), *то́ни* ‘пропускать воду’, ср. *То́ни бочката* в говоре Смырдеш, Костурско (БД VIII, 317).

За исключением гл. *тиня́свам*, который приведен в словаре Герова с отсылкой к группе синонимов к гл. *то́на* (*то́нѫ*), остальные названные выше глаголы на *-ясвам* стоят по алфавиту. Очевидно, что в понимании Герова это фонетические варианты одного и того же глагола, что Геров принимает за основной вариант *таня́свам*, поэтому только при этом варианте дается толкование значения -- ‘пропускать воду, протекать (о сосуде); влажный, мокрый (о растворе и штукатуреки)’.

Вариант *таня́свам* в словаре Герова подтверждается современными лексикографическими источниками: ср. *таня́сва* ‘подтекать’ (*Де́йвъта таня́сва*) в говоре д. Трыстеник, Плевенско (БД VI, 230), *таня́сва* ‘пропускать воду, подмокать (о сосуде из пористой глины)’ в д. Смолско, Пирдопско (БД IV, 145). Засвидетельствована и причастная форма *таня́сале* в тексте народной песни из Ябланицы, Тетевенско: *Снощи вечер на кладенец / малко нещо постоейме, / ведрата ни таня́сале, / таня́сале, габя́сале* (НПТВ 1002).

Близкий вариант *тъня́свам* в словаре Герова находит подтверждение в причастной форме *тъня́сале* в тексте народной песни из г. Пирдоп, представляющем по существу тот же сюжет: ... *стовните им, Добро ле, тъня́сале* (СбНУ 3, 40). И велика вероятность то-

го, что приведенный Геровым в качестве илюстрации вариант *Стовната тънясва* основан именно на тексте этой народной песни.

Вариант *тенясвам* в словаре Герова соответствует форме 3 л. *тенясва,* представленной в собрании Т. Йончева в опубликованном в СбНУ корпусе диалектных хозяйственных терминов под заглавием “Материал за българския речник”, к сожалению, без указания места. Значение определено следующим образом: “Когда раствор для штукатурки, приготовленный из земли или чего-то другого, вместого того, чтобы засохнуть, мокнет и растекается. Чаще всего это слово употребляют виноделы, когда обмазывают втулку бочки” (СБНУ 7, 3, 229). Согласно одному исследованию, посвященному открытым в Народной библиотеке Софии небольшим архивным материалам к словарю Герова, вариант *тенясвам* засвидетельствован в Ломском крае[1]. Такая локализация согласуется с тем, что в собрании лексики Т. Йончева может быть отмечено достаточно слов и словообразовательных элементов, типичных для северо-западных болгарских говоров. Позднее зафиксированы в говоре из Кулского края *тенясвъм* ‘пропускать воду, протекать (о глиняном сосуде)’[2] и причастная форма в говоре д. Слащен, Благоевградско, *тенясал* с отличным значением ‘заросший травой’[3].

Соответствие между выражением *стомните им тинясаа* в тексте народной песни из д. Долни Пасарел, Самоковско (НПСС 257) и приведенными выше выражениями, в которых представлены подобные причастные формы с вариантами *танясвам* и *тънясвам*, дает основание для присоединения к ним и варианта *тинясвам*, приведенного Геровым не на своем алфавитном месте, а как отсылка при гл. *тóна.*

Представленный в словаре Герова вариант *тунясвам* широко засвидетельствован более новыми лексикографическими источниками, но с другим значением ‘плесневеть’ и чаще всего на территории балканских говоров[4], а также в тексте одной народной песни из д. Старигани, Костурско: ... *Чужина пуста далечна ... книга да пушчиш – не оди, лапка да пушчиш – изгнива, дуни да пушчиш – тунясва*[5]. В сущности приведенный Геровым к варианту *тунясвам* текст народной песни (без указания источника) ...*Стига си, Радо, седяла у тъзи тъмна тъмница ...бяло ти лице туняса, туняса и плесеняса* ясно показывает, что в этом тексте значение глагола не соответствует тому значению, которое дано у Герова ‘пропускать воду, протекать (о сосуде); быть влажным и т.п.’. Как видно из приведенного выше материала, широко засвидетельствованному в балканских говорах значению ‘плесневеть’.

В формальном и семантическом отношении к указанной выше группе глаголов близко стоит в словаре Герова гл. *тимясвам* (без локализации). У Герова этот глагол характеризуется значени-

ем ‘увлажниться, намокнуть; стать мягче от влаги’. Вероятнее всего, это значение дано на основании текста, источник которого не указан: *На св. Евтимия, 20-й Януария, земята са тимясва*, значение глагола сопровождается пояснением Герова “тепло пробивается из нее, она увлажняется, намокает”. Как видим, в тексте в сущности представлен не гл. *тимя́свам*, а *тимя́свам се*. Не совсем определенным представляется в данный момент и толкование Геровым значения, определенно диалектного, также без локализации, но с существенными отличиями ‘кадить, коптить’. Гл. *тимя́свам* этимологически определяется как заимствавание н.-греч. θυμιάζω ‘дымить’ в известном исследовании Филиповой-Байровой, посвященном греческим заимствованиям в современном болгарском языке[6].

Недостаточно убедительным кажется и представление гл. *таня́свам* ‘пропускать воду, протекать (о сосуде); быть влажным, мокнуть (о штукатурке)’ как основного варианта для приведенных выше многочисленных вариантов глагола с суф. *-ясвам* греческого происхождения, типичного для отыменных глаголов в современном болгарском языке (ср. *годиня́свам* ‘достичь или прожить один год в определенном месте и в определенном состоянии’, *кръвя́свам* ‘наливаться кровью (о глазах)’, *ръждя́свам* ‘покрываться ржавчиной’ и др.). Что касается варианта *туня́свам* с отсутствующим у Герова значением ‘плесневеть’, то оказывается, что по существу на той же территории представлена именная основа в виде существительного ж.р. *туне́* ‘плесень’, отмеченного в говоре р-на Елен (БД VII, 143), ср. в тексте народной песни (Жеравна, Котленско) *Щу ти ръкътъ мириши нъ туне́, нъ тунясълъ, нъ мухле́, нъ мухлясъл* (СбНУ 14, 1, 19). Существительное *туне́* может быть определено как фонетический вариант с диалектной перегласовкой *а* после мягкого согласного в исходной форме **туня* со сходным значением. Значение ‘плесень’, засвидетельствованное и для *тунѣ* в говоре Войнягово, Карловско (БД VIII, 172)[7], представляет собой агломератную форму основы старого вин.п. от **туна*, ср. текст народной песни, имеющий по существу ту же локализацию, ... *алъ ви вину ас ни щъ, чи ви винуту мириши нъ тунѣ, нъ туня́сълу* (СбНУ 46, 2, 199). Синонимичное значение ‘плесень’ засвидетельствовано для того же слова в говоре Слатина, Ловешко[8] и Троянско[9]. Для говора Крывеник, Севлиевско, значение *тунѣ* определяется как ‘запах плесени’ (БД V, 44), но приведенный контекст указывает на значение ‘зловоние’ (ср. *Имъ тунѣ нъ мѣришъ*). Слово представлено и у Панчева с ударением на начальном слоге *ту́на* ‘плесень’, что нельзя признать обоснованным, поскольку Панчевым приведен текст народной песни также из Ловешко без указания ударения: ср. *Що ти ръкатъ мириши на туна, на черна земя* (СбНУ 15, 600, 35).

I

Только глагольный вариант *тунясвам* со значением ‘пропускать воду’, ‘плесневеть’ и существительное *туна* ‘плесень’ стали предметом этимологического истолкования в одном из разделов исследования М. Москова “Славянские и балканские этимологии”[10]. Упоминая приведенные Геровым “фонетические варианты с тем же значением *танясвам, тенясвам, тонясвам, тънясвам*”, однако не привлеченные автором в последующем анализе, принимая во внимание гл. *туняе* ‘протекать’ в говоре Брезника, а также гл. *тоне* ‘быть влажным’ (без указания места), также не включенные в анализ, Московов предлагает объяснение, согласно которому “болгарские лексемы *туна, тунясвам* происходят от тюрк. **тун* из тюркского языка, на котором говорили в Болгарии”[11]. Определенное основание для такого объяснения болгарских лексем дает представленный у Радлова “тюркский гл. *тун*”, в круг значений которого наряду со значениями ‘быть закрытым’, ‘замышлять, обдумывать’ и ‘затихнуть, успокоиться’ входит и значение ‘отстаиваться, становиться прозрачным (о жидкости)’. Москов видит прямую связь между значением ‘отстаиваться, становиться прозрачным (о жидкости)’ тюркской глагольной основы и значением ‘впитываться, просачиваться, проходить сквозь стены’, характерным для упомянутых болгарских диалектных глаголов, и обращает внимание на то, что районы Ловешко и Севлиевско, где преимущественно засвидетельствованы болгарские лексемы, были заселены куманами еще в средние века, что является сильным аргументом в пользу их куманского происхождения. Автор связывает с тюркской основой *tun* в указанном значении и происхождение одной группы глаголов с производными от них образованиями с общим значением ‘покрываться тучами, облаками, темнеть, смеркаться’, засвидетельствованным в некоторых западноболгарских говорах (ср. *туняе* ‘дымить и гореть без пламени’, *затунти се* ‘потемнеть, стать темным, покрыться облаками’, *стунтуем* ‘задымиться’, *затунтил* се ‘задымиться, закоптиться’, *туntава* ‘густой туман’ и ‘затягивание облаками дыма, пыли’, с тем же значением *тунтавела*), а также происхождение румынских лексем *întuneric* ‘мрак’, а *întuneca* ‘темнеет, смеркается’, *întunecos* ‘мрачный, темный’.

Вывод автора о том, что, несмотря на семантические различия, родство упомянутых выше болгарских диалектизмов базируется на тюркской основе[12], не единственный дискуссионный элемент в этом опыте истолкования.

Так, оставляя без комментариев то обстоятельство, что в предыдущем разделе книги устанавливается связь между гл. *туняе* ‘дымить и гореть без пламени’, *затунти се* ‘потемнеть, покрыться

облаками' и другими словами, определяемыми как производные с той же основы, и другим тюркским словом – существительным *tün* 'ночь', отметим, что автор не предложил да едва ли мог предложить убедительное обоснование принимаемого им единого происхождения тюркского существительного *tün* 'ночь' и тюркской глагольной основы *tun* 'быть закрытым', 'замышлять, обдумывать', 'отстаиваться, становиться прозрачным (о жидкости)' и 'затихнуть, успокоиться' (Радлов III/2, 1439). Не вполне приемлемо и предложенное автором определение болгарского гл. *тона* 'пропускать воду' (с отсылкой к стр. 309 словаря Панчева, где, однако, этот глагол отсутствует, вероятно, речь идет о том же глаголе у Герова) как "вариантной формы" существительного *туна* 'плесень' (без указания источника, ср. *ту́на* у Панчева). Отметим, что оставлены без внимания не только существующие фонетические проблемы, но и словообразовательная соотносимость глагола *тона* и существительного *туна*. Недостаточное внимание к словообразовательным отношениям наблюдается и по отношению к включенному в анализ болгарскому и тюркскому лексическому материалу, а отсюда и к связанным со словообразованием не решенным и даже не поставленным автором этимологическим проблемам. Без сомнения, последним обстоятельством определяется неубедительность истолкования в целом.

II

Есть все основания считать, что засвидетельствованный в словаре Герова и некоторых балканских говорах гл. *туня́свам* 'пропускать воду, протекать' и 'плесневеть' является фонетическим вариантом с диалектной редукцией неударного *о* > *у* по отношению к представленному у Герова гл. *тоня́свам* с тем же значением, пока не подтверждается другими источниками. Засвидетельствованы также в болгарских говорах существительные *туне́* 'плесень' и *тунъ́* 'плесень' и 'зловоние', как и *ту́на* 'плесень' у Панчева с той же локализацией, с сомнительным ударением на первом слоге, вместе с диалектной редукцией *о* > *у* по отношению к **тоня* и **тона* со сходным значением.

Есть все основания также считать, что отраженная Геровым и подтвержденная другими лексикографическими источниками синонимическая связь гл. *то́на* 'пропускать воду' и *тоня́свам* > *туня́свам* 'пропускать воду', 'плесневеть' в словообразовательном отношении опосредована преобразованием **тоня* > *туне́* 'плесень' или **тона* > *тунъ́* 'плесень' и 'зловоние'. Вполне определенно являясь производящими основами упомянутого нов.-болг. гл. на *-ясвам*, эти именные образования праславянского типа на праславянском уров-

не должны быть связаны с гл. *то́на* 'всасывать, впитывать'. Из этого следует, что новоболгарские значения 'плесень' и 'зловоние' возникли на основе уже исчезнувшего исходного значения, прямо связанного со значением соответствующей глагольной основы.

С учетом исходной семантики важно отметить, что помимо уже указанного Геровым значения 'пропускать воду, протекать (о глиняном сосуде); быть влажным, мочить (о штукатурке)' для гл. *то́на* (*то́нѫ*), подтвержденного также формой 3 л. *то́не* в говорах г. Велес, г. Кукуш и д. Смырдеш, Костурско, существует и значение 'тонуть, вязнуть' у формы 3 л. *то́ни* в говоре г. Прилеп (ПСп 48, 1895, 995). Значение 'тонуть, вязнуть' отмечено для гл. *то́на* и в говорах Широка Лыка, Смолянско[13]. То же значение сохраняет и форма 3 л. *тонит* в народной песне (без локализации в источнике), текст которой отражает характерные особенности крайних юго-западных говоров: *Со се сила креват наугоре, а со нози тонит во кремене*[14], а отглагольное существительное *тонене* 'хождение, топтание' в тексте другой народной песни, приведенной источником без указания места, но, вероятно, из той же диалектной области: *Си умори Шарца добра коня / от тонене в камен и кремене* ... [15], характеризуется первоначальным значением, связанным с гл. 'тонуть, вязнуть'. Значение 'тонуть, вязнуть; утонуть, увязнуть' характеризует и представленный у Герова, но не подтвержденный пока другими лексикографическими источниками гл. *ту́на* (*ту́нѫ*). Отсутствие данных о территории распространения этого глагола не позволяет однозначно объяснить появление ударного гласного *у* вместо *о* в *то́на*. Не исключено, что речь может идти о наблюдаемом в некоторых болгарских говорах переходе *о* > *у* под ударением. Переносное значение 'чахнуть; вянуть; линять', производное от исходного 'тонуть, вязнуть', следует предположить для формы 3 л. мн. *тонет* в тексте народной песни из Охрида: ... *за да жалеет и тонет пусти майкьи* (СбНУ 13, 3, 138). В плане семантики типологически сходный случай представляет развитие значения 'чахнуть, слабеть' у гл. *чѐзна* при общеболгарском основном значении 'теряться, пропадать'.

Все сказанное выше дает основание предположить, что засвидетельствованный в диалектах гл. *то́на* 'тонуть, вязнуть' представляет собой первоначальную форму болгарского продолжения праслав. **tonǫti*, обычно объясняемого Миклошичем как имперфектив **top-nǫti* к праславянскому фактитиву **topiti* (Miklosich 358). Гл. *то́на* 'тонуть', вытесненный в современном болгарском языке формой *тъ́на*, остался не распознанным и не отмеченным среди славянских соответствий в современных этимологических исследованиях. В настоящее время отсутствует и объяснение современного болгарского варианта *тъ́на* вместо *то́на*, который, несмотря на необъясненный вокализм, постоянно включается в фонетически закономерное со-

ответствие продолжениям праслав. **tonǫti* < **topnǫti* в других славянских языках. Ждет своего объяснения и значение 'пропускать воду, протекать (о сосуде); стать влажным, мокрым (о растворе штукатурки)', нашедшее отражение в словаре Герова и засвидетельствованное формой 3 л. *то́не* в крайних юго-западных говорах. Если исходить из грамматических показателей и из значения 'тонуть, вязнуть' в приведенном выше выражении *Стомната то́не, То́ни бочката*, то оказывается, что в этом выражении формальным субъектом действия является не жидкость, которая в метафорическом смысле "исчезает" в сосуде, а сам сосуд, пропускающий воду (?).

Одного ли происхождения болг. диал. гл. *то́на* 'тонуть', являющийся продолжением праслав. **tonǫti* при истолковании его как имперфектива **topnǫti* к **topiti*, и болг. диал. гл. *то́на* 'пропускать воду (о сосуде); быть влажным, становиться мокрым (о растворе штукатурки)' ?

Как могут быть истолкованы диалектные болгарские существительные *туне́* 'плесень' < **тоня* и *тунѣ* 'плесень' и 'зловоние' < < **тоня* при сопоставлении с известными именными формами в славянских языках, традиционно определяемыми как продолжения праславянских именных образований **ton'a* < **topn'a* и **tonь* < **topnь* к праслав. гл. **tonǫti* < **topnǫti*?

Имеются ли соответствия в других славянских языках для варьирующих основ *тан- / тън-* и *тен- / тин-*, представленных диалектными глаголами *таня́свам, тъня́свам, теня́свам, тиня́свам*?

Фасмер (IV, 77) определяет как продолжения праслав. **ton'a* < < **topn'a* и **tonь* < **topnь* засвидетельствованные в славянских языках именные формы со значением 'глубокое место; лужа; болото' (ср. словен. *tȏnja*, чеш. *tůně*, польск. *tonja, toń*), 'бездна' (ср. в.-луж. *toń* – Miklosich 358), 'опасное, глубокое место' (ср. укр. *то́ня*), также 'место, где бросают рыболовную сеть' (ср. рус., укр. *то́ня*), 'место рыбной ловли' (ср. др.-рус. *тонѧ* – Срезневский III, 979) и 'рыболовная сеть' (ср. рус. *то́ня*).

По существу то же самое истолкование дает Скок (Skok III, 482) причисляя к названным именным образованиям с.-хорв. *то̀ња* 'нечто, похожее на марево после слабого дождя' (у Вука 'состояние атмосферы') и 'зловоние', хорв. диал. и словен. *tȏnja* 'туман, который наносит вред посевам зерновых'. По Скоку, элементом последнего значения 'туман' мотивировано развитие значения 'призрак', характеризующего словен. *tȏnja*. Значение 'запах' отмечено у Вука для с.-хорв. *тоњ*.

Здесь следует отметить другой опыт этимологического истолкования некоторых из указанных форм, предложенный в последнее время В.А. Меркуловой[16]. Исходя из позднее отвергнутой идеи Й. Зубатого[17] о связи праславянского рыболовного термина **ton'a*

(ср. рус. диал., укр. *тóня* 'рыболовная сеть', 'место, где бросают рыболовную сеть' и др.) с индоевропейским корнем **ten-* 'тянуть', В.А. Меркулова выявляет в славянских языках значительное число именных образований, которые, несмотря на отсутствие для некоторых из них производящей глагольной основы, дают ясные формальные и семантические указания на связь с индоевропейским корнем **ten-*, который является "чистой основой" для праславянских образований.

III

С учетом проанализированного болгарского лексического материала особый интерес представляет приведенный выше В.А. Меркуловой рус. диал. гл. *тять* 'идти' (Даль III, 944), истолкованный как продолжение праслав. **tęti* с исходным значением 'тянуть' < и.-е. **ten-* с тем же значением. В форме нов.-болг. гл. *тъ́на*, не поддающейся объяснению на основе фонетики и на основе праслав. **tonǫti* < **topnǫti*, находит отражение закономерно ожидаемая основа наст. вр. гл. **tьn-ǫ*, **tьn-eši* и т.д., поскольку корневое *ъ* из *ь* согласуется с отражением старого *ь* в большей части болгарских говоров, ср. *тъ́нък* < **tьn-ъkъ* того же происхождения[18].

Все сказанное выше служит обоснованием другого понимания, согласно которому нужно было бы признать более ранним значением нов.-болг. *тъ́на* транзитивное значение 'всасывать, впитывать, втягивать в себя (жидкость)', производное от исходного 'тянуть', следы которого присутствуют в современном значении болг. гл. *тъ́на* 'попадать во что-то мягкое, влажное' (БТР), тогда как наложившееся на него в современном болгарском языке интранзитивное значение 'тонуть, погружать' отражает значение вытесненного в формальном отношении гл. *тóна* < праслав. **tonǫti* < < **topnǫti*. Значение 'пропускать воду, подтекать (о сосуде); становиться влажным, мокрым (о растворе штукатурки и др.)', производное от исходного 'всасывать, впитывать (влагу)' < 'тянуть', которое засвидетельствовано для гл. *тóна* у Герова и в крайних югозападных говорах, соответствует исходной семантике гл. *тъ́на*. Представляется в формальном плане допустимым развитие процесса в обратном направлении, т.е. форма, продолжающая праслав. **tьn-* в этих говорах (с закономерным рефлексом старого *ь* и никогда *о* !), была замещена продолжением праслав. **ton-* < **topn-* . Однако более вероятно, что речь идет об аутентичном развитии праславянской глагольной основы **ton-* 'тянуть' < 'всасывать, впитывать', связанной с праслав. **ten-* 'тянуть' < и.-е. **ten-*. В пользу такого предположения формы рус.-цслав. *тоното* 'сеть; силок' наряду с *тенето* и с.-хорв. *tonot* 'силок; сеть для ловли зайцев, ры-

бы', *tonota* 'сеть для ловли животных и крупной рыбы' (засвидетельствовано в XIV–XV вв.), *tonoto* 'вид сети', уменьш. *tonotac* наряду с *teneto* 'силок' < и.-е. **ten-* 'тянуть' (Skok III, 481)[19]. Значение 'всасывать, впитывать', характеризующее праславянской глагольной основу **ton-* 'тянуть', как будто бы можно предположить и для не включенного в современные этимологические исследования отмеченного в районе Севлиевско редкого болгарского диалектизма *то́няк* 'карстовый источник, в котором вода пропадает и соответственно появляется осӑдок'[20]. Слово может быть определено как производное с суф. *-ак* от исчезнувшего в современном болгарском языке продолжения праслав. **tonь* 'притягивание, затягивание', ср. блр. диал. *тонь* 'движение, ход', для которого верно определено В.А. Меркуловой исходное значение 'тяга'[21]. Помимо большой формальной близости между болгарскими глаголами разного происхождения *то́на* 'тонуть' и *тъ́на* 'тонуть' с более старым значением 'всасывать, впитывать влагу; становиться влажным' (по существу реликтово засвидетельствованного, см. ниже) и полной формальной идентичности болгарских глаголов неодинакового происхождения *то́ня* 'тонуть' и *то́ня* 'пропускать воду; становиться влажным', наблюдаемому смешению формы и значения у этих глаголов, несомненно, способствовала в определенных условиях тесная взаимосвязь обозначаемых действий 'тонуть' и 'впитывать, всасывать' < 'тянуть'. Такой результат обусловлен не только обстоятельствами традиционного домашнего быта, но и широким кругом традиционной деятельности человека в природной среде, не всегда протекавшей без затруднений при взаимодействии с такими природными условиями, как болото, трясина, омуты, водовороты, подводная впадина берега и т.п.

IV

Очень важная особенность идентичных в словообразовательном отношении синонимичных глаголов *таня́свам, теня́свам, тиня́свам, тоня́свам, туня́свам, тъня́свам* состоит в том, что невозможно объяснить специфическую для них фонетическую вариативность в рамках обычных диалектных явлений, а наличие у некоторых из них значения, которое сильно отклоняется от общего значения 'всасывать воду; стать влажным', которое приводит Геров, является знаком того, что эта неполная синонимия в определенных случаях носит вторичный характер по отношению к указанному значению.

Это особенно ясно видно на примере варианта *тоня́свам* > *туня́свам* со значениями 'всасывать, впитывать; становиться влажным' (у Герова) и 'плесневеть' в отдельных балканских говорах.

Именная основа этого варианта, засвидетельствованная также в балканских говорах как *туне́* 'плесень' < **тоня* и *тунѣ* 'плесень', 'зловоние' < **тона*, обнаруживает соответствие в с.-хорв. *тоња* 'особое состояние атмосферы' и 'зловоние', а также в хорв. диал. и словен. *tȏnja* 'туман, который наносит вред посевам зерновых'. Приведенное с.-хорв. *тоњ* 'запах' (ср. у Вука *Каква бачва таки и тоњ дава*) позволяет предположить, что сербохорватское слово могло иметь и значение 'зловоние', которое характерно для с.-хорв. *то́ња*, а также болг. *тунъ* < **тона* наряду со значенияем 'плесень'. Объясняя упомянутые сербохорватские и словенские слова как продолжение праслав. **ton'a* и **tonь*, связанных чередованием гласных с **tęti* 'тянуть' < и.-е. **ten-* с тем же значением, В.А. Меркулова реконструирует для них исходное значение 'тяга' > 'запах', 'туман, мгла', 'порча, повреждение' (ср. рус. 'памха)'[22]. С учетом другого значения 'плесень', засвидетельствованного для болг. *туне́* < **тоня* и *тунѣ* < **тона́*, и типичной для плесени формы существования в виде тонкого покрытия, налета, пленки здесь следует упомянуть и русские диалектные существительные *ото́нок*, *ото́нка*, *пото́нок*, *пото́нка* с основным значением 'пленка, оболочка в организме человека и животного'. У В.А. Меркуловой не вызывает возражения в истолковании Ж.Ж. Варбот включение русских диалектизмов в гнездо праслав. **tęti* 'сечь'[23] с исходным гл. **tęti* 'тянуть' < и.-е. **ten-* с тем же значением и указанием на славянские названия с исходной основой в значении 'тянуть, тащить', но она исходит из первоначального **tęti* 'тянуть' < и.-е. **ten-* с тем же значением, приводя в поддержку своего объяснения славянские названия со сходным значением с исходной основой в значении 'тянуть, тащить' (напр. рус. *перепо́нка,* с.-хорв. *ȍпна* 'оболочка яйца', рус. диал. *па́волока* 'катаракта').

Кроме указанного выше диалектного гл. *тоня́свам* > *туня́свам,* засвидетельствован диалектный глагол *туня́я* в форме 3 л. *туня́е* 'протекать' в говоре р-на Брезник: *Стовната туня́е* (СбНУ 49, 787). Достоверность этой формы 3 л., известной в этом значении только в данном источнике, вызывает сомнение по причине широкой распространенности в той же диалектной области формы 3 л. гл. *тиня́е* с тем же значением, о чем речь пойдет ниже. Можно предположить, что имело место субъективное смешение в данном конкретном источнике *тиня́е* 'пропускать воду, протекать (о домашней посуде)' и *туня́е* с другим значением 'дымить, тлеть, гореть без пламени', о чем будет речь ниже.

Сюда, видимо, следует присоединить и группу диалектных слов, неубедительно истолкованных как тюркизмы в рассмотренной выше работе Москова. Основным среди этих слов является гл. *ту́нтя се*, засвидетельствованный в форме 3 л. *ту́нти се* 'затягиваться облаками': ср. *Времето се ту́нти на дъш* (Цариброд)[24]. Этот глагол

может быть определен как образование с экспрессивным формантом *-т*[25] от **туня се*, фонетический вариант к **тоня се* с *у* < *о*; это – отыменный глагол (по типу *вѝхря се*, производному от *вѝхър* и др.), в свою очередь, образованный от исчезнувшего в говорах существительного **тоня* 'марево, мгла'. Наличие ударного *у* на месте исходного *о* в глагольной форме 3 л. *тỳнти се*, а отсюда и в некоторых производных от него формах, засвидетельствованных в западноболгарских говорах[26], вполне объяснимо, если принять во внимание наблюдаемый в диалектах переход ударного *о* < *у*, ср. *трỳпузан* 'деревянный парапет у лестницы' в говоре д. Мирково, Пирдопско[27] от *трóпозан* с тем же значением, что и указанный гл. *тỳна* 'тонуть' (у Герова вместо *тóна*). Та же именная основа лежит в основе рус. диал. гл. *затóнить* 'покрывать небо (облаками)': *затóнило все небо* вместе с прич. *затоня́ло* 'так говорят, когда небо затягивается облаками', на основе которого Меркулова реконструирует рус. диал. **тоня* 'облако' < праслав. **ton'a*, указывая при этом на соответствие с.-хорв. *сỳтон* 'сумерки; сумрак', *усутóнити се* 'смеркнуться, завечереть' и блр. *сутóнне* 'сумерки', *сутóнець* 'смеркаться', *сутóнак* 'сумерки' и связывая указанные лексемы с чередованием гласных с праслав. **tęti* 'тянуть', **sъtęti* 'стягиваться' < 'сгущаться, уплотняться'. Ту же самую основу следует предположить и для формы 3 л. *туня́е* 'дымить, тлеть без огня' (софийск. БД I, 270) < **тоня́е*, ср. с.-хорв. *тóњати* с другим значением 'издавать запах'[28]. О связи значения 'дым, чад' с семантикой глагольной формы *туня́е* см. значения производных от гл. *тỳнтя* се в сноске 28. Как южнославянское заимствование можно было объяснить и основу румынских лексем *întuneric* 'мрак', а *întuneca* 'темнеть, смеркаться', *întunecos* 'мрачный, темный', неубедительно истолкованную Московым как слово тюркского происхождения.

Двойная реализация исходной семантики наблюдается у гл. *теня́свам*. Зафиксированное Геровым значение 'пропускать воду (о сосуде); становиться влажной (о стене)' подтверждается диал. *теня́свъм* 'пропускать воду' (Кулско) и формой 3 л. гл. *теня́сва* 'вместо того, чтобы засохнуть, намокать и растекаться (о штукатурке)' (Ломско), однако причастная форма *тенясал* (Слащен, Благоевградско) засвидетельствована в другом значении 'заросший травой'[29]. То же значение следует предположить и для причастной формы *тиня́съл* в тексте народной песни, бытующей в основном в северо-западной Болгарии: *Дориту ти тиня, тиня тиня́сълу* (по данным ДА: Праужда и Кладоруп, Белоградчишко; Свищовско; Белослатинско; Ново село, Троянско), ср. далее причастную форму *тиня́сала* 'о воде, которая сверху затягивается ряской' (БД III, 177: Горна и Долна Василица, Ихтиманско), прилагательное *тѝнява* 'покрытый ряской (о воде)' (так же Кърналово, Петричко – ДА). Что касается значения

'ряска', общего для основы гл. *тинясвам* и прилагательного *ти́нява*, то ср. общеболг. *жабу́няк* 'зеленая водоросль с длинным волокном, Spirogyra; раст. Lemna minor'. Несомненна связь с этим значением и значения 'лишай', засвидетельствованного для существительного *ти́ня* в говоре Банско[30], которое вероятнее всего представляет собой переоформленный по народной этимологии (под влиянием общеболг. *ти́ня* 'жидкая грязь; осадок; болотистое место') вариант исходного **тена* / **теня* или **тень*, имеющего соответствием рус. диал. *стень* 'мелкий лед на поверхности воды'. Вместе с отыменным гл. *застена́ть* 'покрывать (облаками)' и засвидетельствованном в памятниках гл. сътѧтисѧ 'сгущаться, уплотняться' названные русские диалектизмы убедительно объяснены как именные образования, соотносительные с праслав. **tęti* 'тянуть'[31]. В пользу такого объяснения характеристика отыменной основы **тена* / **теня* или **тень* от гл. *тенясвам* 'зарастать травой' с вариантом *тиня́свам* 'покрываться ряской' как образований, соответствующих рус. *тень, стень*, а также формам гл. сътѧтисѧ, сохранившихся в поздней рукописи староболгарского памятника X в. Шестоднев Иоанна Экзарха, ср. аки ѡблакъ сѧ сътенъ и оудебелит ... (Срезневский III, 858–859).

Кроме *теня́свам* в значении 'пропускать воду (о сосуде); становиться влажным' (Кулско и Ломско), существует и гл. *тиняя*, засвидетельствованный в форме 3 л. *тиняе* 'не удерживать воду' в западноболгарских говорах (Трынско, Кюстендилско, Босилиградско, Брезнишко)[32]. Можно было бы предлагать, что исходная форма этого глагола **теняя* изменена по народной этимологии, как в случае **тена* или **теня* < *ти́ня*. В пользу такого предположения как будто бы говорит данное собирателем определение значения 'течь понемногу, как через ил' формы 3 л. глагола в говоре г. Трын: *Кацата тиня́е*, *И трите стовни тиня́ю*[33]. В таком случае значение исчезнувшей в болгарском языке именной формы **тена* или **теня*, производящей основы для глагола, могло бы быть реконструировано как 'пропускать влагу' < 'тяга, втягивание'.

Однако особого внимания требует значение 'пропускать воду (о глиняном кувшине)', данное Д. Петричевым для формы 3 л. *тиня́е* (1 л. *тиня́ем*)[34]. Как видим, форма 3 л. *тъни* при таком толковании значения недвусмысленно предстает как синоним к *тиня́е* 'пропускать воду (о глиняном сосуде)', т.е. 'всасывать, впитывать' < 'тянуть', что соответствует предполагаемому первоначальному значению общеболг. *тъ́на*, употребляемому в современном языке в значении 'попадать во что-то мягкое, жидкое'. Это обстоятельство дает основание для другого объяснения гл. *тиня́я* в указанном значении как итератива-дуратива с удлинением корневого гласного *ь* < *i* от *тъна* < *tьnǫ*, **tęti* с исходным значением 'впитывать, всасывать'.

В настоящее время неизвестны в болгарском языке продолжения именной основы праславянского типа, связанной с основой наст. вр. гл. *tęti 'тянуть', в качестве возможной основы гл. *тънясвам* 'пропускать воду; быть влажным' вместе с его вариантом *танясвам* с неударным *ъ* < *а*. В поддержку возможного истолкования *тънясвам* в указанном значении как экспрессивного образования с суф. *-ясвам* греческого происхождения от *тъ́на* 'впитывать, всасывать' наличие экспрессивных глаголов, образованных при помощи суф. *-освам* греческого происхождения, ср. *лупо́свам* 'бить' от *лупам* и т.д.

Не игнорируя и не преуменьшая те неясности и трудности, которые возникают в ряде случаев, представленный здесь анализ неизученных или недостаточно изученных в этимологическом отношении болгарских слов вполне определенно подтверждает наличие в славянских языках значительного количества образований праславянского типа, восходящих, согласно В.А. Меркуловой, к "чистой основе" и.-е. *ten- 'тянуть, растягивать; тянуть, тащить; натягивать'. Вероятно, не исчерпаны объяснительные возможности такого подхода. Подтверждением тому могут служить следующие болгарские образования, восходящие к праслав. *ton- / *ten- / *tьn- / *tin- с упомянутой индоевропейской основой:

гл. *то́на* 'пропускать воду' и гл. *тъ́на* 'тонуть', производные от сохранившегося в реликтовом виде более раннего значения 'начать сосать, впитывать', закономерно вытесненного в современном болгарском языке продолжениями *то́на* 'тонуть' < праслав. *tonqti < < *topnqti;

именные образования **тоня* / **тона* / **тонь* с соответствиями в сербохорватском, словенском, русском, белорусском языках вместе с продолжениями в болг. диал. *туне́* 'плесень', *тунъ* 'плесень' и 'зловоние', *то́няк* 'карстовый источник с непостоянным количеством воды, поступающим из источника', именной основой от позднее образованного гл. *туня́свам* 'плесневеть' < *тоня́свам* (кроме того, и *тоня́свам, туня́свам* 'пропускать воду; стать влажным'), отыменным гл. *ту́нти се* 'покрываться облаками' с производными и гл. *туня́е* 'дымить, тлеть, гореть без пламени';

именные образования **теня* / **тена* / **тень* с соответствиями в русском языке, продолжения *ти́ня* 'лишай' и от именной основы в значении 'растительное покрытие' в прилаг. *ти́няв* 'покрытый ряской (о воде)', а также поздние отыменные гл. *теня́свам* 'зарастать травой' (кроме того, и *теня́свам* 'всасывать, впитывать') и *тиня́свам* 'покрываться ряской (о воде)' (кроме того, и *тиня́свам* 'впитывать воду');

гл. *тиня́е* 'всасывать, впитывать воду';

поздние образования гл. *тънясвам, танясвам* с тем же значением.

Как было сказано выше, значение ‘впитывать, всасывать воду; стать влажным’, лежащее в основе поздних глагольных образований на *-ясвам*, вероятнее всего, является вторичным.

Остаточный характер упомянутых образований праславянского типа, их разнообразие и фрагментарность, по определению В.А. Меркуловой, как и их формальная и семантическая ущербность, вызванная неизбежными процессами деэтимологизации, наблюдаемыми в конкретных примерах болгарского языка, несомненно, подтверждают их большую архаичность.

Примечания

[1] *Машалова-Начева Е.* Принос към изследване изворите на речника на Найден Геров // ИИБЕз 14. С., 189.
[2] Архивни материали Доковска // ДА.
[3] Теренни материали // ДА.
[4] Ср. *тунясвъм* ‘плесневеть’ (г. Елен – БД VII, 143), ‘плесневеть от влаги’ (д. Кръвеник, Севлиевко – БД V, 44), в тексте ... *дъ съ прувитрявът мъмулити, зъ дъ ни тунясвът* (Слатина, Ловешко – Архивни материали Стоичкова // ДА), *тунясоо* ‘плесневеет’, ср. *Ни дръшти лябът нъ влажну, чи тунясоо* (Войнягово, Карловско – БД II, 187), *тунясвъ съ, ср. ... дъ ни съ тунясвъ, дъ ни фащъ тунъ, плесин* (Ново село, Троянско – Архивни материали Стоичкова // ДА), *тунéсва, ср. ... да не ми кулане тунéсват* (Паскалевец, Великотърновско – НПССБ 511), *тунясъм* ‘покрываться плесенью’ (Троянско – Архивни материали Ковачев // ДА), ср. *Бъчвати кът тунясъ и винуту мириши нъ тунъ* (Ново село, Троянско – Архивни материали Стоичкова // ДА), *Буля уд гробъ продума*: ... *Русъ ми кусъ ублетя, бяло ми лице тунясъ* (Градище, Севлиевско – НПССБ 426), *Пазиш ги мирудиите да не тунясът, миришат на грозно* (Бериево, Севлиевско – Архивни материали Димитрова // ДА), причастная форма *тунясал, тунясъл* ‘заплесневелый’, ср. *Щу ти ръкътъ мириши нъ туне, нъ тунясълъ, нъ мухле, нъ мухлясълъ* (в народной песне, Жеравна, Котленско – СбНУ 15, 1, 19), *Що ти ръката мирише на земя, на тунясала* (в народной песне, Стражица, Кесаревско – СбНУ 15, 1, 41), *Що ти лице линясало, линясало, тунясало* (в народной песне, д. Касовци, Дряновско – НПССБ 706), ... *чи ви винуту мириши нъ тунъ и нъ тунясълу* (в народной песне, Войнягово, Карловско – СбНУ 46, 2, 199), *Уд влагътъ житуту тунясълу* (Троянско – Архивни материали Ковачев // ДА), *тунясълу сирни, тунясъл ляп* (Кръвеник, Севлиевско – БД IV, 44), *тунясало сено – което е мокрена от дъжд* (д. Тотлебен, Плевенско – Архивни материали Трифонов // ДА), *тунясъли мъмули* (Слатина, Ловешко – Архивные материалы Стоичкова // ДА), *Совалките гъбясали, становете тунясали* (в народной песне, Дебово, Никополско – НПССБ 184), *Видрици ми гъбясали, гъбясали, тунясъли* (в народной песне из района балканских говоров – БД I, 181).
[5] Български народни песни от Костурско. Записал К. Деяков // МПр 1924, 2, 76.
[6] *Филиппова-Байрова М.* Гръцки заемки в съвременния български език. С., 1969, 163.

[7] Ср. текст народной песни с той же локализацией: ... *алъ ви вину ас ни щъ, чи ви винуту мириши нъ тунѣ, нъ тунясълу* (СбНУ 46, 2, 199).

[8] Ср. *Тунясълити мъмули пулучавът тунѣ* (Архивни материали Стоичкова // ДА).

[9] Архивни материали Ковачев // ДА. Ср. еще *фаща тунѣ* 'гниет' (Ново село, Троянско – Архивни материали Стоичкова // ДА), а также тексты: *Тунѣтъ е болис пу синоту и пу ръстенийътѣ – плéсин; Тунѣ фащът ръстенийътъ, дет сид'ът нъ влажну и зътворину мясту; Бъчвътъ кът тунясъ, и винуту мириши нъ тунѣ и ни мой дъ съ пий* (Там же).

[10] *Москов М.* Славянски и балкански етимологии // ГСУ–ФСФ 68/3. С., 1977. 309–311. Все слова и формы в этой работе приведены без ударения.

[11] Там же, 310.

[12] Там же, 305–309.

[13] *Ангелов Б., Вакарелски Хр.* Трем на българската народна историческа епика. С., 1940, 142.

[14] Там же, 142.

[15] *Меркулова В.А.* И.-е. **ten-* 'тянуть, натягивать', 'плести' в славянских языках // Этимология 1975. М., 1977, 52–63.

[16] *Zubatý J.* Slavische Etymologien // AfslPh 16, 1895, 415.

[17] Вызывает возражения предложенное Х. Шустер-Шевцом (Schuster-Šewc 134 с отсылкой к: Шустер-Шевц 1971, 478–480) объяснение болг. *тѣнък,* а также др.-рус. *тънъкъ* и др. как продолжение основы с другой ступенью чередования гласного в корне. Существует и болгарская диалектная форма *тéнък,* широко засвидетельствованная в рупских говорах. Здесь встает вопрос о звуковых процессах, связанных с *ь*, в эпоху самостоятельного развития болгарского языка, хорошо освещенных в истории болгарского языка и в болгарских диалектах.

[18] Ср. *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, 541. Ср. далее этимологические словари славянских языков.

[19] *Ковачев Н.* Местните названия от Севлиевско. С., 1961, 28.

[20] *Меркулова В.А.* Указ. соч., 54–55 и 61.

[21] Там же, 56 и 61.

[22] *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен I // Этимология 1971. М., 1973, 3–19.

[23] Архивни материали Алексов // ДА.

[24] См.: *Szymański T.* Derywacja czasowników onomatopeicznych i ekspresywnych w języku bułgarskim. Wrocław etc., 1977, 89.

[25] К производным от гл. *ту́нтя се* в указанном значении относятся сущ. *тунта́ва* 'густой туман' (Кюстендилско Краище – СбНУ 32, 544), 'затягивание туманом, облаками, пылью, дымом' (Станьовци, Брезнишко – Архивни материали Радованов // ДА), 'облака пыли или дыма' (Трън – ИССФ 7, 72), гл. *затунта́вим се* 'стемнеть; нахмуриться', засвидетельствованный в форме прич. *затунта́вен*: *Небосклона е затунта́вен от облаци* (Комшица, Годечко – Архивни материали Емануилова // ДА), сущ. *затунта́вина* 'много дыма' (Банище, Пернишко – Архивни материали Москов // ДА), 'дым; потемнение перед бурей' (Комщица, Годечко – Архивни материали Емануилова // ДА), *ту́нтула* 'облака дыма' (Поповяне, Самоковско – Архивни материали Бояджиев // ДА), *тунтаве́ла* 'сумерки, потемнение от облаков, пыли, дыма' (Станьовци, Брезнишко – Архивни материали Радованов // ДА).

[26] Теренни материали // ДА.

[27] Представляет интерес сопоставление с с.-хорв. гл. *тѝњати* 'слабо гореть, тлеть (об огне)' (Вук), *стѝњати* се 'угасать, затухать', происхождение которых неясно (см. Skok III, 472), однако затруднительны поиски возможной этимологической связи на основе чередования корневого вокализма.
[28] Теренни материали // ДА.
[29] Там же.
[30] *Меркулова В.А.* Указ соч., 58–59 и 61. Таким же образом В.А. Меркулова объясняет происхождение с.-хорв. *тȅна* 'яичная скорлупа', у Вука *тје̑на*. Последняя форма стала для Скока основанием для поисков объяснения слова от праслав. **tęti* 'сечь' на основе удлинения *е* < *ě* в корне.
[31] Ср. *тиняе* 'пропускать воду (о глиняном сосуде, плохо обожженном)' (Трън; Ба́нкя, Трънско – Архивни материали // ДА), 'подтекать понемногу (о кадке)' (Ръждавица, Кюстендилско – Теренни материали // ДА), в выражении: *Тай стомна тиняе водата* (Долно Тлъмино, Босилиградско – Архивни материали Иванчова // ДА), *Лошу стовну си избрала – тиняе* (Станьовци, Брезнишко – Архивни материали Радованов // ДА).
[32] Архивни материали Любичев // ДА.
[33] *Петричев Д.* Принос към изучаването на трънския говор // ИССФ 7, 71.
[34] Очень опосредована в формальном и семантическом отношении и потому представляется не вполне надежной возможная связь подобных образований с с.-хорв. диал. *knja* 'манна, которая, как думают жители Приморья, выпадает из тумана на растения и особенно на виноградную лозу', истолкованное Скоком как вариант *tnja* < *tljȁ* 'болезнь кукурузы, пшеницы, которая появляется, когда солнце начинает припекать после дождя' (Skok III, 478) в связи с **tьlěti*. Скок сопоставляет слово с с.-хорв. *tȏnja* 'туман, который губит посевы зерновых'.

Принятые сокращения

ГСУ – ФСФ	–	Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии.
ДА	–	Диалектен архив на Института за български език при БАН. София.
ИССФ	–	Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София, 1–8–9, 1905–1948.
НПСС	–	Сб. Народни песни от Самоков и Самоковско. София, 1975.
НПССБ	–	Сб. Народни песни от Средна Северна България. София, 1931.
НПТВ	–	Сб. Народни песни от Тимока до Вита. София, 1928.
ПСп	–	Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. София, 1982–1911.
СбНУ	–	Сб. за народни умотворения и народопис. Т. 1–52. София, 1889–1963.

И.В. Родионова

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССОВ АТТРАКЦИИ С УЧАСТИЕМ ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ
(на материале русских народных говоров)[1]

Факты функционирования имен собственных (антропонимов) в апеллятивном значении достаточно легко поддаются интерпретации прежде всего в том случае, если мы имеем дело с так называемыми прецедентными именами. Речь идет о таких антропонимах, которые характеризуются семиотической полифункциональностью – используются не только как имена членов языкового коллектива, но и – вследствие своей принадлежности какому-либо культурно-мифологическому персонажу – являются знаками-носителями соответствующего комплекса смыслов. Вторичные номинации возникают непосредственно на базе этого прецедентного содержания; таковы, например, достаточно прозрачные с точки зрения происхождения факты *касья́н* 'о злом, недоброжелательном человеке' (СРНГ 13, 119), 'невзгоды, несчастье, горе' (Карт. Сл. Русского Севера) (мотивированы негативным отношением к високосному году и Касьянову дню 29 февраля); *ива́н-дура́к* 'о глуповатом, всегда улыбающемся человеке' (Словарь Башкирии 1, 159) (мотивирован образом сказочного персонажа) и др.

Однако подавляющее большинство нарицательных лексем, у которых можно подозревать антропонимическое происхождение, не соотносятся столь очевидно с конкретным прецедентным содержанием. Этот лексический материал отличается многочисленностью и разнородностью и при первом взгляде наводит на мысль о том, что возникновение языковых знаков такого типа осуществляется с приоритетом произвольности над мотивированностью. Таким образом, может показаться, что использование антропонимов в качестве вторичных наименований является прежде всего одной из реализаций игровых и экспрессивных интенций носителей языка, когда для номинатора важен сам факт привлечения антропонима (любого, просто как одного из представителей парадигмы имен человека), а момент выбора конкретного имени происходит в известной степени произвольно.

Более детальное рассмотрение позволяет выявить некоторые черты системности, присущие данной группе фактов, и выделить ряд общих закономерностей, которым подчиняется процесс "апеллятивации". В частности, выявляется несколько наиболее регулярно заполняемых позиций идеографической классификации ("Характер человека", "Рыбы", "Растения", "Грибы", "Домашняя утварь и ору-

дия труда" и др.), несколько наиболее продуктивных моделей семантических переходов (антропоним как нарицательное обозначение интеллектуально неполноценного человека, женский антропоним как обозначение неряшливой, неумелой хозяйки, женский антропоним как обозначение малоценной рыбы и пр.).

Кроме того, обнаруживаются многочисленные примеры работы языкового сознания с формой антропонимов – примеры разного рода аттракций и народноэтимологического прочтения имени. В частности, выделяется группа фактов "этимолого-игрового" характера, когда темное с точки зрения внутренней формы слово превращается номинатором в единицу, созвучную антропониму (*ду́ська* 'дуст' (Брян. словарь 5, 47), *кондра́т* 'договор, контракт' (СРНГ 14, 247), *митрофа́н* 'магнитофон' (Перм. словарь 1, 517) и пр.). Лексемы этой группы характеризуются однозначностью, не включаются в процесс дальнейшей семантической деривации, являя собой примеры эксплуатации звуковой оболочки онима, осуществляющейся без внимания к его содержательной стороне.

Другая группа отантропонимических производных – это единицы, возникшие в результате такой рефлексии носителей языка над антропонимом, когда проясняется его "внутренняя форма" и в соответствии с ней возникают смысловые компоненты апеллятивного характера. Здесь мы имеем примеры семантической номинативной вариативности. Например, можно предположить, что соотнесение имени *Емеля с корнем –мол-/-мел- (молоть, мелет)* обусловило возникновение двух линий семантической деривации – на базе компонента "много есть" (*оме́ля* 'обжора' (СРНГ 23, 199)) и на базе компонента "много говорить, болтать" (*еме́ля* 'празднослов, пустомеля, пустослов'; 'лгун, хвастун' (СРНГ 8, 355); *оме́ля* 'человек, говорящий много и попусту' (Ярослав. словарь 7, 44); 'лгун, лгунья' (СРНГ 23, 199) и др.), который в свою очередь мог продуцировать значения, связанные с идеями глупости, неумелости, неспособности приносить пользу (*еме́ля* 'дурак; ротозей; простофиля' (СРНГ 8, 355), 'никчёмный человек' (Карт. Сл. Русского Севера); *оме́люшка* 'неумелый человек' (Новг. словарь 6, 168) и др.). Также весьма показательным примером является совокупность дериватов имени *Акулина*. Значительную часть их составляют субстантивные характерологически-оценочные номинации: *акули́на* 'о неопрятной женщине' (СРНГ 1: 227), 'рассеянный, нерасторопный, неумелый человек' (Сл. Сред. Урала 1, 26), *аку́люшка* 'глупенькая' (Словарь Башкирии 1, 20), *аку́ля* 'о неловком, нерасторопном, неуклюжем, неумелом человеке' (Словарь Башкирии 1, 20; 2, 124); *кули́на* 'некультурная, опустившаяся женщина' (Малеча 2, 311); 'о капризной, плаксивой девчонке' (Смолен. словарь 5, 129), *оку́ля, оку́лька* 'неряшливая, неопрятная женщина' (СРНГ 23, 173) и мн. др.; ср. также факт, вероятно,

метонимического происхождения *кули́на* 'о пустой, глупой голове' (Донск. словарь 2, 98). Кроме того, фиксируется ряд фразеологических выражений, в которых имя выступает как отрицательно, сниженно коннотированное: *смешить Аку́лю* 'говорить вздор; делать глупости' (Перм. словарь 2, 357); *однажды Аку́лька обмокла* 'за один раз что-либо сделать' (очевидно, неудачно. – *И.Р.*) (СРНГ 1, 228), *кули́на* ◇ *кули́на нае́хала (на пле́чи се́ла)* 'обидеться, замкнуться в себе' (Смолен. словарь 5, 129); *оку́ля беспя́тая* 'бранное выражение' (СРНГ 23, 173). В одной из работ[2] мы уже высказывали предположение о том, что здесь импульсом к деривационному процессу стало созвучие антропонима с дериватами корня *-*kul*-, которые на базе семы изгибания, деформации развили различные пейоративные значения (ср. *ку́ломень* 'неповоротливый мужчина', *куле́ма* 'неряха', *куля́ба* 'неудачник' (Карт. Сл. Русского Севера), *оку́ла* 'плут, обманщик; хвастун' (СРНГ 23, 172), *оку́льничать, оку́лывать* 'обманывать, сплетничать' (СРНГ 23, 173), *оку́ливаться* 'копаться, возиться при одевании' (СРНГ 23, 172).

Таким образом, не исключая присутствия фактора случайности при возникновении отантропонимических семантических дериватов, мы можем констатировать, что трансформация плана содержания такого языкового знака, как антропоним, подчиняется некоторым закономерностям. Они могут носить как общий характер (воздействие определенной модели семантического развития), так и быть более частного порядка (работа языкового сознания с внешней и "внутренней" формой имени).

В связи с этим представляется весьма важным взгляд на данный материал в этимологическом ракурсе, когда единицы, у которых предполагается антропонимическое происхождение, анализируются в контексте сходной с ними по форме и семантике нарицательной лексики.

В данной работе мы обратимся к группе диалектных лексем, включающих в качестве корневой или квазикорневой морфемы звукокомплексы *гавр-* и *гавш-*.

В эту группу входят субстантивные и глагольные дериваты. Она не является одним словообразовательным гнездом, поскольку при "автономном" рассмотрении лексем с данными корневыми компонентами очевидно их различное происхождение: часть из них, вероятно, отантропонимические, а часть возводится к апеллятивным этимонам. Однако эта группа лексем обладает особенностями, позволяющими считать ее неким единым образованием – совокупностью с чертами морфо-семантического поля. При том, что лексемы, объединенные нами в данную группу, имеют различные источники возникновения, в ее составе фиксируется целый ряд лексико-

семантических вариантов, для которых вопрос об их происхождении нельзя решить однозначно, поскольку, на наш взгляд, они возникли "на стыке" деривационных гнезд и представляют собой результат разного рода формально-семантических взаимодействий и взаимовлияний. Географический фактор не препятствует рассмотрению этой лексической группы как целостного явления: составляющие ее дериваты весьма широко распространены в русских диалектах и достаточно последовательно фиксируются на смежных территориях – в частности, в северном наречии (олонецкие, вологодские, архангельские, костромские, ярославские говоры), в южном наречии (смоленские, тульские, орловские, курские, воронежские, тамбовские говоры). В связи с изучением апеллятивации онимов и решением проблемы мотивированности выбора при отантропонимической номинации эта совокупность лексем представляет особый интерес, поскольку дает пример того, как единица антропонимического происхождения, подвергшись значительной деонимизации, включается в апеллятивную среду, вступает в семантико-деривационные отношения с ее компонентами, расширяет свой деривационный потенциал, что ведет к возникновению единиц "смешанного" происхождения.

Перейдем к описанию языкового материала.

1. Один из центров предполагаемого поля образуют экспрессивные номинации ребенка, мальчика, в роли которых выступает субстантивная форма: *га́врик* 'о ребенке' (алт., кемер., перм., псков., сиб., том., тул., урал.) (Алтайск. словарь 1, 201; Краснояр. словарь 1, 200; Малеча 1, 323; Перм. словарь 1, 154; Сл. Сибири 1, 219; Словарь Прииртышья 1, 130; СРНГ 6: 85;); 'о мальчике' (урал.) (СРНГ 6, 85); 'мальчик, юноша, ребенок мужского пола' (Полн. сл. сибир. 1: 138); 'о детях и подростках' (Псков. словарь 6, 121; Смолен. словарь 3, 9).

Приведенные лексемы отличаются широким распространением в русских диалектах: они фиксируются как на южных и центральных территориях, так и в говорах Урала и Сибири[3]. Несмотря на некоторую нетипичность модели с суф. *-ик* для народных деминутивных форм антропонимов[4], наиболее вероятным источником этих номинаций представляется имя *Гавриил* (*Гаврила*)[5].

Если семантическая модель, по которой антропоним используется как апеллятивированная единица с характерологическим значением, весьма частотна в говорах, то перенос "антропоним → → апеллятивное обозначение половозрастного/социального статуса человека" достаточно раритетен. В нашем материале, насчитывающем более 2500 отантропонимических русских диалектизмов-апеллятивов, мы обнаружили всего 4 обозначения ребенка, в которых актуализированы возрастной и социально-функциональный компоненты: *додо́н* 'ребенок, сосущий грудь' (Яросл. словарь 4, 8)[6],

катерёнок ‘маленький мальчик’ (СРНГ 13, 127)[7], *мирóн* ‘ребенок, рожденный вне брака’ (Перм. словарь 1, 517)[8], *петря́й* ‘мальчик на побегушках’ (СРНГ 26, 331)[9]. Примечательно, что данные лексемы, в отличие от языкового факта *гаврик* ‘ребенок, мальчик’, имеют более конкретную семантику, причем именно дифференцирующие семы позволяют в некоторых случаях делать выводы о мотивах номинации.

Попытка реконструировать мотивацию номинативных фактов привела к анализу примеров их словоупотребления, в результате чего выявились определенные закономерности.

Во-первых, в абсолютном большинстве контекстов единица гаврик употребляется во множественном числе и в связи с описанием ситуации большого количества детей: *С ей разошелся, а у ей восемь гавриков осталось* (СРНГ 6, 85); *У самого в семье семь гавриков было* (Словарь Прииртышья 1, 130); *У мами у меня было шесть гавриков* (Алтайск. словарь 1, 201); *Нас у отца-то восемь гавриков было* (Перм. словарь 1, 154); *У него гавриков много, он не поспеет зарабатывать. Вас он сколько, гавриков* (Малеча 1, 323); *Взрослых много, да еще гавриков целая изба* (Смолен. словарь 3, 9); *Ты не прихлебайся к ним, их и так, как гавриков* (Арханг. словарь 9, 20); *У меня вон сколько этих гавриков по улице бегает* (Псков. словарь 6, 121); *Дети они дети и есть. Вон их, гавриков, цела орда* (СРНГ 6, 85); *Вот, грит, гавриков-то сколько у них* (Сл. Сибири 1, 219).

Во-вторых, наблюдается тенденция употребления лексемы для обозначения не просто множества детей, а множества шумящих и шалящих детей, ср.: *гáврик* ‘непослушный ребенок, шалун’: *Плохих детей называют гаврики, сарынь, а умного детенка так не называют* (Сл. Сибири 1, 219); *Гаврик – маленький мальчик. Когда собирается много, саранча собралась, гавриками зовут* (Вершинин. словарь 2, 14; Полн. сл. сибир. 1, 138); *Гавриками-то когда разозлишься, вот и крикнешь* (на детей) (Словарь Прииртышья 1, 130).

Таким образом, оценка речевых контекстов заставляет признать семы “множество” и “крик, шум” компонентами экспликационала смысловой структуры исследуемых номинаций ребенка.

Вообще, эти компоненты могли возникнуть собственно в рамках значения ‘ребенок’: семантика шума – наряду, например, с семой “шалость, озорство” – по отношению к понятию “ребенок, дети” может иметь производный, сопутствующий характер; кроме того, на актуализацию данной семы могло повлиять народноэтимологическое прочтение формы слова (интерпретация элемента *га-* как звукоизобразительного, соотнесение с *гам, галдéть* и пр.). Однако представляется весьма вероятным определенное внешнее влияние, а именно – воздействие на формирование этих номинаций

созвучных дериватов других гнезд. Так, в связи с семой "толпа, множество" напрашивается сопоставление рассматриваемых языковых фактов с продолжениями праслав. **gavěd-* и **gavezъ*/ **gavežь*[10]. Представленные в различных славянских языках и диалектах, они в большинстве своем являются собирательными обозначениями мелкой живности: *гáведа* 'гады: лягушки, ящерицы и под.; насекомые' (вят., тул.), 'мошкара' (новг.) (СРНГ 6, 83); *гáведь* 'лягушки, ящерицы и пр.; насекомые'(олон.) (СРНГ 6, 83), 'о змеях' (Словарь Карелии 1, 321); *гáведь, гáвоть* 'насекомые' (Новг. словарь 2, 3). Характерно, что некоторые лексико-семантические варианты демонстрируют такую генерализацию значения, когда на первом плане оказывается именно идея множества живых существ, кучи, толпы – в том числе людей, детей: *гáвеза* 'множество одинаковых существ, предметов: детей в семье, птиц во дворе и т.д.' (курск.); *гáвез* 'множество' (ряз.) (СРНГ 6, 83); *гаведь, гаведя́та* 'маленькие дети' (Новгород словарь 2: 3); блр. диал. *гáвiда* 'множество, куча' (например, детей в семье), польск. *gawiedź* 'толпа', 'детвора' (ЭССЯ 6, 110–111).

Следовательно, можно предположить, что здесь мы имеем дело с явлением взаимодействия словообразовательных гнезд по принципу морфо-семантического поля[11]. Сходство внешней формы антропонима с производными славянского корня могло определенным образом направить деривационный процесс. Отантропонимическое образование присвоило себе семы 'мелкий', 'множество', которые вкупе с его "исконным" антропологическим смысловым компонентом[12] сформировали значение 'дети'.

Одним из дальнейших шагов семантического развития следует считать редукцию идеи человека /живого существа и выход на первый план семантики мелкости, когда единица *гáврик* используется для обозначения неодушевленных предметов небольшого размера: 'маленький стог': *Пять гавриков сметали, не стоги, а гаврики, машемся, машемся, а ни с места долой* (Словарь Карелии 1, 321); 'оставшаяся в поле, не убранная вовремя картошка': *Во время войны мы всё собирали гаврики в поле, где была раньше картошка посажена* (Псков. словарь 6, 121).

Примерами же более глубокой "мимикрии" производных имени *Гаврила* под влиянием гнезда **gavěd-* являются номинации *гáврики* 'вши' (новг.); *гаври́лка* 'бранно о змее, гадюке' (олон.) (СРНГ 6, 85).

Кроме того, смысловой компонент 'крик, шум (издаваемый множеством живых существ)' позволяет предположить включенность в деривационный процесс еще одной группы участников – дериватов праславянского звукоподражания **gava* (ЭССЯ 6, 110; Аникин. Балто-слав. 1, 389), являющихся обозначениями птиц, ср.: *гáва* 'ворона'

(южн.) (СРНГ 6, 83); *гáвка* 'гага' (арханг., сиб.); 'особая порода морских уток черной масти' (онеж.) (СРНГ 6, 84), а также укр. *гава, гáвря* 'ворона' (Сл. укр. мови 1, 263). Вписаться в морфо-семантическое поле этим дериватам позволяет как формальный фактор (созвучие с *гавр-* и *гавед-*), так и семантический: ментальный образ птицы (стаи птиц) коррелирует с представлениями и о прочей мелкой живности (например, стае насекомых), и о детях, собирающихся в ватагу, кричащих[13].

Можно также предположить, что именно воздействие этого гнезда в определенной степени обусловило усиление собирательного компонента в структуре лексического значения слова *гáврики* 'дети'. Оно же могло способствовать возникновению языковых фактов, этимологию которых трудно установить однозначно. Речь идет о собирательных номинациях *гавшá, гашá (гашшá.).* С точки зрения формы они – если допустить версию о диалектной акцентологической вариативности – сопоставимы с деминутивами от имени *Гаврила*: *Гáвша, Гáша*[14]. В семантическом же отношении эти лексемы демонстрируют параллелизм своих значений со значениями производных *гавр-* и *гавед-*: *гавшá* 'дети, детвора' (морд., сарат.): *Семья у него большая, одной гавши восемь человек. Гавша надоела своим криком* (СРНГ 6, 85), *Иди к гавше да бегай с ними* (Мордов. словарь 1, 105); 'мелкие живые существа': *Одной гавши наловили* (Мордов. словарь 1, 105); 'мелкие однородные предметы': *Ну и гавша уродилась нонче, а не картошка* (Мордов. словарь 1, 105); *гашá* 'дети разных возрастов о большом количестве' (Яросл. словарь 3, 72); *гашá, гашшá* 'ватага детей (обычно шумящих, шалящих)' (костр.): *Вся гаша собралась в кучу; Ах вы, лешего гашша, про детей говорят, гашша-то бегают много. Полон дом гашши* (Карт. Сл. Русского Севера). Кроме того, в костромских говорах зафиксирован лексико-семантический вариант – номинация птицы: *гашá* 'галки' (костр.): *Вот гаша полетела* (Карт. Сл. Русского Севера), – который позволяет говорить об актуальности семантической модели "птицы ⇔ дети".

Таким образом, можно предположить, что в рамках представленного выше материала имеет место явление взаимодействия словообразовательных гнезд по принципу морфо-семантического поля. Сходство внешней формы дериватов славянских корней **gavěd-* и **gav-* с производными антропонима могло определенным образом направить деривационный процесс. А именно, получили актуализацию определенные семантические модели, за отантропонимическими образованиями закрепились соответствующие смысловые компоненты; также появились языковые факты "переходной зоны" – лексемы, которые формально восходят к антропониму, однако их семантика наведена со стороны дериватов данных корней.

2. Другая лексико-семантическая группа антропонимических дериватов-субстантивов, которая также отличается многочисленностью и распространенностью в диалектах, – это характерологические номинации. Ядром ее следует, очевидно, признать обозначения умственно неполноценного человека: *гáврик* ‘простак, простофиля, разиня, глупец’ (волог., иссык-кульск., курск., н.-донск., орл., смол., урал.) (Малеча 1, 323; СРНГ 6, 85); ‘шутливое название чудаковатых людей’ (Смолен. словарь 3, 9); *гáвря* ‘простофиля, глупец’ (волог.) (СРНГ 6, 85); *гáвша* ‘бестолковый человек, дурак’ (смол.) (СРНГ 6, 85; Смолен. словарь 3, 9); *гáвша, гавшá* ‘бестолковый, глуповатый человек’ (Смолен. словарь 3, 9).

Относительно происхождения этих языковых единиц можно выдвинуть несколько предположений.

Во-первых, данная лексическая группа может быть связана отношениями производности с номинациями ребенка. Идея ребенка как “неполноценного” человека – в физическом и социальном планах – эксплицируется, например, в лексико-семантических вариантах *гáврик* ‘о человеке невысокого роста’ (Перм. словарь 1, 154); ‘о неавторитетном, неуважаемом человеке’ (СРНГ 6, 85); она же могла стать деривационной базой для слов с семантикой умственной неполноценности. Дополнительным доказательством версии о непосредственной деривационной связи двух семантических линий является фиксация обоих лексико-семантических вариантов единицы *гáврик* в смоленских, а также в тульских говорах.

Во-вторых, при формировании семантики глупости определенную роль мог сыграть фонетический (звукосимволический) фактор: тот же компонент га- передает впечатление от открытого рта, а признак “полоротости” является одной из составляющих ментального образа дурака[15].

В-третьих, необходимо указать на выраженный доминантный характер модели семантического переноса, по которой антропоним используется как экспрессивно оценочная номинация глупого человека (например, *ерёма* ‘недогадливый, глупый человек; простофиля’ (СРНГ 8, 368; Яросл. словарь 4, 36); *макáр* ‘простак, глупец’ (СРНГ 17, 308); *малáнья* ‘простушка; глуповатая, недалекая женщина’ (СРНГ 17, 318) *улúта* ‘очень забывчивый, рассеянный человек’ (Сл. Сред. Урала 6, 127) и мн. др.). Изучение комплекса характерологических номинаций антропонимического происхождения показало, что такая позиция идеографической классификации, как “умственно ущербный человек: дурак, простофиля, рассеянный и пр.”, является наиболее регулярно заполняемой и многочисленной[16].

Наконец, в-четвертых, в связи с характерологическими номинациями, производными от антропонима *Гаврила*, также можно пред-

полагать влияние со стороны гнезда **gavěd-*. В числе его производных есть ряд языковых фактов, в которых усилившийся пейоративный компонент получил особую актуализацию и обусловил развитие семантики по пути бóльшей генерализации и экспрессивности, ср.: польск. *gawiedź* 'сволочь, шпана' (ЭССЯ 6, 110); рус. диал. *гáведа* (тул.), *гавéдь* (арханг.) 'что-либо мерзкое, гадкое; гадость, дрянь' (СРНГ 6: 83); *гáведь* 'бранно о человеке' (арханг.)[17]; 'противный, скверный человек' (арх.); *гáведно, гавéдно* 'противно, гадко, отвратительно' (арханг., перм., свердл.); 'грязно, душно' (заурал., кург.) (СРНГ 6, 83). Таким образом, предположительно, дериваты этого гнезда в какой-то степени могли инициировать пейоративную линию семантического развития атропонимических производных: помимо обозначений дурака, отмечается ряд других примеров, где деминутивные формы имени выступают в качестве экспрессивно-оценочных единиц с различными негативными значениями: *гáврик* 'хитрец, пройдоха, ловкач' (дон., пенз.); 'щеголь, ферт (с пометой *неодобр.*)' (тул.); 'хулиган' (волог.) (СРНГ 6, 85); 'бездельник' (Краснояр. словарь 1, 200); *гавшá* 'плохой человек' (казан.) (СРНГ 6, 85); ср. также название грибов (предположительно, разновидности рыжиков) *гáврины гýбы*, мотивировочными признаками которых могли стать невысокое качество и непривлекательный внешний вид: *Есть рыжики, а есть бабье ухо, а ишо гаврины губы, на борах растут, корявые* (подчеркнуто нами. – *И.Р.*) (Перм. словарь 1,191).

3. В смоленских говорах зафиксирована группа предметных номинаций: *гáврик, гáврила, гаврúла, гаврúлка* (СРНГ 6, 85; Смолен. словарь 3, 3) 'деревянная подставка, в которую вставляли горящую лучину, светильник': *Тады был гаврик, ли лучины. Уторнишь лучину в етый гаврик, и горить. Такая была подставка, гаврила. Туды лучину вставляли* (Смолен. словарь 3, 3).

Попытка интерпретировать данные факты с точки зрения мотивированности привела, во-первых, к обнаружению параллелей в паремиологии: в загадках посредством антропонима *Гаврила* кодируются предметы-осветительные средства, при этом акцентируется такой их признак, как загрязненность: *Стоит Гаврило, замазано рыло. – Свеча* (ряз.)[18]; *Стоит Гаврило, замарано рыло. – Светец* (ворон., орл., ряз.)[19].

Во-вторых, в связи с признаком загрязненности обращает на себя внимание гнездо глагольных дериватов с корнем *гавр-*, а именно та его часть, где эксплицируется семантика пачкания, грязи: ср. смол. *загáврать* 'загрязнить, испачкать' (Смолен. словарь 4, 52), а также *гáвраться, гáвриться* (курск.) (СРНГ 6, 84), *гáвряться* (Яросл. словарь 3, 65) 'пачкаться', *гáврать* 'сорить, наводить беспорядок, грязь в доме' (тамб.)[20], *гáврить* 'пачкать' (олон.) (СРНГ 6, 85); а также субстантивные формы: *гáвря* 'гной и другие продукты рас-

пада тканей живого организма' (беломор., олон.) (СРНГ 6, 85), *загáвря* 'не заботящийся о своем внешнем виде, неопрятный человек, неряха' (волог., новг.) (СРНГ 9, 351).

Приведенные лексемы возводятся к праслав. **gavьrati* /**gavьriti*. В ЭССЯ данная форма интерпретируется как возникшая из сложения экспрессивной приставки **ga-* и глагола **vьrati* /**vьriti* 'вертеть'. Эта версия признается О.Н. Трубачевым наиболее приемлемой, в частности, из тех соображений, что таким образом поддается объяснению весь ряд значений, которые приобрел глагол в славянских языках ('дразнить', 'насмехаться', 'пачкать, грязнить', 'играть, подбрасывая посох', 'портить', 'прясть' и пр.) (ЭССЯ 6, 112–113). Однако согласно другой версии, это экспрессивный дериват от **gaviti*[1] 'делать безобразным, отвратительным; вызывать отвращение', которое, в свою очередь, связано с **govьno* (SP 7, 77, 73; Аникин. Балто-слав. 1, 390–391).

Представляется, что материал русских говоров свидетельствует в пользу второй версии: подавляющее число дериватов гнезда **gavьr-* развивают значения в рамках семантического комплекса "пачкать – портить посредством загрязнения – портить посредством неумелого обращения"; в дополнение к приведенным выше ср.: *гáврать* 'делать что-либо плохо' (ворон., курск., орл.) (СРНГ 6, 84), 'готовить пищу невкусно, нечисто; пачкать грязнить помещение, посуду при приготовлении пищи' (курск., орл.) (СРНГ 6, 84), *гáврить* 'делать что-либо плохо, неумело (невкусно, нечисто готовить пищу; прясть (кое-как, медленно)[21]' (курск.) (СРНГ 6, 85), *гáврять* 'портить' (олон.) (СРНГ 6, 85), *перегáврать* 'мешая, соединяя что-либо разнородное, сделать непригодным для дальнейшего использования': *Рядом положили две кучки: сено и солому ячменную, а куры усё кругом раскопали, перегаврили усё, теперя не поймёшь, там и сено, и солома, и ветки, и перья* (Орлов. словарь 9, 58), *погáврать* 'напрасно извести продукты из-за неумелого их использования' (Орлов. словарь 10, 18), *гáвраться* 'готовить пищу невкусно, нечисто' (курск., орл.): *Неудалая баба гавраеся целое утро около печи* (СРНГ 6, 84), ср. также *гáвра*: *Погаврала муку, гавра, а пирогов не напекла* (Орлов. словарь 10, 18), *загáвря* 'беспечный, нехозяйственный человек' (волог.) (СРНГ 9, 351), 'неумелый, неловкий, неуклюжий человек' (новг.) (СРНГ 9, 351)[22].

Таким образом, есть основания предполагать, что отантропонимические номинации светильника и свечи мотивированы со стороны денотата признаком загрязненности, а со стороны языка – соотнесенностью сем "грязь", "пачкать" с антропонимом *Гаврила*[23]. Данная соотнесенность, в свою очередь, обусловлена морфо-семантическим сближением антропонима и его дериватов с производными форм **gavьrati* /**gavьriti* < **gaviti* < **govьno*.

Помимо этих предметных номинаций, фактом “смешанного” происхождения можно, очевидно, считать глагол *гаврýлить* ‘делать что-либо плохо’ (СРНГ 6, 85). Он зафиксирован в воронежских говорах, где существует наряду с вариантом *гáврать* в том же значении, и вполне вписывается в вышеприведенный ряд русских диалектизмов, производных от **gavьrati /*gavьriti*. При этом его форма дает явный отсыл к антропониму, сопровождающийся усилением экспрессивно-оценочного компонента.

Итак, рассмотренные в данной работе языковые факты позволяют сделать вывод о существовании в русской диалектной традиции морфо-семантического поля, в которое оказались в той или иной степени втянуты единицы, соотносимые с несколькими корнями: дериваты восходящих к праслав. **gaviti* форм **gavěda / *gavědъ / *gavědь*, **gavezъ / *gavežь*, **gavьrati /*gavьriti*, восходящие к праслав. **gava* орнитонимы, а также апеллятивированные формы, производные от антропонима *Гавриил / Гаврила*.

Описанное языковое явление особо примечательно в том плане, что дает возможность наблюдать, каким образом может осуществляться возникновение отантропонимических апеллятивов. Формальное сходство антропонима с определенными корнями нарицательной лексики позволяет ему внедряться в апеллятивные парадигмы, подсоединяться к соответствующим гнездам и получать “семантическую подпитку” от этой среды. Таким путем имя, трансформируясь в апеллятив, в той или иной степени заимствует семантику, параллельно реализуя и собственный смысловой потенциал, источником которого может быть, например, звукоизобразительное или звукосимволическое прочтение его формы. Возникающие на этой почве лексемы-“метисы” – это “частичные” дериваты нарицательных единиц, нередко отличающиеся от последних бóльшей экспрессивностью, ярко выраженной игровой прагматикой, поскольку связь с антропонимом не утрачивается окончательно, остается в качестве фона.

Примечания

[1] Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента РФ МК-3565.2004.6

[2] *Родионова И.В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. № 2(10), 2005, 159–189.

[3] Лексема *гаврик* ‘ребенок’ имеет статус факта просторечия.

[4] В словаре Н.А. Петровского к имени Гавриил приводятся следующие деминутивы: *Гаврúлка, Гáвря, Гаврю́ня, Гаврю́ся, Гаврю́ха, Гаврю́ша, Гáня, Ганю́ся, Ганю́ха, Ганю́ша, Гагáня, Гáвша, Гáша* (*Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 2000, 93).

[5] Ср.: *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004, 108.

[6] Может считаться не столько семантическим дериватом, сколько омонимом, возникшим в соотнесении с фонетически мотивированными лексемами *додóлить* ‘много есть: кормить, поить вдоволь’; *додóнить* ‘сосать грудь’; *дудóнить* ‘сосать грудь’; ‘пить неотрывно, много’ (Яросл. словарь 4, 8, 24).

[7] На той же территории (калуж. говоры) фиксируется факт *катерё́нок* ‘маленький цыпленок’ (СРНГ 13, 127); в других областях компонент *кáтя* широко используется в подзывных словах к курам (Доп. с Сл. Сред. Урала, 229), козам (СРНГ 13, 137), овцам (СРНГ 13. 138; Смолен. словарь 5, 23–24). свиньям (Яросл. словарь 5, 24); ср. также *кáтерик* ‘двухлетний теленок’ (СРНГ 13, 127); таким образом, обозначение ребенка может считаться вторичным по отношению к обозначению детеныша животного.

[8] Очевидно, от *мир* ‘община’, т.е. “общий” ребенок, при аттракции к имени *Мирон.*

[9] На той же территории (Юж. Урал) фиксируются номинации *петря́йка, петря́юшка* ‘о мужчине’ (СРНГ 26, 331–332).

[10] Данные формы возводятся к глаголу **gaviti* ‘делать безобразным, отвратительным, вызывать отвращение’, который соотносится с **govьno* ‘экскременты’ (SP 7, 73; Аникин. Балто-слав. 1, 390–391).

[11] *Варбот Ж.Ж.* Морфо-семантическое поле в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка. 1995. Т. 54. № 4, 60–65.

[12] Данный компонент – идея отнесенности номинируемого объекта к классу людей – является частью семантической структуры антропонима.

[13] Семантический перенос “птицы → дети” является весьма распространенным; ср. устойчивые метафорические номинации детей *птенчики, галчата,* а также в дискурсе советской эпохи *орлята.*

[14] *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 2000, 93.

[15] *Леонтьева Т.В.* Интеллект человека в зеркале русского языка. Автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

[16] Подробнее в: *Родионова И.В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах.

[17] Ср. контекст к экспрессиву *гáведь* ‘о человеке’: *Ребятишки* (sic! – *И.Р.*), *гаведи пакостные, ничего не слушают* (Словарь Карелии 1, 321). Его можно интерпретировать как пример ответного влияния, “рикошетного” импульса со стороны отантропонимических лексем (*гáврик* ‘ребенок (в т.ч. шалящий, шумящий, непослушный’).

[18] *Садовников Д.* Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. М., 1995, № 213.

[19] *Садовников.* Указ. соч., № 196-б: *Митрофанова В.В.* Загадки. Л., 1968, № 3272.

[20] *Моисеева Я.С.* Словарь диалектных глаголов Тамбовской области. Тамбов, 1998, 20.

[21] Для объективности отметим, что в костромских говорах фиксируются лексико-семантические варианты, в которых выражено только процессуальное значение, без пейоративно-оценочного компонента: *гáврять* ‘прясть’ (Яросл. словарь 3, 65); *нагáврить* ‘напрясть’: *Ой, как ты много нагаврила* (Яросл. словарь 6, 88). Однако при этом одна из дефиниций характеризуется неопределенностью и содержит предположение об отрицательном качестве

процесса: *гáврать* 'прясть (?), вероятно, копаться кое-как за прялкой' (Яросл. словарь 3, 65).

[22] На территории Ярославской и смежных областей подобные формы отмечены также в качестве обозначений физиологических действий и явлений, сопровождаемых звуками кашля, рвоты: *гáврить* 'тошнить (безлич.)'; 'рвать' (безл.); 'издавать звуки при позывах к рвоте"; 'кашлять' (СРНГ 6, 85; Яросл. словарь 3, 65); *гаври́ться, гáвряться* 'чувствовать тошноту, позывы к рвоте'; 'давиться плохо прожеванной пищей при быстрой еде'; 'издавать звуки при позывах к рвоте'; 'находиться в состоянии рвоты'; 'кашлять громко, с трудом' (Яросл. словарь 3, 65); *загáвриться* 'закашляться или поперхнуться во время еды'; 'почувствовать позыв к рвоте, тошноту' (СРНГ 9, 351); ср. также *гáврила* 'о человеке, с трудом и громко кашляющем' (Яросл. словарь 3, 65). Вероятно, эти факты являются по отношению к приведенным словообразовательными омонимами звукоизобразительного происхождения, которые можно соотнести с **gaviti*[2] 'быть невнимательным. ротозейничать', производным ог **gava* 'ворона; разиня' (SP 7, 73; Аникин. Балто-слав. 1, 390–391). Результатом дальнейшего семантического процесса на базе семы 'издавать (громкие) голосовые звуки' являются, вероятно, варианты *гáвряться* 'упрямиться в споре, говорить с оттенком противоречия'; *гáвриться* 'куражиться' (Яросл. словарь 3, 65).

[23] В костромских говорах фиксируется ряд глагольных дериватов, корень которых, очевидно, имеет антропонимическое происхождение (от имени *Кирилл*), а значения базируются на идее масления, пачканья: *закири́лить, закири́ливать* 'замазывать, замасливать что-либо', *закирю́шничать* 'замаслить, замазать' (СРНГ 10, 125); *искири́лить, цскирю́шничать* 'измазать маслом, измаслиться': *искири́литься* 'измазаться маслом' (СРНГ 10, 215); *накири́лить* 'намаслить, положить масла': *Накирилить кашу* (СРНГ 19, 319); *накирю́шить, накирю́шничать* 'намазать, намаслить' (СРНГ 19, 320); *раскирю́шить, раскирю́шиться. раскирю́шничить* 'размазать много масла; запачкаться' (СРНГ 34, 117) и др. Приведенная загадка имеет варианты с именем *Кирило*: *Кирило! Кирило! Что у те замазано рыло? – Так Бог велел. – Шесток* (без указ. мест.) (Садовников. Указ. соч.., № 130); *Кирило замазано рыло. – Ночник,* (курск.) (Садовников. Указ. соч. № 220). Мы не имеем достаточного числа доказательств по поводу отношений производности между этими фактами паремиологического и языкового уровней; их различная географическая привязка усугубляет сомнения. Однако пример семантико-мотивационного соответствия, которое мы усматриваем между паремийной номинацией *Гаврила* и лексемами с корнем *гавр-*, позволяет предложить версию о существовании в данном случае определенной связи. А именно, можно предположить, что это обратный рефлекс переноса *гаврить* 'пачкать' → *Гаврила* 'грязный': вариант *Кирило* – как кодовое обозначение бытового предмета, отличающегося загрязненностью, засаленностью (шесток, ночник), – мог обусловить возникновение отантропонимических глагольных дериватов с соответствующей семантикой.

В.В. Седов

О РАССЕЛЕНИИ СЛАВЯН НА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЕ ИЗ ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА

Лингвистические исследования О.Н. Трубачева в области культуры и этногенеза древних славян имеют исключительное значение для археологов, пытающих разобраться во всех деталях ранней истории славянства, понять на основе данных своей науки, каким образом, на какой территории, в какое время и во взамодействии с какими этносами развивалось это этноязыковое образование на протяжении столетий и тысячелетий. Работы этого ученого привлекательны тем, что содержат множество интереснейших наблюдений и примечаний, которые существенны как для познания отдельных вопросов славянского этногенеза, так и для освещения этой проблемы в целом. Одним из существенных научных открытий О.Н. Трубачева стало определение на основе анализа ремесленной лексики (гончарной, кузнечной, текстильной и деревообрабатывающей) центральноевропейского культурного региона, в условиях которого носители раннеславянских диалектов или их предки в период, когда формировалась эта терминология, находились в тесных контактах с будущими италиками, германцами и кельтами[1]. Это позволило археологам понять процессы вычленения кельтов, германцев, италиков и славян из существовавшей в Средней Европе в бронзовом веке этноязыковой общности западных индоевропейцев, соотносимой с среднеевропейской культурно-исторической общностью полей погребений[2].

Много внимания уделил О.Н. Трубачев обоснованию длительного проживания ранних славян в Дунайском регионе[3]. Мысль о дунайской прародине славян восходит к “Повести временных лет”: “По мнозехъ же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте” – записал ее автор киевский монах Нестор[4]. Поводом для широкого расселения славян из Подунавья, согласно летописи, было нападение на них влахов/волохов. Этот летописный рассказ стал основой так называемой дунайской теории их происхождения, которая была популярной в хрониках и сочинениях средневековых авторов. П.И. Шафарик в знаменитом труде “Славянские древности” посвятил целую главу обоснованию достоверности этой традиции. Эту же мысль проводили в своих трудах и многие русские и западноевропейские историки и языковеды XVIII–XIX вв., в том числе М. Погодин, С.М. Соловьев, В.И. Ключевский и др.

Вместе с тем, параллельно с теорией дунайского происхождения славян в эпоху средневековья и в новое время высказывались и иные мнения о начале славянской истории[5]. Первым, кто серьезно поколебал дунайскую теорию, был знаменитый чешский ученый-энциклопедист Л. Нидерле. Им были проанализированы и обобщены достижения различных наук в области славистики – истории, лингвистики, этнологии, антропологии и археологии. В трехтомном труде “Славянские древности” исследователь отрицает возможность нахождения прародины славян на Дунае, показав на основании данных разных наук, что областью их расселения в начале нашей эры была территория к северу и северо-востоку от Карпат от верховьев Варты на западе до Днепра на востоке. Согласно Л. Нидерле, утверждение древнерусского летописца о дунайской прародине славян является вымыслом, связанным с отходом их от Вавилонской башни через Балканы в земли иллирийцев, отождествляемых со славянами[6]. Все те летописные места, где говорится о дунайских славянах и их судьбах, А.А. Шахматов относил к “Сказанию о грамоте славянской”. В итоге теория о дунайской прародине славян оказалась отвергнутой наукой XX в. Однако, как подчеркивал О.Н. Трубачев, она “никогда не утрачивала полностью своей привлекательности”.

В ряде статей и в названной уже книге “Этногенез и культура древнейших славян” этот ученый попытался показать, что имеются лингвистические материалы, прежде всего, этимологические и ономастические, в пользу реабилитации этой теории. Исследователь утверждает, что праславянский язык образовался непосредственно из индоевропейского, минуя промежуточную балто-славянскую стадию, и относит этот процесс к III–II тыс. до н.э. Древнейшим регионом славян было Среднее Подунавье. Здесь славяне имели контакты с праиталиками, кельтами и иллирийцами. Широкая миграция кельтов вынудила часть славян продвинуться к северу от Карпат, в результате ими было освоено Повисленье. Здесь славяне взаимодействовали с германцами. К этому же времени относится начало контактов славян с ираноязычным населением Северного Причерноморья и индоарийскими группами, входившими в состав Великой Скифии. Во второй половине I тыс. до н.э. устанавливаются тесные связи между славянами и балтами, что отразилось в многочисленных схождениях в области фонологии, грамматической структуры и словарном фонде. На основании данных топонимики О.Н. Трубачев показывает, что древнейшей землей славян была Паннония, которая оставалась таковой вплоть до прихода туда венгров. Иными словами, славяне произошли оттуда, откуда их ведут древнерусские летописи.

Археологические материалы не дают возможности согласиться с этногенетическими построениями О.Н. Трубачева. Дунайский ре-

гион принадлежит к числу достаточно хорошо исследованных в археологическом отношении: известные здесь древности гальштатскои и латенской культур, а также материалы римского времени исключают концентрацию славянского этноса в Среднем Подунавье. Археология свидетельствует о заселении этого региона славянами только в период великого переселения народов (последние десятилетия IV–V вв.), что коррелируется с данными исторических источников. Вместе с тем, материалы археологии подтверждают положение О.Н. Трубачева о том, что Дунайский регион в самом начале Средневековья был историко-культурным центром славянской жизни, откуда исходили импульсы в другие славянские земли и откуда действительно шла миграция славянского населения, зафиксированная Повестью временных лет.

В нашей статье рассматривается вопрос о славянском расселении на Восточно-Европейской равнине из Дунайского региона, как он в настоящее время решается на археологических материалах.

В Восточной Европе первые славяне появились в римское время[7]. Ранее их земли ограничивались территориями, расположенными к северу от Карпат. Севернопричерноморские земли длительное время принадлежали племенам, относившимся к иранской языковой группе, сначала скифам, затем сарматам, а также, как показал О.Н. Трубачев, остаткам индоарийского населения. На рубеже II и III вв. в лесостепной области Днестро-Днепровского междуречья из ареала полиэтничной пшеворской культуры (Висло-Одерский регион) началась инфильтрация славян. В областях внутрирегионального смешения пришлого населения с аборигенным формируется славяно-иранский симбиоз, в условиях которого сарматы сменили кочевой образ жизни на земледельческий уклад и постепенно славянизировались. Складывается диалектно-культурное новообразование славян, известное по раннесредневековым источникам как анты. Они заселяли плодородные земли лесостепи, составляя часть населения провинциальноримского образования – черняховской культуры, ее подольско-днепровский регион. В IV в. в составе государства Германариха анты, по-видимому, образуя собственное политическое образование, были подвластны готам, регионами проживания которых были Нижнее Поднепровье и Днестро-Дунайское междуречье.

В результате нашествия гуннский орд в 70-х годах IV в. ремесленные центры, снабжавшие население черняховской культуры орудиями труда, оружием, предметами быта и украшениями, были разгромлены или разорены, культура прекратила свое существование. Это привело к заметному упадку уровня жизни и быта, а также общественно-социальной организации населения. Готы

пошли на запад, часть их мигрировала в Крым. Какая-то часть земледельческого, преимущественно славянского, населения сохранилась в Днестровской лесостепи и создала пеньковскую (антскую) культуру (V–VII вв.), на основе которой впоследствии образовались известные по древнерусским летописям уличи, тиверцы и хорваты.

Крупные массы земледельческого населения черняховской культуры при гуннском погроме переселились на плодородные земли Среднего Поволжья, где ими была создана именьковская культура (V–VII вв.). На рубеже VII и VIII вв. там появились воинственные тюркские кочевники. В результате большая часть славян-земледельцев вынуждена была переселиться в лесостепные области междуречья Днепра и Дона, где образовалась родственная именьковской волынцевская культура (VIII–IX вв). Вскоре эта группа славян расширила свою территорию на север, заселив и лесные области Верхнего и правобережье Среднего Поочья. Волынцевская культура эволюционировала в роменскую, боршевскую и родственную им окскую и стала основой формирования северян, вятичей и радимичей. Эта диалекто-племенная группа славян заложила основу будущих южновеликорусов, которые до настоящего времени выделяются отчетливыми диалектными и этнографическими особенностями.

Еще одна этнографическая группа славян, представленная пражско-корчакской культурой (V–VII вв.), расселилась на Волыни и в южных областях Припятского Полесья вплоть до Киева. К началу VIII в. эта культура трансформировалась в культуру луки-райковецкой, внутри которой образовались известные по летописям волыняне, древляне, поляне и дреговичи.

Северные области Восточно-Европейской равнины заселялись славянами из северной (венедской) группы пшеворского ареала, в значительной степени из Среднего Повисленья, как свидетельствуют археологические данные, запустевшего в конце IV–V в. на некоторое время. Первыми следами миграции нового населения в севернорусские земли (от Псковского озера и Полоцкого Подвинья на западе до междуречья Волги и Клязьмы на востоке) являются неизвестные здесь ранее вещевые находки провинциальноримского среднеевропейского происхождения. Это – шпоры и удила, пластинчатые кресала и бритвы, в-образные рифленые пряжки и пельтовидные привески в стиле сёсдал, ювелирные и туалетные пинцеты и стеклянные бусы, наконечники копий и дротиков. Вместе с ними на той же территории получают распространение железные серпы, ставшие основой древнерусских, каменные жернова для мельниц (до этого население использовало зернотерки), а также культуры ржи и овса.

Эта крупная миграция датируется концом IV–V в. И сопровождается прекращением развития местных культур раннего железного века. Пришлое население совместно с аборигенами формирует новые культуры, генетически не связанные с предшествующими. Это – культура псковских длинных курганов в бассейнах озер Псковского и Ильменя (V–VIII вв.), отождествляемая с кривичами, древности удомельского типа (V–VII вв.) и позднее культура новгородских сопок в Приильменье (VIII–X вв.), носителями которых были словене ильменские; тушемлинская (V–VII вв.) и культура смоленско-полоцких длинных курганов на верхнем Днепре и Западной Двине (VIII–X вв.), отражающие славяно-балтский симбиоз и формирование смоленско-полоцких кривичей; мерянская культура в Волго-Клязьминском междуречье (славяне и финноязычная меря при начавшемся процессе славянизации последней).

Это население стало ядром последущего сложения северновеликорусов. Специфические языковые связи между предками северной ветви восточных славян и лехитской группой славянства предполагались Н.С. Трубецким, Т. Лер-Сплавиньским и Я. Чекановским и в последние десятилетия изучаются по особенностям кривичских говоров и новгородским берестяным грамотам (С.Л. Николаев, А.А. Зализняк и др.).

В тот период, когда Восточно-Европейская равнина в той или иной степени уже была освоена славянским населением, начался многократный прилив крупных и мелких групп славян из Дунайского региона.

Появление первых дунайских переселенцев в южных районах Восточной Европы археологически фиксируется рубежом VII и VIII вв. Наиболее ярким памятником, отражающим это, является Пастырское городище, где найден комплекс металлических изделий, художественный стиль которых обнаруживает явные дунайские истоки. Первые мастера-ювелиры, работавшие на этом поселении, безусловно пришли из Подунавья. Ими были привнесены в Поднепровье передовые для того времени провинциально-византийские технологии. Следы перемещения ювелиров из Дунайского региона выявлены также на поселениях Зимно на Волыни, Бернашевка на среднем Днестре, Мытковском и Гайвороне на Южном Буге, Малые Будки на Сумщине[8].

С расселением на Восточно-Европейской равнине довольно многочисленных групп славянского населения из Среднего Подунавья связано появление и распространение в середине VIII в. комплекса дунайских украшений, изготовленных из цветных металлов в технике тиснения и обильно декорированных зернью. Сюда входят серьги, лунницы, бусы, круглые медальоны и перстни с полусферическими щитками. О.А. Щеглова, всесторонне исследовавшая эти

украшения из памятников Среднего Поднепровья, пришла к твердому заключению, что их появление может быть обусловлено только миграцией в этот регион славян из Среднего Подунавья[9]. Это подтвердил шведский исследователь В. Дучко, проанализировавший подобные украшения из древностей Скандинавии и показавший их великоморавские истоки[10].

О крупной волне (или волнах) славянской миграции, исходившей из Среднедунайских земель в IX–X вв., свидетельствуют находки серебряных и бронзовых проволочных серег (или височных колец) с подвеской из полых шариков в виде грозди винограда и симметрично расположенных розеточек, составленных также из шариков зерни. Они встречены многократно в Поднестровье и на Волыни, на Южном Буге и Среднем Поднепровье, в том числе в Киеве, окрестностях Чернигова и Переяславля Южного, в курганах дреговичей и в Гнездово под Смоленском. Коренной территорией таких украшений являются Среднее Подунавье и Адриатика, где они получили распространение около середины VIII в. и бытовали в основном до конца IX в. (в отдельных местностях встречены и в древностях первой половины X в.)[11] Восточноевропейские находки датируются IX – началом X вв. и появление их в этом ареале в результате миграции славян из Среднедунайских земель представляется несомненным. Им посвящены две специальные статьи – Е.Ю. Новиковой и написанная совместно Р.А. Рабиновичем С.С. Рябцевой[12].

Дунайское происхождение имеют и ранние лучевые височные кольца, послужившие прототипами семилучевых и семилопастных височных колец радимичей и вятичей. Восходят лучевые кольца к широко распространенным в Подунавье золотым и серебряным подвескам в виде колец с треугольными отростками-лучами, составленными из зерни. На юге Восточной Европы лучевые кольца появились в IX в. (Хотомель, Новотроицкое, Полтава). К IX–X вв. относятся их находки в памятниках роменской культуры, на верхнем Дону и в Верхнеокском бассейне. Самыми северными являются лучевые кольца из поселения в Гнездово. Разбросанность находок позволяет предполагать в данном случае не миграцию более или менее крупных масс дунайских славян, а разрозненную инфильтрацию небольших групп их.

В других случаях можно говорить и о расселении крупной массы славян из Дунайского региона. Таковым, очевидно, было передвижение большой группы дунайских славян в лесные области Восточно-Европейской равнины, имевшее место в IX в. Однако и здесь дунайские переселенцы расселились не сплошной массой, а расселились среди славян, осевших в этом местностях ранее. Показателем такового явления являются находки лунничных ви-

сочных колец и трапециевидных привесок с точечным орнаментом по нижнему краю[13]. Первым ареалом лунничных височных колец стали земли смоленско-полоцких кривичей и средняя Ока. На этой же территории встречаются и названные трапециевидные привески.

С инфильтрационным расселением дунайских славян связаны разрозненные находки на Восточно-Европейской равнине довольно крупных железных ножей с рукоятками, оформленными волютообразными навершиями. Исследователи полагают, что это были культовые предметы. В Дунайско-Карпатском регионе они бытовали в V–VIII вв. Позднее в Среднем Подунавье они исчезают и появляются в Восточной Европе от Поднестровья до Новгородчины (на нижнем Дунае такие ножи известны и в памятниках VIII–X вв.). Дунайское начало имеют также железные удила типа I по классификации А.Н. Кирпичникова[14]. На Среднем Дунае такие удила широко представлены в памятниках VI–VIII вв. В лесных областях Восточно-Европейской равнины они получают распространение в IX–X вв. Некоторые из них сопоставимы с дунайскими малейшими деталями. Так, найденные при раскопках Холопьева Городка под Новгородом удила имеют эсовидные псалии, которые увенчаны зооморфными головками, инкрустированными латунными пластинами с глазками-вставками из синего стекла, и обнаруживают точные аналогии в Среднем Подунавье[15].

С инфильтрацией дунайских славян в среду восточного славянства связано и появление металлических нагрудных крестов с так называемым "грубым изображением распятого Христа". Истоки их находятся в Великой Моравии, откуда они и распространились в различных областях Древней Руси[16]. Конечно, далеко не все восточнославянские находки таких крестиков поступили из Среднего Подунавья, некоторые из них могли быть изготовлены в Восточной Европе мастерами, переселившимися из Моравии, или местными ремесленниками по "великоморавским образцам". Интересно, что первые находки подобных крестиков на территории Древней Руси относятся ко времени до официального принятия христианства. Так, в Новгороде одна из находок обнаружена между настилами мостовых Великой улицы ярусов 26 и 27, что дает основание датировать ее 70–80 годами X в. К этому столетию относятся и некоторые другие крестики рассматриваемого облика.

Обнаруживается еще и ряд иных показателей инфильтрации дунайских славян на Восточно-Европейскую равнину. Так, в Гнездовском археологическом комплексе кроме упомянутых выше лучевых височных украшений найдена каменная литейная форма для отливки височных колец одного из великоморавских типов, так называемого нитранского. Она тщательно проработана, что позволяет при-

писать ее мастеру-ювелиру, хорошо знакомому с приемами среднедунайского изготовления таких украшений[17]. Из Гнездова происходят также серьги с гроздевидными привесками; фрагмент серебряной шпоры, сопоставимой с великоморавскими находками в Микульчицах, великоморавский топорик-чекан блучинского типа и медная портупейная скоба, состоящая из щитка-основания с изображением крылатого единорога и крюка, представленного фантастическими животными, которые по моделировке оформления тождественны предметам одного из великоморавских центров – Поганьско. Ранняя гончарная керамика, появившаяся в Гнездове в первых десятилетиях X в., имеет явно дунайское происхождение. Это никак не результат дальних торговых операций, а, как показывает анализ этой глиняной посуды, следствие прилива славянского населения, исходившего из Среднедунайских земель, среди которого были и ремесленники-гончары. В этой связи представляет интерес находка в одном из курганов Гнездовского могильника амфоровидного глиняного сосуда-корчаги с процарапанной надписью "гороуща" или "гороушна". Согласно О.Н. Трубачеву, эта надпись свидетельствует о проникновении на Русь глаголицы, отражая импульсы из Среднего Подунавья[18].

Интересна мысль этого исследователя о миграции славянского племени смолян, давшего имя городу Смоленску, из Дунайских земель. О.Н. Трубачев отмечает, что в раннем средневековье смоляне известны в трех отдаленных регионах: 1) смоляне, упомянутые "Баварским географом" среди полабских славян, проживавшие в местности близ устья Эльды, притока нижней Эльбы; 2) смоляне в Западных Родопах на р. Места-Нестос, впадающей в Эгейское море; там, где расположен город Смолян; 3) на берегах верхнего Днепра, где-то в районе Смоленска. Некогда эти племена, полагает ученый, составляли единое праславянское племя, которое в результате великой славянской миграции оказалось расчлененным и разбросанным. Коренной территорией праславянских смолян, по О.Н. Трубачеву, было Подунавье[19].

Картография находок дунайского происхождения на Восточно-Европейской равнине достаточно определенно показывает, что в конце VII–X вв. имел место многократный прилив славянского населения из Дунайского региона. Крупные и мелкие группы переселенцев из Подунавья оседали в различных местностях Восточной Европы, уже освоенных славянами. Разнотипность дунайских находок и их рассеяность на широкой территории указывает на множественность миграционных волн, шедших из разных регионов Подунавья. Инфильтрация дунайских славян, очевидно, продолжалась в целом не менее трех столетий.

Заметные отливы славянского населения Подунавья документируются и историческими, и археологическими данными. Основой населения Аварского каганата несомненно были славяне. Они вынуждены были терпеть грабежи, гнет и унижение со стороны аваров, что зафиксировано многими письменными памятниками. Естественно, что в такой ситуации из Дунайского региона вынуждены были уходить отдельные группы славян. Немалую роль в отливе славян из Подунавья играло и наступление на их земли баваров и франков. В конце VIII в. Аварский каганат был окончательно разгромлен Карлом Великим и его сыном Пипином. Франкские войны существенным образом затронули и славянское население. Письменные документы IX в. именуют центральные области бывшего Аварского государства "пустыней". Не менее значительным было бегство славянского населения и после разгрома Великоморавской державы. Археология свидетельствует, что славянами были покинуты все крупные поселения предгородского облика и свыше половины аграрных селений Великой Моравии.

Оставлен был большой массой славянского населения и обширный левобережный регион Нижнего Подунавья, заселенный славянами с V–VI вв. К концу VII в. здесь наблюдается активизация романского населения, известного в письменных источниках под именем волохи/влахи. Как показывают археологические изыскания, к началу VIII в. большая часть славянских могильников перестала функционировать, – несомненно, славяне вынуждены были покинуть эти земли[20].

В свете изложенного сообщение Повести временных лет о Дунае как исходном регионе расселения славян на Восточно-Европейской равнине следует рассматривать не как процесс первоначального появления славян в области, а как миграции их, имевшие место в последних столетиях I тыс. н.э., на территории, ранее освоенные славянским населением. Переселенцами из Дунайских земель были привнесены в восточнославянскую среду фиксируемые фольклористами яркий образ и культ Дуная, представления о Дунае как земле изобилия и "земле предков". Образ реки Дунай вошел в мифологию и обрядовую жизнь восточных славян, Дунай широко представлен в песнях и их свадебных причитаниях. Известный филолог XIX в. В. Ягич, собравший обширную информацию о Дунае в славянском фольклоре, утверждал, что фольклорный Дунай своим происхождением, безусловно, связан с реальной рекой Дунай[21]. Это, как теперь показывают материалы археологии, действительно так. В результате инфильтрации дунайских славян в восточнославянской среде появились новые лексемы. Так, согласно изысканиям А.С Львова, восточнославянский термин "князь", который вытеснил прежний "каган", является изустным заимствованием из диалекта моравско-паннонских славян[22].

Примечания

[1] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966; *Он же.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991, 81–82.

[2] *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994, с. 95–148; *Он же.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002, 39–95.

[3] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян... Изд. 2-е, доп. М., 2002.

[4] Повесть временных лет. Часть 1. М.; Л., 1950, 11

[5] *Седов В.В.* Славяне в древности, 8–24.

[6] *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Del. I–III. Praha, 1902–1919.

[7] Аргументированнно процесс первоначального расселения славян на Восточно-Европейской равнине рассмотрен автором в книгах: Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999, 25–179; Славяне, 150–222, 245–323, 348–402.

[8] *Приходнюк О.М.* Технологія, виробництва та витоки ювелірного стілю металевых прикрас Пастирського городища // Археологія. Київ, 1994, № 3, 61–77.

[9] *Щеглова О.А.* Среднее Поднепровье конца VII – первой половины VIII вв.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК. Л., 1991.

[10] *Duczko W.* The filigree and granulation work of the Viking period. Stockholm, 1985; *Дучко В.* Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. Ia. М., 1987, 77–88.

[11] *Hampel J.* Altertümer der frühen Mittelalter in Ungarn. Bd. II. Braunschweig, 1905, 489–494; *Dostál B.* Slavanská pohřebiště na středni doby hradištni na Moravě. Praha, 1966, 35–44; *Beloševič M J.* Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeća. Zagreb, 1980. 86–90; *Jirić R.* Srednjoviekovni nakit Istre i Dalmacije (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva, II). N. 2. Zagreb, 1986, 245–289.

[12] *Новикова Е.Ю.* О серьгах "екимауцкого типа" // Проблемы археологии Евразии (Труды ГИМ. Вып. 74). М., 1990, 107–117; *Рабинович Р.А, Рябцева С.С.* Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Приднестровья в контексте культурно-исторических процессов X–XI вв. // Stratum. Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997, 36–245.

[13] *Седов В.В.* Лунничные височные кольца восточнославянского ареала // Культура славян и Руси. М., 1998, 249–261; *Гавритухин И.О.* Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 12. Мінск, 1997, 44–58.

[14] *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Свод археологических источников. Вып. Е1–35. Л., 1973, 14.

[15] *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990, 181. Рис. 69.

[16] *Седов В.В.* Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988, 63–67.

[17] *Пушкина Т.А.* Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1б. М., 1987, 54–55; *Ениосова Н.В.* Литейные формы Гнездова // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998, 68–70; *Она же.* Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова // Общество, экономика, культура и искусство славян (Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4). М., 1998; 260–261.

[18] *Трубачев О.Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997, 164–175.
[19] Там же, 132–153.
[20] *Fiedler U.* Studien zu Gräberfelder des 6. bis 9. Jahrhunders an der unteren Donau (Universitätsforschugen zur prahistorischen Archäologie. Bd. 11). Teil 1–2. Bonn, 1992.
[21] *Jagić V.* Donav-Dunaj in der slavischen Volkspoesie // AfslPh, Bd. I. 1976, 289–333.
[22] *Львов А.С.* Лексика "Повести временных лет". М., 1975, 108–200.

М. Сной (Любляна)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ 6–7[1]

6. Ю.-слав. диал. **tážiti* 'lenire, consolari'

На основании словен. *tážiti, tâzim* 'утешать', имеющего подтверждения, начиная с XVII в., и хорв. *tȁžiti*, отмеченного старыми источниками из Дубровника, кайкавскими и другими далматинскими авторами (Skok III, 448), чак. *tãžit, -in* 'утолять, успокаивать (жажду, голод, болезнь' (Hraste–Šimunović I, 1235) можно реконструировать ю.-слав. диал. **tȃžiti* 'мирить, успокаивать'. Как мне представляется, глагол не имеет удовлетворительного этимологического объяснения. Во всяком случае предположение Цафа о заимствовании из нем. бавар. *dasig*, в.-нем. *tasig* 'смиренный, терпеливый' (Pleteršnik I, 657) не принято Х. Штридтер-Темпс, которая поэтому не включила слова в свою монографию о немецких заимствованиях в словенском языке[2]. Если же все-таки принять это предположение, то заимствование предстанет как результат переоформления нем. бавар. сочетания *dási' machən* 'укрощать'[3], хотя и таким образом не достигается необходимый порог вероятности, ведь трудно было бы ожидать, что ареально ограниченное баварско-немецкое сочетание, единообразно оформленное, распространилось бы от Словении до южной Далмации. С учетом такого распространения самое большое, что можно было бы предположить, – это заимствование из какого-то романского источника, который не поддается установлению. В свете приведенных данных представляется наиболее вероятной идея об исконном происхождении слова.

В пользу исконного происхождения слова высказывался Скок (Skok III, 448), предполагавший, что **tȃžiti* явилось результатом контаминации **blažiti* < **bolžī̋ti* и **tolī̋ti*. Эта гипотеза, семантически хорошо обоснованная, маловероятна, с принятием ее следовало бы ожидать, что акцентная парадигма контаминированного глагола такая же, как у одного из исходных составляющих. Тогда глагол дол-

жен бы быть ***tažīti* с презентом **tažīšь* (как в **bolžīšь* > **blažīšь*) или ***tážišь* (как в **tólišь*), но не *tā̂žiti*, *-išь*, на что недвусмысленно указывает словенский и хорватский материал.

Формально гл. *tā̂žiti* мог бы быть каузативом или итеративом с долгим гласным от основного глагола с вокализмом *o* или *ŭ*, а также *e*, как напр. в **palīti*, **sadīti*, **grā̂biti*. Соответствующий глагол мог бы сохраниться в лит. *tógti, -stu* 'приятельствовать, находиться в родстве', *sutógti* 'вступать в брак', для которого с учетом родства с прилаг. *patógus / patogùs*, вин. п. *patógą* 'приятный, удобный' и лтш. *patāgs* 'удобный' следовало бы предположить первоначальное значение 'быть приятным, удобным, подходящим'. Однако лит. *tógti, -stu* легче всего объяснить как интранзитивный инхоатив к **tógti, -iu*, который находит отражение в литовском рефлексиве *tógtis, -tógius* 'быть приятным, нравиться'. Весьма вероятно, что это деноминатив от засвидетельствованного Юшкевичем прилаг. *togus* 'хороший, приветливый, приятный', первонач. 'подходящий, хорошо поставленный', как можно заключить на основании родственного греч. τάσσω, аттич. τάττω (аорист пассив. ταγῆναι) 'ставить в строй, строить (войско); ставить, назначать'. Для ю.-слав. **tā̂žiti* 'утешать' также можно предполагать первоначальное значение *'делать так, чтобы подходило, было хорошо, приятно' и понимать глагол как деноминатив от неподтвержденного праслав. **tā̂gъ* = лит. *togus*. Вполне обычен в славянских языках деноминатив от основы на *-u*, в котором суффиксальное *-u-* не участвует, ср. праслав. **męcīti* от **mękъ(kъ)* 'мягкий'. Из вариантного деноминатива **tagati* можно вывести старый словенский глагол *tagati se* 'иметь надежду, sich vertrösten', *tagati se na koga* 'полагаться на кого-л., sich auf einen verlassen', который имеет подтверждение в словаре Гутсманна[4].

7. Словен. *tolážiti* 'consolari'

Гл. *tolážiti, -âžim se* со своей многочисленной лексической семьей отмечен в литературном языке, начиная с XVI в., и находит подтверждение в большинстве словенских диалектов. Глагол не переходит южную границу и не известен ни одному другому славянскому языку.

Известны в литературе два опыта объяснения этого глагола. Ф. Миклошич присоединяет его к синонимичному гл. **tolīti* и предполагает влияние рассмотренного выше синонимичного гл. **tā̂žiti* (Miklosich 348). Типологически маловероятна контаминация двух синонимов, поскольку невозможно найти примера, в котором две корневые морфемы перекрещивались бы так, что одна из них сохрани-

ла бы свое морфологическое место, а другая заняла бы место суффикса. При скрещивании слов, когда в новом слове возникает новый слог на месте суффиксального слога, то этот слог переходит с соответствующего места исходного слова, напр. словен. *moledováti* 'молить, просить' вероятнее всего стало результатом контаминации *molíti* и *koledováti*. Вместе с тем напрашивается более сложное, но все же более вероятное объяснение. Другие ю.-слав. языки знают именно в значении 'consolari' рефлексы гл. **talòžiti*, ср. хорв. и серб. *táložiti*, макед. *уталожи*, болг. *уталожвам* се, который уже Ф. Миклошич убедительно объяснил как деноминатив от **talògъ* 'погружение; осадок, отстой' (Miklosich 346). П. Скок, соглашаясь с предложенным Миклошичем объяснением происхождения словен. *tolážiti*, добавляет, что этот глагол мог произойти от **taložiti* путем метатазы гласных. Объяснение следует признать неудовлетворительным, и об этом говорит тот факт, что метатеза гласных не является регулярным и частым явлением и потому не может быть удовлетворительно обосновать изменения **talòžiti* в *tolážiti*. Кроме того, при вокальной метатезе большая вероятность сохранения тона, нового акута, таким образом возникло бы ***tolážiti, -išь*, с результатом в словенском презенте ***tolážim*. Поскольку тон в засвидетельствованном словен. *tolâžim* совершенно определенно указывает на развитие из **tolȃžišь* со старым акутом, происхождение этого глагола проще всего объяснить на основе синтеза идей Ф. Миклошича и П. Скока: словен. *tolážiti, -âžim* произошло из **talòžiti*, на вокализм первого слога оказал влияние широко распространенный в словенском языковом пространстве гл. *tolíti*, на вокализм второго слога – рассмотренный выше гл. *tážiti*.

Примечания

[1] *Snoj M.* Etimološke drobtine 1–5 // SR LI / 1, 2003, 27–31.

[2] *Striedter-Temps H.* Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin–Wiesbaden, 1963 (= Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität. Berlin, Bd. 27).

[3] *Schmeller J.A.* Bayerisches Wörterbuch. I, 1872. 2. Auflage. von G.K. Fromman. München, 545.

[4] *Gutsmann O.* Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter. Klagenfurt 1789, 399, 385.

Перевела со словенского Л.В. Куркина

В.Н. Субботина

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСЕМ С ОМОНИМИЧНЫМИ КОРНЯМИ ПРАСЛАВ. **ver-*

В настоящей статье предлагаются этимологические толкования для некоторых русских диалектизмов с потенциальными корнями праслав. **ver-* (и.-е. **uer-*). В современном русском языке имеется несколько гнезд, восходящих к омонимичным корням праслав. **ver-*. Настоящий доклад посвящен производным двух из них. Опорный глагол первого гнезда – *варить* 'готовить еду', второго – *верать* 'связывать, совать, запирать'.

Сосуществование в языковой системе гнезд с близкой структурой неизбежно приводит к взаимосближению и взаимовлиянию. Предлагаемые ниже этимологические версии для нескольких диалектизмов подтверждают необходимость анализа материала всех структурно близких гнезд при определении генетических характеристик лексем.

Карел. *обоpéник* 'овсяный пирог'

В гнезде *варить* 'готовить' довольно много слов со значениями из кулинарной сферы: диал. *обвáра* 'опара, тесто', диал. *обвáрено* 'бублик, который при изготовлении обваривают в кипятке', диал. *обарёники* 'вид хлеба домашнего приготовления' (*Вкусные у нас пекут обареники*), диал. *обáрнички* 'булочки, испеченные на подсолнечном масле'. Карел. *обоpéник* (Словарь Карелии 4, 103) могло бы быть включено в это гнездо, если предположить упрощение *бв* → *б* и гиперкорректное написание *о* вместо *а* в корне. Однако к другому этимологическому толкованию в этом случае подводит текст из этого же словаря: *Обореники пекли из обореного чистого овса* (статья *оборёный* 'очищенный от шелухи, обдирный'). Из контекста следует, что слово *обоpéники* мотивировано не термическим способом приготовления ('варить'), а материалом. Таким образом, можно предполагать связь с гнездом глагола *брать* (т.е. *оборёное зерно* – то, у которого *у-брали* шелуху). Относительно семантики ср. ст.-русск. *обобрать* 'обобрать (дерево), сняв плоды', 'отрезать, остричь (ногти)' (СлРЯ XI–XVII вв. 12, 142), белор. *абабрáць* 'очистить скорлупу, кожуру' (ЭССЯ 26, 129–130, статья **obъbrati*). Что касается формальных характеристик, то словообразовательная цепочка могла бы выглядеть так: *(о)брать* → *обор* → **оборúть* > *оборёный*.

Следовательно, карел. *оборéник* ‘овсяный пирог’ и *оборёный* ‘очищенный от шелухи, обдирный’ должны рассматриваться как образования гнезда *брать*, несмотря на кажущуюся близость к гнезду *варить* ‘готовить’.

С.-урал. *возвы́риться* ‘рассердиться’

Глагол *возвыриться* приводится в Сл. Сред. Урала. Доп. 74 в следующих контекстах: *На меня как возвырица: так ведь я не Людка, а Люська* и *Вот и возвырилась она на нево, а потом затужила.*

В этом слове выделяется корень *выр-*, который может принадлежать к двум гнездам: к *варить* ‘готовить’ и *верать* ‘связывать’. В обоих гнездах есть огласовка *ы* (**у*), появление которой, вероятно, обусловлено явлением вторичного аблаута. Вследствие этого однозначно определить гнездо-источник по форме невозможно. Один из способов определения гнезда-источника этой лексемы – выяснение, какие семантические модели лежат в основе синонимичных наименований. Среди ономасиологически прозрачных моделей можно выделить модель ‘высокая температура’ → ‘вспышка раздражения, гнева’ (*воспылать гневом*). Это говорит в пользу связи с гнездом *варить* ‘готовить’, для которого характерна семантика высокой температуры.

Другой способ – поиск семантически близких дериватов обоих гнезд. В гнезде *варить* ‘готовить’ имеются две такие лексемы: др.-рус. *възварити* ‘возмутить, рассорить’: *Посадникъ же опять възъвари городъ вьсь* (Срезневский 1, 339), ворон. *проварúть* ‘сильно поругать’ (СРНГ 32, 92). В гнезде *верать* ‘связывать’ близкое значение отмечается только в словосочетании *отворúть горло* ‘громко закричать, начать ругаться’ (Словарь Карелии 4, 283); возможно, что семантика ругани, недовольства обуславливается именно сочетанием с существительным (ср. *горлопан* ← *горло* и *-пять*).

Еще один способ выбора между двумя предполагаемыми гнездами-источниками – семантика структурно близких слов, с которыми этимологизируемые лексемы могут быть связаны однотипными словообразовательными характеристиками. В гнезде *варить* ‘готовить’ имеются следующие слова: диал. *повырúть* ‘потечь стремительной струёй’ (СРНГ 27, 277), арх. *вырúть* ‘бурлить’ (СРНГ 5, 341). Отметим, что с этимологизируемой лексемой эти слова сближает наличие экспрессивных коннотаций. Структурно близкие лексемы гнезда *верать*: якут., сиб. *повыря́ть* ‘увязывать груз *повы́ркою* (на санях, нартах)’ (СРНГ 27, 277), новг. *извыристый* ‘при-

хотливый, привередливый, разборчивый' (СРНГ 12, 113) – семантически не связаны с *возвы́риться*.

Таким образом, диал. *возвы́риться* 'рассердиться' может быть признано дериватом гнезда *варить* 'готовить'.

Лексемы со значением 'парник'

В северных русских говорах отмечается группа лексем со значением 'ящик для выращивания рассады, прикрепляемый на стене дома или стоящий на столбах около него, парник', различающихся корневым вокализмом: *вырéц, вы́рчик, ворéц, верéц* (Сл. русского Севера 2, 248, 249, 175, 62), *вирéц* (Перм. словарь 1, 104). В древнерусском языке имеется близкое *вырецъ* 'рассадник, сруб на столбах для посева капусты' (1591, СлРЯ XI–XVII вв. 3, 242). Поскольку представлено несколько типов корневого вокализма, можно предположить, что какие-то лексемы вторичны и представляют собой преобразованные варианты исходного слова. Таким образом, в поиске этимологического толкования этих слов опираться можно на семантику и на набор ступеней вокализма *и, ы, о, е*.

Истоки данного значения есть в гнезде *верать*: ср. *вóрóк* 'огороженное место для скота' (СРНГ 5, 110). Значение 'огороженное, укрытое место' могло послужить базой для семантики 'парник'. Введению рассматриваемых слов гнездо в *верать* соответствует и набор вариантов вокализма *е*: *о*: *и*.

Другим решением, и, как нам кажется, более оправданным, является признание данных лексем преобразованным заимствованием *вырей, и́рей* 'южные края, куда птицы улетают зимой, сказочная страна' (из иранского – Фасмер 2, 137–138). Значение 'парник' может быть производно от семантики 'южные, теплые края'. Восстановить путь развития этого значения помогает приводимое у Даля вят. *вырéцъ* 'клумба, цветник' (Даль[2] 1, 311): 'южные края' → *'место, где тепло, где растут цветы' > 'клумба' → 'парник'.

С решением о заимствовании хорошо согласуется вокализм *ы*. Другие огласовки могут рассматриваться как преобразование в направлении сближения с гнездом *верать*.

Лексемы *свара, свары* с семантикой соединения, связывания

В диалектных словарях фиксируются несколько значений основы *свар-*:

– '**складчина**' (камч. *свáра* 'складчина': *Гоша свару сделал, сложились по рублику на бутылочку* (СРНГ 36, 211))

– '**ремешок в собачьей упряжи**' (якут. *сва́ра* 'в собачьей упряжи – тонкий ремешок, прикрепленный к широкому ремню, опоясывающему собаку, и пристегивающийся к потягу' (СРНГ 36, 211))

– '**развилка**' (арханг., волог. *сва́ра* 'место слияния двух рек', 'раздвоившийся ствол дерева' (СРНГ 36, 211))

– '**приспособление для установки сети**' (арханг. *сва́ры* 'приспособление в виде двурогих вил для проталкивания подо льдом жерди (с привязанной тетивой рыболовной сети для ее установки)' (СРНГ, 36, 215), олон. *сва́ра* 'кол с развилкой на конце для проталкивания подо льдом жерди с привязанной к ней тетивой рыболовной снасти (сети, невода) для ее установки' (СРНГ 36, 211))

– '**сеть**' (арханг. *сва́ры* 'рыболовные сети' (СРНГ 36, 215))

Представленные лексемы близки: весь набор значений ('складчина', 'место слияния рек', 'ремень', 'вилы', 'сеть') мог бы быть развитием семантики соединения, связывания. В этом случае значение 'развилка' может быть истолковано как антонимическое восприятие одной и той же реалии: соединение = расхождение; семантика 'ремешок в собачьей упряжи' может объясняться тем, что он служит для привязывания животного; значение 'приспособление для установки сети' (и, далее, 'сеть') также может быть понято как предмет, назначение которого связано с установкой, привязыванием сети.

Однако есть убедительные данные о том, что три из перечисленных выше групп лексем не являются исконной лексикой: по замечанию Е.Л. Березович (устно), лексемы со значениями 'развилка', 'приспособление для установки сети' и 'сеть' заимствованы из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *saara*, карел. *šoara*, *šuara*, ливв. *šsuaru, šuaru,* люд. *suar*, вепс. *sar* и др. 'ветвь, ответвление (в том числе и реки)'.

Таким образом, кажущаяся формальная и семантическая близость пяти этимологизируемых групп лексем доказывает необходимость рассмотрения материала всего морфо-семантического поля каждой лексемы.

Поиск источника основы *свар-* с семантикой 'складчина' и 'ремешок в собачьей упряжи' на русской почве приводит к гнездам *варить* 'готовить' и *верать*. В обоих гнездах имеется семантика связывания, соединения. Однако вокализм а типичен только для гнезда *варить*. Ср. *сва́ра* 'место сварки, сварка': *Свару хорошо сделать не каждый кузнец может* (Элиасов 368), *свари́ть* 'производить сварку' (ССРЛЯ 13, 266–267). В гнезде *верать* вокализм в ступени *а* редок. Как кажется, значение 'сваривать (о соединении металлических изделий с помощью нагревания)' могло распространяться и на другие предметы и способы соединения и, далее, послужить основой для значения 'складчина'. Однако, *сва́ра* 'ремешок в собачьей упряжке'

оказывается паронимом к псков. *свóра* ‘нитка, которой сшивают полотнища невода’ (СРНГ 36, 324) и литер. *свора* ‘ремень, шнур, на котором водят борзых’ (Ушаков 4, 104) (образования гнезда *верать*). Можно предположить, что значение ‘ремешок в собачьей упряжке’ лексемы *свáра* появляется под влиянием близкой семантики лексемы *свóра*.

Новг. *свáрок* ‘сломанная вещь’

Слово *сварок* со значением ‘сломанная вещь’ приведено в Новг. словаре 10, 18 без контекста, что затрудняет понимание мотивации, при естественном сближении слова по форме с *варить*. Мотивация проясняется при обращении к другим лексикографическим источникам. В СРНГ (36 214–215) приводится *свáрóк* в двух значениях. Первое значение: ‘инструмент, вещь и т.п., сваренные из нескольких металлических частей’ с контекстом из “Опыта областного великорусского словаря”: *Это не цельный топор, не цельная коса, а сварок* (арханг.). Второе значение (для *свáрок*) – ‘сломанная и сваренная вещь’: *Топор – сварок, коса – сварок,* дается со ссылкой на словарь Даля (Даль[2] 4, 144, без указания территории). Очевидно, фиксация в Новгородском словаре соответствует второму значению. Вопрос лишь в том, имеется ли в виду сломанная и сваренная вещь, или значение было расширено до более общего ‘сломанная вещь’. В обоих случаях интересна тенденция к развитию энантиосемии (от соединения к разлому).

Перм. *сувóрый* ‘тяжелый, неподъемный’

Исходя из контекста, приведенного в словаре (*Дрова суворые были, школьники с имя не справлялись. Мужиков нанимали колоть,* Перм. словарь 2, 415), можно думать, что значение слова определено не совсем верно. Скорее всего, под дровами, которые сложно колоть, подразумеваются не тяжелые дрова, а с крепкой, извилистой древесиной. Таким образом, можно предположить принадлежность этого слова к гнезду глагола *верать*. Убедительным доказательством данного предположения служит прил. *сувбристый* ‘имеющий извилистое волокно, крепкий, прочный (о древесине)’ (Сл. Средн. Ур. 6, 72), надежный дериват гнезда глагола *верать*. Таким образом, отвергается родство рассматриваемой лексемы с прил. *суровый*, предполагающее метатезу *суровый > суворый*.

О.А. Теуш

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ ИЗ КОМИ ЯЗЫКА В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Согласно классической работе Я. Калимы, посвященной заимствованиям из коми в лексике севернорусских говоров, коми влияние на формирование географической терминологии Русского Севера представляется незначительным: Я. Калима полагает возможной коми этимологию для 16 лексем, из которых впоследствии интерпретированными надежно признаются только 11[1]. Осложняет ситуацию то, что из этих слов 50% являются архаизмами XIX в., не сохранившимися в современном употреблении. Возможно, в момент записи лексем, коми население еще проживало на некоторых территориях Русского Севера, и собиратели могли зафиксировать слово в русской речи коми[2]. К фактам, не относящимся к коми заимствованиям в русском языке, можно отнести, например, лексему *видзь* 'сенокосная земля, луг' (Арх: Мез) (Подвысоцкий, 128) по фонетическим причинам (< коми *видз* 'луг, покос, пожня'[3], показателем иноязычности является отсутствие фонетической адаптации конца слова: в русском следовало бы, скорее, ожидать **визь*).

Представления об архаизмах коми происхождения могут быть незначительно расширены. К таковым можно отнести слово *бу́жать* 'яма, из которой добывают камень, песок и пр.' (Арх), ср. *бужать* 'рыть песок или глину; ломать из земли камень' (Арх) (Даль[2] I, 137). Оба диалектизма даны в словаре В.И. Даля со знаком вопроса. Реальность существования лексем в русских говорах подтверждается возможностью заимствования из коми вым., луз., н.-вычег., ср.-сысол. *бужӧд*, в.-вычег. *буджед* 'обрыв, обвал, осыпь', вым., ижем., луз.-лет., н.-вычег., печор., присыктыв., ср.-сысол., удор. *буждыны*, в.-вычег. *буджді́ні* 'обвалиться, осыпаться', луз., печор., присыктыв., ср.-сысол. *буждӧдны*, в.-вычег. *будждэдні* 'обвалить, произвести обвал'[4]. Финаль существительного *бу́жать* отражает адаптацию коми суф. *-ӧд*. Коми происхождение можно предполагать и для *нюзь* 'луг в низине' (Влг: Ярен) (СРНГ 21, 327), которое, возможно, связано с коми *нюдз* 'влажный; сырой; волглый', 'вязкий'[5] или *нюз* 'низкий, пологий, покатый'[6], а не с рус. *низь*, как полагает собиратель (А. Протопопов, 1853 г.): "вероятно, вместо низи, которые вместе с прочими травянистыми местами входили в состав поскотины, луговые низменности" (СРНГ 21, 327). Эти интерпретации, однако, не меняют общей картины: складывается пред-

ставление о том, что только единичные севернорусские лексемы с географической семантикой имеют коми истоки.

Исследование новых материалов по севернорусским диалектам, прежде всего, лексики, зафиксированной в говорах Русского Севера Топонимической экспедицией Уральского университета, позволяет расширить представления о коми влиянии на севернорусскую географическую терминологию и показывает, что коми-русское взаимодействие в этой сфере пока изучено крайне недостаточно. Ряд новых лексем, ранее не интерпретировавшихся в связи с коми материалом, был выявлен нами в ходе работы над “Материалами для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера”: *азя́нка* ‘сырое, вязкое место’ (Влг: К-Г) (Сл. русского Севера I, 13) (< коми, ср. луз. *adź* ‘луг’[7], луз. *ad'ź* ‘хороший сухой луг’[8], диал. *адз* ‘пойма (реки)’[9], луз.-лет., ср.-сысол. *адз* ‘пойма’, в.-вычег. ‘прорубь’[10]); *во́жка*, уменьш. *во́женька* ‘тропинка’ (Арх: Леш) (Сл. русского Севера II, 143) (< коми *вож* ‘ответвление, отросток, отпрыск, побег’, ‘развилина, развилка, приток’, *вожка* ‘развилина, рогулина, рогуля’[11]); *вотни́к* ‘сырая низменность, поросшая мелким лесом, кустарником’ (Арх: Лен) (Сл. русского Севера II, 192), *во́тник* ‘сырое низкое место, поросшее кустарником, особенно ивовым’ (Влг: Ярен) (СРНГ 5, 159) (связано с коми *вотны* ‘собирать, собрать, набирать, рвать, нарвать (напр., ягоды, грибы)’, *вотӧс* ‘ягода’ (Лыткин-Гуляев, 64), *вотӧсаин* ‘ягодник’, *вотчанiн* ‘место сбора ягод, грибов’[12]).

В настоящей статье мы бы хотели предложить еще ряд интерпретаций, позволяющих в значительной мере изменить представления о коми элементах в географической терминологии Русского Севера.

1. *Бухра́, бухра́-сохра́* ‘труднопроходимый лес (густой, сырой, с буреломом)’, *бухра́* ‘бурелом’ (Арх: Вил), ср. *бу́хра-ба́хра* ‘домовой’ (Арх: Уст) (Сл. русского Севера I, 237).

О.В. Мищенко предлагала рассматривать эту лексему в качестве ономатопоэтической: “Узость ареала распространения, нетипичный для заимствования фонетический облик (начальный *б*), отсутствие фонетических вариантов и экспрессивный характер реалии позволяют предположить для него позднее ономатопоэтическое происхождение на базе заимствованной идеограммы. Фонетический облик слова определен, видимо, рифмованностью со словом *сохра* и влиянием экспрессивного корня *бух-*. (Об экспрессивности этого корня см. (ЭССЯ 3, 101))”[13]. Однако то, что слово чаще встречается в нерифмованном сочетании, а также употребление слова в двух различных по смыслу рифмованных сочетаниях, заставляют предполагать его первоначальную полнозначность и позволяют искать иные возможности интерпретации.

Лексема находит соответствие в коми язьв. *букра* ‘косматый, распущенный’[14]. Семантика коми лексемы объясняет различие значений русских слов: ‘косматый’ > ‘домовой (мифическое существо)’, ‘косматый’ > ‘густой, с буреломом (о лесе)’ (ср. *хохлушник* ‘заросли низкого суковатого леса’ при *хохлатый* ‘развесистый, раскидистый (о лесе, дереве)’ (Карт. Сл. русского Севера)). Переход *кр* > *хр* мог произойти на русской почве, ср. *букрёха* > *бухрёха* ‘мелкая рыба’, *букля* > *бухля* ‘провисшая мешком часть невода, сети’ (Карт. Сл. русского Севера); для *бухрá* ‘труднопроходимый лес (густой, сырой, с буреломом)’, ‘бурелом’ не исключено влияние *сохрá* ‘труднопроходимый лес’, тем более что зафиксировано употребление слова в рифмованном сочетании *бухрá-сохрá*. Предложенное сопоставление осложняется, однако, тем, что коми язьв. *букра* этимологически не разработано и не обнаруживает параллелей в других коми диалектах.

2. *Кизевéль* ‘мелкий кустарник’ (Влг: Тарн) (Карт. Сл. русского Севера).

Контекст, в котором зафиксировано слово (“*Янгу по кингам знаю, в тундре бывает, тако худое местечко, кривая берёза растёт, кизевель*” [Тарн, Демидовская]), позволяет рассматривать в качестве источника лексемы сочетание коми *кыдз* ‘береза’[15] и луз., н.-вычег., присыктыв., удор. *вевъя*, в.-вычег., в.-сысол., луз.-лет., печор., ср.-сысол. *велъя*, лет. *вел* ‘с преобладанием какого-л. признака или предмета’[16]. Локальное заимствование, отмеченное только в д. Демидовская.

3. *Кочея́* ‘водоворот на реке, образуемый встречным течением’ (Влг: Бабуш) (Вологодский словарь III, 115), (Влг: Бабуш, Ник) (Карт. Сл. русского Севера), ‘окно воды в болоте’ (Влг: Ник), *кóчка* ‘водоворот, яма в реке’ (Влг: К-Г), *кочóк* ‘омуток’ (Арх: Котл), *кучея́* ‘глубокое место в реке’ (Влг: Ник) (Карт. Сл. русского Севера).

< ? Коми *кӧдж*, в.-вычег., вым., удор. *кӧтшас* ‘излучина реки’[17], ‘выступ берега, образуемый излучиной реки’, ‘залив’, ‘остров, полуостров’, которые соответствуют удм. *кож* ‘залив’, *кож, коӝ* ‘омут в излучине реки, самое глубокое место реки’ (Лыткин-Гуляев, 138). При таком сопоставлении неясны, однако, финали русских лексем: возможно, *-ея́* в *кочея́* появилось под влиянием русск. *кочея́* ‘трясина, покрытая кочками’ (< праслав. **koča* (ЭССЯ 10, 103)), а *кóчка* и *кочóк* представляют собой уменьшительные формы. В связи с русскими лексемами заслуживают внимания также саам. патс. *kɛ̀ʹtšᴬʹtô̮ᵓk* ‘крутая впадина, омут (в озере, реке)’[18], сонгел. *kotšas* ‘широкий плес’[19].

4. *Кóтья* ‘заросший залив’ (Арх: В-Т) (Карт. Сл. русского Севера).

< ? Коми н.-вычег. *кӧта* 'сырой, мокрый', ср. *кӧтасьны* 'мокнуть, намокнуть, промокнуть, взмокнуть; отсыреть'[20], которые соответствуют удм. *кот* 'мокрый, сырой, влажный', *коттыны* 'мочить, смочить' (Лыткин-Гуляев, 143). Локальное заимствование, зафиксированное только в д. Прилук.

5. *Ля́па* 'сырое вязкое место' (Влг: Влгд), 'лужа' (Влг: Сок) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми, ср. удор. *л'апа* 'зыбун, трясина; топь'[21], луз.-лет. *л'апас* 'вязкая грязь', *л'апыдин* 'низина, низменное место'[22], которые, вероятно, связаны с *ляпкыд* 'мелкий, неглубокий', *ляпкӧс, ляпыд* 'сплюснутый, приплюснутый, плоский', *ляпкавны, ляпкалны, ляпкооны, ляпкоонi* 'понижаться, понизиться; опускаться, опуститься, оседать, осесть'[23].

6. *Ля́пка* 'участок мелкого кустарника среди поля' (Влг: Сок) (Вологодский словарь IV, 64).

< ? Коми *ляпкыд* 'низкий, невысокий', ср. также присыктыв. *ляп* 'низкорослый': *ляп вӧр* 'низкорослый лес'[24].

7. *Ля́ча* 'низкое сырое место; широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой' (Влг: Бабуш) (Вологодский словарь IV, 66).

< Коми луз.-лет. *ляч*, ср.-сысол., удор. *лячкӧс* 'пологий, отлогий, покатый, некрутой (берег, склон)'[25]. С тем же источником, возможно, связано *леча́г* 'сырое, топкое место в лесу или на берегу реки' (Влг: Бабуш) (Карт. Сл. русского Севера), финаль которого оформилась под воздействием зафиксированного на той же территории *боча́г* 'низкое сырое место' (Карт. Сл. русского Севера). Фонетически близкие карел. твер. *l'äččö, l'äčäkkä* 'плоский, приплюснутый'[26] семантически далеки от рассматриваемых лексем и вряд ли могли являться источником заимствования. Соотношение карельских и коми лексем неясно.

8. *Не́йта* 'заболоченный овраг, лог; узкое длинное болото' (Арх: Вин) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми в.-вычег., вым., н.-вычег., присыктыв., удор. *няйт* 'грязь'[27], 'грязь', 'грязный', *няйта* 'илистый'[28]. Вокализм первого слога отражает переход *'а* > *е* под ударением, известный севернорусским говорам. Локальное заимствование, зафиксированное только в д. Верхняя Ваеньга и д. Нижняя Ваеньга Виноградовского района. К другому фонетическому варианту того же коми слова (*нять, неть* 'грязь'[29]) восходит рус. *ня́т* 'черный вязкий ил на реке, озере, болоте', 'топь, топкое место на дне озера' (Арх: Мез, Пин), 'низкий прибрежный луг' (Арх: Холм) (Карт. Сл. русского Севера)[30].

9. *По́ма* 'заливной луг' (Арх: Уст) (Карт. Сл. русского Севера).

Если это слово не является упрощением (или неверной фиксацией) *по́йма* (ср. *по́йма* 'заливной луг; низкая часть луга' (Яросл,

Костр, Киров, Куйб, Сарат) (СРНГ 28, 353–354)), то оно может сопоставляться с коми *пом* 'конец', 'крайний'[31], которое употребляется и в географическом значении, ср., например, *сикт пом* 'конец села'[32]. В качестве исходной семантики тогда следует предполагать 'конец, край берега'. Локализм, используемый только в д. Бесстужево.

10. *Пы́рва* 'родник, ключ', 'низкий сырой берег реки или озера, заливаемый водой' (Арх: Нянд) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми, ср. удор. *му пыр ва* 'родник, ключ'[33], где *му* 'земля'[34], *ва* 'вода'[35], *пыр* послелог 'сквозь, через'[36], связанный с глаголом *пырны* 'зайти' (Лыткин-Гуляев, 237). В отношении семантики, ср. также связанное с тем же глаголом коми язьв. *ва пөрөм* 'место, где вода в реке заходит в землю'[37]. Русское слово отмечено только в д. Лужная и д. Павловская.

11. *Ры́дало* 'окно воды в болоте' (Арх: Вин) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми лет. *рыдол*, луз. *рыдов*[38], луз.-лет. *рыд*[39] 'зыбун, трясина, топь', удор. *рыдов* 'топкая, вязкая грязь; топь'[40], ср. присыктыв. *рыдны* 'вязнуть (в снегу, начинающем таять)', удор. *рыдовтыны* 'месить, размесить (грязь)'[41]. Эти лексемы под "??" сопоставляются с фин. *rentiä* 'шлепать по грязи, брести по грязи' при предполагаемом доперм. **r8ntз-* > общеперм. **r8d-* (Лыткин-Гуляев, 246). Для *рыдны* также предполагается возможность производности от *ры* 'полынья', в.-вычег. 'незамерзающее место в водоеме, покрытое слоем снега', ср. в.-вычег. *рыöн бырны* (*сывны*) 'растаять на месте' (так говорят, когда водоем, не имеющий течения, весной освобождается от льда без ледохода, лед под воздействием тепла тает на месте) (Лыткин-Гуляев, 246). Русское слово является локализмом, записанным только в д. Кузнецово.

12. *Сырти́на* 'сырое заболоченное место' (Арх: Пин) (Карт. Сл. русского Севера).

Может являться заимствованием из коми в.-вычег., вым., н.-вычег., печор., ср.-сысол., удор. *сьӧрт* 'речная долина с густым еловым лесом'[42]. Передача коми *ӧ* русским *ы* встречается[43]. На фонетический облик слова могло повлиять рус. *сырь* 'заболоченное место с лесом или кустарником' (Арх: Вель, Карг, К-Б, Нянд, Пин, Уст; Влг: Вож, Нюкс) (Карт. Сл. русского Севера).

13. *Сю́лья* 'ручей' (Арх: В-Т) (Карт. Сл. русского Севера).

Возможно, связано с коми *сюв*, основа *сюви-* 'кишка'[44], которое в эловых диалектах имеет форму *сюл*[45], соответствует удм. *сюл* при общеперм. **s'ul* 'кишка' (Лыткин-Гуляев, 273). В основе термина тогда следует видеть метафору, ср., например, рус. *кишка* 'извилина, излучина реки', 'глубокая длинная канава' (СРНГ 13, 250). Локальное заимствование, зафиксированное только в д. Заборская.

14. *У́льга, у́льда* 'топкое место на болоте' (Арх: Мез), *у́льта* 'сырое заболоченное место' (Арх: В-Т) (Карт. Сл. русского Севера).

Возникли, вероятно, как преобразования севернорусских (< приб.-фин. (Фасмер IV, 155)) *у́йда* 'топкое болото; топкое место на болоте' (Арх: Мез, Прим, Холм), *у́йта* 'заболоченное место в лесу' (Арх: Вин, В-Т, Карг, Кон, Леш, Плес, Холм) (Карт. Сл. русского Севера) под воздействием коми в.-сысол., луз.-лет. *ульгöм*, печор., удор. *ульыд* 'сыроватый', *уль* 'сырой, влажный, мокрый'[46]. *У́льга, у́льда* зафиксированы в д. Мелогора и д. Целегора, *у́льта* – только в д. Волынова.

15. *Чéма* 'лес на возвышенности' (Арх: Вил) (Карт. Сл. русского Севера).

Если это слово не является упрощением (или неверной фиксацией) *чéлма* 'холм, горка; возвышенность, поросшая лесом' (Арх: Вель, Вил, Шенк; Влг: Бел, В-Уст, К-Г, Ник) (Карт. Сл. русского Севера), то оно может рассматриваться как заимствование из коми *тшем* 'густой, частый', *тшем вöр* 'густой лес'[47], ср. лет. *тшемвидзны* 'стоять стеной (например, о густом лесе)'[48], которые родственны удм. *ӵем* 'часто, густо, густой' (Лыткин-Гуляев, 290).

16. *Чембу́р, ченбу́р, чимбу́р, чинбу́р, чумбу́р, чунбу́р* 'глубокая яма в лесу – провал в известковом грунте' (Арх: Плес), *ченбу́р, чимба́р* 'д. то же (Влг: К-Г), *чунба́р* 'овраг' (Влг: К-Г), *чумбырь* 'сопка, гора' (Арх: Он), *чембу́ристый, чимбу́ристый, чумбу́ристый* 'неровный, изобилующий ямами, провалами', *чумбу́рник* 'неровное место с ямами, провалами' (Арх: Плес) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми, ср. ижем. *чумбуръя* 'бугристый, холмистый (о месте)', присыктыв., ср.-сысол. *чумбыр-чамбыркерны* 'смять, скомкать'[49], также можно отметить в.-вычег. *чунгир* 'бугор, возвышение', *чунгиресь* 'бугристый, неровный (о местности)' (Лыткин-Гуляев, 314), луз.-лет. *чунгыр* 'бугор, холм', *чунгыра* 'бугристый, холмистый'[50]. Фонетически наиболее близки данные ижемского диалекта. Семантически сопоставление приемлемо: преимущественный акцент в коми на значении 'бугор, бугристый', а в русском на 'яма, ямистый' отражают различия в восприятии одного и того же неровного ландшафта.

17. *Чу́рга, чу́гра* 'холм, небольшая гора' (Арх: Шенк) (Карт. Сл. русского Севера).

Может быть заимствовано из коми *чурк* 'резко возвышающееся место, бугор'[51], к которому восходят перм. *чурк, чурок* 'гора, бугор, возвышенность'[52], урал. *чурок* 'отдельно стоящая конусообразная сопка'[53]. Неясно, однако, озвончение *рк* > *рг* в середине слова. В гнезде коми *чурк* такое озвончение встречается в глагольных формах, ср. *чургöдны* 'протянуть, выставить', *чургöдчыны* 'высунуться, выдвинуться, сделаться торчащим' (Лыткин-Гуляев, 314).

В отношении русского слова интересны этимологически не описанные коми лексемы *чурга* 'торчащий' (редко)[54] и *чугра* 'скалистая возвышенность; скалистая гора'[55]. Если они относятся к тому же этимологическому гнезду в коми, то их можно рассматривать как этимоны для шенкурских слов. Есть несколько моментов, осложняющих предложенную этимологию. На сопредельной с ареалом *чу́рга, чу́гра* территории зафиксировано *чуго́р* 'горка, бугор' (Арх: Вель; Влг: В-Важ) (Карт. Сл. русского Севера). По данным картотеки СРНГ, вне этой зоны слово в русских диалектах не отмечено. Возможно, *чуго́р* представляет собой форму м.р. к *чу́гра* по аналогии с рус. диал. *уго́р* 'возвышенность, горка', отмеченным в том числе и в Вельском районе (Карт. Сл. русского Севера). Если же первична форма *чуго́р*, то *чу́рга, чу́гра* либо не имеют к ней отношения, либо являются вторичными образованиями ж.р. и не связаны с коми словом. Следует также рассматривать возможность появления в результате мены *л/р* формы *чу́гра* (> *чу́рга*) из *чу́гла* 'возвышенность, холм' (Арх: Вель, Шенк; Влг: В-Важ, Тарн) (Карт. Сл. русского Севера), которое, по мнению А.К. Матвеева, заимствовано из какого-то финно-угорского (мерянского или севернофинского) источника[56]. В отношении всех упоминавшихся слов нельзя исключать возможности разного рода контаминаций: *чу́гла* + *уго́р* = = *чуго́р* > *чу́гра* > *чу́рга* или *чу́гла* + коми *чурк*, *чурга* = *чу́рга*, *чу́гра* > *чуго́р* и т.п.

Если сопоставить коми и прибалтийско-финский пласты в географической терминологии Русского Севера, то в оппозиции "запад – восток" ситуация выглядит следующим образом: в прибалтийско-финских языках достаточно мало (не более пяти-шести десятков) заимствованных из русского географических терминов, в то время как в русских диалектах географических лексем прибалтийско-финского происхождения очень много (несколько сотен)[57]; в русских диалектах незначительно количество коми географических терминов (около трех-четырех десятков, учитывая лексемы, представленные в статье), в то время как в коми, по нашим данным, насчитывается около трехсот слов с географической семантикой, заимствованных из русского языка[58]. С одной стороны, это подтверждает мысль А.И. Попова о том, что "в согласии с направлением многовековой русской колонизации севера и северо-востока Европы и севера Азии заимствования из местных языков распространялись в том же направлении, так что слово, вошедшее в соответствующий говор русского языка, например, из языка коми, легко распространялось вместе с колонизационным потоком вплоть до русских восточно-сибирских говоров, но почти никогда не имело обратного продвижения к югу и западу"[59]. С другой стороны, ассиметрия связей русских диалектов с прибалтийско-фин-

скими языками и языком коми может находить объяснение в различных условиях контактов: прибалтийско-финские народы, безусловно, жили на Русском Севере до прихода русских и являются аборигенным населением края, в то время как коми, вероятно, осваивали некоторые территории Европейского севера России или одновременно с русскими или даже вслед за ними, и потому именно у русских заимствовали географическую терминологию, уже адаптированную к реалиям Русского Севера. Тот же вывод об относительной хронологии продвижения коми и русских при анализе полукалек на территории Мезени и Лешуконья делает М.Л. Гусельникова, которая полагает, что "во многих случаях происходило не заселение русскими зырянских территорий, а одновременное освоение русскими и зырянами иноплеменных земель..; для Русского Севера можно предположить едва ли не более ранний приход русских, а вслед за ними – зырян"[60].

Вероятно, именно с описанными особенностями миграционного движения коми и русских в пределах Русского Севера связана география заимствованных из коми географических лексем. Большинство из них узко локальны, отмечены в диалектах одного-двух населенных пунктов. В целом ареал географической лексики коми происхождения в Архангельской области можно обозначить как правобережье р. Северная Двина от впадения в нее р. Вычегда до устья р. Пинега и на восток вплоть до границ с Республикой Коми; на севере крайней западной границей является река Кулой. На левобережье р. Северная Двина коми заимствования в географической терминологии единичны, случайны (или неверно интерпретированы в качестве таковых?): *пырва* (Няндомский р-н), *чумбырь* (Онежский р-н), *чумбур* (Плесецкий р-н). В Вологодской области отдельные лексемы, для которых можно предполагать коми происхождение, встречаются в юго-восточном регионе, северо-западной границей которого является река Сухона, т.е. не проникают на левобережье Сухоны. Почти все они здесь точечны, зафиксированы в отдельных населенных пунктах. Таким образом, граница распространения географической терминологии коми происхождения совпадает с главной водной артерией региона: р. Сухона, сливаясь с р. Юг, образует р. Северная Двина. Западнее этого водного рубежа коми влияние фактически не обнаруживается. Думается, такое совпадение лингвистических и естественных границ неслучайно и обосновано экстралингвистически: скорее всего р. Сухона и р. Северная Двина служили крайними рубежами экспансии коми.

При том, что не следует преувеличивать значение коми заимствований для всего Русского Севера, необходимо при интерпретации заимствованной лексики в севернорусских диалектах уделять более

пристальное внимание выявлению локализмов коми происхождения, распространенных в указанной выше зоне. Отличаясь точечным ареалом и, следовательно, небольшим количеством фиксаций, эта лексика трудно уловима как для собирателей (большинство из представленных в статье лексем удалось зафиксировать только благодаря скрупулезности работы Топонимической экспедиции Уральского университета, правилом для которой является обследование каждого населенного пункта), так и для этимологов (материал не отражен или весьма фрагментарно отражен в лексикографических источниках, в силу небольшого количества фиксаций трудны разработка семантики и определение точного фонетического облика).

Примечания

[1] См.: *Kalima J.* Syrjänisches Lehngut im Russischen. FUF, XVIII. Helsinki, 1927, 1–56.

[2] О случаях такого рода, например, о фиксации как заимствований лексем, употребляющихся в русской речи вепсами, см.: *Мызников С.А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003, 27.

[3] Этимологию см.: *Kalima J.* Op. cit., 18–19; Фасмер I, 312.

[4] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961, 29.

[5] Коми-русский словарь / Ред. *В.И. Лыткин.* М., 1961, 475.

[6] Там же, 477.

[7] *Wiedemann F.I.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakisch-deutschen im Anhange und einem deutschen Register. SPb., 1880, 1.

[8] *Wichmann Y.* Syrjänischer Wortschatz nebst Haupzügen der Formenlehre / Bearb. von *T.E. Uotila.* Helsinki, 1942. (LSFU, VII), 2.

[9] Коми-русский словарь, 20.

[10] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 9. Этимологию см. подробнее: Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. А-И. Екатеринбург, 2004, 24.

[11] Коми-русский словарь, 116. Этимологию см. подробнее: Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера, 89.

[12] *Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И.* Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000, 116. Этимологию см. подробнее: Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера, 97.

[13] *Мищенко О.В.* Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000, 124.

[14] *Лыткин В.И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961, 170.

[15] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 185.

[16] Там же, 41.

[17] Там же, 169.

[18] *Itkonen T.I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958. O. 1–2. (LSFU, XV), 113.

[19] Там же, 181.

[20] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 173.

[21] *Сорвачева -В.А., Безносикова Л.М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990, 189.
[22] *Жилина Т.И.* Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985, 179–180.
[23] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 214.
[24] Там же, 213–214.
[25] Там же, 11.
[26] *Пунжина А.В.* Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994, 149.
[27] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 254.
[28] Коми-русский словарь, 478.
[29] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 254.
[30] Этимологию см.: *Матвеев А.К.* Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996, 253.
[31] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 291.
[32] *Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Косныревa Р.И.* Указ. соч., 512.
[33] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 226; *Сорвачева В.А., Безносикова Л.М.* Указ. соч., 205.
[34] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 226.
[35] Там же, 35.
[36] Там же, 312.
[37] *Лыткин В.И.* Указ. соч., 93.
[38] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 133.
[39] *Жилина Т.И.* Указ. соч., 220.
[40] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 326.
[41] Там же, 326.
[42] Там же, 357.
[43] См.: *Kalima J.* Op. cit., 12.
[44] *Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Косныревa Р.И.* Указ. соч., 628.
[45] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 359.
[46] Там же, 398.
[47] Коми-русский словарь, 701.
[48] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 385.
[49] Там же, 420.
[50] *Жилина Т.И.* Указ. соч., 251.
[51] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 421.
[52] *Кривощекова-Гантман А.С.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981, 51.
[53] *Матвеев А.К.* К изучению орографической терминологии в русских говорах Северного Урала // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986, 65–66.
[54] *Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Косныревa Р.И.* Указ. соч., 714.
[55] Там же.
[56] См. подробнее: *Матвеев А.К.* Топонимические этимологии. XIII // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999, 52.
[57] О многих из них см.: *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. (MSFOu, XLIV).
[58] О многих из них см.: *Kalima J.* Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1911. (MSFOu, XXIX); *Лыткин В.И.* Фонетика северновеликорус-

ских говоров и заимствования из русского языка в комийский // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М.; Л., 1949, 128–201.

59 *Попов А.И.* Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // Acta linguistica Hungaricae. Т. 5. Budapest, 1955, 3.

60 *Гусельникова М.Л.* Полукальки в топонимии русского Севера. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1994, 233.

Сокращения

1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Арх – Архангельская область (губерния)
Бабуш – Бабушкинский район Вологодской области
Бел – Белозерский район Вологодской области
В-Важ – Верховажский район Вологодской области
Вель – Вельский район Архангельской области
Вил – Вилегодский район Архангельской области
Вин – Виноградовский район Архангельской области
Влг – Вологодская область (губерния)
Влгд – Вологодский район Вологодской области
Вож – Вожегодский район Вологодской области
В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области
В-Уст – Великоустюгский район Вологодской области
Карг – Каргопольский район Архангельской области
К-Б – Красноборский район Архангельской области
Киров – Кировская область
К-Г – Кичменьгско-Городецкий район Вологодской области
Кон – Коношский район Архангельской области
Костр – Костромская область
Котл – Котласский район Архангельской области
Куйб – Куйбышевская область
Лен – Ленский район Архангельской области
Леш – Лешуконский район Архангельской области
Мез – Мезенский район Архангельской области
Ник – Никольский район Вологодской области
Нюкс – Нюксенский район Вологодской области
Нянд – Няндомский район Архангельской области
Он – Онежский район Архангельской области
Пин – Пинежский район Архангельской области
Плес – Плесецкий район Архангельской области
Прим – Приморский район Архангельской области
Сарат – Саратовская область
Сок – Сокольский район Вологодской области
Тарн – Тарногский район Вологодской области
Уст – Устьянский район Архангельской области
Холм – Холмогорский район Архангельской области
Шенк – Шенкурский район Архангельской области
Ярен – Яренский уезд Вологодской губернии
Яросл – Ярославская область

2. ИСТОЧНИКИ

Карт. Сл. Русского Севера – Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского госуниверситета)

Т. Тодоров

ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНИЯ БОЛГАРСКОГО ОРНИТОНИМА *СИНИГЕР* 'ПТИЦА PARUS'

Ст. Младенов в своем "Этимологическом и орфографическом словаре болгарского книжного языка" объясняет болг. *синѝгер* 'синица, птица Parus', устар. *синѝгир*[1], как производное от прилаг. *син* 'синий' и сравнивает с русск. *синúца*. Как производное от прилагательного *син* он рассматривает и болг. диал. *синѝца* 'синица'[2]. Добавлю, что болг. диал. *синѝца* и рус. *синúца* имеют соответствия в других славянских языках (ср. Vasmer II, 626–627).

Объяснение Младенова безукоризненно в семантическом отношении. Синий цвет встречается в оперении многих видов семейства Синицевых (Paridae), и естественно воспринимать его как характерный ономасиологический признак. В поддержку семантики болг. *синѝгер* как производного от прилагательного *син* 'синий' ср. и чеш. *modřinka* 'лазоревка, Parus coeruleus' (производное от прилагательного *modrý* 'синий') и (с тем же значением) рус. *лазóревка* (производное от прилаг. *лазóревый* 'лазурный, небесно-голубой'), нем. *Blaumeise* (словосложение из *blau* 'синий' и *Meise* 'синица'). Слабым местом толкования Младенова является отсутствие убедительного объяснения словообразовательной структуры слова *синѝгер*. Именно это, прежде всего, побудило Ив. Дуриданова написать его статью "Болг. *синигер*"[3], в которой он предложил совсем другое объяснение происхождения слова *синигер*.

Согласно Дуриданову, в младеновском объяснении слова *синигер* как производного от *син* "остается неясной структура слова". Он недоумевает, что может означать "элемент *-гир*, соотв. *-гер*", и приходит к заключению, что "такого суффикса нет в славянском". Отмечу, что в сущности, следует говорить не об "элементе" *-гир*, соотв. *-гер*, о об "элементе" *-игир*, соотв. *-игер*. Дуриданов не без основания утверждает, что Младенов "прав, когда принимает (это слово) за старинную форму на *-ир*", и подробно объясняет, почему: "перед *-е-* согласный *-г-* перешел бы по закону первой палатализации *к, г, х* в *-ж-*, в то время, как сохранение *-г-* предполагает ст.-болг. -ы-".

И Дуриданов пишет о старинном ст.-болг. суффиксе -ыръ, соотв. -ырь (из праслав. *-yrъ*, соотв. *-yrь*[4]). Разграничивая суффикс -ыръ, -ырь (откуда новоболг. *-ир* / *-ер*), он выделяет основу *синиг-* в *синѝгир*, *синѝгер*. Однако совершенно безосновательно утверждает, что трудно принять основу *синиг-* за производную от ст.-болг. прилагательного синь (откуда и н.-болг. *син*) "посредством непродуктивного славянского суффикса *-ig-*, сохранившегося с ст.-болг. верига и др., чеш. *kobliha* 'оладья, пышка'".

Еще более необоснованно он заключает, что "в таком случае, название бы звучало просто **синигъ* соотв. **синига*, так как расширение его суффиксом -ыр- было бы неоправданным со структурно-семантическгой точки зрения". Добавлю, что Дуриданов вступает в противоречие с самим собой: в начале своей статьи он выделяет "элемент" *-гир*, утверждая, что "такого суффикса в славянском не существует", а ниже в этой же статье выделяет суффиксы *-иг-* (*-ig-*) и *-ир* (-ыръ / -ырь, праслав. *-yrъ* / *-yrь*), отбрасывая как невозможную их сочетаемость в *синѝгир* / *синѝгер*. Полагая более вероятным альтернативное объяснение *синѝгер* / *синѝгир* как производного от прилагательного *син*, он выдвигает такое положение, что *синѝгер*, "из более старого *синигыръ (соотв. -ырь)", "было преобразовано по народной этимологии из *снигыр-, сохранившегося доныне в рус. *сниги́ръ*, 'снигирь, Pyrrhula vulgaris', укр. редк. *снігир*", "из праслав. **sněgyrь*, произв. от **sněgъ*" (болг. *сняг*, рус. *снег* и т.д.), что "предполагает давнюю ассимиляцию *ě – y* в *i – y*" (Дуриданов ссылается на Фасмера (Vasmer II, 681) и на цитируемую у того литературу). Согласно Дуриданову, "праслав. **sněgyr-ь* было перенесено в староболгарском языке на птиц Parus coeruleus и Parus major". Преобразование *снѣгырь в *снигыр-ь, а позднее в *синигырь "произошло в результате переосмысления в связи с прилаг. *син*, поводом чему послужила очевидная синяя окраска крыльев и хвоста Parus coeruleus".

Несколько замечаний по поводу этимологии Дуриданова. Прежде всего, замечу в связи с предполагаемым им "переосмыслением в связи с прилаг. *син*": синее (синеватое) имеется не только в оперении лазоревки (Parus coeruleus), как можно узнать из только что процитированного текста Дуриданова, но и в оперении большой синицы (Parus major), а также в оперении других видов семейства Синицевых (Paridae), ср. описание птиц Paridae у П. Патева[5] и у Ц. Пешева, Н. Боева[6].

Еще добавлю, что в описании птицы большая синица (Parus major) в начале статьи Дуриданова, воспроизведенном по Ц. Пешеву, Н. Боеву[7], отсутствует текст о наличии синего (синеватого) цвета в оперении этой птицы, но такой текст имеется у Ц. Пешева, Н. Боева: "Хвост темно-синеватый"[8] [ср. тексты о наличии синего (синеватого) в оперении птицы большая синица (Parus major) у

П. Патева: “Голова и горло черные с синеватым блеском... надхвостие серо-синеватое... Хвостовые перья коричневые с широкими сине-синеватыми краями”[9]].

В этимологическом анализе Дуриданова отсутствует акцентная характеристика праформ, постулируемых за исходные для *сини̂гер* (*снѣгырь / *снѣгырь: *снигырь / *снигырь: *синигырь / *синигырь): новоболг. *сини̂гер* предшествует ст.-болг. и сред.-болг. *снигырь, *снигырь с ударением на слоге сни-, в отличие от рус. *снигúрь* и укр. *снiгúр*, которые имеют ударение на последнем слоге. Весьма сомнительна приписываемая ст.-болг. *снигырь / *снигырь, рус. *снигúрь* и укр. *снiгúр* “старая ассимиляция *ě – y* в *i – y*”: рус. *снигúрь* может быть новым, от *снегúрь* с *и* из *е* в безударном положении; в укр. *снiгúр* звук *i* – закономерный рефлекс старой ятовой гласной (ѣ), независимо от того, была ли она в ударном или безударном слоге. Неубедительно мотивирован перенос праслав. названия **sněgyr-ь* “в ст.-болг. на птиц Parus coeruleus и Parus major”.

Дуриданов недостаточно убедительно отвергает толкование слова *сини̂гер* Младенова как производного от прилагательного *син*. Совершенно необоснованно и его утверждение, что в случае объяснения *синигер* как производного от прилагательного *син* “остается неясной структура этого слова”. Разумеется, к объяснению слова *синигер* Младеновым как производного от прилагательного *син* нужно добавить, что оно содержит сложный суффикс *-игер* (из более раннего *-игир*, восходящего к праслав. суффиксам *-*igyrъ*, *-*igyrь* и *-*ygyrъ*, *-*ygyrь*, последние два – варианты *-*ugyrъ*, *-*ugyrь*, например в *лису̂гер* ‘лис’ в Геров III, 15). Праслав. *-*igyrъ*, *-*igyrь*, *-*ygyrъ*, *-*ygyrь* встречаются и в диал. *лиси̂герь* ‘лис’ и в его вариантах (*лисигър, лесúгер, лесúгяр, лесúгар* в БЕР III, 421, 370) – производных от **лис* ‘самец лисицы’, ст-болг. лисъ (с соответствиями в других славянских языках, см. к прим. Vasmer II, 44–45, под *лис*) и / или от основы *лис-* в *лúса* ‘лисица’, *лисúца*. Сложный суффикс *-игер* встречается и в диал. *скукигер* ‘многоножка, насекомое с множеством ног’ (от Горско Сливово, Павликенско[10]), для которого в БЕР VI, 808 дается следующее этимологическое объяснение: “Вероятно, речь идет о сороконожке (стоножке). С народно-этимологическим осмыслением в связи с *скок* и с исходом слова *-игер*, который встречается в названиях таких животных, как *лисúгер, сини̂гер*.” По моему мнению, *скукигер* есть результат редукции *о > у* и появления гиперкорректного *е* из *и* в неударном положении в более раннем **скокигир*, продолжившем ст.-болг. *скокыгырь / *скокыгырь, образованное от **скокъ* ‘нечто скачущее’ (н.-болг. *скок* – с другими значениями) посредством суффикса *-ыгырь / -ыгырь (н.-болг. *-игир, -игер*), из праслав. *-*ygyrъ*/*-*ygyrь*, а не суффикса *-игырь / -игырь, из праслав. *-*igyrъ* / *-*igyrь*, так как *k* (к) перед *i* (и) должно было бы палатали-

зоваться в *č* (ч), если только **скокигир* не новоболгарская инновация (что маловероятно, так как *-игер/-игир*, из праслав. **-igyrъ/*-igyrь*, **-ygyrъ/*-ygyrь*, – непродуктивный суффикс в н.-болг.). В семантическом отношении ср. чеш. *skokan* 'паук, Salticus' (сродни болг. *скок, скòча, скàчам*; дано в Machek[2] V, 547, под *skok*). Вероятно, движение насекомого *скукигер* напоминает скачки, подскакивания.

Объяснение слова *синѝгер* как производного от прилаг. *син* можно рассматривать как весьма вероятное. Синий цвет в оперении части видов семейства Синицевых – весьма характерный ономасиологический признак. Приведенные выше семантические параллели подтверждают это. Словообразовательная структура слова вполне ясна: она такая же, как и в словах *лисѝгерь* (и его вариантах), *скукигер*.

В заключение добавлю, что помимо этимологического словаря Ст. Младенова и цитированной статьи Дуриданова болгарский орнитоним *синѝгер* стал предметом рассмотрения и III тома Этимологического словаря сербохорватского языка Петра Скока (который вышел из печати в 1973 г., когда была опубликована и статья Дуриданова) и VI тома академического Болгарского этимологического словаря (который вышел из печати в 2002 г.). П. Скок в словарной статье *sjènica* (Skok III, 251) объясняет ряд сербохорватских названий синицы (которые сравнивает с болг. *синѝгер, синѝгир*), как звукоподражательные по своему происхождению. Некоторые из них особенно близки к болг. *синѝгер / сѝнѝгир*: *синидер*, *синђерица* и др. Встречаясь в вост.-сербских говорах, они могут быть заимствованиями из болгарского, например, сербохорв. *синидер* могло быть заимствовано из болг. диал. **синидер* – то же, что и *синигер*, с диал. *д* из *г* перед гласным переднего ряда *е*, как например, в болг. диал. *дигàле* 'кокили' (из сс. Трын и Станёвцы, Брезнишко), восходящем к *гигàле* (с *д* из *г* перед гласным *и*; ср. этимологию в БЕР I, 386); сербохорв. *синђерица* может быть из болг. диал. **сингерица* (из более раннего **синигерица*, производного ж.р. от *синѝгер*). Маловероятно, чтобы они были изначально сербскими словами с болгарскими соответствиями *синѝгер*, *синѝгир*. В БЕР VI, 671–672 помимо *синѝгер* и *синѝгир* даны их фонетические варианты и кратко изложены объяснения Младенова, Дуриданова и Скока.

Примечания

[1] Устар. *синигир* в *Младенов* 580 дано по *Геров* V, 164 *синѝгырь* 'птица большая синица, Parus major' и 'птица лазоревка, Parus coeruleus'.

[2] *Младенов*. Там же, дано по *Геров* V, 165 'птица лазоревка, Parus coeruleus'.

[3] *Дуриданов Ив*. Бълг. *синигер* // БЕз XXIII, 1973\6, 561–563.

[4] У Дуриданова в цит. соч. ошибочно набраны **-игъ, -игь* вместо **-угъ, угь*.

[5] *Патев П.* Птиците в България. София, 1950, 72–78.
[6] *Пешев Ц., Боев Н.* Фауна на България. София, 1962, 172–182.
[7] Там же, 177.
[8] Там же, 177.
[9] *Патев.* Там же, 73.
[10] По данным Картотеки Болгарского диалектного словаря Института болгарского языка БАН, София.

Перевел с болгарского *А.К. Шапошников*

М. Фурлан

СЛАВ. **ŠĘTATI* И **ŠEMETATI*, **ŠEMOTATI* И Т.Д.

0. Благодаря сравнительно-историческим исследованиям славистами собран и объяснен огромный и до конца еще недооцененный славянский тезаурус, который можно признать равноценным огромному по объему романскому материалу. За проделанную работу мы благодарны нашим многочисленным предшественникам, учителям, которые со своих позиций последовательно шаг за шагом составили мозаику богатых знаний. Заложенный ими фундамент внушает чувство оптимизма и дает твердую уверенность в том, что хаотичность лабиринтов славянской лексики лишь кажущаяся и что при дальнейшем восстановлении нарушенных связей необходимо найти правильный подход.

0.1. В свое время Ф. де Соссюр определил этимологию как особое применение принципа, который прежде всего "объясняет слова так, что открывает их отношения с другими словами"[1]. При этом Соссюр не думал о простом открытии фонетических эквивалентов в диахронической перспективе (ср. франц. *oiseau* 'птица' = лат. *avicellus* 'птичка'), но вероятнее всего он ориентировался в первую очередь на раскрытие словообразовательных связей слов, принадлежащих разным системам, как напр. франц. *oiseau* 'птица' при лат. *avis* с тем же значением, для него предметом этимологизации были не отдельные слова, а семья слов на морфемном уровне[2]. Такое определение этимологии, появившееся между 1906 и 1911 гг., в концентрированном виде отражает практику европейской этимологии XIX в., выражением которой стал "Этимологический словарь славянских языков" Ф. Миклошича 1886 г., в котором в тоже время приблизительно в 6000 словарных статьях в соответствии с уровнем знаний того времени релевантная славянская лексика систематизирована в диахронической перспективе и в плане синхронии и словообразовательных отношений. Теперь нас отделяет от Ф. Миклоши-

ча более столетия, а между тем этимология очень аккуратно и последовательно совершенствовала свою методику, так что в результате мы получаем более надежные условия для реконструкции истории и морфо-семантического (= этимологического) родства = происхождения слов. Открывается также возможность выявления более широкого ареала для собственно славянских слов, все еще занимающих изолированное положение в языке. Такое положение не должно удивлять, если принять во внимание масштабность и гетерогенность самого словарного корпуса. Все большее внимание уделяется исследованию словообразовательных отношений в кругу собственно славянской лексики, а также важнейшим направлениям, ориентированным на раскрытие этимологии на славянском и также на более древних языковых уровнях.

1. Гл. движения **šętā̂ti*, **šętā̂ješь*, также **šę̂t'ešь*, широко представленный в славянских языках, находит отражение в словен. стар. *šę̂tati (se), šę̂tam (se) / šę̂čem (se)* 'ходить, гулять'[3], хорв., серб. *šétati (se), šêtām (se) / šêćēm (se)* 'гулять, прогуливаться', хорв. чак. *šētȁt (se), šēton (se)* то же, макед. *шета,* сврш. *шетне,* болг. *шéтам,* рус. *шатáть* 'качать, колебать, наклонять туда и сюда', *шатáться* 'нетвердо стоять или ходить', сврш. *шатнýть(ся),* др.-рус. *шататися* 'блуждать', 'волноваться', 'кичиться' (с XIII в.), укр. *шатáтися* 'сновать', 'суетиться', ст.-чеш. *šátati (sebou)* 'шататься' и кашуб. *šątac są, šǫce są / šǫtå są* 'вертеться; мешкать, колебаться'[4]. В праславянском языке гл. **šętā̂ti* функционировал как интранзитивный глагол, обозначающий неопределенное движение по горизонтали, – 'двигаться без цели, бродить'.

1.2. Такое же значение свойственно и изолированному словен. каринт. *šétatə, -am,* ср. *š. qomə̀ pu háržatə* 'лезть к кому-л. в карман', *š. pu sqrínjə* 'шарить в сундуке'[5] с обобщением новоакутовой интонации по презенту **šę̃tāšь*. Этот же глагол *šétati* в менее специализированном значении 'herumschnüpfen, herumsuchen, herumstöbern' отмечен в 1851 г. в словаре Янежича[6]. Оба глагола отражают семантическое развитие, которое, вероятно, было направлено на отражение восприятия передвижения без цели = блуждания, скитания, что способствовало тому, что блуждание, скитание как транзитивное действие трансформировалось в искание, соприкосновение, обшаривание, обнюхивание.

1.3. Существующее объяснение гл. **šętā̂ti* с опорой преимущественно на неславянский материал отражает версию, согласно которой по причине возможных разных источников *š* глагол представляет собой результат непонятного фонетического преобразования индоевропейской глагольной основы и принадлежит к унаследованной семье слов с односложной основой, в составе которой также поздние отглагольные образования, ср. рус. *шáткий* 'неустойчивый, шатаю-

щийся', *шатýн* 'человек, который любит шататься, ходить без дела, а также тот, кто ведет бродяжнический образ жизни', блр. *шáткі* 'шаткий, неустойчивый', 'ненадежный' и т.п.

1.3.1. В существующих исследованиях для гл. **šętãti* не предполагалась и даже не допускалась возможность включения глагола в круг славянской лексики на уровне синхронных словообразовательных отношений[7]. Для этого глагола допускаются следующие связи:

a) гот. сущ. *sinþs* 'путь; раз' < **sént-o-* и др.-ирл. *sét* 'путь' < **sentu-*, которые, как и гот. каузатив *sandjan* 'послать', др.-в.-нем. *senten* то же, ср.-в.-нем., нов.-в.-нем. *senden*, указывают на и.-е. глагольную основу **sent-* 'идти, пойти по пути'[8];

b) лит. гл. *skàsti, skantù* 'скакать'[9], которое при родстве с лат. *scatō, -ere* 'бить ключом', 'изобиловать', 'кишеть' указывает на и.-е. глагольную основу **skeHt-* 'скакать'[10];

c) греч. κέντρον ср.р. 'колючка, шип', κεντέω 'колоть' (Младенов 693), которое в случае возможного родства с лтш. *sīts* 'копье, пика для охоты', если последнее из балт. **śinta-* (Frisk 821), отражает и.-е. основу **k'ent-* 'колоть';

d) лит. гл. *žeñgti, žengiù* 'шагать, маршировать' (Machek[2] 603), который отражает и.-е. корень **g'hengh-* 'шагать'[11].

1.3.2. Предложенное В. Махеком как более вероятное сближение с лит. *žeñgti*, взамен прежнего сближения с *skàsti*, трудно доказуемого, поскольку предполагает много ступеней развития, в ряду которых наименее доказаны десоноризация согласного **z-* > **s-* при экспрессивном переходе **s-* > **š-* и вторичные формы интенсива на *-t-*; также семантически неубедительна связь с лит. *skàsti* (при лат. *scatō*), с одной стороны, и с греч. κέντρον и другими родственными образованиями, с другой стороны, так как **šętãti* гл. горизонтального, а не вертикального движения, как отмечает Рейзек[12], также не подтверждается сема 'колоть' у гл. **šętãti*. Авторы, принявшие старое сближение В. Махека с гл. *skàsti*, развили эту идею, предположив, что в **šętãti* находит отражение назальная инфигированная основа **skent-* (Skok III, 389; Gluhak 605) < **sket-*, но при этом упустили из вида, что родство лит. *skàsti* с лат. *scatō* требует исходной индоевропейской базы с ларингальным **skeHt-*, а не **sket-*. Если принять во внимание акцентные отношения между праслав. **sě̃sti* и презентом **sę̃dǫ* (рус. *сесть, сяду*, укр. *сíсти, ся́ду* и т.д.), то при выборе такой исходной базы следовало бы ожидать акростатичную акцентуацию ***šę̃tati*, а не ту, что засвидетельствована в **šętãti*. Тогда в сближении Махека **šętãti* с лит. *skàsti* наименее проблематично начало слова, так как **š-* через **ch-* могло бы произойти путем перестановки из варианта *sk-* < *ks-*.

1.3.3. Самое раннее, принадлежащее Цупице, сближение гл. **šętãti* с образованиями с и.-е. корнем **sent-* 'идти, выбрать путь' оз-

начает, что начальное *š* могло развиться по той же модели, что и в слав. **choditi* : **šьdlъ*, **šьstь* (← и.-е. диал. **sed-* 'идти', ср. др.-инд. *upa-sad-* 'приближаться к кому-л.' при греч. ὁδός ж.р. 'путь'), что вполне приемлемо в формальном и семантическом плане. Вполне возможен семантический переход от нейтрального значения 'идти' к значению 'бесцельно ходить, шататься', напр. **choditi* → итер. **pochad'ati* = словен. *pohájati* 'ходить, не имея ясной цели', также хорв. *poháđati* 'заходить, посещать'.

1.3.3.1. Если следовать объяснению Цупицы, то **šętā̃ti* является итеративом типа **těkā̃ti* от тематического презента **šęstĭ̃*, **šętèšь* из и.-е. **sénte-ti*. В пользу такого понимания говорит германский каузатив **sand-eja-* ← **sontéi̯e-*. Возможно также, что **šętā̃ti* так же, как **metā̃ti* ← **mestĭ̃*, **metèsь* (ср. лит. *mèsti, metù*), явилось результатом преобразования праслав. **šęstĭ̃*, **šętèšь*. В первом объяснении у итератива **šętā̃ti* межпарадигматическая связь **šętā̃ti* / **šę̑t'ešь* носит как будто бы вторичный характер и как будто бы указывает на существование варианта тематического презента типа **píš'ešь*, т.е. **sent-i̯é-ti* 'идти' при **sénte-ti* в том же значении. Реконструкцию тематических презентов **šętèšь* и **šę̑t'ešь* как будто бы подтверждает также морфологическое объяснение, согласно которому **šętā̃ti* отражает преобразованный презент. Та же вариантность отмечена у славянского вторичного презента **mét'ešь* (при преобразованном **metā̃ti*, ср. словен. *metáti, mę́čem*, хорв., серб. *mètati, mȅčēm*), который заместил более старую форму **metèšь*.

1.3.4. Как бы то ни было для праслав. гл. **šętā̃ti* и его производных, таких, как напр. отглагольное прилагательное **šętъkъ(jь)* (= рус. *шáткий*, блр. *шáткі*), независимо от внешних и внутренних факторов, очевидно, можно предполагать тематический презент **šętèšь* при инф. **šęstĭ̃*. Глагол обозначал перемещение человека по горизонтали (= ходьбу), при котором ни направление, ни цель не были определены. Именно такое горизонтальное перемещение в пространстве без специальных уточнений делает понятными и объяснимыми значения, которые засвидетельствованы в пограничных микро- и макросистемах (см. выше).

2. В существующих объяснениях корневой части в **šętā̃ti* использовался метод внешней реконструкции и поэтому в дентальном элементе **-t-* в основе признавали конститутивный элемент корневой структуры. Однако славянский материал требует другого морфемного членения.

2.1. **šem-etā̃-ti*.

В словенском языке в XVI в. у Мегисера и позднее в XVIII в. у Гутсманна засвидетельствован приведенный глагол только в форме инфинитива **šemetati*, значение которого передается нем. schwanken = 'шататься' и синонимами *ſe vurtiti = se vrteti* ← **vьrtěti sę*,

ſe svrazhati = se zvračati ← **vort'ati sę, potikuvati ſe = potikovati se* ← ← **po-tykovati sę, opadati* и *kinkati*. Значение глаголов согласуется с семантикой русского, украинского и чешского рефлекса **šętȁti*. Помимо **šemetati* Гутсманн также приводит синоним *šematati* 'torkeln = 'шататься', для которого синонимы не даны. Тот же глагол представляет Мурко с парадигмой – *ſhematáti, -ám / -ázhem* 'шататься'[13] и позднее Янежич – *šematati* с вариантом *šemótati* 'taumeln, hinken, schlendern'.

2.1.1. Гл. *šemetati* имеет параллель в хорв. *šemetati, šemećem* 'шататься, бродить', напр. *koji od vina šemeću* (RJA XVII, 530)[14], и в рус. диал. *шеметать, шеметиться* 'заниматься пустяками, метаться туда и сюда, суетиться (Даль[2] IV, 628), который в том же отношении к *šemetȁti* (словен., хорв., рус.), как хорв. *šemetiti, šemećem* 'маяться, шататься' (RJA XVII, 530: Stulli), являющийся деноминативом от девербатива **šȅmetъ*. В македонском известна лексема *šemet* 'головокружение' наряду с прилаг. *šemeten* 'страдающий головокружением', *šemetna* ж.р. 'головокружение', *šemetno*, нареч. 'головокружительно', в болгарском – *ше́мет* 'головокружение', прилаг. *ше́метен, -тни* 'вызывающий головокружение'. Значение 'головокружение' в таком случае является производным от значения 'шатание'.

2.1.2. О более широком распространении девербатива **šȅmetъ* свидетсльствует словац. диал. *šemetit'* 'говорить пустяки, болтать' (Kálal 671), которое подтверждает типологически частую связь значений 'бесцельно бродить, шататься' и 'болтать, говорить вздор'[15]. Для человека бесцельное блуждание, шатание имеет отрицательные коннотации, и такие же коннотации имеет пустая болтовня, что наглядно представляет, напр., значение словенского деноминатива *klámiti, -im* 'вести себя неуклюже, неловко' и 'говорить глупости' или рус. *бре́дить* 'говорить вздор' от праслав. **brestȉ*, **bredèšь*, рус. *брести́, бреду́* 'идти с трудом или тихо'. Вероятно, эта негативная коннотация способствовала дальнейшему развитию значения 'болтать, говорить пустяки' в направлении 'обманывать' в ст.-чеш. *ošemet* ж.р. 'обман', *ošemetnost* то же, чеш. *ošemet'* 'обман, плутовство; притворство, коварство', *ošemeta* 'обманщик, плут, мошенник', *ošemetit* 'обманывать, надувать', морав. *vyšemetit* то же. Существительное *ošemeta* является девербативом от перфективного глагола типа *klevetȁ* от *klevetȁti*, тогда как старочешское существительное с основой на *-ĭ-* вместо ожидаемого тематического девербатива **o(b)-šemetъ* можно объяснить влиянием со стороны лексической группы, представляемой гл. **mestȉ*, **metèšь* (соответственно **metȁti*), где девербативы с основой на *-ĭ-* закономерны, напр. **sъ-metь*. Вероятно, народноэтимологическое переосмысление способствовало тому, что первоначальный девербатив **o(b)-šemetъ* м.р. преобразовался в **o(b)-šemetь* ж.р.[16]

2.1.3. Фасмер членил рус. *шеметáть* на *ше-метáть* и связывал с гл. **metấti* (Фасмер IV, 427), что, вероятно, поддерживалось семантикой рус. диал. *шеметнýться* 'броситься, кинуться' (Даль² IV, 628). В. Махек в приведенном чешском и словацком материале так же, как и Фасмер, выделял экспрессивный глагольный префикс **še-* и выводил глагол из первоначального **še-motati*, далее к *motati*, что по гармонии гласных могло бы дать **šemetati*. Широкий ареал **šemetấti* дает основание предполагать, что по причине совершенно неизвестного происхождения начального глагольного префикса **še-* глагол является экспрессивным девербативом типа **trep-etấ-ti* (→ **trȇpetъ*), по народной этимологии произошло сближение с **metấti*, что и стало причиной исторически не оправданного членения **še-metấti* и возникновения девербатива с основой на *-ĭ-* в чеш. *šemet'*, а также полного преобразования значения рус. гл. *шеметнýться* сврш.в. и, конечно, выделения языковым сознанием преф. **še-*.

2.2. **šem-elấ*: **šem-echấ* : **šȇm-erъ*.

Кроме слав. **šemetấti* (словен., хорв., рус.), глагольную основу бесцельного движения, блуждания и т.п. также подтверждают русские отглагольные существительные *шемехá* 'шатун, бродяга' и *шемелá* 'бестолковый человек' (Даль² IV, 628). Девербатив **šem-elấ* стал производящей основой для деноминатива **šemelī́ti* в словац. диал. *šemelit'* 'болтать' (Kálal 671), *ošemelit'* сврш. 'обмануть' (Kálal 436) и в укр. *шемелíти, -лю, -лишь* 'шелестеть' (Гринченко IV, 491) с дальнейшим развитием значения, основанным на восприятии праздной болтовни, пустого разговора как слабо артикулируемых нечетких звуков / шумов. Значение украинского глагола можно сравнить со значением укр. *шемтíти, -мчу, -тиш* 'шуршать, производить шорох' (Гринченко IV, 491). Этот деноминативный глагол указывает на то, что наряду с **šem-etấ-ti* существовал вариант девербативного глагола **šem-ъtấ-ti*, от которого был образован *šemъtъ*, а от него деноминативный гл. **šem-ъt-ě-ti* = укр. *шемтíти*. В хорватском языке наряду с *šemetati* существует синоним *šemeriti, -im* 'шататься, бродить' с существительным *šemer* 'шатание, бесцельная ходьба' и нареч. *šemerno* 'шатко, неловко (о ходьбе)' (RJA XVII, 530). Здесь, вероятно, исходным является субстантив **šȇmerъ*, который по образцу словен. *pletẹ̑r*, род.п. *-ja* м.р. 'плетеная леска, плетеная корзина', хорв. *plȅter*, род.п. *-a* 'нитки для вязания' < **plȅterъ* 'плетение' ← гл. **pletèšь* 'plectere' легко мог произойти от славянского тематического гл. **šemèšь*. Девербативные гл. **sem-etấ-ti* (тип **trep-età-ti*) и **šem-ъtấ-ti* (тип **rop-ъtấ-ti*) имеют своего предшественника в глаголе, обозначающем движение без цели.

2.3. **šem-otấ-ti*.

В. Махек объясняет словац. *šemotat'* 'болтать' (Kálal 672) как сложение экспрессивного преф. **še-* и гл. **motấti* (Machek² 605).

С учетом рассмотренного выше материала, а также помор. *šemᵘotac* 'шуметь' (Lorentz. Pomor. II, 440) можно объяснить, исходя из экспрессивного гл. **šem-otā-ti*, построенного по типу **rop- otā-ti*. Вероятно, того же происхождения и отмеченный Янежичем гл. *šemótati* 'taumeln, hinken, schlendern', хотя, если исходить из суперсегментной характеристики глагола, которая не совпадает с гл. *ropotati, klopotati*, можно предположить, что произошло сближение глагола со словен. *mǫ́tati, -am* 'мотать = *mótati* 'haspeln, weifen', *mótati se* 'sich herumdrehen'[17], у которого в первоначальном инфинитиве словен. *motáti* гласный по аналогии был привнесен из презента *mǫ́taš* < **mòtāšь* < **motāješь*, ср. первоначальное состояние, отраженное в прекмурском *motàti, mòtan* 'мотать, свивать'. Девербатив **šȅmotъ*, производный от **šem-otā-ti*, находит отражение в словац. *šemotit'* 'болтать' (Kálal 672).

2.4. **šem-atā-ti*.

В словообразовательном отношении изолированный словен. гл. *šemátati, -tam / -ačem* 'бродить, шататься' может быть объяснен как экспрессивный девербатив *šem-atā-ti* редкого типа, ср. *rogátati, -am* 'стучать, греметь, грохотать' при *rogítati, -am* с тем же значением.

2.5. **šem-utā-ti*.

Точно так же по причине существования хорв. *mútiti, mûtīm* 'turbare, miscere' < **mǫtı̄ti, mǫ́tišь* требовалось бы принять членение на **še- / *šo-mutati*[18] для изолированного хорв. *šemùtati, šemùtām* 'быть хромым и потому шататься' (RJA XVII, 532: Makarska), чак. *šemutȁt, šemutôn* 'шатаясь, идти как пьяный' (Hraste – Šimunović 1184), *šemutȁt, -tôn* 'при ходьбе неловко ноги передвигать' (Брусье, Хвар)[19], а также для отмеченного на о. Крк *šomùtati* 'воровски шмыгать вокруг дома', возможно, с вторичным гласным *o*, привносящим экспрессивность, к нему же девербатив *šomuta* 'кто вокруг дома шмыгает как вор' (RJA XVII, 714), но фактически это словообразовательный вариант **šem-utā-ti* типа хорв. *skakùtati, blekùtati* и т.п. Такое морфологическое членение подтверждается также ударением. Ни сербскому, ни хорватскому не известен гл. **mùtati*, другой же тип ударения у простого гл. *mȕtati, -ām* 'заикаться, запинаться' и *mútiti, mûtīm* 'turbare, miscere'.

2.6. Итератив **šamati*.

Факт существования славянского гл. **šemèšь* со значением 'бесцельно ходить, шататься' косвенно подтверждается славянскими экспрессивными девербативными гл. **šem-etā-ti* (словен., хорв., рус.) → **šȅmetъ* (хорв., макед., болг., чеш.); **šem-ъtā-ti* → **šemъtъ* → → **šemъtěti* (укр.); **šem-otā-ti* (словен., словац., помор.) → **šemotъ* → → **šemotı̄ti* (словац.); **šem-atā-ti* (словен.); **šem-utā-ti* (хорв.) → → **šȅmutъ* (хорв.); сюда же девербативные субстантивы **šem-elā* (рус.) → **šemelı̄ti* (словац., укр.); **šem-echā* (рус.); **šȅm-erъ* (хорв.) → → **šemerı̄ti* (хорв.). Подтверждением его существования могло бы быть также ст.-чеш. *šámati (sě)* 'бродить во тьме'[20], чеш. диал. *šámat*

'ходить наощупь' (Jungmann IV, 434). Глагол, в случае, если он относится к словам с начальным *ch-, мог бы быть итеративом *šamāti, *šamāješь > *šámāšь к реконструированному *šemèšь типа *tě̄kāti ← ← *tečèšь 'currere'. Предположение В. Махека о родстве ст.-чеш. *šamati (sě)* «nejspíše nějaká nářeční obměna ze *šmátrati* 'пробираться наощупь'» (Machek[2] 601) с рассмотренной здесь глагольной основой *šem- признавал также Шустер-Шевц (Schuster-Šewc 1404). Однако он не объяснил в плане морфологии чешский глагол, но связал его с рус. диал. *ша́мать* 'шаркать ногами, вяло, волочить ноги' и 'пришепетывать по-стариковски' (Даль[2] IV, 620), укр. *ша́мати* 'шуршать, шелестеть', сврш. *шамну́ти* 'быстро побежать, шмыгнуть', 'зашелестеть, зашуршать', 'шелохнуться', *шамки́й* 'быстрый' (Гринченко IV, 483), блр. *ша́маць* 'производить шумы' (Носович 705) и в.-луж. *šamać, -am* 'тащить; тереть; массировать'. Все три восточнославянских глагола не подтверждают предложенного объяснения итератива с вокализмом *-e-*, образованного на основе долгого гласного в чешском презенте *šámāšь, но по типу акцента указывают на итератив с вокализмом *-o-* типа *tākati.

2.6.1. Значение в.-луж. *šamać* указывает на то, что в итеративе *šamati доминирующая роль принадлежит второй семе 'тянуть, тащить / скользить', которая возникла вторично из первоначальной 'бесцельно бродить, шататься' (откуда с одной стороны, развилось значение 'искать', а с другой, – 'болтать', а из него – 'производить слабо артикулируемые нечеткие звуки / шумы'), когда шатание как непрямолинейное перемещение стало пониматься как неподобающая, плохая ходьба, при которой ноги скользят по земле по причине лени / небрежности или физического недостатка / хромоты. Другая иерархия сем находит отражение в украинском языке, где у формы совершенного вида и у отглагольного прилагательного сему 'бесцельно' вытеснила сема 'двигаться, перемещаться', дополнительно усилившаяся в итеративе. Отличную иерархию сем подтверждают также экспрессивные глаголы, ср. напр. словен. *šamljáti, -âm*, которое, кроме значения 'неуклюже ходить' и 'рыться, перебирать, шарить', т.е. 'искать', имеет также значение 'болтать, говорить глупости'. Первое значение известно также хорв. *šamljati, -am* 'при ходьбе широко расставлять ноги' (RJA XVII, 461: Vitezović), второе – рус. *ша́мкать* 'неразборчиво говорить', на что обратил внимание Ф. Безлай[21]. Однако в польск. *szamotać* 'метаться, качать (о ветре), трясти', которое Брюкнер (Brückner 540) связывал со славянскими образованиями с основой *šem- и которое формально соответствует укр. *шамота́тися* 'шевелиться, возиться, рваться' (Гринченко IV, 483), преобладает транзитивная сема 'двигаться туда-сюда' < 'бесцельно бродить'. Напротив, девербатив *šamotъ, который сохранился в словац. *šamotiť* 'болтать' (Kálal 667), укр. *шамоті́ти, -чу́* 'ше-

лестеть' (Гринченко IV, 483) и блр. *шамоце́ць* 'производить шум' (Носович 705), указывает на преобладание семы 'производить неразборчивые звуки / шумы'.

3. Праславянские синонимы **šętèšь* и **šemèšь*.

Все вышесказанное выявило источники для реконструкции праславянского тематического гл. **šętĭ̋*, **šemèšь* 'бесцельно двигаться, шататься и т.п.', который выпал из активного словарного состава, так как его экспрессивные девербативы на *-eta-*, *-ъta-*, *-ota-*, *-ata-* и *-uta*, вероятно, уже в славянских микросистемах начали по народной этимологии сближаться с семантически сходными глаголами с консонантным составом *m-t-*, что стало причиной ошибочной сегментации **še-mVt-*, вероятно, с последующим осознанием и выделением говорящими преф. **še-*. Вместе с тем из приведенного материала становится очевидным, что значения, характеризующие гл. **šętā̋ti*, появляются как у экспрессивных девербативов с основой **šem-*, так и у итератива **šamati* и его экспрессивных девербативов. Из сопоставления значений славянских образований с основами **šem-* / **šam-* становится вполне понятным также значение 'кичиться, важничать', характерное для др.-рус. *шататися*. В этом примере важничание, собственно говоря, это – праздная болтовня.

3.1. Совпадение значений у гл. **šętā̋ti* и **šemèšь* с дериватами приводит к выводу о родстве этих глаголов и об отражении в них индоевропейского глагольного корня. Это означает, что фонема *-t-* в **šętā̋ti* / **šętèšь* не является частью индоевропейской структуры корня, как это предполагается в существующих объяснениях. В **šętèšь* как раз могла сохраниться индоевропейская глагольная основа $*C_1(C_2)em\text{-}te\text{-}$. Морфема **-te-*, вероятно, та же, что и в основе **plek'-te-* 'плести' (ср. лат. *plectō, ere,* др.-в.-нем. *flehtan* то же) при **plek'-e-* 'плести' (ср. греч. πλέκω то же). Та же основа презента, как известно, сохраняется в праславянском вторичном межпарадигматическом отношении **plestĭ̋*, **pletèšь,* которое, вероятно, под влиянием типа **mestĭ̋*, **metèšь*, возникло из первоначального **plestĭ̋*, **plestèšь.* Словообразовательные варианты **šętešь* : **šemèšь* образуют параллельную пару, как греч. ἀνύω'совершать, исполнять, доводить до конца, достигать' : ἀνύτω то же, лат. *plectō* 'плести' : *plicō* 'складывать, свертывать', 'свивать', *cantō* 'петь' : *canō* то же и т.п., и происходят из индоевропейских отношений между тематическими деноминативами глагольных прилагательных на **-to-* и их производящими глаголами, на что, возможно, указывает греч. πλεκτός 'плетеный' и лат. *cantus* 'пение'[22]. Функционально то же отношение отражает также **šętèšь* : **šemèšь*. Рус. диал. *шати́ть* 'качать, колебать, трясти, наклонять туда и сюда' (Даль[2] IV, 623) и приведенный в словаре Ярника устар. гл. *šetiti se* 'бездельничать'[23], несомненно, являются деноминативными глаголами. Польск. диал. *szętolić* 'шумно

двигаться, двигаться туда-сюда' (Karłowicz V, 299) может быть деноминативным образованием от **šętolъ*, которое, вероятно, от прилагательного, если принять во внимание славянский тип, отраженный в болг. *бързóл* 'горный поток' ← прилаг. **bъrzъ* (Sławski. Zarys I, 109). Эти косвенные данные, возможно, указывают на прилаг. **šętъ* < и.-е. *$C_1(C_2)$em-tó-* типа греч. πλεκτός, который на индоевропейском уровне стал основой для тематического деноминативного гл. *$C_1(C_2)$ém-te-* → праслав. **šętèšь*. Поскольку чисто внешними средствами, с опорой на неславянский материал такое объяснение **šętèšь* невозможно дополнительно перепроверить, глагольный источник *-*te-* в **šętèšь* остается как альтернативное объяснение. При не поддающимся проверке девербативном или деноминативном происхождении **šętèšь* остаются вероятными следующие возможности:

a) **šętèšь* и **šemèšь* относятся к славянским глаголам, унаследованным из индоевропейского праязыка;

b) родственны между собой по причине семантического и морфологического совпадения;

c) поэтому в них сохраняется тот же индоевропейский глагольный корень *$C_1(C_2)$em-* с семантикой перемещения.

3.2. Идентификация индоевропейского корня в **šętèšь* и, следовательно, признание родства с **šemèšь* подводит к такому выводу, что в обоих глаголах сохраняется корень с последовательностью фонем *-em-*. Возможны два индоевропейских корня с семантикой передвижения – **su̯em-* 'двигаться' (Pokorny I, 1046) и **gu̯em-* 'куда-н. идти, прийти' (Pokorny I, 464)[24]. Если отдать предпочтение и.-е. **gu̯em-*, то возникает больше фонетических и словообразовательных трудностей, чем в случае выбора **su̯em-*. Если оставить в стороне проблему связи слав. **š-* с индоевропейским звонким лабиовелярным, то остаются трудности на морфологическом уровне уже потому, что корень **gu̯em-* из аориста[25], что влечет за собой предположение, что **šemèšь,* как и напр. слав. **žerèšь*, является вторичной тематизированной основой аориста[26] с ожидаемым для него презентом **šьmèšь* (тип **žьrèšь*). Поэтому представляется более вероятным, что в отношении **šętèšь* : **šemèšь* находит отражение и.-е. корень **su̯em-*. Этот корень в германских языках специализируется преимущественно на передаче движения по воде, т.е плавания (ср. нов.-в.-нем. *schwimmen* 'плавать', ср.-в.-нем. *schwimmen* то же, др.-в.-нем. *schwimman* < герм. **swemm-a-* при каузативе в нов.-в.-нем. *schemmen*, др.-англ. *swemman*), а отдельные примеры, как напр. норв. *svamra*, хорошо подтверждают древнее значение.

3.3. Согласный *š-* в **šętèšь* и **šemèšь* возник, следовательно, из последовательности двух фонем **su̯-*. Так как оба глагола не входили в состав нейтральной праславянской лексики – центральное место занимал нейтральный гл. **itī̆* 'ire' – согласный *š-* < **su̯-* возник не

так, как в числительном *šěstь ← и.-е. *su̯ek's 'шесть', а на основе экспрессивного развития *su̯-V- > *šu̯-V- и делабиализации *šu̯-V- > > *š-V-, как это наглядно представлено в отношении словен. *šépati, -am* 'хромать', хорв., серб. *šȅpati, -âm* 'неровно ходить', словац. диал. *šeptat'i* 'согнуться' : словен. *švępati* 'хромать' : *svépati* то же ← ← *svèpāšь (ср. др.-рус. *свепатися* 'качаться')[27] : в.-луж. *šapać so, -am so* 'неуклюже ходить', н.-луж. *šapaś, -am / -plju* 'неуклюже ходить, прихрамывать, переваливаться', словац. диал. *šaptat'i* 'хромать (о корове)' : словен. диал. *švapljáti, -âm* 'ходить размашисто' (Schuster-Šewc 1405)[28] < *svā̆pati (итератив *tā̆kati*).

3.4. В отношении *šętèšь : *šemèšь, следовательно, можно было бы признать отражение индоевропейской основы презента *su̯ém-te- 'двигаться' и *su̯ém-e- то же, причем *šemèšь и герм. *swemm-a- могут отражать тот же индоевропейский тематический презент; на корневом уровне *šętèšь ← < *su̯ém-te- родственно лтш. *svempt, svempu / svempju* 'неуклюже ходить' ← и.-е. *su̯ém-pe-[29], что подводит к мысли, что старые деноминативные глаголы древнеиндийского типа *gardabhá-ti* ← *gardabhá-* м.р. существует в балтийском и славянском материале, но это трудно доказуемо. Восточнославянские языки, следовательно, отражают первичный акцент в славянском итеративе *šamati, потому его необходимо выводить из формы с вокализмом *-o-* *svā̆mati[30].

Примечания

[1] *De Saussure*. Predavanja iz splosnega jezikoslovja. Prev. B. Turk. Ljubljana, 1997, 211, 212.

[2] Idem., 1.

[3] *Murko*. Slovénſko-Némſhki in Némſhko-Slovénski rózhni beſédnik. Slovénſko-Némſhki Dél. V' Grádzi, 1833, 580; Cigale. Deutſch-ſloveniſches Wörterbuch. Laibach, 1860, 1500.

[4] *Popowska-Taborska H., Boryś W.* Leksyka kaszubska na tle słowiańskim. Warszawa, 1996, 191.

[5] *Šašel J.* Rožanski narečni besednjak. Rokopis, 118. Inštitut za slovenski jezik F. Ramovša ZRC SAZU v Ljubljani.

[6] *Janežič A.* Popólni ročni slovár slovénskega in nĕmškega jezika. U Cĕlovcu, 1851, 428.

[7] Предложенное Ондрушем сближение с польск. *szastać się* 'двигаться, слоняться, мотаться' и др., которое основано на допущении вторичной назализации в *šętati, и далее признание родства со слав. *chodìti, которое было бы в таком случае звонким вариантом первоначального *chotiti (*Ondruš Š.* Sémantika, genéza a fundujúca funkcija slovanských slovies *chetati* : *chētati* : *chentati* > *šetati* : *šatati : *šętati // Slavia 50, 248–270), призвано было бы объяснить вариантность не связываемых между собой слов в отношении *šat- < *chēt- :: *šęt- < *che(-n)t-, проблематично по причине связи с лит. *skàsti*, где *a* представляет собой рефлекс ларингального, ср. вокализм *a* в лат. *scatō*.

[8] Цит. по: Фасмер IV, 413; Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre primärstammbildungen. Unter Leitung von H. Rix und der Mitarbeit vieler ander-

er bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Wiesbaden, 1998, 483.

[9] *Machek V.* Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* in Slavischen // Slavia 16, 1938–1939, 217.

[10] Lexikon der indogermanischen Verben, 498.

[11] Idem., 155.

[12] *Rejzek J.* Vzník a púvod praslovanského iniciálnoho *ch-*. Disertacija. Praha. Rokopis.

[13] Это – новый тип славянских девербативных прилагательных на *-ъkъ-* (напр. *žegъkъ, *tepъkъ, *gorъkъ, gobъkъ, *tьrpъkъ* ...), в котором находит отражение унаследованная модель девербативных прилагательных типа др.-инд. *táku-* 'быстрый, стремительный' ← *ták-ti* 'спешить, бежать', *H_1és-u- / H_1ós-u-* 'добрый' (греч. ἐΰς 'добрый, хороший', хетт. *aššu-* 'хороший, дорогой') ← *H_1es-* 'esse', переструктурированная в праславянском с помощью суф. *-kъ*.

[14] Murko. Op. cit. 578.

[15] Сюда же омоним *šemetati, šemećem* 'особой палкой тянуть сеть из моря', сюда же *šemet* 'палка с большим количеством крюков, с помощью которой вытягивают сеть из моря', которое Скок отмечено в Дубровнике и Млете, но оставлено без объяснения (Skok III, 386). См. сноску 18.

[16] *Бјелетић М, Влајић-Поповић Ј.* Етимолошки проблеми неких експресивних глаголов кретања // WslJb 37, 1991, 127–134.

[17] Точно так же словенский девербатив **plahot* м.р. *'frfotanje' с конкретным значением 'bestiae volatiles' от гл. *plahotáti* 'frfotati' под влиянием синонима *perút* ж.р. 'bestiae volatiles', *perot* то же < **pèrǫtь* преобразовался в *plahot* ж.р. 'bestiae volatiles'.

[18] *Janežič A.* Op. cit. 159.

[19] *Бјелетић М., Влајић-Поповић Ј.* Указ соч., 103, примечание 73.

[20] *Dulčić J., Dulčić P.* Rječnik bruškog govora // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 7, sv. 2. Razred za filologiju JAZU. Zagreb, 1985, 677.

В Брусье на о. Хвар известны два девербативных синонима *šȅmet* м.р. и *šȅmut*, обозначающих деревянную палку с крюком, с помощью которой по дну моря ищут сеть или канат. Это же орудие в хорватском языке называется *brkljáča* ← *brkljati, -ām* 'рыться, копаться', словен. *brkljáti* 'рыться, шарить, искать'. В Брусье на о. Хвар существительным соответствуют синонимичные гл. *šemetȁt, -tôn* и *šemutȁt, -tȍn* 'палкой по дну моря искать сеть или канат' (*Dulčić J., Dulčić P.* Op. cit. 677). Транзитивное значение 'искать, шарить' часто появляется при интранзитивном значении 'бесцельно ходить, бродить, шататься', как это наглядно показывает отмеченный выше словен. каринт. *šẹ̄tati* 'искать, шарить, хватать', а также хорв. чак. *šâbot* 'наощупь искать в темноте' (Hraste – Šimunović II, 1175), 'наощупь искать что-л.' (*Dulčić J., Dulčić P.* Op. cit. 674: Брусье на о. Хвар), рус. диал. *шáбрать* 'шарить, искать в темноте' (Фасмер IV, 392) при несомненно родственном хорв. *šȅbat, -ān* 'ходить так, что при этом заплетаются ноги' (*Bojanić M., Trivunac R.* Rječnik dubrovačkog govora // Srpski dijalektološki zbornik. XLIX. Beograd, 2002, 445: Дубровник), *šebètati, šebètām / šèbećēm* 'шататься' (RJA XVII, 518). В хорватской рыбной терминологии *šȅmet* м.р. / *šȅmut*, nomen actionis *šȅmetъ* м.р. / *šȅmutъ* с первоначальным значением 'искание', стало термином, обозначающим орудие для поисков (сети или чего-л. другого на дне моря), причем из значения, известного в Дубровнике и на Млете (см. сноску 13), явствует, что значение 'искать' было замещено значением 'тянуть, тащить', потому что с помощью орудия не только ищут, но и вытягивают найденное из моря.

[21] *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha, 1978, 497.
[22] *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967, 167.
[23] *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves III. Le Verbe. Paris, 1966, 171.
[24] *Jarnik U.* Verſuch eines Etymologikons der Sloweniſchen Mundart in Inner-Oeſterreich. Klagenfurt, 1832, 24.
[25] Lexikon der indogermanischen Verben 187.
[26] Ibid.
[27] *Vaillant A.* Op. cit. III, 189.
[28] Этим образованиям родственно слвц. диал. *sepkat'* 'качать(ся); толкать', в котором не наблюдается экспрессивного фонетического развития. См.: *Furlan M.* Psl. **sop-ti, *sop-ǫ* 'spati' // SR 36, 1988, 104.
[29] *Bezlaj F.* Zbrani jezikoslovni spisi. I. Ur. M. Furlan. Ljubljana, 416.
[30] Родство на корневом уровне латышского глагола с и.-е. **su̯em-* 'двигаться' признает Френкель (Fraenkel I, 949), несколько раньше Ф. Безлай связывал с ним словен. *šépati, -am* : *švę́pati* : *svę́pati* (*Bezlaj F.* Zbrani jezikoslovni spisi I, 416), очевидно ему был неизвестен другой славянский материал – др.-рус. *свепатися* 'качаться', в.-луж. *šapać so, -am so* 'неуклюже ходить'.

Слав. **šantati* 'двигаться, качаться, хромать' (хорв., серб., болг., чеш., слвц.), которое, начиная с Миклошича, признают заимствованием венг. *sántít* 'хромать', *sánta* 'тот, кто хромает' (*Miklosich F.* Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867, 56), могло фонетически развиться из девербатива **šăm-ъta-ti* к **šămati* < **svămati.*

Перевела со словенского Л.В. Куркина

А.К. Шапошников

САРМАТСКИЕ И ТУРАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ РЕЛИКТЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В современной иранистике господствует представление о существовании двух подгрупп иранских языков и диалектов – западноиранских (фарси, дари, таджикский, белуджи, лурестанские и др.) и восточноиранских (пашто, памирские и осетинский). Это представление удовлетворительно объясняет большинство языковых явлений, но вносит путаницу в этноязыковую и лингво-культурную историю народностей, носителей иранских языков и их диалектов.

Обратившись к собственно иранской традиции (авестийской), мы обнаруживаем, что сами носители иранских языков подразделяли себя на три родственных, нередко враждёбных, историко-культурных общностей: на арийцев, туранцев и сарматов.

"... от Машьи (**Marti̯a-. – А.Ш.*) и Машьанэ (**Marti̯anak-. – А.Ш.*) произошло 7 пар, мужчина и женщина, и каждый брат был мужем, а сестра – женой. И вот теперь они выросли, подобно высокому де-

реву, плоды которого – 10 видов людей. Машьа и Машьанэ – отец и мать мира. Они умерли через сто лет.

От каждой из семи пар в течение 50 лет рождались дети. Одна из этих пар – мужчина, по имени Сиамак, и женщина, по имени Нисак. А от них родилась пара, имена которых были: Фравак – имя мужчины, и Фравака – женщины.

От них родилось 15 пар, каждая из которых стала расой, из них произошло умножение рода (людского) в мире. Так как уже было 10 рас (т. е. 3 + 7. – *А.Ш.*) и 15 произошло от Фравака, то всего было 25 рас из семени Гайомарта.

Из-за увеличения 15 рас – во времена Хошанга 9 рас на спине быка Сарсаока переправились через море Фрахвкард в другие кешвары (кешвара – географическая область. – *А.Ш.*) и остановились там.

А шесть рас остались в Хванирасе (центральном кешваре. – *А.Ш.*). Те, кто в семи кешварах – все происходят от потомства Фравака, сына Сиямака, сына Машьи.

Из этих шести рас имена одной пары были Таз-мужчина и Тазак-женщина, они отправились на равнину Тазиган арабскую.

От другой пары произошли мазендеранцы.

От пары с именами мужчины Хошанг и женщины Гусак произошли иранцы. *Из их числа происходят те, кто живет на землях Эрана, ни землях Анэрана, то есть на землях Тура, Сальма (откуда берет начало река Тигр), на землях Синда и Чинестана, на землях Дай и на землях Синда.*

Хошанг стал первым царем династии Парадата, обучил народ земледелию, использованию огня и получению железа. Он построил города: Вавилон, Сузы и Дамган. Мстя за своего отца Сиямака, он убил Черного Дэва и уничтожил две из трех частей Дэва Мазендера, разрушителя мира"[1].

Эта работа посвящена рассмотрению языковых реликтов сарматской и туранской языковых общностей в Северном Причерноморье

Сарматия

Из общего арийско-сарматско-туранского генеалогического мифа следует, что Сальм и его потомки поначалу обитали там, где берет начало р. Тигр. А греческая историческая традиция указывает соседнюю область исхода скифов (позднее сарматов), располагавшуюся к югу от р. Аракса. У Геродота (кн. 4, гл. 11) читаем, что скифы пришли в Северное Причерноморье, перейдя реку Аракс[2]. Некоторые историки подкрепляют это сообщение археологическими аргументами[3].

Время заселения закавказскими сарматами северо-кавказского региона, междуречья Волги и Дона и всего Северного Причерноморья определяется археологическими методами в пределах 1200–800 гг. до н.э.

Одна из сарматских родоплеменных групп, известная как скифы царские, в летние месяцы пасла свои стада в Приднепровье, а на зимовья возвращалась в предгорья Таврики. Это население, как полагают некоторые историки, оставило Кизил-Кобинскую археологическую культуру (VIII–V вв. до н.э.), Крымско-Днепровский локальный вариант Скифской археологической культуры V–III веков до н.э. и археологическую культуру Поздних скифов середины III в. до н.э. – середины III века н.э.[4]

Ономастическое обоснование

Ареал восточно-иранской сарматской реликтовой ономастики простирается от Дуная до Урала, от Кавказских и Таврических гор до лесостепного пояса Европейской России. Упомянем вначале ключевые географические названия этой группы.

Авест. *Sa(i)rima*, ср.-перс. *Salm*, фарси *Selm* – эпоним некоего восточно-иранского племени и его страны (Сарматия) в верхнем течении реки Тигр. Этим именем в древности именовали себя собирательно предки исторических осетин.

Античный этноним греч. Σαυρομάται, лат. *Sauromatae* и ИС греч. Σαυρομάτης, лат. *Sauromata* могут восходить к сарм. **sauru-* ‘сухой’, оформленному суф. *-ma* и показателем собирательной множественности *-ta*. Все имя можно толковать как ‘обитатели суши, сухой земли’. Это более корректное толкование, нежели ‘чернорукие’. См. Сауrган.

Авест. *Taera*, ср.-перс. *Terak* ‘название горы в середине мира, на вершине которой Хаошьянгха молился Вайю, богу ветра’. Ср. гидроним *Терек*. Терек берет начало с вершины Казбека (5033 м).

Авест. *Danuš*, др.-греч. Ταναις, -ιδος – производные формы древнего восточно-иранского гидронима *Danu-*, применявшегося для обозначения реки Дон, впадающей в море-озеро (Азов).

Привычные этнонимы *киммерийцев* и *скифов, сколотов* не являются фактами иранских языков. Это – реликты древних индоевропейских идиом ареала, вероятно, иллиро-кельтского происхождения. Многочисленные попытки проэтимологизировать эти этнонимы на базе индоиранских языков успехом не увенчались. Поэтому мы оставляем их в стороне, как и значительную часть древней гидронимии “Старой Скифии”: *Борисфен, Геррос, Гипакирис, Гипанис, Керкинитис, Тирас.*

Ареал восточно-иранской реликтовой гидронимии Восточной Европы достаточно исследован. Отсылаем всех интересующихся к работам В.И. Абаева, Э.А. Грантовского, И.М. Оранского, В.Э. Орла. В состав восточно-иранской реликтовой ономастики обыкновенно включают такие гидронимы Северного Причерноморья:

Авсорок, Акшинка, Алоница, Амонь, Апажа, Апака, Аппарат, Артополот, Асмонь, Атака-Нетеча, Барзна, Борзна и Ворзна, Ведрихан, Домоткань; Дон, Донец (слав. производное от предыдущего), *Дортоба, Духан и Душан, Еланец, Ирка, Лошак, Малороша, Мизунка, Морда, Мордогонова, Морожа, Навля, Надра, Оврад-Девка, Опороть, Пансова, Педань, Пруд, Прут, Разавша, Ропша, Рось и Ръсь, Роша, Рухва, Сабутхан, Самоткань, Свапа, Сев, Сейм, Слепород, Суаткан, Суатхан, Суботхан, Сула (?), Сура, Сурова, Тор, Тукорь, Удай, Удава, Хамрачь, Хан (Добрый Колодезь), Хартислова, Хмара, Хмарка, Ховрад-Девка, Ховратка, Хоморец, Хон, Хоробра, Хорол, Хоропуть, Цата, Шура, Яланец*[5].

Современная форма названия р. *Дон* ничем не отличается от осет. *дон* ‘вода’. Авест. *Danuš*, др. греч. Ταναις, -ιδος – производные формы древнего арийского, туранского и сарматского гидронима *Danu-*, применявшегося в равной мере для обозначения рек Дона и Сырдарьи, впадающих в моря-озера (Азов и Арал соответственно). Река *Дануш* в Авесте считается длинной и самой опасной, непроходимой. Но Данайские туры (dānāvō tūra), с которыми сражались арийские богатыри Авесты, соответствуют танаисским скифам (сырдарьинским сакам). В индоарийской традиции данавы, потомки прародительницы Дану, относились к силам, враждебным арийцам и их дэвам.

Примечательной сарматско-туранской топоосновой являются **al-* ‘источник, вода, река’ (не тождественна общеиран. **har-* < индоиран. **sar-* < и.-е. **ser-* ‘струиться, течь’). Прасармат. **duv-al-* ‘двуречье’ лежит в основе имени исторической области Грузии Туалети (*Duali*, Δουάλοι). Название исторической области Грузии Триалети восходит к аналогичному **tri-al-* ‘трире́чье’. Туранское название **hafta-al-* ‘семиречье’ лежит в основе этнонимов *эфталиты, авдэл* и локализуется в Киргизии (Семиречье), в водосборном бассейне озера *Балхаш (Варукаша)*. А на кавказском побережье в районе нынешнего г. Новороссийска упоминается топоним (др.-греч.) ‘Επτάλου λιμήν, восходящий к той же праформе **hapt-al-* ‘семиречье’.

Гидроним *Хан, Хон* в бассейне Сейма восходит к позд. сарм. **xan-*, ср. авест. *xan-* ‘колодец, источник’, а также глоссовое название притока р. Хан – *Добрый Колодезь.*

Название Керченского пролива в Раннем Средневековье Οὐκρούχ ‘горловина, throat’ ближе к осет. *хурх* ‘гортань, дыхательное горло’, чем к др.-инд. *kr̥ka-, kr̥kāṭa-* (Абаев IV, 249);

Топоформант *-*u̯ar*- город (ср. индоарийск. мифолог. *Vara*-, авест. 'обитель праведных' *Vara*, восходит к названию шумерского города UR, города по преимуществу в 2100–2000 гг. до н.э.) характерен для Северного Причерноморья античного времени. В собственно скифской и сарматской среде преобладало слово *-*u̯ar*- (*Nauaron, Nauaris* 'Новый город') в отличие от туран. *kat[a]*-. Даже столица части хуннских племен на р. Герр (Днепр) в 460-е гг. называлась *Хунновар* (Οὐννοουάρ). Это название показывает, что во времена общности *хуннов* сарматское слово *уар* 'крепость, город' все еще бытовало в языке северопричерноморского населения.

Ономастические следы сарматского и туранского (восточноиранского) облика доныне заметны на Сурожской земле в Таврике.

Название оврагов и рек *Алакоз, Алака* (16 км. к зап. от Алушты) и *Алачук* (Рыбачье) скорее всего восходят к туран. **alaka*- 'источник, ключ', слову и.-е. происхождения.

"Таврское" наименование Феодосии *Ардавда* (перипл V в. н.э.) < < *Αβδαρδα при рукописном Α'ρδάβδα ἑπτάθεος 'семибожий (град)' сопоставимо с осет. *avd, ævd* 'семь' и авест. *ard(vi)* 'божество'[6].

Гидроним *Бай-Буга* толкуется совершенно однозначно из сарм. **bai-bugá*- 'имеющий два изгиба', где **bai-/bi*- 'два, двое-, дву-' восходит к индоиранскому **d[u]u̯i*- 'двое-, дву-', особенно в составе композитов (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 40, 60, 489), а **buga*- является диал. вариантом праиран. **bauga*- 'изгиб', производного от гл. **baug-/bauj*-, **bug-/buj*- 'гнуться, сгибаться', ср. внешнюю форму и ударение др.-инд. *bhogá*- 'извилина, изгиб' (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 480). Арийские и туранские слова продолжают и.-е. праформу **b(h)oug(h)a*- 'изгиб'. Примечательно то, что значения праслав. **buga* 'сырое, топкое место; затопленный весенними разливами береговой лес и кустарник' (ЭССЯ 3, 78) и лтш. *bauga* 'топкое место у реки, плохая заболоченная почва' также весьма подходят для описания этой феодосийской речки. Ср. Бай-Дара, аналогичный топоним таврической Готии.

Гидроним *Ворон* сопоставим с осетинским словом *waryn* 'дождь', *waryny don* 'дождевая вода'[7].

МН *Кафа*: Καφά, Καφᾶς, *Caffa, Cafa, tur. Kefe* (в описании событий IV в. н.э.: "местечко Кафá") недостаточно убедительно толкуют из вост.-иран. **kaufa* (ср. авест. *kaofa*, ср.-иран. *kof*) 'гора'[8] или *kafa*- 'рыба', осет. *kæf*[9].

Название горной вершины *Комофырсха* или *Комофыхра* доносит в сильно искаженном виде осет. *kom* 'ущелье (рот)' и *færssag* 'побочный приток', ср. *færsxæy* 'селение в стороне от главной дороги', *færsk* 'ребро'.

Заимствованный горный термин *rintsch* 'mons'[10] в языке таврических готов восходит к форме **rintz*, сопоставимой с осет. *ryndz* 'горный хребет, утес, обрыв' < индоиранск. **rinjya-* (Абаев II, 445).

Название пирамидальной горы *Сори* можно толковать из осет. *sær* 'вершина, верхушка'.

Гидроним *Шелен* сопоставим с осет. *sælæn* [šălăn] 'замерзающий' и является турецкой адаптацией последнего слова[11].

Гидроним *Шор* сопоставим с осет. *swar* [šwar] – 'минеральный источник, минеральная вода'[12].

В языковом отношении сюда же может относиться и загадочное, явно нетюркское, название сурожской горы *Кисломно*, не получившее еще убедительной интерпретации.

Эпиграфика [Корпус боспорских надписей, №№ 947–951] позднеантичной Феодосии (III в. н.э.) содержит несколько имен собственных вполне осетинского облика[13]: Αρδάρου – ср. осет. *ældar* [ăldar] 'барин, господин, властелин'; Δαδά, Δάδας, Δαδοῦς – ср. осет. *dada* 'папа, дедушка'; Δαδαίου – ср. осет. *dædæy* 'обрядовый крик при оплакивании'; Φιδᾶς – ср. осет. (ирон.) *fyd*, (дигор.) *fydæ* 'отец'; Φαδσίου – ср. осет. *fæddzu* 'алюр'.

Некоторые другие личные имена феодосийской эпиграфики III–IV вв. н.э. также имеют очевидно иранский облик: 'Αχαιμένης 'Ομφαλάκου, 'Ραδάμειστος Δάδα, 'Αλέξανδρος Φαρνάκου, Φαρνακίων Παπίου, Χωνδίακος, 'Οχωδίακος, Σόγος, Ποτηγοῦς Απαντε (Корпус боспорских надписей, №№ 947–951, с. 529–533).

В средневековой Сугдайе существовал знатный род, представители которого носили имя 'Αλουφοῦ, 'Αλαφοῦ, сопоставимое с прикубанским гидронимом *Уруп* и авестийским словом *Taxma-Urupi-* 'лис, лиса' (из и.-е. **(w)lupi-* 'лиса')[14].

Немало реликтовых сарматских местных названий обнаруживается и на территории таврических историко-культурных областей Готия и Фуллы (зд. аланы сохраняли свою самость даже в золотоордынский период).

Поселок *Кучі Албатъ, Албат* (Куйбышево, Бахч.): из позднего сармато-алан. **al-* 'река', **bad-* 'сидеть, оседать', ср. осет. *badyn* (< **upahad-*) 'сидеть, оседать, рассаживать, усаживать, сажать', *badt* 'сидение (действие), осевший (об осадке)', или обще-иран. **bad-* 'копать, рыть; пронзать, колоть' (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 43–44), ср. сармато-алан. **badak-*, **badag-*: ИС Βαδαγας, Βαδακης (Ольвия), Βαδατιον – городок в Таврике (Ptol.).

МН *Ардыч-бурун* (Стаурнын-бурун) этимологически из осет. *ærdūz, ærduzæ* 'поляна' < туран. **drauša-* 'лесной, древесный'[15].

Городок *Аргода*, 'Αργόδα (Ptol.), м. б. "Αργος (St. Byz.), племенные наименования *Argoceni, Orgocyni* (Plin.): из вост.-иран. (сарм.-

алан.) *arγwud- 'место совершения обрядов богослужения', ср. осет. *arγwyd* 'крещение; венчание', *arγwyc* 'преклонение, почитание', ИС Αργοδας, Αργοτας (Пантикапей), таврический топоним 'Αγόδα (Ptol.) (< **ārγwud-*), таврический этноним *argoceni* (Plin.) (< **argwok-ān-*).

Этническое наименование *Assyrani* (Plin.) может быть первоисточником МН *Сюйрень, Сюирень, Сюрень* (н. Танковое): из сармат. **aššuran-* 'ассирийцы'? В данном толковании нет ничего невероятного, так как скифы (ишкузу) принимали активное военное участие в мидийском завоевании Ассирии (610 г. до н.э.). На Таврическом п-ове поселились либо потомки воинов, осаждавших Ниневию и Ашшур, либо потомки выведенных пленных ассирийцев.

Поляна Большой *Бабулган*, в сев. части Ай-Петринской яйлы, у подножия г. Вилля-Бурун, пол. Малый *Бабулган, Бабуган*-яйла, *Бабуан*: толкование из ктат. названия белладонны может оказаться поверхностным. Для наименования грандиозного горного объекта может подойти толкование из вост.-иран. **Babul-gan-* 'убийца Бабула', ср. сарм. *gan- 'убийца', др.-инд. *Vritrahan-*, авест. *Vərətragna-* 'убийца Вритры', сарм. ИС *Iodman-gan* (Иверия), 'Οργανᾶς – дядя Ковраты[16], правитель хуннов-кутригуров в 559 г. Ζαβέργαν[17], Βοσταγων (Пантикапей), МН Τουργανηρχ, Τζαρβαγανιν[18], *Мордогон-ова* (ср. осет. *мард* 'мертвый' и вост.-иран. *xan-* 'исток, ключ' или гл. *gn-* 'гнать, убивать').

Населенный пункт *Байдаръ, Байдары (н. Орлиное, Севаст.), Байдарская яйла, Байдарские ворота*: из сарм.-алан. **bai-dara-* 'две долины, два ущелья', ср. праиран. диал. **bai-* 'двойной, дву-' и **dara-* 'ущелье, долина' (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 1, 2). Ср. р. Байбуга.

Гидроним *Бал-Алма* в Ялте, р. *Бала, Балла*-Су: из сарм. **bala-* 'сила, сильный' или 'группа, отряд, стая', ср. обще-иран. **bala-* 'сила, сильный' (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 66), ср. ИС Ουαστοβαλος (Танаис) < < **u̯ast(a)-bala-* 'истинная военная сила?'.

Скала *Балан*-Кая (Васильевка, Ялт.): из вост.-иран. *балан* 'верхний, высокий'.

Гидроним *Барбала*, прав. приток р. Кримасто-Неро, впадает выше ск. Зиго-исар (Ялт.): из сарм. **barbala-* 'гулкий источник', ср. иран. **barb-* 'бормотание' (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 65–66) и **al-* 'источник', античный и.-е. гидроним аналогичного значения Μερμόδας 'бормочущая вода'.

Страна *Дору, Dory* (Prisc.500), *Dori* (Raven. Anon. 700), *Дорос* – главная крепость Готфии расположена на высокогорье Баба-Даг

(Мангуп, Бахчисарайск. район). Первое упоминание о городе Дору в античных источниках обнаруживаем в труде Institutiones Grammaticae римского грамматика Присциана (расцвет его творчества пришелся на 491–518 гг.): "...quattuordecim sunt litterae terminales nominum, quibus Latinus utitus sermo... in Graecis autem invenitur etiam -y, ut *Dory, nomen oppidi Pontici*, et Aepy"[19]. Автор VI в. Прокопий Кесарийский в труде "О постройках" также называет страну готов Дору (Δόρυ). Более поздние фиксации топонима также стремятся передать узкий губной характер конечного гласного. Все они противоречат устоявшейся псевдонаучной традиции передавать это имя как Дори (правильно Дору!), появившейся в результате гиперкорректного чтения буквы υ "ипсилон". На самом деле буква "ипсилон" чаще передавала ср.-греч. узкие огубленные гласные типа [u, ü], нежели [i]. Поэтому правильное произношение имени города и страны таврических готов будет Дору или даже Доро. Все предложенные толкования и этимологии этого названия сомнительны: из осет. *dur, dor* 'камень'[20] или *duar* 'дверь'.

Населенный пункт *Кабази* (Бахч.р-н) толкуется из осет. *къабаз* 'ответвление, рукав (реки), отрог (горы)'.

Скалы Биюк-*Кардис*-Кая, Кучук-*Кардис*-Кая, *Картис*-Кая (вост. склон Никитской яйлы), Καρδησός· πόλις Σκυθική Εκαταῖος Εὐρώπη. Независимо от этимологии перед нами древнейший топоним Таврики (конец. VI в. до н.э.!): из вост.-иран. **karθ-*, **kardi̯a-* 'нож, меч' (ср. осет. *kard* 'нож, меч'), ср. ИС *Carthasis*, брат скифского царя 330–320 гг. до н.э., Καρδιος (Танаис, Фанагория).

Гора *Комбопло*, урочище *Комбопло, Комвопло, Кобоплу, Камбопла* (коническая лесистая вершина с поляной на отроге г. Эндек, Многоречье, Бахч.), хребет *Комбопло* (отрог Баланын-Каясы, Ялт.): имеет в составе осет. *ком* 'ущелье'.

Река *Коса, Коссе, Кой-Су* (приток Альмы, бахч.): из осет. *коса* 'со скудной растительностью'?

Место *Кунда* в Крыму, название скалистой возвышенности *Кундó-Хая́* возле с. Стыля Старобешевского р-на[21]: из осет. *конд* 'сделанный (о вещи, изделии)'; *конд хъæд* 'вырубленный, срубленный лес'; *конд хуым* 'вспаханный участок', еще знач. 'строение, структура, состав', ср. Терскунда.

Поселок городского типа *Курпаты*: из сарм.-алан. **kur-pata* 'морские орлы'?, ср. др.-инд. *kúrara-* 'морской орел' и скиф. гл. корень **pat-* 'бить' в составе "скифск." οιορπαται 'мужеубийцы', если только перед нами не цельное арийск. *Kuru-patha-* имя риши (Кауш.), *Kaurupathi, is* m. патронимикон (Mon.-Wil. 317).

Река *Лата* (ниж. теч. р. Узунджа, с. Родниковое, Севаст.): из сарм. **lat-* 'глинистые наносы, мягкая глина', ср. пушт. *la̯i* 'ил, тина', ср. знач. соседнего греч. топонима Ласпи.

Мыс *Лукул, Улукол, Улукул* (в устье р. Альма): из осет. *Лукул* – св. Николай, покровитель мореплавателей. Название мыса предполагает существование на нем средневековой церкви или часовни указанного святого.

Населенный пункт *Madac* (Santini 1777: рядом с B. Lamba): из сарм.-алан. **madak-* 'материнский' (ср. осет. *mad* 'мать', *madœlon* 'материнский'): ИС Μαδαϰος (Танаис).

Поселок *Марсанда* (Массандра, Ялт.), *Marsande* – Santini 1777: из сарм. диал. **marti̯ant-*, ср. авест. Мартья и Мартьянак, Машья и Машьянэ. См. Мартьян.

Река *Марта*, Яныкер в ниж. теч. (бахч.): из сарм. **marta*, ср. осет. *мард* 'мертвый, убитый, покойный'.

Мыс *Мартьян*, Никита-Бурун (Ялт.): из сарм. **marti̯an-*, см. Марсанда, Ср. авест. *Мартья* и Мартьянак, *Машья* и *Машьянэ*.

Поселки *Біюкъ Мискамъя* (Гончарное), *Кучі Мискамъя* (Гончарное), *Кучук-Мускомия* (Резервное): из осет. *мысы* 'барс' и *ком* 'ущелье'?

Населенный пункт *Пычки, Пыцки, Пычхы, Бычки, Бичке, Фыцки* (Баштановка, Бахч.): ср. осет. *фыццаг* 'первый, начальный, первоначальный, передний, передовой, тот, который впереди'.

Источник *Саурган* (Эклизи-Бурун, Чатырдаг): из осет. *суар* 'минеральный источник, минеральная вода' или *сур* (**sauru-*) 'сухой, просохший', и вост.-иран. *khan-* 'источник'.

Населенный пункт *Сикита*, н. Никита (Ялт.), *Sicita* в генуэзском-татарском договоре 1381 г.: из осет. *siqœc, seqœc* 'точильный камень', др.-инд. *saikati* 'щебень', *saikatá-* 'береговой песок'.

Хребет *Синаб-Даг, Синап-Даг,* Канчардаг (отрог Бабуган, Бахч.): из сарм.-алан. **sin-* 'бедро', **ab* 'вода, река'?

Река *Софу-Узень,* л. верх. пр. р. Улу-узень (Алушт.): из осет. *сœфын* 'исчезать, пропадать' и тюрк. *узень* 'река, -речье'?

Гидроним *Таката*, река в Партените, *Такáта*, река в Алуште: из сарм.-алан. **taka-ta* 'потоки, ручьи'[22], ср. осет. *tœx* 'быстрый, стремительный'.

Населенный пункт *Терскунда* (Краснолесье): из осет. *тœрс* 'бук, чинара', *конд* 'срубленный, вырубленный'. Ср. мн Кунда, Кундó-Хаќ.

Река *Фети* – р. Бельбек (от Голубинки до устья), на итал. портоланах *lefeti* LIV, *lefeti* 1321, *Lofti* LX, *Lefti, Lofti* LXIV, *Lefti*, LXV, *feti* LX, *feti flumen* LXVII[23]: из сарм. **feti-*, **foti* 'стрела'?

МН *Фетисала* (у р. Бельбек), *Фотисала* (Голубинка, Бахч.), *Феттахъ Сала*[24]: туземный индоар.-сарм. гибрид 'Фети-стечение, водосток'.

Поселок *Чергунь, Чóргунь, Чоргуна, Чóргуньская* башня XVI–XVII вв. внутри круглая, снаружи двенадцатигранная (Чернореченское, Севаст.)[25], р. *Чер-Су*, Казыклы-Узень, Биюк-Узень:

место падения ударения и весь облик имени свидетельствует о его дотюркском происхождении (исключает возможность толкования из тюркских родо-племенных наименований *джургун, джуркун*), в ряде иран. диал. *čor* < *čatur*, греч. τετράγωνη 'четырехугольная, квадратная'?

Скала *Шулдан*, пещерный монастырь *Шулдан*, гора *Шулдан*-Бурун (Елли-Бурун, Эли-Бурун), средневековый пещерный монастырь (Терновка, Севаст.): из сарм. **šul-dān-*, производного от гидронима *Шули, Шулю* композита типа *Шули-дон* (река), ср. праиран. **dan[u]-* 'вода, река', осет. *don* 'вода, река, сок', или производное слово от *šula-* 'колючка (терн), кол, брус' посредством форманта *-dān*, осет. *-дон* 'хранилище, место хранения', или алан. **dānak-* 'храм', ср. общеиран. **baga-dānaka-* 'божий храм' (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 50): ИС Ανδανακος, Ιασανδανακος, Φηδανακος (Танаис); **dan-arasamaka-, dan-arazmaka-*?: ИС Δαναρασαμακος, Δαναραζμακος (Танаис).

Этноним *Хърватъ* убедительно толкуется на базе сарм. **xarva(n)t-* (эпиграфич. ИС Χορουαθος) и античной глоссы *sarmatae-gynaecocratumenoe* (ЭССЯ 8, 149–152). Общее значение – "женский, женоуправляемый".

Этноним *Русь*, скорее всего, также восходит к прототипу сарматского или туранского северо-кавказского происхождения, ср. *Hrōs* – этноним Предкавказья (у Захарии Ритора VI в.), наименование главенствующего среди асов племени *рухш-ас* (у Ибн-Руста X в.). Для исследователей проблемы этнонима *Русь* небезынтересно сообщение Ибн-Руста (ок. 903 г.) о том, что главенствующее асское племя называлось *рухсас* [rwhs 's], а другие асские племена – *тулас* и *буртас*. [twl 's, bwrt 's][26]. Вышеупомянутая вост.-иран. форма **ruxs-* действительно может быть прототипом слав. адаптации в виде *русь*, в частности, она непротиворечиво объясняет сохранение интервокального *-s-*, как результат мутации *-xs-*.

Лингвистическое обоснование

Лингвистическим вероятностным обоснованием мифологической и исторической теории происхождения и расселения сарматских племен служит лексический материал вост.-иран. облика в сопредельных языках ареала.

В индоевропеистике последней трети XX в. была установлена глубокая давность расщепления праиндоиранского состояния на индоарийскую и иранскую ветви. Согласно лингвистическим и археологическим изысканиям, эта эпоха может хронологически соотноситься с периодом не позднее конца IV – начала III тыс. до н.э.[27]

Возможность лексических проникновений из некоего древнейшего иранского источника еще в общекартвельское состояние также представляется достаточно реальной[28].

Отметим факт диалектной окраски нескольких и.-е. заимствований пракартвельского хронологического уровня (III тыс. до н.э.), которые имеют предполагаемые антецеденты типа праиранского (с уже спирантизированным консонантом): пракартв. **uγ-* 'ярмо' < праиран. **i̯uγ-* 'ярмо, иго'; пракартв. **usx-* 'жертвенный бык' при авест. *vaxš-: uxš-* 'растить'.

Среди индоевропеизмов грузинско-занского хронологического уровня (II тыс. до н.э.) количественно преобладают формы, имеющие явно выраженные индоарийские антецеденты, но встречаются и праформы, имеющие праиранский облик.

Груз.-зан. **band-* 'сплетать, связывать' сопоставимо с праиран. **band-* 'связывать' (ср. груз.-зан. **bandx-* 'связывать, сплетать' и др.-инд. *bandh-* 'связывать').

Груз.-зан. **txaz-: txz-* 'сплетать, сочинять' сопоставимо с осет. *taexsaeg* 'плотник' (ср. авест. *tašaiti* 'создает').

Сван. *ṭebdi, ṭebedi, ṭebid* 'теплый', *li-ṭbid-e* 'греться' близки осет. *tævd, tævdæ* 'горячий' < **tap-t-* (Абаев III, 283)[29].

Позднейший пласт "доисторических" картвельских индоевропеизмов также содержит несколько иран. заимствований ранней эпохи.

Др.-груз. *ḳeraḳ-* 'очаг' и арм. *ḳəraḳ* 'огонь, жар' считаются старым иранизмом.

Мегр., лазск. *leṭa-* 'грязь' сопоставимо с вост.-иран. **lat-* 'сырой, влажный, болото' (ср. афган. *lai̯* 'ил, глина'), ср. таврический топоним Лата.

Груз. *nigoz* 'ядро грецкого ореха' восходит к ср.-иран. форме **nigoz* (ср. др.-иран. **ni-gauza-* 'внутри сокрытое').

Груз. *[pard-]: prd-* 'продавать, торговать' возводят к праиран. **para-dā-* 'передавать, отдавать').

Мегр. *reḳa* 'галечный намыв в русле реки' восходит к ср.-иран. **reka-* (ср. др.-перс. *raika-* 'песок, намытый рекой или морем')[30].

Груз., мегр. *sila* 'песок', равно как и осет. *села* 'круглый плоский камень', восходят к индоарийск. *śilā́* 'камень, осколок скалы'.

Как следует из вышеприведенного языкового материала, картвельские языки на протяжении длительного времени контактировали с праиранским в доисторический период[31]. Однако в картвельском лексическом фонде следы иранского воздействия менее ощутимы, чем индоарийского праязыка.

Эти наблюдения позволяют усомниться во мнении, согласно которому грузинские племена лишь в IV в. до н.э. вытеснили из долины Куры длительное время господствовавших там скифов (вернее, сарматов)[32]. Скорее всего, в доисторический период долины рек

Алазани (Камбюза) и Куры (Кюра) были населены потомками Кауравов и Пандавов (индоариями). А потомки Саримы уже с конца II тыс. до н.э. перевалили Кавказ и расселились в Северном Причерноморье. Но с тех пор область современной Южной Осетии, вероятно, всегда удерживалась предками осетин.

Восточно-иранские, сарматские и аланские лексические проникновения обнаруживаются и в северокавказских языках. Некоторые из них имеют иной облик, нежели их соответствия в осет. языке, или вообще в нем не представлены[33].

Абх. *а-пса́*, бзыб. *а-пшъа́* 'цена, стоимость', ближе к хотаносакск. *pasa-* 'мелкий рогатый скот', нежели к осет. *фыс, фус* 'овца' < **pasu-* (Абаев I, 500).

Адыг. стар. *апкъ, абгъ, нов. апч, абдж* 'стекло, бутылка' вместе с арм. *apaki* 'стекло, хрусталь' восходят к вост.-иран. источнику **āpak-* (ср. осет. *авг, авгæ* 'стекло, бутылка') (ОЯФ I, 56, 88, 335; Абаев I, 84–85)[34].

Так, адыг. *хьачIэ, хьэшъIэ* 'гость' и чечен.-ингуш. *хьаша* 'гость, приятель, знакомый' восходят к форме косв. пад. вост.-иран. **hašie-* 'друг, приятель' (ср. авест. *haxā*, дат. п. *hašye*).

Адыг. *чатэ*, шапс. *кькьатэ*, каб. *гьатэ*, *джатэ*, абаз. *гьата* 'меч, сабля' фонетически ближе к авест. *karəta-* 'нож', чем к осет. *кард* 'нож, сабля; меч' < **kartya-* (Абаев I, 571).

Осетинизмы в абхазо-адыгских языках относятся преимущественно к сфере материальной культуры и быта и датируются периодом гегемонии алан на Северном Кавказе между I в. до н.э. и XIII в. н.э. Общеабхазо-адыгское распространение имеют единичные из них. Чаще всего осетинские лексические заимствования оказываются лишь в адыгской или абхазо-абазинской подгруппе либо только в кабардинском или абхазском языках.

Ниже приведены наиболее вероятные из лексических заимствований осетинского облика в абхазо-адыгских языках из уточненного списка А. К. Шагирова[35].

Каб. *арэф* 'жерди с крюком на одном конце, используемые как стропила для крыш хозяйственных построек' восходит к осет. *æрæф* 'рейка, косые стропила'.

Каб. (леск.) *ашкьинэ* 'щипцы для углей' восходит к осет. (дигор.) *арскинæ*, *артскинæ* то же (ср. осет. *ærtyskæn*, где *art* < **āthr-* Абаев I, 183).

Каб. уст. *бод* 'благовоние, ладан, фимиам', *бад* 'ладан росный' восходят к осет. *буд, бодæ* 'благовоние, ладан' < **baud-, bauda-* (Абаев I, 269).

Каб. (м.-каб., леск.) *гвыборэ* 'кукурузная лепешка, испеченная в золе' восходит к осет.(дигор.) *губорæ* 'небольшой чурек, пирожок с сыром'.

Каб. *догвэ* 'минутку, подожди' из осет. (дигор.) *догæ* 'время, период, эпоха' (Шагиров I, 530).

Абх.-абаз. *а-квыджьма, квыджьма* 'волк' имеет в своем составе корень *квыджь*, восходящий к осет. *куыдз, кудз* 'собака' < **kuti-* (ОЯФ I, 312; Абаев I, 606).

Каб. (леск.) *кIвымыл* 'квас' восходит к осет. *кIуымæл, кIумæл* 'брага, квас' и далее к *хумæллæг* 'хмель' (Абаев I, 649).

Абаз. *къIвал* 'альчик, бабака' восходит к осет. *хъул, гъолæ* то же (Абаев II, 313–314).

Каб. (леск.) *листэгъ* 'мелко, мелочь' восходит к осет. (дигор.) *листæг* 'мелкий, дробный, тонкий' < **rišta-* (Абаев II, 57–58).

Адыг. (каб., шапсуг.) *маркIвэ, мэракIвэ* 'земляника, клубника; малина; тутовник' имеют в своем составе корень *мар-, мэра-*, восходящий к осет. (ирон.) *мæр* 'почва, земля', (дигор.) *мæрæ* 'поляна' (в связи с осет. *myrtkæ* Абаев II, 141).

Абх. *а-псынгьары, а-псынгьарий* 'наковальня' имеет в своем составе корень *псын-*, восходящий к осет. *æфсæн* 'железо' < **ăefsăen* (ОЯФ I, 313; Абаев I, 481).

Абх. (абж.) *а-ратын* 'ремень особой выделки, ремень ярма' восходит к осет. *рæтæн* 'толстая веревка, сплетенная из ремней или из скрученных прутьев, для привязывания сохи к ярму, для волочения бревен и пр.' < **rathana-* (Абаев II, 382–383).

Абх. *а-ргама* 'явный, открытый', 'явно', абаз. *аргам* 'рассекреченный, гласный' восходят к др.-осет. **argata*, ср. осет. *æргом, æргон* 'лицо, лицевая, передняя часть; очевидный, явный, открытый' (ОЯФ I, 316; Абаев I, 175–176).

Абх. (абж.) *а-рныг*, (бзыб.) *айрныг, айарныг* 'глупец, глупый, обезумевший' восходят к осет. *æрнæг* 'дикий, одичавший' < **ar^{u}na-* (ОЯФ I, 315; Абаев I, 179).

Абх. *а-супал* 'бахрома седла' восходит к осет. *цупал* 'гроздь, кисть' (ОЯФ I, 314; Абаев I, 316).

Каб. *тажъгьэ, тажъджэ* 'сапед, большой кузов, который устанавливался на арбе при перевозке, например, кукурузы, картофеля' восходит к осет. *тæскIæ, тæскI* 'корзина, большая корзина' < **task-* (Абаев III, 281) с возможным германским происхождением (ср. нем. *Tasche*)[36].

Абх. *а-уараш* 'пиво' восходит к осет. (дигор.) *уæрас* 'брага' < < **warāza-* (ОЯФ I, 298–299, 314, 317; Абаев IV, 89).

Абх. *а-уардын*, абаз. *уандыр* 'арба' восходит к осет. *уæрдон, уæрдун* то же < **wartana-* (Абаев II, 217, IV 92), едва ли "аланского" периода (ОЯФ I, 87, 313, 317, 335–336), древнее.

Адыг. *уыжьы, уыжъэ* 'ласка (зоол.)' сближают с осет. *уызын, узун* 'еж' (ОЯФ I, 49).

Адыг. *уылэуы-н* 'уставать, утомляться', кубан., черк. *уылэуы-н* 'уставать, трудиться; потратиться на кого-л.' восходят к осет. *фæллайын, фæллайун* 'уставать, утомляться' (Шагиров № 1293).

Каб. (леск.) *цыгьыр, цыджыр* 'плешивый, с паршой на голове' восходит к осет. *цæгæр* 'парша, плешь; плешивый'. Ср. сарм. ИС Θιαγαρος (Танаис).

Каб. (бакс.) *цырибон* 'самогон' выводят из осет. застольного выражения *цæрæнбон* 'жизнь'.

Адыгск. *цъвынды, цъвынд* 'ворон, грач' восходит к осет. (дигор.) *сунт*, (ирон.) *сынт* 'ворон' < **syāvant-, syāvavant-* 'черный' (Абаев III, 203–204).

Каб. стар. *кьыржьын, кьэржьын*, нов. *чыржьын, чэржьын* 'чурек (хлеб из кукурузной муки)' восходит к осет. *кæрдзын, кæрдзин* 'хлеб непшеничный (ячменный, кукурузный, просяной)' (Абаев I, 585).

Адыгск. стар. *кьэт*, нов. *чэт* 'овчарня', шапс. 'помещение' восходит к осет. *кæт* 'пристройка при хлеве, открытая с одной или двух сторон' (ОЯФ I, 454), 'конюшня' (?). Этимологизируется на иранской почве < **kata-* (Абаев I, 590).

Каб. *шэд* 'лужа' восходит к осет. *цад, цадэ* 'озеро' < **čātha-* (Абаев I, 285), в других иран. языках имеет знач. 'колодец'. Ср. гидроним *Цата*.

Адыгск. стар. *шэугьэн, шьогьэн*, нов. *шэуджэн, шъоджэн* 'священник', широко распространенное фамильное, имя восходят к осет. *саугин, сауджын* то же, образованному посредством суф. *-гин/ -джын* от основы *сау* 'черный' (ОЯФ I, 88; Абаев III, 45).

Адыгск. стар. *шьэмэгь, шэмэгь*, нов. *шьэмэдж, шэмэдж*, шапс. *чэмэдж*, убых. *чэмэгь*, абх.-абаз. *а-чъбыга, чъбыг* 'коса (орудие)' восходят к осет. *цæвæг* то же, лексикализованному причастию от гл. *цæвын* 'бить, ударять, сечь' (ОЯФ I, 313, 336; Абаев I, 305–306).

Абх. (батум.) *а-шьхърып*, абаз. *хъшьрып* 'серп' восходят к осет. *хсырф, æхсырф, æхсирф* 'серп' с и.-е. предысторией (Абаев IV, 242).

Адыгск. *шъыхьэ, шъыхь* 'олень' восходит к сарм. **saka-*, ср. осет. *саг* то же < **sak-, saka-, sākā* (Абаев III, 11–16).

Каб. *Iэрмэфту* 'неумелый в физической работе, у кого все валится из рук' восходит к осет. (дигор.) *æрмæфтуд*, сложению *арм* 'рука' и *æфтуд* 'упавший, отвалившийся'.

Прочие сопоставления представляются маловероятными[37]. Лишь некоторые заимствования (по фонетическим признакам) восходят к периоду между I в. до н.э. и VII в. н.э. Это: **argama-*, **bod-*, **cad-*, **cagar-*, **psin-*, **ratan-*, **sak-*, **sunt-*, **task-*, **waraz-*, **wardon-*, **xširph-*. Прочие были усвоены позднее этого времени.

Несколько примеров лексических заимствований восточноиранского облика в праславянском языке отражают предполагае-

мые контакты праславянских племен с сарматским населением Северного Причерноморья начиная с VI в. до н.э.

Праслав. **ajьce* ‘яйцо’ может восходить (образовано аналогично?) к прототипу **ayik-* осет. *ajk, ajkæ* (Абаев I, 41; ЭССЯ 1, 63).

Праслав. **atra* ‘очаг, огонь’ (или **[v]atra*, откуда русск. *ватрушка*) тесно связано с сармат. **ātr-*, ср. осет. *art* ‘огонь’ (ЭССЯ 1, 91–93). Сарм. диалекты, скорее всего, выступали в роли посредников при передаче мидийск. **ātar-*, **ātr-*, **ātro-* ‘огонь’. См. индекс.

Праслав. **bogъ* ‘бог’ тяготеет к др.-иран. (мидийскому) словоупотреблению **baga-* в знач. ‘бог Ахура-Мазда’ и вост.-иран. в знач. “божество (реки, горы и т.п.)”[38] (ср. праиран. **baga-* ‘доля, выделенная часть, удел, судьба’ и праслав. **nebogъ*, **ubogъ*). Посредником могли быть сарматские диалекты как Закавказья, так и Северного Причерноморья уже во второй половине VI в. до н.э.

Вост.-слав. **bogatyrь*, др.-рус. *богатырь*, таврическое МН *Богатырь* могли быть заимствованы напрямую из вост.-иран. диалектов (ср. осет. *bægatyr* Абаев I, 246) без тюркского посредства (ср. тох. и сак. **bagatūri-* ‘богатырь’)[39], тем же путем и в то же время. При этом в народном сознании слово *богатырь* и слово *бог* справедливо связывались.

Праслав. **drynъ* ‘дубина, кол, палка’ (< и.-е. **drūno-* ‘деревянный’) может восходить к праформе сарм. **ardon-* ‘лук’ (ср. осет. *ærdyn, ærdunæ, ænduræ* также < **drūna-*) ‘лук (оружие)’ (ЭССЯ 5, 145; Абаев II, 404).

Праслав. **ę-zykъ*, ст.-слав. ѩзыкъ подозрительно напоминает в словообразовательном отношении осет. *ævzag, yvzag* ‘язык, речь’ из **hi-zwāka-* (Абаев IV, 279; ЭССЯ 6, 74–75).

Праслав. **gun'a* ‘плотная верхняя одежда из шерстяной ткани’ восходит к сарм. **gaunįa* ‘верхняя одежда из крашеной шерсти’, ср. авест. *gaona-* ‘волосы, цвет волос’, осет. *γun* ‘шерсть’ (ЭССЯ 7, 175–177).

Праслав. **gъpanъ* восходит к иран. **gu-pan-* ‘коровий пастух’ (ср. авест. *gao-*, осет. *hug*) (ЭССЯ 7, 197–198).

Слав. **xoměstorъ* ‘хомяк’ восходит к сарм. **hamaistar-* ‘припадающий на землю’ (ср. авест. *Hamaēstar-* ‘повергающий на землю’) (этимология Фасмера IV, 260 отклоняется в ЭССЯ 8, 67–68 на весьма шатком основании).

Праслав. **xorna* скорее всего было заимствовано из сарм. **xvarna-* (ср. авест. *xᵛarənah* ‘еда, питье’ ЭССЯ 8, 77).

Праслав. **xъmelь* восходит к сарм. **humal(i)-* (ср. осет. *xumællæg*) (ЭССЯ 8, 141–145).

Ст.-слав. когъда, др.-русск. кордъ (< **kordъ*) ‘короткий меч’ восходит к позд.-сарм. **kard-* < **kart-* ‘меч’, ср. авест. *karəta-* ‘нож’, перс. *kārd*, осет. *kard* ‘меч, нож’ (Абаев I, 571).

Праслав. **kotuxъ*, **kotъ*, **kotьcь* ‘небольшой хлев, загон’ восходит к ранне сарм. **kata-* ‘подземное, вырытое помещение’ (ЭССЯ 11, 211–212, 214–215), ср. адыг. стар. *кьэт*, нов. *чэт* ‘овчарня’, шапс. ‘помещение’ < осет. *кæт* ‘пристройка при хлеве, открытая с одной или двух сторон’ (ОЯФ I, 454), ‘конюшня’ (?) (Абаев I, 590), ср. позднее алан. заимствование *хата*.

Первая часть русск. *корноухий* может восходить к сарм. **karna-* ‘с отрезанными ушами, глухой’ (ср. авест. *karəna-* ‘глухой’).

Ст.-слав. **коумиръ** сопоставляется с осет. *гумери, гæмери, гуымиры* ‘великан; дубина; идол’, словом ближневосточного происхождения (ср. аккад. *Gimirri* ‘северный варвар-кочевник’, др.-евр. *Gōmēr* (гиперкорректная форма огласовки), др.-греч. Κιμμέριοι) (Абаев I, 530).

Праслав. **kъniga* также может восходить при позд.-сарм. (**kunig*, **kunuga*) и “скиф.” (**kuniku*) посредстве (ср. осет. *k‘iunugæ, k‘inyg, чиныг* ‘книга, письмо, рукопись, грамота’ и арм. *k’nik, knik‘* ‘печать’) к некоему ближневосточному источнику, скорее всего к ассир. *kunukku* ‘печать’, *kanīku* ‘что-л. запечатанное’, вопреки Абаев I, 596 и неопределенности с первоисточником в ЭССЯ 13, 203–204. Разнообразие вариантов огласовки и метатеза гласных вызваны самой природой семитской консонантной основы с одной стороны и умляутом гласного предпоследнего слога под влиянием конечного гласного, с другой. Усвоение ассир. слова скифами (потомками Саримы-Салма) произошло в VII–VI вв. до н.э., во время походов на Армянское нагорье и в Междуречье. Др.-тюрк. **küinig* и кит. *k‘üen* ‘свиток, бумага’ также восходят при аланском посредстве к тому же ближневосточному источнику.

Не исключено сарматское посредство (в виде формы с умлаутом **ma^{i}di-* > **mädi-*) при передаче др.-греч. хоронима Μηδία (др.-перс. *Māda-*), ставшего в праслав. наименованием металла **mědь*, привозимого из этой страны (ЭССЯ 18, 146). Такое языковое посредство явилось бы результатом многолетнего пребывания скифов в Мидии VII–VI вв. до н.э. и посреднической роли сарматов в торговле с Арменией и Мидией в римскую эпоху (ср. подобную роль скифов и аланов в распространении культурных терминов *книга* и *шёлк*).

Особые отношения связывают праслав. **mozgъ* и осет. *mağz* из **mazga-* (ср. авест. *mazga-* то же) (Абаев II, 66).

Примечательна словообразовательная парадигма, проступающая в праслав. **osmъ* < **ostmos* < **ok’t-m-* и осет. *æstæm* ‘восьмой’ (Абаев I, 191).

Праслав. **skorъ* сродни осет. *скъæрын* ‘гнать, выгонять, загонять’ (Абаев III, 123).

Сопоставляли праслав. **šumъ* и осет. *sym* ‘звук’ (Абаев III, 198).

Праслав. **vatra* восходит при посредстве незасвид. др.-арм. **vatra* (ср. др.-арм. *Vasparukan-* из др.-иран. *asparuk-*) к иран. (мидийск.) *atro-* 'священный огонь' (ср. название историко-культурной области Ατροπατηνη).

Из сарматских диалектов, родственных осетинскому языку происходят некоторые старые заимствования в германские языки, к примеру, осет. *æluton* 'пиво' лежит в основе англо-сакс. *ealoδ* 'ale'.

Др.-исл. *humall, humli* 'Humulus gmel' справедливо выводят из алан. **humala-*, ср. осет. *humællæg* 'хмель Humulus'.

Из сармато-аланских диалектов были заимствованы некоторые числительные в язык таврических готов: тавр.-гот. *sada* 'сто' – из туран. **sata-* 'сто', *hazer* 'тысяча' – из перс. *hāzar* 'тысяча'[40].

Туран

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Ареал туранской (восточно-иранской) реликтовой ономастики простирается от р. Урала до р. Тарима, от Гиндукуша и Памирских гор до лесостепного пояса Евразии. Между 133 и 125 гг. до н.э. многие туранские племена (*аланы, массагёты, саки, хвьюны*) мигрировали из Таримского бассейна и Средней Азии в Северное Причерноморье. Позднее, в 210–212 гг. и между 267 и 275 гг. н.э. племена *сугдайев* и *утигуров (фуллов)* соответственно, также говоривших на туранских диалектах, переселились на Таврический полуостров. Упомянем лишь ключевые географические названия, оставленные этой группой вост.-иран. языков.

Авест. *Tura*, ср. перс. *Tur* 'бык' или 'быстрый'. Эпоним восточно-иранских по языку племен, преимущественно кочевого образа жизни. Ср. авест. *danavo tūra* – предки саков Сардарьинского бассейна.

Др.-перс. *Saka* – общее название кочевых племен восточно-иранской языковой подгруппы, тождественны авест. *Tura-, Turānām*.

Позднеантичное наименование историко-культурной общности аланов (ср. др.-греч. Αλανοι и осет. *allon*). В иранистике принято возводить этот этноним к общеиранской праформе **aryana-* 'относящийся к Арию, арийский' (Абаев I, 101), что семантически маловероятно. Другое толкование более убедительно семантически: от и.-е. корня **al-* 'исток, река': **alon-* 'происходящий от реки, речной'. В осетинском эпосе прародителем нартов был Дон-беттыр 'Дон-батюшка'. Ср. еще гидронимы Алоница, Еланец и Яланец.

Авест. *Hvyaona-*, ср.-перс. *Hyon-* восточно-иранское по языку кочевое племя Турана к северу от Узбоя, массагеты, предки хуннов

(европейских гуннов). Денежная эмиссия Хорезма II в. до н.э. – VI в. н.э. доносит наименование этой общности **hvənuq* в виде надписей особым письмом: *sdyγ* h_2unuq t_1r_1ban [sogday hvunuq tarban] (XXII, Б III, Б IV), h_2vnuh_1q k_2gui [hvənuhq kangui] (XXIII, B1), h_2vnh_1q [hvənəq] (XXIX, $Б_2$ 19), h_2vnuh_1q [hvənuhq] (XVIII, Б 1/1)[41]. Подобное наименование входит в состав надписи на чаше h_2ung s_1dguy as_2ug x_1m [hunəg sodgui asug xumu][42]. В греч. текстах встречается написание этого имени в виде χιωνιται, ουαρ και χουννι, ουαρχωνιται[43]. Вопреки оптимистическим толкованиям тюркологов, данная форма этнического наименования (др.-тюрк. руническая трактовка **unuq bašybuzuq* 'десять стрел головорезов') не является фактом пратюркского языкового состояния. Перед нами позднее переосмысление древними тюрками чужеродного языкового явления в духе "народной этимологии".

Маних. *baγ ard Vāxš* 'божество Ард-Вахш', кушан. *Vaxš-e-hvarāsān vīmand* 'дух хорасанской границы' – следы представления о реке Вахш, как обожествленной границе между Ираном и Тураном[44].

Авест. *Danuš*, др.-греч. Ταναις, -ιδος – производные формы древнего восточно-иранского гидронима *Danu-*, применявшегося для обозначения р. Сырдарьи, впадающей в море-озеро Арал. Река Дануш в Авесте считается длинной и самой опасной, непроходимой. Данайские туры (dānavō tūra), с которыми сражались арийские герои Авесты, соответствуют танаисским скифам (сырдарьинским сакам).

Авест. *Gava, Goum* 'обильная коровами' или 'обильная селениями', Гава Согдийская – историческая область.

Правосточноиранск. **hafta-al-* 'семиречье' лежит в основе этнонимов эфталиты, авдэл и локализуется в Киргизии (Семиречье), в водосборном бассейне озера Балхаш (Варукаша).

Из языка хотанских саков происходят сев.-причерноморские имена собственные типа *Кса, Гза, Коза, Къза, Гзак, Хоз* (из местного названия Ksa в оазисе Чира)[45].

Местное название греч. Τυμάταρχα, др.-рус. *Тьмоутараканъ* восходит к осет. *t'ymy-t'yma* (Абаев III, 357), ср. тох. A *tümane, tmane* или тох. B. *tmam* '10000'[46] и аланскому военно-административному термину *тархан, тархон* (Абаев III, 276).

Сюда же относится сложный гидроним *Урал* – из туран. **uru-[urva-]-al* 'широкая река'. Другое туранское название этой реки *Дайтика* (ср. перс. *Daitik, Daitix*) было адаптировано тюркскими языками (*Дайих*, позднее *Яик*).

Мифологическое озеро-море *Ворукаша* (*Vorukaša*) – ныне Балхаш.

Характерной восточно-иранской топоосновой являются варианты **-kata-*, **-kant(h)a-*, **-kanda-* со значением 'город, обведенный

рвом и валом': **kat[a]-* Сурхкат в Согде; **kent-* города Пянджикент, Джаркент, Ташкент (Чачкент); **kand[a]- (kend)* Самарканд в Средней Азии, Яркенд в Таримском бассейне. Из Средней Азии происходит ряд форм реликтовой северопричерноморской ономастики туранского происхождения (в собственно скифской и сарматской среде преобладало слово **-ụar-*: *Nauaron, Nauaris* 'Новый город'). Среди перечисленных Константином Багрянородным опустевших городов дунайских булгар в Поднестровье (Γιαιου-κατα, Κρακνα-κατα, Σακα-κατα, Σαλμα-κατα) имеется топоним Τουγγαται – аналог г. *Тункат* в районе Ташкента, а также различимы этнические имена **saka-*, **salma-* (< **sarəma-*). Эти топонимы ошибочно толковались некоторыми учеными из тюркских языков[47]. Одинаковое название *Surx-kat-* 'красная крепость' носят городки в Таврике (Ст. Крым) и в Согде. Подобную структуру имели наименования аланского города *Онкат* и одного из старинных городов племени оногуров *Бакат* (Βακαθ). Последнее название может иметь структуру **ba[i]-* 'два' и **kata-* 'ров', или являться фонетическим диалектным вариантом наименования г. *Макат* в др. Хорезме. В области Ташкента еще есть городок *Бинкат* (ныне *Бенкет*)[48]. *Summerkent* "разрушенный монголами древний город аланов и сарацинов в низовьях Волги" (Рубрук) сопоставим с Пянджикент, Джаркент, Ташкент (Чачкент). Топонимы с неиндийским окончанием *-kantha* (*Cihanakantha* e.g.) использовались в именах мест в областях Варну (долина реки Курам = Акесинус) и Ушинара (в центре Пенджаба), куда вторгались сакские племена.

Др.-инд. (у Панини) этноним *Mauñjayana* и эпоним *Muñja* – восточно-иранская народность мунджанцев (*mendzhiy*). Восходят к *сакам хаумаварга* др.-перс. надписей и др.-греч. Σκυθαι αμυργιοι.

Важным свидетельством о миграции носителей согдийских диалектов туранской подгруппы являются топонимы типа *Сугдай, Сугдия*. Авест. *Suγδa*, др.-перс. *Suguda*, др.-греч. Σογδιανή, Σουγδαῖα, Σουγδαῖοι – два последних в юго-вост. Таврике и в долине Кубани (из общеиран. **suxta-* 'очищенный огнем', ср. осет. *sugdæg* 'чистый, святой'?). Имя имеет черты фонетики вост.-иран. (туранских) диалектов (суф. **-aka-* > **-ay*).

Ключевое имя, при помощи которого обозначают город Судак, залив, порт, долину, горную страну и целую область, имеет четыре основных рефлекса – итальянский *Soldaia*, греческий Σουγδαῖα, русский *Сурож*, татарский *Судак*. Итал. форма *Soldaia* является фонетической адаптацией среднегреческой формы Σουγδαῖα [сугдайа], которая, в свою очередь восходит к восточно-иранскому (согдийско-ягнобскому) антецеденту **sugday* < **sugdaka-* 'согды, жители Согдианы'. Татар. формы *Судакъ, Суудагъ, Судах* и проч. восходят в конечном счете к древнетюркской (рунической) форме **Soγdaq* /

**Suγdaq* 'согды, жители Согдианы'. Русск. формы *Соурожь, Сурож* являются результатом адаптации волжско-булгарского (др.-чувашского) **suroγ*, в свою очередь, восходящего к древнетюркской праформе **soγdaq* 'согды' (через ступени **suγδoγ* и **suγroγ*). Ср.-греч. форма Σουγδαῖα (произносится [suγδai̯a]) происходит от этнического наименования Σουγδαίους τοῦς ἄνω 'верхние сугдайи' (народность), жители τῆν ἀνωτέρω Σουγδίαν 'Верхней Сугдии', которое было в утраченном Хождении апостола Андрея (I–II вв. н.э.), цитируемом Эпифанием Монахом (VIII в. н.э.).

Народность Сугдайи, которой сам апостол Андрей принес Благую Весть, проживала в его время (середина I в. н.э.) где-то в верховьях рек Кубань и Уруп. В начале III века н.э. сугдайи были переселены боспорскими царями в Таврическую область, где и основали крепость Сугдайи (τὸ κάστρον τῆς Σουγδαῖας) около 212 г. н.э. Переселение сугдайев с Западного Кавказа в современную Судакскую горную страну, скорее всего, было спланированной акцией со стороны боспорских царей Тиберия Юлия Савромата II (193–210 гг. н. э.) и Тиберия Юлия Рескупорида III (210–226 гг. н.э.), которые, получив практически весь Таврический полуостров к северо-востоку от реки Альма и Алушты по договору о разделе сфер оккупации с римлянами, развернули в областях бывшего Скифского (Тавроскифского) царства широкую строительную и колонизационную деятельность.

Эти правители строили крепости, заботились о безопасности морских и сухопутных торговых путей, заселяли запустевшие местности переселенцами из восточных областей Боспора. Их благотворная внутренняя и внешняя политика была отмечена общинами Пантикапея (Керчь), Феодосии, античного городка в Старокрымском урочище (Постигия?), Амастриды (Амасра) и Прусы (Бурса) воздвижением почетных статуй и изданием декретов. Переселенцы сугдайи занимались не только охраной отдаленного форпоста Боспорского царства (крепости в Судаке), но и контролировали безопасность сухопутных и морских путей, разводили скот, возделывали окрестные долины, поддерживали развитие ремесел и торговли (носителями последних занятий в те времена были греки).

В смутные III–V вв. н.э. сугдайцы – военные поселенцы – приняли беженцев из гибнущей позднеантичной Феодосии. Так как среди последних были близкородственные им по языку и культуре сарматские эллинизированные роды, а также собственно грекоязычные семейства, раннесредневековая община города Сугдайи обрела позднеантичный эллинизированный облик, перешла на греческий язык. Такова первая версия возникновения топонима Сугдайя.

Для древнетюркской праформы топонима Сугдак возможно иное толкование. В период взлета первого тюркского каганата в

Монголии (555–581 гг. н.э.), особенно в правление Муган-кагана, Истеми-ябгу-кагана и Таспар-кагана, народность согдов (*sugdaq-buduny*) играла немаловажную роль в международной торговле каганата, а потому во многих случаях определяла внешнеполитические акции Истеми и Таспара. Внешняя политика каганов первого каганата была продолжением экономической политики согдийского купечества иными средствами. Основной целью экономической стратегии согдийских купцов VI–VII вв. н.э. было установление жесткого контроля над северным ответвлением Великого Шелкового пути из Китая в Римскую империю, стабильного функционирования согдийской транзитной торговли с Закавказьем и Восточной Римской империей в обход Сасанидского Ирана. Для достижения этой цели согдийские торговые магнаты использовали как дипломатические средства (посольства Маниаха в Константинополь), так и военные походы тюркских войск (к примеру – завоевание Северного Кавказа и установление военного контроля над Дарьялом при Силябгу в 565 г., или захват почти всех таврических владений Восточной Римской империи полководцем Турксантом (Тюрк-шадом) в 575–581 гг.) Именно этому тюркскому военачальнику можно приписать основание и первоначальное обустройство согдийской торговой фактории или даже колонии в отнятой у римлян крепости Сугдайе. В этом случае топоним Судак первоначально имел значение ‘согдийская’ (фактория или колония).

В позднелатинском итинерарии Равеннского анонима VII в. впервые фиксируется топоним *patria...Sugdabon* ‘область Сугдабов’. Позднелатинская форма *Sugdabon* есть не что иное, как транслитерация греческой формы родительного падежа множественного числа Σουγδάβων ‘сугдабов’, отражающей, если только это не порча текста переписчиками (*Συγδαίων *Σουγδάκων?), подлинное согдийско-ягнобское сложное слово **suγd-ab-* ‘река Согд(ов)’. Согдийско-ягнобские по виду праформы **Suγday* и **Suγdab* стоят в одном ряду с другими реликтовыми туранскими топонимами Восточной Таврики – *Булзыяб* (река в Старокрымском урочище), *Сурхат* – там же (ср. среднеазиатский топоним *Surxkat* ‘Красная крепость’). Они могут служить доказательством присутствия носителей согдийских диалектов в раннесредневековой Таврике.

Один из способов примирить эти толкования – допустить возможность того, что древние тюрки отождествили родственных по языку и базовым этническим характеристикам таврических сугдайев с хорошо известными им среднеазиатскими согдами (сугдаками). Они сознательно перенесли древнетюркское наименование последних (сугдак) на город и область первых (Сугдайя) в конце VI – первой трети VII в.[49]

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Туранские вост.-иран. диалекты находились в тесном соприкосновении с неиранскими языками лесостепной и лесной зон Евразии (в частности с финно-угорскими). Примечателен факт наличия языковых изоглосс, соединяющих пашто, мунджанские и памирские диалекты с финно-угорскими (в том числе, европейскими).

Так, фин.-угор. **ken* 'сноха' выводится из вост.-иран. *kanya-* то же.

Коми *лыстыны*, марийск. **lustem* 'доить', заимствованное из вост.-иран. группы диалектов с перебоем **d* > *δ > **l* в анлауте, ср. мунджан., йидига, пашто и венеци *luž, lwašel* < **daug-* 'доить'.

Фин.-угор. **mež*, коми *мэж* 'баран' заимствованное из вост.-иран. южн. подгруппы, ср. пашто *maž* 'баран'. *mež* 'овца' (< **maiša*, **maiši*), с характерным исключительно для этой подгруппы озвончением интервокального *š.

Фин.-угор. **mort* 'человек' – из вост.-иран. **martya*, **marta-* 'смертный'.

Фин.-угор. **nän* 'хлеб' – из некоего вост.-иран. **nyan* < **nikan* 'зарывать (в золу)', ср. иные заимствования из осет. в сев.-кавк. языки.

Фин.-угор. **pudo* 'скот' – из вост.-иран. (с озвончением интервокальных) **poδu* < **paθu* < **pasu* 'мелкий рогатый скот'.

Фин.-угор. **vurun* 'шерсть' – из вост.-иран. **vərnə-* 'шерсть'.

Фин.-угор. **zarni* 'золото' – из вост.-иран. **zar(a)nya-* 'золото, желтое'.

Наличие десятков лексических заимствований др.-осет. облика и происхождения в венгерском, в том числе – среди основной лексики, обозначающей явления природы, – факт, известный языковедам[50].

Коми **davis* 'одногодок' восходит к осет. *dalis* 'годовалый барашек' (из туран. **dāriša-*) с севернопермяцким переходом *-l-* в *-v-*.

Венг. *erdö*, др.-венг. *erdeu̯* 'лес' восходит к сарм.-алан. **ardau* 'лес' (ср. сакск. *dro-, drau-*, ягноб. *diraw, daraw*, ховари *dro* 'волос', кафирск. *drọ* 'женский локон' и осет. *ærdu, ærdo* 'волос, волосинка, шерстинка'), все из туран. **drau-* 'дерево, древесное'.

Фин. *humala-* – из ясск. **humala-*, ср. осет. *humællæg*. Вогульск. (манси) *qumliχ*, венг. *komló* восходят к той же основе при посредстве др.-чув. **qumlag*, **qumlyg*, **qumlug* (совр. чув. *xamla, xəmla*) 'растение хмель'.

Фин. *katta* 'дом' – из сарм. (алан.) **kata-* 'полуземлянка', ср. авест. *kata-* 'погреб, помещение', перс. *kad* 'дом'.

Фин. *sata* 'сто' – из туран. *sata-* 'сто'.

Фин. *tappara* 'топор' при посредстве вост.-слав. через арм. *tapar* восходит к белудж. *tapar*, якобы метатезы др.-перс. **paraθu-* (< и.-е.**pelek'u-*, ср. др.-греч. πέλεκυς), ср. осет. *færæt*.

Не менее существенно и то, что засвидетельствованные на юго-востоке языки – пашто, памирские и хотаносакский – обладают собственными лексическими изоглоссами со славянскими, балтийскими и германскими языками.

Герм. **gastis* и слав. **gostь* соотносимы с алан. **gasti-* 'гость, чужестранец' (ср. Абаев II, 69 в связи с *mal*): ИС Γαστεις (Горгиппия), Γαστης (Пантикапей).

Праслав. **xvala* родственно туран. **xval-* (ср. др.-инд. *svarati* 'звучит'). Ср. этноним неясного происхождения времен Хазарского каганата хвалисии (Χουαλής < **xvala*?) (ср. ЭССЯ 8, 118–119).

Праслав. **xula* родственно тому же туран. **xval-*: **xul-* (ср. др.-инд. *svarati*) (ср. ЭССЯ 8, 114–115).

Праслав. **župапъ* восходит к туран. **fšupana-* 'пастырь, пастух овец', ср. среднеазиатские ИС *Čoben Gur* и нарицательное *čoban*.

Пашто *zanai* (<**zrna-ka*) 'зерно' сопоставимо с праслав. **zrъno* 'зерно'.

Пашто *wreža* (<**bruša*) 'блоха' сопоставимо с лит. *blusà* 'блоха'.

Ваханск. *naγd* 'ночь' сопоставимо с готск. *nachts* 'ночь'.

Часть подобных восточноиранско-европейских изоглосс определенно датируются временем не позже конца I тыс. до н.э.[51]

Некоторые сармато-аланские лексические проникновения предполагаются в позднем праславянском языке.

Праслав. **bogъ* выводится некоторыми лингвистами из туранских диал. Средней Азии (ср. *bogo-* 'божество, бог', авест. *baga-* 'доля, Бог') гуннского периода (I в. до н.э. – VI в. н.э.). Мне представляется, что это заимствование намного старше. См. выше.

Праслав. (юж.) **čьrtogъ* при посредстве какого-то туранского диалекта **čĭr-tåg* восходит к перс. *čār-tāg* 'четырехгранный свод, купол'.

Праслав. **gatati* производно от туран. **gata-* 'пение (обрядовое)', ср. авест. *gaθa-* 'пение (особенно религиозное)', др.-инд. *gâtha-* то же.

Праслав. **gъpanъ* 'господин, хозяин, владелец, пан' выводится из туран. *gupāna-* 'пастух коров', ср. пушт. *γobə*, тадж. диал. *gubonak* 'пастушок', ср.-перс. *gupān* 'пастух'.

Праслав. **xata* восходит к позд. сарм.-алан. **khata-*, ср. авест. *kata-* 'комната, кладовая, погреб' (ЭССЯ 8, 21–22).

Праслав. **xъmelь* (сред.-греч. χοῦμελι) выводится с некоторыми нерешенными проблемами огласовки из сарм.-алан. **humala-*, ср. осет. *humæl-læg* и авест. *haoma-*.

Праслав. этноним **xъrvatъ* 'хорват' восходит к сарм-алан., туран. **xårvath-* (< **har-vat-*) 'женский'.

Праслав. (зап. и юж.-слав.) **korgujь* является суф. производным от сарм.-алан. корня **karg-* (ср. перс. *kargas* 'черный гриф', авест.

karkāsa- 'куроед', которые еще к тому же являются первоисточником сев.-кавк. этнонима *черкесы*).

Праслав. **soxa*, вероятнее всего восходит к позд. сарм.-алан. **saxa* (в связи с осет. *sag* Абаев III, 13).

Праслав. **toporъ* восходит при арм. посредстве (*tapar*) к перс. диал. **tapar-* (ср. белудж. *tapar*), метатезы др.-перс. **parathu-*, ср. осет. *færæt*. Впрочем, это слово может оказаться намного старше в самом праславянском ввиду существования эгейск. форм. *da-pu-ro-*, λάβρυς, λαβύρινθος.

Замечены некоторые лексические проникновения из сармато-аланских диалектов в западнославянские языки.

Польск. *baczyć* 'видеть, смотреть, замечать' из приставочного глагола **ob-ačiti*, восходящего к туран. **abi-axšaya-* (**axši-* из и.-е. **ōkᵘ̯-* 'глаз'), ср. авест. *aiwy-āxšayeinti* 'они наблюдают, стерегут', *aiwyāxšaya-* (през.) и *aiwyāxštrāi-* (инф.) 'наблюдать, блюсти, оберегать', хорезм. (')*βyxy-* 'учиться, хранить в сердце', ягноб. *yaxš-*[52].

Зап.-слав. *rarogъ* 'демонический сокол, карлик-оборотень, злой дух, демон' лучше выводить из сарм. **[f]rarog-* 'сокол'[53], ср. осет. *rog, ræwæg* 'легкий, ловкий, быстрый, проворный'. Относительно позднее.

Польск. *patrzyć, patrzeć* 'смотреть, видеть' из **patriti* или **patrěti*, восходящих к туран. **pātrai-* (ср. авест. *pāθrāi-* 'стеречь, охранять, защищать' при *pāθra-* 'защита, охрана'[54]).

Польск. диал. *szatrzyć* 'знать, смыслить, понимать толк, уметь', *szatrać* 'видеть, помнить', ст.-польск. *szatrzyć się* 'смотреть, быть осмотрительным, внимательным', чеш. *šetřiti* 'беречь, экономить, оберегать, блюсти, соблюдать' восходят через праслав. диал. **šatriti* к туран. незасвидетельствованному отыменному глаг. *xšatraya-* (ср. авест. *xsaθra-* 'владение, господство, власть, царство', др.-перс. *xšaça-* 'царство'[55]).

Последние два глагола примечательны тем, что были усвоены до метотезы *-tr-* в *-rt-* в сармато-аланских диалектах.

Несколько примеров лексических заимствований туранского облика в восточнославянские языки отражают контакты Древней Руси с аланами и ясами Северного Причерноморья:

Рус. (с XV в.) *аршинъ* при посредстве сарм.-алан. диалектов восходит к др.-перс. *araθni-* 'локоть (мера длины)'.

Рус. диал. *баз* 'скотный двор, стойло, загон' – из ясск. **baz-* (из туран. **upa-aza*, ср. авест. предлог-приставка *upa-* и корень гл. *az-* 'гнать'). Осет. соответствие отсутствует.

Др.-рус. бахтерец, бехтерец сопоставимо с осет. *бахтар* (Абаев I, 241).

Рус. *ворсъ* относительно позднее заимствование из ясск. **varsa-* 'волос'.

Др.-рус. *Гамаюнъ* ‘вещая птица в Раю’ – из млд.-авест. *Humāiyā-* ‘listige, zauberkräftige’[56].

Рус. диал. (новг.) *да́вись* ‘одногодок’ при посредстве коми (сев.-перм.) **daviś* восходит к осет. *dalis* ‘годовалый барашек’ и туран. **dāriša-*.

Рус. простореч. *дрын* ‘дубина, палка’ (из праслав. **drynъ?*) восходит к **drūno-*, туран. **drūna-* ‘деревянный’ (ср. осет. *ærdyn, ærdunæ* ‘лук’, пехл. *dron*, перс. *durūna* ‘дуга; лук; радуга’, др.-инд. *druṇa-* ‘лук’)[57].

Вост.-слав. **дъстоканъ*, др.-рус. **достоканъ**, ст.-рус. **достоканець**, рус. *стакан* восходит к алан. **dustəkan-* ‘кубок’ (ср. чагат. *tostakan* из перс. *dūstkānī*, *dūstgānī* ‘кубок’).

Рус. диал. *едукарь* ‘дока, смышленый человек, знаток, мудрец, ведун’ – из авест. *yādu-*, *yātu-* ‘колдун’ и *-kara* ‘деятель’[58].

Др.-рус. **мезгитъ, мизгитъ** сопоставимо со старым произношением осет. *mæzġyt* (Абаев II, 111).

Рус. *морда* происходит из ясск. **mårda-* (ср. иран. **mrda-*, авест. *mərəδa* ‘голова’, др.-инд. *mūrdhā́* ‘острие, верхушка, голова, лоб’).

Рус. *мура́* ‘крошево, крошеный хлеб в квасу’ – из осет. *mūr, moræ* ‘кроха, крошка, крупица’.

Рус. *мылить* ‘обманывать, дурачить, морочить’ (также польск. *mylić* и чеш. *mýliti*) толкуется из осет. гл. *molun* ‘обыгрывать, выигрывать’.

Рус. *радуга* выводят из позднего сарм.-алан. **ardonga-* (из туран. **drunaka-* ‘относящийся к деревянному луку’)[59].

Др.-рус. **сагадакъ** могло быть заимствованно при ясском посредстве (ср. осет. *сагъæдахъ* ‘колчан, самострел, старинный лук с прикладом’ Абаев III, 18).

Др.-рус. **томара** сопоставляют с осет. *томар* (Абаев III, 299).

Др.-рус. **торонъ** сопоставляют с осет. *тæрæн* ‘случка мелкого скота’ (Абаев III, 266).

Др.-рус. **тоутоурганъ** сопоставляют с осет. *туттургъан* (Абаев III, 322).

Др.-рус. топоним **Тьмоутороканÿ** толкуется в связи с осет. *t’ymy-t’ma* и *tærxon* (Абаев III, 276, 357).

Вост.-слав. (укр. *хата*) **xata* – из сарм.-алан., туран. (ясск.) **xata* (< **kata-*) ‘полуземлянка’, ср. авест. *kata-* ‘погреб, помещение’, перс. *kad* ‘дом’.

Др.-рус. теоним **Хорсъ** сопоставляют с осет. *хорз* (Абаев IV, 219).

Рус. *чабан* заимствованно при татарском посредстве (*чобан*) из иран. **fšu-pāna-* (см. праслав. **gъpanъ*).

Рус. *чемодан* – при посредстве тюрк. восходит к клас.-перс. *jāma-dān* ‘вид сундука, вместилище для халатов’ (ср. перс. *jāma* ‘халат’, перс. *jåme-dån* ‘сундук; платяной шкаф; чемодан’, тадж. *jomadon* ‘де-

ревянный короб для одежды; сундук для одежды'). Посредником могли быть и ясские диалекты.

В рус. языке XI–XVII вв. известно слово **шелкъ, шьлкъ** 'вышивка шелком, шелковая нить, шелковица'. Оно попало в рус. язык из герм. диал. Сев. Причерноморья в форме **silk-*, восходящей при посредстве аланск. **silkă* (в связи с осет. *zældag* Абаев IV, 294) к ср.-греч. σηρικά [siriká] 'шелковые ткани' (производному с суф. -ικ- от основы σήρ 'шелковичный червь'). Первоисточником греч. слова полагают кит. *se*, *sî* (др.-кит. **ser*, **sîr*) 'шелк'. В истории этого русского слова отражены языковые особенности основных торговых посредников на Великом Шелковом пути III–VII вв. н.э.: китайцев, алан, готов, греков.

Рус. *штаны* возводится ко второй части авест. *paiti-štāna-* 'нога'[60]. Посредником могли выступать поздние сарм.-алан. диалекты.

Наконец, во многих трудах В.И. Абаева высказывается мнение об особых межъязыковых отношениях праосетинского и праславянского языков. Сходный репертуар фонетических, морфологических и лексико-семантических явлений отмечают авторы ЭССЯ. Наши наблюдения за фонологическими процессами (и.-е. **sw-* > праосет., праслав. **x*, вост.-иран. **au*, протослав. **ǒu* > праосет., праслав. **u*, вост.-иран. **ai*, протослав. **ei* > праосет., праслав. **i*, и.-е. **ū* > праосет., праслав. **y* и мн. др.) в данных праязыках приводят нас к умозаключению, что праславянский и праосетинский некогда составляли единый языковой ареал, если не сказать, "языковой союз" типа балканского.

При сопоставлении др.-иран. генеалогического предания с результатами этимологического исследования реликтовой ономастики и лексических заимствований в разных языках северопричерноморско-кавказского ареала вырисовывается цельная картина.

Отделившиеся в верховье Тигра от своих сородичей потомки обожествленного родоначальника Саримы (Сальма) заселили Предкавказье и Сев. Причерноморье между 1200 и 800 гг. до н.э. (историко-культурные общности *скифов, савроматов, сарматов, асов*). Они населяли этот ареал более двух тысяч лет и оставили по себе память не только в древней гидронимии и ономастике, но и в виде археологических культур Железного века Сев. Причерноморья.

Между 133 и 125 гг. до н.э. новая миграционная волна принесла в Сев. Причерноморье туранские племена и общности центрально- и среднеазиатского происхождения (*саков, аланов, роксоланов, массагетов-маскутов, хвьюнов-хуннов* и др.). Они влились в ряды родственных сарматских племен, образовав обширную разноплеменную сармато-аланскую историко-культурную общность, достигшую подлинного величия в так называемую эпоху гуннов (367–567 гг. н.э.). Из этой общности происходят, в конечном счете, такие этнонимы

как *русь, сербы, хорваты, ясы*. Даже после вторжения в Сев. Причерноморье древнетюркских племен в конце VI в. н.э. и создания Хазарского каганата в VII в. асы и аланы продолжали играть важную роль в языковом и культурном мире степи, лесостепей и предгорий.

Только после татаро-монгольского нашествия, расчленившего севернопричерноморский ареал и подорвавшего силы сармато-аланской общности, асы Подонья ассимилировались в вост.-слав. общности, асы Кавказа превратились в реликтовый этнос, ареал расселения которого постепенно сузился до границ современных автономных республик Северная и Южная Осетия.

Сармато-туранские языковые реликты (этимологический словоуказатель)

Языковые реликты восточно-иранского происхождения из Северного Причерноморья античной эпохи очень подробно изучены и собраны в "Словарь скифских слов" В.И. Абаева (ОИЯ), который уточнен и дополнен нами из различных источников и доступных публикаций (Абаев I-IV, ЭСИЯ I-II).

При работе с индексом слов учтены следующие издания: Абаев I–IV и Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель / Сост. Е.Н. Сченснович, А.В. Лушникова, Л.Р. Додыхудоева. М., 1995, 448 с. (120–124); *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965 или // *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995; *Эдельман Д.И.* Иранские и славянские языки: Исторические отношения / М., 2002, 142–194; *Knobloch J.* Homerische Helden und christlische Heilige in der kaukasischen Nartenepik. Heidelberg, 1991.

Мы устранили все случаи сомнительной и очевидно ложной этимологии, оставив все, что, по нашему мнению, безусловно имеет сармато-аланское (вост.-иран.) происхождение.

***a**- негативный префикс;
***ab-** 'вода' (ср. осет. *æv* то же) (Абаев II, 216, иначе I, 85): ИС Aβ-νωζος (< **ab-*, **nwaz-*, осет. *nwazyny don* 'питьевая вода'?), таврич. гидронимы *Sugdabon, Bulzyiab*;
***ab**- преф. = ***ob**;
***ab-darak-** (иначе Абаев I, 347; I, 85, 199): ИС 'Aβδάραχος;
***ab-duga**?: хр. *Аб-Дуга,* отрог г. Голый Шпиль дугообразного вида (Партизанское, Бахч.);
***ab[i]-axsai̯a**- 'видеть, смотреть, замечать' (туран. **abi-axšaya-*, **axši-* из и.-е. **ōkᵘ̯-* 'глаз', ср. авест. *aiwy-āxšayeinti* 'они наблюдают, стере-

гут', *aiwyāxšaya-* (през.) и *aiwyāxštrāi-* (инф.) 'наблюдать, блюсти, оберегать', хорезм. (')*βуху-* 'учиться, хранить в сердце', ягноб. *yaxš-*): Польск. *baczyć* 'видеть, смотреть, замечать' из приставочного глагола **ob-ačiti*;

***abrag-** ? (Абаев I, 26): ИС Αβραγος (Ольвия);

***abro-** 'облако, небо' (ср. осет. *arv* 'небо'): ИС Αβροαγος (Ольвия), Αβροζεος (Танаис);

***abro-ag-** 'тучегонитель'?: ИС Αβροαγος (Ольвия);

***abro-zeu-** ?: ИС Αβροζεος (Танаис);

***ad-** 'есть' в этнониме Αμαδοκοι 'сыроеды' (?) и ИС Ουαργαδακος 'волкоед'(?);

***adak-, *adok-** 'едок'?: ИС Αμαδοκοι, Ουαργαδακος;

***adua-** ''? (в связи с осет. *idujun* Абаев I, 540): ИС 'Αδόης;

***afqan** 'афганский': МН אפקאן [afqan] "все аланы до границы Афкана" (Ioseph.);

***afθem-** 'седьмой'? (ср. *ævdæm* Абаев I, 196): 'Αφθείμακος;

***afsax-** 'конный' (ср. осет. *æfsæ* 'лошадь'): ИС Αψαχος (Танаис);

***ag-** 'гонитель': ИС Αβρο-αγος (Ольвия);

***agar-** 'бесконечный, чрезмерный; избыток; многий' (ср. осет. *ægær* 'чрезмерный, непомерный, неумеренный, высокомерный'): ИС Αγαρος (Diodor.), Αρδοναγαρος (Танаис) (осет. **ærdun-ægær-* 'многолукий, имеющий много луков'), этноним Αγαροι (Appian.);

***agas-** 'целый, невредимый' (ср. осет. *ægas* 'живой и здоровый'): ИС *Saragas* (ср. осет. *sær-ægas* 'живой, здоровый, невредимый, целый'), Σαυαγασκος (Фанагория);

***a-gau-** 'без селений' (авест. *gava-*, *goum*, ср. осет. *qæw* 'селение, деревня'): этноним Αγαυοι;

***agd-ak-** 'обычай, завет'? (ср. осет. *æγdaw* 'обычай') ИС Αρδαγδακος (Танаис) 'Завет Божества';

***akās-, *agas-** 'целый, невредимый, здоровый' (ср. осет. *ægas*, *igas* Абаев I, 119): ИС Ακασος (Горгоиппия);

***akinaka-** 'короткий меч' (Абаев IV, 70): 'ακινάκης;

***alaga-ta-** родо-племенное наименование (ср. осет. *Alægatæ* Knobloch, 1991, 23): таврическое МН *Алагат-озень*;

***alak[a]-** 'источник, ключ': МН оврагов и гидронимы *Алакоз, Алака* (16 км к зап. от Алушты) и *Алачук* (Рыбачье);

***alaxša-** 'охранитель' (если провести словоделение **alakša-arθa-* 'охранитель огня'): ИС 'Αλήξαρθος (Фанагория), Αλεξαρθος (Березань);

***al-** 'источник, исток' (не тождественно др.-иран. **har-* < арийск. **sar-* 'струя, текучая вода'?): гидронимы *Алоница, Еланец и Яланец*, МН *Дуал* – Двуречье, *Триал* – Три реки, *Хафтал* – Семиречье;

***alan-** 'речные' (ср. осет. *allon*): ИС Αλανοι. В иранистике принято возводить этот этноним к общеиранской праформе **aryana-* 'отно-

сящийся к Арье, арийский', что семантически невероятно. Ведь трудно себе представить, чтобы некое туранское племя имело самоназвание, возводимое к эпониму другой группы племен (арийских). Очевидно, другое толкование более убедительно семантически: от и.-е. корня **al-* 'исток, река': **alon-* 'происходящие от реки, речные'. В осетинском эпосе прародителем нартов был Дон-беттыр 'Дон-батюшка', божество реки. Ср. еще гидронимы Алоница, Еланец и Яланец;

***albruz- / *alburz-** 'Высокая Струя, гора Эльбрус' (ср. авест. *Hara-Bərəzaiti*): город в стране аланов 'lbusr в стране аланов (Ioseph). Слово претерпело фонетические изменения вост.-иранского (туранского) типа;

***al[e]-** 'исток, река'? (маловероятно иначе *allon* Абаев I, 47, или в связи с осет. *æxsar* 'мужество, отвага, храбрость' Абаев IV, 225): ИС Αλήξαρθος (Березань);

***aluθ-** 'пиво' (ср. осет. *ælut-on* 'пиво'): англо-сакс. *ealoδ* 'ale, эль';

***aluθag-** 'тот, кто производит пиво' (ср. осет. *æluton* 'ритуальный напиток') (Абаев I, 130 и III, 67): ИС Αλουθαγος, 'Αλούταγος (Ольвия);

***ama-** 'сильный, могучий' (ср. авест. *ama-* то же, *æfsad* Абаев I, 479): ИС Αμωμαιος, Αμιομαιος (Ольвия); Αμωθαστος, Αμωσπαδος;

***āma-** 'сырой'? (ср. авест. *ama-* то же): этноним Αμαδοκοι 'сыроеды'?;

***āmāi̯- (-ak-)** 'строить' (ср. осет. *amajun* 'строить', *amajæg* 'строитель' Абаев I, 49): ИС Αμαιακος, Αμαεıακος (Танаис);

***āmān-** 'учить, указывать, наставлять, проповедовать, означать' (ср. осет. гл. **amonyn** 'учить, указывать, показывать, наставлять, проповедовать, обозначать, запевать'): ИС Χορσαμανος 'благое наставление' (?);

***āmant-** 'счастье, участь, доля' (ср. осет. **amond** 'счастье, судьба, участь, доля, жребий'): ИС Χορσαμαντις 'доброе счастье' (?);

***amardiak-** 'бессмертный' (?) (Абаев II, 75): ИС Αμαρδιακος имя болгарского кана *Омуртагъ*;

***amarthast-** 'бессмертнейший' или 'отобранный, избранный' (ср. осет. *æmærtast* 'избранный'): ИС Αμαρθαστος (Танаис);

***ambu-** 'вокруг'?: ИС Αμβουστος (Танаис), *Ambustan*;

***amōro-mar-** 'мгновенно убивающий' или 'ошеломляющий' (ср. осет. *amur kænyn* 'мгновенно раздавить, разбить', *amyr kænyn* 'ошеломить, оглушить'): ИС Αμωρομαρος (Ольвия);

***an-danak-** 'храмовый'?: ИС Ανδαναχος (Танаис);

***ana-** 'без' (ср. осет. *ænæ,* авест. *ana*): ИС Αναχαρσις;

***a-nari̯a-** 'не мужчины' или ***ana-nari̯a-** 'без мужчин' (в связи с *næl* Абаев II, 166): этноним ἀναριες, ἐναρεες;

***ana-xu̯arz-** 'без добра' (ср. осет. *ænæ*, авест. *ana*): ИС Αναχαρσις;

***andān-** 'сталь' (ср. осет. *ændon*): ИС Ασπανδανος (Танаис);

***andanak-** 'стальной'? (осет. *ændon* Абаев I, 157): ИС 'Ανδάναχος (Танаис);
***āpak-** 'стекло, хрусталь' (в связи с осет. *avg* Абаев I, 84);
***apa-ka-** 'вода' (ср. ***ab-**): гидроним Апака, Свапа (< **su-apa* 'добрая вода'?);
***ar-** глагольная приставка (ср. осет. *ær-* придает значение сврш. вида; показывает движение сверху вниз; показывает постепенное действие): ИС Αρδαρος < **ar-dār-* 'содержатель' (Феодосия);
***ar-** 'находить, добывать': ИС Γωαρ (аланский вождь V в.) из **gau-/go-ar* 'коров добывающий' (?);
***ārāz-** 'направлять, устраивать' (ср. осет. **arazyn** 'делать, изготавливать, производить, мастерить, устраивать, строить', Φανδαραζος (Горгиппия), Φαδιαροαζος (Танаис)?;
***arc-** 'копье, пика'? (ср. осет. *arc* 'копье, пика, штык', авест. *arsti* то же): ИС Αρθιεμμανος (Борисфен) (<**arcianman*) 'копейщик'?;
***ard-** 'божество', скорее туранское, чем сарматское слово (ср. осет. *ard* 'клятва, присяга', авест. *ardvi* 'божество', маних. *bayard vāxš* 'божество Ард-Вахш' (кушан. *vāxš-e-hvarāsān vīmand* 'дух хорасанской границы' – след представления о реке Вахш, как пограничной между Ираном и Тураном): ИС Αρδαβουριος, Αρδαγδακος (Танаис), Οδιαρδος (Танаис). "Таврское" наименование Феодосии *Ардавда* (перипл V в. н.э.) < *Αβδαρδα при рукописном Α'ρδάβδα ἑπτάθεος 'семибожий (град)' сопоставимо с осетин. *avd, ævd* 'семь' и авестийск. *ard(vi)* 'божество' [Абаев 1990, 89–90];
***ard-agdak-** 'божественный обычай, закон' (ср. осет. *æɣdaw* Абаева I, 122, сомнительно): ИС 'Αρδαγδακος;
***ardindiana-** ?: Αρδινδιανος (Танаис);
***ardār-** 'господин, князь' (ср. осет. *ældar, ærdar* 'барин, господин, владелец, властелин, вельможа, князь' Абаев I, 128, 347): ИС Αρδάρου, 'Αρδαρος (Горгиппия, Пантикапей, Танаис, Феодосия), Αρδαραχος(Танаис, Пантикапей), греч. суф. обрамление Αρδαρισκος (Танаис);
***ardon-** 'лук' (ср. осет. *ærdyn* (< **drūna*) то же Абаев II, 404);
***ardon-agar-** 'имеющий много луков': ИС Αρδοναγαρος (Танаис);
***ardon-ast-** 'восемь луков'?: ИС Αρδοναστος (Танаис);
***ardoz** 'пустошь' (ср. осет. *ærduz* 'холостое место, поляна, пустошь'): Ардоз – местность за Тикор, где живут аланы (Géographie de Moise de Corène..., 1881, 36);
***argama-** (Абх. *а-ргама* 'явный, открытый', 'явно', абаз. *аргам* 'рассекреченный, гласный' восходят к др.-осет. **argama*, ср. осет. *æргом, æргон* 'лицо, лицевая, передняя часть; очевидный, явный, открытый' ОЯФ I, 316; Абаев I, 175–176);
***argi-pasa** ? (невероятное толкование в связи с осет. *wæjyg* Абаев IV, 70): теоним Аргипаса. См. Артимпаса;

***ārguan-ag-** ‘богослужебный обряд’ (ср. осет. *arγwan* ‘храм’, *arγawyn* ‘совершать обряд богослужения’): ИС Αργουαναγος (Ольвия);
***ārguut/d-** ‘место совершения обрядов богослужения’ (ср. осет. *arγwyd* ‘крещение; венчание’, *arγwyc* ‘преклонение, почитание’ Абаев I, 66): ИС Αργοδας, Αργοτας (Пантикапей), таврический топоним ’Αγόδα (Ptol.) (<**ārguoda*), таврический этноним argoceni (Plin.) (< **arguōk-ān-*);
***ari-, aria-** ‘лучший, ариец’ (ср. др.-инд. этноним *arya-*, авест. ИС *A(i)rya-* родоначальник и эпоним западных иранцев (персов), авест. хороним *A(i)ryanam Vaejo* ‘Арийское распространение’ = Иран): этноним *Arii* (племя в Сарматии), ИС Αριαντας, Αριαπειθης (скифские цари у Геродота), ИС Αριαραμνης, Αριαραθης, Αρι(α)φαρνης (Пантикапей). Последние 3–5 примеров, возможно, – модные заимствования из западноиранских диалектов, а не собственно туранские или сарматские образования;
***arnak-** ‘дикий, свирепый’? (ср. осет. *ærnæg* ‘общий выгон; дикий’ Абаев I, 179): ИС Αρνακης (Танаис);
***arpo-** ‘глубь, глубина’? (ср. осетин. *arf, arfad* ‘глубокий, глубоко, глубина’ Абаев I, 63): ИС Αρποξαις; “Владыка глубин”?;
***ārs-,** мн. ч. ***arsuāt-** ‘медведь, медведи’ (ср. осет. *ars* ‘медведь’, *ærsytæ* ‘медведи’ и *ars-dzarm* ‘медвежья шкура’): этноним Αρσυηται (Птолемей);
***arsāuax-** ‘медвежий’? (ср. осет. *ars* ‘медведь’, *ærsytæ* ‘медведи’): ИС Αρσηοαχος, Αρσηουαχος, Αρσηοχος (Ольвия);
***aršaka-** ср. династия Аршакидов в Парфии и Армении: ИС Αρσακης (Пантикапей, Ольвия), видимо, модное имя;
***ārth[a]- (<*āthram)** ‘огонь’ (ср. осет. *art* ‘огонь, пламя, костер’): ИС Αρθαμων (Ольвия), Αλεξαρθος (если **alakša-arθa-* ‘охранитель огня’) (Фанагория);
***arthim-man-** ‘верховный муж’ ? ИС Αρθιεμμανος (Борисфен);
***artim-pasa** ‘верховная госпожа’? (ср. невероятное толкование в связи с осет. wœjyg Абаев IV, 70): Αρτιμπασα, скорее всего, это однокоренное имя греч. Артемида, и не индоиранского происхождения вовсе;
***aruaza-** ?: ИС Φαδι-αροαζος-(Танаис);
***arxa** ‘овраг, балка, лощина’ (ср. осет. *ærx, ærxtæ* ‘овраг, балка, лощина’): МН Σαταρχη, этноним *Satarchae* “Сто оврагов”?;
***arza-** ?: ИС Χωδαρζος;
***ās-** ‘рост, возраст, величина; в летах, пожилой’ (ср. осет. *as* – ‘величина, возраст, рост; пожилой, в летах (человек)’), ‘быстрый’ (ср. авест. *asu-* ‘быстрый’): ИС *Radamasis* < **[f]radam-ās-* ‘первенствующий по возрасту’, *As-tarxan* ‘великий тархон’, этнонимы *Asi* (Балкарцы), Ασαιοι, Ασσαιοι (сарматские племена), груз. *Os-eti* “область осетин”;

***asia** 'страна асов' (ср. груз. *os-eti*): др.-евр. אסיא (Golb, Pritzak 1982, 119), ср. Австрасия;
***asp[a]-** 'лошадь' (ср. осетин. *æfsæ* 'кобыла', *jæfs* Абаев I, 563): ИС *Ispakai* (VII в. до н.э.), Ασπακος, Βορασπος, Βαιορασπος (Танаис), Βαναδασπος (царь племени языгов);
***aspak-** 'конник': ИС *Išpakai* (VII в. до н. э.), Ασπακος;
***aspan-dan-** 'конный дар' (иначе в связи с осет. *ændon* Абаев I, 157): ИС 'Ασπάνδανος;
***asparuk-, *aspurg-, *asforug-** 'легендарная порода коней' (ср. осет. *æfsurγ* 'легендарная порода коней', *jæfs* Абаев I, 113, 563): ИС *Asparuk* (Λευκιππος), Ασπα(υ)ρουκις, Ασπαρόυχ (Фанагория), *Aspurak*, Ασφωρουγος (Ольвия), Ασπουργος (Горгиппия, Фанагория, Пантикапей), этникон на Таманском п-ве ἀσπουργιανοί Корпус боспорских надписей, историческая область к востоку от озера Ван *Vasparukan*;
***asman-** 'каменный, каменистый': гидроним *Асмонь*;
***asta-** 'восемь' (ср. осет. *ast*, авест. *ašta*);
***ata-, atta-, atea-** 'отец'?: ИС Ατεας (скифский царь IV в.);
***a-taka-** 'нетекущий' (ср. осет. *tæx*): гидроним *Атака-Нетеча*;
***at[t]a-maza-** 'отец великий'? (в связи с осет. *Acæmæz* Абаев I, 26): ИС 'Ατταμαζας;
***atāsa-** 'безопасный' (ср осет. *ædas* Абаев I, 103): ИС 'Ατάσας;
***atra** 'очаг, огонь' (ср. праиран. **ātr-, ātar-*, осет. *art* 'огонь'): праслав. **[v]atra*, русск. *ватрушка*;
***aurs-, *ors-** 'белый' (ср. осет. *urs* 'белый, седой'): этнонимы Αορσοι, Αλανορσοι, ИС Ορσιομιχος (Танаис);
***avd[a]-** 'семь' (ср. осет. *avd* то же): одно из имен Феодосии Αρδαβδα / Αβδαρδα – επταθεος "семибожий (город)", отсюда происходит наименование венгерского подразделения 'Ιαβδιηρτί, 'Ιαβδιερτίμ (DAI 1991 156–159, 339) вопреки (Nemeth J. Zur Kenntnis 219–224, Die Inschriften, 50, Баскаков 129). Турецкое наименование области Едисан "нижнее Поднепровье" является калькой;
***axsen-, axsin-** 'темно-синий, темно-серый, черный, иссиня-черный' (ср. осет. *æxsin*, авест. *axšaina-* 'иссиня-черный' Абаев I, 220): гидроним Αξεινος, Ευξεινος Ποντος "Черное море", гидроним Акшинка;
***az-** 'гнать, вести, править' (ср. авест. *az-*), см. *ag-: ИС Ναβαζος (Танаис) < **nav-az-* 'кормчий'?;
***azar-** '1000', см. **hazar** (ср. осет. *ærzæ* Абаев I, 187);
***azi-** 'коза'?: ИС Αζιας (Горгиппия), Αζιαιος, Αζιαγος (Ольвия);
***babul-gan-** 'убийца Бабула'?: Хр. *Бабуган-яйла, Бабуан* (самая высокая вершина Таврического п-ова), пол. Большой *Бабулган,* пол. Малый *Бабулган*;
***bad-** 'сидеть, оседать' (ср. осет. *badyn* (< **upahad-*) 'сидеть, оседать, рассаживать, усаживать, сажать', *badt* 'сидение (действие), осевший

(об осадке)' Абаев I, 231) или общеиран. *bad- 'копать, рыть; пронзать, колоть' Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иностранных языков 2, 43–44);

***badaka-, *badaga-** 'седок'?: ИС Βαδαγας, Βαδακης (Ольвия), Βαδατιον – городок в Таврике (Ptol.);

***bag-** (в связи с осет. *maxsymæ* Абаев II, 78);

***baga-** 'бог' (ср. общеиран. **baga-* 'доля, участь, судьба; бог' Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 48–49): ИС Βαγης (Горгиппия);

***bagatūri-** 'богатырь' (ср. тохар.): таврическое МН *Богатырь,* др.-русск. *богатырь* могло быть заимствовано напрямую из вост.-иран. диалектов без тюркского посредства (Golden 155–156);

***bagda-** 'богом данный'? (ср. общеиран. **bagta-* 'наделенный, выделенный', иначе **æx* Абаев I, 217 и *qædox* II, 285): ИС Βαγδοσαυος, Βαγδοχος (Танаис), северокавказская область בגדא [Bagda] (Ioseph);

***bāgi̯o-** 'божественный' (ср. общеиран. **bāg-i̯a-* 'божественный' Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 49): ИС Βαγιος (Горгиппия);

***bai-** 'два, дву-, двойной, сдвоенный': таврические реликтовые топонимы Байдары и Байбуга. *Бай-Бугá* толкуется совершенно однозначно из туран. диал. **bai-buga-* 'имеющий два изгиба', где **bai-/bi-* 'два, двое-, дву-', восходит к индоиранскому **d[u]u̯i-* 'двое-, дву-', особенно в составе композитов [Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 40, 42, 60, 489]. См. Дара;

***bai-** 'истинный' (ср. обще-иран. **ba-, bā-* 'истинно, именно' Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 40–41): ИС Σφαροβαις (Пантикапей);

***baiu̯ar(a)-, *beu̯ar-** 'много, многочисленный' (ср. общеиран. **baiu̯ar-, *baiu̯an-* 'несметное множество, мириада' Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 63–64, осет. *bewræ* 'много', *biræ* Абаев I, 262): ИС Βαιορασπος < **baiu̯ar-aspa-* (Танаис) 'многоконный', Βαιορμαιος < **baiu̯ar-māiā-* (Ольвия) 'многорадостный', *Beorgo(r), Beorgus* < **beu̯ar-gu-* (имя аланского царька в Италии V в. н.э.) 'много коров (имеющий)', Ουμβηουαρος < **hum-*(ср. осет. *hwym-*)*-beu̯ar(a)-* (Ольвия) 'много пашни (имеющий)', ср. ИС Βευραζουρια (Мцхета, IV в.н.э.) < др.-осет. **beu̯ra-* и гл. *zuryn* 'многоречивая';

***bal-** 'сила, сильный' или 'группа, отряд, стая' (ср. общеиран. **bala-* 'сила, сильный' Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 66, или осет. *bal* 'группа, отряд, стая'): ИС Ουαστοβαλος (Танаис) < **u̯ast(a)-bala-* 'крик стаи?' или 'истинная военная сила?', ср. ИС *Decebalus* 'сила даков'?;

***bālak-** ‘возмужалый, взрослый’ (ср. осет. *balæg wyn* ‘возмужать, стать взрослым’): ИС Ουαρζβαλακος, Ουαροζβαλακος ‘возмужалый’ (Ольвия) (ср. осет. *warz-yn* ‘любить’), Βαλάχ, Μαλάχ;

***balambar** титул “носитель воинской силы”? (из общеиран. **bala-* ‘сила; сильный’ и **bar-, br-* ‘нести, уносить, везти’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 66, 84–108): ИС *Balamber* – владыка хуннов, аланов, готов, скифов и россоманов между 367 и 375 гг.;

***balan-** ‘высокий’ (вост.-иран. *балан* ‘верхний, высокий’): ск. *Балан-Кая* (Васильевка, Ялт.);

***ban-, bān-** ‘свет, день; сила; возможность’ (ср. осет. **bon** ‘день; сила; возможность’ (Абаев II, 266), но общеиран. **ban-* ‘говорить, кричать’ и **ban-* ‘болеть, причинять боль’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 67–68): ИС Βανας (Пантикапей), ИС *Sangibanus* < **cangi-ban-* “Сильная рука” (аланский царек в Галлии V в. н.э.), аланское приветствие у Цеца: ταλαγχα(ρ)ς· καλημερα < **ta ban xwarz* ‘добрый день!’;

***barbala-** ‘гулкий источник’ (ср. иран. **barb-* ‘бормотание’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 65–66 и **al-* ‘источник’, античный и.-е. гидроним аналогичного значения ‘бормочущая вода’ Μερμόδας..): р. *Барбала*, прав. приток р. Кримасто-Неро, впадает выше ск. Зиго-исар (Ялт.);

***bardan-** ‘бородатый’?: ИС Βαρδανος (Пантикапей);

***bārs-** теоним Будда, Buddha (ср. хотан.-сак. *Balysa* [bal’za], тумш.-сак. *Bārsa* – Будда, ср. ИС *Bagubars-, Bagobars-, Begobars-* ‘Великий Будда’ или ‘Бог Будда’: Bailey 1979, Golden 155–156, Герценберг 1992, 76): хуннское ИС Ωηβάρσιος (Doerfer 106), северкавказский этноним Βαρσηλτ (Simokatta), Βαρσιλοι, *Berzil, Bersula* (Golden 87, 143–147), *P’arsbit’* титул сына хазарского кагана (< **Bars-bit-* ‘порождение Будды’) (Golden 205–206);

***barš-, brš-** ‘грива, шея лошади’ (ср. праиран. **barša-, brša-* ‘грива, шея лошади’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 115): таврическое МН Перчем (?);

***barź-** ‘оберегаемый, скрытый’ (ср. праиран. **barg-, barj-, barź-, brź-* ‘накрывать, укрывать, беречь’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 113): хуннское ИС Ωηβάρσιος (Doerfer 106);

***basta-ka-** ‘место’ (ср. осет. *bæstæ* (<**upastha-*?) ‘край, область, местность, страна света’ Абаев I, 255) или **basta-* (< **bndta-*) ‘связанный’ (ср. праиран. прич. сврш. **basta-*, **basti-* от гл. **band-, bad-* ‘связывать, завязывать’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 77): ИС Βασταкος (Танаис), Βοσταγων (Пантикапей)?;

***baga-** ‘судьба, бог’ (ср. праиран. **baga-* ‘доля, выделенная часть, удел, судьба’): праслав. **bogъ* ‘бог’;
***baxš(a)-** ‘надел, часть, доля’ (ср. праиран. гл. **bag-, baj-, baxš-* ‘наделять, распределять, выделять долю, дарить’, **baxš(a)-* ‘доля, часть, надел’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 45–47, 56, авест. *baxš-* ‘давать долю’ или осет. *byxsyn* ‘терпеть, выносить’ Абаев I, 284): ИС Βαξαγος (Ольвия);
***baxš-ag-** ‘низводящий участь’? (Абаев I, 284): ИС Βαξαγος (Ольвия);
***baxšma-** ‘брага, квас’ (в связи с осет. *maxsymæ* Абаев II, 78);
***baxta-u̯ahu-** (в связи с осет. *qædox* ‘леший’ Абаев II, 285);
***bāz-** ‘рука, плечо’, ***bazuk-** (ср. осет. *bazyg* ‘плечевая кость’) (иначе в связи с *æfsæn* ‘железо, лемех’ Абаев I, 481): ИС Οσπινβαζος < < **ospin-bazu-* ‘с плечом из железа’, Ουργβαζος < **urɣ-bazu-* ‘с мощным плечом’, Σωχουβαζος < **sauxu-bazu-* ‘с сухим плечом, сухорукий’, **suxy-bazu-* ‘полностью без плеча, руки’ (Ольвия), ср. имена аланских предводителей в Закавказье *Bazuk, Ambazuk* (I–II вв. н.э.);
***bazuk-/*bazux-** ‘плечистый’?: *Bazuk, Ambazuk* (Doerf. 100);
***benci-** ‘муха, пчела’ (ср. осет. *binzæ* ‘муха, пчела’, *bynz* Абаев I, 280), праиран. **baina-* ‘муха, пчела’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 61–62): ИС Βενζει (Пантикапей);
***bidaka** ‘’? (малоубедительно в связи с *widag* Абаев IV, 106): ИС Βιδακης;
***boar-** ‘тело, плоть’? (ср. осет. *bwar* ‘тело’, *bwardzyn* ‘плотский, телесный’): ИС Βώα, Βωαρήξ, Βωαρήζ, Βωαρίζ, Βοαρήξ, Βοαζηρ, Βοαρτιξ, Βοαρτήξ, Βαρήζ, Βοαζήρ, Βοαρήζ, *Boa, Boazer,* Βωάρηξ, вдова правителя савиров Болаха, союзница римлян в 527 г.;
***bod-** (Каб. уст. *бод* ‘благовоние, ладан, фимиам’, *бад* ‘ладан росный’ восходят к осет. *буд, бодæ* ‘благовоние, ладан’ < **baud-, bauda-* Абаев I, 269);
***bor[u]-** ‘быстрый’ или ‘желтый, рыжий, буланый’ (ср. осет. диал. *bor, bur* ‘желтый, бурый’ Абаев I, 271 или праиран. гл. **bar-, br, baur-, bur-* ‘быстро двигаться, бурлить’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 106–108): ИС Βορυς, Βορασπος ‘буланый конь’ (Танаис) (Абаев I, 563), Βωρακός ‘рыжий’ (Горгиппия), Βωροφαζος (Ольвия), Αρδαβουροί;
***boradas** ?: племя *borades*, народ בורטס у реки Атил (Ioseph);
***bosta-gan-** или ***bost-ag-an-** ‘каприза, ворчун’ (ср. осет. *bustæ* ‘упреки, капризы, ворчанье, ропот’; *bustæ kænyn* ‘ворчать, упрекать, роптать, капризничать’): ИС Βοσταγων (Пантикапей);
***bra-** ‘быстрое, бурливое (течение)’ (ср. праиран. гл. **bar-*: *br-* ‘быстро двигаться, бурлить’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 106–108): гидроним *Хоробра*;

***brādak-** 'побратим, братец' (ср. осет. *ærvad* 'однофамилец', *ærvadiwæg kænyn* 'быть в родственных взаимоотношениях, оказывать друг другу родственное внимание' Абаев II, 438): ИС Βραδακος (Пантикапей);

***brusa-** 'блоха' (пашто *wreža* (<**bruša)* 'блоха' сопоставимо с лит. *blusà* 'блоха');

***buga-** 'изгиб, излучина реки, залив': таврический реликтовый топоним *Байбуга* "Две излучины реки". **buga-* является диал. (сарматским или туранским?) вариантом праиран. **bauga-* 'изгиб', производного от гл. **baug-/bauj-, *bug-/buj-* 'гнуться, сгибаться', ср. внешнюю форму и ударение др.-инд. *bhogá-* 'извилина, изгиб' [Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 480]. Арийские, туранские и сарматские слова продолжают и.-е. праформу **b(h)oug(h)a-* 'изгиб'. Примечательно то, что значения праслав. **buga* 'сырое, топкое место, затопленный весенними разливами береговой лес и кустарник' [ЭССЯ 3, 78] и лтш. *bauga* 'топкое место у реки, плохая заболоченная почва' (Мюленбах-Эндзелин) также весьма подходят для описания этой феодосийской речки;

***bulzy-ab-** 'короткая' или 'быстрая, скорая река' (восходит к и.-е. **brg'hu-*, ср. авест. *mərəzu-* 'короткий', праслав. **bъrzъ* 'скорый, быстрый', лит. *burzdus, bruzdùs* 'подвижный живой', греч. βραχύς, лат. *brevis*): таврич. гидроним *Булзыяб* (Ст. Крым);

***bust-** ?: ИС Αμβουστος, Ιραμβουστος (Танаис), *Ambustan* (Iazyg.);

***buzan-** гидроним 'Северский Донец'? (ср. тадж. *buzan* 'голый, безлесый'): река בוזן [buzan] (Ioseph), вытекающая из р. Угру, западный предел домена хазарского кагана, ИС *Busan quoque Vulgarorum regem* (*Paulus Diaconus*. Hist. Rom. XV // Min. Graec. Hist. Auct. Antiquissimi II, 213–214; *Haussig* 19–23, *Golden* 183);

***cad** 'озеро, лужа' (< ***čatha-**): гидроним *Цата*;

***cag(a)-, *saga** 'коза' ?: ИС Σαγαδαρες < **caga-dār-*;

***cagar-** 'раб' или, скорее, 'плешивый' (малоубедительное сопоставление с авест. *cakar-*, осет. *cayar* 'раб' Абаев I, 286, скорее имеет отношение к осет. *цæгæр* 'парша, плешь; плешивый'): ИС Θιαγαρος (Танаис), каб. (леск.) *цыгъыр, цыджыр* 'плешивый, с паршой на голове';

***camgura** – титул (ср. титул в княжестве Кроpайна, письмо кхароштхи III–IV вв. *camkura*, тибетск. письмо VIII–IX вв. *cankhyjr, cankhyur*): ИС *Чемгура* (ПВЛ за 1155 г.) (Баскаков 1984, Восточный Туркестан в Древности и Раннем средневековье 96);

***cang(i)-** 'рука, ветвь' (ср. осет. *cong*, мн.ч. *cængtæ* 'рука'): ИС *Sangibanus* (аланский царек в Галлии V в. н.э.);

***carba-gan-in** 'истребитель Царба'?: ИС Τζαρβαγανιν (DAI 42, 252);

***carmaka-** 'кожевник' (ср. осет. *carm*, мн. ч. *cærmttæ* 'кожа, шкура'): ИС Θιαρμαχος (Танаис);

***čāšaka** 'чаша, бокал' (ср. др.-инд. *cáşaka-*, арм. *čąšak* 'чаша'): рус. *чаша, чашка* (отклоняется в ЭССЯ 4, 30–31);
***cata** 'озеро, лужа' (< **čatha-*): гидроним *Цата*;
***catra-xsi-** 'сорок князей' ? (ср. осет. *cyppor* '40', сарм.-алан. *xse* 'владыка, правитель'): этноним Готы *Тетракситы* содержит первую часть греч. сложных слов, означ. 'четыре' τετρα– и индоар. часть **ksi-* 'обитатель, населяющий, живущий'. Т.о. Тетракситы – обитатели (горы) с четырьмя (углами), т.е. Чатыр-Даг. Ср. Кырк-Ер, Кырк-Ор, Кырк-Эль.
***catta-** 'готовый'? (осет. *цœттœ* 'готовый'): гидроним *Цата*;
***caụāg-, caụag-** 'ходок, ездок' (ср. осет. *cœwag, cœwœg* мн.ч. *cœujytœ* 'часто посещающий, ходок; идущий, едущий, проезжающий; прохожий, ездок, пассажир, ходок): Θιαβωγος (Танаис), Ζαβαγος (Танаис), Ζαβαγιος (Горгиппия);
***cāụanān** 'охотник' (ср. осет. *cawœnon* 'охотник'): ИС Σαυανων (Танаис);
***cər-tāg-** 'чертог' (ср. перс. *čahār-tāg, čār-tāg* 'четырехгранный купол'): юж.-слав. **čьrtogъ* 'шатер';
***čər-guni** 'четыре угла' (ср. осет. *cyr* 'ячейка', *cyrœgon* 'клеточный, ячеичный', в ряде иран. диал. *čor* < *čatur*, ср. греч. τετράγωνη 'четырехугольная, квадратная'?): п. Чергунь, *Чо́ргунь*, Чоргуна, *Чо́ргуньская* башня XVI–XVII вв. внутри круглая, снаружи двенадцатигранная (Чернореченское, Севаст.) (Паллас, ЗООИД, 1881. Т. 12, 212, Бертье-Делагард, ЗООИД, 1886. Т. 14, 200), р. Чер-Су, Казыклы-Узень, Биюк-Узень: место падения ударения и весь облик свидетельствует о его дотюркском происхождении (исключает возможность толкования из тюркских родо-племенных наименований *джургун, джуркун*);
***cyrubu** 'журчащая вода' (ср. осет. *c'yr-c'yr* 'звук, издаваемый утками при питье воды', *ub* = *ab*): р. *Цирубу*, Дар-Богаз, *Апира-Салгир* (Гурзуф);
***dada-** термин родства (дедушка, дядя, тятя) (ср. осет. *dada* 'папа, дедушка'): Δαδά, Δάδας, Δαδοῦς (Theodosia);
***dadag-** 'щедрый, дающий' или 'дедушка' (ср. осет. *dœttag* 'щедрый', *dœttœg* < **dadtaka-* 'дающий'; или *dada* 'папа, тятя, дедушка'?): ИС Δαδαγος (Ольвия);
***dadai-** 'папа, дядя'? (ср. осет. *dœdœy* 'обрядовый крик при оплакивании'): ИС Δαδαίου (Феодосия);
***dain-** 'вера' (ср. авест. ИС *Hudaena*): ИС Χοδαινος;
***dal-** (< ***adari-**) 'внизу, под' (ср. осет. *dœl-, dœlœ*): ИС Δαλοσαχος (Танаис);
***damat-kani** '?': гидроним Домоткань (вост.-иран. *kani* / *khani* / *khāni* 'родник, ключ, яма, выкопанное');

***dānak-** 'храм' (ср. общеиран. **baga-dānaka-* 'храм' Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 50): ИС Ανδαναχος, Ιασανδαναχος, Φηδαναχος (Танаис);

***dan-arasamaka-, dan-arazmaka-**? (в связи с осет. *don* Абаев I, 367, сомнительно, еще ср. ИС *Wyryzmæg* Абаев IV, 127): ИС Δαναρασαμαχος, Δαναραζμαχος (Танаис), осет. *Уырызмаг*;

***dān[u]-** 'вода, река' (ср. осет. *don* 'вода, река, сок' Абаев I, 63): гидронимы *Danuvius*, Δαναπρις, Δαναστρις, *Danaster, Danastrus, Дънѣстръ, Дънѣпръ, Дон, Донец*, ИС Δαναραζμαχος, Δαναρασμαχος (Танаис). Один из мифических прародителей нартов носит имя *Donbettyr* < **Dan(u)-pəter* "Дон-Батюшка". Герой *Æxsartæg* взял в жены дочь Донбеттыра, и от этого брака произошли нарты: Шатана, Уырызмаг, Хамыц, Сослан, Батраз. Предложенные ранее этимологии второй основы сложного имени (из алтайского *bagatyr* 'богатырь' или из раннехристианского *Petrus* 'апостол Петр') представляются нам малоубедительными. В мифологической паре Ахшартаг и Донбеттыр просматривается мотивация двух наименований реки Сырдарьи – с одной стороны – Ιαξαρθης, (**i̯axšartha-*), а с другой – Ταναις (**Danu*);

***dānau[i]-** 'относящийся к реке Дану' (ср. авест. *danavō tūra* 'данайские туры, танаисские скифы'): гидронимы Ταναις,- ιδος, *Дон, Донга*;

***danuka > donga** (из сармато-аланск. **danuka-*, ср. др.-инд. *dhanv-* 'бежать, течь' Mayrhofer II, 91–92): гидроним *Донга* (л. пр. р. Кача, берущий начало между гг. Демир-Капу и Кемаль-Эгерек);

***danda-** 'палка, палица, жезл, скипетр' (ср. осет. *dændag* 'спица колеса'): ИС Δανδαξαρθος < **danda-xšarθa-* 'царский жезл' (Березань);

***danta-** 'воды, реки' (ср. осет. *dættæ* < **danta* мн.ч. 'воды, реки'): промежуточная прародина венгерских племен *Dentia, Dente, Dentumoger* 'речная, многоречье';

***dār-** (ср. осет. *daryn* 'разводить, держать, иметь (скот); содержать (семью); носить (одежду), одеваться; быть должным, быть обязанным, ставить, считаться; ловить (рыбу)': Σαυδαραται < **si̯au-dāra-ta* 'носящие траур (черные одежды)' (ср. осет. *saudaræg* 'носящий траур') или **sæu-dar* 'восточные' (Ольвия), Σαγαδαρες < **saga-dar-* 'ловцы оленей' или **cag(a)d-dar-* 'одержавшие битву', Αβδαραχος < < **ab-darak-* (Танаис);

***dara-** 'горная долина, ущелье, дере' (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2): таврическое МН *Байдары*;

***daran-** 'разгром' (ср. осет. *dærœn* 'разгром'): ИС Φαλδαρανος < *fæl-dærœn-* 'сокрушение, разгром (для противников)' (Танаис);

***dart-ab** 'дальняя река'? (ср осет. *dærddag* 'дальний', и общеиран. *ab* 'река'): гидроним *Дортоба* (если не из тюрк. *Дёрть-Оба* "четыре холма");
***darzi̯a-** 'терпкий'? (ср. осет. *dærzæg* 'шероховатый, шершавый, жесткий'): ИС Σανδαρζιος 'терпкое вино'? (Танаис);
***das-** 'десять' (ср. осет. *dæs* 'десять'): ИС Μανδασος (Танаис)?;
***dāti-** 'дар' (ср. авест. *hu-dat(ā)-* 'благодать'?): ИС Ὀδατις (Athenaeus);
***daii̯a-** 'лесной дух' (ср. др.-инд. *deva-* 'бог', авест. *daeva-* 'злой дух'): праслав. **divъ* > **deivos* 'лесной дух, кричащий с дерева';
***didumo-xšarth-** 'двойня близнецов-царей'? (напоминает грекосармат. гибрид из греч. δίδυμος 'двойной, парный; близнец из двойни', οἱ Δίδυμοι 'созвездие Близнецов', и сармат. **xsarth-* 'воитель, царь', ср. в связи с осет. *æxsar* Абаев IV, 225): ИС Διδυμοξαρθος (Танаис);
***dustəkan-** 'кубок' (ср. чагат. *tostakan* из перс. *dūstkāni, dūstgānī* 'кубок'): др.-рус. *достоканъ,* ср.-рус. *достоканец,* рус. *стакан;*
***dosumo(=didumo?)-xšartha-** результат описки? (греко-сарм. гибрид? ср. ***didumo-xsarth-**): ИС Δοσυμοξαρθος (Танаис);
***duš-xan** 'плохой источник' (из вост.-иран. *dus-* 'плохой', *khani* 'родник, источник'): гидронимы Духан и Душан;
***duž-, *daug-** 'доить' (заимствованное из вост.-иран. группы диалектов с перебоем **d>*δ>*l* в анлауте, ср. мундж., йидига, пашто и венеци *luž, lwašel* < **daug-* 'доить'): коми *лыстыны,* марийск. **lustem* 'доить';
***du̯ar-** 'дверь' (ср. осет. *dwar* 'дверь'): ИС Δουαραγος 'привратник' (Березань);
***du̯arag-** 'привратник': ИС Δουαραγος 'привратник' (Березань);
***elman-** < ***u̯alman-** 'сверх человек'? (ср. осет. **wœl** 'над, наверху, сверх'): ИС Ηλμανος (Ольвия);
***eran-** иронец? (ср. осет. *iron* 'иронец'): ИС Φορηρανος (Танаис);
***esmag-** 'это самое дыхание жизни'?: ИС Ιωδεσμαγος < **i-od-esmag* 'это самое дыхание жизни' (Ольвия);
***fa-** 'по-'? (ср. осет. гл. прист. *fæ-, fæ-daryn* 'подержать, поносить одежду'): Φηδαναϰος (Танаис);
***fa-danak-** 'подарок' ?: ИС Φηδαναϰος (Танаис);
***fadi-** 'след, тропа' (ср. др.-инд. *pathi* 'путь, дорога, тропа', осет. *fæd* 'след, тропа, колея'): ИС Φαδιαροαζος < **fadi-arwaz-* 'путь пролагающий', Следопыт, Χοαροφαδιος (Танаис);
***fadi-aru̯az-** 'оставляющий след' (ср. др.-инд. *pathi* 'путь, дорога, тропа', осет. *fæd* 'след, тропа, колея'): ИС Φαδιαροαζος (Танаис);
***fadsiu-** алюр? (ср. осет. *fæddzu* 'алюр'): ИС Φαδσίου (Феодосия);
***fal-** 'пере-, через, со-' (ср. др.-инд. преф. *pari-* 'кругом, вокруг, совсем, полностью', осет. глаг. преф. *fæl-* со значением совершенного

вида, направлением сверху вниз): ИС Φαλδαρανος "сокрушитель" (Танаис);

***fand-** 'путь' (в связи с осет. *fændag* Абаев I, 446);

***fand-arz-** 'приготовляющий путь' (к осет. *arazyn* и *fændag* Абаев I, 58, 446): ИС Φανδάρζος;

***farad-** 'щедрый'? (ср. осет. *færædaj wyn* 'расщедриться'): ИС Φαραδος (Ольвия);

***farasman-** 'имеций средства к существованию'? (ср. осет. *færæz* 'средство, способ'): ИС *Radamistus Pharasmani* (Иверия II в. н.э.);

***farnā-, *farno-, *farn-, *fern-** 'божья небесная благодать' (ср. авест. *hvarno*, др.-перс. *farna-*, осет. *færnæy* 'счастливо' Абаев I, 422): ИС Φαρνης (Пантикапей), Φαρνοξαρθος 'благой царь' (Танаис), Αριφαρνης (Diodor.), Σαιταφαρνης (Ольвия), Μαιφαρνος (Ольвия), Χοφαρνος (Танаис), Κοφαρνος (Танаис), Ουαταφαρνης (Кубань) (Абаев I, 422), Οροφερνης (Пантикапей). Часть имен могут оказаться "модными именами" др.-перс. происхождения;

***farnaka-, *farnag-** 'обладающий божьей (небесной) благодатью' (ср. осет. *færnyg* 'обильный, богатый, щедрый, счастливый, удачливый', *færnygad* 'благополучие, благосостояние' Абаев I, 422): ИС Φαρνακης (Пантикапей, Горгиппия, Танаис, Херсонес), Φαρναγος (Ольвия, Кубань), Φαρνακιων (Пантикапей, Горгиппия), Πιτοφαρνακης (Танаис), Πιτφαρνακης (Тира), Ευβαρνακης (Танаис);

***farnug** 'обладающий божьей (небесной) благодатью' (ср. осет. *færnyg* 'обильный, богатый, щедрый, счастливый, удачливый', *færnygad* 'благополучие, благосостояние' Абаев I, 422): ИС Ξη (< **xse* 'царь') Φαρνουγος (царь Иверии II в. н.э.);

***fars-** 'бок, сторона' (ср. осет. *fars* 'бок, сторона'): гидроним *Фарс*;

***farsxa-, *parsuk-** 'ребро, бок; боковой' (ср. осет. *færssag* 'побочный приток', *færsxæy* 'селение в стороне от главной дороги', *færsk* 'ребро'): названия горных вершин *Парсук-кая* и *Комофырсха* или *Комофыхра* в юго-вост. Таврике;

***farzeu̯-, *farzou̯-** 'хлебосольный; угощение' (ср. осет. *færzew* 'угощение' Абаев I, 456): ИС Φαρζηος (Ольвия), Φαρζοης (царь таврических скифов);

***fazi-** 'равнина'? (ср. осет. *fæz* 'равнина, плоскость, площадь'): ИС Οροφαζιος;

***fedanak-, *fedan-u-**? 'долг, то, что нужно уплатить' (ср. осет. *fidæn* 'время платы', *fidinag* 'то, что нужно уплатить'): ИС Φηδανακος (Танаис)?, Φιδανους (Танаис, Пантикапей);

***fiatak-** (ср. с осет. *fætæg* 'вождь' Абаев I, 464 сомнительно): ИС Φιατακος;

***fida-** 'отец' (ср. осет. ирон. *fyd*, дигор. *fydæ* 'отец' Абаев I, 488): ИС Φιδας (Танаис, Пантикапей), Φιδᾶς (Феодосия);

***fli̯ān-** 'любимый' (ср. осет. *lymæn* и в связи с осет. *Sidæmon* Абаев II, 55; III, 104; ближе всего к авест. *fryana-* 'любимый, приятель, возлюбленный'): ИС Φλιανος (Ольвия);
***[f]liman-** 'друг' (ср. осет. *lymæn* 'приятель, друг'): ИС Λειμανος (Танаис, Пантикапей);
***flimanak-** 'приятель, друг' (ср. др.-инд *preman* 'любовь, доброта к кому-либо', осет. *lymæn* 'приятель, друг, любовник; любовница; дружеский, дружный' Абаев II, 55) : ИС Φλιμαναкος (Ольвия);
***flimnag-, *[f]limnak** 'дружок' (ср. осет. *lymæn* 'приятель, друг; любовник; дружественный' Абаев II, 55, *lymænlæggag* 'друг, дружище'): ИС Φλειμναγος, Λιμναкος (Ольвия, Горгиппия);
***fodak-** 'дурной, шалун, дурак' (ср. осет. *fydæg-daw* 'злонравный, невоспитанный', диал. *fud, fudag* 'шалун'): ИС Φοδαкος (Танаис, Фанагория);
***fon- < *hu̯on-** 'приношение, подарок, гостинец' (ср. осет. *hwyn* 'приношение, подарок, гостинец'): ИС Ραδαμ-φων,-ονος 'первое приношение';
***font- < *hu̯ont-** 'званный, приглашенный' (ср. осет. *hwynd* 'званный, приглашенный'): ИС Ραδαμφων,- οντος 'Первозванный';
***for-** 'много-' (ср. осет. *fur, fyr* Абаев I, 500): ИС Φοργαβαкος 'многопотребляющий', Φορηρανος, Φοριαυος < **for-yaw-* 'много проса (имеющий)' (Танаис);
***for-** 'баран' (ср. осет. *fur, fyr* 'баран-производитель' Абаев I, 499): ИС Φορος (Танаис), одно из названий самого южного мыса Таврического п-ва Φορος, *Fori* = Κριου μετωπον 'Бараний Выступ';
***fos-** 'овцы, мелкий скот' (ср. осет. *fys* 'овца', *fos* 'скот, мелкий рогатый скот, имущество, добро, состояние'): ИС Φοσαкος (Танаис), ср. ***pasa-**;
***fosaka-** 'скотовод, животновод' (ср. осет. *fos, fys* и *fosdar(æg)* 'скотовод, животновод' Абаев I, 501): ИС Φοσαкος(Танаис);
***f[o]šu-pan-** 'пастух' (восходит к туран. **fšupana-* 'пастырь, пастух овец'): праслав. **županъ*;
***fot-** 'стрела' (ср. осет. *fat* 'стрела, шомпол'): ИС Σπαροφοτος (Танаис);
***[f]ra-** 'pro';
***[f]rādam(a)-** 'первый, первичный, перво-' (ср. др.-инд. *prathama-kalpika* 'тот, кто только приступил к изучению Вед, йог на первой ступени обучения', *prāthamya-* 'первенство', авест. *fratama-* 'первичный'):
***[f]radam-asi** 'первый ас': ИС Ραδαμασις (Пантикапей);
***[f]radam-fon** 'первина, первое приношение, первый дар (богу)' (где **fon-* соотв. осет. *hwyn*): ИС Ραδαμφων (Ольвия);
***[f]radamə-furt-** 'перво(родный) сын': ИС Ραδαμοφουρτος (Танаис);

***[f]radamist-** ‘первенец, первейший’: ИС Ραδαμειστος (Танаис, Феодосия), ср. имя иверийского царевича у Тацита *Radamistus*;
***[f]radam-sadi** ‘председатель’: ИС Ραδαμσαδις (Пантикапей);
***frāg-** ‘рано, ранний’ (ср. др.-инд. *prak-* ‘перед, впереди, ранее, прежде, до, к востоку от, во-первых’, осет. *rag-acaw* ‘заранее, заблаговременно, предварительно, рановато’): ИС Σευ(φ)ραγος (Фанагория);
***[f]ra-rog-** ‘сокол’? (из др.-иран. Трубачев 1967, 64 и сл., ср. осет. *rog, rœwœg* ‘легкий, ловкий, быстрый, проворный’): зап.-злав. *rarogъ* ‘демонический сокол, карлик-оборотень, злой дух, демон’;
***[f]ra-spara-gan-** истребитель первенцев?: ИС *Rasparaganus rex roxolanorum / sarmatarum* (Pola, Istria);
***[f]rassog-, *[f]raz-sog-** ‘чистый, прозрачный’ или ‘отпрыск’ (ср. осет. *rœsog, rœssog*): ИС Ρασσογος (Танаис);
***[f]ratha-** ‘широкий’ (ср. др.-инд. *prath-* ‘расширяться, распространяться’, *prāthas-* ‘широта, расширение’, *prthu-parçu, prthu-parçava-* ‘человек крепкого телосложения, крепкобокий, могучий воин’): ИС Ραθαγωσας (Ольвия);
***frazm-** ‘творение’ (ср. др.-инд. *praja-pati,* др.-греч. *pragma*): ИС Χοφραζμος, Χοφρασμος (Танаис);
***furt-** ‘сын’ (ср. др.-инд. *putra-* ‘сын, детеныш’, осет. диал. *furt, fyrt* ‘сын’ Абаев I, 500): ИС Ραδαμο–φουρτος (Танаис), Φουρτας;
***fyckin-** ‘передовое’ (ср. осет. *fyccag* ‘первый, передовой, передний; впереди’): нп. *Фыцки* (Баштановка), пл. *Фыцкин*-Кая-баш (бахч.);
***gagana-** ?: ИС Γαγανος (Горгиппия);
***gan-** ‘гонитель, убийца’ (ср. др.-инд. *Vritrahan-*, авест. *Vərətragna-* “убийца Вритры”): ИС *Iodman-gan* (Иверия), ’Ορ-γανᾶς – дядя Коврата (Haussig 18–19), правитель хуннов-кутригуров в 559 г. Ζαβέρ-γαν (SDIOS I, 316), ИС Βοσταγων (Пантикапей)?, МН Τουρ-γαν-ηρχ, Τζαρβα-γαν-ιν (DAI 42, 252), *Мордо-гон-ова* (ср. осет *мард* ‘мертвый’ и в.-иран. *хап-* ‘исток, ключ’ или гл. *gn-* ‘гнать, убивать’);
***gar-** ‘пожиратель’?: ИС Χοαργαρος, ἀδιγορ;
***gasti-** ‘гость, чужестранец’? (Абаев II, 69 в связи с *mal*): ИС Γαστεις (Горгиппия), Γαστης (Пантикапей);
***gau-, *go-** ‘корова, бык’ (ср. авест. *gao-*, осет. *hug*): ИС Γαος ‘бык’ (Танаис), Γωαρ ‘добывающий коров’ (Olympiodor., аланский князь V в. н.э.), *Beorgor, Beorgos* ‘имеющий много коров’ (аланский царь V в. н.э.), этноним Αγαυοι ‘нет коров’ (ιππομολγοι?) (Homer.);
***gau̯ak-** ‘произносящий звуки, говорящий’ (ср. осет. *qœwyn* Абаев II, 301 и др.-инд. *ghu-, ghavate* ‘произносить, издавать звуки’): ИС Φοργαβακος ‘многоговорящий’ (Танаис);
***gaunia** ‘шерстяная одежда’ (ср. авест. *gaona-* ‘волосы, цвет волос’, осет. *γun* ‘шерсть’): праслав. **gun’a*;
***god-, godi-, gudi-** ‘мысль, дума, дело, событие’ (ср. осет. *qwydy* ‘мысль, дума, память, воспоминание’, *qwyd-* ‘дело, занятие, собы-

тие'): Γωδιγασος (Танаис), Γοδοσαυος (Танаис), Εισγουδιος (Пантикапей);
***godə-sau-** 'памятливый'? (ср. осет. *qwydy* 'мысль, дума, память, воспоминание', *qwyd-* 'дело, занятие, событие'): ИС Γοδοσαυος (Танаис);
***godi-gas-** '?' (ср. осет. *qwydy* 'мысль, дума, память, воспоминание', *qwyd-* 'дело, занятие, событие'): ИС Γωδιγασος (Танаис);
***gor-** 'страшный, ужасный, испуг, ужас' (ср. др.-инд. *ghora-* 'страшный, ужасный, сильный, крепкий, испуг, ужас', *ghora-darçana* 'имеющий ужасный вид');
***gor-goša** 'имеющий ужасную молву': ИС Γοργοσας (Горгиппия);
***goš-** 'ухо, слух' (ср. др.-инд. *ghosa* 'шум, гул, крик, слух, молва', авест. *gaoša*, осет. *qus* 'ухо, ушная раковина' Абаев II, 316): ИС Ραθαγωσας < **(f)raθa-gōša-* 'широкоухий' или, лучше, 'широкая молва' (Ольвия), Γοργοσας < **gor-goša-* 'тугоухий' или, лучше, 'страшная молва' (Горгиппия), Γοσων 'ушан' (Херсонес);
***gošak-** 'слушающий, слушатель, внимательный' (ср. осет. *qusæg* 'слушающий, слушатель' в связи с осет. *qusyn* Абаев II, 316): ИС Γωσακος (Танаис), ср. имя сына осетинского царя *Alguz-Qusag* в XIV в.;
***goum-** 'крупный рогатый скот' (ср. осет. *qom* 'крупный рогатый скот'): одна из лучших стран, созданная Ахурамаздой, *Gava, Goum* Согдийский;
***gu-pan-** 'коровий пастух' (ср. авест. *gao-*, осет. *hug*): праслав. **gъpanъ* (ЭССЯ 7, 197–198);
***gurdzuṷ-** 'грузины' (ср. осет. *gwyrdzy* 'грузины'): г. *Гурзуфъ, Гурзуфская* яйла, пер. *Гурзуфское* седло, у Прокоп. Кесар. Крепость Гурзувитов τῶν Γουρζουβιτων (Procop. Caesar.), на итал. портоланах Gorzovio, мн. Урзуф, село в Першотравневом районе, основанное в 1779 г. греками из сел Гурзуф и Кизиль-Таш (Отин Е.С. Топонимия приазовских греков..., 128–129);
***g(u̯)un-** 'шерсть, шерстяной' (ср. авест. *gaona* 'шерстяная шуба', осет. *qwyn* 'волос, шерсть овцы или верблюда'): название вида скифской одежды Σα-κυν-δακη (Hesich.), праслав. **gun'a*;
***[h]afthaimak-, *[h]afthemak-** 'седьмой' (в связи с *sædæjmag* Абаев III, 53): ИС Αφθαιμακος, Αφθειμακος (Танаис) = Septimius;
***[h]al-** < ***har-** < арийск. **sar-* 'струя, текучая вода': **albruz-*/**alburz-* 'Высокая Струя, гора Эльбрус' (ср. авест. *Hara-Bərəzaiti*): город в стране аланов אלבוסר [albusr] в стране аланов (Ioseph). Слово претерпело фонетические изменения вост.-иранского (туранского) типа;
***[h]am-** (из индо-иран. **sam-*) префиксальный элемент со значением совместности и соответствия (ср. осет. *æm-*): ИС *Ambazuk*;
***hamaistar-** 'припадающий к земле' (ср. авест. *hamaestar* Vasmer IV, 260): слав. **xoměstorъ* 'хомяк';

***[h]am-bust-, *[h]am-bustan-** 'возвеличенный, пышный': ИС Αμβουστος, Ιραμβουστος (Танаис), *Ambustan* (Iazyg.);

***[h]amo-** '?': ИС Αμω-σπαδος (Ольвия);

***[h]amothast-** 'единодушный, дружелюбный' (?) (ср. осет. *æmud* 'единодушие, согласие, дружелюбие'): ИС Αμωθαστος;

***[h]angar-** 'укрепленный перевал': нп Ангара, р. Ангара, Гангар, Янгар, Яныкер (Перевальное, Симф.): из сред.-греч. ἀγγάριοι 'перевальная таможня', восходит к иран. hangar- г. Ангар-Бурун (Чатыр-Даг): из греч. ἀγγάριοι 'крепость и таможня на перевале';

***hapta-daiu̯aka-** > **avd-diu̯ag-* 'семибожий' (ср. осет. *Avdiwag* – имя божества в эпосе): МН Αβδαρδα· ἑπταθεος;

***hara-bra-** 'быстрое, бурливое течение' (ср. праиран. гл. **bar-*: *br-* 'течь, быстро двигаясь, бурля': гидроним *Хоробра*;

***haral-** речное течение? (< **har-* 'течь', **al-* 'исток'): гидроним *Хорол*;

***hara-panti-** 'путь течения' (ср. авест. **har-* 'течь' и **panti-*, осет. *fændag* (<**fant-aka* 'путь, дорога'): гидроним *Хоропуть*;

***haru̯ath-, *həru̯ath-, *horu̯ath-** 'женский, относящийся к женщинам, женоуправляемый' (ср. антич. глоссу *sarmatae gynaecocratumeni*) (иначе Абаев IV, 247): ИС Χοροαθος, Χορουαθος, Κοβρατ (< **horvath-* 'женский') (Танаис), гидронимы *Ховрад-Девка, Ховратка, Оврад-Девка,* этноним *Хъръватъ* (эпиграфич. Χορουαθος), глосса *sarmatae-gynaecocratumeni*;

***[h]azar-** 'тысяча' (ср. авест. *hazangra*, перс. *xazar* 'тысяча', осет. *ær(d)zæ*): ИС 'Αζαρίων (Танаис), название хазарской войсковой единицы *xazār* (Golden 181–182), заимствованное слово для тысячи в тавро-готском диалекте *hazer* (Busbequius);

***hidmant-** 'мостовой, имеющий мосты' (ср. авест. *Haetumant-* – пышная великолепная страна, ныне река Гильменд) (Оранский, 1988, 66): река в Хазарии Χιδμᾶς (DAI 38, Golden 250);

***hingilu-** 'красный' ? (ср. др.-инд. гидроним *Singula-*): река в стране хазар и венгров Χιγγιλούς, Συγγούλ – то же (DAI), вероятно Ингул или Ингулец;

***ho-** 'хороший, добрый' (ср. др.-инд. проклит. *su-*, др. иран. *hu-* 'добрый'): ИС Χομευος, Χοδαινος, Χοφαρνος (Танаис);

***ho-dain-** 'добрая вера': ИС Χοδαινος (Танаис);

***ho-farn-** 'доброе счастье': ИС Χοφαρνος (Танаис);

***ho-frazm-** 'доброе творение'? (где **ho = hu-/su-*, сарм. **frazm-* сродни. др.-инд. *praja-*, др.-греч. *pragma*, иначе Абаев IV, 247): ИС Χοφραζμος, Χοφρασμος (Танаис);

***ho-meu-** 'добрый': ИС Χομευος (Танаис);

***hor[o]- > *hu̯ar-** 'солнце' (ср. осет. диал. *xor, xur* < **hvar-* 'солнце' Абаев IV, 247);

***horo-xša[i]th- < *huarə-xšaith-** 'Солнце-владыка' (ср. – авест. божество Солнца *Xoroxša[i]tha- ~ Xuršed*): ИС Χοροξαθος (Танаис);
***horzəman(t)- > *hu̯arzumant-** 'имеющий благо'? (ср. осет. *xorz* 'хороший, добро, благо'): ИС Χορσομαν, Χωρσαμαντις;
***hozania-** 'подобный, похожий' (ср. осет. *xwyzæn*): ИС Χοζανια (Пантикапей);
***hu-** 'добрый, благой, хороший' (ср. др. инд. *su-*, др. иран. *hu-* 'добро-, благо-'): ИС Ουστανος 'Добрый стан' (Танаис);
***hul-dan** 'дары имеющий' или 'обладатель хвалы';
***hu̯adarca-** этникон (ср. осет. фамилия *Xædarcatæ*): ИС Χωδαρζος (Ольвия);
***hu̯ala** 'хвала' (ср. др.-инд. *svarati* 'звучит'): праслав. **xvala*, этноним неясного происхождения времен Хазарского каганата хвалисии (Χουαλής);
***h(u̯)anaka-** 'зовущий, приглашающий' (ср. осет. *xonæg* < **hvanaka-* 'зовущий, называющий, именующий, приглашающий'): ИС Χανακης (Пантикапей);
***hu̯andiaka-** 'приглашенный, званый'? (ср. осет. *xwynd*): ИС Χωνδιακος (Фанагория);
***hu̯arə-fadi-** 'солнца путь' (ср. др.-инд. *Svarga-, Surya-* Солнце и авест. *Huršed* "Солнце-владыка", осет. диал. *xor, xur* < **hvar-* 'солнце'): ИС Χοαροφαδιος (Танаис) 'солнца путь';
***hu̯arza, *hu̯arzu-** 'добро, благо, хороший' (ср. осет. *xorz* 'хороший, добро, благо' Абаев IV, 218): ИС Αναχαρσις 'без добра, нехороший';
***hu̯atra-** (< и.-е **su̯etrom*?): название отрога Кавказа *Choatras*;
***hu̯aurə-fadi-** 'кремнистый путь'? (ср. осет. *xwyr* 'щебень, гравий', *xwyrbyn* 'каменистый'): ИС Χοαροφαδιος "кремнистый путь"? (Танаис);
***hula** 'хула' (туран. **xvar-*, ср. др.-инд. *svarati*): праслав. **xula*;
***huməli** 'хмель' (ср. авест. *haoma-* 'священный опьяняющий напиток и соответствующее растение', осет. *xumæl-læg*): праслав. **xъmelь*;
***[h]u-stan-** 'Добрый стан': ИС Ουστανος (Танаис);
***[hu̯]um-** 'земельное владение, пашня, поле' (ср. др.-инд. *svamya* 'владение', осет. *hwym* 'пашня, поле', в связи с осет. *biræ* Абаев I, 262): ИС Ουμ-βηουαρος (Ольвия);
***[hu̯]umān-** 'землевладелец, земледелец' (ср. др.-инд. *svamin* 'хозяин, владелец, господин', осет. *hwymon* 'земледелец, работающий в поле, полевой'): ИС Ουμανος (Танаис);
***hu̯unara-** 'способность, одаренность' (ср. авест. *hunara-* 'способность, дар'): ИС Χουναρος (Ольвия);
***hu̯uska- > *fuska-** 'сухой, высохший' (ср. осет. *xus* 'сухой', *xwysk'* 'суша, высохший, засохший, сухой' Абаев IV, 269): скифский город у Сухого Лимана Φυσκη (Ptol.)?;

***huion-, *huiun-, *hun-nug/nyg** 'хунны' (ср. авест. *Hvyaona* – союз туранских кочевых племен к северу от Амударьи и Узбоя в VI в. до н.э., скифские племена Средней Азии в эллинистический и римско-византийский периоды Χιωνιται, др.-инд. этноним *huna*, ср. перс. этноним *hon, hun,* др. армян. этноним *siunnik*, др. китайск. этноним *syuŋ-nu*, греко-римское наименование мощного племенного союза кочевников Северного Причерноморья 370–470 гг. н.э. Ουννοι, *hunni*): этнонимы Ουννοι, Ο(υ)νογουροι (**hunnug-*) (грекоязычные письменные источники), *Hunni* (латиноязычные письменные источники), *Hon, Hun* (ср. иран. письменные источники), **Hunuq- Unuq-Baši-buzuq* 'десять стрел – головорезы' (др. тюркские (рунические) памятники);

***i-, ia-** 'укзательное местоимение, определенный артикль'?: ИС Ιασανδαναχος (Танаис);

***iāfag-** 'настигающий'? (ср. осет. гл. *æyyafyn* 'настигать, нагонять, догонять; достигать, нагонять, успевать, поспевать' Абаев I, 124): ИС Ιαφαγος (Ольвия);

***iasan-, *ia-sandanak** ? (в связи с осет. *ændon* Абаев I, 157): ИС Ιασανδαναχος (Танаис);

***iau-** 'просо', ***iauak-** (ср. др.-инд. *yava-* 'зерно, ячмень', осет. *yæw* 'просо'): ИС Ιαυαχος, Φοριαυος (Танаис); Γιαιουχαται (C.Porphyr.);

***iatragora-** 'огонь пожирающий, глотающий'? (ср. в связи с осет. *art* 'огонь' Абаев I, 70, сомнительно): ИС Ιατραγόρας;

***iaxšartha-** Герой *Æxsartæg* взял в жены дочь Донбеттыра, и от этого брака произошли нарты: Шатана, Уырызмаг, Хамыц, Сослан, Батраз. В мифологической паре Ахшартаг и Донбеттыр просматривается мотивация двух наименований реки Сырдарьи: с одной стороны – Ιαξαρθης, (**iaxšartha-*), а с другой – Ταναις (**Danu*);

***iazda-dag-, *iezd-dag-, *iezd-drad-** 'божество, небесная сила'? (ср. авест. *yazata* 'достойные жертвоприношений и почитания', осет. *izæd* – Йездан = Ахурамазда ср. в связи с осет. *sæd* 'ангел' Абаев IV, 291): ИС Ιαζαδαγος, Ιεζδαγος, Ιεζδραδος (Ольвия);

***igetua-gar-** 'нечто пожирающий'? (в связи с осет. *g'ityn* Абаев I, 520): ИС 'Ιγετυαγαρος;

***insazag-** 'двадцатый' (ср. осет. диал. *insæz, insæj, yssæz* < **viṅsati* 'двадцать') (Абаев IV, 277): ИС Ινσαζαγος (Ольвия);

***ioda-, *iodas-** 'воин, боец, воинственный' (ср. др.-инд. *yodha-* 'воин, боец', *yaudha-* 'воинственный'): ИС Ιωδας (Пантикапей), Ιωδεσμαγος (Ольвия);

***iodman-** 'воинственный' (ср. др.-инд. *yudhman* 'воинственный'): ИС иверийского сановника *Iodmangan* (II в. н.э.);

***iosa-** 'женщина, жена' (ср. др.-инд. *yoṣa-* 'женщина, жена', осет. диал. *osæ, us* 'женщина, жена, баба'): ИС Σαυαιωσος (Танаис);

***irbid-** 'стриженный, остриженный'? (в связи с осет. *ælvyd, ælvynyn* Абаев II, 48): ИС 'Ιρβιδ-;

***ir-gan-** ‘убивающий’?: ИС Ιργανος (Танаис);
***irx-, *erx-** ‘овраг, балка, лощина’? (ср. осет. *ærx* то же): Τουργανηρχ (DAI 42, 252);
***is-gudi-** ‘возьми мысль’?: ИС Εισγουδιος (Пантикапей);
***isten-** бог Яздан = Ормазд (ср. хот.-сак. *gyastä* [yastä] ‘бог’): ИС *Iste, Isten* (Байчоров 62–63, Гумилев, 34);
***i[e]zden-** бог Яздан = Ормазд (ср. тумш.-сак. *jezda* [yezda] ‘бог’): ИС *Isde, Izden, lezden* (Bailey, 1979; Герценберг 1992, 76);
***kaba- = *kava-** ‘рыба’?: ИС Ολκαβας;
***kabaz-** ‘рукав реки’ или ‘отрог горы’ (ср. осет. *qabaz, xæxty qabæztæ* ‘отроги гор’): таврич. топоним Кабази;
***ka-danaka-** ‘храм Духа’ (ср. др.-инд. *ka* ‘дух, душа, божество’ и общеиран. **baga-dānaka-* ‘Храм’ Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 50, иначе в связи с осет. *k’æzænæg* Абаев I, 631): ИС Καδανακος (Танаис);
***kadi-** ‘лес’ (ср. осет. *qæd* ‘бревно, стебель, ствол, дерево, лес’): этноним в Гилее *Oenocadii* ‘в лесу живущие’?;
***kafa-** ‘крупная рыба’ (ср. осет. *kæf* ‘крупная рыба’): местное название Καφας, Cafa, Caffa?;
***kafanag-** ‘рыбак’? (ср. осет. *kæf* ‘большая рыба’): ИС Καφαναγος (Ольвия);
***kafth-** ‘рыбный’ (ср. осет. *kæfty mæy* ‘месяц рыбы, октябрь’): ИС Κεφθος (Горгиппия);
***kaina-, *kenə-** ‘воздаяние, возмездие’ (ср. осет. диал. *kenæ* ‘месть, возмездие’, *kinæ* Абаев I, 596 и в связи с *æxsar* Абаев IV, 225): ИС Καινάξαρθος, Κηνεξαρθος;
***kalan-** ‘течение реки’? (в связи с осет. *kælæn* ‘течение реки’ Абаев I, 577);
***kama-** ‘ущелье’ (осет. *kom* ‘ущелье (рот)’): название горной вершины *Комофырсха* или *Комофыхра*;
***kan[n]abi-** ‘пивное’? (в связи с осет. *bægæny* ‘пиво’ Абаев I, 245, маловероятно);
***kan[n]a-bis-** ‘проросшее семечко, зернышко; конопля’ (ср. осет. диал. *kæn*): античная глосса καvvαβις – ‘конопля по-скифски’;
***kandak-** ‘холстина’? (ср. осет. диал. *kændak* ‘холстина’): ИС *Kandak* – аланский царь V в. н.э. у Иордана;
***-kan[i]-, -khan[i]-, -xān[i]-** ‘родник, ключ, яма, выкопанное’: гидронимы *Ведрихан, Домоткань, Сабутхан, Самоткань, Суаткан, Суатхан, Суботхан, Хан, Мордогонова* (ср. осет. *mard* ‘мертвый’ и в.-иран. *xan-* ‘исток, ключ’ или гл. *gn-* ‘гнать, убивать’);
***kani̯a-** ‘сноха’ (из в.-иран. *kanya-* то же): фин.-угр. **ken* ‘сноха’;

***kapa-** 'крупная рыба' (ср. согд. *kap-* 'рыба', осет. *kæf* 'крупная рыба' Абаев I, 575): гидроним Παντιϰαπης, МН Παντιϰαπαιον < **panti-* 'путь' и **kapa-* 'рыба';
***kararu̯a-** 'дома' (ср. др.-инд. *kar-* 'делать, изготавливать, производить', но едва ли правомерно исправлять в угоду осет. *hædzar, hædzærttæ* 'дом, дома' как в Абаев IV, 193): античная глосса ϰαραρυες οι Σϰυθιϰοι οιϰοι;
***karāxs-, *karāxst-** 'рыдание, причитание над мертвым'? (ср. осет. *qæraxst* 'рыдание'): МН на Таврическом п-ве Κοραξ αϰρον?, ИС Καραξτος, Καραστος (Ольвия);
***kard- < *kart-** 'меч' (ср. авест. *karəta-* 'нож', перс. *kārd*, осет. *kard* 'меч, нож'): праслав. **kordъ* 'короткий меч';
***kardes-, *karthas, kardi̯a-** 'нож, меч' (ср. осет. *kard* 'нож, меч'): древнейший таврич. топоним Καρδησός· πόλις Σϰυθιϰή Εϰαταῖος Εὐρώπη (конец. VI в. до н.э.!), ск. Биюк-*Кардис*-Кая, ск. Кучук-*Кардис*-Кая, ск. *Картис*-Кая (вост. склон Никитской яйлы), ИС Carthasis, брат скифского царя 330–320 гг. до н.э., Καρδιος (Танаис, Фанагория);
***karna-** 'с отрезанными ушами, глухой' (ср. авест. *karəna-* 'глухой'): рус. *корно-ухий*;
***kārz-** 'строгий, суровый' (ср. осет. *karz* 'строгий, суровый (о человеке, яростный, ожесточенный (о борьбе), крепкий (о напитке)' Абаев I, 573): ИС Καρσος (Горгиппия), Καρζεις, Καρζοαζος (Ольвия);
***kasak-, kasag-** 'рыба' или 'смотрящий' (ср. осет. *kæsag* 'рыба' или *kæsæg* 'смотрящий, наблюдающий, наблюдатель, зритель', в связи с гл. *kæsyn* Абаев I, 590): ИС Κασαϰος, Κασαγος (Ольвия);
***kaska, kask-an-**?: р. *Каска* (верховье Демирджи-Су), криница *Кацка-ту-Пигад* в с. Заможное (Чермалык) Володарского р-на (Отин Е.С. Топонимия приазовских греков..., 67), ИС Κασϰηνος;
***kaspana-** ?: р. *Каспана, Каспана*-Су, *Костана* (впадает в Качу у нежил. нп Шелковичное в 8 км к в., ю.-в. от Синапное, Бахч.);
***kata-** 'вырытый в земле загон для скота' (ср. авест. *kata-* 'помещение, кладовая'): праслав. **kotъ* 'небольшой хлев, загон';
***kath-** (в связи с осет. *xætyn* 'бродить, блуждать, кочевать' Абаев IV, 193);
***kava-** 'рыба' (ср. сак. *kava-* 'рыба', цыган. *khav-jaro* 'рыбья икра'): ИС Ολϰαβας (Appian., Frontin.);
***ko-**? (ср. осет. нареч. *kwyd* 'как-то, именно'): ИС Κοφαρνος, Κοβρατος, Κωβρατ;
***kobhi-, *kubu-** 'извилистый' (ср. др.-инд. *Kúbhā-* река Кабул): греч. Κωφις, Κουβού – Кубань, Южный Буг (DAI, Golden 251);
***kola-, *kula-** 'круг, круглое; колесо; колесница' (ср. и.-е. **kᵘ̯ola* 'колесница', **kᵘ̯el-* 'круг, круглый, имеющий форму колеса', неверно

сопоставление с осет. *xur* 'солнце' Абаев IV, 248): ИС Κολαξάϊς 'обитающий в колеснице' (ἁμαξόβιοι) или 'царь колесниц', МН, гидроним *Kolaros* "круглое течение"?;

***kola-roš** 'круговое течение' (ср. др.-инд. *ṛṣi-* "течь"): гидроним *Kolaros*;

***kola-xšai-** 'обитающий в колеснице' (ἁμαξόβιοι) или 'владыка колесниц': ИС Κολαξαις;

***kom- = *kama-** 'ущелье, горловина, жерло': горные названия *Комвопло, Комофыхра*;

***kond** 'обрубленный' (ср. осет. *kond* 'сделанный, срубленный; строение', *kond qæd* 'вырубленный лес'): место *Кунда* в Крыму (Бертье-Делагард 1915, 254), название скалистой возвышенности возле с. Стыля Старобешевского р-на *Кундó-Хая́* (Отин Е.С. Топонимия приазовских греков..., 81);

***kosa** 'со скудной растительностью' (ср. осет. *kosa* 'со скудной растительностью на лице, безбородый, безволосый, лысый'): р. *Коса, Коссе, Кой-Су* (приток Альмы, Бахч.);

***krox-, krux-** 'курица, петух' [ср. др.-инд. *krikana-, krikara-, krikala-* 'pertridge', *krikavaku* 'a hen, a cock, a peacock']: груз., занск., сван. *krox-, krux-* 'наседка';

***kudzai-, *kuzu** 'собака'? (ср. осет. *kwydz* 'собака' Абаев I, 605, но возможны сопоставления с осет. *qwaz* 'лань', *quzon* 'всадники, допускаемые по время скачек на подмогу к каждой лошади', *qwyzæg* 'подкрадывающийся'): ИС Κουζαιος (Ольвия), Κουσους (Пантикапей);

***lašak-** 'лосось' (ср. осет. *læsæg* 'лосось' Абаев II, 32): гидроним *Лошак*;

***lata** 'глинистая' (ср. иран. **lat-* 'глинистые наносы, мягкая глина', пушт. *la̯i* 'ил, тина'): гидроним *Лата* (ниж. теч. Р. Узунджа, с. Родниковое, Севаст.), ср. Ласпи.

***liman-, *[f]liman** 'друг, приятель' (ср. осет. *lyman* Абаев II, 55): ИС Λειμανος;

***limnak-** (в связи с осет. *lymæn* Абаев II, 55): ИС Λειμανος;

***lipo-** 'липовый лес'? (неверно в связи с осет. *æxsin* и *xur* Абаев IV, 236 и 248): Λιποξάϊς;

***mādā** 'мать' (ср. др. инд. *matā-*, осет. диал. *mad, madæ*): ИС Μαδα (Пантикапей);

***madak-** 'материнский' (ср. осет. *mad* 'мать', *madælon* 'материнский'): таврич. топоним *Madac* – Santini 1777 (B. Lamba): ИС Μαδακος (Танаис);

***madu-, *madu̯a-** 'мед' (ср. авест. *maδu-*, осет. *myd* 'мед, соты'): ИС Μαδυης (Herodot.), Μαδυς (Strab.), Μαδωις (Танаис);

***maja-** 'радость, отрада'? (ср. др.-инд. *mayā* 'радость', неудачное толкование в связи с осет. *sær* 'голова' Абаев III, 75): ИС Μαιωσαρα

(Пантикапей), Στορμαις (Танаис), Βαιορμαιος < **baiu̯ar-māi-* (Ольвия) 'многорадостный'?;
***mai̯[a]-** 'месяц, луна' (ср. осет. *mæy(æ)* 'месяц, луна', *mæy-næwæg, mæy-zærond, mæy-ruxs* Абаев II, 83): ИС Μαης (Пантикапей), Μαιφαρνος (Ольвия), Μαιωσαρα (Пантикапей), Στορμαις (Танаис);
***maiša-** 'овца' (ср. др.-инд. *meṣa-*, *meṣi* 'баран, овца', авест. *maēša-* 'овца', пашто *maž* 'баран', *mež* 'овца', с характерным исключительно для этой подгруппы озвончением интервокального **š*: < **maiša, *maiši*): ИС Μαισης (Горгиппия), фин.-угр. **mež*, коми *мэж* 'баран';
***mal-** 'омут, глубина, лужа' (ср. осет. *mal-* 'омут, глубина, лужа'): топоним на Боспоре *Malorossa*, гидроним *Малороша*, хр. и г. *Малаба* (Лучистое);
***mal-aba** 'глубокая река' (ср. осет. *mal-* 'омут, глубина, лужа' и *ab-* 'вода, река'): топоним *Малаба* (Лучистое) по названию оврага;
***malə-roš** 'глубокое течение' (ср. осет. *mal-* 'омут, глубина, лужа' и *rsi* 'течь'): топоним на Боспоре *Malorossa*, гидроним *Малороша*;
***mama** 'дядя' (из пушт. *mamó* 'дядя, брат матери'): г. *Мамо-Тепе* (две горы к сев. от Высокое, Бахч.);
***mana** 'муж' (в связи с осет. *mojag* 'жених, будущий муж' Абаев II, 128): ИС Μανα;
***man-das-** 'мужской' (в связи с осет. *moj* 'муж, супруг' Абаев II, 128);
***mani̯-** 'мужской, мужчина' (ср. осет. *moynæ* 'мужской'): ИС Αρθιεμμανος (Пантикапей)?;
***mani̯ag-** 'мужской, мужчина' (ср. осет. *moynæ* 'мужской', иначе в связи с *mojag* 'жених' Абаев II, 128): ИС Μανιαγος (Ольвия);
***man-mar-** 'смерть мужа' (в связи с осет. *moj, maryn* Абаев II, 75, 128): ИС Μαμμαρος;
***manu-** (в связи с осет. *mal* Абаев II, 69);
***mār-** 'убивать' (ср. осет. гл. *maryn* 'убивать' Абаев II, 75): ИС Αμωρο-μαρος (Ольвия), Μαμ-μαρος 'матереубийца' или 'мужеубийца' (Пантикапей);
***marda-** 'мертвый, смертный' (ср. осет. *mærdon* 'мертвенный', *mard* 'мертвый, загробный мир', из вост.-иран. **martya*, **marta-* 'смертный'): гидроним *Морда, Мордогонова,* этноним *мордва,* фин.-угр. **mort* 'человек';
***mardaganu-** 'мертвый источник' (ср. осет. *mard* 'мертвый', в.-иран. *xan-* 'исток, ключ' или гл. *gn-* 'гнать, убивать'): гидроним *Мордогонова*;
***mardta, *marta** 'мертвые (воды)' (ср. осет. *mard*, мн. *mærdtæ* 'мертвый', *mærdty bæstæ* 'загробный мир'): гидроним *Марта* (Бахч.);
***marg[h]a-** 'смерть, убей!' (ср. осет. гл. *maryn* 'убивать' Абаев II, 75, *maræg, marjytæ* 'убивающий, убийца', *marg, mærgtæ* 'яд, отрава'): античная глосса *marha*! – клич сарматов (Амм. Марцел.);

***mərəgi-** 'изобильная дичью' (из иран. *mərəgh-, margh-* 'дичь, мифическая птица'?): гидроним *Морожа*;
***marka-** (в связи с осет. *marg* 'яд, отрава' Абаев II, 73);
***martian-** 'мертвый'? (ср. иран. *Мартья* и *Мартьянак, Машья* и *Машьянэ*): м. *Мартьян,* Никита-Бурун (Ялт.);
***marzak-** 'имеющий саван' (ср. осет. глаг. *mærzyn, mærzæg* 'подметающий, подметальщик' или *mærd-dzag* 'погребальное одеяние, саван' Абаев II, 101): ИС Μαρζακος (Пантикапей);
***masta-** 'горечь, обида' (в связи с осет. *mast* 'горький, жёлчь, горечь, обида, досада, неприятность' Абаев II, 77): ИС Μαστας (Пантикапей);
***mastu-** 'злой, сердитый' (ср. осет. *mæsty* 'злой, сердитый, рассерженный, озлобленный', в связи с mast Абаев II, 77): ИС Μαστους (Пантикапей, Горгиппия, Танаис);
***matsiag-** 'происходящий от рыбы'? (ср. др.-инд. *matsya-* 'рыба'): этноним Μασσαγεται;
***matuk-** 'саранча' (ср. осет. *mætyx* 'саранча' Абаев II, 108): этноним тотемической природы Ματυκεται (Hecat., Steph. Byz.);
***mathan-** ?: ИС Μαθανος (Ольвия);
***maza-, mazi-, maz-** 'большой, великий' или диал. вар. 'плечо' (ср. осет. *bazyg, bazug* 'плечевая кость' или авест. *maz-* 'большой', *Mazandaran*): ИС Μαζαια (Lucian.), Ατ(τ)αμαζας (Горгиппия) – ср. осет. имя. *Acæmæz,* Οσπινμαζος (Ольвия), Μαζις (Пантикапей);
***meu-, *meuak-** 'работа, действие, занятие' (от иран. **maiva-, mivati*): ИС Χομευος, Μευακος (Танаис);
***mix-**?: ИС Ορσιομιχος;
***mīzun-** 'просачивающаяся вода, болото, топь' (ср. осет. глаг. *mizyn* 'мочиться, просачиваться, течь'): гидроним *Мизунка*;
***murg-** 'мифическая птица' (ср. сред.-перс. *marγ-, murγ-* 'мифическая птица Симург'): тотемический этноним Μυργεται (Hecat.);
***mugisag-** осеменитель? (едва ли от осет. *mugæ, myg* 'семя, сперма'): ИС Μουγισαγος (Ольвия);
***mys-komia-** 'ущелье барса'? (из осет. *mysy* 'барс' и *kom* 'ущелье'): п. *Бiюкъ Мискамъя* (Гончарное), п. *Кучi Мискамъя* (Гончарное), Кучук-*Мускомия* (Резервное);
***nām-** 'имя' (ср. др.-перс. *nama-*, осет. *nom* 'имя, наименование'): ИС Φαδιναμος, Φαζιναμος (Танаис);
***namgen-** 'именной, именитый' (ср. осет. *nomjyn* 'именной, именованный, именитый, почетный, знаменитый, достойный', в связи с *nom* Абаев II, 188): ИС Ναμγηνος (Ольвия);
***naria-** 'мужской, мужественный, сильный, крепкий, человек, мужчина' (ср. др.-инд. *narya-* 'мужской, мужественный; сильный, крепкий; мужчина, муж; герой', осет. *næl* 'особь мужского пола, самец'): античная глосса αναριες, εναρεες (<**a-naria-*) 'полумужчины, гермафродиты у скифов' (Hippocrat., Herodot.);

***nārak-** 'узкий' (ср. осет. *narœg* 'узкий, тонкий, теснина' Абаев II, 156): имя одного из дунайских устий Ναρακον στομα, Naracustoma, Ναρηκος (Appian., Plin., Apoll. Rhod.);
***nāu̯adz-** 'судоход' (ср. осет. *naw(y)-* 'судно, корабль', *nawdzœwœn* 'судоходный', *nawdzyd* 'судоходство', в связи с *naw* Абаев II, 162): ИС Ναβαζος (Танаис);
***nāu̯ak-, *nāu̯ag-** 'судостроитель' или ***nau̯ak-, *nau̯ag-** 'новый, свежий, молодой' (ср. осет. *nawgœnœn* 'судостроительный', *nœwœg, nog* 'новый, свежий, молодой' Абаев II, 175): ИС Ναυακος, Ναυαγος (Танаис);
***ni[k]an-** 'зарытый в золу' (из некоего вост.-иран. **nyan* < **nikan* 'зарывать (в золу)'): фин.-угр. **nän* 'хлеб';
***nixek-** 'лобастый'? (ср. осет. *nyx* 'лоб, наружная сторона ч.-л.' Абаев II, 219): ИС Νιχεκος (Горгиппия);
***nu̯az-** 'пить' (ср. осет. *nwaz-yn* 'пить', *nwazag* 'пьяница', *nwazyny don* 'питьевая вода' Абаев II, 216): ИС Αβνωζος (Ольвия);
***odi̯-** 'дух, душа' (ср. осет. *ud(y)* 'душа, дух' Абаев IV, 7): ИС Οδιαρδος (Танаис), Οχωδιακος (Танаис);
***oe-** или ***oi-** (ср. праиран. *u̯ī-*)?: ИС Ωη-βάρσιος (Doerfer 106);
***oeno-** < **u̯ina-** 'без' (ср. др.-инд. *vina-* 'без'): этноним в Гилее *Oenocadii* из **oeno-kadi-* 'без леса живущие'?;
***ohu-** см. ***u̯ahu-, *u̯ohu-**;
***ol-** см. ***u̯al-** (ср. осет. первую часть сложных слов *wœl-* 'над, наверху, сверх', вторые части имен неясны в семантическом плане): ИС Ολκαβος, Ολθακος – династ племени дандариев (Plutarch.);
***ol-kab-** (ср. осет. первую часть сложных слов *wœl-* 'над, наверху, сверх', вторая часть имен неясна в семантическом плане): ИС Ολκαβος;
***ol-thak-** 'сверх гребня горы'? (ср. осет. первую часть сложных слов *wœl-* 'над, наверху, сверх', *daγ* 'слой, пласт, складка' или *tag* 'полоса, линия, жила, веревка, нить, волокно, гребень горы, полоса леса, роща', *tœx* 'сильное возбуждение'): ИС Ολθακος – династ племени дандариев (Plutarch.);
***or-** < ***u̯ar-**? : ИС 'Οργανᾶς VI–VII;
***ors[i̯a]-** < ***aurs-** 'белый' (ср. осет. *urs* 'белый, седой'): этнонимы Αορσοι Αλανορσοι, ИС Ορσιομιχος (Танаис);
***orsa-zā-** 'рожденный седым'?: ИС Ξαι-ορσαζης (Пантикапей);
***os-** < ***i̯ausa-** 'жена, женщина', синдо-меотское слово (ср. др.-инд. *yoṣa, yoṣan, yoṣanā* 'молодая женщина, жена; девушка; самка', *yosinya* 'женственность' – венг. *asszony*, осет. *osœ, us* 'женщина, жена, баба' Абаев IV, 20): ИС Οσμαρακός, Οσσιγασος (Танаис);
***os-fid** 'отец жены'? (в связи с *us* Абаев IV, 20);
***os-marak-** 'убийца женщин'? (в связи с *marœg* Абаев II, 75): ИС Οσμαρακος (Танаис);

***os-igas-** ‘целый и невредимый от женщин’? (в связи с осет. *osæ*, *us* ‘женщина, жена, баба’ Абаев IV, 20): ИС Οσσιγασος (Танаис);
***ospin-** ‘железо, сталь’, туранское в сарматском (ср. афган. *ospina*, осет. *æfsæn* ‘железняк, железо, лемех’ Абаев I, 481): ИС Οσπιν-μαζος, Οσπιν-βαζος (Ольвия);
***oxšardozi-** < ***u̯axs-ard-odi̯-**?: ИС Οξαρδωζις (Танаис);
***odiak-, *odziak-, *odzak-** ‘душа’?: ИС Οχωδιακος, Οχωζιακος, Ουαχωζακος (Ольвия);
***pā-** ‘пьющий’ (ср. др.-инд. *-pa* ‘пьющий’): античная глосса σαναπαι – ‘пьянствующие у фракийцев’ дословно ‘пьющие коноплю’;
***pairi- = *pari** ‘вокруг, пере-’: ИС Παιρισαδης “вокруг, по бокам сидящий”?;
***panak-** ‘хранитель’ (неубедительно в связи с осет. *fæjnæg* ‘доска’ Абаев I, 433): ИС Παρσ-πανακος (Olbia);
***panti-** ‘путь’ (ср. др.-инд. *panthá-*, *pathi-* ‘путь, дорога, тропа’, в связи с осет. *fændag* (<**fant-aka*) ‘путь, дорога’, *fætæg* Абаев I, 464): гидронимы Παντικάπης, *Хоропуть*, МН Παντικαπαῖον;
***panti-kapa-** ‘путь рыб’ (ср. др.-инд. *pathi-* ‘путь, дорога, тропа’, в связи с осет. *fændag* (<**fant-aka*) ‘путь, дорога’ Абаев I, 464, *kæf* Абаев I, 576): гидронимы Παντικάπης, МН Πατικαπαῖον;
***papai** ‘отец’ (в связи с осет. *baba* Абаев I, 229): теоним Παπαῖος ‘Зевс’;
***par-** ‘сбивать, срезать, сшибать’: головорезы Σαραπαραι; ср. тур. *баши-бузук*;
***paraδata-, *paralata-** ‘искони назначенные’ (ср. авест. *paraδata-* ‘искони назначенные (цари)’): скифская царствующая династия у Геродота Παραλαται;
***paⁱri-** ‘вокруг’ (ср. др.-иран. *pari*, др.-греч. περι ‘вокруг’): ИС Παιρισαδης ‘вокруг, по бокам сидящий’ по аналогии с Ραδαμσαδης ‘впереди сидящий’;
***pars-panak-** ‘хранитель флангов’ (ср. осет. *fars*, *færs-* ‘бок, сторона, стена, берег’ Абаев I, 423, 433): ИС Παρσπανακος (Ольвия);
***pasa-** ‘госпожа’ или м.б. ‘скот (мелкий)’? (ср. др.-иран. *pati* ‘господин, владыка’, ср. невероятное толкование в связи с осет. *wæjug* Абаев IV, 70): теоним Αργιπασα или Αρτιμπασα = Афродита Урания;
***paśu-** ‘мелкий рогатый скот’ (из вост.-иран. (с озвончением интервокальных) **poδu* < **paθu* < **pasu* ‘мелкий рогатый скот’): фин.-угр. **pudo* ‘скот’;
***pataⁱk-** ‘вождь’ (ср. авест. *paθak-*, осет. *fætæg* ‘вождь’ Абаев I, 464): ИС Παταικος (Горгиппия), Φιατακος (Пантикапей);
***pati-** ‘господин’ (ср. др.-иран. *pati* ‘господин, владыка’): ИС Πατεις, Πατιας (Танаис);

***pat-** 'супруг, муж' или 'бить' (ср. др.-инд. *pati-ghatinī, pati-ghnī* 'убийца супруга, мужеубийца'): иное название амазонок οιορπαται 'мужеубийцы';

***patrai-** 'смотреть, видеть' (туран. **pātrai-*, ср. авест. *pāθrāi-* 'стеречь, охранять, защищать' при *pāθra-* 'защита, охрана'): польск. *patrzyć, patrzeć* 'смотреть, видеть' из **patriti* или **patrěti*;

***pedani-** ? (из вост.-иран. **pai-dān-* 'льющаяся река') гидроним *Педань*;

***perak-** 'чесальщик шерсти'? (ср. осет. *piræg* 'чесальщица шерсти' в связи с гл. *piryn* Абаев II, 242): ИС Πηραxος (Ольвия);

***persian-** 'персидский'?: ИС *Персианъ*;

***pətor-** 'отец, патер' (Это, безусловно, рефлекс и.-е. архетипа **pəter*, сохранение этой формы, вероятно, связано с мифопоэтической традицией) Один из мифических прародителей нартов носит имя *Donbettyr* < **Dan(u)-pəter* "Дон-Батюшка". Герой *Æxsartæg* взял в жены дочь Донбеттыра, и от этого брака произошли нарты: Шатана, Уырызмаг, Хамыц, Сослан, Батраз;

***pisa** 'писанный'? (ср. осет. глаг. *fyssyn* 'писать'): ИС Σπαργαπισης (Herodot.);

***pita-/pit-, *peithā-, *pid-,** см. ***fida-** 'отец', синдо-меотские формы? (ср. др.-инд. *pita-maha* 'дед по отцу', *pitar, pitr-* 'отец, родители', осет. диал. *fidæ, fyd* 'отец' Абаев I, 488): ИС Σπαργαπειθης, Πιτοφαρναxης, Πιτφαρναxης (**pit(a)-farnaka-*) (Танаис), Πιδεις (Ольвия), Πιδος (Березань), Πιδανος (Тира);

***porata-** 'большая река' (ср. авест. *Frat-*, клинопис. PURATU, авест. *pərətu*, осет. *furd* 'большая судоходная река, море', несколько иначе Абаев I, 486): гидронимы Πορατα, Πυρετος, το Βουρατ, Βρουτος (река Прут) *Пруд, Прут, Слепород* (сле- ?);

***p[i]ti-** 'пиец, пьющий' (ср. др.-инд. *pith-in* 'пьющий', в связи с *sæn* Абаев III, 67): античная глосса σαναπτις· οινοποτης Σxυθαι 'санаптис – винопиец по-скифски' (Hesych.);

***purthai-, *purthaka** см. ***furt-** 'сын, сынок', сарм.формы (ср. авест. *puθra*, осет. *fyrt* 'сын' Абаев I, 500): ИС Πουρθαιος, Πουρθαxης (Ольвия);

***rada-**(< ***frada**) или ирано-слав. гибридного имени *Йезд-радъ*? (в связи с осет. *rajyn* Абаев II, 348): ИС Ιεζδ-ραδος (Ольвия);

***radam(a)-** 'первый, перво-', см. ***(f)radam(a)-** (в связи с *fyrt* и *fyccag* Абаев I, 500 и 487): ИС Ραδαμοφουρτος, Ραδαμσαδις, Ραδαμασις, Ραδαμειστος, *Radamistus Pharasmani*, Ραδαμφων;

***rapaka-**?: ИС Ραπαxης;

***raman-** 'стан' (индоар. **raman-* 'остановка, отдых, пребывание', при том что авест. *raman-* имеет знач. 'покой, мир', а др.-инд. гл. *ramate* 'успокаивать; останавливаться; покоиться, пребывать; развлекаться'. Значение туземного **raman-* 'привал, стоянка, отдых'

как бы глоссируется татар. *кош* 'стоянка, стойбище'): название самой высокой вершины Таврических гор *Роман*-Кош;
***rarog-** 'демонический сокол, карлик-оборотень, злой дух, демон' (сарм. **[f]rarog-* 'сокол', ср. осет. *rog, ræwæg* 'легкий, ловкий, быстрый, проворный'): Зап.-слав. *rarogъ* 'демонический сокол, карлик-оборотень, злой дух, демон';
***rasmak-** 'боевой отряд' или ***[f]razmak-** 'творение' (ср. авест. *rasman-* 'фаланга, боевая колонна'): ИС Ομρασμακος (Танаис), Δανα-ρασμακος, Δανα-ραζμακος (Танаис)?;
***rassog-,** см. ***(f)rassog-,** 'чистый, прозрачный' или 'отпрыск, ответвление' (ср. осет. *ræssog*, иначе в связи с *ræsug* Абаев II, 379): ИС Ρασσογος (Танаис);
***rathagos-,** из ***[f]rata-gos-** 'широко-ухий'? (в связи с осет. *rætænagd* 'оглобля' и *qus* Абаев II, 316, 383): ИС Ραθαγωσος;
***rathana-** 'ремень ярма' (ср. осет. *pætæн* 'толстая веревка, сплетенная из ремней или из скрученных прутьев, для привязывания сохи к ярму, для волочения бревен и пр.' < **rathana-* Абаев II, 382–383): Абх. (абж.) *а-ратын* 'ремень особой выделки, ремень ярма';
***raupasa-** 'лиса' (ср. осет. *ruvas* Абаев II, 434);
***rauro-man-, *rau-roman-** (?): ИС Ρευρομανος (Ольвия);
***rau̯ag-** 'легкий, бастрый' (ср. осет *ræwæg, rog* 'легко', *ræwvad* 'быстрый, легкий, проворный'): графитти Ραβαιγ;
***raxu̯aisak-** 'пронзающий' (ср. осет. глаг. *ræxoiyn* 'колоть, прокалывать, пронзать', *ræxwyst* 'пронзенный, укол' Абаев IV, 212): ИС Ραχοισακος (Танаис);
***[f]ra-spara-gan-** 'убийца первородных'?: ИС *Rasparaganus*;
***rāz-/*[f]raz-aspa-** 'сначала (следует гнать) коня' (ср. осет. *raz, razæj* 'спереди, впереди, сперва; предводитель', метатеза *afša* < **asfa* 'лошадь, конь'): гидроним *Разавша*;
***rints-** 'утес, обрыв' (осет. *ryndz* 'горный хребет, утес, обрыв' < **rinti-* Абаев II, 446): заимствованный горный термин *rintsch* 'mons' [Busbequius 1605] в языке таврических готов;
***ropaša-** 'лиса, лисица' (ср. авест. *lopaša*, осет. *ruvas* 'лиса' < **raubasa-* < **raupasa-* Абаев II, 382, 433): гидроним *Ропша*;
***rəsi-** 'течение' (ср. др.-инд. *rṣi* 'течь'): гидронимы *Kolaros, Рось, Ръсь*;
***roxš-, *roxsa, *ruxs-** 'светлый, сияющий' (ср. осет. *ruxs* 'свет, светлый' Абаев II, 437): этноним Ρωξολανοι 'белые аланы', боспорский топоним *Malorossa*, греч. ὁ χρυσὸς λεγόμενος αἰγιαλός – название побережья между Днестром и Днепром (DAI 172–173, 403), таврический топоним *Rossofar* 'белобережье' на итальянских портоланах, гидронимы *Малороша, Роша*;
***roxsana** "Светлана" (ср. осет. *roxsnæg* Абаев II, 424): женское ИС Ρωξάνη (Пантикапей), Ρωξανακη – столица саков по Ктесию;

***rua̯ź-** (ср. осет. послелог *rwajy* 'благодаря, в силу')?: Φαδιαροαζος (Танаис);
***sabut-** или ***samut-** ? (вторая часть вост.-иран. *хан, кань* 'источник'): гидронимы *Сабутхан, Самоткань*;
***sad-** 'сидящий, находящийся' (ср. др.-инд. *-sad-*): ИС Θαγιμασαδης, Παιρισαδης, Ραδαμσαδης;
***sada-** 'сто' (ср. осет. *sædæ* 'сто'): ИС Σαδαιος (Ольвия), тавроготск. *Sada* – 100;
***sadal-** 'седок'? (ср. неудачное сопоставлéние с осет. *sædæ* 'сто' Абаев III, 53): ИС Σαδαλος;
***sadat-** 'седок'? (ср. неправомерное сопоставление с осет. *sædæ* Абаев III, 53): ИС Σαδατος;
***sadz-** 'садить' (ср. осет. *sadzyn* 'сажать, садить, втыкать, вонзать, вбивать, посадка'): ИС Χουαρσαζος (Ольвия), Ξαιορσαζης (Пантикапей);
***saga-dar-** 'разводящие оленей или коз' (ср. осет. *sag* 'олень' и *sægæ* 'коза'): этноним нижнедунайских скифов Σαγαδαρες;
***sagar-**(?): ИС Ξησσαγαρος;
***sagasarat** (?): город в стране аланов סגסרת [sagasarat] (Ioseph);
***saita-farn-** = ***xsaita-farn-**? (см. Абаев I, 422): Σαιταφαρνης;
***saka-** собирательное самоназвание кочевых туранских племен, не обязательно имеющее этимологию "олень", как привыкли думать; этимоном может оказаться и корень со значением "быть сильным, могучим" (ср. др.-инд. *çaka-* 'назв. кочевых племен', авест. *saka(i)ti-* 'творение смертоносного Ангромайнью, многопагубное для коров', др.-перс. *saka-* собират. этноним, рассматривается и в связи с осет. **wærg* Абаев IV, 93): этноним Σακαι у Геродота, скифский праздник σακαια в словаре Гесихия, ИС Σακδεος (Танаис), Μηδοσακκος у Полиена, МН Σακακάται – крепость на нижнем Днестре (DAI). Судя по фонетическим особенностям сакских языковых реликтов в Северном Причерноморье, сюда перекочевали племена, родственные тумшукским сакам;
***sakundaka** 'сакская одежда' (в связи с осет. *zældag* Абаев IV, 249): глосса σακυνδάκη 'скифская одежда';
***salan-** 'замерзающий, застывающий' (с осет. *sælæn* [šălăn] 'замерзающий'): гидроним *Шелен* является турецкой адаптацией;
***salma-** имя родоначальника Сальма и его потомков (ср. авест. **sarəma-*, позднее *Салм*), предок племени *sarmata*: МН, крепость у Днестра, Σαλμακαται (DAI);
***samandur** 'саманный' (ср. осет. *самандур къул* саманная стена): МН Sämändär;
***samud-**, ***sabut-** 'переливающийся через верх источник, переполненный водой колодец' (ср. др.-инд. *sam-ut-, sam-ud-* 'выскакивать из воды, подниматься, бить вверх', и вост.-иран. *kani, xan* 'источник'): гидронимы *Сабутхан, Самоткань*;

***śana-** ‘опьяняющий напиток, вино’ (ср. др.-инд. *çāna-* ‘конопляный’, осет. *sænæ, sæn* ‘вино’ Абаев III, 67): античные глоссы σαναπαι οι μεθυσοι λεγονται παρα Θραξιν, σαναπτις οινοποτης Σκυθαι, ИС Σανεια (Пантикапей), Σανων (Пантикапей), Σαναγος (Ольвия);
***sanag-** ‘изготовитель саны’: ИС Σαναγος (Ольвия);
***sān-darzia-** ‘дерзкий по отношению к врагам’? (неправомерно в связи с *sæn* Абаев III, 67, лучше *son* ‘враг, противник’ Абаев III, 135): ИС Σανδαρζιος;
***sanda-xšatru** ‘воинственный по отношению к врагам’? (в связи с осет. *æxsar* Абаев IV, 225): ИС *Sandakšatru*;
***sanun-** ‘обладатель саны’: ИС Σανων (Пантикапей);
***sar-** ‘голова’ (ср. осет. *sær* ‘вершина, верхушка’, ‘голова, начало, крыша’ Абаев III, 75): античные глоссы σαραπαραι ‘головорезы’ у фракийцев, *chorsari* (*=qyzyl-bašy*) – наименование персов скифами, аланский царь Σαρωδ[σ]ης (VI в. н.э.), Σαρωδιος, Σαρωσους у Менандра и Феофана Византийского, название пирамидальной горы *Сори*;
***sarak-** ‘головной, главный’ (ср. осет. *sær* ‘голова, вершина, верхушка, начало, крыша’ Абаев III, 75): ИС Σαρακος, Στοσαρακος (Танаис);
***saragas-** ‘невредимый’ (ср. осет. *sær-ægas* ‘живой, здоровый, невредимый, целый’): ИС *Saragas*;
***saraxsas-** ‘умелый’? (ср. осет. гл. *saræxsyn* ‘управиться, справиться, приспособиться, не растеряться, суметь’): ИС Σαραξασος;
***sarma-** < ***sarəma-** ‘γυναικοκρατουμενοι’ (ср. авест. ИС *Sarəma-* > *Salm* сын Траэтаоны, родоначальник родо-племенной общности): этноним *Sarmatae*, ИС *Sarmata*;
***satrau̯a-ta** ‘вражеский’ (ср. др.-инд. *çatrava-* ‘вражеский, вражда’): ИС Σατραβατης (Фанагория IV в.);
***satraka-**? (иначе Абаев III, 216; IV, 127, 229): ИС Σατρακη – царь скифов за Согдианой (Arrian.);
***saur-khan-** ‘сухой, пересохший источник’ или ‘источник соленой воды, минеральный источник’ (осет. *sur* ‘сухой, просохший; сушь’, *sur kænyn* ‘высыхать’, или *swar* ‘минеральная вода, рассол, минеральный источник’ и *xan* ‘источник’): ист. *Сауpган* (Эклизи-Бурун, Чатырдаг);
***sʲāu̯-** ‘черный, траурный’ (ср. осет. *saw* ‘черный, траур’ Абаев III, 43): ИС Σαυαγος, Σαυαιωσος, Βαγδοσαυος, Σοζιρσαυος (Танаис), этноним Σαυδαραται ‘носящие траур’, Μελαγχλαινοι; северокавказский город שאוינא [šāwanā] (Ioseph);
***sʲau̯-ag-** ‘черный, траурный’ (ср. осет. *saw* ‘черный, траур’ Абаев III, 431, 347): ИС Σαυαγος, Σαυαιωσος, Βαγδοσαυος, Σοζιρσαυος (Танаис), этноним Σαυδαραται ‘носящие траур’ – Μελαγχλαινοι;

***s'au̯ana** 'черная, траурная' (ср. осет. *saw* 'черный, траур'): северокавказский город שואנא [šāwanā] (Ioseph);
***s'au̯ant-** 'ворон, грач' (восходит к осет. (дигор.) *сунт,* (ирон.) *сынт* 'ворон' < **syāvant-*, *syāvavant-* 'черный' Абаев III, 203–204): Адыгск. *цъвынды, цъвынд* 'ворон, грач';
***s'āu̯-dāra-ta** 'носящие черные, траурные одежды' (ср. осет. *saw* 'черный, траур', *sawdar, sawdaræg* 'носящий траур' Абаев III, 43, 44, *daryn* Абаев I, 347): этноним Σαυδαραται 'носящие траур' – Μελαγχλαινοι;
***sau̯amun-** 'начальник' (ср. хотан.-сак. *ssau*, тумуш.-сак. *sau* 'начальник' или осет. *sæumæ* 'утром, поутру'): ИС Σαυαμων (Танаис);
***sau̯rag- < *sau̯[a]raka-** 'утренний' или ***s'au̯-ragh-** 'с черным хребтом' (ср. осет. *sæwrag* 'утренний' или *sawraγ* 'с черным хребтом (о лошади)', в связи с осет. *raγ* Абаев II, 341): Σευραγος, Σαυραγως (Фанагория);
***saurəma-ta, *surma-ta** 'обитатели суши'? (осет. *sur* 'сухой, просохший; сушь'): этнонимы Σαυρομαται, Συρμαται, ИС Σαυροματης имена боспорских царей I–IV вв.;
***sauromaka-, *saurmag-, *surmag-** то же? (другое суффиксальное оформление, убедительных этимонов нет – 'чернорукие' в связи с осет. *saw* Абаев III, 43): имена царей Иверии *Sauromaces* (I–II вв.), *Saurmag* (I–II вв.), *Surmag* (I–II вв.);
***siagu-** 'великан, громада' (ср. осет. *siaq* 'великан, громада, великий, громадный', иначе в связи с гл. *syjyn* Абаев III, 191): ИС Σιαγους Σαρματα (Горгиппия);
***śi̯aina-** (ср. др.-инд. *śyena-* 'хищная птца, орел, сокол, ястреб', неубедительное толкование в связи с осет. *saw* Абаев III, 43): ИС Σιανος;
***śi̯ainag-** оформление сарматское (ср. др.-инд. *śyena-* 'хищная птица, орел, сокол, ястреб', неубедительное толкование в связи с осет. *saw* Абаев III, 43): ИС Σιαναγος;
***si̯au̯a-, *si̯au̯ak-, *si̯au̯ag-** 'черный' (ср. авест. *Sya(v)-varšana* 'черный самец', осет. *saw* 'черный; траур', в связи с осет. *Xsærtæg* Абаев IV, 229): ИС Σιαουος (Ольвия), Σιαυακος (Танаис), Σεαυαγος (Пантикапей);
***sigas-** (?): ИС *Ossigasas*;
***sirāk-** 'конь-иноходец' (ср. осет. *sirag* 'иноходец'): этноним (тотемический?) Σιρακοι, ИС Σιραχος (Ольвия);
***sog- < *sakha-** 'ветвь, сук; ответвление; отпрыск' (ср. др.-инд. *çākhā-* 'ветвь, сук; разновидность', *çākhin-* 'ветвистый, разветвленный, дерево', осет. *sug* 'полено, дрова'): ИС Σογος (Горгиппия, Пантикапей, Танаис), Ρασσογος (Танаис) < ***[f]raz-sog-**;
***sorak- < *sauraka-** 'преследователь' (ср. осет. *suryn* 'гнать, прогонять, выгонять, отгонять, нагонять, преследовать' Абаев III, 173): ИС Σωρακος (Пантикапей);

***soroz-** < ***saur-auz-**(?): ИС Σωρωζος (Ольвия);
***sorxak-** 'красный' (ср. авест. *suxra-* 'красный', осет. *syrx* 'красный, румяный, красновато-рыжий, гнедой, краснота', в связи с осет. диал. *surx* Абаев III, 209): ИС Σορχακος (Танаис);
***soxu-bazu-** < ***sauxu-bazu** 'сухорукий' (?): ИС Σωχουβαζος;
***sozir-** < ***sauzir-**? (упом. в связи с осет. *saw* Абаев III, 43): ИС Σοζιρσαυος (Танаис);
***spād-** 'войско' (осет. *æfsæd* 'армия, войско' Абаев I, 478): ИС Αμωσπαδος (Ольвия);
***spadak-**, ***spadag-** 'полководец, воевода' (осет. *æfsæd* 'армия, войско' Абаев I, 479): ИС Σπαδακος (Ольвия), Σπαδαγας (царь санигов у Арриана);
***spadin-** 'войско' (осет. *æfsæd* 'армия, войско' Абаев I, 478): ИС Σπαδινης (Strab.);
spara-**, ***sparo-**, ***sfaro-** 'напирать' (осет. *æfsær-yn* 'напирать, плотно укладывать, впихивать, набивать, утаптывать, оседать, врываться'): ИС Σπαροφοτος (Танаис), Σφαρο-βαις (Пантикапей), *Aspar* (Iordan.), *Rasparaganus rex Rhoxolanorum et Sarmatarum* (fra-spara-gan-** ср. осет. этниконы *Æfsæræg, Æfsærægon, Æfsærægtæ*);
***sparga-** 'отпрыск, побег; спаржа; лоза' (ср. авест. *spar(ə)ga-* 'отпрыск, побег'): ИС Σπαργαπειθης, Σπαργαπισης (Herodot.);
***sparga-pith-** 'отец рассеявшихся' (ср. иран. **sparg-* 'разбивать, рассеивать, лопаться, трещать, брызгать', ср. лат. *spargo*; др.-греч. σφαραγεω; др.-инд. *sphurjati*; лит. *spurgas* 'почка'; арм. *sphirkh-*; и вост.-иран. *pita* < и.-е. **pəter* 'отец'): имя скифского царя *Spargapithes*;
***spithama** (в связи с осет. *Sidæmon* Абаев III, 104): ИС Σπιθαμης;
***spota-gan-** < ***spauta-gan-** (?): ИС Σπωταγανος (Ольвия);
***stai-** (в связи с осет. *staj* 'барс, рысь' Абаев III, 144);
***stān-** 'стан, место стоянки' (ср. авест. *sθāna-*, др.-перс. *stana-*, осет. *-ston* 'местность, страна'): ИС Ουστανος (Танаис);
***stāu̯ak-** 'восхваляющий, прославляющий' (ср. др.-инд. *stava-* 'гимн, прославляющий божество', *stāva* 'хвала, панегирик, гимн', *stāvaka* 'восхваляющий, прославляющий', *stavana* 'восхваление', осет. *stawyn* 'хвалить, восхвалять, прославлять, славить'): ИС Σταυακος (Танаис);
***stau̯an-** 'хвала, слава, восхваление' (ср. др.-инд. *stava-* 'гимн, прославляющий божество', *stāva* 'хвала, панегирик, гимн', *stāvaka-* 'восхваляющий, прославляющий', *stavana* 'восхваление', осет. *stawyn* 'хвалить, восхвалять, прославлять, славить'): этноним Σταυανοι у Птолемея;
***stosarak-** < ***stau-sar-ak-**? (ср. др.-инд. *stava-* 'гимн, прославляющий божество', *stāva* 'хвала, панегирик, гимн', *sar-* 'женщина', иначе в связи с осет. *styr*, *sær* Абаев III, 75, 159): ИС Στοσαρακος;

***stor-mai-** 'большая, великая луна' или 'корова-луна' (ср. осет. *styr-* 'большой, взрослый, великий, крупный, огромный, грандиозный' или *stur* 'домашнее животное крупного рогатого скота' Абаев III, 159, 216): ИС Στορμαις (Танаис);

***storana < *staurana** 'корова'? (ср. осет. *stur* 'домашнее животное крупного рогатого скота' Абаев III, 159, 216): ИС Στορανη (Пантикапей);

***sturak-/styrak-** 'большой, великий' или 'бык, корова' (ср. осет. *styr-* 'большой, взрослый, великий, крупный, огромный, грандиозный' или *stur* 'домашнее животное крупного рогатого скота' Абаев III, 159, 216): ИС Στυρακος (Горгиппия);

***sturan-/styran-** 'большой, великий' или 'бык, корова' (ср. осет. *styr-* 'большой, взрослый, великий, крупный, огромный, грандиозный' или *stur* 'домашнее животное крупного рогатого скота' Абаев III, 159, 216): ИС Στυρανος (Танаис);

***su̯adan-** 'источник, родник'? (ср. осет. *swadon, swadættæ* 'источник, родник, ключ', **kan-* 'источник'): гидронимы *Суаткан, Суатхан, Суботхан* (если это не тюрк. *suwat* 'водопой');

***su̯apa** 'добрая вода'? (< индоар. **su-apa* 'добрая вода'?): гидроним *Свапа*;

***su̯ar-** 'минеральная вода' (ср. осет. *swar* [šwar] 'минеральный источник, минеральная вода'): гидроним *Шура* и таврический гидроним *Шор*;

***subliag-** (в связи с осет. *syvællon* 'ребенок, дитя' Абаев III, 213): ИС Συβλιαγος;

***sugd-** 'горелый, выжженный' (ср. осет. *syγd* 'пожар, горелый, выжженный'): МН Σουγδια;

***sugd-ab-** 'чистые воды' (ср. осет. *syγdæg* 'чистый (о воде)', *ab* 'вода'): МН *Sugdabon*;

***sugdai̯-** 'горелый, выжженный' (ср. осет. *syγdæg* 'чистый (о воде, шерсти), святой, безгрешный, невинный', *syγdon* 'пепелище', итал. форма *Soldaia* является фонетической адаптацией среднегреческой формы Σουγδαΐα [сугдайа], которая, в свою очередь восходит к восточно-иранскому (согдийско-ягнобскому) антецеденту **sugday* < < **sūgdaka-* 'согды, жители Согдианы'): этноним Σουγδαιοι, МН Σουγδαια, Город в западной части Хазарии סוגדאי [sugdai] (Ioseph);

***sugdak-** 'горелый, выжженный' (ср. осет. *syγdæg* 'чистый (о воде, шерсти), святой, безгрешный, невинный'): МН *Sugdak*;

***šul-dan-** 'вместилище столбов', 'изобилие терна', 'терновая река'? (из сармато-алан. **šul-* 'столб, бревно, острие, кол, колючка' и форманта *-dān* 'хранилище, место хранения', ср. алан. **dānak-* 'храм', общеиран. **baga-dānaka-* 'Храм' Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков 2, 50 или алан. композит типа *Шули-дон* (река), ср. иран. **dan[u]-* 'вода, река', осет. *don* 'вода,

река, сок'): МН ск. *Шулдан*, п.м. *Шулдан*, г. *Шулдан*-Бурун (Елли-Бурун, Эли-Бурун), срв. пещ. монаст. (Терновка, Севаст.);

***sur[u̯]- < *saura-** 'сухой' (ср. осет. *сур* 'сухой, просохший, сушь'): гидронимы *Сура* и *Сурова, Шура*(?);

***surx-kata-** 'красный город' (ср. авест. *suxra-* 'красный', осет. *syrx* 'красный, румяный, красновато-рыжий, гнедой, краснота', *kata* 'крепость'): МН *Solg(h)ato* (Ст. Крым);

***tāb-, *thābeisi̯-** 'очаг, тепло, греть' (ср. др.-инд. *tapa-* 'жгучий, горячий, зной, жар', *tāpa-* 'жар, зной', *tapasya* 'раскаленный, горячий', осет. *tavæg* 'согревающий', *tavs* 'теплота', *tavyn* 'греть' Абаев III, 237, маловероятно): скифский теоним Ταβιτι (Herodot.) богиня очага, ИС Θαβεις (Пантикапей);

***taka-** 'сильное течение' (ср. осет. *tæx* 'сильное течение'): МН Τυρι(σ)ταϰη (Героевка под Керчью);

***takata** 'потоки, ручьи' (из сармато-алан. **tākā-ta* 'потоки, ручьи', ср. осет. *tæx* 'сильное течение', др.-инд. гл. *takti* 'спешить, мчаться'): гидроним *Таката*, река в Партените (Семенов-Тяньшанский. Россия XIV, 757), *Така́та*, река в Алуште (Словник гідронімів України 553);

***takonda** 'спешащая' (ср. др.-инд. *tāku-* 'спешащий, торопящийся', осет. *tæx* 'сильное течение'): мн *Тако́нда, Takónda* (Braun 12);

***takta-saga-** (?) (в связи с осет. *taγd* Абаев III, 222): этноним Τεϰτοσαϰαι;

***tan(u)-** 'туловище, нижняя часть живота' (ср. осет. *tæn* 'нижняя часть живота'): ИС *Vaxtang* (Иверия V в.);

***tapar-** 'топор' (ср. перс. *tabar*, бел. *tapar*, арм. *tapar* 'топор', но осет. *færæt*): финно-угор. **tappara*, слав. **toporъ*;

***targitau̯-** ? (ср. митаннийское ИС *Tirgatawija*): ИС Ταργιταος (Herodot.);

***tarkan-, *tarxan-** 'воевода' (ср. крорайни *tarkkana-* 'чин, титул', в связи с осет. *tærxon* Абаев III, 276): МН *Астрахань, Тьмутаракань* (Тамань), *Алма-тархан* и *Тархан-кут* (Таврика);

***tars-kond-a** 'срубленный буковый лес, или срубленное из буков, строение из чинар' (ср. осет. *tærs* 'бук, чинара', *kond* 'сделанный, срубленный; строение', *kond qæd* 'вырубленный лес'): нп *Терскунда* (Краснолесье);

***taxsaki-** (в связи с осет. *tæxsæg* Абаев III, 285): ИС *Таксакис*;

***tirgatau̯a-** (?) (ср. митаннийское ИС *Tirgatawija*): ИС Τιργαταω (Polyen.);

***tu̯as-** (в связи с осет. *twas* 'шило' Абаев III, 327);

***θulo-gan(a)-** (?): ИС Θυλογανος (Танаис);

***tuna-** 'луч'? (в связи с осет. *tyn* Абаев III, 337);

***tura-, *turis-** 'быстрый, сильный, яростный' (ср. авест. *tura-*, в связи с осет. *tur* Абаев III, 319, **turis* – вероятно, не иранского происхождения): гидронимы Τυρας, Τυρης, Τυρι(σ)- ταϰη;

***turan-** 'туранцы' (ср. авест. имя сына Траэтаоны, родоначальника *Tura-*, форма мн.ч. *Turānam*): תורן [turan] - имя шестого сына Тогармы (Ioseph);
***tur-gan-irx-** 'овраг сильного источника' или 'овраг убийцы яростного' (ср. авест. *tura-*, в связи с осет. *tur* Абаев III, 319, см. *-gan, -khan*; *ærx*): МН Τουργανηρχ (DAI 42, 252);
***turik-kada-** 'какой-то лес'? (иначе в связи с осет. *turæ* 'жирный суп с мясом' Абаев III, 319): этноним Τορεκκαδαι;
***thursag-** 'эпоним племени' (?): этноним *Thyrsagetae* (Val. Flacc.);
***thuska-** 'клык, кабан' (ср. осет. *tusk'a* 'клык, кабан' Абаев III, 320): ИС Θυσκης (Ольвия);
***thus-sag-** эпоним племени (?): этноним Θυσσαγεται (Herodot.);
***u̯arg-, *urg-, *urgi̯a-** 'сильный, мощный' (ср. др.-инд. *ugra-* 'сильный, могущественный; очень большой, огромный; ужасный, чудовищный; суровый; силач, великан', *augrya-* 'страх, ужас', отсюда и англ. *ogre* 'великан-людоед', в связи с праосет. **wærg* Абаев IV, 94): ИС Ουργβαζος 'с мощными плечами' (Ольвия), Ουργιος (Танаис, Пантикапей), этноним сарматского племени Ουργοι 'силачи, великаны' (Ptol.);
***u̯āc-** 'слово, весть, речь' (ср. осет. *wac* 'весть, известие, новость, сообщение, проповедь'); ИС Καρζοαζος 'грозноречивый' (Ольвия), Οξαρδ-ωζις? (Танаис), Ουαχ-ωζακος 'благословящий' (Ольвия);
***u̯edri (< *u̯aidri)-xan-** (?): гидроним *Ведрихан*;
***u̯ah-** 'нрав, повадка' (ср. осет. *wæh* 'свойство, качество, нрав, повадка, мнение'): ИС Αρσηοχος (**arse-wæh*) 'медвежий нрав'? (Ольвия);
***u̯ahu-, *u̯ahu̯a-**, вариант ***hu-** 'хороший, добрый, благой' (и.-е. **su-*, **u̯esu-*): ИС Οχο-αρζανης (Танаис), Ουαχ-ωζακοζ (Ольвия); Οχωδιακος, Οχωζιακος (Танаис), Αρσηοαχος, Αρσηουαχος (Ольвия);
***u̯algasu-** 'пастух ягнят'? (в связи с осет. *wælygas* 'пастух ягнят' Абаев IV, 85): ИС Ολγασυς;
***u̯anad-** 'победитель'? (ср. авест. гл. *van-* 'побеждать'): ИС Βαναδασπος – царь племени языгов (Dion. Cas.);
***u̯ara-** 'избранный, жених, тот, кто сватается' (ср. др. инд. *vara-* 'избранный, самый лучший, ценный, любовник, жених, тот, кто сватается', в связи с осет. *wær* 'ягненок' Абаев IV, 87): ИС Ουαρας (Танаис);
***u̯aráan-** 'загон, огражденное убежище' (ср. др.-инд. *vrjana-*): топоним *Варачан*, арм. *varač'an*, др.-евр. ורשאן [waračan] (Golden, 244–246);
***u̯arāz-** 'вепрь, дикий кабан' (ср. осет. *wāraz* 'дикий кабан', к этой основе возводят имя героя Нартов *Wyryzmag*, возможно, напрасно): ИС Ουαροζβαλακος (Танаис);
***u̯arāzak-** 'вепрь, дикий кабан' (ср. осет. *wæraz* 'дикий кабан'): ИС Αυραζακος, Ουαραζακος (Танаис);

***u̯argadak-** 'насильник, суровый' (ср. др.-инд. *ugrata* 'насилие, суровость'?): ИС Ουαργαδακος (Ольвия);
***u̯arah-, *u̯ar[u]h-** 'широкий, просторный, широта, простор' (ср. др.-инд. *varas* 'широта, простор', осет. *wærœx* 'широкий, просторный, обширный', *wærx* 'ширина' Абаев IV, 90): имя Днепра у печенегов Βαρουχ (Const. Porphyr.);
***u̯arga-** (в связи с праосет. **wærg* Абаев IV, 93);
***u̯arik-, *urik-** 'ягненок' (ср. осет. *wær, wærykk* 'барашек, ягненок' Абаев IV, 87, 97): ИС Ορικος – скиф у Геродота;
***u̯arka-** (в связи с осет. **warg* Абаев IV, 93);
***u̯ars-** 'волосы, ворс' (ср. др.-перс. *varsa-* 'волос'): русск. *ворс*;
***u̯arun-** 'дождь, дождевой' (ср. осет. *waryn* 'дождь', *waryny don* 'дождевая вода'): таврический гидроним *Ворон*;
***u̯arz-** 'любить' (ср. осет. *warzyn* 'любить'): ИС Ουαρζβαλακος (Ольвия), Ουαροζβαλακος, Οχοαρζανης (Танаис);
***u̯arzana-** 'любимый, возлюбленный, любвеобильный' (ср. осет. *warzon* 'любимый, любовный, возлюбленный'): ИС Οχ-οαρζανης 'добро-возлюбленный' (Танаис);
***u̯ārzana-** 'движущийся': гидронимы *Барзна, Борзна, Ворзна*;
***u̯asto-** (ср. др.-инд. *vastu* 'рассвет' или 'место, участок земли, вещь, предмет' или *vastu* 'место, дом, покой, комната'): ИС Ουαστοβαλος (Танаис);
***u̯āta-** 'ветер' (ср. др.-инд. *vata-* 'ветер, бог ветра, воздух', осет. *wad* 'ветер; вихрь, буря'): теоним Ουαταφαρνης 'благодать Ветра' (Кубань);
***uərnə-** 'шерсть' (из вост.-иран. **vrnu-* 'шерсть'): фин.-угр. **vurun* 'шерсть';
***u̯idaka-** 'знающий' или 'корень' (ср. др. инд. *veda* 'знание, священное знание', иначе в связи с осет. *widag* 'корень' Абаев IV, 106): ИС Βιδακης (Пантикапей);
***(u̯)ohu-** 'добрый, благой, хороший' (ср. авест. *vohu-* 'добрый, благой, хороший'): ИС Οχοαρζανης, Οχωδιακος, Οχωζιακος (Танаис);
***u̯oru-** 'широкий, обильный, сильный' (ср. др. инд. *uru-*, авест. *voru-* 'широкий, просторный, обильный', океан *Vorukaša* 'Широкий заливами'): ИС Οροφερνης (**u̯oru-farna*) (Пантикапей);
***u̯oru-farna** (см. ***farna**): ИС Οροφερνης (Пантикапей);
***u̯oru-fazi-** 'широкая равнина': ИС Οροφαζιος;
***u̯oru̯ant- < *auru̯ant-** 'быстрый, сильный, отважный': ИС Οροντης (Ольвия);
***urg-baz-** 'с мощным плечом' (в связи с осет. *onœxsar* Абаев II, 228): ИС Ουργβαζος;
***xabu-xšin-?** (на основе осет. историч. **xsin* 'княгиня' Абаев IV, 236 и IV, 248): венгерское подразделение χαβουξιγγύλα (DAI);

***xanaka-** ‘дом, жилье’ (ср. согд. *xanak-*): ИС Χαναϰης (Пантикапей);
***xān-** ‘родник, ключ, яма, выкопанное’ (ср. в.-иран. *xan-* ‘исток, ключ’): гидронимы *Ведрихан, Сабутхан, Самоткань, Суатхан, Суботхан, Хан, Мордогонова*;
***xar-aspa-** ‘мул’? (в связи с осет. *xærgæfs* ‘мул’ Абаев IV, 180): ИС *Charaspes*;
***xarāxs-, *xarāxst-** ‘рыдание, причитание над мертвым’? (ср. осет. *qæraxst* ‘рыдание’): МН на Таврическом п-ве Χαραξ, ИС Χαραξηνος (Ольвия), Χαραξτος (Танаис);
***xarti-slau̯** ‘быстрое течение’? (ср. праслав. **хъrtъ* ‘скорый’): гидроним *Хартислова*;
***xāzarat-** ‘тамарисковые или тростниковые заросли’ (ср. осет. *qaz, gaz* ‘тамариск, камыш, камышовые заросли, лес’): название городка *Xazarat, γazarat* между Кафой и Сурхатом в ср.-армян. источниках;
***x-iza-** или ***x-izi-** (в связи с осет. *xicæ* Абаев IV, 198);
***xōd(i)-, xod(a)-** ‘шапка, колпак’ или ‘смеяться, смеющийся’ (ср. др.-иран. *xauda-*, ср.-перс. *xod*, осет. *xud* ‘головной убор, шапка, колпак’ или осет. диал. *xodyn* ‘смеяться”, *xodæq* ‘смеющийся’): ИС Χωδαρζος, Χωδοναϰος (Танаис), Χοδαινος, Χοδεϰιος (Горгиппия), Χοδιος;
***xoi-** или ***hu̯ai-** (в связи с осет. *xojyn* ‘бить, толкать’ Абаев IV, 212);
***xauxak-** ‘горец’ (в связи с осет. *xox* ‘гора’ Абаев IV, 223): ИС Χαυχαϰος;
***xšai-, *xše-** ‘властвовать, княжить, князь’ (ср. др.-инд. *kṣaya-* ‘живущий, проживающий, обитающий’, *kṣi-* ‘владеть, обладать, иметь власть, править’, *kṣaita-* ‘глава рода, племени, правитель’, авест. *Yima-xšaeta-*, *Jam(x)šed* ‘сиятельный, блистательный Йима’ (м.б., пора пересмотреть эту этимологию с учетом др.-инд. данных?), или, вернее, ‘Йима-правитель племени’, на основе осет. историч. **xsin* ‘княгиня’ Абаев IV, 236 и IV, 248): ИС Αρπο-ξαις, Κολα-ξαις, Λιπο-ξαις (Herodot.), Ξαιορσαζης (Пантикапей), Ξησσαγαρος (Ольвия), Ξη Φαρνουγ (царь Иверии II в. н.э.), Σαιος < **Xsai̯-* (Пантикапей), этноним Σαιοι < **Xsai̯-* (скифское царское племя в Ольвии);
***xšarth(a)-** ‘власть; победа; сила; доблесть, отвага; относящийся к воинскому сословию’ (ср. др.-перс. *xšatra-*, авест. *xšaθra-*, в связи с осет. *xsar*, *æxsar* Абаев IV, 225): ИС Αλη-ξαρθος (Фанагория), Δανδα-ξαρθος (Березань), Διδυμο-ξαρθος Δοσυμο-ξαρθος (Танаис), Καινα-ξαρθος, Κηνε-ξαρθος (Ольвия), Φαρνο-ξαρθος (Танаис);
***xšartam-?** (в связи с осет. *xsar*, *æxsar* Абаев IV, 216, 225): ИС Ξαρταμος (Ольвия);
***xšarthan-?** (в связи с осет. *Wyryzmæg* Абаев IV, 127, 216): ИС Ξαρθανος (Ольвия);

***xšaith-** 'владыка' (ср. согд. *ixšēδ*, алан. *[i]xšīd*, *[i]xšēd*, авест. *xšaeta-* 'князь, владыка', *Xuršed* 'солнце-князь', др.-инд. *kṣaita-* 'глава рода, племени, правитель'): ИС Χοροξαθος (Танаис) (из **Xoro-xšaitha-* ~ авест. *Xuršed*), Ξησσαγαρος < **xseδ-sagar-*? (Ольвия) арм. *i-šat'-ay xazr-e*, *šat'n*, *šat 'ayn* хазарские владыки, араб. передача хазарского титула ايشه ['išâ'], ايشاد ['išâd] (Golden 206–208);

***xšatr-** 'воитель, царь' (ср. др.-инд. *kṣatrya-*, в связи с осет. *xsar* Абаев IV, 225): ИС *Sandakšatru*;

***xsatrai̯a-** 'знать, смыслить, понимать толк, уметь', 'видеть, помнить', 'смотреть, быть осмотрительным, внимательным', 'беречь, экономить, оберегать, блюсти, соблюдать' (туран. незасвидетельствованный отыменный глаг. **xšatraya-*, ср. авест. *xsaθra-* 'владение, господство, власть, царство', др.-перс. *xšaça-* 'царство'): Польск. диал. *szatrzyć* 'знать, смыслить, понимать толк, уметь', *szatrać* 'видеть, помнить', ст.-польск. *szatrzyć się* 'смотреть, быть осмотрительным, внимательным', чеш. *šetřiti* 'беречь, экономить, оберегать, блюсти, соблюдать';

***xšatraka-** 'воинский'? (в связи с осет. *Wyryxmaeg* и *Æxsœrtœg* Абаев IV, 127, 229): ИС Σατρακης;

***xšaz-** (в связи с осет. *œxsœz* Абаев IV, 233);

***xu̯ar-, xu̯ār-** 'есть, кушать' или 'хлеб в зерне, ячмень' (ср. осет. *xwœryn* 'есть, кушать'): ИС Χουαρσαζος (Ольвия), Χοαργαρος (Танаис);

***zabag-** (в связи с осет. *dzœwydzyqœw* Абаев I, 395): ИС Ζαβαγος;

***zala** 'осока' (ср. осет. *dzala* 'осока'): г. Цала (693 м) (над Загорским водохран., близ нежил. нп Шелковичное);

***zantik-** 'происходящий из племени' (ср. авест. *zantu* 'племя'): ИС Ζαντικος – князь племени языгов (Dion. Cas.);

***zarand-** 'старец, старейшина' (ср. осет. *zœrond* 'старый, старинный, древний, архаичный; старик; старость' Абаев IV, 305): ИС Ζαρανδος (Танаис);

***zarina-** 'золотая' (ср. осет. *zœrin* 'золотой'): ИС Ζαρινα – царица саков у Ктесия;

***zarni̯a-** 'зерно' (из вост.-иран. **zar(a)nya-* 'золото, желтое', пашто *zanai* (<**zrna-ka*) 'зерно' сопоставимо с праслав. **zrьno* 'зерно'): фин.-угр. **zarni* 'золото';

***zel-** 'шёлк'? (в связи с осет. *zœldag* 'шёлк' Абаев IV, 294);

***zevak-** 'ленивый' (ср. осет. *ziwœg* 'лень, ленность' Абаев IV, 312): ИС Ζευακος (Танаис) ср. имя сановника в Иверии *Zevax* (II в. н.э.);

***zirin-** 'выкуп' (ср. авест. *zaranya-*): античная глосса ζιριν – выкуп у савроматов по Лукиану;

***zorsan-** (?): ИС Ζωρσανος (Ольвия);

***žo-pan-, *žu-pan-** ‘жупан, титул’ (из вост.-иран. *gəu-pan-* ‘пастырь’): надпись греч. букв. из Преславы ζωπαν (Benzig 689–690, Байчоров 129–130), форма ζοαπαν – результат вост.-роман. посредства, и составляющая в названиях венгерских административных единиц τζοπον (DAI) – то же самое.

***zura-** ‘сила, насилие, сильный’(?): ИС Ζουρης, Zures (Тира).

Примечания

[1] Авеста в русских переводах (1861–1996). Спб., 1998; Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М., 1997; *Рак И.В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.-М., 1998; *Фирдоуси.* Шах-наме. Т. 1. М., 1991.

[2] *Геродот.* История. В 9-ти кн. / Перевод и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972, 190.

[3] *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992; *Грантовский Э.А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.

[4] Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989; *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму. Свод археологических источников. М., 1991.

[5] *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven.I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923; *Орел В.* К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга // ВЯ 1986, № 5.

[6] *Абаев В.И.* Культ “семи богов” у скифов // Избранные труды. Владикавказ, 1990, 89–90.

[7] *Шапошников А.К.* Старый добрый болгарский Коктебель (история, филология, культура). Симферополь, 1999, 50.

[8] Там же.

[9] *Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 293.

[10] *Busbequii A.G.* Legationis turcicae epistolae quatuor etc. Hanoviae MDCV.; *Kuun G.* De glossis goticis apud Busbequium // Codex Cumanicus. Budapestini Editio Scient.Academiae Hung., 1880, 239–244.

[11] *Шапошников.* Указ. соч., 50.

[12] Там же, 50.

[13] Там же, 50–51.

[14] Νυσταζοπουλο Μαριας Γ.‘Η’εν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδα ΐα’ ἀπὸ τοῦ ΙΓ μέχρι τοῦ ΙΕ αἰῶνος. ’Αθῆναι, 1965, 146–147; *Шапошников.* Указ. соч., 51.

[15] *Трубачев О.Н.* Рец.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. 2. 448 с. // ВЯ 1975, № 1, 135.

[16] Иначе: *Haussig H.W.* Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker // Byzantion. T. XXIII, 18–19; *Хауссиг Г.В.* К вопросу о происхождении гуннов // Византийский Временник, Т. 38, М., 1977, 621.

[17] SDIOS I, 316.

[18] DAI 42, 252.

[19] *Keil H., Hertz M.* Grammatici Latini II, III, Leipzig, 1855/1859.

[20] *Vernadsky G.* Ancient Russia.New Haven, 1943, 148.
[21] *Бертье-Делагард* 1915, 254, *Отин Е.С.* Топонимия приазовских греков..., 81.
[22] *Семенов-Тяньшанский.* Россия XIV, 757; Словник гідронімів України 553; *Эдельман Дж.И.* Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. М., 1986, 136.
[23] Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). София, 1978.
[24] Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК № 6. Симферополь, 1888.
[25] Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 годах академика П.С. Палласа (перевод с нем.) // ЗООИД. Одесса, 1881. Т. XII, 208, 212; Бертье-Делагард А.Л. // ЗООИД, Одесса, 1886. Т. XIV, 200.
[26] *Афанасьев Г.Е.* Буртасы // Исчезнувшие народы. М., 1988, 85–96.
[27] *Girschman R.* L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens. Leiden, 1977, 45, 70, 73; *Harmatta J.* Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2-nd millenium B.C. (Linguistic Evidence) // Ethnic problems of the history of Central Asia in the Early Period. Moscow, 1981, 76.
[28] *Климов Г.А.* Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994, 71.
[29] Там же, 140–141.
[30] *Müller Fr.* Kleinere Mitteilungen // Wiener Zeitschrift fur die Kunde des Morgenlandes. Bd. XIV, 1897, 204.
[31] *Климов Г.А.* Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков.
[32] *Худадов В.Н.* Халды-урартийцы после падения Ванского царства // ВДИ, 1938, 2(3), 126.
[33] *Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989, 158.
[34] Там же, 160.
[35] *Миллер В.Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. I. Л., 1927, 173.
[36] *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965, 27.
[37] *Шагиров.* Указ соч., 165–166.
[38] *Пьянков И.В.* Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). Душанбе, 1982, 66.
[39] *Golden.* Указ. соч., 155–156.
[40] *Ross A.S.C., Berns J.* Germanic // Indo-European Numerals. Ed. by J. Gvozdanović. Trends in Linguistics. Studies and Monographs 57 (Ed. W. Winter). Berlin-New York, 1992, 620, 682, notes 319–320.
[41] *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977; *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань, 1990, 50, 59.
[42] Восточное серебро. Атлас древней серебряной золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. XX, 46.
[43] *Менандр Протектор, Симокатта Ф.* История. Кн. 7, прим. 27, с. 265.
[44] *Пьянков И.В.* Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). Душанбе, 1982, 66.
[45] Ср. *Воробьева-Десятовская М.И.* Хотано-Саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992, 32–76, 58.
[46] *Иванов В.В.* Указ. соч., 14.
[47] *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. 129; *Németh J.* Die Inschriften. 51.

[48] См.: *Добрев П.* Стопанска култура на прабългарите преди заселването им в нашите земи (доклад на Първия конгрес по българистика в 1981 г.).
[49] *Шапошников*. Указ.соч. 25–30, 53–55.
[50] См.: A magyar nyelv töténeti-etimológiai szót'ra, I, Bdpst, 1967.
[51] См.: *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965 или // *Абаев В.И.* Избранные труды Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995; *Абаев В.И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981. Вопросы иранистики и алановедения (научная конференция, посвященная 90-летию В.А. Абаева). Тезисы докладов. Владикавказ, 1990; *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М., 1988; *Воробьева-Десятовская М.И.* Хотано-Саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992, 32–76; *Зализняк А.А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962, 33–41, 41–44. *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967, 3–56.
[52] *Henning W.B.* Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik.Abt. 1, Bd. 4. Iranistik. Abschnitt I.Linguistik, Leiden-Koln, 1958, 116; *Трубачев О.Н.* Из славянско-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М., 1967, 44–47; ЭССЯ 26, 91–92; *Эдельман Д.И.* Иранские и славянские языки: исторические отношения / Д.И. Эдельман. М., 2002. 230 с., особенно раздел Лексика, 142–194.
[53] *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965, 46 и сл.
[54] Там же, 47–51.
[55] Там же, 51–55.
[56] *Trubačev O.N.* Gedanken zur russischen Ausgabe von Vasmers Russischem Etymologischem Wörterbuch // ZfSlPh, Bd. XLVI, Heidelberg, 1986, 373.
[57] *Трубачев О.Н.* Рец.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, 134–135.
[58] *Трубачев О.Н.* Из работы над русским Фасмером. К вопросам теории и практики перевода // ВЯ 1978, № 6, 19; *Trubačev O.N.* Gedanken zur russischen Ausgabe von Vasmers Russischem Etymologischem Wörterbuch // ZfSlPh, Bd. XLVI, Heidelberg, 1986, 378.
[59] См.: *Семереньи О.* Славянская этимология на индоевропейском фоне // ВЯ 1967, № 4, 23. *Трубачев О.Н.* Рец.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, 134.
[60] См.: *Pohl H.-D., Поль Х.-Д.* Слова иранского происхождения в русском языке // Russian linguistics 2, 1975; *Эдельман Д.И.* Иранские и славянские языки: исторические отношения. М., 2002. 230 с., особенно раздел Лексика, 142–194.

Г. Шустер-Шевц

ПРАВОМЕРНО ЛИ РАЗДЕЛЕНИЕ ПРАСЛАВ. **KRINICA/*KRYNICA* 'КОЛОДЕЦ, ИСТОЧНИК' И **KRIN(ICA)*, **KRYN(ЪKA)* 'СОСУД'?

В своей монографии 1969 г. о славянской ремесленной терминологии[1] О.Н. Трубачев попытался доказать, что представленные в славянских языках названия для источника (**krinica/*krynica*) и сосуда (**krin*[*ica*], **kryn*[*ъka*]) не являются тождественными, как это до тех пор преимущественно признавалось, а речь идет о двух различных этимонах, семантические поля которых должны рассматриваться раздельно. То же толкование дается и в "Этимологическом словаре славянских языков", который он редактировал: "Выдвигая для **krinica/*krьnica* 'родник, колодец' особую этимологическую гипотезу – субстантивизацию с суф. *-ica* первоначального прич. прош. страд. **krьnъ/*krъnъ* 'выкопанный, вырытый' [...], мы видим целесообразность раздельной лексикографической трактовки этих названий и названий сосудов с основой **krin-*. Что касается этимологии этой последней (в **krina*, **krinъ*, **krinovъ*, **krinica*, **krinъka*), то вряд ли окажется удовлетворительной однозначная атрибуция к и.е. **ker-* 'резать, вырезать' (ср. Machek[2] 413: *okřín*) при поддержке констатации значений 'долбленая деревянная посуда' у некоторых слов этого гнезда" (ЭССЯ 12, 158).

Это утверждение не соответствует, по нашему мнению, настоящему положению дела и потому недостаточно обосновано. Гораздо убедительнее более старое, разделяемое большинством этимологов суждение, согласно которому обе группы восходят к одной и той же и.-е. основе **(s)krin-* (Berneker I, 617; Sławski III, 199–201, с прочей литературой), хотя и здесь далеко не все вопросы решены однозначно. Это относится, прежде всего, к семантическим различиям, наряду также с этимологическим истолкованием самой основы слова, которая обычно приводится в связи с лат. *scrīnium* 'круглый ящик, ларец' (*'круглый сосуд') (Vasmer I, 664), что О.Н. Трубачев рассматривал как маловероятное, оставляя поэтому латинское слово в стороне ("По всей вероятности, лат. *scrīnium* как культурный термин лучше оставить в стороне" – ЭССЯ 12, 167), – толкование, которое должно быть аргументировано, но с которым нельзя согласиться.

В нашем "Историко-этимологическом словаре верхне- и нижнелужицкого языка" (Schuster-Šewc 700: в.-луж. *křinja*, н.-луж. *kśinja*) мы относим производящую корневую морфему **(s)krin-* к и.-е. **(s)krī-* 'резать, разделять' и определяем исходное значение как 'выдолбленный деревянный сосуд' (ср. подобное уже в Machek[2] 337:

okřín). Это толкование мы можем теперь расширить, так что следует исходить не из значения 'резать, разделять', а из 'поворачивать, сгибать'[2] с конкретизацией 'плести', что ведет прямо к древней примитивной технике плетения, а это дает возможность восстановить для **(s)kri-n-* в качестве исходного значение 'сосуд, изготовленный из лыка, древесной коры и подобных материалов для плетения'. Элемент *-n-* в **(s)krin-* – это древний корневой детерминатив, как в **kli-n-*, **kle-n-* и под. Старая семантика плетеного просматривается еще в целом ряде значений, зафиксированных для славянских лексем: ср. чеш. *křinka* 'соломенное блюдо' (сплетенное из соломы), рус. *крина, кринка* диал. 'горшок, обвитый берестой', болг. *крина* 'мера для зерна; сосуд из коры для сбора ягод', с.-хорв. стар. *krina* 'мера для зерна; сосуд с крышкой', словен. *krínja* 'кадка для муки', уменьш. *krínjica*, диал. *krníca* (< *krinica*) 'квашня; давильный чан' и др.[3] На значение 'сплетенный сосуд' указывают также славянские префиксальные образования типа чеш. *okřín* 'миска, горшок; давильный чан', н.-луж. *wokśin* (разгов. *hokśin*) 'лохань, корыто' и ст.-слав., др.-русск. *окринъ* 'чаша' < **o(b)-krinъ*. О.Н. Трубачев также усматривает эту связь ("В них просматривается и органическое родство с семантикой плетения" – ЭССЯ 12, 158), однако не делает из этого необходимых выводов и полагает, что свидетельствующие о "керамическом (глиняном)" происхождении сосудов значения (ср. русск. *кринка* 'горшок для молока', укр. криновка 'сковорода', чеш. *křínka* 'сосуд' , ст.-слав. крин҄ица 'сосуд, кувшин' и т.п.) являются первичными ("Керамические значения производных типа **kr-in-* явно более древни" – ЭССЯ 12, 158). Он относит **kr-* из **kr-in* как нулевую ступень к и.-е. основе **ker-* 'резать, вырезать' и указывает на якобы родственные **černъ* 'род очага, кузнечный горн', **čerpъ* 'глиняный сосуд' и **po-krǫtъ* 'сосуд' ("тоже название сосуда"), которые, по нашему мнению, должны быть оставлены отдельно. Напротив, о прямой связи с и.-е. основой **(s)krī-* 'поворачивать, плести', содержащейся в праслав. **krin-* 'плетеный сосуд', свидетельствуют в.-луж. *křída* 'сито', н.-луж. *kśida* то же (праславянский диалектизм лужицких языков) < **krida* (форма без *s-mobile*), только в этом случае вместо *-n-* выступает *-d-* детерминатив (**kri-d-*). Сито также было первоначально родом решетки, плетеной из лыка или полосок коры, использовавшейся для отделения более крупных частиц. Ю. Покорный относит это слово к и.-е. **skrě(ē)i-* 'резать, отделять' и толкует как 'разделение при помощи сита крупного и мелкого' (Pokorny I, 945). По нашему мнению, к тому же и.-е. гнезду **(s)krī-d-* с основным значением 'поворачивать, плести' принадлежит также славянское обозначение крыла **kridlo*, только с дополнительным словообразовательным суффиксом *-l-* (а не **-dl-*, как по преимуществу – и ошибочно – считается). Следует исходить из мотивации 'совершать

колебательные, круговые (вращательные) движения', ср. лит. *skrindù, skrìsti* 'лететь, кружиться', *skridinė́ti* 'кружиться (о птицах)' (Pokorny I, 937).

В связи со сказанным совершенно необоснованным является предпринятый О.Н. Трубачевым[4], как и В. Махеком (Machek[1] 449), отрыв славянских форм с начальными *sk-* типа *skrin'a* (ср. укр. *скриня* 'ящик, сундук, ларец', польск. *skrzynia* то же, польск. *skrzynów* 'круглый деревянный сосуд, миска', чеш. *skřín*, ст.-чеш. *škřině* 'предмет домашнего обихода вроде ларя' и т.п.) и их возведение к др.-в.-нем. *scrīni* 'сундук' ("Несомненно влияние в отдельных случаях формы *skrin'a*, заимствованной из др.-в.-нем. *scrīni* 'сундук' и получившей почти общеславянское распространение"[5]). Древневерхненемецкое слово, как и лежащее в его основе лат. *scrīnium* 'цилиндрический корпус, (церковный) ларец', – только родственны со славянскими формами! И упоминаемое О.Н. Трубачевым в той же связи в.-луж. *křinja* '(расписной) ларь, сундук', н.-луж. *kśinja* не должно восходить к более древнему **skriňa*, а может отражать вариант с началом без *s-mobile* (**krin-*). В обоих случаях (**krin-* и **skrin-*) представлены тождественные славянские формы, которые, как уже было подчеркнуто, обе восходят к праслав. *(*s)kri-n-* со значением 'поворачивать, плести' > 'плетеный из лыка, древесной коры и т.п. или витой сосуд', причем, однако, позднée, в отдельных славянских языках и диалектах произошли семантическая специализация и переносы названия, и порожденное новой производственной техникой вторичное значение 'изготовленные из дерева или глины сосуды или ящики' все больше выступает на первый план.

Вернемся, однако, к вышеупомянутой основе **(s)krin-*, которая, как уже было сказано, в суффиксальном производном **krinica*/**krynica* в славянских языках значит также 'источник'. Речь идет при этом об общеславянском названии, которое, вопреки внушению О.Н. Трубачева, не ограничено прежде всего украинским языком и, соответственно, юго-западной частью восточно-славянских языков ("Можно ставить вопрос о почти исключительно украинском ареале [или, точнее, об ареале, охватывающем первоначально только юго-запад восточнославянской территории] форм, действительно связанных с укр. *крини́ца*")[6]. Упомянутое укр. *крини́ца* (диал. также *кирниця, керниця*) не может поэтому возводиться к предполагаемому им гипотетическому **kъrnь*/**kъrnъ* (якобы первоначально форме пассивного причастия от незасвидетельствованного глагола) с корнем и.-е. **kr-*/**ker-* 'рыть, копать', причем в качестве мотивации принимается 'вырытое' (> 'колодец, источник'). И нет никакого родства с праславянским обозначением крота **krъtъ* (рус. *крот*, польск. *kret*). Неясно, наконец, почему два украинские диалектизма *кирниця, керниця* должны быть доказательствами ограничения территории

слова украинским языком и смежными юго-западными диалектами русского языка, тогда как перестановка *-ry-* > *-yr-*, *-er-* является однозначно специфическим украинским диалектным процессом, ср. укр. диал. *кирвавий, кервавий* < *кривавий*.

Отрыву лексемы **krinica* 'колодец, источник' от других славянских слов с той же основой противоречит не только чисто гипотетический характер реконструкции, но и достоверно общеславянское распространение слова, ср. польск. стар. *krzynica*, соврем. *kryniсa* 'источник', полаб. *krênéića* то же, словен. *krníca* (< *krinica*) 'глубокое место в воде, водоворот', рус. диал. *криница* 'источник, колодец, огороженный ключ, бьющая ключом вода; неглубокая впадина, где собирается грунтовая вода; колодец на водоносной жиле, в которую установлена емкость (чан, бочка)', сюда же топонимические данные: кашуб. *Skřinka* 'название озерка' (в Подъяздах, округ Картузы – *Sychta* V, 64), чеш. *Křinec* и *Křinice* местн. названия[7], ст.-луж. *Krienitz* – местное название в округе Баутцена (1528 *Krynnietz*, 1672 *Krünitz*, 1721 *Crönitz*), соврем. в.-луж. *Króńca*, *Crinitz*, в округе Лукау (1295 *Krinitz*), *Kreinitz*, сев.-вост. Штрела (1298 *Crinitz*, 1310 *Crinicz*, 1460 *Krynitz*). Старолужицкая и старополабская топонимия предоставляют также данные без суф. *-ica*: ср. *Kreina*, юго-вост. Ошатц (1334 *Cryne*, 1378 *Kryne, Cryne*), *Krina*, у Грефенхейнихен (1531 *Kryn, Krina*)[8], полаб. *Krien*, округ Анклам (1253 *Krina*), *Krien*, округ Штолп (1266 *Crin*)[9].

Колодец также был первоначально источником, ключом, огороженным плетнем или деревянным обрамлением и поэтому это слово может семантически бесспорно включаться в ряд славянских лексем со значением 'сосуд, емкость', восходящих к **(s)krin-*. Ср. подобную мотивацию (обрамленный деревянными досками) в праслав. **kăldęzь* (рус. *колодец*).

Требует объяснения представленный наряду со **(s)krin-* вариант **(s)kryn-*, с *y*(< *ū*), ср. др.-рус. *крыня, крыница* 'колодец, источник', рус. диал. *крынка, крыночка* 'небольшой горшок с узким горлом для молока', 'горшок, оплетенный берестой', блр. *крынiца* 'источник, колодец', *скрыня* 'сундук, ларь', а также с детерминативом *-d-* и отличным значением рус., блр. *скрыль* 'щепка, стружка, ломоть хлеба' < **skrydlь*, как рус. *крыло* (птицы или здания), диал. также 'крыльцо; отвал плуга' (ср. с *-i-* в.-луж. *křidlica* 'отвал плуга', н.-луж. *kśidło*, диал. *kśiło* то же) и укр. *крило* 'крыло' (здесь *y* может, однако, восходить к **i*) < **(s)kryd-l-*. Тот же параллелизм *i* и *y* встречается и в области топонимии, ср., например, **y* в *Krynnietz, Crinitz, Krünitz* и **i* в ср.-нем. *Kreinitz, Krein* (*ei* = *i*), н.-нем. *Crin, Krien* (*ie, i* = *i*).

Славянские формы с *y*-вокализмом представляют собою, вероятно, древний, восходящий еще к индоевропейскому языку аблаут-

ный вариант с *ū- вокализмом (Schuster-Šewc 701; Pokorny I 947: *(s)kreu-). И в этом случае также нет существенного разделения значений 'резать, отрывать (отщеплять)' и 'плести'. Это один из случаев древнего, относящегося еще к индоевропейскому языку отклонения корневого вокализма, а никак не позднее развитие в отдельных языках, как считает Фасмер (Vasmer I, 664), который исходит из влияния со стороны рус. *крыть*.

Примечания

[1] См.: *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, 221–227 (Далее – Трубачев. Ремесл.).

[2] Оба значения очень близки друг к другу, см. (Pokorny I, 935–936).

[3] В настоящей статье можно отказаться от перечисления всех известных примеров. См. материалы этимологических словарей отдельных славянских языков.

[4] Ср.: *Трубачев*. Ремесл. 222.

[5] Там же.

[6] Там же, 224.

[7] *Profous A.* Mistní jména v Čechách. D. II. Praha, 1949, 399.

[8] *Eichler E.* Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neise. Bd. 2 (K – M). Bautzen, 1987, здесь же другие материалы.

[9] *Trautmann R.* Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Bd. 2. Berlin, 1949, 14.

Перевела с немецкого Ж.Ж. Варбот

Д.И. Эдельман

ЕЩЕ РАЗ О КАВКАЗСКОМ НАЗВАНИИ ПЛУГА*

В статье А. Лома "К этимологии кавказского названия плуга"[1] автор опирается на сведения, которые приводит В.И. Абаев в своем "Историко-этимологическом словаре осетинского языка", в статье *gūton* | *goton* 'плуг' (Абаев I, 527), а именно на названия (сохраняю здесь транскрипцию В.И. Абаева): арм. *gutan*, курд. *kotan*, азерб. *kotan*, груз. *gutani*, абхаз. *a-k'ₒatàn*, авар. *kutan*, удин. *kotan*, дарг. *gutan*, вейнах. *gwota*, балкар. *gotan*. В.И. Абаев трактует их в качестве примеров общекавказского слова неизвестного происхождения, отмечая при этом, что данные слова обозначают "особое, более усовершенствованное или тяжелое орудие пахоты, в отличие от обычной

* Статья подготовлена в рамках финансируемого РГНФ проекта № 02-04-00071а.

сохи, для которой имеется другое, оригинальное название", и приводя различные возможности этимологической интерпретации этих слов, с учетом данных разных языков (Абаев, там же).

А. Лома, рассмотрев мнение В.И. Абаева и других известных исследователей, анализировавших различные возможные источники происхождения слова и заимствования его в кавказские языки, в конце статьи приходит к справедливому выводу, что источник заимствования кавказского названия плуга следует искать в иранском языковом мире.

Вместе с тем, эти кавказские слова – в значительно большем количестве языков – уже подвергались исследованию этимологами-кавказоведами. В 1990 г. в статье Г.А. Климова и А.К. Шагирова "Общекавказское название плуга"[2] авторы ее рассматривали не только собственно лингвистический аспект проблемы, но и экстралингвистический, а именно принадлежность этого слова к субстантивам, входящим "в состав так называемого культурного словаря", которые засвидетельствованы не только в автохтонных кавказских языках, но и в других языках региона; кроме того, авторы учитывали результаты исследований этнографов о характере и ареалах распространения самой реалии.

Поскольку эта статья была опубликована в сборнике, малодоступном в наши дни, представляется целесообразным привести здесь перечень слов, рассмотренных авторами (с сохранением их написания в статье, которое в большинстве северокавказских языков следует принятой орфографии): картвельские языки: груз. *гутани*, мегр. *гутани, гуртани*, сван. *гутан*; абхазско-адыгские языки: абхаз. *а-кватана* (бзыб.), *а-кIватан* и *а-гвтан* (абж.), абазин. *кIватан*, *а-кватан*, в адыгской ветви этих языков: бесленеевский диалект и малокабардинский говор кабардинского языка *куэтэн*, в кабардинском и в речи черкесов – в составе сложного слова *куэтэншэрхъ* 'малое колесо однолемешного плуга'. В нахско-дагестанских языках слово представлено двумя разновидностями – с начальным звонким: в нахских языках и в некоторых цезских – цез., гунзиб. *гутан*, бацб. *гутан* 'плуг'; ингуш. *гуота*, чеч. *гуота* (мн.ч. *гуотанаш*) 'плуг с приспособлениями для упряжки' и – в большинстве других языков – с начальным глухим согласным: например, такие дагестанские формы, как авар., лакск., дарг., табасар., арчин., будух. *кутан*, лезгин. *куьтен*, удин. *кӧтäн*. Из слов неавтохтонных языков здесь отмечены арм. *гутан*, осет. ирон. *гӯтон*, дигор. *готон* и примыкающие к дигорскому балкарские *гатон, готон*, несколько преобразовавшие вокализм дигорского слова. Формы с начальным глухим отмечены в татск. *кутан*, талыш. *кутəн*, *котəн*, азерб. *котан*, кумыкск. диал. *кутан*, и также в курд. *котан*, сирийск. (урмийский диалект) *кутан*, в турецко-анатолийском *кутан*[3].

Авторы отмечают, что этим словом обозначается сложная железная конструкция – так называемый тяжелый плуг, в который впрягаются несколько пар волов и который приспособлен для пахоты на равнине или в речной долине, а не в горах. Отсюда – соображения о возникновении такого пахотного орудия не ранее начала железного века и об относительно позднем его проникновении в горные регионы, что подтверждается данными этнографии, на которые ссылаются авторы статьи[4].

Далее, проанализировав, с одной стороны, ареальную дистрибуцию фонетических разновидностей лексемы, а с другой, – пути распространения по разным регионам Кавказа этого типа плуга, авторы прослеживают направления распространения реалии и лексемы, указывая, что центром иррадиации лексемы должен быть закавказский регион[5].

После анализа различных гипотез о происхождении слова (в том числе и высказанных в работах грузинских и армянских исследователей), авторы статьи приходят к следующему выводу:

"На фоне изложенного выше представляется целесообразным ориентировать поиск этимологического решения еще на одно обстоятельство. Если учесть, что общее для грузинского и армянского языков лексическое достояние в большинстве случаев предполагает среднеперсидский (пехлевийский) источник – это либо их совместные заимствования из среднеперсидского, либо слова, проникшие в грузинский через посредство армянского, – то естественно высказать предположение, что аналогичное происхождение может иметь и общекавказское название плуга (при этом нельзя исключить возможности, что среднеперсидский служил лишь своего рода посредником в передаче некоторой более древней переднеазиатской традиции, с существованием которой приходится считаться при решении многих вопросов культурной истории Кавказа). Между тем, согласно догадке Д.И. Эдельман (устное сообщение), формально допустимо толкование этого слова и на собственно иранской почве: по-видимому, возможна его интерпретация в качестве исторического композита, в первом компоненте которого *gu* мы имеем нулевую ступень огласовки именной основы *gau* 'бык', а во втором – глагольную основу *tan(a)-* 'тянуть' и, следовательно, с общим значением 'бычья тяга, быками тянущееся' (ср. сходным образом построенные таджикские образования типа *губон, губонак* 'пастух' < др.-перс. **gu-pana* 'быков (коров) пасущий'). Если последнее толкование верно, то слово должно было первоначально проникнуть из среднеперсидского языка в армянский и грузинский не позднее X столетия. Однако фрагментарная известность среднеперсидского корнеслова не позволяет в настоящее время достаточно убедительно обосновать эту догадку"[6].

Сейчас мы можем сделать к этому выводу некоторые уточнения. Типологическим подтверждением образования названия пахотного орудия от основы со значением ‘бык’ служит участие исконной основы с этим же значением в абхазском и абазинском языках в глаголах абхаз. *a-cʷaɣʷara*, абазин. *jčʷaɣʷara* ‘пахать’, состоящих из основы ‘бык’ + неясный компонент[7].

С точки зрения материала иранских языков, в уточнении нуждаются следующие моменты.

Поскольку в среднеперсидском языке интервокальные глухие смычные озвончались, как принято считать, уже в сасанидскую эпоху, то есть, начиная с III в. н.э., то заимствование формы типа **gutan-* или **gautan-* (о последней будет сказано ниже) с глухим интервокальным согласным *-t-* из среднеперсидского в грузинский и/или армянский языки может быть отнесено к периоду не позднее III в.

В среднеперсидском языке глагольная основа *-tan(a)-* в значении ‘тянуть, тащить’ могла быть результатом контаминации презентных основ от праиранских корней **tan-* ‘тянуть, вытягивать, растягивать’ (ср. авест. *tan-* ‘растягивать, вытягивать’) и **t/ϑan(g)-* ‘тянуть, тащить’ (ср. авест. *ϑang-* ‘тянуть, тащить; управлять (повозкой)’)[8]. Позднée, в классическом персидском, значение ‘тянуть’ становится вторым, уступив первое место значению ‘свивать, вить, плести’, которое в современном персидском языке стало практически единственным.

Таджикские *gubon* ‘пастух’ и пóзднее уменьшительно-ласкательное *gubonak* ‘пастушок’, употребительны в южных таджикских говорах, в том числе в таджикоязычных песенных вставках в сказочном фольклоре на Памире. Это существенно, поскольку в южных таджикских говорах гласная *u* может продолжать как среднеперсидское и раннее новоперсидское *ō*, восходящее к древнему дифтонгу **au*, так и среднеперсидское и раннее новоперсидское *ū*, восходящее к монофтонгу **ū*. Поэтому *gubon* ‘пастух’ может в этих говорах продолжать как **gū-pāna-*, так и **gau-pāna-*. Последний вариант исторически более вероятен, поскольку в других таджикских говорах существует форма *gowbon* ‘пастух’ < **gāu̯(a)-pāna-*. Из такого говора заимствованы шугнанские *gōw-bůn* ‘пастух’, *gōw-bůn(ak)* ‘пастушок’, отмеченные в другом памирском фольклорном варианте. В современном литературном таджикском языке это слово вытеснено другими названиями пастуха.

О прошлом более широком распространении сходных обозначений пастуха или хозяина стад свидетельствует ср.-перс. *gupān* или *gōpān* (с неясной огласовкой первого слога) и предполагаемое скифское соответствующее слово, заимствованное в западнославянский в виде **gъpanъ* (с краткой огласовкой)[9].

Осетинские названия этого вида плуга: иронское *gūton* и дигорское *goton*, – явно заимствованы, на что указывает их консонантизм.

В анлауте праиранская глухая **k-* в исконных осетинских словах в непалатализующей позиции отражается в виде *k-* (в ряде звукосимволических и экспрессивных слов также в виде абруптивного *k'-*), но не **g-*, ср. осет. *kænyn* | *kænun* 'делать' (с основой из праиранской презентной **kr̥-nau-* от корня **kar-* < и.-е. **k$^{u̯}$er-* в огласовке **k$^{u̯}$ar-*), осет. *kæsyn* | *kæsun* 'смотреть' из праиранского **kaś-* (< и.-е. **k$^{u̯}$ek̑-* в огласовке **k$^{u̯}$ak̑-*[10]) и т.п. (Абаев I, 579–581, 589–590). Переход **k > g* характерен только для срединной позиции после гласных и в ряде случаев после носовых согласных. Праиранская анлаутная звонкая **g-* отражается здесь в виде современных осетинских увулярных согласных: иронской *q-* (глухой смычной увулярной) и дигорской *γ-* (звонкой фрикативной увулярной): ср. осет. *qarm* | *γar(m)* 'теплый' < **garma-* < и.-е. **g$^{u̯}$hormo-*; осет. *qūs* | *γos* 'ухо' < **gauša-* (Абаев II, 266–267, 316–317), осет. *qūg* | *γog* 'корова', восходящее к суффиксальному образованию **gau-ka-* с отражением интервокальной **-k- > -g-* (Абаев II, 312). Иными словами, соответствие в исконной лексике анлаутных ирон. *g-* | дигор. *g-* не встречается. Слова с таким "соответствием идентичности" здесь либо заимствованы, либо отражают древние префиксальные образования с отпавшим впоследствии (обычно в иронском диалекте) префиксом, см. (Абаев I, 505 и сл.).

Кроме того, в осетинском языке древняя интервокальная **-t-* озвончается, поэтому глухая *-t-* в рассматриваемом слове скорее всего подтверждает его заимствованный характер. С точки зрения исторической фонетики продолжение в осет. *-t-* скифского **-ϑ-* вполне возможно, однако возведение скифского **-ϑ-* (и следовательно, осет. *-t-*) к и.-е. **-k̑-*[11] маловероятно: в исконной лексике данной группы языков, в отличие от древнеперсидского, закономерным рефлексом и.-е. **-k̑-* и наследующего ему раннего праиранского **ś* является *s*, но не **ϑ*. Ср. осет. *sælyn* : *sald* | *sælun* : *sald* 'мерзнуть, замерзать' из праиранского **śar-* от и.-е. корня **k̑el-* (Абаев III, 64; Pokorny I, 551–552); осет. *kæsyn* | *kæsun* 'смотреть' (см. выше); осет. *fys* | *fus* 'овца, баран' из праиранского **paśu-* < и.-е. **pek̑u-* (Абаев I, 500–501; Pokorny I, 797) и др.[12] Исключения в виде осет. *t* на месте ожидаемого *s* < и.-е. **k̑*, которые В.И. Абаев называет "перекрестными изоглоссами"[13], отмечаются только в словах, относящихся к культурной лексике: в названиях предметов обихода *færæt* 'топор', *rætæn* 'толстая веревка из ремней или прутьев' и в названии вида дерева *talm* 'ильм, Ulmus', которое использовалось в Древнем Иране как строительный материал, о чем писал ранее сам В.И. Абаев[14]. Эти слова либо заимствованы из юго-западных иранских языков (вероятнее всего – из древнего или раннего среднеперсидского язы-

ка), либо фонетически уподоблены терминам, употребительным в "престижном" языке, что для иранских языков не редкость[15]. Таким образом, в языке-источнике осетинского названия плуга можно ожидать интервокальный согласный **t* или **t/ϑ*.

Что же касается вокализма первого слога в слове осет. *gūton* | *goton*, то в исконной лексике соответствие *ū* | *o* обычно отражает более ранний дифтонг **-au-*. Это может свидетельствовать о том, что либо в языке-источнике огласовка этого слова была полной, то есть, **gau-tana-*, либо в период заимствования этого названия имела место ассоциация с исконным названием крупного рогатого скота.

В заключение хотелось бы подчеркнуть значимость для иранистики таких сведений, которые поставляют "побочные источники" (за которыми закрепился термин Nebenüberlieferungen) в виде заимствований из иранских языков в другие. Для пополнения материала древних иранских языков такими источниками служат заимствования в эламском, греческом, арамейском и др. ономастиконах[16]. Для пополнения не зафиксированного текстами и словарями иранского материала, в том числе лексикона более поздних иранских языков, ценнейшими источниками служат свидетельства различных языков (кавказских, славянских, тюркских и др.), где представлены разновременные иранские заимствования. При этом важны показания не только "стандартных", или литературных, языков, но и диалектов.

Примечания

[1] *Лома А.* К этимологии кавказского названия плуга // Этимология 2000–2002. М., 2003.

[2] *Климов Г.А., Шагиров А.К.* Общекавказское название плуга // Лексико-грамматические особенности языков народов Карачаево-Черкесии (На материале кабардино-черкесского, абазинского и русского языков). Черкесск, 1990, 3–9.

[3] Там же, 3–4.

[4] Там же, 4–5.

[5] Там же, 5–6.

[6] Там же, 7–8.

[7] *Климов Г.А., Халилов М.Ш.* Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М., 2003, 495.

[8] *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. 1904. (Repr. Berlin; New York, 1979), 633, 784–785.

[9] См. *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М., 1967, 71–75; ЭССЯ 7, 197–198.

[10] Приводимые в (Pokorny, 638–639, 641–642) "стандартные" условные огласовки данных корней **-e-* вызвали бы в индоиранских языках палатализацию анлаутного заднеязычного согласного с переходом **k* > **č*, которая в этих глагольных формах не происходит.

[11] *Лома А.* Op. Cit., 235–236.

[12] Подробнее об отражении индоевропейских палатальных в виде праарийских ранних *č, *ǰ, *ǰh > поздних *ć, *ʹj, *ʹjh и далее праиранских *ś, *ź и о дальнейшем развитии их рефлексов в разных генетических группах и подгруппах иранских языков см. *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986, 38–45, 80–93; *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. М., 1990, 61–67, 127–130, 200–206.

[13] См.: *Абаев В.И.* О перекрестных изоглоссах // Этимология 1966. М., 1968, 253–254.

[14] *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949, 139–140.

[15] Примеров такого уподобления много в лексике и особенно в терминологии иранских языков, находящихся под воздействием персидского, таджикского и языка дари, в меньшей степени – языка пашто, или пушту. Из исторических примеров характерны такие случаи в древнеперсидском, например *Miϑra-* – божество Митра (с первоначальным значением 'договор') – из мидийского или авестийского (ср. авест. *Miϑra-*), для которых было характерно отражение праиранской группы **tr* в виде *ϑr*, но исконное раннедревнеперсидское **Miça-* – имя божества и **miça-* 'договор' с собственным рефлексом **tr* > *ç*, зафиксированные в эламском и в Μεσορομάσδης 'Митра и Ахурамазда' у Плутарха, а также в древнеперсидском слове *hamiçiya-* 'относящийся к сговору, заговору; вероломный' и т.п. (из **ha-* < **sm̥-* 'со-' + **miça-* 'договор') в именном составном глаголе *hamiçiyam akunauš* 'совершил сговор, заговор; поднял мятеж', см.: *Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen.Wiesbaden, 1964, 124, 133).

[16] Например, *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut den Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.

Владимир Николаевич Топоров

(5 июля 1928 – 5 декабря 2005)

Когда был собран и окончательно редактировался настоящий том серии "Этимология", мы узнали о кончине Владимира Николаевича Топорова. Печальная эта весть отзывается сильнейшей душевной болью. Наш мир оставил великий учёный и великий человек.

Владимир Николаевич был членом редакционной коллегии "Этимологии" с начала основания нашего периодического издания и постоянным его автором. Более того, именно статья Владимира Николаевича открывала первый его выпуск. Есть нечто глубоко символичное в том, что она называлась "К этимологии слав. *myslь*".

Мысль Топорова одухотворяла наше время и пространство, в котором мы существуем. Пульсирующая мысль не отпускала его до последней минуты жизни. Прикасаться к этой пульсации, слышать голос Владимира Николаевича, видеть результаты деятельности его разума было всегда радостью.

Идейное и методологическое раскрепощение отечественной филологии, исторического и сравнительного языкознания в частности, было обеспечено приходом в лингвистику в пятидесятые годы прошлого столетия целой плеяды молодых ученых, замечательно одаренных, фундаментально образованных и полных веры в свои силы, в свою способность вершить перемены. Владимир Николаевич Топоров был среди них фигурой исключительно яркой, поистине ренессансной. Необъятная широта его познаний и научных интересов, исследовательский вкус, глубина и точность анализа, обнаруживающиеся в его работах, мощь и острота интеллекта, необычайная способность видеть связь вещей, невероятная творческая продуктивность (список научных трудов Топорова включает более полутора тысяч названий, не считая многочисленных переизданий) сообщили ему великий авторитет в науке, а безупречные по самым высоким меркам человеческие качества – порядочность, честность, такт, уважительность к иному самостоянию – сделали его высочайшим нравственным образцом в глазах гуманитарной интеллигенции.

Следует при этом заметить, что стиль человеческого поведения, исповедовавшийся им, сам мягкий и сдержанный облик Владимира Николаевича, кабинетный характер его жизни как будто менее всего ассоциируются с образом научного лидера. Чуждавшийся публичности, предпочитавший библиотечный полумрак – лекторской кафедре, стол и перо – микрофонам и объективам, тихую беседу – броскому поступку, он тем не менее всегда оставался человеком, чутким к злобе сего дня, болезненно воспринимавшим несправедливость, а в минуту необходимости мог стать острым газетным публицистом, возвысить голос совестливого и просвещенного человека против подлости (как это было, например, в памятные дни "литовского кризиса", когда грязные волны истеричной лжи обрушились на страну, народ которой пожелал очиститься от коммунистической скверны).

Представление об энциклопедизме Топорова не способен дать никакой перечень научных специальностей, отраслей, направлений и проблем. Попытки очертить круг его интересов и занятий, тематический спектр его работ, неоднократно предпринимавшиеся коллегами (см., например, страницы убористого текста с перечислением "главных направлений научной деятельности В.Н. Топорова" – подчеркнем слово *главных*! – в "Балто-славянских исследованиях 1986"), неизбежно оборачивались скороговоркой. Лингвист, литературовед, специалист по семиотике, культуролог, историк, философ..., специально только в языкознании – славист, балтист, индолог, индоевропеист..., теоретик компаративизма, историк языка, этимолог, лексиколог, лексикограф, ономатолог, грамматист, исследователь структуры и семантики текста, истории словесных жанров, связей между словом и культурой, языком и мировоззрением... – где остановиться?

Фигура Топорова – светлого человека и гениального ученого, сам изумляющий культурный феномен *Топоров* нуждаются в осмыслении. Хватит ли нам ума и сил прийти к пониманию подлинных масштабов этого явления?

Простимся с Владимиром Николаевичем Топоровым.

Не нужно обещать помнить его. Забыть его будет невозможно.

Редколлегия периодической серии "Этимология"

Fr. Bezlaj. Zbrani jezikoslovni spisi.T. I–II. Uredila M. Furlan. Ljubljana, 2003. 1572 S.

С именем акад. Ф. Безлая связаны важнейшие достижения в области словенской этимологии. Вся его научная жизнь была посвящена изучению родного словенского языка. Историко-этимологические исследования словенской лексики, а также топонимических названий, гидронимов, засвидетельствованных на территории Словении, наглядно показали значение словенского материала в восстановлении духовной и материальной культуры словенцев, в решении проблем словенского этногенеза. В списке трудов Ф. Безлая насчитывается 260 названий, в том числе семь монографических исследований. Главным делом научной деятельности Ф. Безлая стал "Этимологический словарь словенского языка", работа над которым велась с начала 50-х годов. Идеи учителя Фр. Рамовша, которому принадлежит замысел словаря, получили развитие и конкретное воплощение в трудах Ф. Безлая.

Двухтомник трудов Ф. Безлая по языкознанию общим объемом более полутора тысяч страниц приурочен к 90-летию со дня рождения ученого. Издание подготовлено М. Фурлан, продолжившей вместе с М. Сноем работу над этимологическим словарем словенского языка. Составителем и редактором сборника проведена большая подготовительная работа по выявлению и систематизации огромного материала, извлеченного из разных изданий, увидевших свет в период с 1934 по 1992 г. В двухтомник включено 184 работы Ф. Безлая, они занимают 1300 стр. Рассеянные по разным изданиям (сборники, журналы Slavistična revija, Jezik in slovstvo, Razprave SAZU и т.п.) работы Ф. Безлая распределены по семи рубрикам. По существу весь первый том, в который вошли статьи, исследования, мелкие заметки, посвящен вопросам этимологического изучения словенской лексики и топонимических названий. В этом разделе среди статей, расположенных в хронологическом порядке, находим исследования, вошедшие в золотой фонд славянской этимологии, – статьи о терминах корчевания и омутов и др. (Krčevine / Karczowiska, Sinonima za pojem "locus fluminis profundior"). К исследованию привлечен большой пласт словенского словаря, значительная часть лексики впервые в работах Ф. Безлая стала предметом этимологического анализа. При изучении словарного состава словенского языка в широком контексте славянских и индоевропейских связей внимание исследователя направлено на выявление лексических архаизмов в диалектах словенского языка, диалектных связей внутри южнославянского и всего славянского ареала (ср. Položaj slovenščine v okviru slovanskih jezikov, Razmerja med slovensko in slovansko leksiko и др.) и т.п. В работах Ф. Безлая ономастический материал становится одним из важнейших источников наших знаний о древней лексике, о лексических связях в славянском ареале (ср. Význam onomastiky pro studium praslovanského slovníku, Stratigrafija Slovanov v luči onomastike и др.). В центре внимания Ф. Безлая всегда были вопросы диалектного состава праславянского языка, проблема лексических связей с балтийскими язы-

ками (Einige slovenische und baltische lexische Parallelen, Spuren der baltoslawischen Wortmischungen и др.).

Второй том открывается серией статей, посвященных вопросам грамматики. Предметом изучения стали вопросы глагольного вида, славянского аблаута *-ō-*: *-eu-*, образования с преф. *eN* и *oN*, функция предлога и преф. *o(b)* и др. И в этом разделе этимология является основным средством решения поставленных вопросов.

С позиций историка языка и этимолога автор подходит в следующем, третьем, разделе к освещению функционирования современного словенского языка, выделения в его составе калек, заимствований и т.п.

В самостоятельный раздел выделены четыре статьи, в которых обсуждается проблематика этимологического словаря словенского языка: принципы отбора лексики для этимологического словаря, форма подачи материала и всестороннего освещения разных этимологических подходов, роль данных истории языка и данных топонимики при решении вопросов этимологии и т.п.

В пятый раздел, значительный по объему (с. 827–1067), вошли рецензии на книги, опубликованные в период с 1939 по 1971 г. На страницах журнала Slavistična revija и в других изданиях дана оценка исследований, которые оказали определенное влияние на развитие славистики (ср. A.V. Isačenko. Narečje vasi Sele na Rožu, D. Simonović. Botanički rečnik, H. Striedter–Temps. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen и т.д.). Предметом подробного анализа стал словарь П. Скока, разбору трех томов словаря посвящены три рецензии. Нельзя не отметить особый интерес Ф. Безлая к книге Э. Кранцмайера, посвященной местным названиям на территории Каринтии (E. Kranzmayer. Ortsnamenbuch von Kärnten. Klagenfurt, 1956–1958). Разбору книги посвящена рецензия и серия критических заметок, опубликованных на протяжении двух лет – в 1963–1964 гг. В первой половине 50-х годов на страницах журнала Slavistična revija появлялись краткие аннотации Ф. Безлая на книги, отдельные номера европейских журналов, увидевших свет с конца 40-х годов.

В следующий раздел вошли сообщения и публикации, тематически не связанные между собой, но важные в том отношении, что в них находят отражение взгляды Ф. Безлая на вопросы, касающиеся научной жизни в Европе (ср. первая конференция по ономастике в Кракове (1959 г.), симпозиум, посвященный В. Караджичу (1964 г.), впечатления о VI Международном конгрессе славистов в Праге (1968 г.) и т.п.), заметки о народной культуре Словении ("Народный певец из Тера") и словенских меньшинствах в Италии (ср. "Словенцы в Италии"). Здесь же найдем статьи о развитии славистики в Словении, о сравнительно-историческом языкознании и т.п. Некоторые из публикаций этого раздела тематически примыкают к третьему разделу, в котором освещаются разные аспекты изучения словенского языка. На наш взгляд, было бы целесообразно перевести в этот раздел статьи "О задачах словенистики", размышления над проблемами словенского исторического словаря и т.п.

В шестом разделе под названием "Портреты и автопортреты" находим публикации двух видов. В составе этого раздела краткие очерки, посвященные научной деятельности коллег, современников ученого. К юбилейным датам написаны статьи о Р. Нахтигале (1939 г.), Ф. Рамовше (1940 г. и 1950 г.), П. Скоке (1951 г.), Я. Келемине (1952 г.) и др. Здесь же некрологи, в которых дана развернутая характеристика того вклада, который внесли в науку ушедшие из жизни выдающиеся ученые (Р. Нахтигаль, Р. Скок, М. Фасмер, А. Белич, И. Графенауэр, Т. Лер-Сплавинский, В. Махек, Й. Стабей). Особое место занимают статьи, в которых оценивается значение трудов Бодуэна де Куртенэ и Ф. Микло-

шича для развития словенистики. Вторую часть этого раздела составляют интервью, данные разным изданиям. В них проявляется незаурядный талант Ф. Безлая как популяризатора науки, умение в доступной для широкого читателя форме рассказать о сложных проблемах науки, об этимологии, лингвоэтнических истоках словенского народа и т.п.

Мало кому известно, что Ф. Безлай был специалистом по пчелам. В статье 1948 г. по рисункам на стене из Египта, по изображениям на монетах в античную эпоху прослеживается распространение пчеловодства, по сохранившимся описаниям и по данным славянской лексики восстанавливается техника лесного пчеловодства, описывается роль пчел в славянской мифологии и т.п.

И, наконец, в заключительном разделе под названием "Из этнографии" находим статью о Н.Г. Чернышевском, прямо не относящуюся к этой рубрике, а также статьи об исследованиях М. Мурко по фольклору и этнографии, критический обзор работ по славянской мифологии, опубликованных в 40-е годы, публикация 1967 г., в которой Ф. Безлай делится своими мыслями о тех проблемах, которые стоят перед словенской этнографией.

Изданию двухтомника предшествовала большая подготовительная работа. С целью максимального приближения к оригиналу предпринято факсимильное издание в репринте. В сборник включены варианты статей на одну тему, опубликованные в разных журналах. К изданию приложен подготовленный М. Фурлан вместе с Х. Язбец справочный аппарат, облегчающий пользование книгой. В статьях, публиковавшихся на протяжении более 60 лет, наблюдается большой разнобой в сокращениях. Вручную проведена эксцерпция всех сокращений. В списке литературы и сокращений, принятых в статьях Ф. Безлая (с. XXI–LXVIII), каждое из сокращений расшифровывается на своем алфавитном месте. Такая же работа проделана с сокращениями языков. В качестве приложения ко второму тому даны исправления опечаток, по разным причинам попавшим в статьи Ф. Безлая. Приложены библиография, словоуказатель (с. 1309–1525), а также предметный указатель и указатель имен.

Двухтомник лингвистических работ облегчает доступ к наследию Ф. Безлая и позволяет полнее оценить вклад выдающегося словенского ученого в развитие славистики.

Л.В. Куркина

В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М.: Восточная литература, 2000. 328 с. Т. II. М.: Восточная литература, 2003. 503 с.

Рецензируемые тома – начало первого в иранском языкознании этимологического свода, выявляющего общеиранский корнеслов и его рефлексы во всех зафиксированных иранских языках. Первый том включает корни, начинающиеся на *a* и *ā*, второй – корни на *b, č, d*. В настоящее время готовится к изданию третий том. В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман – крупные специалисты-компаративисты, авторы последних по времени обобщающих трудов по сравнительно-исторической грамматике иранских языков (*Раст.* СИГЗЯ-Ф, *Эд.* СГВЯ-М, *Эд.* СГВЯ-Ф).

Создание такого словаря знаменует значительный прогресс в иранской и индоиранской этимологии, не говоря о значении этой работы для индоевропейского языкознания и сравнительно-исторического языкознания в целом. Так

сложилось, что в индоевропеистике, являвшейся все время существования сравнительно-исторического языкознания его "модельной", образцовой отраслью, в последние десятилетия по ряду параметров ощущается некоторая неудовлетворительность, неадекватность теоретически разработанным и в целом проверенным на материале других языковых семей компаративистским методикам. Прежде всего это касается методов "ступенчатой реконструкции", при которой исследователь осуществляет постепенное восхождение от наиболее близких к современности уровней реконструкции к более глубоким, на каждом этапе верифицируя результаты, полученные ранее, с помощью введения в сравнение нового материала. В классической индоевропеистике эта сторона компаративистской процедуры оказалась недостаточно востребована в силу объективных причин. Именно уникальный факт наличия для ряда индоевропейских языковых групп хорошо зафиксированных древних представителей породил ощущение необязательности использования для индоевропейской реконструкции материалов более поздних, хотя и более многочисленных, и лучше интерпретируемых с синхронной точки зрения языковых систем. Поэтому часто приходится сталкиваться с тем, что ряд традиционно восстанавливаемых для праиндоевропейского сущностей получен не в результате сравнения "прагерманской", "праславянской", "праиндоиранской" и т.д. языковых подсистем, а в результате изолированного сравнения фактов, скажем, готского, старославянского, авестийского и санскрита. Теоретическая ущербность таких реконструктивных решений очевидна. Во-первых, хорошо известно (хотя и часто затушевывается, почему-то особенно часто – в педагогическом контексте), что каждый из названных древних языков является представителем конкретной ветви своей языковой группы, и фиксация его хронологически часто весьма далека от периода распада группового праязыка, так что, отказываясь от рассмотрения остальных языков группы, мы теряем всю информацию, касающуюся остальных ветвей, которая – будучи включена в реконструкцию – возможно, демонстрирует ничуть не менее, а может быть, и более архаичные черты. Во-вторых, информация, предоставляемая памятниками древней письменности, сама по себе носит менее объективный характер, чем материалы живых языков. Древние системы письма могут не вполне адекватно представлять фонетические системы, и степень этой неадекватности уже объективно неопределима. Толкования смысла древних текстов зачастую неверифицируемы и в силу этого субъективны, тем более, что тексты могут относиться к ритуальным и мифологическим областям, и, следовательно, быть сознательно нацелены на смысловую многослойность и неоднозначность, а к устройству семантического уровня языковой системы эта неоднозначность может иметь такое же отношение, как сложнейшие тропы поэтов Серебряного века – к толковому словарю русского языка. Проблемы толкования конкретной лексики, почерпнутой из древних текстов, известны – ср., хотя бы, известные по трудам индийских лексикографов санскритские названия растений, которым в европейских словарях санскрита приписаны в соответствие латинские научные названия совершенно непонятно на каких основаниях (в части случаев это, опять-таки, делается на основании рефлексов этих названий в новоиндийских языках, но часто таких рефлексов не зафиксировано). Но индоевропеисты смело включают такие слова в свои этимологические предложения.

Примечание. Вот два примера такой проблемности в индоевропейских этимологических сближениях. 1. Пра-и.-е. **kamar-*/**kemer-* 'чемерица' (*Walde* –

Pokorny I, 390) (в действительности – в слав. 'чемерица', в лит. 'посконник', в герм. 'чемерица' или 'морозник' – все ядовитые травянистые растения, в основном похожие между собой; в др.-греч. *kamaros*, *kammaros*, по словарям 'род аконита' или 'дельфиниум' (*Frisk* I, 771), индоевропеисты включают также *komaros* 'земляничное дерево' (*Frisk* I, 907; кустарник сем-ва вересковых, ягоды похожи на землянику; *Schrader – Nehring* Real. I, 258–259); перенос значения с чемерицы объясняют тем, что ягоды земляничного дерева одурманивают; не включается в сравнение, но, скорее всего, принадлежит к нему *komaron* 'rote Farbe aus dem Wurzel der Pflanze Comarum palustre' (сабельник болотный, розоцветное, внешне похож на землянику и на морозник; лекарственный; латинское название, видимо, из греч.?). Др.-инд. сравнение – *camarika-* m., с пометой Lex., с переводом и в Малом петербургском словаре, и в *Maunier – Williams* 'Bauhinia variegata'. Баухиния не ядовита, но кроме того еще, это отнюдь не травянистое растение, а дерево, довольно широко включенное в индуистскую и буддийскую образность, и почитаемое как символ (и средство) плодородия, весьма часто упоминаемое в санскритской литературе под совершенно другими названиями. Рефлексов слова в языках среднего и нового периодов не обнаружено. Естественна помета при индоевропейском сравнении в (*Mayrhofer* I, 375) "hoehst unwahrscheinlich". 2. Пра-и.-е. **k'am-*; **kam-*, **gam- / -e-* 'животное безрогое или с короткими рогами' (*Walde – Pokorny* I, 385): др.-инд. сравнение *śáma-* подвергается сомнению: 'hornlos'? 'tame, domestic'? Вслед за (*Mayrhofer* III, 298) следует считать, что в Риг-Веде слово значит 'безрогий', ср. единственный твердый контекст RV I, 32 15, где противопоставление *śamana – śṛngin-*. Т.Я. Елизаренкова (Риг-Веда I, 41) переводит как "безрогого и рогатого", но в комментарии пишет (Риг-Веда I, 562) "букв. прирученного и рогатого; в этом контексте *śama-* как безрогий интерпретируется вслед за Саяной". Однако в другом месте (Риг-Веда I, 33, 15) она точно так же *śámaṃ vṛṣabhaṃ* переводит "безрогому быку". Перевод "ручной" обусловлен, по-видимому, значением в классическом санскрите существительного *śáma-* 'Gemuetsruhe, Seelenruhe, ruhiges Verhalten, Frieden, Apathie, Impotenz' (Малый Петербургский словарь III, 207, заметим, что прилагательное "прирученный" там же отмечено только для тех же двух случаев в Риг-Веде), это значение ('спокойствие') отражено и в средне- и новоиндийских рефлексах (*Turner* CDIAL, № 12301), и, конечно, вполне возможно, что в классическом санскрите это – метафорическое развитие из "безрогость", то есть Саяна прав, а более современные комментарии представляют собой род гиперкоррекции.

В последнее время, однако, наблюдается значительный прогресс в описании протолексиконов или протокорнесловов отдельных индоевропейских языковых групп; прежде всего это относится к огромному лексемно ориентированному Этимологическому словарю славянских языков под редакцией О.Н. Трубачева (ЭССЯ). Новый свод прагерманской лексики составлен В.Э. Орлом (см. наст. изд., с. 348). Индоарийская лексика собрана в новом словаре Майрхофера (*Mayrhofer* Altindoar.). В русле того же направления развития индоевропейского языкознания следует рассматривать и рецензируемый словарь.

Составление обобщающего этимологического словаря иранских языков стало возможным благодаря объективным причинам: бурному развитию в последние десятилетия сравнительно-исторических исследований по иранским языкам. К настоящему времени оказалось накоплено гигантское количество конкретных этимологических разработок отдельных слов и целых лексических групп, опубликованных в различных трудах. Это, в первую очередь, этимологи-

ческие словари отдельных языков или языковых групп, а также толковые и переводные словари, где этимология является значимой частью словарной статьи (например, *Bartholomae*; *Morg.* EVP; *Абаев; Benz.* Chwar. Wört.; *Henn.-MacK.* Khwar. Dict.; *Nyb.* MP; *Morg.* EVSh; *Bailey* DKS; *Ст.-К.* ЭСВЯ). Значительную этимологическую часть содержат лексические разделы таких работ как (*Morg.* IIFL; *Абаев* ОЯФ; *Benv.* Inst.; GIPh; *Henn.* HbO; *Оранский* ИЯИО; ОИЯ; *Эд.* СГВЯ-Ф; *Раст.* СИГЗЯ-Ф; *Эд.* СГВЯ-М; CLI); кроме того имеется масса отдельных статей и заметок этимологического содержания. Уже сбор всех принятых в этих работах этимологических предложений и критическая публикация их в одном обобщающем труде является огромным шагом вперед, чрезвычайно облегчая работу с иранской этимологией.

Кроме этого, в последние десятилетия, причем далеко не в последнюю очередь авторами Словаря, были разработаны сравнительно-исторические фонетики иранских языков, получена реконструкция правосточноиранской и празападноиранской фонологических систем. При этом основное внимание уделялось как раз материалу средне- и новоиранских языков, до тех пор недостаточно включенных в сравнительно-исторические исследования. В результате этимологические исследования по иранистике обрели прочный компаративистский фундамент.

Словарю предпослано небольшое введение (1, стр. 7–36), в котором авторы знакомят читателя с историей вопроса, предпосылками составления Словаря, основными принципами отбора материала, с некоторыми особенностями фонетической реконструкции, принятой в Словаре; обосновывают свое отношение к словообразовательным моделям и возможности их реконструкции, приводят общие принципы, на которых они основывались при семантической реконструкции (которой в Словаре уделено достаточно большое место). Наконец, там обсуждаются источники и транскрипция Словаря.

Основную цель своей работы авторы Словаря определяют как выявление общеиранского лексического фонда и корпуса корней и основ, которые могли функционировать в праязыковой период, и тем самым в создании основы для сводного систематизированного корпуса этимологии исконной лексики всех известных иранских языков (живых и вымерших). Второй целью Словаря является включение этого корпуса в единую общую индоевропейскую этимологическую систему в качестве "подсистемы" последней. Эти соображения определили структуру Словаря в целом и структуру словарных статей.

Статьи построены по гнездовому принципу, т.е. в заглавие статьи выводится корень в его фонологическом облике, восстанавливаемом для праиранского; в случае, если морфонологически единый корень выступает в нескольких фонологических обликах, в заглавии записаны альтернанты, разделенные двоеточием. Насколько можно понять из состава словаря, в словарь включаются не только такие корни, которые уверенно восстанавливаются для праиранского состояния (скажем, представленные в разных ветвях иранской семьи), но и локальные иранские корни, если они имеют хорошие индоевропейские или индоарийские параллели, или же представлены в среднеиранских и древнеиранских языках. Ср., с одной стороны, статью **ark-* 'крепость, укрепление' (1, стр. 225), рефлексы которого имеются только в перс., тадж., дари (в бахтиярском, возможно, из перс.), но индоевропейские параллели с очень близким значением представлены в греч., лат., балто-слав., герм.; в (*Pokorny* 65–66) новоиранские параллели отсутствуют (жаль, однако, что в рассматриваемой словарной статье никак не обсужден древнеперсидский ороним *arkadri-*, относимый иногда к этому корню, но имеющий и другую этимологию). С другой стороны, на с. 224 рас-

сматривается **ark-* 'скрепление, скреплять', восстанавливаемое на основании осетинских и сакских форм, т.е. только восточно-иранское. Включение корней "по максимуму", безусловно, можно только приветствовать.

Что касается словообразования, в "гнездах" при реконструируемых корнях "представлены наиболее характерные ранние образования и отчасти поздние, свойственные уже не индивидуальному языку, а хотя бы группе родственных языков. При этом некоторые ранние образования, ставшие самостоятельными лексемами еще в доиранскую эпоху, выделены в отдельные словарные статьи, несмотря на то что они происходят от того же корня, что и другие, более архаичные слова того же ряда" (1, стр. 20). Таким образом, в Словаре предлагается реконструкция не только корневого, но и лексемного общеиранского фонда. Это позволяет авторам проводить в словарных статьях полноценное обсуждение проблем семантической реконструкции для праиранского состояния[1], в том числе с использованием метода "Wörter und Sachen", что в конечном счете ведет к получению фрагментов палеокультурной реконструкции.

Благодаря полному обследованию иранского материала получили надежное подтверждение корни, для которых в индоевропеистических источниках индоиранские рефлексы обычно не приводятся, ср.: пра-и.-е. **kep-* 'хватать' > ир. **čap-* (2, 221–226), пра-и.-е. **dem-* 'возводить, строить' > ир. **dam-* (2, 322–324).

Значительно проясняется реконструкция семантики некоторых общеиндоевропейских глаголов. Ср. проблему реконструкции значения **ar-* 'пахать, возделывать'. Для индоиранского рефлекса восстанавливается обычно значение **ar-* 'работать, делать' и делается вывод об утере земледелия индоиранцами после отделения их от индоевропейской общности (*Schrader – Nehring* Real. I 9–10) или даже о возникновении земледелия у индоевропейцев Европы после отделения индоиранцев (ср. ссылки в *Mallory – Adams*, 8). В Словаре, однако, продемонстрировано наличие в иранских языках реликтов значения 'пахать': пушту *ā̦ra* 'борозда' и, возможно, хуф. *ardhān* 'насыпь между каналом и полем' (1, стр. 198), что, по-видимому, свидетельствует о наличии такого значения в праиндоиранском.

Многие словарные статьи содержат экскурсы, имеющие важные культурно-исторические выходы (см., например, 2, стр. 382 – о распространении строительного термина 'обмазывать глиной' из языка с переходом **d* > *l* в другие иранские языки).

Этимологии, ранее дававшиеся для конкретных иранских форм, в Словаре во многих случаях уточнены (ср., хотя бы, пушту *kloṣ̌ta* 'спутанная шерсть', по *Morg*. R. 336 < **ku-dārśā*, в словаре исправлено на – *dṛšta-* 2, 354).

Значительный интерес представляют имеющиеся в некоторых статьях морфологические экскурсы. Отметим экскурс о способах образования сложных числительных (2, 376–378, sub **daśa-* '10').

---

[1] Собственно говоря, вопрос о реконструкции семантики корня не должен ставиться в принципе, поскольку, будучи единицей прежде всего морфонологического уровня языка, корень, по-видимому, вообще не имеет определенной семантики. Она может быть приписана корню только как результат вычленения общей части из ряда словообразовательных основ (лексем), основанных на этом корне, которые, будучи словами, употребляемыми в различных контекстах, обладают значением и подвергаются семантическим изменениям в связи с изменениями наборов контекстов.

В отдельных случаях реконструкция выводится даже не только для словообразовательных основ, но – в случае древнего чередования внутри парадигмы и последующего разнонаправленного развития словоизменительных парадигм по языкам – комментируется, например, происхождение различных новоиранских форм от основ различных падежей в праиранском, как это сделано в примечании к статье **brātar* (2, стр. 182–183), где оказывается, что часть современных слов восходит к форме номинатива, часть – к вокативу и под.[2]

Конечно, в вышедших томах словаря можно найти отдельные спорные моменты и просто недосмотры, что неизбежно в таком крупном издании, предпринятом впервые. Ниже следует перечисление некоторых из тех, которые попались на глаза мне (наверное, профессиональные иранисты могли бы отметить их больше, или, во всяком случае, по-другому, – что, впрочем, относится и к достоинствам словаря в части оригинальных этимологических решений). Еще раз повторю, что эти спорные места ни в коей мере не умаляют достоинств словаря и важности его появления.

(2, стр. 191): бактр. *boddo* 'Будда' возведено вместе с ср.-перс. (и др.) *but* 'Будда, идол' к праиндоир. **bhūti-* 'бытие, сила; дух, имя демона'. Во всяком случае, бактр. форма – явное заимствование из санскрита или пали, а ср.-перс. (и др.) – если и не заимствование, как его часто трактуют (с значительными трудностями), то развило значение под влиянием индийского слова, о чем, возможно, следовало бы упомянуть в статье.

(2, стр. 213): кл. перс. *čākš/sū* 'растение, из которого делают глазное лекарство' (*Fazl-i-Ali*: 'A small black shining grain mixed up with camphor into an ointment for the eyes') (и хорезм. *C'kC* то же) с сомнением отнесено к **čak-* 'капать' – и по семантике, и по форме, и из культурно-исторических соображений предпочтительно считать индийским (санскритским или новоиндийским?) заимствованием, как правильно отмечено в EDT 412 при среднетюркском слове *čaxšu* 'box thorn, Lucium, растение, применяемое для лечения офтальмии': санскр. *cakṣu-* 'глаз, зрение' (*Mayrhofer* 1, 367), ср. хинди *cāksū* 'wild bean and its seed' < *cakṣavya* (*Turner* CDIAL, 4559).

В ряде случаев спорные этимологические решения приняты вследствие распространенного, к сожалению, в индоевропеистике недостаточного внимания к этимологическим традициям в отраслях компаративистики, занимающихся неиндоевропейскими языками. Приведу несколько примеров.

(1, стр. 236): обсуждается происхождение перс. *āš* и похожих на него форм в других новоиранских языках, со значением "суп, каша" и возможность отнесения их к корню **aś-* 'есть, кушать'. Можно согласиться с авторами, что все формы выглядят скорее как заимствование из перс.; хотелось бы, чтобы более

---

[2] Отмечу досадную неточность в этом примечании: реконструируя древний Nom.Pl. **brātárah* на основании точных фонетических соответствий рушан., барт. *viradā́r*, язг. *v(ə)radár*, авторы ссылаются на древнеиндийскую форму *bhrātáras* с безударной *ā*. Такой формы не существует; в Риг-Веде отмечено только *bhrā́taras*: [1.170.2b] bhrā́taro marútas táva |; [5.60.5b] sám bhrā́taro vāvṛdhuḥ saúbhagāya |; [10.34.4c] pitā́ mātā́ bhrā́tara enam āhur; [10.51.6a] agnéḥ pū́rve bhrā́taro ártham etā́ṃ. Конечно, именно иранская реконструированная форма должна считаться вторичной по отношению к индийской, неподвижное ударение в этом слове восходит к праиндоевропейскому состоянию, ср. его поведение в германском по закону Вернера.

эксплицитно было сказано о фонетической невозможности отнесения перс. *āš* к **aś-*; хотелось бы видеть какие-то фонетические обоснования к одобряемой авторами этимологии Х. Нюберга (< **ā-yiša-* от корня **yah-* 'кипеть': сомнительно, чтобы такое стяжение давало ср.-перс. и ново-перс. *ā*). О соответствующих тюркских формах упомянуто только как о заимствованиях из перс. со ссылкой на книгу И.М. Стеблина-Каменского о названиях культурных растений (где, впрочем, излагается обратная гипотеза). Не рассматривается альтернативная гипотеза, значительно более простая фонетически и семантически, об обратном направлении заимствования из тюрк. **āš* 'крупа, каша' в перс., разработанная в (TMN 2, 59–62). Единственным противоречием этой гипотезе является наличие ср.-перс. *āš*, но источник ср.-перс. формы в Словаре не приводится (ссылка на (*Абаев* 1, стр. 239), где ср.-перс. формы нет; нет ее и у Стеблина-Каменского), а, например, в словаре Маккензи ее нет (на соответствующем месте, стр. 13, видим только *aš* 'дурной глаз'). Как будто (по ссылке в TMN) слово отмечено в словаре зороастрийского пехлеви Кападиа (Бомбей, 1953); оно отсутствует при статье *āš* в толковом словаре персидского языка Му'ина (1, стр. 58) и у Абрамяна. Итак, среднеперсидская встречаемость нуждается в верификации.

(2, стр. 149): пушту *boɣdá* 'большой нож' производится (под вопросом) от **baug-* 'гнуть'. Это слово, конечно, невозможно рассматривать в отрыве от не попавшего в Словарь перс. *boɣdā* 'большой нож', отмеченного у Штейнгасса и Вулерса (*St.* 192, 195, *Vu.* 250; пуштунская форма, скорее всего, из перс.). Г. Дерфер (TMN 2, 294–295) сравнивает его со среднетюрк. *bügde* 'кинжал' (EDT 325), считая оба заимствованиями из третьего источника, но кажется, тюркскому слову удалось найти алтайскую этимологию (см. EtymDictAlt. 886).

(2, стр. 151): тадж. *buqqa* 'бык' трактуется как производное от звукосимволического корня **bauk-*, **baug-* 'рев, блеяние'. С учетом того, что это изолированная тадж. форма, а корень с глухим завершением слабо зафиксирован в иранских языках, предпочтительно традиционное объяснение заимствованием из узб. *buqa* 'бык', закономерно восходящего к пратюрк. **būka* то же ЭСТЯ 2, 230–232 и имеющего внешнюю этимологию.

(2, стр. 210): вахан. *čit* 'колючки на заборе' с сомнением отнесены к глагольному корню **čai-* 'собирать, складывать'; это довольно очевидный тюркизм, пратюрк. *čyt* 'забор, загородка', с др.-уйг., см. TMN 3, 1152, EDT 401.

(2, стр. 213–214): собраны слова, восходящие к значению 'бить, долбить, стучать', возводимые в принципе к праиран. **č(i)uk-*; корень трактуется как дескриптивный, и, естественно, с фонетической точки зрения это может быть единственным оправданием его существования (структурно маловероятно палатализованное начало перед **u*) – в отличие от вариантной формы **čak-* (возводимой к пра-и.-е. **kek-*). Все возводимые под эту праформу формы – новоиранские, в восточноиранских формах часто *č-* вместо ожидаемого *c-*, так что, видимо, все же следует согласиться с мнением Хеннинга и Маккензи (высказанном в применении к хорезм. *čkwndk* 'молоток', H – MK Khwar.Dict. 35) относительно заимствования этого вида корня из тюрк. **čok-* 'долбить' (*Räsänen* 114, 119, EDT 406).

(2, стр. 216): осетинский топоним Чегет, вслед за (*Абаев* I, 296), считается раннеосетинской формой к осет. *caegat* 'северная сторона горы; обух ножа, топора' (< **čakāta* 'лоб, верхушка'); из этой предположительно ранней формы выводится кар.-балкар. *čeget* 'лес' (карач.), 'северный склон' (балкар.) В этимологии тюрк. слова (как она дана в *Räsänen* 102, EDT 867–868, EtymDictAlt.

1530) имеется масса проблем, но во всяком случае балкар. форма – не заимствование из осетинского, ее общетюркский характер подтверждается тувин. *šet* ‘молодая хвойная поросль’, шор. *čet aɣaš* то же, ног. *šege-r* ‘кустарник’; так что топоним скорее из балкарского, а развитие значения ‘северный склон’ одинаково вероятно и из ‘обух’ (на осетинской основе), и из ‘хвойный лес’ (на тюркской основе).

(2, стр. 225, 474): тюрк. *čib/vin* ‘овод, слепень’, приводимое для сравнения с рядом памирских форм (которые предположительно возводятся в Словаре к **čap-* ‘хватать’ или **drap-* ‘кусать, рвать’ (без взаимных отсылок!), но, скорее всего, являются тюркизмами): все тюркские формы закономерно возводятся к праформе **čẏpyn*, которая вряд ли может относиться к праиранскому корню, к тому же имеет неплохую внешнюю этимологию (см. *Räsänen* 110, EDT 838, TMN 3, 53, Лексика 186, EtymDictAlt. 949).

(2, стр. 299): ав. *daena-*, перс. *dīn* ‘вера’: в примечании говорится, что совпадение этой основы с араб. *dyn* в эпоху ислама – результат фонетического сходства и смысловой близости. Следовало бы, однако, указать, что араб. *dyn* не имеет семитской этимологии и общепринято считается заимствованием из перс.

Пока пользование вышедшими томами затрудняет отсутствие общего указателя словоформ. По-видимому, авторы планируют такой указатель на последние выпуски словаря. Как уже упоминалось, ряд новоиранских слов получает под разными корневыми вхождениями разную интерпретацию без взаимных отсылок (ср. еще ср.-перс. *bōr* ‘желтый, рыжий’: на стр. 116 – из **balua*, как у (*Bailey* DKS 278), на стр. 152 из **baura*, причем здесь в сноске на стр. 154 приведено решение Бейли).

Еще замечание общего характера: в предисловии к словарю полезно было бы дать ту праиранскую фонетическую систему, из которой исходят авторы в своих реконструкциях – так сказать, фонетический (или фонологический) инвентарь, с помощью которого записаны праформы, стоящие на входах словарных статей, – и базовую таблицу фонетических соответствий между иранскими языками. Сейчас в предисловии выписана таблица фонетических значков, используемых в словаре, но для целей пользователей словаря этого явно недостаточно. Можно только предполагать, что примененная в Словаре реконструкция – та же, что изложена в (*Раст.* СИГЗЯ-Ф) и (*Эд.* СГВЯ-Ф). Понятна вся проблематичность построения целостной фонологической системы для реконструированного праязыка, который по построению не может претендовать на синхронность полученного среза, но собственно, как раз авторы Словаря уже проделали в своих монографиях эту сложнейшую работу; а представление ее результатов в краткой табличной форме в Словаре помогло бы читателю самостоятельно оценивать фонетическую точность сближений.

Отсутствие эксплицитно выписанного праиранского инвентаря и таблицы базисных соответствий иногда затрудняет такую оценку концептуально; мне пришлось столкнуться с этими затруднениями в случае форм, отражающих индоевропейские слоговые сонанты. Во-первых, неясно, какой инвентарь слоговых сонантов предлагается для праиранского состояния: присутствует ли в этом инвентаре долгое слоговое *r̥̄*, или нет. В иранских праформах, являющихся входами словарных статей, долгий слоговой сонант выписывается непоследовательно: ср. наличие альтернанта **r̥̄ma-* в названии руки (1, стр. 225) и отсутствие его в реконструкции **darga* ‘длинный’ (2, стр. 350), хотя оба случая восходят к пра-и.-е. долготе, имеют долготные параллели в санскрите и имеют рефлексы *-arə-* в авестийском, что традиционно считается отражением долгого слогового

сонанта (в отличие от рефлекса краткого *-ərə-*, хотя на практике ситуация явно сложнее, а именно, *-arə-* может отражать и полную ступень корня, ср.:

	Др.-инд.	Авест.
*r̥:	*vŕ̥kas*	*və[h]rkō* ‘волк’
	pr̥thivī́	*pərᵊθwī* ‘земля’
	tirás	*tarə̄* ‘мимо’
	gguru-	*goru* ‘тяжелый’
*r̥̄:	*īrá*	*arᵊma* ‘рука, лапа’
	dīrghá	*darᵊga-* ‘длинный’
	ūrmís	*varᵊmi-* ‘волна’
	tūrtás	*θwāša-* ‘торопливый’?

но также *bərəzant-* ‘высокий’ в соответствии с скр. *br̥hant-* и *barəzah-* ‘вершина’ в соответствии с скр. полной ступенью *barhas-*: 2, стр. 119, 120). Здесь не помогает и обращение к изложению реконструкции в (*Эд.* СГВЯ-Ф). На стр. 29 этой книги, в разделе “Состав системы сонантов” приводятся два слоговых сонанта (краткий *r̥* и долгий *r̥̄*) в соответствии с пра-и.-е. четырьмя и в качестве примеров на долгий приводятся как раз ав. *darəga-* ‘долгий’ и *arəma* ‘рука’. На стр. 56, где выписан инвентарь фонем в общеиранском, долгий слоговой сонант отсутствует, хотя у других гласных выписаны долгие варианты. Какая реконструкция имеется в виду в Словаре и каковы должны быть рефлексы для выбора варианта с долгим слоговым? Во входе словарной статьи Словаря ‘рука’выписаны три варианта основы через двоеточие – **arma-* : **r̥ma-* : **r̥̄ma-* –, что, согласно Введению, стр. 22, означает ступени чередования. Тогда мы бы ожидали, что представленные в статье иранские формы будут разделены на три группы, каждая из которых восходит к одному из альтернантов. Реально ни одной формы, которая возводилась бы однозначно к пра-иран. **r̥ma-*, не приведено (формы типа ваханского *yurm* могут восходить и к **r̥̄ma-* в традиционной реконструкции); если же авторы сомневаются в самой правомерности реконструкции для праиранского **r̥̄*, то тогда, видимо, отсутствует третий альтернант; в общем, кажется, более эксплицитно было бы выписать вход статьи как “**arma-* или **r̥̄ma-* : **r̥ma-* или **r̥̄ma-*” (из чего, видимо, должен следовать вывод о реконструкции **r̥̄ma-* для всех форм, что хорошо согласуется с индийскими данными). Тогда и на стр. 350 тома 2 мы ожидали бы увидеть в качестве одного из альтернантов “**darga* или **dr̥̄ga-* ‘длинный’”. Вообще, видимо, рефлексы слоговых – одно из очень тонких мест реконструкции, представленной в Словаре: ср. (1, стр. 227) “**aršan-* : **aršn-* : **r̥šn-* ‘мужчина, самец’”: в качестве формы, восходящей к **r̥šn-*, предлагается мидийское имя собственное **faršaina-* < **xwa-r̥šaina-* в эламской передаче; однако возможны по крайней мере два других решения: либо здесь представлен неслоговой вариант сонанта (**ršaina-*), либо эламская передача не отражает долготы стяженного гласного (т.е. **fāršaina-* < **xwa-aršaina-*), а как раз слоговой здесь довольно сомнителен.

Высказанные замечания ни в коей мере не следует считать направленными на умаление достоинств Словаря: очевидно, что только благодаря наличию этого компендиума и огромной и тщательной работе, проделанной его авторами, мы получили возможность более или менее уверенно рассуждать о сомнительных вопросах иранской реконструкции, оперируя полным материалом.

В целом рецензируемые выпуски уже сейчас значительно продвинули вперед состояние иранских этимологических и сравнительно-исторических иссле-

дований, не считая того, что снабдили бесценным материалом исследователей, занимающихся языками, контактными с иранскими (в частности, славистов и тюркологов).

Принятые сокращения

Лексика – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 1997.

ОИЯ – Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. Среднеиранские языки. М., 1981. Новоиранские языки. Западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987. Новоиранские языки. Северо-западная группа. I. М., 1991. Новоиранские языки. Северо-западная группа. II. М., 1997.

Оранский ИЯИО – *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.

Раст. СИГЗЯ-Ф – *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западно-иранских языков. М., 1990.

Ст.-К. ЭСВЯ – *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

Эд. СГВЯ-М – *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.

Эд. СГВЯ-Ф – *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.

Bailey DKS – *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.

Benv. Inst. – *Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economie, parenté, societé. II. Pouvoir, droit, religion. Paris, 1970

Benz. Chwar. Wort. – *Benzing J.* Chwaresmischer Wortindex (mit einer Einleitung von H. Humbach). Wiesbaden, 1983.

CLI – Compedium Linguarum Iranicarum. Hrsg. von R. Schmitt. Wiesbaden, 1989.

EDT – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Fazl-i-Ali – *Fazl-i-Ali.* A Dictionary of the Persian and English languages. New Delhi, 1979.

GIPh – Grundriss der Iranischen. Philologie. Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn. Bd. I–II. Strassburg, 1895–1904.

Henn. HbO – *Henning W.B.* Mitteliranish. – HbO. Abt. I. Bd. 4, Abschnitt 1. Leiden; Köln, 1958.

Henn.-MacK. Khwar. Dict. – *Henning W.B.* A Fragment of Khwarezmian Dictionary. Ed. by D.N. MacKenzie. L., 1971.

Mayrhofer Altindoar. – *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I. Heidelberg, 1986; II, 1996.

Morg. EVP – *Morgenstierne G.* An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.

Morg. EVSh – *Morgenstierne G.* Etymological vocabulary of the Shughni group. Wiesbaden, 1974.

Morg. IIFL – *Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages. Oslo, 1929. Vol. I; 1938. Vol. II; 1967. Vol. III, pt. 1; 1944. pt. 2; 1956. pt. 3; 1973. Vol. IV.

Morg. RLMA – *Morgenstierne G.* Report on a Linguistic Mission to Afganistan. Oslo, 1926.

Nyb. MP – Nyberg N.H. A Manual on Pahlavi. Pt. 2. Glossar. Wiesbaden, 1874.

St. – *Steingass F.* A comprehensive Persian-English dictionary. 2 impr. L., 1930
TMN – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I. Wiesbaden, 1963; II. Wiesbaden, 1965; III. Wiesbaden, 1967.
Turner CDIAL – *Turner R.L.* A comparative dictionary of the Indo-Arian languages. L., 1962–1964. Fasc. I–IV
Vu. – *Vullers J.* A. Lexicon persico-latinum etymologicum. T. 1–2, Bonnae ad Rhenum, 1855.

А.В. Дыбо

Vladimir Orel. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden; Boston: Brill, 2003. XXXVIII + 683 P.

Книга В.Э. Орла представляет собой достаточно полный этимологический словарь германских языков. Сам автор так указывает цель своей работы: "представить достаточно полное (но, конечно, не исчерпывающее) собрание прото-германских лексем с их реконструкциями, их рефлексами в основных ветвях германского и, когда это возможно, с приемлемыми этимологиями и этимологическими справками (последние включают основные этимологические словари также как статьи и заметки)".

В течение последних пятидесяти или шестидесяти лет лингвисты действовали под ошибочным впечатлением, что германская этимология не оставляет нам ничего большего, чем иметь дело с мелкими проблемами и что основной объем соответствующих проблем в этой области был решен. Автор не думает, что этот взгляд верен, и эта книга должна подготовить основание для будущей серьезной ревизии этой этимологии (в основном, корневой этимологии), автоматически принятой сейчас и санкционированной больше привычкой, чем доводами. С этим положением автора я совершенно согласен и, более того, я думаю, что ряд важных явлений прагерманской исторической фонетики остается до сих пор не освещен и, естественно, не включен в этимологические исследования.

Словарь В.Э. Орла включает следующие категории прагерманских слов: (a) слова, засвидетельствованные в двух или трех ветвях германского; (b) слова, засвидетельствованные только в одной германской ветви, но имеющие точные внешние соответствия или являющиеся отражениями источников более широко засвидетельствованных германских производных; (c) слова, засвидетельствованные только в одной германской ветви, но представляющие древние заимствования, которые могли проникнуть в германский на прагерманском уровне.

Автор отмечает, что со словами категорий (b) и (c) он полагается на этимологические решения и, следовательно, на те или иные научные предпочтения и имеет к ним интерес в большей степени, чем к словам категории (a). Это, конечно, влияло на выбор определенных (этимологических) статей. В некоторых случаях (эти) статьи были присоединены даже, когда слово представляло инновацию в одной ветви, но его обсуждение и анализ в этимологической литературе показывал иначе и статья должна была иметь определенный интерес для изучения прагерманского.

Словарь имеет дело только с полными лексическими параллелями в германском, и получающиеся в результате реконструкции суть *слова* (иногда с их морфологическими вариантами), а не морфемы. Внутренние германские соответствия представлены древнейшими засвидетельствованными формами из

каждой ветви, вовлеченной в данное сравнение. Таким образом, верхне-немецкий представлен древне-верхне-немецкой формой, кроме случаев, если таковая не отмечена. В последнем случае верхне-немецкий будет представлен средне-верхне-немецким или современным немецким и т.д. Обычно статья будет включать готские (или другие восточно-германские диалекты, обычно в реконструкции), древне-норвежские (или другие древне-скандинавские), древне-английские, древне-фризские, древне-саксонские и древне-нижне-немецкие формы.

Прагерманская фонологическая реконструкция, используемая в Словаре, является совершенно традиционной. Нет стремления решить проблему оппозиции (или отсутствия таковой) между германскими краткими **e* и **i* (даже если бы данный автор думал, что реконструкция некоей фонемы была бы подходящей): в большинстве слов с установленной этимологией или в соответствующих формах с различными ступенями аблаута выбор между **e* и **i* не вызывает никаких сомнений. Во многих трудных (и редких) случаях реконструкция **e* или **i* почти близка к произвольной. То же относится к некоторым примерам, когда нет способа различить **f* и **ƀ* или **þ* и **đ* на реконструктивном уровне. Можно лишь надеяться, что дальнейший прогресс германской этимологии позволит улучшить такие реконструкции. Фонологический инвентарь прото-германского и алфавитный порядок, используемый в словаре, установлен следующий: *a ƀ đ e ē* (и $\bar{e}_2$) *f ʒ x i ī j k l m n ō p r s t þ u ū w*.

Транслитерации, выбранные для отдельных германских языков, как отмечает автор, не могли быть совершенно последовательными повсюду в книге. Тем не менее, была сделана попытка достигнуть определенного уровня стандартизации (что включает, среди других условностей, упущение традиционного послесловного астерикса в готском). В то же время автор считал необходимым вернуться к основным лексикографическим источникам для большинства вовлеченных германских языков (а иногда и к текстам), с печальным исключением нижне-немецкого, для верификации (проверки) морфологических особенностей и значений сравниваемых форм. Этот процесс занял значительное время и потребовал некоторых усилий и был особенно мучительным в определении значений и их выражения в английском. Общеизвестно, как обманчивы могут быть переводы переводов – автор проявил максимум своих усилий, чтобы проверить их, и заменял их оригинальными (первоначально созданными) английскими глоссами всякий раз, когда это возможно (это относится прежде всего к готскому, древне-норвежскому и древне-английскому). Многочисленные призрачные слова и призрачные значения, появляющиеся в лингвистических публикациях (не только в германских, но и в других индоевропейских диалектах тоже) были безжалостно ликвидированы. Автор, однако, понимает, что некоторые из них остались не обнаруженными.

Семантическая реконструкция прагерманских слов, как отмечает автор, не предпринималась: слишком много сложностей и доводов должно было бы последовать за решением приписывать значения прагерманским словам.

Определенные вынужденности (частично продиктованные внешними факторами, частично вытекающие из лингвистических взглядов автора) заставили отфильтровать различные группы слов. Прежде всего это глаголы с префиксами и соответствующие имена, которые не были включены как отдельные статьи даже в случаях, когда префикс засвидетельствован во всех сравниваемых формах. Всякий раз, когда префикс может быть отнесен в индоевропейскую предысторию германского, этот довольно редкий факт отмечен в соответству-

ющей статье с беспрефиксной основой. Было также решено не включать германские собственные имена, топонимы и этнонимы как отдельные единицы. Собственные имена, однако, появляются довольно во многих статьях всякий раз, когда они образуют параллели к апеллятивным именам в других германских языках. Заимствованные слова в прото-германский были включены; однако, статус латинских заимствований оказался проблематичным. Как результат, словарь содержит только те латинские элементы, при которых можно предполагать, что они довольно древние и не получены различными германскими диалектами сепаратно или посредством цепочного заимствования.

Несомненно некоторые из прагерманских морфологических реконструкций в статьях, в значительной степени, идеализированы. В определенных случаях, например, в именах, когда определенные колебания рода кажутся имеющими регулярную природу, более глубокая реконструкция была предложена без дополнительных комментариев. Некоторые другие реконструкции, например, корневых основ, суть несомненно скорее слишком произвольны. Те же оценки в отношении реконструкции осно́вных гласных в составных словах и в отношении способа, которым были представлены адвербиальные формы.

Ниже приводятся некоторые поправки и дополнения и некоторые замечания к реконструкциям, подтверждающие в большинстве случаев убеждение автора в необходимости серьезной ревизии германской этимологии.

p. 11: **ajjaz*.... Здесь обнаруживается одно из призрачных слов, не обнаруженных и не ликвидированных автором: OPers (др.-перс.) *xāya* '*egg*' (следовало дать Pers, а не OPers) – эта ошибка из словаря Покорного (Pok. 783) кочует по ряду этимологических работ (ср. Snoj 1997, s. 194: v stperz. *xāya* "jajce"[1]), что свидетельствует о том, что процесс очищения ведущих этимологических словарей от слов-привидений без прямого указания на ошибку не достигает своей цели. Источник этимологии Hübschmann Pers. Stud. S. 166 и IF Anz. 10, 20, где приводится класс. перс. форма *xāya* 'Ei' и Horn: S. 103, № 468: (ново-перс.) *χāye* 'Ei'. Там же (в словаре Horn'а) дана и ср.-перс. форма: phlv. *χāyak* 'Ei', – и ряд новоиранских соответствий, но для последних лучше использовать Абаев I, 41, наиболее полное собрание ново-иранских соответствий к этой основе сейчас Расторгуева-Эдельман I, с. 305–306 (небесспорно в плане реконструкции, особенно, что касается восстановления в этой основе *-u̯-*). Авестийский рефлекс этой основы, по-видимому, установлен Хеннингом (Henning, Asiatica. Festschrift F. Weller, 289 f.), который понял *vīš aēm* в Yašt 13, 2–3[2] как 'яйцо птицы'. Приводимая обычно опирающаяся на эту стяженную форму реконструкция: авест. *aya-*, – не точна, так как новоиранские рефлексы ясно указывают на долготу первого *a-*, следует реконструировать авест. **āya-*.

Обычно настаивают на индоевропейской реконструкции **ōu̯i̯o-m*, что очень сомнительно, так как фактически единственный надежный рефлекс этого *-u̯-* лишь в лат. *ōvum* 'яйцо', которое Семереньи выводит из **ōo-m* < **ōi̯o-m* (см. Szemerényi, KZ LXX, 64), связь с лат. *ăvis* 'птица' очень проблематична из-за разных ступеней аблаута, мешающих пониманию **ōu̯i̯o-m* как рефлекса адъектива от **əu̯i-*. Для характеристики собственно германской основы следовало бы ввести отсылку на статью Микколы (см. Mikkola, Streitberg Festg. 268), кото-

---

[1] Следует отметить, что в словаре М. Фасмера эта ошибка исправлена.

[2] Этот фрагмент приводится в Bartholomae 161, без перевода, он включен в статью g. *ayəm*, j., g. *aēm*, p. *iyam*, j. *īm* NSm. und f. Pron. dem. 'dieser'.

рый правильно связывает сокращение гласного в германской основе с Verschärfung'ом и оба эти явления с "окситонезой" основы (в отличие от приводимой книги Lindeman Verschärfung). Полезна была бы ссылка на книгу Иллич-Свитыча, с. 152, так как обычно приводимая как характеризующая славянский рефлекс с его просодией с.-хорв. форма *jāje* акцентологически перестроена в связи с переводом этой основы в число *-ęt*-основ.

p. 72: **đējanan*... Смею предполагать, что одним из призрачных слов, не устраненных автором, является прагерманское **đējanan* 'to suckle' (72). Приводимый традиционно для подтверждения этой реконструкции др.-в.-нем. глагол *tāju*, inf. *tāan* 'кормить грудью', строго говоря, представляет собой загадку (впрочем, лишь в плане его документации); так как в верхне-немецком отмечается и другой глагол этого корня: ср.-в.-нем. *dien* (*tien*) 'saugen, säugen (die Brust geben)' < **dhəie-*) – то, очевидно, в западногерманском мы имеем пару, в которой др.-в.-нем. **tāju* является каузативом к *dien* (*tien*) и занимает то же место, что и гот. *daddjan* и др.-швед. *dæggia* по отношению к др.-швед. *dīa* 'saugen', датск. *die* 'saugen'; но если этот др.-в.-нем. глагол является рефлексом того же этимона (каузативного глагола), что и приводимые готское и северногерманские слова, то и долгота его гласного (даже, если она где-либо была бы зафиксирована) никак не может быть первичной и, следовательно, это *-a-* (или *-ā-*) не может быть непосредственным продолжением прагерманского *-ē-*. Этот глагол зафиксирован, по-видимому, лишь один раз: др.-в.-нем. *taant* 3.pl.praes. (Gl 1, 541, 2: *Cum te lactanerint* ~ *denne dhih taant*. Др.-в.-нем. форма глоссирует лат. 3.pl. perf. coniunct. при *cum*), см. Raven I, 221. В связи с этим, по-видимому, неправомерна реконструкция и герм. **đīōjanan* (72): др.-швед. *dīa* 'saugen', датск. *die* 'saugen', vi 'сосать (*о ребенке*)', vt 'кормить грудью'; ср.-в.-нем. *dien* (*tien*) 'saugen, säugen (die Brust geben)', по-видимому, из и.-е. **dhəi-(i̯)e-* и нормально соответствует др.-инд. *dháyati* 'saugt' (< **dhəi̯e-*, *-a-* – регулярный рефлекс *-ə-* перед *-i̯-*); о структуре корня см. ниже.

Так как уже более сорока лет о германском сокращении долгот в слоге перед индоевропейским ударением, как правило, не упоминается и процесс этот в работах по германской этимологии не учитывается, а для объяснения закона Хольцмана в последнее время вошли в моду различного рода ларингалистские спекуляции, полезно будет привести следующий позиционно распределенный материал:

I. Германские основы с сокращением индоевропейских долгот и с Verschärfung'ом ~ балто-славянский подвижный акцентный тип (латышская прерывистая интонация корня).

1. герм. **đajjanan* (67) 'to suckle': герм. **dăjja-* 'кормить грудью' < **dhŏi̯i̯o-* < **dhōi̯ó-* [гот. *daddjan* (только dat.pl. f. part.-praes. *daddjandeim* Mc. 13, 17), др.-швед. *dæggia*] ~ слав. **dojĩti*, praes. 1.sg. **dö̀jǫ*, 3.sg. **dojítь* [русск. *доúть*, praes. 3.sg. *доúт*; ср.-болг. (ст.-тырн.) дойтъ Зогр. А5⁷а, и дwй | т сѧ Зогр. А17$^{17-18}$а, (юг.-зап.) *l*-part. доилà ̂єси Сб. № 151: 215^{24}б, болг. *доя́* 'доить, кормить грудью', с.-хорв. *дȍјити*, praes.1.sg. *дȍјӣм* 'кормить грудью; сосать грудь', словен. *dojíti*, praes. 1.sg. *dojím* 'säugen; milchen'; краткость гласного в корне этого славянского глагола явно не первична, она является результатом, по-видимому, морфонологического процесса, приведшего к замене долготы на краткость в корнях с долгими дифтонгами на *i* (*-ēi-*, *-ōi-*) у каузативных глаголов и у девербативных имен, ср. **pojĩti* (**pōi̯-*), **krojĩti* (**krēi̯-*), **lojь* (**lēi̯-*), **rojь* (**rēi̯-*)]; лтш. *dêt*, *dêju* 'сосать' (прерывистая интонация указывает на подвижную а.п.) || Дыбо 2000, 450, 641; Фасмер I, 522; ср. Mikkola 267; *W. Wiget*, Altgerm. Lautuntersuch. Dorpat, 1922, 10 ff.

К структуре корня: и.-е. корень **dhēi̯-/*dhī-* (в ларингалистической интерпретации: **dheh₁i̯-/*dhh₁i-*), полная ступень этого корня отражена в лтш. *dêt*, *dêju* 'сосать'; а также в др.-инд. *dhā́taven* 'zu trinken', (*payo*)-*dhā́-* '(Milch) saugend' (RV), *go-dhā́-* '*Kuhsaugerin'; греч. θῆσθαι 'saugen', θη-λή f. 'Mutterbrust'; лат. *fēlāre* 'saugen' (все с потерей второго элемента долгого дифтонга); нулевая ступень: др.-инд. *dhītá-* 'gesogen' (AV +); в гетеросиллабической позиции: др.-инд. *dháyati* 'saugt' (< **dhəi̯e-*, *-a-* – регулярный рефлекс *-ə-* перед *-i̯-*) (по-видимому, = др.-швед. *dīa* 'saugen', датск. *die* 'saugen', *vi* 'сосать (*о ребенке*)', *vt* 'кормить грудью'; ср.-в.-нем. *dien* (*tien*) 'saugen, säugen (die Brust geben)' < **dhəie-*); фонетически закономерное отражение *о*-ступени, по-видимому, лишь в герм. **dajja-* 'кормить грудью' (гот. *daddjan* 'säugen', др.-швед. *dæggia* 'säugen') < **dhŏi̯i̯-éie-* < **dhōi-éie-*; и, вероятно, в др.-в.-нем. глаголе *taju*, inf. *taan*, который приводится в литературе как *tāju*, inf. *tāan* 'кормить грудью' и который в средне-верхне-немецком контаминировался с ср.-в.-нем. *dien* (*tien*) 'saugen'.

2. герм. **kewwanan* (213) 'to chew'; я реконструировал бы здесь две основы: **kjŭjja-* ~ **k(j)ĕu̯u̯a-* 'жевать' < **ĝi̯ūi̯ó-* ~ **ĝi̯ēu̯ó-* [др.-исл. *tyggia* ~ др.-исл. *tyggva*, др.-в.-нем. *kiuvan*, др.-англ. *cēovan*]: слав. praes.sg. 1. **žûjǫ*, 3. **žujètь* (< **zi̯ēu-i̯e-*); inf. **ževâti* (< **zi̯əu̯-ā-*) ~ praes.sg. 1. **žьvǫ*, 3. **žьvètь* (< **zi̯ŭu̯-e-*); inf. **žûti* (< **zi̯ēu-tei-*) 'жевать' (а.п. *c*) [русск. нормат. XIX в. *жую́, жуе́шь* (Пушкин: *жуе́т, жую́т* СЯП I, 777), юго-западнорусск. XVI–XVII в. жѹ́ю; (Гр.гр. Н4а), ѕжѹ́ю; (Гр.гр. Н4а), укр. *жую́, жуе́ш*, блр. *жую́, жуе́ш* ~ русск. диал. (Ивонино) *žvú*, *žvéš* (Брок ГЗМ, 40), (Огорь) *жву, сажв'е́ш* (Бромлей-Булатова, 381); болг. диал. (Wysoka) *źŏwa*, *źuvèš*, 3.sg. krava *źuvè* (Suche: *źuvèm*, *źuvèś*)]. ‖ Дыбо 2000: 286, 293;

К структуре корня: и.-е. корень **ĝi̯ēu̯-/*ĝi̯ū-* (в ларингалистической интерпретации: **ĝieh₁u̯-/*ĝih₁u-*), полная ступень этого корня отражена в иранской презентной основе **ǰyāu̯-*: перс. *žāw-*, белудж. *ǰāy-*, афг. *žōw-*; *о*-ступень: балто-слав. *źi̯ōunā* (лит. *žiáuna* 'Kieme, Kinnbackenknochen', pl. *žiáunos* 'Kiemen der Fische, Kiefer'; лтш. *žaũnas* 'Fischkiefer, Fischkieme; Kiefer, Kinnlade' ~ болг. *жу́на* f. 'губа, рот'); лтш. *žuôkls* 'Kinnlade, Gaumen, Kiefer(n) der Fische' (< **ĝi̯ōtlo-* < **ĝi̯ōutlo-*, с потерей глайда в долгом дифтонге); нулевая ступень: иран. **ǰyū-* представлен в ср.-перс. манихейск. part. *ǰwwd* (*žūδ*); слав. **žīje-* < **źi̯ūi̯e-* (> ст.-слав. жижтъ, сохранившееся в ср.-болг. списках Толковой псалтыри Исихия, цит. по Болонски псалтыр, с. 333 фототипического издания); для структуры корня ср. также лат. *gin-gīva* f. 'десна, дёсны' ‖ Dybo BSA p. 379–380; Henning Verb. 186; Ghilain Ind. ; Fraenk. II, 1302–1303.

3. герм. **xăwwanan* (167) 'to strike, to smite': герм. **xăwwa-* 'ковать' < **kāu̯-ó-* (др.-исл. *hǫggva*, швед. *hugga*, датск. *hugge*, др.-в.-нем. *houvan*, др.-англ. *hēawan*): лтш. *kaût* 'бить, колотить' (прерывистая интонация указывает на подвижную а.п.); слав. praes.sg. 1. **kòvǫ*, 3. **kovètь* (< **kəu̯-e-*); inf. **kûti* (< **kāu-tei-*) ~ praes.sg. 1. **kûjǫ*, 3. **kujètь* (< **kāu-i̯e-*); inf. **kovâti* (< **kəu̯-ā-*) 'ковать' (а.п. *c*) [болг. *кова́, кове́ш*, диал. (банат.) *кувѣ̀, закувѣ̀*, 3.sg. *кувѐ*, 3.pl. *кувѣ̀т*, (Wysoka) *kòwa*, 2.sg. *kuvèś*, 3.pl. *să kuvàt*; с.-хорв. диал. (косово-метох.) *ковȇм*, 2.sg. *ковȇш*, 3.sg. *ковȇ*; угор.-словен. *kovêm* (? = *kovẹ̑m*) (Plet.) ~ русск. нормат. XIX в. *кую́, куе̂шь* (Булаховский РЛЯПП XIX в.: 219); сев.-чак. (Нови) *kūjén*, *kūjȇš*, *kūjemȍ*, *kujemȍ*, *kūjú*, (Раб) *kujȇn* Rad 118: 44; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) Кѹ̓јєм (Гр. 85[1], 191), Кѹ̓јє́мсє (Гр. 72[2]) при неясном варианте Окѹ̓јєм (Гр. 191); ст.-сев.-кайк. (XV в., Пергошич) 3.pl. *kuiiû* (≤ **kujū*; 22[6]), сев.-кайк. (Бедня) **kēyjām*, (Пригорье) *kújem* Rad 118: 100, оттянутое ударение отличается в этом диалекте от сокращенного ударения группы глаголов этого типа а.п. *a*]. ‖ Дыбо 2000: 287, 293–294.

К структуре корня: и.-е. корень **kāu̯-/*kū-* (в ларингалистической интерпретации: **keh₂u̯-/*kh₂u-*), полная ступень в лит. диал. *kóva* (1) 'walka' (Šl. 182); лтш. *kâva* 'der Kampf, die Schlacht' (4.а.п. этого слова в нормат. лит. языке является, по-видимому, заменой 3.а.п.,

противоположный результат [устранение подвижности] в приведенном диал. примере[3]); лит. *káuti*, praes. 1.sg. *káuju* (< **kāu̯ō*), praet. 1.sg. *kóviau* 'schlagen, schmieden; kämpfen'; лтш. *kaût*, praes. 1.sg. *kaûju*, praet. 1.sg. *kâvu* 'schlagen, hauen; schlachten'; нулевая ступень: лит. *kūjis* (1) 'молоток'; слав. **kȳjь* (русск. *кий*, gen.sg. *кúя*; словен. *kȋj*, тональная рефлексация по *kȋjəc*; схрв. чак. *kȉjac*) || Dybo BSA p. 368–369; Fraenk. I, 232; Pok. 535.

4. герм. **ƀewwanan* (44) 'to be'; я реконструировал бы здесь две основы, распределенные по категориям одной глагольной лексемы: герм. **bŭjja-* ~ **bŭu̯u̯a-* (или **beu̯u̯a-*), с последующей контаминацией основ, 'жить, проживать, населять' (др.-исл. *byggja* ~ *byggva* 'besiedeln, bevölkern, bebauen, bewohnen, sich (an e. Ort) aufhalten; sich ansiedeln, sich niederlassen', ново-исл., фарер., норв., швед. *byggja*; швед. *bygga*, датск. *bygge*): лтш. *bût* (прерывистая интонация указывает на подвижную а.п.); ср. также слав., который сохраняет подвижную а.п. в формах инфинитивной основы: supin **bŷtъ* ~ inf. **bŷti*; aor. **bŷxъ*, 2–3 p. *bŷstъ*, *l*-part. **bŷlъ*, f. **bylȁ*, n. **bŷlo* [др.-серб. aor. 3.sg. нѥ быст' (Ев.-апр. 108б), нѥ бы (Ев.-апр. 30а), и' бы (Апост. 39а, 39б, 52б), сьбысть сѥ (Ев.-апр. 301б), pl. 1. не быхомь (Ев.-апр. 105б, 298а, не быхо (Ев.-апр. 298а); 3. быше (Ев.-апр. 306а), не быше (Ев.-апр. 106б); *l*-part. русск. *бы́л*, *нé был*, f. *былá*, *не былá*, n. *бы́ло*, *нé было*, pl. *бы́ли*, *нé были*; ср.-болг. (ст.-тырн.) был єи (Зогр. Е361[22]а), был єи (Зогр. 361[16]б), f. была (Зогр. Г246[14]б), n. было єи (Зогр. Б243[25]б), былѡ еи (Зогр. Е165[9]а), (юг.-зап.) быль єси (Сб. № 151: 217[2]а), был' єи (О письм. 26б), f. была єси (Сб. № 151: 151а, 180[27]а), и была (О письм. 25б), прѣбыла єси (Сб. № 151: 279[26]а), была еи (О письм. 25б, 55б), n. было (О письм. 27б), было еи (О письм. 48б), pl. были (Сб. № 151: 106[2]б, 175[24]б, 220[6]а), n.pl. была соуть (О письм. 7а); с.-хорв. шток. *bȉo*, f. *bíla*, n. *bílo*; словен. *bȋl*, f. *bilà*, n. *bilò* и *biló̩*; pl. *bilì* и *bilȋ*, f. *bilè* и *bilȩ̑*, n. *bilà*; du. *bilà*, f. *bilì*, n. *bilì*; part. praet. act.: др.-русск. прѣбы Хрон. 67, 127, і прѣбы Хрон. 77, dat.sg.m. бывшю Чуд. 9[1], 70[2], 165[3], бывшю Чуд. 19[3], nom.pl. и бывше Чуд. 67[1]; ст.-серб. XV в. и бывь (Апост. 59а), и прѣбивь (Апост. 106а); словен. диал. *bívši* (< **byvъši* Valj. Rad 118: 166]; формы презенса в славянском образуются от других основ; (вариант без Verschärfung'a: др.-исл. *búa* 'haushalten, wirtschaften, leben, wohnen; sich befinden, sich aufhalten; bewohnen', др.-англ. *būan*, nordh. *bȳa* 'bauen' sw.V. III cl. флектируется по I cl.: R[2]: praes. 2.sg. *bȳes*, part. *bȳend* и *būend* 'colonus'; Rit.: praes. 3.sg. *byaþ*, part. *bȳende* (др.-англ. *beo* 'bin'); др.-в.-нем. *būan* 'bauen, wohnen' sw.V. II cl.(red.), но большинство форм по I cl. и под.; отсутствие Verschärfung'a, возможно, свидетельствует о чередовании акцентных контуров в первичной парадигме) || Fraenk. I, 68; Дыбо 2000.

К структуре корня: и.-е. корень **bheu̯ə-/*bhū-* (в ларингалистической интерпретации: **bheu̯h₂-/*bhuh₂-*): полная ступень первой основы в др.-инд. praes. 3.sg. *bhávati* 'wird, entsteht, ist' < **bheu̯h₂-eti*, inf. *bhávitum* < **bheu̯h₂-tum*; авест. *bhava'ti* 'wird, ist'; др.-англ. *bēo* 'ich bin' ? < **bheu̯ō* < **bheu̯h₂-oh₂*; полная ступень второй основы: др.-лат. praes.subiūnct. *fuam* 'sei'; нулевая ступень: др.-инд. part. praet. pass. *bhūtáḥ* 'geworden, verwandelt', aor. 3.sg. *á-bhū-t* 'er wurde, war'; авест. part. praet. pass. *būta-*; греч. aor. ἔφῡ 'wurde'; др.-лат. *fūī* 'bin gewesen'; др.-лит. aor. *bū*, др.-лтш. *buvu* 'ich war'; ст.-слав. бы || Pok. 146–150; Mayrhofer II, 485–487; Mayrhofer EWA II, 255–257; Frisk II, 1052–1054; WH I, 557–559.

---

[3] Ср. подобное же развитие в следующих именах: 1. лит. *džiovà*, gen.sg. *džiovõs*, acc.sg. *džiõvą* 'Dürre, Schwindsucht' ~ *džiáuti* 'trocknen' || лтш. *žaût* tr. 'trocknen, zum Trocknen aushängen'; 2. лит. *brandà*, gen.sg. *brandõs*, acc.sg. *brañdą* 'Reife (des Korns)' ~ *bręsti* 'quellen, reifen' || лтш. *briêst* 'quellen, schwellen, dichter werden, im Wachstum, an Dicke, Fülle zunehmen, der Reife entgegen gehen'; 3. *gėlà*, gen.sg. *gėlõs*, acc.sg. *gėlą* 'heftiger Schmerz' ~ *gélti* 'heftig schmerzen' || лтш. *dzeȓt* 'stechen, brennen, beisen'.

5. герм. **flawjanan* (106); в данном случае мы с автором расходимся в оценке и.-е. источников германской основы: я реконструирую две основы и иначе рассматриваю корень: герм. **flĕu̯u̯a-* ~ **flău̯u̯a-* 'мыть, стирать, полоскать' (др.-в.-нем. *fleuwen, flouwen* 'spülen, waschen'): лтш. *plaûst* 'замачивать для стирки' (вторично вместо **plaût*, ср. лит. *pláuti*, диал. *pláusti* 'полоскать') (прерывистая интонация указывает на подвижную а.п.); в славянском наблюдается контаминация двух глагольных корней, при этом оба образовывали основы а.п. с: слав. praes.sg. 1. **plȍvǫ*, 3. **plovètь* (< **plə-u̯-e-*); inf. **pluti* (< **plōu-tei-*) 'плыть' [русск. *плыву́, плывёшь*, диал. (Тотьма) *płoví*, укр. *пливу́, пливе́ш*; с.-хорв. (старый региональный) *plòvēm* (Skok); ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) Пловѐм Гр. 87[2], 212, Возпловѐм Гр. 212; словен. *plóvem* (с оттянутым ударением, что доказывает открытый *-o-*); aor.: 3.sg. ст.-серб. XV в. ѿплоу (Апост. 67б[20], 75[12]а); *-l*-part.: русск. *плы́л, о́тплыл, по́плыл*, f. *плыла́, отплыла́, поплыла́*, n. *плы́ло, о́тплыло, по́плыло*; др.-русск. по́плꙑ (Авв. 93а), при́плꙑ (Косм. 175а, 175б, 178а), плы́ли (Косм. 27б), до́плꙑ (Авв. 54а), по́плꙑ (Авв. 40а), про́плыли (Косм. 181б), при́плыли (Косм. 29б, 187б, Авв. 32а, 55б); ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) Плꙋл, Пла́л (Гр. 87[2]), *póplul* (Пол. 222), *záplul* (Пол. 223); юж.-кайк. (Требарево) pl. *plûle* (Zb.3: 73), *dȍplule* (Zb.3: 73), *ȍdplule* (Zb.3: 232[4]); словен. *plûl*, f. *plúla*; part. praet. act.: ср.-болг. (ст.-тырн.) до́плꙋвь (Зогр. Е402[20]а); ст.-серб. XV в. по́плоувь (Апост. 101а[11]), но nom.pl. m. прѣплоу | вше (Апост. 98а[17–18])]; лучше сохранились количественные отношения и отражается первоначальная семантика ('затопить, залить') в слав. **plŷnǫ*, **plynètь* (< **plū-ne-*); inf. **plynǫtí* (< **plū-neu-tei-*) 'затопить') [а.п. *c* устанавливается по соответствию схрв. и ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) а.п. *b* чешскому сокращенному рефлексу праславянской долготы в корне этого глагола: || Дыбо 2000: 286, 496, 509, 515, 319, 329.

К структуре корня: и.-е. корень **plēu̯-/*plū-* (в ларингалистической интерпретации: **pleh*$_1$*u̯-/*plh*$_1$*u-*): полная ступень в лит. *pláuti*, praes. 1.sg. *pláuju*, praet. 1.sg. *plóviau* 'waschen, spülen'; др.-исл. *flóa* 'fließen, strömen' (< герм. **flōwēn*), др.-англ. *flówan* 'überfliessen' (редуплицированный глагол: praet. *fleów*, pl. *fleówon*, part. praet. *flówen*); нулевая ступень в лит. *plūti* (praes. 1.sg. *plūnù*, praet. 1.sg. *pluvaũ*) 'übervoll sein, überfließen, auseinanderfließen', лит. *plūsti*, praes. 1.sg. *plūstu*, praet. 1.sg. *plūdau* 'strömen, fluten, in großer Menge fließen, sich in großer Menge verbreiten, sich ausbreiten'; лтш. *plûst* 'sich ergießen, überströmen, überschwemmen, sich ausbreiten, ruchbar werden'; слав. **plŷti* (русск. *плы́ть*; с.-хорв. *plȉti*), слав. **plynǫtí*; корень является расширением и.-е. базы (= второй основы) от корня **pelə* : **plē-*: ср.-в.-нем. *vlœjen* 'spülen'; *o*-ступень: ср.-н.-нем. *vlōien*, ср.-нидерл. *vloyen, vloeyen* 'fliessen' || Fraenk. I, 609–610; EWD I, 449–450; Franck-van Wijk 749, 750; de Vries 132; Bosworth-Toller 295; Pok. 835–837 (**pleu-d-* к **pleu-*).

6. герм. **þreu̯u̯a-* ~ **þrau̯u̯a-* 'угрожать' (в Словаре эти основы пропущены; др.-в.-нем. *dreuuen, drouuen*): слав. praes.sg. 1. **trȍvǫ*, 3. **trovètь* (< **trəu̯-e-*); inf. **trűti* (< **trōu-tei-*) ~ praes.sg. 1. **trûjǫ*, 3. **trujètь* (< **trōu-i̯e-*); inf. **trovắti* (< **trəu̯-ā-*) (а.п. *c*) || Дыбо 2000: 294.

К структуре корня: и.-е. корень **trēu̯-/*trū-* (в ларингалистической интерпретации: **treh*$_1$*u̯-/*trh*$_1$*ū-*): полная ступень в герм. **þrēwa-* (др.-англ. *đrāwan* 'drehen, quälen', др.-в.-нем. *drāwan* 'drehen'); ст.-слав. трѣва 'трава'; *o*-ступень: греч. τρώω 'durchbohre, verwunde, verletze' (< *τρώϝω), дор., ион. τρῶμα 'Wunde' (с потерей глайда в долгом дифтонге); герм. *þrōwia-* (др.-англ. *đrōwian* 'dulden, erleiden, ertragen; büßen'; др.-в.-нем. *druoen* 'leiden' schw. V. 1); слав. **travīti*, praes.sg. 1. **travi̯ǫ́*, 3. **trāvītь* (русск. *трави́ть*, praes. sg. 1. *травлю́*, 3. *тра́вит*, укр. *трави́ти*, praes.sg. 1. *травлю́*, 2. *тра́виш* 'варить, переваривать (пищу); тратить, терять'; ст.-слав. (Супр.) травити 'поглощать, пожирать', с.-хорв.

трáвити, praes.sg. 1. *трâвим* 'кормить травой'; чеш. *tráviti* 'переваривать, потреблять, отравлять', слвц. *trávit'*, польск. диал. (малопольск.) *trâvić* Kucała 191), **travá*, acc.sg. **trãvǫ* > **travǫ̀* (русск. *травá*, acc.sg. *трáву*, укр. *травá*, acc.sg. *трáву*; с.-хорв. *трáва*, acc.sg. *трáву*; чеш. *tráva*, слвц. *tráva*, польск. диал. (малопольск.) *trâva* Kucała 55); нулевая ступень: греч. τρύω 'reibe auf, erschöpfe', τρῦμα, τρύμη 'Loch'; слав. *tryti*, praes.sg. 1. *tryjǫ* (серб. ц.-слав. трыти, praes.sg. 1. трыѭ, болг. *трúя* 'тру, вытираю'); корень является расширением и.-е. бáзы (= второй основы) от корня **terə-* 'reiben; drehend reiben': τέρε-τρον (< **terə-tro-*) ‖ Pok. 1071–1073; Orel 426, 425; Holthausen AEEW 368, 370; Dybo BSA p.303, 379;

7. герм. **snew(w)anan* (358) 'спешить' (др.-англ. *snéowan* 'eilen'; гот. *sniwan* < < **sneu̯a-*, с сокращением *-ē-* в тех же условиях с последующим упрощением геминированного *-u̯u̯-*): слав. praes.sg. 1. **snõvǫ*, 3. **snovètь* (< **snəu̯-e-*); inf. **snûti* (< **snēu-tei-*) ~ praes.sg. 1. **snûjǫ*, 3. **snujètь* (< **snēu-i̯e-*); inf. **snovâti* (< **snəu̯-ā-*) (а.п. *c*).

К структуре корня: и.-е. корень **snēu̯-/*snū-* (в ларингалистической интерпретации: **sneh₁u̯-/*snh̥₁u-*): полная ступень в др.-инд. *snā́van-* n. 'сухожилие, тетива', авест. *snāvarə* 'сухожилие, тетива'; арм. *neard* 'Sehne, Faser, Fiber' (< **snēu̯r̥t*); греч. νεῦρον 'Sehne'; нулевая ступень: др.-исл. *snúðr* 'Schnelligkeit'; др.-англ. *snūd* 'Eile, eilig'; корень является расширением и.-е. базы **snē-* 'Fäden zusammendrehen; weben, spinnen': греч. νῆ 'spinnt' (< *σνῆμει; на начальное **sn-* указывают: ἔννη 'nebat', ἐΰννητος 'gut gesponnen'), νῆμα 'Gespinst, Faden', νῆσις 'das Spinnen'; лат. *neō*, *nēre* 'spinnen' (**snē-i̯ō*), *nēmen* 'Gespinst, Gewebe' ‖ см. Дыбо СА с. 238, Dybo BSA p. 377–378; Pok. 977.

8. герм. **brewwan* (56); я реконструировал бы две основы: герм. **brujja-* и **brewwa-* (др.-исл. **bryggja* st. V., part. *brugginn* 'brewed', *brugga* schw. V., 'brew', 'brauen', др.-швед. *bryggja* и др.-англ. *brēowan* 'brew', 'brauen', др.-фриз. *briūwa*, др.-сакс. *breuwan*, др.-в.-нем. *briuwan*) ~ слав. **brujâti*, **brujîti*, praes. 1.sg. **brûjǫ*, 3.sg. **brujètь*, **brujítь* (русск. диал. *бруúть*, praes. 3.sg. *бруúт* 'стремительно, быстро течь', 'гудеть, жужжать', *бруя́ть*, praes. 3.sg. *бруёт*, 3.pl. *бруют* 'издавать гудящий звук, жужжать' СРНГ 3: 201, 212; блр. *бруíцца*, praes. 3.sg. *бруíцца* 'течь'; с.-хорв. *брýјати*, praes. 1.sg. *брýјим* 'brummen, summen') ‖ Holthausen AEEW 34; de Vries 60; ЭССЯ 3: 45–46; Фасмер I, 221; Berneker I, 88–89; Pok. 144–145, 132–133.

К структуре корня: и.-е. корень **bhrēu̯-/*bhrū-* (в ларингалистической интерпретации: **bhreh₁u̯-/*bhrh₁u-*): полная ступень в греч. φρέαρ, gen.sg. φρέᾱτος 'Brunnen' (< *φρῆϝαρ, *φρῆϝατος), гомер. pl. φρείᾱτα (= φρῆατα); лит. *br(i)áutis*; нулевая ступень: др.-в.-нем. *wintes prūt* 'буря, ураган' (= др.-ирл. *bruith* 'кипение' < **bhrūti-* < **bhrūtí-*, см. ВСЯ, 5, 1961 г., с. 11) и ср.-ирл. *bruth* 'Glut', валл. *brwd* 'das Brauen; so viel Bier, wie auf einmal gebraut wird' (< **bhrūto-* < **bhrūtó-*); ср. греч. (догреч.) βρύω 'изобиловать, бить струей'; корень является расширением и.-е. базы (= второй основы) от корня **bherə-* 'aufwallen, sich heftig bewegen': др.-инд. *bhuráti* 'bewegt sich rasch, zuckt, zappelt' (< **bhr̥̄-e-ti*), *bhúrṇi-ḥ* 'heftig, zornig, wild, eifrig' (< **bhr̥̄ni-*); полная ступень второй основы в герм. **brēja-* (крым. гот. *breen* 'schmoren'; ср.-в.-нем. *bræjen* 'riechen, duften', ср.-нидерл. *bræyen* 'braten') и в герм. **brēđa-* (др.-исл. *bráðr* adj. 'горячий, вспыльчивый, опрометчивый'; др.-англ. *brǣð*) (= лат. *frĕtum* n. 'прибой, прилив; бушевание, волнение; жар, пыл' < **bhrēto-* < **bhrētó-*, см. ВСЯ, 5, 1961 г., с. 14) ‖ ЭССЯ 3: 45–46; Pok. 144–145, 132–133.

9. герм. **xnewwanan* 'to humble, to crush' (180); я реконструировал бы здесь две основы: герм. **xnūjja-* и **xnewwa-* (др.-исл. praes. *hnyggja* и *hnøggva* 'schlagen, stossen'; др.-исл. part. *hnugginn* 'humbled'; др.-в.-нем. *hniuwan* 'stossen, zerreiben') ~ лтш. *knûdêt*[2] 'ein wenig jucken' (Sackenhausen) Endz.-Haus. I, 634 (от ст.-лтш. *knūt*, *knūst*, praes. 1.sg. *-du* или *-stu*, *-du* 'jucken'; прерывистая интонация указывает на подвижную а.п.); слав. **knûti*, praes. 1.sg. **knõvǫ* ~ **knovâti*, praes. 1.sg. **knûjǫ* (от-

мечен только в лехитских языках; подвижный акцентный тип реконструируется на основании соотношения основ); ср. греч. κνύω 'schabe', κνῦμα n. 'Kratzen'.

К структуре корня: и.-е. корень **kn(i̯)āu̯-/*kn(i̯)ū-* (в ларингалистической интерпретации: **kn(i̯)eh₂u̯-/*kn(i̯)h̥₂u-*): полная ступень, по-видимому, в польск. *knuć*, praes. 1.sg. *knuję* 'затевать, замышлять; строить козни', первичное значение 'ciąć, rozcinać, rąbać, rozłupywać, szczepać drzewo'; кашуб. praes. 1.sg. *knëją*, prt. *knůł*, f. *knëła* (inf. *knovac*) 'schneiden, schnitzen' < **knāu̯*-C-; нулевая ступень: греч. κνύω 'schabe', κνῦμα n. 'Kratzen'; лтш. *knūt*, *knūst*, praes. 1.sg. *-du* или *-stu*, *-du* 'jucken' (ср. *kn̦udêt*, praes. 3. *kn̦ud* 'jucken'); нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: словинц. *knùǫvăc*, praes. 1.sg. *knùǫvą*, 2.sg. *knùǫvôš* 'schnitzen, schnitzeln; schlecht schneiden, nicht die nötige Schärfe haben' < **knəu̯*-V-; расширение и.-е. базы *kenā (**kenə- ~ *knā-*) 'zusammendrücken, kneifen': полная ступень в греч. атт. κνῆν, praes. 3.sg. κνῇ, (Hdt.) κνᾶν, praes. 3.sg. κνᾷ, praes. 1.sg. κνήθω 'schabe, kratze; jucke'; др.-в.-нем. *nuoen* 'durch Schaben glätten, genau zusammenfügen'; лит. *knóti*, praes. 1.sg. *knóju* 'драть, обдирать, лупить', *knótis*, praes. 1.sg. *knójuos* 'отставать, отдираться, отлупляться', диал. жемайт. *kniótіes*, praes. 3. *kniójas* 'atšokti, kerti, knotis' Vitkauskas 145 ‖ Frisk I, 880–881, 887; Pok. 562 (558–563).

В том, что приблизительно в таком же количестве глагольных корней, которым соответствуют балто-славянские глагольные корни неподвижного акцентного типа (имеющие в латышском плавную интонацию), закон Хольцмана не действует, можно убедиться по следующему списку.

II. Германские основы без сокращения индоевропейских долгот и без Verschärfung'а ~ балто-славянский неподвижный акцентный тип.

1. герм. **spīwanan* (365); я реконструировал бы две основы: герм. **spīwa- ~ *sp(j)ūja-* 'плевать' < **spі̯u̯o- ~ *sp(j)ūjo-* (гот. *speiwan*; др.-англ. *spīwan*, др.-сакс. *spīwan*, др.-в.-нем. *spīwan*, *spīan* ~ др.-исл. *spýja*; вост.-фриз. *spüjen* 'spucken, sprühen', ср.-нидерл. *spuwen* 'spucken, speien'): лтш. *spl̦aũt*, praes. 1.sg. *spl̦aũju*, praet. 1.sg. *spl̦ãvu* (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); слав. praes.sg. 1. **pjũjǫ*, 3. **pjũjetь* (< **pi̯āu-i̯e-*); inf. **pjevãti* (< **pi̯əu̯-ā-*) 'плевать' (а.п. а).

К структуре корня: и.-е. корень **spi̯āu̯-/*spi̯ū-* (в ларингалистической интерпретации: **spi̯eh₂u̯-/*spi̯h̥₂u-*): полная ступень в лит. *spiõva* 'плевака', 'Spucker-(in)', *spiõvìmas* 'плевание', 'Spucken, Speien'; лтш. *spl̦ãviêns* 'das einmalige Speien'; *о*-ступень, возможно, в авест. *spāma-* 'Speichel, Schleim' (< **spi̯ōmo-* < **spi̯ōumo-*, с потерей глайда в долгом дифтонге); нулевая ступень: др.-инд. *ṣṭhyūtá-* 'gespuckt, gespien'; лат. *spūtum* n. 'плевок'; также в презентных основах: греч. πτύω 'spucke'; лат. *spuō*; герм. **spūja-* (др.-исл. *spýja*; вост.-фриз. *spüjen* 'spucken, sprühen', ср.-нидерл. *spuwen* 'spucken, speien'); нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: др.-инд. *ṣṭhīvati* 'spuckt, speit aus'; герм. **spīwa-* (гот. *speiwan*; др.-англ. *spīwan*, др.-сакс. *spīwan*, др.-в.-нем. *spīwan*, *spīan*) ‖ Pok. 999–1000.

2. герм. **siwjanan* (329); я реконструировал бы герм. **sjūja-* 'шить' < **si̯ū́-i̯o-* (гот. *siujan*, др.-исл. *sýja*, др.-англ. *sīewan*, др.-в.-нем. *siuwan*): лтш. *šũt*, praes. 1.sg. *šũnu* (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); слав. praes.sg. 1. **šĩjǫ*, 3. **šĩjetь* (< **si̯ū́-i̯e-*); inf. **šĩti* (< **si̯ū́-tei-*) (а.п. *а*).

К структуре корня: и.-е. корень **si̯ēu-/*si̯ū́-* (в ларингалистической интерпретации: **si̯eh₁u̯-/*si̯h̥₁u-*): полная ступень первой основы: др.-инд. *sevanam* 'das Nähen, die Naht', – полная ступень второй основы: др.-инд. *syota-*, *syona-* m. 'Sack' (Lex.); нов.-перс. *yūn* 'Satteldecke' (< **hyauna-*), – и, возможно, в герм. **si̯aumaz* (др.-исл. *saumr* m. 'Saum, Naht'; др.-англ. *sēam*, др.-фриз. *sām*, ср.-н.-нем. *sōm*, др.-в.-нем. *soum*); нулевая ступень: др.-инд. *syūtá-* 'genäht'; лат. *sūtus*; лит. *siū́tas*, лтш. *šũts*, русск. *шит*, f. *шита*, n. *шито*; др.-инд. *sūtram* 'Faden'; лат. *sūbula* 'Ahle' (< **s(i̯)ū-dhlā*); др.-в.-нем. *siula* 'Ahle' (< **si̯ū-dhlā*); слав. **šĩdlo* (русск. *шило*, укр. *шило*; болг. *шило*, с.-хорв. *шило*, словен. *šílo*; чеш. *šídlo*, слвц. *šidlo*, польск. *szydło*, в.-луж. *šidło*, н.-луж. *šydło*, полаб. *saidlü*); нулевая ступень в гетеросиллаби-

ческой позиции: др.-инд. *sīvana-m* 'das Nähen, die Naht', *sīvyati* 'näht', гот. *siujan* ‖ Pok. 915–916; WH 631–632; Holthausen AEEW 287; Фасмер IV, 438; Mayrhofer III, 477–478.

3. герм. **sǣja-* 'сеять' < **sḗi̯o-* (гот. *saian*, др.-исл. *sā*, др.-сакс. *sāian*, др.-в.-нем. *sāen*, *sājan*, *sāwen*, др.-англ. *sāwan*): лит. *sė́ti*, praes.1.sg. *sė́ji*, praet.1.sg. *sė́jau*, лтш. *sēt*, praes.1.sg. *sēju* (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); слав. praes.sg.1. **sě̋jǫ*, 3. **sě̋jetь* (< **sēi̯-e-*); inf. **sě̋jati* (< **sēi̯-ā-*) (а.п. *a*).

К структуре корня: и.-е. корень **sē(i)-/*sə(i)-* (в ларингалистической интерпретации: **seh₁(i)-/*sh̥₁(i)-*): полная ступень: лат. *sēmen* 'Same'; герм. **sḗmōn* (др.-сакс. *sāmo*, др.-в.-нем. *sāmo*); лит. *sė́menys* pl., диал. вост.-лит. *sė́men(e)s* 'Leinsamen, Leinsaat' (1 → 3); слав. **sě̋mę* (др.-русск. ѿ сѣмени gen.sg. Чуд. 67³, 104³, 139¹, и о сѣмени loc.sg. Чуд. 60³, сѣмена acc.pl. В 64 [ИАСИМ 182]; ср.-болг. ѿ сѣмене gen.sg. Зогр. Д136а, сѣмена nom.-acc.pl. Зогр. Б516, и҆ і сѣменемъ dat. pl.Б56а; с.-хорв. *sjȇme*, словен. *sẹ́me*; чеш. *símě*, слвц. *semä* [KSSJ 397], польск. диал. малопольск. *śęḿę* [Kucała 60]); др.-ирл. *sīl* 'Same', валл. *hīl* 'Same, Nachkommenschaft'; лит. *pasė́lis* 'Aussaat, Beisaat'; лтш. *sēja* 'das Säen, das besäte Feld, die Saat'; словен. *sẹ̑ja* 'das Säen'; нулевая ступень: лат. *sătus* 'Gesät', *sata* n.pl. 'Saaten'; валл. *had* 'Same' и лит. диал. *sajùs* 'leicht anzusäen, saatenreich, fruchtbar, ergiebig, reichlich' ‖ Pok. 889–891; Orel 328; Fraenk. II, 774, 778–779, 756; WH II, 522.

4. герм. **wējanan* (460–461) 'веять' < **wḗja-* (гот. *waian*, др.-в.-нем. *wāen*, *wājen*, др.-фриз. *wāja*, ср.-нидерл. *wāien*, др.-англ. *wāwan*): слав. praes.sg. 1. **wě̋jǫ*, 3. **wě̋jetь* (< **u̯ēi̯-e-*); inf. **wě̋jati* (< **u̯ēi̯-ā-*) (а.п. *a*).

К структуре корня: и.-е. корень **u̯ē(i)-/*u̯ə(i)-* (в ларингалистической интерпретации: **h₂u̯eh₁(i)-/*h₂u̯h̥₁(i)-*): полная ступень в др.-инд. *vāti*, авест. *vāⁱti* 'weht'; греч. ἄησι 'weht'; др.-инд. *vāyati* 'weht'; авест. *fravāyeⁱti* 'verlöscht'; герм. **wḗja-*; слав. praes.sg. 1. **wě̋jǫ*, 3. **wě̋jetь* (< **u̯ēi-e-*); др.-инд. *vāyúḥ* 'ветер', авест. *vāyuš* 'Wind, Luft'; лит. *vė́jas* 'Wind', лтш. *vējš* 'Wind'; вост.-лит. *víesulas* 'вихрь'; лтш. *vel̃suôls*, *viẽsuls*, *viẽsulis* 'вихрь' (< **vḗisulo-*) Mühl.-Endz. IV 525, 671; слав. **vı̋χъrь* 'вихрь' (< **vḗišūro-*); нулевая ступень: слав. **vьjati* 'веять' (русск. диал. *вьять* '(об огне) полыхать', *завья́ть* 'завеять, занести снегом, песком'; возможно, чеш. *váti* 'веять'), слав. **vьjalica* 'буря' (русск. диал. *вьялица* 'метель, буран'; ст.-слав. **виѩлица** 'буря'); лит. *vý́dra* 'Sturm(wind)', прусск. *wydra* 'Wind' (ср. др.-лтш. **vę̄dra* [в тексте: *whedra*] Ev. 'Sturm') ‖ Pok. 81–84; Feist 541–542; Фасмер I, 306, 310, 324; Fraenk. II, 1237–1238, 1243–1244.

5. герм. **spōja-* 'удаваться' [др.-англ. *spōwan* 'Erfolg haben, gedeihen, glücken', др.-в.-нем. *spuoen*, *spuon* sw.V. 'vonstatten gehen, gelingen', эта глагольная основа опущена в Словаре, вопреки утверждению (b) автора]: лтш. *spēt*, praes.sg. 1. *spēju* 'vermögen, können' (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); слав. praes.sg. 1. **spě̋jǫ*, 3. **spě̋jetь* (< **spḗi̯e-*); inf. **spě̋ti* (< **spē-tei-*) 'поспевать' (а.п. *a*) ‖ Beitr. 11, 61 ff.

К структуре корня: и.-е. корень **spē(i)-/*spə(i)-* (в ларингалистической интерпретации: **speh₁(i)-/*sph̥₁(i)-*); полная ступень: др.-инд. *sphāyate* 'wird feist, nimmt zu'; герм. **spēđjaz* adj. (гот. *spediza* comp. 'späterer'; ср.-нидерл. *spade*, др.-в.-нем. *spāti* 'spät'); нулевая ступень: др.-инд. *sphirá-* 'feist'; герм. **sparaz* (362) (др.-исл. *sparr* 'sparsam, karg'; др.-англ. *spœr* 'sparsam'; др.-в.-нем. *spar* 'sparsam, knapp'; слав. **sporъ* (русск. *спо́рый*; с.-хорв. *spȍr* 'lang dauernd'; чеш. *sporý* 'ergiebig, ausgiebig; sparsam, spärlich') ‖ Pok. 983–984; Holthausen AEEW 307–308, 312; Mayrhofer III, 541–542; Mayrhofer EWA II, 776–777.

6. герм. **bōjanan* (51) (др.-англ. *bóian* 'to boast'): слав. praes.sg. 1. **bȃjǫ*, 3. **bȃjetь* (русск. диал. praes.sg. 1. *ба́ю*, 2. *ба́ешь*, укр. praes.sg. 1. *ба́ю*, 2. *ба́єш*; болг. praes.sg. 1. *ба́я*, 2. *ба́еш*, с.-хорв. praes.sg. 1. *bȁjēm*, ст.-хорв. XVII в. [Ю. Крижанич] praes.sg. 1. Ба́јем, Наба́јем, ζба́јем Гр. 199; словен. [Валявец] *bȃjem* Rad 67: 70,

закономерный переход рефлекса акута в “новый циркумфлекс”; [SSKJ] *bâjati*, praes.sg. 1. *bâjam*; *bájiti*, praes.sg. 1. *bâjim* – морфологически перестроенные формы, но сохраняющие рефлексы старого акцентного типа; ошибочно указание Plet. относительно акцентовки форм презенса: *bájati*, *-jam*, *-jem*) ‖ Дыбо 2000: 292; Фасмер I, 140.

К структуре корня: и.-е. корень **bhā-/*bhə-* (в ларингалистической интерпретации: **beh₂-/*bhh₂-*): полная ступень: др.-инд. *sa-bhā́* f. ‘Versammlung’ (‘colloquium’ Edgerton KZ. 46, 173ff.); греч. φημί, дор. φᾱμί ‘sage’, φήμη f., дор. φᾱ́μᾱ ‘Kunde, Ruf, Offenbarung’; лат. *for* < **fā-i̯ō(r)*, *fātus sum*, *fārī* ‘spreche’, *fāma* f. ‘Gerede, Gerücht, Überlieferung’; *o*-ступень: греч. φωνή ‘Stimme’; нулевая ступень: греч. φᾰ́τις f. ‘Gerücht’, φᾰ́σις ‘Sprache, Rede, Bechauptung, Anzeige’; армян. *bay*, gen.sg. *bayi* ‘Wort, Ausdruck’ < **bhə-ti-s*; **bhə-to-s* в лат. *făteor* ‘öffentlich erklären, zugeben’; позиция рассечения корня *-n*-инфиксом (тест девятого класса): др.-инд. *bhánati* ‘spricht, tönt’, тематизация основы 9 класса **bhanāti* < **bhe-ne-ə-* (в ларингалистической интерпретации: < **bhe-ne-h₂-*); ожидание в этом случае в корне рефлекса и.-е. *-ə-* связано с непоследовательностью в принятии анализа де Соссюра ‖ Frisk II, 1009–1010, 1058–1059; WH I, 437–438, 450–451, 462–463, 525–526; Mayrhofer II, 469–470; Mayrhofer III, 433–434; Mayrhofer EWA II, 244, 701; Pok. 105–106.

7. герм. **knēanan* (218) ‘знать’; я реконструировал бы герм. **knḗja-* ‘знать’ (др.-исл. *kná* ‘kann’; др.-англ. *cnāwan* ‘wissen, erkennen’, др.-в.-нем. *knājan* ‘kennen’): слав. praes.sg.1. **znȃjǫ*, 3. **znȃjetь* (< **ĝnō-i̯e-*); inf. **znȃti* (< **ĝnō-tei-*) (а.п. *a*); при praes.sg. 1. **-znâjǫ*, 3. **-znajètь* (< **ĝnō-i̯e-*); inf. **znajati* (< **ĝnō-i̯-ā-*) (а.п. *c*) (двойственность корня прослеживается и на другом материале) ‖ Holthausen AEEW 54.

К структуре корня: и.-е. корень **ĝnē-/*ĝn̥-* (в ларингалистической интерпретации: **ĝneh₁-/*ĝn̥h₁-*): полная ступень в тох. А *kña-* ‘знать’, ‘kennen’; *o*-ступень: др.-перс. *xšnāsa-* в *xšnāsāhiy* ‘du sollst merken’, греч. эпидавр. γνώσκω ‘erkennen, kennenlernen’, лат. *nōscō* ‘erkenne’; др.-инд. *jñātáḥ* ‘bekannt’; греч. γνωτός ‘bekannt’; лат. **gnōtus* (в *nōta*, *nōtāre* и в *cognitus*, *agnitus*; < **ĝnōtó-*); нулевая ступень: гальск. Κατου-γνᾶτος, *Epo-so-gnātus*, др.-ирл. *gnāth* ‘gewohnt, bekannt’ < **ĝn̥to-*; герм. **kúnþaz* (гот. *kunþs* ‘bekannt’; др.-исл. *kunnr*, *kuðr* ‘bekannt, kundig’; др.-англ. *cúð* ‘kund, bekannt, offenbar, sicher; ausgezeichnet; freundlich, verwandt’, др.-фриз. *kūth* ‘kund, bekannt’, др.-сакс. *kūth* ‘bekannt’, др.-в.-нем. *kund* ‘bekannt, kund; verwandt’), **un-kúnþaz* (гот. *un-kunþs* ‘unbekannt’; др.-исл. *ú-kúðr* ‘unbekannt’; др.-англ. *un-cúð* ‘unknown, uncertain, strange, terrible’, ср.-нидерл. *on-cont* ‘onbekend aan, onbekend met’, др.-в.-нем. *un-kund* ‘unbekannt’); лит. *pažı̃ntas* ‘bekannt’, лтш. *pazîts* ‘знакомый’ < **ĝn̥to-*; нулевая ступень с инфиксным рассечением (тест 9 класса): авест. *zanā-t̰*, *zanąn*, афг. *pé-žani* ‘unterscheidet, erkennt’; др.-ирл. *-gninim*; лит. *žinóti*, praes. 1.sg. *žinaũ* ‘kennen, wissen’ < < **ĝn̥-ne-ə-* ‖ Pok. 376–378.

8. герм. **rūjanan* (309) (др.-исл. *rýja* schw. V. ‘to pluck the wool off sheep’, ‘Wolle abpflücken’) ~ слав. praes. 1.sg. **rȳjǫ*, 3.sg. **rȳjetь* [русск. диал. praes. 3.sg. *рóйит* ‘насыпает’ (селигеро-торжокские говоры, Селижаровский р-н, д. Дубровки, запись С.Л. Николаева, диалект, сохраняющий а.п. с глагола **vyjetь*); ср.-болг. вост. praes. 3.sg. ѝзрꙑ́етьⷭ Пс.Кипр. 85б, ѝзрꙑ́етьⷭ Нор.пс. 155б9 (тексты, относящиеся к диалектам, в которых сохраняется различие акцентных типов в глаголах с корнями на *-i-*), болг. диал. банат *рúйą* (северо-восточный болгарский говор, не входящий в зону нейтрализации акцентных противопоставлений у глаголов с корнями на *-i-* и сохраняющий а.п. с глагола **vyjetь*), болг. диал. (Wysoka) *rь̀ja*, *rь̀ʲš*, (Suche) *rìjam*, (Орешник, фракийские переселенцы) *рúйъ*, *рúеш* (26) (юго-восточные болгарские говоры, не входящие в зону нейтрализации акцентных противопоставлений у глаголов с корнями на *-i-*); словен. *rȋjem* (Plet., Valj. Rad 67: 78 и др. источники)] ‖ Дыбо 2000, 278; Dybo BSA p. 321–322; Pok. 868.

К структуре корня: и.-е. корень **rāu̯-/*rəu-* (в ларингалистической интерпретации: **reh₂u̯-/*rh̥₂u-*): полная ступень в гетеросиллабической позиции в лит. *rovà* 'nach einer Überschwemmung auf einer Wiese zurückgelassenes Geschiebe' = лтш. *rãva* Lin., Selg., Wandsen, Dond., Kandau, Kurs., Arrasch, Ruj. *'Rückstand nach Überschwemmung auf Wiesen' ⇒ 'stinkendes, eisenhaltiges Wasser, eine solches Wasser enthaltende sumpfige Stelle'; нулевая ступень в таутосиллабической позиции в лат. *rūta* f. 'вырытое', *rŭtrum* n. 'заступ, лопата', в современных романских языках отражается только краткостный вариант, см. Meyer-Lübke 618; нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: слав. **rȍvъ*, gen.sg. **ròva* > **rovà* < **rəu̯o-* (русск. диал. *ров*, gen.sg. *рóва*, укр. галицк. сан. Черн. *rîw*, gen. *rová*, *róva*, pl. *rový*, покут. Печ. *r'iw*, gen. *rová*, pl. *rový* – а.п. *d*; подольск. *рів*, gen.sg. *ровá*; с.-хорв. литер. *рôв*, gen.sg. *рȍва* – а.п. *d* или *c*, диал. Ю. Бараня *rōv*, gen. **ròva* 382, 451, instr. **rovōm*, pl. **rovōvi* 382 – а.п. *b*; а.п. *b* и *d*, см. ОСА Словарь I, 267–269); лит. *rãvas* 'Straßengraben' ‖ Pok. 868–869.

9. герм. **mōjanan* (274) (ср.-н.-нем. *mōien* 'быть в тягость, мучить, раздражать', ср.-нидерл. *moeyen*, *moyen* 'отягощать, быть в тягость, мучить, причинять боль', др.-в.-нем. *muoien*, *muoen* 'Mühe machen, bemühen, beunruhigen, bedrängen'): слав. **mãjati*, praes.sg. 1. **mãję*, 3. **mãjetь* 'утомлять, доставлять страдания, отягощать' [русск. просторечн. и диал. (Даль) *мáять* 'морить, мучить, изнурять, утомлять; истязать, томить, истомлять', *мáяться* 'заниматься утомительной, изнурительной работой; мучиться, испытывать тоску, томление, боль'; болг. *мáя* 'медлить, задерживать, отвлекать от занятий', *мáя се* 'терять время; кружиться; маяться'; с.-хорв. *мȁјати*, praes. 1.sg. *мȁјēм* 'выматывать, мучить, задерживать', *мȁјати се* 'маяться, мучиться, задерживаться'].

К структуре корня: и.-е. корень **mā-/*mə-* (в ларингалистической интерпретации: **meh₂-/*mh̥₂-* или **meh₃-/*mh̥₃*): полная ступень в греч. μῶλος 'Anstrengung, Mühe', μῶλυς adj. 'ermattet, erschöpft'; лат. *mōlēs* f. 'Masse; Last, Schwere; Mühe'; нулевая ступень: греч. ἄ-μοτος adj. 'unermüdlich', гомер. ἄμοτον adv. 'unaufhörlich, unermüdlich'. ‖ Подробный анализ корня и его ностратических соответствий дан мной в *В.М. Иллич-Свитыч.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 1984, с. 48–52; см. также: Pok. 746; Orel 274; WH II, 101–102; Frisk I, 95, II, 250, 282, 283.

10. герм. **fūanan* (121); я реконструировал бы две глагольных основы: герм. **fauje-* ~ **fūje-* < **pouəja-* ~ **pūja-* (др.-исл. *feyja* 'verfaulen lassen' ~ др.-исл. part. *fūinn* 'verfault, rott', ср. также др.-исл. *fúna* 'faulen') ~ лтш. *pũt*, praes. 1.sg. *pũstu*, praet. 1.sg. *puvu* intr. 'faulen, modern' (плавная интонация указывает на неподвижную а.п.); лит. *pũti*, praes. 1.sg. *pūvù* (т.е. *pųvù*), *pūnù* и *pũstu*, praet. 1.sg. *puvaũ* 'гнить; тлеть, разлагаться'.

К структуре корня: и.-е. корень **peuə-/*pū-* (в ларингалистической интерпретации: **peuh̥₁/*puh₁-*): полная ступень в авест. *paviti-* f. 'Fäulnis, Verwesung' (Bartholomae 849) и в лит. *piáulas* 'verfaultes, morsches Holz', pl. *piaulaĩ* 'Sägespäne'; лтш. *praũls* 'moderndes, vermodertes Stück Holz' (значение лит. pl. указывает на контаминацию с корнем **pi̯āu̯-* 'толочь, резать, пилить' [Pok. 827: **pēu-*], лтш. *praũls* из **pl̦aũls* в результате диссимиляции); *o*-ступень: др.-исл. *feyja* 'verfaulen lassen' < **pouəjo-*; нулевая ступень: др.-инд. *pū́yati* 'wird faul, stinkt', *pū́yaḥ* m., *-am* n. 'Eiterung, Ausfluß, Eiter', *pūtiḥ* 'faul, stinkend'; авест. *pūⁱti* f. 'Fäulnis, Verwesung' (Bartholomae 909); греч. πύθω 'mache faulen'; лат. *pūteō*, *pūtēscō* 'faule'; нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: греч. πύον, πύος n. 'Eiter' < *πύϝο-; лит. *pūvùs* 'faulbar, verwestlich', *pùvenos* pl. 'перегной, гумус' ‖ Pok. 848–849; Mayrhofer II, 322, 321; Orel 121;

11. ? герм. **bējanan* (44) (др.-в.-нем. *bāen* 'to warm (with a compress)': слав. **grě̃ti* 'to warm', praes.sg. 1. **grě̃ję*, 3. **grě̃jetь* ‖ Kluge-Seebold 73.

К структуре корня: и.-е. корень **gʷhr-ē-/*gʷhr-ə-* (в ларингалистической интерпретации: **gʷhr-eh₁-/*gʷhr-h̥₁-*): полная ступень в слав.**grě̃jeti* 'to warm', praes.sg. 1. **grě̃ję*, 3. **grě̃jetь* ‖ Pok. 493–495.

Дополнить материал небольшим списком соответствующих имен предоставляю самому читателю (лексемная группировка материала в Словаре В.Э. Орла позволяет сделать это достаточно быстро).

Из статей, относящихся к категории (а), не попавших в словарь (почему-то оказавшихся выпущенными), хочу обратить внимание на следующую группу: др.-исл. *kāfl*, др.-сакс. *cāfl*, др.-англ. *céafl* 'щека, скула'. Эта группа и примыкающие к ней основы обнаруживают интересные соответствия в балто-славянском и в иранском:

Слав. *zěbry* 'жабры; челюсти' < **źjābr-* (русск. диал. *зéбры* 'жабры у рыб; челюсти у человека (особенно нижняя челюсть); скулы' СРНГ вып. 11: 241–242) : лит. *žiobrỹs*, *žióbris* – вид рыбы; Pok. 382 предлагает ряд: др.-исл. *kāfl*, др.-сакс. *cāfl*, др.-англ. *céafl* 'щека, скула'[4], который он производит из герм. **kēf(a)la-* со ступенью удлинения; отмечены также формы с огласовкой *-ĕ-*: ср.-в.-нем. *kivel*, *kiver* 'Kiefer'; завершение основы *-r* на фоне других и.-е. соответствий представляется первичным; авестийский при этом обнаруживает следы гетероклизы: авест. *zafar^e*, *zafan-* 'Mund, Rachen'. В случае принятия этой этимологии, слав. *žābra*, pl. *žābry* 'жабры' следует рассматривать как < **źjōbr-*, где чередование **ō* ~ **ā* объясняется позицией перед *b* (ассимиляция или диссимиляция)[5] || Miklosich 405; Фасмер II, 91, 31–32; Holthausen AEW 44; Falk-Torp I, 518; Pok. 382; Bartholomae 1657; Бенвенист, 34.

Еще раз повторю, что сделанные замечания нисколько не умаляют достоинств рецензируемого словаря, публикация которого позволяет наконец единым взглядом обозреть современное состояние германской этимологии и составить полное представление о ее сильных и слабых сторонах.

Принятые сокращения

Абаев I – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., Л., 1958.

Бенвенист – *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

Бенв. Оч. осет. – *Бенвенист Э.* Очерки по осетинскому языку. М., 1965.

Дыбо 2002 – *Dybo V.A.* Balto-Slavic Accentology and Winter's Law. // Studia linguarum, 3/2. М., 2002, р. 295–515.

Иллич-Свитыч – *Иллич-Свитыч В.М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.

ИАСИМ – Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.

---

[4] Обе западногерманские формы подтверждает Falk-Torp I, 518: as. *câfl*, ags. *ceâfl* "kiefer". Источник др.-исл. мне не известен. Судя по другим источникам долгота др.-англ. и др.-сакс. форм в памятниках не зафиксирована, а восстанавливается исследователями на основании наличия чередующихся форм с огласовкой *-e-*, что не исключает и качественного чередования: и.-е. *-*e*- ~ *-*o*-.

[5] Долгота гласного в балто-славянском корне может быть объяснена законом Винтера (см. Дыбо 2002, специально с. 393–395 и соответствующие примеры на последующих страницах) или связана с первичной гетероклизой этой основы. Что касается *-*i̯*-, то эта йотация, по-видимому, вторично введена в балто-славянском под влиянием **ĝi̯ēu̯-* ~ **ĝi̯ū-* 'жевать'.

Льюис-Педерсен – *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
Расторгуева-Эдельман I – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000.
Brugmann Gr. – *Brugmann K.* und *Delbrück B.* Grundriss der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. I–II. Strassburg, 1897.
Endz.-Haus. – *Endzelin J.* und *Hausenberg E.* Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch, I–II. Riga, 1934–1946.
Gl. 1 – *Steinmeyer Elias, Sievers Eduard.* Die althochdeutschen Glossen. B. I. Berli, 1879.
Henning – Asiatica. Festschrift F. Weller.
Holthausen AEEW – *Holthausen F.* Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934.
Horn – *Horn Paul.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
Hübschmann IF Anz. 10 – *Hübschmann H.* [Rezension von] *Horn P.* Neupersische Schriftsprache. (Grundriss der iranischen Philologie, herausgegeben von W. Geiger und E. Kuhn. Band I Abteilung 2.) Strassburg Trübner, 1898.
Hübschmann Pers. Stud. – *Hübscnmann H.* Persische Studien. Straßburg, 1895.
Mayrhofer IGr. – Indogermanische Grammatik. Bd. I, 1. Halbband: Einleitung von W. Cowgill; 2. Halbband: Lautlehre [Segmentale Phonologie des Indogermanischen] von M. Mayrhofer. Heidelberg, 1986.
Mažiulis – *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas, 1–3. Vilnius, 1988–1996.
Meillet A. – *Meillet A.* Varia. II. – V. sl. zěją // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. T. 9, p. 137–141.
Mikkola, Streitberg Festg. – *Mikkola J.J.* Die Verschärfung der intervokalischen *j* und *w* im Gotischen und und Nordischen // Streitberg-Festgabe, herausgegeben von der Direktion der vereinigten sprachwissenschaftlichen Institute an der Universität zu Leipzig. Leipzig, 1924, S. 267–271.
Raven – *Raven Frithjof A.* Die schwachen Verben des Althochdeutschen. B. I–II. Alabama, 1964–1967.
Szemerényi, KZ LXX – *Szemerényi O.* KZ LXX.
Skok – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I. Zagreb, 1971; II, 1972; III, 1973.
Snoj 1997 – *Snoj Marko.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.
Zubatý Josef. Zum slavischen ě. // Archiv für slavische Philologie, Bd. 13. Berlin, 1890–1891, S. 622–625.
Zubatý Josef. Zur Deklination der sog. *-i̯ā-* und *-i̯o-* Stämme im Slavischen // Archiv für slavische Philologie, Bd. 15. Berlin, 1892–1893. S. 493–518.

В.А. Дыбо

T. Szymański. Ze studiów nad słownictwem słowiańskim. Kraków, 2003. 168 S.

В книгу известного слависта Т. Шиманского вошли статьи, опубликованные за последние тридцать лет, а точнее с 1973 г. по 1991 г., на страницах журналов Język Polski, Български език, Palaeobulgarica, Rocznik Slawistyczny и в некоторых сборниках (ср. Тиквешки сборник). Как отмечает автор в коротком предисловии к сборнику, статьи вошли в том виде, в каком были написаны на польском и болгарском языках, устранены лишь опечатки, написание примеров приведено в соответствие с оригиналом. Сборник посвящен вопросам славян-

ской этимологии. В статьях, расположенных в сборнике в хронологическом порядке, предметом исследования стали польские и болгарские лексические диалектизмы, отдельные русских и украинские слова. Особый интерес автор проявляет к образованиям, звукоподражательным по своей природе, анализу их семантики, выявлению типов семантических взаимосвязей. В сборнике находим отклик на обсуждавшуюся в конце 70-х годов проблему непоследовательного проведения первой палатализации в славянских языках. С позиции этимологической науки оцениваются труды Ст. Младенова и Л. Милетича в области лексикологии. На страницах сборника в разных аспектах исследуется значительная часть славянского словаря. Некоторое представление об объеме исследованного материала дает словоуказатель с расположением слов в две колонки (с. 157–169). К обсуждению этимологически трудного слова автор обращается в ряде статей, и включенные в сборник материалы этих статей взаимно дополняют друг друга и позволяют точнее определить статус слова в славянском словаре (ср. "К этимологии болг. диал. *зонӑ*", "Укр. *зонӑ*" 'śnieć, Ustilago'"). Не имея возможности сколько-нибудь подробно обозреть все статьи сборника, мы остановимся на вопросах, которые представляются нам наиболее существенными для решения проблем этимологии.

Исследования Т. Шиманского, одного из составителей Краковского словаря ("Słownik prasłowiański"), подчинены решению задачи реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда. На основе конкретного этимологического анализа в работах Т. Шиманского обсуждаются принципы реконструкции праславянского лексического фонда, те критерии, которые необходимо учитывать при оценке возраста слова. Участие в таком фундаментальном проекте, каким является работа над "Праславянским словарем", определяет особый интерес автора к архаичным лексико-семантическим образованиям. С ориентацией на реконструкцию праславянского лексического фонда исследуется словарный состав славянских диалектов, в первую очередь болгарского и польского языков. В своем подходе к материалу автор исходит из разработанной в трудах Ф. Славского концепции праславянского языка. Основные положения этой концепции охарактеризованы в статье под названием "Праславянский язык в концепции Ф. Славского". Автор особо подчеркивает, что определение этимологии как науки, призванной объяснить и обосновать словообразовательную и семантическую структуру слова языковыми процессами, актуальными для более ранних хронологических срезов (с. 123), наиболее полно реализовано в "Этимологическом словаре польского языка" Ф. Славского, дающем полную, исчерпывающую информацию о происхождении слова. Этот словарь, с которым по точности и всесторонности анализа, богатству материала не может сравниться ни один из славянских этимологических словарей, мог бы быть без преувеличения назван "Праславянское наследие в польском языке". Привлеченный для исследования богатый лексический материал оценивается с позиции отражения праславянского наследия в диалектах славянского языкового пространства. Во всех этимологических этюдах на материале разной лексики с разных сторон автором обсуждаются принципы отбора лексики, датируемой праславянской эпохой. В статье "К вопросам изучения праславянской лексики" подчеркивается, что географическому критерию, как и морфологическому, далеко не всегда принадлежит решающая роль при оценке праславянской древности слова. Для повсеместно распространенных лексем, оформленных по продуктивным моделям, существует большая вероятность параллельного независимого развития в славянских диалектах. Это относится в первую очередь к производным образованиям с суф.

-ьnь, *-ota*, *-ostь*, *-ovati* и др. На конкретных примерах автор последовательно показывает, какие факторы необходимо учитывать при определении ареальной характеристики слова, праславянского наследия в отдельных славянских языках. Детальный анализ материала заставляет автора усомниться в правомерности отнесения к праславянскому фонду представленного во всех трех славянских языковых группах прилаг. **duhovъ* (ЭССЯ 5, 152–153), поскольку у западных и южных славян это прилагательное скорее всего является калькой лат. *spiritualis* или греч. πνευματικός, древность вост.-слав. лексемы также вызывает большие сомнения (с. 42). На примере слав. **domočędьcь*, включенного в праславянский словник в ЭССЯ (5, 69), убедительно показано, что источником этого слова во всех языках стало цслав. домочѧдьць, которое является книжным образованием, калькой греч. οἰκογενής (с. 42). А это означает, что отсутствуют основания для отнесения слова к праславянскому наследию. Одно из важных положений современной науки о праславянском языке связано с признанием изначальной диалектной дифференциации праславянского языка и соответственно с признанием возможности существования лексических диалектизмов, восстанавливаемых по данным некоторых или даже одного диалекта. Отмечая неполноту наших знаний о составе славянского словаря, связанное с отсутствием исторических, диалектных словарей по некоторым языкам (ср. отсутствие полного болгарского исторического словаря, полного диалектного словаря словенского языка и т.д.), автор предостерегает против поспешных выводов об исходном ареале того или иного образования праславянской древности.

Прекрасное владение материалом, извлеченного из самых разных источников, методологический подход, отвечающий требованиям современной науки, позволяют автору выявить в словарном составе славянских диалектов лексико-семантические образования, отражающие архаичные особенности структуры и семантики праславянского слова. Особо подчеркивается роль исторических и диалектных данных при решении задач реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда. В работах Т. Шиманского немало архаичных лексем, впервые выявленных и проанализированных с позиции праславянского языка. К числу лексических диалектизмов, сохранившихся у южных славян только на территории болгарских говоров, отнесены **mędlica*, **mḷva*, **sǫčiti* (с. 45), болг. родоп. *стор* 'порог', трактуемое как образование регулярного типа от гл. **sterti* (с. 81–83). В Тыквешском сборнике, копии с рукописи XVII в., выделены лексические архаизмы, для которых находят подтверждения только в болгарских диалектах (ср. *ruta, rucho, svita*). Особое значение придается свидетельствам памятников Кирилло-мефодиевской эпохи, близких по времени к праславянской эпохе, и показаниям архаичных родопских диалектов. Именно болгарский материал и в первую очередь древние памятники дают материал для восстановления редких архаичных лексем. Представленные в древних рукописях слова бръсель (откуда др.-рус. *бръсель, бръсель*), брьселиѥ, сьдѣтель 'творец, создатель' (откуда рус. *детель*), прокыи 'прочий' (откуда чеш. *prok* 'residuus') и т.д. служат источником для реконструкции праслав. лексем **brъselь*, **brъselьje*, **dětelь*, **prokъ* (с. 54–55). Подчеркивается, что широко засвидетельствованное болгарскими диалектами прилаг. *пъсен* 'грязный, нечистый' (с. 55) служит источником реконструкции праслав. **pьsьnъ*, определяемого как производное с суф. *-ьnъ* от корня гл. **pьsati* (иначе как возможный тюркизм в БЕР 6, 115). Восстанавливаемое праслав. диал. **setьnъ* 'последний' на основании показаний древних памятников и болгаро-македонских диалектов этимологизируется как отглагольное прилагательное с исходной формой **sek-to*, родственное лит. *sèkti*, *sekù* 'следить; следовать' (ср иначе в БЕР 6, 623).

В работах Т. Шиманского впервые обосновывается праславянская древность болг. диал. *зона* 'пустое зерно', объясняемого в БЕР как заимствование из греч. ζώνη 'пояс', и связанного с ним укр. *зона́* 'Ustilago', чеш. нар. *zuna* 'недозрелое пустое зерно', с.-хорв. *зо̏на* бот. 'Melica' и т.п., сложившихся на базе и.-е. **zněti* (*zьněti*) 'тлеть, гореть' (с. 69 и сл., 94 и сл.). Новое этимологическое истолкование получают рус. диал. *е́гать* 'сильно пылать', *яга́ть* 'быстро идти', *яглый* 'тучная, черная земля' (с. 98–100), для которых восстанавливается праслав. диал. **ěg-ti* (~ лит. *jẽgti* 'мочь, быть в состоянии', лтш. *jegt* 'понимать'). Эта версия, принятая в SP (6, 131), существенно расходится с пониманием этимологических связей в ЭССЯ, в котором исходная форма **aglъjь*/**jaglъjь* восстанавливается для рус. диал. *яглый* (ЭССЯ 1, 53), а рус. *яга́ть* выводится из формы **ęgati* (ЭССЯ 6, 69). Представляется более обоснованным объяснение, предложенное Т. Шиманским, при этом необходимо иметь в виду, что с утратой мотивации могло иметь место сближение, взаимопроникновение формально близких слов.

В статьях находим много интересных наблюдений, позволяющих внести уточнения в состав славянских соответствий. Так, для болг. *му́хъл* 'плесень', соотносимого в литературе с далеким по значению рус. диал. *мухли́ть* 'делать что-л. небрежно, как попало', 'хитрить, лукавить' (Фасмер III, 19), обнаружено в словаре Сыхты точное семантическое соответствие – *muchlec* 'гнить, разваливаться' (с. 41). След праслав. диал. **stamъ* (Фасмер III, 744) не только в рус. диал. *стамой лед* и производных *стами́к, стамяк*, но в болг. диал. *ста́мен камен* 'большой неподвижный, ушедший в землю камень' (с. 43). Обнаруженные автором диалектизмы не только расширяют географию славянских слов, но и позволяют во многих случаях полнее представить семантическую эволюцию слова, выявить особенности словообразовательной структуры и т.п. Так, не учтенные этимологическими словарями диалектизмы *přid* и *pšyt* 'Zugabe', обнаруженные автором в словарях Сыхты и Лорентца, а также в Картотеке польских говоров (с. 6–7), расширяют ареал праслав. **pridъ*, соотносительного с гл. **děti*, известного преимущественно южнославянским языкам и памятникам церковнославянской письменности. Исключая из числа соответствий блр. диал. *прід* 'край на дне посуды'[1], образующего в плане семантики самостоятельную лексическую единицу, автор тем самым точнее определяет ареал праславянского диалектизма, имеющего точные соответствия в балтийских языках (ср. лит. *priẽdas*, лтш. *prieds*). Другой интересный пример – отражение праслав. **sěverъ*, единственным несомненным продолжением которого на польской территории признается топ. *Siewior*, в польск. диал. производном образовании *śevorecka* 'мелкий дождь, изморось' (с. 16–18). Извлеченное из записей Т. Стойчева родоп. *смо̂рч* 'известняк, туф' расширяет состав продолжений праслав. **smъrčь* с исходным значением 'гриб' (с. 63–65).

Исследования Т. Шиманского подчинены выявлению внутриславянских процессов на всех языковых уровнях. С позиции системных отношений праславянского языка оценивается морфемный состав архаичного слова, сфера действия отдельных словообразовательных моделей в плане относительной хронологии. Отмеченный в Тыквешской рукописи гл. старает се 'стареет' с соответствиями в южных и западных языках (ср. с.-хорв. *ста̏рати*, словен. *stârati se*, др.-чеш. *starati sě* и т.п.) дает новое подтверждение продуктивной для праславянской эпохи архаичной модели отыменных глаголов на *-ati* (с. 48–50). На основе детального анализа автору удается разграничить в составе продолжений праслав. **skrižalь* в значении 'каменная плита, сланец' церковнославянизмы и образования, исконно принадлежавшие польским говорам Прикарпатья (ср. польск. диал. *skrzyżal* 'каменная плита', 'крышка на горшке из тонкого камня', *skrzyza-*

le 'песчаное отложение' и т.п.), а также говорам чешского и словацкого языков (ср. чеш. диал. *škřižľa* 'плоский камень', словац. диал. *skrižal* с несколько другим значением 'половина кочна капусты') и памятникам старославянской письменности (Супр.). Автор тонко выявляет различия в механизме образований польск. диал. *skrzyżal* в двух значениях – 'каменная плита' и 'опорные балки, положенные в форме креста; крестовина': польск. диал. *skrzyżal* в первом значении продолжает и.-е. **skri-g-* (ср. с.-хорв. *križati* 'резать (хлеб и т.п.)', а во втором – производное от *krzyż* с суф. *-al*. Как видим, польские лексемы на *-alь* имеют разные производящие основы и соотносятся между собой как образования разных хронологических уровней.

При обосновании этимологического решения автор использует все возможные аспекты анализа, при этом бóльшее внимание уделяет различиям в оформлении родственных слов, особо важны его наблюдения об изменении функции формантов. Анализируя кашуб. *šuląta* 'grosse Eier, Hoden, Hodenbruch' в широком славянском контексте, автор обращает особое внимание на различия в оформлении лексических диалектизмов с корнем **šul*: в одних языках оформляется по типу основ на *-ŏ-* (ср. с.-хорв. *šûlj* 'отрезанный пень', обычно мн.ч. *šúljevi* 'hemeroidy', словен. *šûlj* 'отрезанная пилой часть пня' и т.д.), в других – по типу образований на *-ęt*, при этом отмечает, что элемент *-ęt* уже в праславянском языке выполняет другую функцию – он служит средством образования деминутивных, гиперкористических образований, экспрессивно окрашенных.

В этимологических выводах важная роль отводится показаниям семантики. Два словаря, краковский и московский, различаются тем, что в задачи первого словаря входит реконструкция праславянского значения, восстанавливаемого на основе этимологического анализа с привлечением сравнительного индоевропейского материала. Автор исходит из идеи многозначности слова уже в праславянском языке. Так, при реконструкции исходной семантики праслав. **slabъ* 'слабый' важно иметь в виду и другие значения, представленные в диалектах западных и южных славян – 'неясный, слабо проявляющийся', 'неплодородный (о земле)'. По мысли автора, при характеристике семантики праслав. **měsiti* 'месить' необходимо учитывать и представленное в зап.-слав. языках значение 'пахать во второй раз'. Реконструкция семантики в полном объеме невозможна без изучения функционирования слова в составе устойчивых сочетаний. Одним из важных резервов семантической реконструкции являются устойчивые сочетания типа **mati* (*žena*) *dojitь dětę*, **sěkti kamenь* (с. 44). Следует заметить, что семантическая реконструкция не сводится к повторению, сведению в один ряд значений, засвидетельствованных в разных частях славянской территории. Являясь частью этимологического анализа, семантическая реконструкция направлена на выявление иерархии значений. Важность этой проблемы очевидна в случае зап.-слав. **měsiti* 'пахать во второй раз': в контексте развития земледелия это значение относительно позднее, оно сложилось в эпоху самостоятельного развития славянских диалектов. Восстановление исходной семантики важно для исследования духовной и материальной культуры славян. Восстанавливаемое на основе языковых и этнографических данных праслав. **živъ ognь* отражает древние мифологические представления славян о магической роли огня.

Выявляя весь спектр семантических преобразований для слов, датируемых праславянской эпохой, автор обращает внимание на возможность образования омонимов уже в системе праславянского языка. Именно как результат семантического расщепления уже на праславянском уровне трактуются **sěnь* 'тень; привидение, призрак' и **sěnь* 'палатка, шатер' (с. 44). В своих этимологических

построениях автор пытается проследить семантическое тождество основ на всех этапах развития – от индоевропейского состояния к праславянскому. Так, в руск. диал. *золок* 'раннее утро, рассвет; зара', с.-хорв. *зѐлен* 'блестящий (об оружии)' и слав. **zolkъ* 'зеленое растение' автор видит отражение двух линий развития и.-е. **g'el-* в значении 'блестеть, сиять' и 'зеленый'. Попутно лишь заметим, что некоторых уточнений требуют словообразовательные отношения. Праслав. *zolkъ* определяется как nomen actionis с вокализмом *-o-* от несохранившегося гл. **zelti* (лит. *žélti* 'зеленеть', лтш. *zelt* то же) с редким суф. *-kъ*. По мнению автора, подтверждением тому служит праслав. **zoliti* 'отбеливать полотно' или 'сделать белым, блестящим', каузатив от гл. **zelti*, хотя, если быть точным, – это производное от **zola*.

В круг тем, активно разрабатываемых автором, входят исследования, посвященные этимологии и семантике звукоподражательных образований. Результаты исследований нашли отражение в монографии Т. Шиманского, опубликованной в 1977 г.[2] К этой теме автор обращается и после выхода в свет книги. В настоящем сборнике в ряде статей обсуждается проблема семантики звукоподражательных образований. В процессе развития глаголы, звукоподражательные по своему происхождению, и особенно отглагольные имена утрачивают связь с звукоподражанием. Ориентиром в поисках звукоподражательных истоков слова служит семантика, основные типы семантических взаимосвязей у производных образований, сложившихся на базе изначального звукоописания или звукоподражания. Через выявляемые в ходе анализа семантические связи открывается путь к восстановлению изначальной природы слова. На материале польск. *dukać*, *duka*, *świerknąć*, болг. *бука, дуда* и др. показано. в каком направлении преобразуется семантика звукоподражательных образований: ср. 'издавать звук (о птицах)': 'умереть' (ср. с.-хорв. диал. *dúditi* 'издавать звук': 'издыхать (о звере)'); 'издавать звук': 'гнить' (ср. лит. *dundėti* в том и другом значении, польск. диал. *bučeć* 'реветь (о быке)': 'набухать; гнить'; 'издавать звук': 'медленно, вяло работать' (ср. словен. *dúdati* 'дудеть': 'медленно что-л. делать'); 'шуметь (о воде)' > 'место, где шумит вода': 'глубокое место в реке' (ср. польск. *bączal*) и т.д. Звукоподражательные образования имеют разную структуру. Особо автор останавливается на редупликации как продуктивном способе образования звукоподражаний (ср. макед. *гугука, шушука*, с.-хорв. *babàtati* и т.п.). Ставя под сомнение идею Н.И. Толстого о непоследовательном проведении первой палатализации (на материале слов с корнями **geg-*, **gep-*, **kev-*), Т. Шиманский, опираясь на свой опыт изучения звукоподражательных образований, убедительно показал, что в силу особого положения звукоподражательные образования (экспрессивная окраска, нерегулярные фонетические изменения и т.п.) не могут служить аргументом в пользу непоследовательного проведения одного из важнейших фонетических преобразований праславянской эпохи.

В статье под названием "Акад. Стефан Младенов как этимолог" оценивается вклад болгарского ученого в решение этимологических задач. Ст. Младенов известен в первую очередь как автор этимологического словаря болгарского языка (1941 г.). Целый ряд недостатков этого словаря (отсутствие семантических объяснений, подмена словообразовательного анализа корневой этимологией и т.п.) проистекают из необходимости совместить в одном издании вопросы этимологии и правописания. Ст. Младенову принадлежит много работ на этимологические темы. И эти работы не утратили своего научного значения. В книге Ст. Младенова "Древние германские элементы в славянских языках" (1908 г.), высоко оцененной в научных кругах, вопреки общепринятым взгля-

дам, впервые обосновывается связь праслав. **duma* с **dymъ*, **duša*, **duchъ*, **duti* (с. 128). Много ценного и полезного содержится в этимологических статьях, представленных в книге "Исследования по славянскому и сравнительному языкознанию".

Л. Милетич не оставил законченного труда по славянской лексике, но через все его исследования болгарских памятников прослеживается интерес к архаичным явлениям словаря. Особого внимания требует к себе исторический материал, содержащийся в опубликованных и исследованных им дамаскинах. На конкретных примерах показано значение трудов Л. Милетича для реконструкции структуры, семантики праславянского лексического фонда. Так, гл. *завезувать* 'околдовывать' (Копривщенский дамаскин) стал отправной точкой для поисков семантически близких славянских соответствий и восстановления на этой основе праслав. **zavęzati* в качестве термина магических действий. Точно так же извлеченный из дамаскинов архаичный гл. *услекна* 'умереть', для которого прослеживаются соответствия в болгаро-македонских диалектах и – шире в славянских языках, – служит основанием для реконструкции праслав. гл. **u-slęk-nǫti*. Дополнить материал этимологических словарей могли бы болг. *чете́* се 'считаться' (Свищовский дамаскин), *чест* 'часть, доля' (~ ст.-болг. **чѧсть**). Автор находит у Л. Милетича слова, которые отсутствуют в словаре Герова: *ме́шка* 'место', *младú* 'родить', *съдя* 'думать, считать', *съртам* 'бродить, скитаться', *пúвница* 'кутеж, пирушка' (с. 141).

Заключает сборник статья Т. Шиманского из истории болгарской антропонимии. Источником материала стал текст жителя г. Русе Тихо Обретенова (1808–1869) под названием "Торговая книжка". Основной вывод автора сводится к тому, что во второй четверти XIX в. в диалекте г. Русе основным элементом антропонимов было христианское имя, к которому добавлялось место проживания или рождения, прозвище (только для мужчин), род занятий (только для мужчин), степень родства с другими лицами и т.п.

Исследования Т. Шиманского стали неотъемлемой составной частью этимологической науки, его этимологические решения как наиболее убедительные и достоверные включены в этимологические словари, стали основой для исследования праславянской проблематики, ср. **pridъ* (SJK IV, 128), **mariti* (ЭССЯ 17, 214)), **tęčь* (ЭССЯ 18, 235). Книга, в которой собраны под одной обложкой статьи разных лет, помогает специалистам ориентироваться в потоке этимологической информации.

Примечания

[1] См.: *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 236.

[2] *Szymański T.* Derywacja czasowników onomatopeicznych i ekspresywnych w języku bulgarskim. Wrocław, 1977.

Л.В. Куркина

K. Witczak. Indoeuropejskie nazwy zbóż. Łódź, 2003. 159 S.

Предметом настоящего исследования стал фрагмент индоевропейского словаря, представляющий названия зерновых культур. Терминология земледелия сохраняет свидетельства древних связей человека с природой, отражает контакты и взаимодействие разных культур земледелия на разных этапах развития индоевропейской общности. Автор видит свою задачу в том, чтобы выявить на материале названий зерновых культур особенности культурно-исторического развития отдельных диалектов не только в рамках индоевропейской языковой группы, но и на ностратическом уровне, поскольку в Европу земледелие, а вместе с ним и злаковые культуры пришли с Востока. Исследование, построенное на использовании традиционной методики палеолингвистики, школы "Wörter und Sachen", опирается на достижения истории, археологии, ботаники и т.п. По данным археологии, истоки земледелия восходят к VIII тыс. до н.э. Автор разделяет мнение исследователей о движении с Востока на Запад как основном направлении миграции индоевропейских племен. Восстанавливаемые по совокупности данных, предоставляемых археологией, палеоботаникой, пути продвижения культуры земледелия и злаковых культур с Ближнего Востока в разные области европейской территории служат показателем миграций индоевропейских племен из Передней Азии. В первых двух разделах работы автором кратко обозначены полученные разными науками результаты в исследовании этой большой темы, освещаются вопросы, связанные с локализацией ностратической прародины на Ближнем Востоке, характеристикой основных очагов земледелия в эпоху неолита на территории Малой Азии (центры восточносредиземноморский, северносирийский, южно-восточноанатолийский, южноанатолийский, от северного Ирака до юго-западного Ирана, закавказский). Уже в VII тыс. до н.э. в связи с миграциями индоевропейских племен с Ближнего Востока земледелие проникло на европейскую территорию, сначала в Грецию, а в VI–V тыс. до н.э. на Балканы, в V тыс. до н.э. возникает центральноевропейский очаг земледелия. Наименее изучен восточноевропейский степной центр земледелия, развитие которого в середине III тыс. до н.э. протекало под сильным влиянием земледелия, которое сложилось на Балканах и Кавказе. В широком культурно-историческом контексте решается проблема прародины индоевропейцев. В ностратическом пространстве исходной для индоевропейцев была территория Анатолии, именно здесь был один из центров земледелия, здесь шло формирование индоевропейской народности. С учетом достижений современной науки вслед за другими исследователями автор определяет все остальные ареалы, принимаемые за индоевропейскую прародину (Балканы VII–VI/V тыс. до н.э., Восточная Европа, а точнее бассейн Буга и Днепра VII/VI и первой половине V тыс. до н.э., центральноевропейский ареал VI/V–V/IV тыс. до н.э., причерноморские степи VI–IV тыс. до н.э.) как территории вторичного заселения, ставшие центром кристаллизации отдельных ветвей индоевропейского праязыка. Так, причерноморские степи, определяемые М. Гимбутас как прародина индоевропейцев, являются той территорией, на которой шел процесс кристаллизации одной из ветвей индоевропейского праязыка – индоиранской группы. Вопреки мнению М. Маньчака, бассейн Одера и Вислы не был той территорией, на которой происходила кристаллизация индоевропейского этноса. В действительности в этом ареале сформировалась вторичная индоевропейская общность с характерной для нее общей лексикой и ономастикой, археологически она отождествляется с культурой воронкообразных кубков (около 4500–2700 гг. до н.э.) или с комплексом культуры шнуровой керамики (около

3200–2300 гг. до н.э.). Автор убедительно показывает, что в противоречии с данными языка и этнографии находится вывод М. Гимбутас о пастушеско-кочевом образе жизни индоевропейцев. Основу экономики индоевропейцев составляло земледелие, скотоводство никогда не существовало в чистом виде, оно сосуществовало с земледелием. Одно из наблюдений автора касается положения и рода занятий индоиранских племен, рано, еще до начала земледелия отделившихся от ядра индоевропейцев. Не оставляя земледелия, индоиранские племена продвинулись в приручении и одомашнивании лошади и вели образ жизни, близкий к пастушеско-кочевому. Индоиранские языки частично выпадают из общеиндоевропейской номенклатуры, связанной с земледелием, при этом отмечается, что в отдельных языках этой группы (в осетинском на Кавказе и аланском до XVII в. в Венгрии) представлены термины, неизвестные другим индоиранским языкам (с. 36).

Основная часть работы приходится на исследование названий отдельных названий зерновых культур: названия хлебных злаков (Frumentum), ячменя (Hordeum L.), овса (Avena L.), проса (Panicum L.), пшеницы (Triticum L.), ржи (Secale L.), зерна (semen, granum). Работа состоит из однотипно построенных этюдов, в каждом из которых сообщаются следующие сведения: 1) ботанические и экологические сведения об изучаемом растении, принятая в ботанике классификация растений, 2) древнейшие свидетельства о культивировании растения в эпоху неолита на Ближнем Востоке, 3) реконструкция исходной формы, основанная на показаниях отдельных групп индоевропейских языков, 4) фонетический и семантический комментарий, анализ морфологической структуры слова, 5) этимология на основе индоевропейских данных, 6) лексические параллели из неиндоевропейских языков с обсуждением вопроса, является ли это сходство наследием ностратической эпохи, может ли идти речь об общекультурном термине или случайном сходстве, 7) краткие выводы. Итогом исследования стала стратификация индоевропейских терминов злаковых культур в плане ареальных связей. В составе индоевропейской номенклатуры растений выделены следующие пласты лексики: ностратическое наследие, отражающее связи индоевропейцев с носителями ностратических языков (ср. и.-е. **rughi-* ‘рожь’, сем.-хам. **rog-* ‘вид плохого хлеба’ и слав. **rъžь*); и.-е. *$yéwH_1os$ ‘ячмень’, урал. **jüvä* ‘зерно, хлеб’ и рус. *овин*), “индохеттская” лексика (ср. анат. **Karaš-* ‘вид пшеницы’ ~ и.-е. **k'ers-* ‘просо’), древнейшие “бродячие” фитонимы, заимствованные из неизвестного источника отдельными индоевропейскими языками независимо друг от друга (ср. и.-е. **pūrós* ‘пшеница’ > рус. *пырей*), названия индоевропейского происхождения, в составе которых различаются: 1) слова, образованные в индоевропейскую эпоху от индоевропейских корней с помощью индоевропейских формантов (ср. и.-е. *$wesH_2aros$ > лит. *vasarójus*, *vasarojas* ‘яровые (хлеба)’), 2) редкие слова, неясные в этимологическом отношении (ср. и.-е. *$d\r{r}wah_2$ ‘вид проса’ > лит. *dirvà* ‘вспаханная земля’, рус. диал. *деревки* ‘раскорчеванное место в лесу’), 3) слова, обязанные живым словообразовательным процессам индоевропейской эпохи, производные от слов с признаками терминологичности (ср. и.-е. **(s)pl̥t-* > рус. *полба*), 4) слова ограниченного распространения (архаизмы или неологизмы), частично неясные, частично ясные в плане мотивационных отношений и в плане этимологии (ср. и.-е. **prok'om* > рус. *просо*). Обширную группу образуют неологизмы, возникшие в отдельных группах индоевропейских языков (ср. чеш. *obilí*, польск. *zboże*, рус. *хлеба*). Немногочисленны заимствования. В ходе миграций индоевропейцы на новой территории вместе с десигнатами заимствовали и названия (ср. польск. *orkisz* ‘вид пшеницы или ячменя’ из тур. *urküš*).

В заключительной части работы автор предлагает анализ семантических изменений в сфере названий злаковых культур. Лексический материал не позволяет точно установить, с каким видом растения соотносится тот или иной термин. Разными причинами вызвано изменение первоначального значения – исчезновением того или иного вида растения, функциональным сходством десигнатов, переменами в методике выращивания зерновых культур и т.п. Тем не менее автор выделяет пласт лексики со стабильной семантикой (ср. и.-е. **awig'*- 'овес', **séH₁mn̥*- 'зерно' и т.д.). Основываясь на признаках типологического сходства, в ряде случаев автор пытается отграничить вторичные значения, семантические инновации (ср. и.-е. **pūrós* 'пшеница' > 'сорняк, пырей' в др.-прусск., англ., слав.). Заметим, что О.Н. Трубачев предполагает для **pūrós* связь с и.-е. **pūr*- 'огонь' на том основании, что именно невымолачиваемая пшеница-полба требовала дополнительного просушивания *на огне* (Трубачев 2003, 232–233). В работе намечены основные направления семантических изменений: 'зерно' > > 'хлеб', 'зерно' > 'пшеница', 'зерно' > 'ячмень', 'зерно' > 'овес', 'плод' > > 'хлеб' > 'вид хлеба', 'весна' > 'яровые' > 'хлеб' и т.д.

В небольшом по объему исследовании впервые в систематизированном виде с максимальной полнотой представлены названия злаковых культур во всех группах индоевропейских языков, в том числе и в славянских языках. Вполне естественно возникает желание выяснить, какое место занимают славянские названия злаковых культур в общем контексте индоевропейских связей. По характеру связей с языками Средиземноморья, с языками германской и балтийской групп можно судить о том, какими путями шло продвижение земледелия, в контакте с какими народами осваивались славянами техника обработки земли, орудия, зерновые культуры. Эти важные для нас вопросы остаются за рамками исследования В. Витчак. Между тем более детальное рассмотрение славянских названий злаковых культур в составе индоевропейской терминологии позволяет затронуть вопросы общеметодологического характера. Путь к систематизации всего индоевропейского материала лежит через детальную проработку терминологии отдельных языковых групп. При более внимательном изучении славянского материала оказывается, что в некоторых случаях к древнему слою лексики отнесены явления явно вторичные. Так, автор связывает с продолжениями и.-е.**dr̥Hwah₂* 'вид проса' (др.-инд. *dū́rvā*- 'вид проса, Panicum dactylon', вал. *drewg*, брет. *draoch, draok, dreok* 'Lolium termulentum L.', англ. *tare* 'сорняк' и т.д.) этимологически не связанные между собой рус. диал. *деревки́* 'расчищенное под пашню место в лесу; подсека' и лит. *dirvá* 'пашня, нива', лтш. *druva* 'пашня': балтийские образования традиционно соотносят с продолжениями слав. **der*- 'драть', а русский диалектизм имеет структуру производного от *дерево*. К возможным отражениям "восточноазиатского бродячего слова" с исходной и.-е. формой **priyangu*- 'вид проса' относятся рус. диал., укр. *пря́да* 'дикое просо, Setaria viridis Beauv.', с чем трудно согласиться, поскольку у восточных славян это отлагательное образование является узколокальным поздним обозначением растения, волокна которого использовались при прядении.

К терминам обработка земли, ограниченным в своем распространении индоиранскими языками, отнесены продолжения и.-е. **kers*- или **kʷers*- 'скрести, царапать, пахать': др.-инд. *kr̥ṣati* 'пахать', *karṣati* 'волочить, бороновать, пахать', авест. *karš*- 'волочить, тянуть, пахать' или лит. *kar̃šti* 'расчесывать, чесать' (с. 35). Как замечает автор, на остальной индоевропейской территории однокоренные лексемы утратили связь с земледелием. Позволим не согласиться с этим положением. В славянских диалектах в функции термина подсечного земледелия, обозначающего подсочивание деревьев, т.е. подрезание коры с тем,

чтобы дерево подсохло, находим гл. *čьrxlati, образование с *l*-суффиксальным, производное от гл. *čьrxati*, представляющего собой результат имперфективации первоначального гл. с основой *čьr-*, расширенной -*s* с закономерным переходом *s* > *x*: ср. ст.-польск. *czyrchlić, czyrślić* 'ободрать кору около пня, чтобы дерево засохло' (1403 г., Мазовия), более поздние *czerchlić, oczerchlić* с тем же значением, польск. диал. *czerchlić* 'корчевать', *oczerchlić, obcyrklić, obcyrlić* 'снять кору с дерева, чтобы оно засохло', слвц. диал. *črchlit'* 'срубить, срезать дерево', *črchlit', čršlit'* 'корчевать лес', отсюда – ст.-польск. *czyrśl* 'лес, в котором высохли деревья после подрезания коры' (1407 г.), польск. диал. *cyrla, cyrchla, cyrkla* : *cerkla* 'поляна, возникшая на месте высохших и срубленных деревьев; луг в лесу', а также словац. диал. *črchlisko, črchl'isko* 'поле, полученное путем корчевания леса', с.-хорв. стар. *Crhla*, название села и т.п. (SP 2: 161, 248; ЭССЯ 4, 147).

В своем исследовании автор выявляет разную хронологическую глубину изучаемой терминологии, уделяет особое внимание связям с неиндоевропейскими языками, тем самым демонстрирует преемственность и непрерывность в развитии культуры земледелия, зародившейся на ближнем Востоке.

Л.В. Куркина

В.А. Маслова. Истоки праславянской фонологии: Учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Книга состоит из предисловия, введения, двух разделов, делящихся на главы и подтемы, заключения и дополнений. Книга снабжена добротными указателями (именным, предметно-терминологическим, слов и некоторых их форм).

В авторском предисловии заявлено, что в центре внимания данного учебного пособия находятся *фонетические процессы* протославянского диалекта позднего праиндоевропейского языка. Фонетические процессы протославянского диалекта описаны в пособии на фоне подобных процессов в других диалектах праиндоевропейского языка. *Архетипы реконструированы на основе закономерных звуковых соответствий.* Реконструкция архетипов и фонетических процессов дается с учетом различных научных концепций, степени типологической вероятности и признания неединственности лингвистических решений.

Во введении автор разделяет концепцию О.Н. Трубачева и рассматривает индоевропейский праязык как фон и предысторию праславянского, который представляет *свою собственную эволюцию индоевропейского лингвистического типа, отличную от балтийской.* Исходя из этой концепции "самобытного генезиса праславянского в качестве индоевропейского диалекта (или группы диалектов)", автор полагает, что *истоки фонологической системы праславянского языка образовались в протославянском диалекте праиндоевропейского языка.* Здесь же рассматриваются термины лингвистическая реконструкция, внешняя и внутренняя реконструкция, архетип, относительная хронология.

Автор не берется точно датировать появление или выделение протославянского диалекта из индоевропейского праязыка ввиду собственных непрерывных индоевропейских истоков славянского. Тем не менее, с учетом особых древних языковых контактов протославянского с палеобалканскими и пралатинским диалектами, можно говорить о III–II тыс. до н.э. как времени бытования протославянского диалекта.

Конечный период существования протославянского диалекта автор датирует вслед за О.Н. Трубачевым эпохой железа (первой половиной I тыс. до н.э.) и временем богословских нововведений Ирана (VI в. до н.э.) на основе балтославянских и славяно-иранских культурно-языковых контактов. Для автора "аргумент железа" является лингвистическим показателем начала собственно праславянского периода (мы бы уточнили – раннепраславянского).

Раздел 1. Реконструкция фонологической системы протославянского диалекта позднего праиндоевропейского языка состоит из трех глав, посвященных теории и результатам лингвистической реконструкции, содержит необходимый и достаточный материал. Поэтому несколько удивляет возврат к теории реконструкции на с. 121.

Глава 1. "Система консонантизма протославянского диалекта, унаследованная им из позднего праиндоевропейского языка" подробно описывает подсистему смычных согласных фонем позднего и.-е. праязыка в соответствии с традицией классического индоевропейского языкознания.

Автор рассматривает проблему реконструкции глухих придыхательных согласных в протославянском диалекте. Сопоставления праслав. **pěna* и др.-инд. *phēna-* то же, **puxnǫti* и арм. *phukh* 'дыхание, дуновение', **palica* и др.-инд. *phálakam* 'доска, брусок', **pǫtь* и др.-инд. *pánthā-* 'дорога', **mętǫ* 'привожу в смятение' и др.-инд. *mánthati* 'двигает', **kǫtъ* и др.-греч. κανθός 'уголок глаза' позволяют прийти к выводу, что и.-е. *ph* > праслав. *p*, и.-е. *th* > праслав. *t*. Автор обходит проблему рефлексов и.-е. *kh* в праславянском, возвращаясь к ней еще раз на с. 240 и сл. А такая проблема имеется, причем сложная. Она возникает при попытке толкования праслав. **sǫkъ* и **soxa*, **soxatъ* (ср. др.-инд. *çankúṣ* 'острый колышек, деревянный гвоздь, кол' и *çakhā* 'ветвь, сук'). Если настаивать на исконно славянской природе слова *соха*, то придется признать развитие и.-е. *-kh-* в праслав. *-x-*. А в том случае, если *соха* есть старое заимствование из иранских языков (как в гидронимии *ханъ*, *хань* восходит к **khani-* 'выкопанный колодец'), это слово не может иллюстрировать рефлекс и.-е. *kh* в праслав.

Далее в том же духе следует рассмотрение проблемы реконструкции звонких придыхательных в протослав. диалекте с подробным изложением различных точек зрения. Автор принимает гипотезу, согласно которой, согласные типа *bh*, *dh*, *gh* были в протославянском диалекте ***звонкими придыхательными фонемами***. В заключение автор приходит к выводу, что реконструкция звонких придыхательных в протославянском диалекте позднего и.-е. праязыка на основе их дальнейших рефлексов в языках- потомках предполагает, согласно фонологической типологии, реконструкцию и глухих аспират в данном диалекте.

Мы не можем согласиться с данным выводом. Мы убеждены в том, что уже в протославянском диалекте придыхательных согласных не было вообще, так как их происхождение связывают с эволюцией и.-е. просодии. Согласно результатам лингвистических исследований второй половины XX в. нам представляется вполне правдоподобным, что и.-е. протоязык в период его постепенного выделения из первобытной языковой непрерывности и автаркизации обладал в общем силлабо-морфемным строем с силлабо-фонемной структурой типа *ba-da-ga-*, двумя рядами смычных по способу артикуляции звонких и глухих согласных (*b*, *d*, *g* – *p*, *t*, *k*), одним рядом заднеязычных (*g* – *k*), имел четыре тона (высокий ровный, низкий ровный, высокий глоттализованный, низкий глоттализованный) и два различительных просодических признака (высота и сила тона – high-level) и ларингализацию (фарингализация – knock-laut).

Смещение первого признака на уровень слова обусловило формирование подвижного словесного ударения[1], смещение его на уровень консонантных фо-

нем породило “сильные согласные звуки”[2]. *Передвижение просодического (второго?) различительного признака на уровень согласных фонем вело к возникновению придыхательных согласных*[3], а смещение его на уровень гласных обуславливало появление ларингалов, а позже – долготы гласных.

Но второй контурный / ларингальный признак вызвал аспирированность согласных только в протогреческом и протоиндоарийском диалектах и.-е. праязыка. В протобалтийском и протославянском (и, кажется, протоиранском) диалектах и.-е. праязыка оба различительных просодических признака остались на просодическом уровне; первый признак перешел на уровень слова, сформировав акцентный контур слова, а на консонантный уровень не подействовал (сохранились два ряда согласных).

В этой же главе автор затрагивает проблему статуса билабиальной звонкой смычной фонемы **b* и реконструирует ее в праслав. **bol'ьjь*, **bol'ьši*, **bol'e-je*; **bǫbalъ*, **bǫbarъ*, *bǫbьnъ*, **bǫbati*, **ablъko*, **slabъ*.

Далее в пособии рассматривается подсистема смычных согласных фонем позднего праиндоевропейского языка в соответствии с “глоттальной теорией” (вариант Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова как реинтерпретация традиционно реконструируемой системы и.-е. смычных); дистрибуция аллофонов фонем звонкой и глухой серий (новая интерпретация законов Грассмана и Бартоломе); диахроническая выводимость системы трех серий смычных в исторических и.-е. диалектах (новое осмысление закона Грима).

Давая оценку “глоттальной теории”, автор пособия полагает ее “*типологически не безупречной*”, В.А. Маслова не обнаруживает “*веских аргументов для исключения звонкой фонемы *b*” из подсистемы смычных праиндоевропейского языка, а ныне синхронно наблюдаемый и “*живой статус передвижения согласных в германских языках*” (датский) серьезно ущемляет, по её мнению, концепцию и.-е. архаичности этого явления.

Приступая к обсуждению проблемы количества рядов гуттуральных в протославянском диалекте и.-е. праязыка, автор излагает гипотезы, различающие три, два и один ряд гуттуральных, привлекая многочисленные цитаты из работ приверженцев данных гипотез. Подсистема смычных фонем протославянского диалекта, реконструируемая в пособии, включает глухие и звонкие придыхательные фонемы, звонкую лабиальную фонему **b* и два ряда гуттуральных фонем (без палатализованного ряда). Последнее не логично: правильнее было бы говорить о трех аллофонных рядах одного гуттурального ряда фонем.

Подсистема фрикативных согласных позднего праиндоевропейского языка состояла, согласно пособию, из единственной фонемы **s*, слабо включенной в систему, но высокочастотного употребления. Данная фонема только примыкала к корреляциям звокие–глухие, гуттуральные–негуттуральные, лабиальные–нелабиальные. При этом характер аллофонного варьирования фонемы *s определялся фонологической системой, поэтому в пособии реконструируются несколько аллофонов **s*: звонкий **z* и лабиальный **s*^{u}.

Круг лексем с аллофоном **z* < и.-е. **s* в позиции перед звонкими согласными, приведенный в пособии, невелик. Это праформы **mozgъ* < **mosgos* (ср. авест. *mazga-*, прагерм. **mazga-* то же), **mьzda* < **misdh-* (ср. др.-инд. *mīḍhám*, авест. *mīždəm*, осет. *mizd*, гот. *mizdō*, др.-греч. μισθός), **gnězdo* < **ni-sd-* (ср. др.-инд. *nīḍá-*, лат. *nīdus*, арм. *nist*, др.-в.-нем. *nest*), **gvozdь* < **gu̯os-d-* (ср. ср.-в.-нем. *quaste*), **grozdь* < **ghras-d(h)-* (ср. др.-в.-нем. *gras*).

Количество слов со звонким аллофоном и.-е. *s- в позиции перед звонкими согласными действительно можно увеличить, используя данные ЭССЯ: **drozdъ* и **drozdьlь* из **drosd-os*, **drozgati*, **drozga*, **droždž-j-* из **drozg-/*drosk-*, **druzgati*,

**dryzgati*, слово звукоподражательного происхождения **dъždžь* из **duzg-* (ЭССЯ 8, 126–129, 133–134, 145, 195–197), и многие другие. Ниже рассматривается и проблемная реконструкция **nozdri* < **nos-srī* (ЭССЯ 26, 16).

Автор пособия приходит к заключению: "возникновение звонкого аллофона **z* фонемы **s* можно объяснить тем, что аллофон **s*, представлявший фонему **s* исконно в любой позиции, в определенной фонетической позиции – позиции перед звонкими согласными – стал звучать, как **z*". Звонкий аллофон употреблялся только в сочетаниях *-zb-*, *-zd-*, *-zg-* и только во внутренних слогах.

Для автора пособия важно, что звук **z* в этих словах, которые лингвисты связывают с "законом Цупицы", возник раньше звуков **s* из и.-е. **k'*, **z* из и.-е. **g'*, **g'h*, так как вторичный звук **s* из и.-е. **k'* не подвергался озвончению. Закон Цупицы старше сатемизации.

Фонема **s* кроме звонкого аллофона могла иметь в протославянском диалекте и другой аллофон – лабиализованный **s^u̯*. Автор приводит два очевидных примера: праслав. **sestra* < **su̯e-sr-a* 'женщина своего рода' (ср. др.-прус. *swestro*, др.-в.-нем. *swester*, лат. *soror* 'сестра', но *socer* 'свекр') и юж.-слав. **svraka* < **su̯ărka* (ср. русск. *сорока*). Вопрос о том, унаследовал ли протославянский диалект из праиндоевропейского языка лабиализованную фонему **ŝ^o* или в этом диалекте возник позиционный вариант **s^o* (= **s^u̯*) фонемы **s*, остается открытым.

К сожалению, автор пособия не обратила внимания на вероятность существования в протославянском диалекте и особого палатализованного аллофона **s^i̯*, унаследованного из вост.-и.-е. праязыкового состояния (как в индоиранском) и отразившегося в тенденции перехода **s* в **š* перед узкими гласными переднего ряда (*i*, *ь*) и йотовым согласным (*-j-*, *-'-*). Тем более, что далее (с. 142) рассматривается реконструкция гл. *шить* и появление шипящего после и перед звуками переднего образования (с. 204–207). Эта интересная проблема осталась без рассмотрения в связи с отказом от реконструкции палатального ряда гуттуральных в и.-е. праязыке (см. ниже).

Глава 2 посвящена обзору системы вокализма протославянского диалекта, унаследованной им из позднего праиндоевропейского языка. В подглаве "Гласные-монофтонги" приведена реконструкция 5 пар основных средне-широких гласных фонем: **ĕ* (праслав. **berǫ*, **medъ*), **ē* (**dĕti*, **sĕmę*), **ŏ* (**dŏmъ*, **ŏkŏ*), **ō* (**darъ*), **ă* (**orati*, **otьcь*), **ā* (**bratъ*, **mati*, *-ere*). В пособии разделяется точка зрения И.М. Тронского, согласно которой нельзя изъять гласный *ă* из исходного вокализма протославянского диалекта и.-е. праязыка. Рефлексы узких и.-е. гласных иллюстрируются в пособии следующими примерами: **ĭ* (*jesmь*, *jestь*, **ovьca*), **ī* (**griva*), **ū* (**dymъ*, **synъ*). Пример на краткий **ŭ* на с. 121 сомнителен ввиду позднего переоформления (флексия -ъ) слова (и.-е. **sūnŭs*). Здесь более уместными оказались бы примеры на корневой **ŭ* (типа **dъbno*).

Проблема реконструкции редуцированных гласных *ə ($ə_1$) и *α (*$ə_2$) рассматривается особо. Автор считает, что оснований для реконструкции данных фонем в протославянском диалекте нет, и не приводит примеров, тем более что их различная интерпретация с дидактической точки зрения представляет значительные трудности. Мы также полагаем, что в примерах, где предполагаются праиндоевропейские гласные неопределенного качества, отсутствует гармония звуковых соответствий. Тем не менее, своеобразная настроенность и.-е. консонантизма на "лабиализованность" или "палатализованность" (ср. k – k^u̯ – k^i̯, и даже s – s^u̯ – s^i̯!) позволяет поставить вопрос о связи праславянских редуцированных *ъ и *ь с и.-е. предшественниками-аналогами *$ə_1$ и *$ə_2$. Проблема реконструкции редуцированных гласных "переднего", "среднего" и "заднего" образова-

ния весьма актуальна как для поисков истоков праславянской фонологии, так и для осознания гармоничности фонологической системы и.-е. праязыка.

В подглаве "Дифтонги" последовательно рассматривается реконструкция нисходящих дифтонгов в протославянском диалекте и.-е. праязыка. Здесь утверждается, что протославянский диалект унаследовал из позднего и.-е. праязыка 12 дифтонгов (6 с **i̯* и 6 с **u̯*), которые образовывали закрытые слоги или входили в их состав. К сожалению, проиллюстрированы только рефлексы **ĕi̯*, **ēi̯* (**biti* < **bhĕi̯tēi̯*, **iti* < **ĕi̯tēi̯*, **liti* < **lĕi̯tēi̯*, **piti* < **pĕi̯tēi̯*), **ŏi̯* (*cělъ* < **kŏi̯lūs*), **ōu̯* (**uxo* < **ouhos* < **ōu̯sŏs-*) без примеров на **ōi̯*, **ŏu̯*, **āi̯*, **ăi̯*. Справедливо отмечается, что дифтонги сохраняли свою слоговую целостность только в положении перед согласным. А в положении перед гласным дифтонги подверглись переразложению на монофтонги (слогообразующий элемент дифтонга **e*, **a*, **o*) и согласные *j*, *v* (глайды **i̯*, **u̯*). Ср праслав. гл. **kovati* < **kă-vă-tēi̯* < и.-е. **kŏu̯-ā-tēi̯*, а также многочисленные примеры типа *петь – пою*, *ковать – кую*, *рисовать – рисую*. Тем не менее, автор пособия считает нисходящим дифтонгом сочетание слогового гласного с последующим неслоговым и в позиции перед гласными, несмотря на то, что спаянность компонентов дифтонга в данной позиции менее тесная, чем в позиции перед согласными.

Проблема реконструкции восходящих дифтонгов в протославянском диалекте решена в пособии отрицательно. Автор считает восходящие и.-е. дифтонги обычными источниками образования праславянских звуков **v* и **j* (русск. *веду*, *везу*, *вера*, *яра*, *зверь*, *двор*, *тварь и творить*, *грива*, *весь*, *шить*).

В подглаве "Дифтонгические сочетания" идет речь о соединение гласных с плавными и носовыми сонантами в пределах одного закрытого слога. Автор приходит к выводу, что только в позиции перед согласными и на конце слова звукосочетания **el*, **ol*, **al*, **er*, **or*, **ar*, **em*, **om*, **am*, **en*, **on*, **an* (с кратким и долгим слогообразующим) были дифтонгическими (отсюда их особая рефлексия: *путь*, *время*, *семя*). В положении перед гласными они были исконно простым соседством звуков, разделенных слогоразделом (*семена*, *времена*).

Попутно заметим, что слав. *мать*, *матери* может представлять собой пример отражения ДС **-ēr на конце слова* и **-ĕr- перед гласным*: и.-е. **mātēr*, **mātĕr-* > протослав. **mātēi*, **mātêr-* > праслав. **mati*, **matere* (ср. иное развитие и.-е. **sēmēn*, **sēmĕn-* > протослав. **sēmēn*, **sēmēn-* > праслав. **sěmę*, **sěmene*). То есть, и.-е. дифтонгическое сочетание *-ēr* в конце слова перешло в протославянском диалекте в дифтонг *-ēi*, закономерно стянувшийся впоследствии в *-i* (или сразу в узкий монофтонг с тоном, ср. лит. *mótė*, *móteîs*, др.-инд. *mātā́*, *mātār-*)? Аналогично, праслав. **bratъ*, **bratrъ* не являют собой результат диссимиляции обобщенной основы косв. падежа, а отражают развитие протослав. ДС **ōr* в конце слова (**ōr* > **ōi*? > **ъ*): **bhrātōi*, **bhrātr-* > и.-е. **bhrātōr*, **bhrātr-*. (ср. др.-инд. *bhrā́tā*, авест. *brātar-*, др.-греч. φράτωρ). Подобное развитие являет собой и праслав. **kamy*, **kamene*, где финаль -у, видимо есть результат развития конечного **-ōn*, т.е. протослав. архетип **akmōn*, **akmen-* (ср. авест. *asman* 'камень', *asmana-* 'каменный', лит. *akmuõ*, *akmeñs* 'камень' и *ãšmens* мн. 'лезвие').

Таким образом, приходим к заключению, что ДС протославянского диалекта **-ēr*, **-ōr*, **-ēn*, **ōn* на конце слов вели себя как подлинные дифтонги и монофтонгизировались соответственно в праслав. **-i*, **-ъ*, **-ę*, **-y*. Эти необычные метаморфозы (**ōn* > **y*, а не **ǫ*!), помогают прояснить происхождение корневого вокализма таких слов как **myslь* (< **mōndh-slĭ-*), **mysъ* (< **mōnts*), **ryba* (< **rōmba*)[4]. "Нерегулярные" рефлексы предполагавшихся дифтонгических сочетаний в позиции перед согласным могут быть объяснены смещением просо-

дических признаков на уровень гласных. Это регулярные рефлексы, закономерность которых еще не познана до конца.

Далее во второй главе пособия обсуждается цементирующая и системоорганизующая роль среднешироких гласных *ō̆, *e, *a в системе вокализма протославянского диалекта и затрагивается трудный вопрос о фонемном статусе дифтонгов и дифтонгических сочетаний. Констатируя неоднозначность в решении названной проблемы, автор справедливо утверждает, что для эволюции дифтонгов и дифтонгических сочетаний как структурных элементов начальной системы вокализма протославянского диалекта важна их слоговая целостность в пределах одной морфемы.

В заключительных частях 2-й главы рассматриваются проблема совпадения и.-е. *ō̆ и *a, вопрос о качестве праславянского гласного, в котором совпали и.-е. *ŏ и *ă (краткие), вопрос о качестве праславянского гласного, в котором совпали и.-е. *ō и *ā (долгие), вопрос о времени и соотносительности совпадения и.-е. *ō̆ и *a. В результате рассмотрения различных ответов на все эти вопросы, автор приходит к заключению, что процесс слияния праиндоевропейских *ō̆ и *a (как гласных-монофтонгов, так и в составе дифтонгов и дифтонгических сочетаний) проходил в течение очень длительного времени поэтапно, а начало этого процесса можно относить к протославянскому периоду.

Глава 3 озаглавлена "Система сонантизма протославянского диалекта позднего праиндоевропейского языка" и начинается с определения двойственной природы сонантов, играющих двоякую роль гласных и согласных. Автор выделяет следующие формы сонантов в протославянском диалекте: 1) неслоговые сонанты (м. б., лучше сонанты) *i̯, *u̯ (гласные и согласные); 2) неслоговые согласные плавные (*r, *l) и носовые (*m, *n) сонанты; 3) слоговые гласные плавные (*r̥$_{1-2}$, *l̥$_{1-2}$) и носовые (*m̥$_{1-2}$, *n̥$_{1-2}$) сонанты.

Затем в пособии рассматриваются рефлексы неслоговых сонантов *i̯, *u̯, которые выполняли функцию согласных в позиции перед гласными (и.-е. сонант *u̯ перед неслоговыми плавными *r, *l в праславянском не отразился). Неслоговые сонанты *r*, *l*, *m*, *n* перед гласными также играют роль согласных. Их рефлексы в позиции начала слова, между гласными и после согласного перед гласным иллюстрируются очевидными примерами (с. 172–175). Похоже, автор верно подметил уязвимость реконструкции праформы слова "огонь" *n̥gnis (ср. хетт. *agniš*, др.-инд. *agníh*, лит. *ugnìs*, лат. *ignis*). Но в случае невозможности реконструкции *n в начале слова, приходится допустить наличие здесь того самого редуцированного гласного *ə "переднего", "среднего" или "заднего" образования (ср. с. 123–126).

В пособии реконструируется 16 слоговых гласных сонантов, которые противопоставлялись друг другу по *долготе/краткости*, по *ряду (переднему/непереднему)* и по *интонации (акут и циркумфлекс)*. Особо отмечается значимость дифференциального признака "переднерядность – непереднерядность", по которым можно объяснить двойную рефлексацию. Все это подразумевалось в индоевропеистике и славистике давно, но так системно излагается впервые. Мы предположили бы существование в протослав. диалекте еще 4-х слоговых гласных сонантов без интонации (без тонального ударения). Они дали особые рефлексы.

Наиболее вероятным представляется реконструкция восходящего тона (акута) над долгими слоговыми сонантами и нисходящего тона (циркумфлекса) над краткими, что также явно отражено в рефлексах. Отметим важное для нас замечание о том, что литовское ударение, в целом соответствующее праславянскому, вообще обратно по направлению движения тона в последнем.

Далее в пособии рассматриваются позиции, определяющие фонемный статус слоговых согласных сонантов. Среди примеров, особое внимание уделено проблеме реконструкции архетипа для слова *имя* (< $*\acute{n}_l m\breve{n}_l$). Можно согласиться с автором в отношении реконструкции краткого носового слогового сонанта переднего образования в позиции конца слова $*\acute{n}_l m\breve{n}_l$, что позволяет включить в круг генетически родственных лексем др.-инд. *nāma*, др.-греч. ὄνομα, лат. *nōmen*, *nōminis*. В позиции конца слова особенно пристально рассматриваются рефлексы протославянского $*\mathring{m}_l$, который явился источником образования в праславянском гласного *-ь*. Природа начального звука обсуждается во 2-ой главе 2-ого раздела (с. 288, 292). В завершении дается обзор фонологической системы консонантного типа протославянского диалекта в условиях свободного построения слога.

В целом, система сонантов протославянского диалекта и.-е. праязыка, как она реконструируется в данном пособии, вполне приемлема как для дидактики, так и для этимологии.

Процесс вокализации слоговых сонантов в протославянском диалекте детально рассматривается во 2-й главе 2-го раздела пособия. Сущность процесса вокализации заключается в утрате слоговости этими сонантами, в появлении перед ставшими неслоговыми сонантами узких и только кратких гласных *ĭ и *ŭ. Весьма похожий процесс вокализации проходил в протобалтийском, протоалбанском, фракийском, дакийском, пеласгическом, а в др.-индийском – в позиции перед гласными. Далее подробно рассматриваются фонетические позиции, в которых происходил процесс вокализации слоговых сонантов. Автор затрагивает гипотезу Л.Г. Герценберга о преформантах и.-е. корня. Предлагаемые объяснения данному явлению нас не удовлетворяют. Мы склоняемся к мысли о просодическом происхождении преформантов (особые случаи перехода просодических элементов на уровень консонантизма).

Двойная рефлексация (вокализация) сонантов объясняется наличием в протославянском диалекте слоговых гласных сонантов переднего и непереднего (добавим – огубленного) образования. До вокализации интонационное различие зависело от долготы или краткости слогового сонанта, а после вокализации это различие стало смыслоразличительным (дифференциальным) признаком. Подобные поздние рефлексы кратких сонантов на фоне рефлексации в виде гласного *a* в греческом, иранском и индийском языках, а долгих сонантов – на фоне рефлекса *ā* в индоиранских – принимается автором пособия за убедительный аргумент в пользу признания гласных носовых сонантов самостоятельными фонемами в протославянском диалекте.

К иллюстративному материалу замечаний мало: *-f-* в прагерм. **wulf-* не относится к "незакономерно возникшим звукам". Эта фонема появилась закономерно из $*k^w$- в части и.-е. протодиалектов (в континентальных кельтских), ср. еще лат. *vulpex*, греч. ἀλώπηξ. И.-е. праформа: $*\underset{\frown}{u}lk^{u}os$ однокоренная слав. глаголам *влечь – влеку*, *волочить – волоку*.

Второй раздел, озаглавленный "Фонетические процессы протославянского диалекта позднего праиндоевропейского языка", посвящен фонетическим мутациям праи.-е. фонем, приведшим к возникновению фонем праславянского языка.

Глава первая исследует происхождение фонемы **x* в результате мутации и.-е. **s* в **h* в определенных фонетических позициях. Установленные закономерности фонетических изменений и приведенные примеры никаких замечаний не вызывают. Далее подробно рассматривается гипотеза А. Мейе и Я. Отрембского об изменении **s* в **h* через промежуточную стадию **š* и дополнительно

аргументируется гипотеза С. Бернштейна о непосредственном изменении *s в *h. Нам представляется весьма желательным обобщение данных ареального и.-е. языкознания (ср. протекание подобных фонетических мутаций в ареале илли-ро-кельтских языков Верхнего Дуная [**sal-* > *hal-*], в ареале греческого языка [**sal-* > *hal-*], в ареале иранских языков [**sar-* > *har-*], в ареале балтийских языков [**u̯r̥sus* > *viršùs*], в ареале индийских языков [*-*s*- > -*ṣ*-]). На вопрос об артикуляционном механизме данной мутации дается несколько ответов.

В связи с этим еще раз затрагивается вопрос о процессе вхождения фонемы *s в систему консонантизма с точки зрения диахронической фонологии. Автор приходит к выводу, что, как в вопросе мутаций **s* → **z*, **s* → *s^w, в данном случае речь идет об аллофонном характере дивергенции **s* → **s* и **s* > **h*. Автор приходит к важному выводу о том, что фонетические законы имеют отношение лишь к фонетике, к аллофонному варьированию фонем в зависимости от определенных фонетических (позиционных) условий. И в этом смысле фонетические законы непреложны в эпоху своего действия. Процесс мутации s > h протекал после окончания процесса сатэмовой палатализации, но до конца процесса монофтонгизации дифтонгов и упрощения групп согласных (*bs* > *s*, *ps* > *s*, *ds* > *s*, *ts* > *s*), разрушения дифтонгического сочетания **or*. Особо отметим положение о том, что именно в протославянском диалекте (в отличие о протобалтийского и протоиранского) процесс перехода **s* в **h* был наиболее активным (с. 207).

Далее автор рассматривает унифицирующую роль аналогии в завершении процесса фонологизации **x* как самостоятельной фонемы, роль заимствований в этом процессе. Особое место в пособии уделено проблеме генезиса начального **x*- < **s*- в славянских языках, в частности сущ. **xodъ*. Отметим очевидные лексические слав.-греч. изоглоссы **xodъ* – ὁδός, **perxodъ* – περίοδος. Подозреваем в данном случае не внутриславянское развитие, а заимствование из "данайского" адстрата (и.-е. **sodos* > данайск. **hodos* 'путь для перемещения сидя верхом или в повозке; один дневной переход сидя верхом или в повозке'), ставшее общим лексическим достоянием как протославянского, так и протогреческого диалектов.

Подозреваем сходную судьбу праслав. **xlamъ* из **slōm-*, **xmurъ* из **smour-*, **xmyzъ* из **smūg'-*, **xormъ* из **sormo-*, **xotěti* > **svot-*, **xromъ* > **srom-(?)*, **xoula* > *s^w*oula*, **xusta* > *s^w*outta*, **xvala* > **svōla*, **xvatati* > **svōt-*, **xvějati* > **svoi-*, **xvistati* > **svistati*, **xvorati* > **svor-*, **xvostъ* > **svot-t-*, **xъrtъ* > > *$sr̥_2$*tos*,**xъtěti* > **sut-*, **xyrъ* > **sūr-*, **xytrъ* > **sūt-r-* и др. Попутно, можно заметить, что мутация начального и.-е. *s- в протослав. *h- (под действием последующего просодического признака, ларингала?) и мутация по закону Х. Педерсена (под действием качества предшествующих согласных?) протекали в разное время. Здесь же обозреваются другие источники (кроме **s*) происхождения слав. звука **x* (**ks*, **sk*).

3-я глава второго раздела "Сатэмовая палатализация гуттуральных в протославянском диалекте" посвящена детальному рассмотрению процесса палатализации звуков как общефонетического явления. Касаясь параграфа 3.2 "Сущность сатэмовой палатализации гуттуральных", заметим, что в протославянском, протобалтийском и протоиранском (в отличие от протоиндийского) оппозиция придыхательных и непридыхательных гуттуральных уже нейтрализовалась (если вообще существовала?). Примеры сатэмовой палатализации гуттурального **k* в целом убедительны. Но как объяснить палатализацию **k* в случае и.-е. **oktō* > др.-инд. *aṣṭā*, *aṣṭama-*, праслав. **os[t]mь*, и.-е **ekwos* > др.-инд. *açvah*? Видимых причин для палатализации не наблюдается и в рефлексе и.-е. **gnō-* >

праслав. **zna-*. Похоже, в данных случаях причиной палатализации гуттурального явился некий просодический элемент, перешедший на уровень консонантизма.

Относительно фонетических процессов, приведших к появлению праслав. **sъto*, автором верно подмечено, что *безударность* рефлекса *ь из и.-е. **m̥* в составе ДС *-*ьm*- в позиции перед согласным **t* не привела к образованию ожидаемого носового гласного **ę*. Вообще-то, рефлекс корневого -ъ- скорее свидетельствует о первичном носовом гласном сонанте непереднего ряда (ср. гот. *hund*-) без тона. Иными словами, причиной палатализации гуттурального вновь является не передний ряд последующего гласного, а какой-то просодический элемент, вызвавший мутацию гуттурального.

В этой связи представляется необоснованным объяснение др.-инд. формы *hr̥d*- 'сердце' "частичным изменением способа артикуляции согласной"[5]. Здесь действовала та же просодическая причина (с учетом греч. καρδία, лат. *cor*, *cordis*, гот. *haíartô*).

Далее приведены примеры, когда палатализация гуттурального произошла под воздействием гласного переднего ряда, отделенного от гуттурального неслоговыми сонантами (*святой*, *свет*, *слово*). Интересен подраздел 3.4, где изложена концепция стадиальности процесса сатэмовой палатализации гуттуральных. В частности, приводится мнение О.Н. Трубачева о том, что смычная аффриката **c* утратила смычный элемент и дала **s* около начала нашей эры.

Много места в параграфе 3.5. "Сатэмовая палатализация гуттуральных **g* и **gh*" уделено рассмотрению фонетических процессов, приведших к появлению праслав. **zętь* (с. 333–340). Встречающиеся здесь и в других главах ссылки на возникновение новых звуков "нефонетическим" путем излишни. Такому многоопытному фонологу, каким без сомнения является проф. В.А. Маслова, безусловно, известно общеметодологическое наблюдение: то, что на первых порах представляется незакономерным, со временем оказывается закономерным. Дело заключено в степени познания данной закономерности.

Обзор примеров на рефлексы гуттурального **gh* наводит на размышления по поводу происхождения балт. *sansy*, *žąsìs*, *zoss*, *zùoss*, продолжений и.-е. **ghansis*. Далее рассматривается положение о том, что так называемые "палатализованные" гуттуральные являются аллофонами велярных фонем в определенных позициях. Это положение, в сущности, можно принять, но остается немало примеров, которые ждут еще своего объяснения. Согласно нашим наблюдениям, "палатальные" гуттуральные были возможны в любой позиции, а не только перед гласными переднего ряда в формах аналогического происхождения. Если же оставаться на позиции автора пособия и отрицать существование особого палатального ряда гуттуральных фонем, то трудно объяснить случай **berza*, **berzъ* и т.п. Приходится допустить, что **berza* происходит из **berzē* (ср. иное в акцентологическом отношении, но с тождественной флексией лит. *bìržė*), а **berzъ* (ср. лит. *béržas*) – результат позднейшего переоформления другой флексией (-ъ) основы с уже палатализованным исходом.

Возникновение унифицированных спирантов $*s_2$ и $*z_2$ в лексемах типа *нести*, *везти*, *резать*, *писать* автор объясняет вслед за В.И. Георгиевым действием закона унификации корня (или основы) или нормализации парадигмы. Этот раздел книги несколько выходит за рамки поставленной темы (фонологии), как посвященный проблемам фономорфологии. Далее автор подробно рассматривает проблему "непоследовательной сатэмности" в лингвистике и последствия сатэм-палатализации гуттуральных, в частности возникновение новых оппозиций **s* : **z*, **s* : **h*, делабиализацию лабиовелярного ряда гуттураль-

ных, утрату избыточного признака придыхательности (по моему мнению, его никогда не было в протославянском с момента выделения последнего из вост.-и.-е. праязыка).

Отметим далее положение автора пособия о том, что нельзя исключить связь элиминации и.-е. **s*-mobile с падением конечного *-s*, столь характерным для праславянского языка. Особенности изменения праслав. **čerda* хорошо объясняются относительно поздним заимствованием этого слова из кельтских языков (**kerda*).

В параграфе об изменении **m* в **n* в любой позиции говорится о том, что этот процесс каким-то образом связан с делабиализацией лабиовелярного ряда гуттуральных и делабиализации гласных **ŏ̄*. Согласно В.К. Журавлеву[6], дифференциальный признак лабиальности, став интегральным, трансформировался в признак дентальности, который из интегрального превратился в дифференциальный.

Много внимания и места уделено рассмотрению начала процесса делабиализации **ŏ̄* в его взаимосвязи с процессом лабиализации **ě* > **ŏ* в составе дифтонга **ěu̯*. Автор приходит к заключению, что состояние всей протославянской фонологической системы свидетельствует об элиминации в частной системе консонантизма признака лабиальности как дифференциального и зарождении тенденции к утрате его в частной системе вокализма. После сатэм-палатализации в протославянском диалекте происходил обратный процесс лабиализации дифтонга **ěu̯* перед гласными непереднего ряда. Далее детально рассматриваются этимология слова *язык* (в связи с *зъвати*, *зову*) (с. 410–415).

В Заключении автор подводит итоги рассмотрения всех фонетических процессов протославянского языкового состояния и приходит к заключению, что новая фонологическая система, сложившаяся в конце протославянского периода, явилась исходной для начального периода праславянского языка.

Заканчивая обзор данного учебного пособия, отметим как его слабые, так и сильные стороны.

К нашему сожалению, в пособии не нашлось места для раздела, посвященного чередованиям звуков (типа *тварь* и *творить*). Такой раздел крайне необходим, об этом явлении нельзя говорить походя (с. 141).

Не стоит нарочито документировать (с. 119, 174 и др.) очевидные вещи цитатами из работ Черных, Откупщикова, Фасмера (все их и.-е. реконструкты восходят к словарям Покорного и др. предшественников). Нет необходимости бесконечными ссылками на словари Черных (прим. 113, с. 61: "неслучайно Черных реконструирует"!), Срезневского (фиксация слова гнѣздо – лишнее, только отвлекает, с. 98), иногда на издания рукописей (Супрасльской, например!) усложнять научный аппарат учебного пособия, отвлекая внимание студентов от существенных положений и примеров. Так же не уместно говорить об утрате конечного *-i* в лат. *est-* в прим. 15 на с. 112.

Отметим некоторые шероховатости текста. Там где речь идет о не внутренней реконструкции, лучше применять термин "внешняя реконструкция". Надо бы пояснить, что понимается под звукоподражательным характером (с. 20 и др.). Часто встречающийся оборот "фиксация" или "фиксирует" в отношении и.-е. корня (лексемы) не корректен.

Грубая ошибка вкралась в текст на сс. 112 и 120: лит. *ė́sti* (< **ēd-ti*) и лат. *est* (< **es-ti*) не имеют ничего общего между собой. Лит. пример выпадает из цитируемого ряда и.-е. слов.

Следует отметить похвальную акрибию в передаче сложной диакритики. Случаи опечаток в реконструктах и формах различных и.-е. языков единичны:

должно быть **želĕzo* (с. 12), *k[h]o,*, *k'o* (с. 82, сноска 116), Úvod (с. 147, 193), *várṣman* (с. 200)... На с. 115 желательно привести формы **коуѭ, ковѫ**.

Безусловно, к положительным качествам данного учебного пособия относится обильное цитирование трудов известных лингвистов по тому или иному вопросу. Богатство собранного материала выдает многолетнюю работу автора по сбору и систематизации цитат и наиболее рациональному сведению их в дидактические тексты.

Собранный и дидактически изложенный в пособии языковой материал может стать полезным знанием, как у студентов-славистов, так и русистов. Но отсутствие общего списка цитируемых трудов в данном пособии нельзя одобрить. Цитируемые работы даны в примечаниях внизу страниц, что сильно затрудняет поиск прежде упомянутых публикаций. Поиск библиографических описаний приходится вести либо посредством именного указателя, либо перелистывая десятки страниц.

Рецензируемая книга – бесценный подарок студентам-филологам, начинающим лингвистам, не имеющим возможности отыскивать искомые пассажи в лингвистических трудах (нередко, труднодоступных) в условиях современного ускоренного жизненного ритма и лавинного потока разнообразной информации.

Примечания

[1] *Тронский И.М.* Древнегреческое ударение. Л, 1962; *Он же*. Общеиндоевропейское языковое состояние: (Вопросы реконструкции). Л., 1967; *Дыбо В.А.* Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем // Проблемы реконструкции (тезисы докладов конференции). М., 1978, с. 56–61; *Он же*. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Балто-славянские этноязыковые контакты. М.: Наука, 1980, с. 96–98.

[2] *Кацнельсон С.Д.* Сравнительная акцентология германских языков. М.; Л.: Наука, 1966; *Клычков Г.С.* Консонантизм и структура слова (развитие системы шумных в индоевропейских языках) / Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1967.

[3] *Герценберг Л.Г.* Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Отв. ред. С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1981. 200 с.

[4] *Топоров В.Н.* Из праславянских этимологий // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1960. 5–11; *Он же*. К этимологии слав. **myslь* // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 5–13; ЭССЯ 21, 50.

[5] *Герценберг Л.Г.* Теория индоевропейского корня сегодня // ВЯ. 1973. № 2. С. 104.

[6] *Журавлев В.К.* Реконструкция праславянской системы шумных согласных древнейшего синхронного состояния // Известия на Института за Български език. Кн. 14. София: БАН, 1967. 34–35; *Он же*. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986_1, 174.

А.К. Шапошников

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	–	*Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М.; Л., 1958–1989.
Абаев ОЯФ	–	*Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949.
Алтайский словарь	–	Словарь русских говоров Алтая / Ред.: И.А. Воробьева, А.И. Иванова. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.
Аникин. Балто-слав.	–	*Аникин А.* Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Вып. 1. Новосибирск, 1998.
Арханг. словарь	–	Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–12–. М., 1980–2004–.
Байкоў-Некраш.	–	*Байкоў М., Некрашэвіч Е.* Беларуска-расійскі слоўнік. Мінск, 1925.
БД	–	Българска диалектология. Т. I–X. София, 1962–1981.
БЕР	–	Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1–6–. София, 1962–2004–.
Блр.-русск.	–	Белорусско-русский словарь / Под ред. К.К. Крапивы. М., 1962.
Брян. словарь	–	Словарь брянских говоров / Ред.: В.И. Чагишева, В.А. Козырев. Вып. 1–4–. Л., 1976–1984–.
БТР	–	*Андрейчин Л. и др.* Български тълковен речник. София, 1955.
Бялькевіч	–	*Бялькевіч І.К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1980.
Варшавский словарь	–	*Karlowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. 1–8. W-wa, 1900–1927 (= 1952–1953)
Вершинин. январь	–	Вершининский словарь / Авторы-составители: В.Г. Арьнова, Т.Б. Банкова, О.И. Блинова и др., главный ред. О.И. Блинова. Т. 1–2–. Томск, 1998–1999–.
Вологодский словарь	–	Словарь вологодских говоров / Ред. Т.Г. Паникаровская. Вып. 1–10–. Вологда, 1983–2005–.
Вујичић. Рјечник Прошћења	–	*Вујичић М.* Рјечник говора Прошћења (код Мојковца) / Црногорска Академија наука и умјетности. Посебна издања. Књ. 29. Одјељ умјетности. Књ. 6. Уредник Драго Ћупић. Подгорица, 1995.
Гамкрелидзе-Иванов.ИЕ	–	*Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-этимологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
Гарэцкі	–	*Гарэцкі М.* Беларуска-расійскі слоўнічак. Выд. 3. Менск, 1895.
Геров	–	*Геров Н.* Рѣчникъ на блъгарскый языкъ съ тлъкувание рѣчи-ты на блъгарскы и на русскы. Ч. I–V. Пловдивъ,

		1895–1904 (= София, 1975–1978); ч. VI (= Панчевъ Г. Допълнение на българския рѣчникъ от Н. Геровъ). Пловдивъ, 1908 (= София, 1978).
Гордеев. Этим. сл. мар. яз.	–	*Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 1–2–. Йошкар-Ола, 1979–1983–.
Горяев	–	*Горяев Н.* Этимологический словарь русского языка / Изд. 2. Тифлис, 1896.
Гринченко	–	*Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.
Даль[2]	–	*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. Т. I–IV. СПб.; М., 1880–1882 (= 1955).
Даль[3]	–	*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3 изд. Т. I–IV. СПб.; М., 1903–1909.
Деулинский словарь	–	Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.
Добровольский	–	*Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Донск. словарь	–	Словарь русских донских говоров / Авторы-сост.: З.В. Валюсинская, М.П. Выгонная и др. Т. 1–3. Ростов-на-Дону, 1975–1976.
ЕСУМ	–	Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О.С. Мельничук, И.К. Білодід, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукинова, В.Г. Скляренко, О.Б. Ткаченко и др. Т. 1–4–. К., 1982–2003–.
Живковић. Речник пиротског говора	–	*Живковић Н.* Речник пиротског говора. Пирот, 1987.
Иркут. словарь	–	Иркутский областной словарь / Ред.-сост. Н.А. Бобряков. Т. I–III. Иркутск, 1973–1979.
Караџић	–	Караџић Вук Стеф. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Београд, 1898.
Картотека СРНГ	–	Картотека Словаря русских народных говоров / Институт лингвистических исследований РАН, СПб.
Карт. Сл. Рус. Севера	–	Картотека Словаря говоров Русского Севера / г. Екатеринбург, Уральский государственный университет им. М. Горького, кафедра общего и русского языкознания.
Конески	–	Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Съст. Т. Димитровски, Бл. Корубин, Тр. Стаматоски. Под ред. на Бл. Конески. Књ. I–III. Скопје, 1961–1966.
Красноярский словарь	–	Словарь говоров южных районов Красноярского края / 2-е изд., перераб. и доп. Отв. ред. В.Н. Рогова. Красноярск, 1988.
Куликовский	–	*Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
ЛАБНГ	–	Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах / Пад рэд. М.В. Бірылы, Ю.Ф. Мацкевіч і інш. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.

Лисенко	–	*Лисенко П.С.* Словник поліських говорів. К., 1974.
Лютикова	–	*Лютикова В.Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
Лыткин-Гуляев	–	*Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
Младенов	–	*Младенов С.* Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
Мордов. словарь	–	Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР / Сост.: Э.С. Большакова, Н.П. Кудряшова, П.В. Михалева и др. А–Г, Д–И, К–Л, М–Н–. Саранск, 1978–1986–.
Народная лексіка	–	Народная лексіка. Мінск, 1977.
Новг. словарь	–	Новгородский областной словарь / Авторы-составители: *Клевцова А.В., Никитин А.В., Петрова Л.Я., Строгова В.П.* Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
Новосиб. словарь	–	Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1979.
Носович	–	*Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт	–	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Орловский словарь	–	Словарь орловских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии / Научный редактор Т.В. Бахвалова. Вып. 1–12–. Ярославль; Орел, 1989–2001–.
Перм. словарь	–	Словарь пермских говоров / Сост.: Бажутина Г.В., Борисова А.Н., Подюков И.А., Прокошева К.Н., Федорова Л.В. Шляхова С.С., Мисюра Е.К., Соловьева О.Е. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.
Подвысоцкий	–	*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Полн. сл. сибир.	–	Полный словарь сибирского говора. Вып. 1–4. Томск, 1992–1995.
Преображенский	–	*Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–II. М., 1910–1914. Окончание // Труды ИРЯ. Т. I. М., 1949.
Приамур. словарь	–	Словарь русских говоров Приамурья / Составители: Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец. М., 1983.
Псков. словарь	–	Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б.А. Ларин, А.С. Герд, С.М. Глускина и др. Вып. 1–15–. Л., 1967–2004–.
Радлов	–	*Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1893–1911 (= репринтное издание. М., 1963).
Расторгуева–Эдельман	–	*Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I–II–. М., 2000–2005–.
РБЕ	–	Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1–3. С., 1954–1959.
РСА	–	Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. I–XV. Београд, 1959–1996–.

Селигер	–	Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А.С. Герда. Вып. 1–2–. СПб., 2003–2004–.
Сл. донск. казачества	–	Большой толковый словарь донского казачества / Ред. колл.: В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М., 2003.
Сл. Низ. Печоры	–	Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко. Т. 1–. СПб., 2003–.
Словарь Башкирии	–	Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. проф. З.П. Здобновой. Вып. 1–. Уфа, 1992–.
Словарь Карелии	–	Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
Словарь Прииртышья	–	Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г.А. Садретдиновой. Т. 1–3, 1992–1993; Дополнения – 1. Томск, 1998–.
Словн. ст.-укр. мови XIV–XV ст.	–	Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. / Ред.: Д.Г. Гринчишин, Л.Л. Гумецька, И.М. Керницький. Т. I–II. К., 1977–1978.
Словн. укр. мови	–	Словник української мови. Т. 1–11. К., 1970–1980.
Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі	–	Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / Уклад.: Ю.Ф. Мацкевіч, А.І. Грынавецкене, Я.М. Рамановіч, А.І. Чабярук, Ф.Д. Клімчук і інш. Т. 1–5. Мінск, 1978–1986.
Сл. Русского Севера	–	Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-корр. РАН А.К. Матвеева. Т. I–III–. Екатеринбург, 2001–2005–.
СлРЯ XI–XVII вв.	–	Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред.: С.Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф.П. Филин (вып. 7–10), Д.И. Шмелев (вып. 11–14), Г.А. Богатова (вып. 15–26–). М., 1975–2004–.
СлРЯ XVIII в.	–	Словарь русского языка XVIII в. / Авторы-сост.: А.А. Алексеев, Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова и др. Вып. 1–15–. Л., 1984–2005–.
Сл. Сред. Урала	–	Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988.
Сл. Сред. Урала. Доп.	–	Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. чл.-корр. РАН А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
Смоленск. словарь	–	*Иванова А.И.* Словарь смоленских говоров. Вып. 1–6–. Смоленск, 1974–1993–.
Соликам. словарь	–	Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П. Беляева. Пермь, 1973.
Срезневский	–	*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903 (= 1958, 1989).
СРНГ	–	Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–39). Л., 1966–2005–.
ССРЛЯ	–	Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1956.

Станић. Ускочки	–	*Станић М.* Ускочки речник. Књ. I–II. Београд, речник 1990–1991.
Стијовић. Из лексике Васојевића	–	*Стијовић Р.* Из лексике Васојевића // СДЗб. Расправе и грађа. Књ. XXXVI. Београд, 1990.
Сцяшковіч	–	*Сцяшковіч Т.Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Сцяшковіч. Слоўн.	–	*Сцяшкович Т.Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.
Ткаченко	–	*Ткаченко П.* Кубанский говор / Опыт авторского словаря. М., 1998.
Толстой[4]	–	*Толстой И.И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 4. М., 1970.
Топоров. Прус. яз.	–	Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. A–L. М., 1975–1990.
Тураўскі слоўнік	–	Тураўскі слоўнік / Складальнікі: А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін, П.А. Міхайлаў, Г.М. Трухан. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.
Ушаков	–	Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935.
Фасмер	–	*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973 (= М., 1986–1987; 1996).
Черных	–	*Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1994.
Чукалов[3]	–	*Чукалов С.К.* Болгарско-русский словарь. Изд. 3. София, 1960.
Шагиров	–	*Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
Шаталава	–	*Шаталава Л.Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.
Элиасов	–	*Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
ЭСБМ	–	Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў (Т. 1–8), Г.А. Цыхун (Т. 9–10). Т. 1–10–. Мінск, 1978–2005–.
ЭСРЯ	–	Этимологический словарь русского языка / Гл. ред.: Н.М. Шанский, А.Ф. Журавлев. Вып. 1–9–. М., 1963–1999–.
ЭССЯ	–	Этимологический словарь славянских языков / Под ред. акад. О.Н. Трубачева (Вып. 1–31); акад. О.Н. Трубачева и докт. филол. наук А.Ф. Журавлева (Вып. 32). Вып. 1–32–. М., 1974–2005–.
ЭСТЯ	–	*Севортян Э.В.* Этимологических словарь тюркских языков. Т. I–III. М., 1974–1980. [Севортян Э.В., Левитская Л.С.]. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межетюркские основы на буквы “Ж”, “Җ”, “Й” –. М., 1989–.
Янкова	–	*Янкова Т.С.* Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.
Яросл. словарь	–	Ярославский областной словарь / Ред. колл.: Г.Г. Мельниченко, Л.Е. Кругликова, Е.М. Секретова. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Яшкін – *Яшкін І.Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.

Яшкін. Слоўн. – *Яшкін І.Я.* Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрминаў. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 2005.

Bartholomae – *Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904.

Berneker – *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1908–1913.

Bezlaj – *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–IV. Ljubljana, 1977–2005.

Brückner – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (= 1957, 1970).

Buck – *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonims in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949 (= 1965, 1971).

Doroszewski – Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. T. I–XI. W-wa, 1958–1969.

ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlová, A. Erhart. Seš. 1–12–. Praha, 1989–2004–.

EtymDictAlt – *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, 2003.

EtymWbAhd – *Lloyd A.L., Springer O.* Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen. Bd. I–. Göttingen; Zürich, 1988–.

Falk-Torp – *Falk H.S., Torp A.* Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. 2. Auflage. Oslo, Bergen, 1960.

Feist – *Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprachen. Leiden, 1939.

Fick[4] – *Fick A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 3. Teil: Wortschatz der Germanischen Spracheinheit / Unter Mitwirkung von H. Falk gänzlich umgearbeitet von A. Torp. 4. Aufl. Göttingen–Ruprecht, 1909.

Fraenkel – *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, Göttingen, 1955–1965.

Frisk – *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg, 1954–1972.

Gebauer – *Gebauer J.* Slovník staročeský. D. I–II. Pr., 1903–1916.

Gluhak – *Gluhak A.* Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993.

Hadžic. Rožajski rječnik – *Hadžic I.* Rožajski rječnik (grada za diferencijalni rječnik rožajskog kraja). Rožaje, 2003.

Hesyh. – Hesyhius Alexandrinus. Lexicon. Ed. minor., hgb. M. Schmidt. Jena, 1867.

Histor. Sloven. – Historický slovník slovenského jazyka / Ved. red. M. Majtan. I–V–. Bratislava, 1991–2000–.

Holub–Kopečný – *Holub J., Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Pr., 1952.

Hraste–Šimunović – Čakavisch-deutsches Lexikon / Von M. Hraste und P. Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. Teil 1–2. Köln; Wien, 1979.

Jungmann – *Jungmann J.* Slovník česko-německý. D. I–V. Pr., 1835–1839.

Kálal – *Kálal M.* Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.

Karłowicz – *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. I–VI. Kraków, 1990–1911.

Kluge[20] – *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20 Aufl. Red. W. Mitzka. Berlin, 1967.

Kluge[21] – *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21 unveränderte Aufl. Berlin; New York, 1975.

Kluge[23] – *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearbeiten von E. Seebold. 23. erweiterte Aufl. Berlin; New York, 1995.

Kopečný – *Kopečný Fr.* Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.

Kucała – *Kucała M.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

Lehmann. Goth. Etym. – *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3rd ed. of Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache by S. Feist. Leiden, 1986.

Lex. indogerm. Verb. – Lexicon der indogermanischen Verben. Die Wurzel und ihre Primärstammbildungen / Unter Leitung von H. Retz und der Mitarbeit vieler anderer bearbeitet von M. Kümmel, T. Lehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Wiesbaden, 1998.

Linde[1] – *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. T. I–VI. W-wa, 1807–1814.

Linde[2] – *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. T. I–VI. Lwów, 1854–1860.

LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas / Red. J. Balčikonis (t. I–II), red. kol. J. Kruopas, J. Kabelka, K. Ulvydas atsak red. (t. III–X). T. I–X. Vilnius, 1941–1976.

Lokotsch – *Lokotsch K.* Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.

Lorentz. Pomor. – *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch. B. I–V. B., 1968–1983.

Lorentz. Sl. Wb. – *Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch. T. I–II. St. Petersburg, 1908, 1912.

Machek[1] – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Pr., 1957.

Machek[2] – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého / Druhé, opravené a doplněné vydání. Pr., 1968 (=1971).

Mallory–Adams – *Mallory J.P., Adams D.Q.* Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.

Mayrhofer – *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches. B. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.

Mayrhofer. Alt-indoar. – *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Alt-indoarischen. B. I–II–. Heidelberg, 1986–1996–.

Mažiulis – *Mažiulis V.* Prūsu kalbos etimologijos žodynas. 1–4. Vilnius, 1988–1997.

Miklosich – *Miklosich Fr.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Muka – *Muka E.* Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Bd. I. SPb., 1911–1915. Bd. II–III. Pr., 1926–1928.

Onions – The Oxford Dictionary of English Etymology. Edited by C.T. Onions with the assistance of G.W.S. Friedrichsen and R.W. Burchfield. Oxford, 1966.

Orel AED – *Orel Vladimir.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden etc., 1998.

Orel HGermEt – *Orel V.* A Handbook of Germanic Etymology. Leiden; Boston, 2003.

Pfeifer. EtymWbDeutsch – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarbeitet im Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Berlin, unter der Leitung von W. Pfeifer. 2 Aufl. Berlin, 1993.

Pfuhl – *Pfuhl Dr.* Lužiski-serbski słownik. Budyšin, 1866.

Pleteršnik – *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Knj. I–II. Ljubljana, 1894–1895 (=1974).

Pokorny – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.

Polański – *Polański K.* Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich. Zesz. 1–6. Wrocław; W-wa; Kr., 1962–1994.

PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. Díl. I–VIII. Praha, 1935–1957.

Räsänen – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Rejzek – *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Voznice, 2001.

RJA – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti in umjetnosti. Zagreb, 1880–1976. D. I–XXIII.

Sadnik–Aitzetmüller Vgl.Wb. – *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Vergleichendes Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963–1973. L. 1–6.

Schrader-Nehring. Real. – *Schrader O.* Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. 2. Aufl., herausgearb. N. Nehring. Bd. I–II. Berlin; Leipzig, 1917–1928.

Schuster-Šewc – *Schuster-Šewc* H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen. B. I–IV (Lf. 1–24). Bautzen, 1978–1989.

Schütz – *Schütz J.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. T. 1–52–. Praha, 1958–2005–.

SKES – *Toivonen G., Itkonen E., Joki A., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–II. Helsinki, 1958–1978.

Skok – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Sławski – *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1983.

Sławski. Zarys. – *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. 1–3. Wr. etc., 1974–1979.

Sł. stpol. – Słownik staropolski / Pod red. S. Urbańczyka. T. I–XI–. W-wa, 1953–2002–.

Snoj[2] – *Snoj Marko.* Slovenski etimološki slovar. Druga, pregledana izdaja. Ljubljana, 2003.

SP	– Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII–. Wr. etc., 1974–2002–.
SSJ	– Slovnik slovĕnského jazyka / Ved. red. dr. Št. Peciar. D. I–VI. Br., 1959–1968.
SSKJ	– Slovar slovenskega knjižnega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
Stang	– *Stang Chr.S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsö, 1966.
Sychta	– *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I–VII. Wroclaw etc. 1967–1976.
Škaljić	– *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979.
Torp	– *Torp A.* Nynorsk etymologisk ordbok. Kristiania, 1919.
Trautmann	– *Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Vaillant. Gramm. comparée	– *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I–V. Paris; Lyon, 1950–1977.
Vasmer	– *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Heidelberg, 1953–1958.
Vries. Altnord.	– *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Leiden, 1977.
Vries. Nederl. etym.	– *Vries J. de.* Nederlands etymologisch woordenbock. Leiden, 1963.
Walde-Hofmann	– *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von J.B. Hofmann. Heidelberg, 1938.
Walde–Pokorny	– *Walde A., Pokorny J.* Vergleichendes Wörterbuch des indogermanischen Sprachen. B. I–II. Berlin; Leipzig, 1928–1932.

БЕ	– Български език
ВСЯ	– Вопросы славянского языкознания
ВЯ	– Вопросы языкознания
JФ	– Јужнословенски филолог
ОИЯ	– Основы иранского языкознания
РФВ	– Русский Филологический Вестник
СбНУ	– Сборник за народни умотворения, наука и книжнина

AfslPh	– Archiv für slavische Philologie
IF	– Indogermanische Forschungen
KZ	– Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
SOr	– Slavia Orientalis
ZfS(l)	– Zeitschrift für Slawistik

ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ

абазинск. – абазинский
абж. – абжуйский
абхаз. – абхазский
авар. – аварский
авест. – авестийский
агульск. – агульский
адыг. – адыгский
адыгейск. – адыгейский
азерб. – азербайджанский
алан. – аланский
алб. – албанский
алт. – алтайский
амур. – амурский
англ. – английский
англосакс. – англосаксонский
андийск. – андийский
араб. – арабский
арийск. – арийский
арм. – армянский
арханг. – архангельский
арчин. – арчинский
атт. – аттический
ахвах. – ахвахский
багв. – багвалинский
бакс. – баксанский
бактр. – бактрийский
балкар. – балкарский
балт. – балтийский
балто-слав. – балто-славянский
бартанг. – бартангский
батум. – батумский
бацб. – бацбийский
башкир. – башкирский
бзыб. – бзыбский
беслен. – бесленский
блр. – белорусский
болг. – болгарский
ботл. – ботлихский
брет. – бретонский
брян. – брянский
будух. – будухский
булг. – булгарский
бундахишн. – язык Будахишна
в.-вычег. – верхневычегодский диалект коми
в.-луж. – верхнелужицкий
в.-нем. – верхненемецкий
в.-сысол. – верхнесысольский диалект коми
валаш. – валашский
валл. – валлийский
вахан. – ваханский
вед. – ведийский
вейнах. – вейнахский/вейнахские
венг. – венгерский
вепс. – вепсский
влад. – владимирский
вогул. – вогульский
вод. – водский
волж.-фин. – волжско-финский
волог. – вологодский
ворон. – воронежский
вост.-кавк. – восточно-кавказский
вост.-слав. – восточно-славянский
вост.-чеш. – восточно-чешский
вым. – вымский диалект коми
вят. – вятский
герм. – германский
горьк. – горьковский
гот. – готский
греч. – греческий
груз. – грузинский
гунзиб. – гунзибский
дак. – дакийский

дарг. – даргинский
дигор. – дигорский
донск. – донской
доперм. – допермский
дор. – дорийский
др.-англ. – древнеанглийский
др.-в.-нем. – древневерхненемецкий
др.-венг. – древневенгерский
др.-греч. – древнегреческий
др.-инд. – древнеиндийский
др.-иран. – древнеиранский
др.-ирл. – древнеирландский
др.-исл. – древнеисландский
др.-перс. – древнеперсидский
др.-польск. – древнепольский
др.-прус. – древнепрусский
др.-рус. – древнерусский
др.-сакс. – древнесаксонский
др.-тюрк. – древнетюркский
др.-фриз. – древнефризский
др.-чув. – древнечувашский
др.-швед. – древнешведский
забайк. – забайкальский
занск. – занский
зап.-морав. – западноморавский
заурал. – зауральский
зильск. – зильский
и.-е. – индоевропейский
иван.-вознес. – иваново-вознесенский
ижем. – ижемский диалект коми
ильмен. – ильменский
ингуш. – ингушский
индоар. – индоарийский
индо-иран. – индоиранский
ион. – ионийский
иран. – иранский
ираноарийск. – ираноарийский
ирл. – ирландский
ирон. – иронский
исп. – испанский
италийск. – италийский
итал. – итальянский
ишкаш. – ишкашимский
йид. – йидига
кабард. – кабардинский
казан. – казанский
казах. – казахский
кайк. – кайкавский
калин. – калининский
калм. – калмыцкий
калуж. – калужский
камч. – камчатский
караим. – караимский
карач.-балкар. – карачаево-балкарский
каргоп. – каргопольский
карел. – карельский
карел.-ливв. – карельсколиввийский
кафир. – кафирский
кашуб. – кашубский
кашуб.-словин. – кашубско-словинский
кельт. – кельтский
кемер. – кемеровский
кимр. – кимрский
киргиз. – киргизский
киров. – кировский
кольск. – кольский
коми-зыр. – коми-зырянский
костр. – костромской
краснояр. – красноярский
кубан. – кубанский
курган. – курганский
курд. – курдский
курск. – курский
кумык. – кумыкский
кушан. – кушанский
лазск. – лазский
лакск. – лакский
лат. – латинский
лезг. – лезгинский
леск. – лескский
лет. – летский говор коми
ливв. – ливвиковский
ливск. – ливский
лит. – литовский
лтш. – латышский
луз. – лузский говор коми
луз.-лет. – лузско-летский диалект коми
люд. – людиковский

ляш.	–	ляшский
малоаз.	–	малоазийский
макед.	–	македонский
маних.	–	манихейский
манс.	–	мансийский
мар.	–	марийский
мегр.	–	мегрельский
меот.	–	меотский
миз.	–	мизийский
мин.	–	минойский
млд.-авест.	–	младо-авестийский
монг.	–	монгольский
морав.	–	моравский
морд.	–	мордовский
моск.	–	московский
мунджан.	–	мунджанский
н.-вычег.	–	нижневычегодский диалект коми
н.-греч.	–	новогреческий
н.-луж.	–	нижнелужицкий
н.-нем.	–	нижненемецкий
н.-перс.	–	новоперсидский
нем.	–	немецкий
нидерл.	–	нидерландский
нижегор.	–	нижегородский
нижнемакарьев.	–	нижнемакарьевский
нов.-в.-нем.	–	нововерхненемецкий
новг.	–	новгородский
новоисл.	–	новоисландский
новорос.	–	новороссийский
новосиб.	–	новосибирский
ног.	–	ногайский
норв.	–	норвежский
о.-иран.	–	общеиранский
о.-тюрк.	–	общетюркский
о.-перм.	–	общепермский
олон.	–	олонецкий
онеж.	–	онежский
оренб.	–	оренбургский
орл.	–	орловский
осет.	–	осетинский
османо-тур.	–	османо-турецкий
осташ.	–	осташковский
патс.	–	диалект Патсйоки
пенз.	–	пензенский
перм.	–	пермский
перс.	–	персидский
пехл.	–	пехлевийский
печор.	–	печорский диалект коми
поволжск.	–	поволжский
полаб.	–	полабский
польск.	–	польский
пра-и.-е.	–	праиндоевропейский
прагерм.	–	прагерманский
праиран.	–	праиранский
пракартв.	–	пракартвельский
праслав.	–	праславянский
прекмур.	–	прекмурский
приамур.	–	приамурский
приангар.	–	приангарский
прибалт.	–	прибалтийский
присыктыв.	–	присыктывкарский диалект коми
прус.	–	прусский
псков.	–	псковский
родоп.	–	родопский
роксан.	–	роксанский
рум.	–	румынский
рус.	–	русский
рус.-цслав.	–	русско-церковнославянский
рутул.	–	рутульский
рушан.	–	рушанский
ряз.	–	рязанский
саам.	–	саамский
сак.	–	сакский
самар.	–	самарский
санскр.	–	санскрит
сарм.	–	сарматский
сарм.-алан.	–	сармато-аланское языковое состояние
сарык.	–	сарыкольский
сахалин.	–	сахалинский
сван.	–	сванский
свердл.	–	свердловский
сев.-вост.	–	северовосточный
сев.-двинск.	–	северодвинский
сев.-кавк.	–	северокавказский
сев.-рус.	–	севернорусский
сем.-хам.	–	семито-хамитский
серб.	–	сербский
сиб.	–	сибирский

силез.	–	силезский
симб.	–	симбирский
сирийск.	–	сирийский
скиф.	–	скифский
слав.	–	славянский
словац.	–	словацкий
словен.	–	словенский
словин.	–	словинский
смол.	–	смоленский
согд.	–	согдийский
сонгел.	–	сонгельский
ср.-англ.	–	среднеанглийский
ср.-болг.	–	среднеболгарский
ср.-в.-нем.	–	средневерхненемецкий
ср.-ирл.	–	среднеирландский
ср.-н.-нем.	–	средненижненемецкий
ср.-нидерл.	–	средненидерландский
ср.-перс.	–	среднеперсидский
ср.-сысол.	–	среднесысольский диалект коми
ст.-болг.	–	староболгарский
ст.-лит.	–	старолитовский
ст.-луж.	–	старолужицкий
ст.-осет.	–	староосетинский
ст.-перс.	–	староперсидский
ст.-польск.	–	старопольский
ст.-рус.	–	старорусский
ст.-слав.	–	старославянский
ст.-укр.	–	староукраинский
ст.-фриг.	–	старофригийский
ст.-чеш.	–	старочешский
сугд.	–	сугдайский
с.-хорв.	–	сербохорватский
табас.	–	табасаранский
тавр.-гот.	–	таврический готский
тадж.	–	таджикский
талыш.	–	талышский
тамб.	–	тамбовский
татар.	–	татарский
татск.	–	татский
твер.	–	тверской
терск.	–	терский
тихв.	–	тихвинский
тобол.	–	тобольский
толмин.	–	толминский
том.	–	томский
тофалар.	–	тофаларский
тох.	–	тохарский
тувин.	–	тувинский
тул.	–	тульекий
тур.	–	турецкий
туран.	–	туранский
туркм.	–	туркменский
туров.	–	туровский
тюмен.	–	тюменский
тюрк.	–	тюркский
убых.	–	убыхский
удинск.	–	удинский
удм.	–	удмуртский
удор.	–	удорский диалект коми
узб.	–	узбекский
уйгур.	–	уйгурский
укр.	–	украинский
урал.	–	уральский
урарт.	–	урартский
уфим.	–	уфимский
фар.	–	фарерский
фесс.	–	фессалийский
фин.	–	финский
фин.-угор.	–	финно-угорский
фрак.	–	фракийский
франц.	–	французский
хабар.	–	хабаровский
хант.	–	хантыйский
хетт.	–	хеттский
хорв.	–	хорватский
хорезм.	–	хорезмийский
хотано-сак.	–	хотано-сакский
хуф.	–	хуфский
цахур.	–	цахурский
цез.	–	цезский
ц.-слав.	–	церковнославянский
цыган.	–	цыганский
чагат.	–	чагатайский
чакав.	–	чакавский
чам.	–	чамалинский
черепов.	–	череповецкий
черк.	–	черкесский
черниг.	–	черниговский
черноврш.	–	черноврщский
черногор.	–	черногорский
чечен.	–	чеченский

чечен.-инг.	–	чечено-ингушский
чеш.	–	чешский
чираг.	–	чирагский
чуваш.	–	чувашский
шапсуг.	–	шапсугский
швед.	–	шведский
шорск.	–	шорский
шток.	–	штокавский
шугн.	–	шугнанский
эст.	–	эстонский
ю.-вост.	–	южновосточный
ю.-слав.	–	южнославянский
южн.	–	южный
ягноб.	–	ягнобский
язг.	–	язгулямский
язьв.	–	коми-язьвинский диалект коми
якут.	–	якутский
яросл.	–	ярославский
ясск.	–	ясский

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Научное издание

Этимология

2003–2005

Утверждено к печати
Ученым советом Института
русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *Т.М. Скрипова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Т.А. Печко, М.Д. Шерстенникова

Подписано к печати 22.01.2007
Формат 60 × 90$^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 25,1. Усл.кр.-отт. 25,4. Уч.-изд.л. 27,6
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 3946

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 **www.LitRAS.ru** E-mail: info@litras.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7«Б»; (код 812) 235-40-64

Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3433) 50-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@ krasmail.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru; (Бук. отдел 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 621-55-96 (Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru
101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; 624-72-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой"); (код 3833) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62, 23-47-74 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09
www.LitRAS.ru
E-mail: info@litras.ru
zakaz@litras.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77